

СТИВЕН

БЕССОННИЦА

КИНГ

СТИВЕН
КИНГ

БЕССОННИЦА

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Coe)-44

K41

Серия «Король на все времена»

Stephen King

INSOMNIA

Перевод с английского

*Н.А. Гордеевой, О.В. Рошупкиной и Т.Ю. Покидаевой
под общей редакцией Т.Ю. Покидаевой*

Компьютерный дизайн В.И. Лебедевой

Печатается с разрешения автора и литературных агентств
The Lotts Agency и Andrew Nurnberg.

Кинг, Стивен.

К41 Бессонница : [роман: перевод с английского] / Стивен Кинг — Москва: Издательство АСТ, 2017. — 764, [4] с. — (Король на все времена).

ISBN 978-5-17-079700-4

Бессонница рано или поздно проходит — так подсказывает житейский опыт. Но что делать, если она растягивается на многие месяцы? Если бессонные ночи наполнены кровавыми видениями, которые подозрительно напоминают реальность? Ральф Робертс не знает ответов на эти вопросы, наверняка ему известно лишь одно: еще немного — и он сойдет с ума...

УДК 821.111-313.2(73)

ББК 84 (7Coe)-44

© Stephen King, 1994

© Перевод. Т.Ю. Покидаева, 2003

© Издание на русском языке AST Publishers, 2017

Тадди... и Элу Куперу, который знает правила игры
Я ни в чем не виноват.

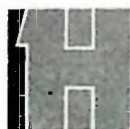

ПРОЛОГ

Старость — это остров, окруженный смертью.

Хуан Монтальво. О прекрасном

1

Никто — и тем более Доктор Литчфилд — не сказал Ральфу Робертсу напрямую, что его жена умирает, но пришло время, и Ральф понял это сам, без чьей-либо подсказки. Месяцы между мартом и июнем слились в сплошную кошмарную беготню — это было время бесконечных бесед с врачами, вечерних пробежек в больницу с Каролиной, поездок в другие больницы в другие штаты для каких-то специальных анализов (большую часть времени, проведенного в этих поездках, Ральф не уставал благодарить Бога за то, что у Каролины был страховой полис «Голубого креста», покрывающий часть расходов, связанных с пребыванием в больницах) и самостоятельных изысканий в Публичной библиотеке Дерри: сначала — в поисках чего-то, что могли проглядеть специалисты, потом — просто в поисках надежды, соломинки, за которую можно было бы ухватиться.

Эти четыре месяца были похожи на какой-то жуткий карнавал, куда тебя затащили по пьяни, — на карнавал, где люди на аттракционах действительно кричат от страха, люди, потерявшиеся в зеркальных лабиринтах, теряются по-настоящему, а обитатели Павильона Уродов глядят на тебя с кривыми улыбочками на губах и неподдельным ужасом в глазах.

Это странное впечатление возникло у Ральфа еще в середине мая, а когда наступил июнь, он понял, что все эти ребята в больничных поках норовят впарить ему какие-то шарлатанские снадобья, что исцелением здесь и не пахнет, а веселый скрип карусели уже не мог скрыть траурного похоронного марша, звучащего из динамиков. Да, это был карнавал — карнавал потерянных душ.

В первые недели девяноста второго года Ральф продолжал гнать от себя эти ужасные образы — и еще более страшную мысль, которая маячила там, за ними, — но в начале июля он понял, что дальше обманывать себя уже невозможно. В тот год стояла жуткая жара — такой жары в штате Мэн не было с семьдесят первого года, — и Дерри стал настоящей баней из подернутого дымкой солнца, невыносимой влажности и средней дневной температуры около сотни по Фаренгейту*. Город — отнюдь не шумный мегаполис и в более благоприятные времена — теперь окончательно впал в сонный ступор, и в этой жаркой тишине Ральф Робертс впервые услышал, как тикают часы смерти, и понял, что за этот короткий месяц — от прохладного июня до тяжелого душного июля — мизерные шансы Каролины на спасение и вовсе сошли на нет. Она скоро умрет. Может, и даже скорее всего, не этим летом (у докторов на руках обычно имеются кое-какие козыри, и Ральф был уверен, что и на этот раз что-то такое есть), но осенью или зимой — это точно. Человек, с которым он прожил долгие годы, единственная женщина, которую он любил в этой жизни, — умрет. Ральф гнал от себя эти мысли, обзывая себя старым параноиком, но в звенящей тишине жарких летних дней ему непрестанно слышалось это страшное тиканье — иногда ему казалось, что оно доносится даже из стен.

Но все-таки громче всего этот звук был в самой Каролине, и когда она поворачивалась к нему со своим спокойным бледным лицом — чтобы попросить его включить радио, пока она готовит фасоль на ужин, или принести ей мороженого из магазинчика «Красное яблоко», — в эти мгновения он понимал, что и она тоже слышит эти призрачные часы. Он это видел в ее темных глазах: и когда она была еще в сознании, и даже потом —

* около 35 градусов по Цельсию. — *Примеч. пер.*

когда ее взгляд уже был затуманен болеутоляющими таблетками, которые она принимала горстями. К тому времени тиканье стало уже очень громким, и в то душное лето, когда Ральф лежал без сна — когда одна простыня весила целую тонну, когда начинало казаться, что все собаки в Дерри воют на луну, — он слушал, слушал, как тикают часы смерти внутри Каролины, и ему представлялось, что его сердце сейчас разорвется от горя и ужаса. Сколько ей еще придется страдать, прежде чем все будет кончено? И сколько еще придется страдать ему? А главное, как ему жить потом, без нее?!

Именно в этот странный и жуткий период своей жизни Ральф начал совершать долгие и даже изнурительные прогулки. Он гулял жаркими летними днями и сумеречными вечерами, иногда он возвращался домой настолько уставшим, что даже не мог поесть. Он все еще ждал и надеялся, что Каролина будет ругать его и отговаривать, что она скажет: «Зачем ты себя истязашь, старый дурак? Ты точно угробишь себя, если будешь столько ходить по такой жаре!» Но Каролина ничего не говорила, и постепенно он начал понимать, что она скорее всего и не знает об этих его долгих прогулках. Она была в курсе, что он куда-то выходит. Но она ничего не знала о всех тех милях, которые он проходил пешком, и не понимала, что он возвращается совершенно измученным, зачастую дрожа от усталости и едва не схлопотав солнечный удар. А ведь когда-то Ральфу казалось, что она замечает все — даже малейшие изменения в его прическе. Когда-то, но не теперь; опухоль в мозгу уже лишила ее былой наблюдательности, а скоро заберет и жизнь.

И он гулял, наслаждаясь жарой, даже несмотря на то что у него часто кружилась голова и звенело в ушах, — наслаждаясь по большей части именно из-за этого. Иногда у него звенело в ушах несколько часов кряду, причем звенело так громко и голова гудела так сильно, что он не слышал тиканья часов смерти, отмеряющих время, оставшееся Каролине.

Тем летом, в тот жаркий июль, он исходил почти весь Дерри — седой узкоплечий старик с большими руками, еще годными для работы, даже для самой тяжелой работы. Он гулял

от Витчам-стрит до Пустошей, от Канзас-стрит до Нейболт-стрит, от Главной улицы до Моста Поцелуев, но чаще всего ноги несли его по Харрис-авеню, где его по-прежнему прекрасная и по-прежнему любимая Каролина Робертс проживала свой последний год в тумане жутких головных болей и морфина, к Окружному аэропорту Дерри — там не росли деревья, и аэропорт был полностью открыт беспощадному летнему солнцу. Он шел вперед, пока ноги чуть ли не отнимались, и только потом поворачивал обратно.

Обычно он останавливался, чтобы перевести дыхание, в тенистой зоне для пикников неподалеку от служебного входа в аэропорт. По ночам здесь собиралась местная молодежь, они пили, курили травку, из магнитофонов доносились рваные звуки рэпа, но днем здесь, как правило, заседала компания — друзья и знакомые Ральфа, — которую его сосед Билл Макговерн называл «Клубом старперов с Харрис-авеню». Старперы собирались почти каждый день, чтобы поиграть в шахматы, попить джина или просто потрепаться. Многих из них Ральф знал долгие годы (а со Стэном Эберли они вместе ходили в начальную школу), и ему с ними было вполне комфортно... пока они не становились слишком настырными. Большинство, кстати, вели себя очень тактично. В основном это были настоящие янки, как говорится, старой закалки, и они придерживались того принципа, что человек сам выбирает, о чем ему говорить с другими, и не надо его донимать расспросами.

Как раз во время одной из таких прогулок Ральф впервые заметил, что с его соседом Эдом Дипно творится что-то неладное.

2

В тот день Ральф прошел по продолжению Харрис-авеню гораздо дальше, чем ходил обычно, может быть, из-за того, что на небе собирались тучи, закрывшие солнце, и временами дул прохладный ветерок. Он впал в некое подобие прострации — шел вперед, не думая ни о чем и глядя только себе под ноги. А

потом самолет рейса 445 United Airlines из Бостона пролетел у него почти над головой, возвращая его обратно в мир зубодробительным скрежетом моторов.

Ральф посмотрел, как самолет пролетел над старыми железнодорожными вагонами и над оградой аэропорта и приземлился на посадочную полосу, выпустив клубы синего дыма. Потом он взглянул на часы, увидел, что уже поздно, и перевел взгляд на оранжевую крышу ресторанчика при бензоколонке. Да, он действительно пребывал в прострации; он сам не заметил, как прошел без малого пять миль.

Время Каролины, пробормотал у него в голове глухой голос.

Да, все правильно. Время Каролины. Она сидит сейчас одна, в пустой квартире, считая минуты до того момента, когда ей нужно будет опять принимать «Комплекс Дарвона» или как там оно называется, а он стоит в самом дальнем конце аэропорта... чуть ли не на полпути к Ньюпорту.

Ральф взглянул на небо и только теперь — в первый раз — увидел синюшно-багровые тучи, собирающиеся над аэропортом. Конечно, это еще не значит, что обязательно будет дождь, но если дождь все-таки будет, то скорее всего Ральф под него попадет, а укрыться здесь негде, разве что в маленькой беседке на площадке для пикников, там всегда пахнет пивом.

Он еще раз взглянул на оранжевую крышу маленького ресторанчика, потом сунул руку в правый карман и нащупал там пачку денег, скрепленную серебряным зажимом, который Каролина подарила ему на последний юбилей. Ему ничто не мешало пойти в ресторанчик и вызвать такси до дома... разве что смутное опасение, что таксист сочтет его за идиота. Старый дурак, скажут ему глаза в зеркале заднего вида. Старый дурак, и чего тебя понесло в такую даль в такой жаркий день. Хорошо еще, что ты шел пешком. Если бы ты не пешком шел, а плыл, то на таком расстоянии ты бы давно утонул.

Опять у тебя паранойя, Ральф, сказал внутренний голос, и его покровительственный тон напомнил Ральфу Билла Макговерна.

Что ж, может, оно и так, а может, и нет. В любом случае Ральф решил, что пойдет обратно пешком. В конце концов дождя может и не быть.

А что, если будет не просто дождь? В прошлом году в августе шел такой град, что по всей западной стороне в домах выбивало стекла.

— Значит, пусть будет град, — сказал Ральф вслух. — Я так просто не сдамся.

Он медленно пошел обратно к шоссе, продолжению Харрис-авеню, поднимая при каждом шаге маленькие облачка пыли. На западе, где собирались тучи, уже слышались первые раскаты грома. Солнце, хотя и померкшее, все же не хотело сдаваться без боя — резало тучи острыми золотыми лучами и просвечивало сквозь рваные облака, как гигантский кинопроектор. Ральф вдруг понял, что совсем не жалеет о своем решении пойти домой пешком, даже несмотря на боль в ногах и спине.

По крайней мере во всем этом есть один плюс, подумал он. Сегодня я буду спать как убитый.

Аэропорт — акры и акры сухой коричневой травы с ржавыми вагонами, утонувшими в ней, как остатки кораблекрушения — теперь был слева. Вдалеке, за оградой, виднелся «Боинг-747» компании United Airlines. Он казался размером с детскую игрушку и медленно катился по взлетно-посадочной полосе по направлению к маленькому терминалу, который делили United и Delta.

И тут взгляд Ральфа случайно упал на еще одно транспортное средство — это была машина, отъезжающая от главного терминала, который находился в ближней части аэропорта. Она ехала через взлетно-посадочную полосу по направлению к служебному входу в аэропорт, от которого начиналось шоссе — продолжение Харрис-авеню. Ральф повидал немало машин, въезжающих в аэропорт и выезжающих из аэропорта: ворота были всего-то в семидесяти ярдах от того места, где собирался «Клуб старперов с Харрис-авеню». Но когда машина подъехала к воротам, Ральф узнал ее. Это был «датсун» Эда и Элен Дипно... и он ехал понастоящему быстро.

Ральф остановился, не осознавая, что его руки сами сжались в кулаки в тот момент, когда маленькая коричневая ма-

шинка подъехала к закрытым воротам. Чтобы открыть ворота снаружи, нужна была магнитная карточка, изнутри ворота открывались сами — на фотоэлементах системы электронного слежения. Но датчик был очень близко к воротам, слишком близко к воротам, а машина ехала на такой скорости...

В самый последний момент (или Ральфу только показалось) маленькая коричневая машинка резко затормозила перед воротами, выпустив из-под колес облачка синего дыма, которые напомнили Ральфу о приземлившемся «боинге», а потом ворота начали медленно открываться. Ральф разжал кулаки.

Из окна водителя высунулась рука и замахала вверх-вниз, как бы подгоняя ворота. В этом было что-то настолько нелепое, что Ральф невольно улыбнулся. Но улыбка померкла почти мгновенно. Усиливающийся ветер с запада, где были тучи, донес до него крики водителя «датуна»:

— Ну ты, ублюдочный сукин сын! Недоносок! Урод! Быстрее! Быстрее, мать твою! Чтоб ты всю жизнь жрал дерьмо, козел гребаный!

— Это не может быть Эд Дипно, — пробормотал Ральф. Он сдвинулся с места и пошел дальше своей дорогой, сам того не осознавая. — Это точно не он.

Эд был химиком, работал в Исследовательской лаборатории Хоукинса во Фреш-Харбор, и Ральф всегда считал, что Эд Дипно — один из самых культурных и вежливых молодых людей, кого он знает. И сам Ральф, и тем более Каролина очень любили жену Эда Элен и их новорожденную дочурку Натали. В те тяжелые времена только Натали могла отвлечь Каролину от ее страшной болезни. Элен это чувствовала и достаточно часто приходила к ним в гости с Натали. Эд никогда не был против. А ведь есть и такие люди, которые никогда бы не позволили своей жене бегать к соседям каждый раз, когда их ребенок выкинет какую-нибудь новую очаровательную штучку, и особенно если соседская бабушка тяжело больна. Но Эд к таким не относился. Иногда Ральфу казалось, что этот парень не сможет даже послать человека к черту, не мучаясь потом угрызаниями совести, но...

— Ты, мудака гребаный! Шевели своей жирной дерьмовой задницей, сколько ждать можно! Слышишь, ты? Урод!

Но это был голос Эда. Даже на таком расстоянии — две, а то и все три сотни ярдов — было слышно, что это именно голос Эда.

Водитель «датсуна» нервно дергал замок зажигания, как ребенок на игрушечной машинке, ждущий зеленого света на светофоре. Облака дыма валили из выхлопной трубы. Как только ворота открылись — даже не до конца, но вполне достаточно, чтобы там мог проехать «датсун», — машина с ревом сорвалась с места и проскочила в образовавшуюся щель. Теперь Ральф сумел разглядеть водителя как следует. Он был достаточно близко, и сомнений уже не осталось: это был именно Эд.

«Датсун» поехал по короткой заасфальтированной дорожке, что вела от ворот к продолжению Харрис-авеню. Вдруг Ральф услышал гудок и увидел синий «форд-рейнджер», который ехал по шоссе и в данный момент отчаянно пытался увильнуть от несущегося ему навстречу «датсуна». Водитель пикапа слишком поздно заметил опасность, а Эд, казалось, вообще ничего не видел (только позже Ральф понял, что скорее всего Эд нарочно пошел на таран). Раздался скрежет тормозов и глухой удар — «датсун» въехал в бок «форда». Пикап вынесло на встречную полосу. Капот «датсуна» погнулся, крышка отскочила наверх, одна фара отвалилась и упала на асфальт. А мгновение спустя обе машины застыли посреди дороги наподобие некоей жуткой скульптуры.

Ральф еще немного постоял на месте, глядя, как из-под машины Эда вытекает лужица масла. На своем веку — почти семьдесят лет, ни много ни мало — он повидал достаточно автокатастроф. Большинство из них были пустячными столкновениями, но случались и серьезные аварии, и Ральфа всегда удивляло и завораживало, как быстро все происходило и как буднично выглядело — ничего трагичного, если на первый взгляд. Это не кино, когда камера может замедлить показ, и не видеосъемка, где изображение можно пустить по кадрам, если хочется повнимательнее рассмотреть, как машина падает

в пропасть, или прокрутить пленку несколько раз, вникая в детали. В жизни это всегда происходит как серия быстро сменяющихся картинок и сопровождающих их резких звуков: визг тормозов, удары металлических частей, звон разбитого стекла. А потом — *voilà* — все кончено.

Для таких случаев существовал даже некий негласный свод правил поведения: «Как должен вести себя тот, кто попал в аварию на маленькой скорости». Ральф часто думал об этом. В Дерри ежедневно случалось около дюжины пустячных дорожных происшествий — летом и примерно в два раза больше — зимой, когда шел снег и на дорогах был гололед. Вы выходите из машины, тот, с кем вы столкнулись, тоже выходит, вы встречаетесь там, где столкнулись ваши машины, вы смотрите на них, вы качаете головой. Иногда — хотя, если честно, достаточно часто — эта стадия общения сопровождается забористой нецензурной бранью, каждый винит другого (зачастую не разбираясь, кто действительно виноват), каждый делает вывод об умении другого водить машину, каждый вопит, что дело должно пойти в суд. Но Ральфу всегда казалось, что на самом деле все эти люди хотят сказать только одно: *Слушай, дурак, ты напугал меня до смерти!*

Финальным па в этом танце обоюдной скорби был «Обмен сокровенными номерами карточек соцстрахования», и к этому моменту водителям уже, как правило, удавалось худо-бедно контролировать свои эмоции... до обоих наконец доходило, что никто не пострадал. Иногда даже случалось, что под конец водители жали друг другу руки.

И сейчас, похоже, был именно такой случай.

Ральф приготовился понаблюдать — тем более что его «наблюдательный пункт» располагался вполне удобно, меньше чем в ста пятидесяти ярдах от места аварии, — но когда дверца «датсуна» открылась, он сразу понял, что здесь все будет совсем по-другому: что все еще только начинается. И в конце этого представления никто не станет обмениваться рукопожатиями.

Дверца не просто открылась, она распахнулась. Эд Дипно вышел наружу, а потом просто застыл возле своей машины. Его силуэт темнел на фоне сгущающихся туч. На нем были поношен-

ные джинсы и футболка. Ральф вдруг понял, что до сегодняшнего дня никогда не видел Эда в рубашке, которая не была бы застегнута на все пуговицы. И еще у него было что-то на шее: длинное и белое. Шарф? Это было похоже на шарф, но кому придет в голову надевать шарф в такую жару?!

Итак, Эд на мгновение застыл возле своей разбитой машины. Казалось, он смотрел во все стороны, но только не на саму машину. Он резко дергал головой — как петух, который осматривает свой двор, пытаясь понять, не вторгся ли кто чужой на его территорию. И было в этом что-то такое, что встретило Ральфа. Он никогда раньше не видел Эда в таком состоянии, но это была только одна из причин. Даже не главная из причин. А главная заключалась в том, что он никогда раньше не видел, чтобы хоть кто-то вел себя подобным образом.

На западе громыхнул гром, на этот раз — громче. И ближе.

Человек, вылезший из «рейнджера» был раза в два, если не в три, шире Эда Дипно. Его здоровенное брюхо нависало над ремнем зеленых рабочих брюк, а на рубаше под мышками расползались огромные пятна пота. Свою кепку с надписью «Садовники Вест-Сайда» он сдвинул на затылок, чтобы получше рассмотреть человека, который в него врзался. Его широкое квадратное лицо было абсолютно белым, если не считать двух ярких красных пятен на скулах, и Ральф подумал: *Вот отличный претендент на скоропалительный сердечный приступ. Если бы я стоял поближе, то наверняка бы увидел полопавшиеся сосуды у него в глазах.*

— Эй! — закричал здоровяк на Эда. Голос, исходящий из его мощной широкой груди, был неожиданно и нелепо высоким, почти писклявым. — Ты что, права на рынке купил, придурок?

Эд резко повернул голову на звук, на голос этого большого мужчины — почти что запеленговал сигнал, по крайней мере так показалось Ральфу, — и тогда Ральф впервые увидел глаза Эда. Внутри сразу сработал сигнал тревоги, и он неожиданно для себя сорвался с места и побежал к месту происшествия. Эд между тем шагнул к мужчине в пропотевшей белой рубашке и

кепке. Он шел нетвердой походкой вдугарину пьяного человека, высоко подняв плечи и подволакивая ноги, — это было совсем не похоже на его обычный легкий шаг.

— Эд! — закричал Ральф, но порывистый ветер — холодный и теперь уже явно предвещающий дождь — отнес его слова в сторону чуть ли не раньше, чем он успел их произнести. И конечно же, Эд его не услышал. Ральф побежал быстрее, забыв о боли в ногах и спине, потому что в широко распахнутых, немигающих глазах Эда он увидел смерть. У него, разумеется, не было опыта, на котором могла бы базироваться эта странная уверенность, но тут невозможно было ошибиться: такой взгляд бывает, наверное, у бойцовых петухов, когда их натравливают друг на друга. — Эд! Эй, Эд, подожди! Не надо! Это я, Ральф!

И опять — никакой реакции, хотя Ральф сейчас был так близко, что Эд просто не мог его не услышать, несмотря на усиливающийся ветер. А вот здоровяк обернулся, и Ральф увидел в его глазах страх и неуверенность. Потом он повернулся обратно к Эду и примирительно поднял руки:

— Послушай, мы можем договориться...

И это было все, что он успел сказать. Эд сделал еще один быстрый шаг вперед, протянул свою худую руку — в сгущающихся сумерках она показалась Ральфу очень белой — и ударил Здоровяка по лицу. Звук был похож на выстрел пневматического ружья.

— Скольких ты уже убил? — спросил Эд.

Открыв рот, Здоровяк вжался в свою машину, его глаза широко распахнулись. Но Эд на этом не успокоился: он подошел к Здоровяку вплотную и замер на месте, как будто и не замечая, что водитель пикапа был выше его сантиметров на десять и тяжелее килограммов на пятьдесят, если не больше. Эд снова ударил его.

— Ну давай! Смелее, мальчик. Скольких ты уже убил? — Его голос сорвался на крик, который утонул в первом, настоящему серьезном ударе грома.

Здоровяк оттолкнул его — это был жест не агрессии, а обыкновенного страха, — и Эд отлетел к капоту своего «датсуна». Он тут же вскочил, сжав кулаки и собираясь наброситься на Здоровяка, который вжался в дверцу своей машины. Его кепка съехала набок, а рубашка вылезла из штанов. Не понятно с чего, в голове у Ральфа мелькнуло воспоминание: «Три приколота», короткометражка, которую он видел много лет назад, Ларри, Керли и Мо изображали маляров, не имеющих ни малейшего представления об этой профессии, — и он вдруг почувствовал неожиданную симпатию к этому здоровяку, который хоть и выглядел нелепо, был явно напуган до смерти.

А вот Эд Дипно отнюдь не выглядел нелепо. Со сжатыми губами и широкими, немигающими глазами, он действительно был похож на бойцового петуха.

— Я знаю, чем ты занимался, — прошептал он Здоровяку. — И что за комедию ты вздумал передо мной разыгрывать? Ты что же, думал, тебе и твоим дружкам-мясникам удачи вот так вот просто...

В этот момент, тяжело дыша и сопя, как старая выючная лошадь, Ральф подбежал к Эду и положил руку ему на плечо. Жар под рубашкой был просто невыносимым — как будто кладешь руку в горячую печь, — и когда Эд обернулся, чтобы взглянуть на Ральфа, у того возникло мимолетное (но незабываемое) ощущение, что и смотрит он тоже в горящую печь. Он никогда раньше не видел такой всепоглощающей и беспричинной ненависти в человеческих глазах; он даже и не подозревал, что такая ярость вообще может существовать.

Первое, что хотел сделать Ральф, так это немедленно отскочить в сторону, но он подавил в себе этот порыв и остался на месте. У него было стойкое ощущение, что если он отойдет назад, Эд накинется на него, как какой-нибудь бультерьер, и буквально искушает зубами. Конечно, это был уже полный бред. Эд был химиком-исследователем, Эд состоял в книжном клубе «Лучшая книга месяца» (из тех, которые предлагают своим членам широкий выбор совершеннейшей макулатуры, а если ты ничего не выбрал, тогда будь добр выложить денежки за

чудный трехтомник «История Крымской войны»), Эд был мужем Элен и отцом Натали. Черт возьми, Эд был его другом.

...вот только это был вовсе не Эд, и Ральф прекрасно это понимал.

И вместо того чтобы отойти назад, Ральф подался вперед, обнял Эда за плечи (такие горячие плечи под тонкой рубашкой, просто невероятно горячие) и развернул его таким образом, чтобы Эд смотрел на него, а не на Здоровяка.

— Эд, прекрати! — сказал он громко и твердо, но при этом достаточно спокойно. Это обычно помогает, когда у людей случаются истерики. — С тобой все в порядке! Прекрати!

Пару мгновений Эд вообще не реагировал, а потом перевел взгляд на Ральфа. Это было немного, но уже кое-что. Ральф все равно почувствовал некоторое облегчение.

— Что с ним такое? — спросил Здоровяк из-за спины Ральфа. — Вы думаете, он рехнулся?

— Я думаю, он в полном порядке, — сказал Ральф, хотя был уверен в обратном. Он говорил, почти не разжимая губ, и не отводил глаз от Эда. Он не решался отвести от него глаза: сейчас только этот взгляд связывал его с Эдом, и терять эту связь ему совсем не хотелось. — Он просто на взводе после аварии. Обыкновенный шок. Ему нужно пару минут, чтобы...

— Лучше спроси, что у него под брезентом! — вдруг завопил Эд и показал через плечо Ральфа. Сверкнула молния, и на мгновение на лице Эда четко обозначились все изъязвы и шрамы, оставшиеся от подросткового периода. Это было похоже на какую-то странную карту. Прогремел гром. — Хей, хей, Сьюзан Дей! — запел Эд высоким, почти детским голоском, от которого Ральфа пробрала дрожь. — Ты сколько сегодня убила детей?

— Никакой это не шок, — нахмурился Здоровяк. — Он же форменный псих. И когда сюда приедет полиция, уж я сделаю все, чтобы его забрали в дурдом, где ему самое место!

Ральф обернулся и взглянул на голубую пленку, натянутую на кузов пикапа. Пленка была привязана яркой желтой веревкой. Под ней, судя по форме, было что-то круглое.

— Ральф? — робко спросил чей-то голос.

Он глянул налево и увидел Дорранса Марстеллара. В свои девяносто с чем-то Дорранс был самым старым из всех старперов с Харрис-авеню, и сейчас он стоял за машиной Здоровяка. В его восковых, почти прозрачных руках была какая-то дешевая книжка, и Дорранс нервно сгибал ее и разгибал, окончательно портя корешок. Наверное, это был очередной томик поэзии. Дорранс вообще не читал ничего, кроме поэзии, во всяком случае, Ральф не видел, чтобы он читал что-то другое. А может быть, Дорранс вообще ничего никогда не читал, может, ему просто нравилось держать в руках книжки и рассматривать буквы.

— Ральф, что случилось?

Над головой опять засверкали молнии — лилово-белые нити электричества в темном небе. Дорранс взглянул вверх, как будто не был уверен, где он сейчас, кто он такой и что он видит. Ральф вздохнул про себя.

— Дорранс... — начал было он, но в этот момент сзади дернулся Эд, как дикий зверь, который успокоился лишь для того, чтобы поднакопить сил. Ральф пошатнулся, но устоял на ногах и снова прижал Эда к капоту его «датсуна». Он был близок к панике — не знал, что и как делать дальше. Слишком много всего происходило сразу. Он чувствовал, как по его *рукам ходят ходуном мышцы* Эда. Впечатление было такое, что парень как-то исхитрился проглотить ту самую молнию, которая недавно сверкала над ними в небе.

— Ральф? — спросил Дорранс тем же ровным, но чуть встревоженным тоном. — Я бы на твоём месте его больше не трогал. Я не вижу твоих рук.

Замечательно. Просто прелестно. Еще один ненормальный. Вот чего не хватало для полного счастья.

Ральф взглянул на свои руки, потом обернулся к старику.

— О чем ты, Дорранс?

— Я о твоих руках, — терпеливо пояснил тот. — Я не вижу твоих...

— Дор, тебе тут не место. Давай ты сейчас просто исчезнешь, а?

При этих словах старик чуть ли не просиял.

— Да! — У него был голос человека, которому только что открылась величайшая истина. — Именно это я и собирался сделать! — Он дал задний ход, но когда в небе вновь прогремел гром, замер на месте, съезжился и прикрыл голову книжкой, которую держал в руках. Ральф сумел даже прочесть название на обложке, написанное яркими красными буквами: «Подбери лошадку с норовом». — И тебе, кстати, советую сделать то же, Ральф. Не стоит вмешиваться в дела долгосрочников. Это чревато...

— Я не понимаю...

Но прежде чем Ральф успел договорить, Дорранс повернулся к нему спиной и поплелся к площадке для пикников. Редкие седые волосы развевались вокруг его головы, как нимб святого — или как пушок на голове новорожденного.

Одна проблема решилась, но радость Ральфа была недолгой. Эд на время отвлекся на Дорранса, но сейчас он снова злобно смотрел на Здоровяка.

— Ублюдок! — прошипел он. — Имел я тебя и мать твою тоже!

Здоровяк нахмурил густые брови.

— Что?!

Эд опять сфокусировал взгляд на Ральфе, которого узнал только сейчас.

— Спроси, что у него под пленкой, — выкрикнул он. — Пусть этот сучий убийца покажет, что у него под пленкой.

Ральф посмотрел на Здоровяка:

— Что там у вас?

— А тебе-то какое дело? — набычился Здоровяк, пытаясь быть агрессивным и грубым. Он поймал взгляд Эда Дипно и отошел еще на пару шагов назад.

— Мне-то все равно, а вот его это волнует. — Ральф показал на Эда. — Просто помогите мне его успокоить, ладно?

— Вы его знаете?

— Убийца! — закричал Эд и так рванулся в объятия Ральфа, что тот невольно отступил на шаг. И все-таки что-то сдвинулось с мертвой точки. Ральфу показалось, что пугающий, пустой

взгляд в глазах Эда потихоньку сменяется более осмысленным выражением. Теперь казалось, что перед ним все-таки Эд, чуть-чуть больше Эда, чем раньше... или он просто выдавал желаемое за действительное. — Убийца, убийца детей!

— Господи, какой бред, — сказал Здоровяк, но все-таки подошел к кузову, отвязал одну из веревок и отогнул угол пленки. Под ней лежали четыре контейнера с надписью «ПРОТИВ СОРНЯКОВ». — Органическое удобрение. — Здоровяк перевел взгляд с Эда на Ральфа и обратно на Эда. — Я весь день проторчал в саду Психиатрического отделения местной больницы, где тебе, дружок, самое место.

— Удобрения? — тупо переспросил Эд. Казалось, он разговаривает сам с собой. Он медленно поднял руку и потер левый висок. — Удобрения?

Он был похож на человека, который пытается докопаться до сути какого-то очень простого, но тем не менее заковыристого вопроса.

— Удобрения, — согласился Здоровяк. Он взглянул на Ральфа: — Этот парень больной на голову, причем на всю, вы уже в курсе?

— Он слегка растерялся, вот и все, — с сомнением произнес Ральф. Он подошел поближе к пикапу и постучал по крышке одной из бочек. Потом повернулся к Эду: — Всего лишь контейнеры с удобрениями. Теперь все нормально?

Ответа не было. Эд поднял вторую руку и принялся растирать правый висок. Он был похож на человека, который страдает жуткой мигренью.

— Все нормально? — повторил Ральф спокойно.

Эд на мгновение закрыл глаза, а когда снова открыл, Ральф увидел в его глазах какой-то странный блеск. Может быть, это были слезы. Эд облизнул губы — сначала правый, потом левый уголок рта. Он взял свой шарф и протер им лоб, и Ральф увидел, что на шарфе нарисованы китайские иероглифы. Красные значки по краю.

— Да, наверное... — начал Эд, а потом резко замолчал. Его глаза вновь широко распахнулись, и Ральфу это совсем не

понравилось. — Младенцы! — прошипел Эд. — Ты меня слышишь? Младенцы!

Ральф снова прижал его к машине, в третий или четвертый раз, он уже сбился со счета.

— О чем ты, Эд? — внезапно его озарила догадка. — Натали? Ты беспокоишься о Натали?

Бледная, хитрая улыбка коснулась губ Эда. Он посмотрел сквозь Ральфа на Здоровяка:

— Удобрения, говорите? Ну, если там действительно удобрения, вы ведь не откажетесь открыть одну из бочек?

Здоровяк наградил Ральфа тяжелым многозначительным взглядом.

— Чуваку нужен доктор, — заметил он.

— Может быть. Но мне показалось, что он уже потихонечку успокаивается. Не могли бы вы открыть одну из этих бочек? Может, ему от этого полегчает.

— Да, конечно. Говно вопрос.

Еще одна вспышка молнии, еще один раскат грома — на этот раз он, казалось, накрыл всю землю, — и за шиворот Ральфу упали первые капли дождя. Он посмотрел налево и увидел Дорранса Марстеллара. Старик стоял на входе на площадку для пикников и с тревогой смотрел на их троицу.

— Дождь будет нехилый, похоже на то, — сказал Здоровяк. — А я не могу допустить, чтобы это все промокло. Начнется химическая реакция. Так что смотрите быстро. — Он ощупал одну из бочек, покопался в кузове и достал оттуда лом. — Я, наверное, такой же псих, как и он, если я это делаю, — доверительно сообщил он Ральфу. — Я о чем... я спокойно ехал домой, вез вот эту бодягу с работы. А он в меня врезался.

— Давай, — сказал Ральф. — Это займет всего пару секунд.

— Ага, — упрямо отозвался Здоровяк, просовывая плоский конец лома под крышку одной из бочек. — Зато воспоминаний — на всю оставшуюся жизнь.

Опять прогремел гром, и Здоровяк не расслышал, что сказал Эд. А вот Ральф услышал, и внутри у него все похолодело.

— Эти бочки набиты трупами мертвых детей, — сказал Эд. — Вот увидишь.

Здоровяк поддел крышку. В голосе Эда была такая непоколебимая уверенность, что Ральф почти ожидал увидеть в контейнере крошечные ручки и макушки маленьких головок. Но вместо этого его взору открылась смесь голубых кристаллов и какого-то бурого порошка. Запах, шедший от бочки, был очень сильным и похожим на торфяной, с легкой примесью каких-то химикатов.

— Ну что, посмотрели? Довольны теперь? — спросил Здоровяк, вновь обращаясь к Эду. — Я же вам не маньяк какой-то. Что скажете?

На лице Эда промелькнуло что-то похожее на смущение, и когда снова ударил гром, он вздрогнул. Потом наклонился, протянул руку к открытой бочке и вопросительно посмотрел на водителя «форда».

Тот кивнул ему. Почти сочувственно, как показалось Ральфу.

— Конечно, можешь потрогать, мне по фигу. Только если пойдет дождь, пока это дерьмо будет у тебя в руке, танцевать будешь не хуже Траволты. Оно жжется.

Эд засунул руку в бочку, зачерпнул ладонью немного смеси и посмотрел, как она протекает сквозь пальцы. Потом растерянно взглянул на Ральфа (в этом взгляде было еще и смущение, как показалось Ральфу) и засунул руку в бочку по локоть.

— Эй, — закричал Здоровяк. — Это тебе не коробка с крекерами!

На мгновение на лице Эда появилась хитрая ухмылка — взгляд, говорящий: «Знаю я ваши штучки», — а потом она снова сменилась смущением, когда и в глубине он не нашел ничего, кроме все тех же удобрений. Когда он вытащил руку из бочки, она была пыльной и пахла химической смесью. Еще одна вспышка молнии озарила улицу и аэропорт, а удар грома почти оглушил Ральфа.

— Вытри быстрее руку, пока не пошел дождь, я тебя предупреждаю, — сказал Здоровяк. Он сунул руку в окно своей машины и достал оттуда пакет из «Макдоналдса». Потом вы-

удил из него несколько салфеток и протянул их Эду, который с отсутствующим видом принялся стирать удобрение со своей руки. Здоровяк тем временем закрыл бочку, забив пробку на место одним ударом могучего кулака, и бросил взгляд на потемневшее небо. Когда Эд дотронулся до его плеча, он шарахнулся в сторону и посмотрел на него с испугом.

— По-моему, мне надо извиниться, — сказал Эд, и на этот раз его голос звучал совершенно нормально.

— Веселый ты парень, как я погляжу, — отозвался Здоровяк, и в его голосе было искреннее облегчение. Он накрыл бочки пленкой и привязал ее обратно. Наблюдая за ним, Ральф невольно задумался о том, какой все-таки хитрый вор — время. Когда-то он мог с такой же легкостью упаковать что угодно. Он и сейчас тоже может, но теперь этот процесс отнимает у него как минимум две минуты и, может быть, плюс к тому три-четыре матерных слова.

Здоровяк вновь повернулся к ним, скрестив руки на своей необъятной груди.

— Вы видели аварию? — спросил он у Ральфа.

— Нет, — мгновенно отозвался тот. Он так и не понял, почему соврал, но решение было принято сразу. — Я смотрел, как приземляется самолет. Компании United.

К его изумлению, щеки Здоровяка снова пошли красными пятнами. Ты тоже за ним следил, внезапно подумал Ральф. И не просто смотрел, как он приземляется, иначе ты бы так не покраснел... ты еще и наблюдал за тем, как он подруливает к терминалу.

И дальше все стало понятно. Толстяк был уверен, что авария произошла по его вине или что так могут решить полицейские, которые станут заниматься этим делом. Он засмотрелся на самолет и не заметил, как Эд выехал из ворот аэропорта и вылетел на Харрис-авеню.

— Послушайте, мне действительно очень жаль, — еще раз повторил Эд, и выглядел он не просто виноватым, он выглядел совершенно подавленным. Ральф вдруг поймал себя на

том, что он всерьез раздумывает, насколько можно доверять этому выражению Эда, и понимает ли он,

(Хей, хей, Сьюзан Дей)

что тут вообще происходит... и кто такая, черт возьми, эта самая Сьюзан Дей.

— Я ударился головой о руль, — продолжал Эд, — и, судя по всему, мне хорошенько стукнуло по мозгам, понимаете?

— Да, кажется, понимаю, — сказал Здоровяк. Он поднял голову, посмотрел на темное грозовое небо, потом вновь перевел взгляд на Эда. — У меня есть предложение, приятель.

— Какое предложение?

— Давай просто обменяемся именами и номерами телефонов и не будем затевать всю эту бодягу со страховкой и прочим дерьмом. А потом каждый поедет своим путем.

Эд неуверенно взглянул на Ральфа, но тот лишь пожал плечами.

— Если приедет полиция, — продолжал Здоровяк, — у меня могут возникнуть проблемы. Они выяснят, что прошлой зимой я тоже попадал в аварию и теперь езжу по временному разрешению. И само собой, они постараются обвинить меня во всех смертных грехах, даже если окажется, что я ничего не нарушил. Понимаешь, о чем я?

— Да, — кивнул Эд. — Кажется, понимаю. Но эта авария произошла полностью по моей вине. Я превысил скорость...

— Да и столкновение-то пустячное, кажется, — сказал Здоровяк, потом с тревогой оглянулся и посмотрел на обе машины. Затем он опять обратился к Эду: — Ты потерял немного масла, но оно уже не течет. Я думаю, до дому ты доберешься... если, конечно, ты живешь в городе. Ты ведь в городе живешь?

— Да, — сказал Эд.

— А я тебе заплачу за ремонт, ну... до пятидесяти баксов точно.

Ральфа посетила еще одна догадка, почему водитель «форда» вдруг так резко изменил манеру поведения и вместо агрессии перешел чуть ли не на откровенную лесть. ДТП прошлой

зимой? Да, скорее всего. Но Ральф никогда не слышал о такой штуке, как временное разрешение. Так что, судя по всему, это все была просто чушь, и мистер Садовник Вест-Сайда ездил вообще без прав. Но ситуацию осложняло вот что: Эд говорил чистую правду, авария произошла по его вине.

— Если мы просто разойдемся с миром и поедем по домам, — продолжал Здоровяк, — мне не придется опять объяснять полиции, что произошло прошлой зимой, а тебе не придется рассказывать, почему ты выскочил из машины, начал бить меня и кричать, что у меня полный грузовик трупов.

— Я что, правда такое говорил? — не поверил Эд.

— Ты же сам знаешь, что говорил, — с усмешкой сказал толстяк.

Голос с легким французско-канадским акцентом спросил:

— Эй, ребята, у вас тут все в порядке? Никто не пострадал? О, Ральф, дружище, это ты?

На борту подъехавшего грузовика красовалась надпись ХИМ-ЧИСТКИ ДЕРРИ, и Ральф увидел, что за рулем сидит один из братьев Вашон из Олд-Кейпа. Скорее всего Триггер — самый младший.

— Это я, — сказал Ральф. Сам не зная почему, да и не спрашивая себя о причинах — это был скорее инстинкт, чем какое-то осмысленное решение, — он подошел к Триггеру, обнял его за плечи и повел обратно к грузовику из прачечной.

— Эй, а те ребята в порядке?

— В порядке, в полном порядке. — Ральф глянул назад и увидел, что Эд и Здоровяк стоят около своих машин и что-то оживленно обсуждают. Очередная порция дождевых капель пролилась с неба и забарабанила по брезенту, как неторопливые пальцы стучат по столу.

— Ну вот и славно, — удовлетворенно кивнул Триггер Вашон. — А как твоя женушка, Ральф?

Ральф вздрогнул и почувствовал себя, как человек, вспомнивший уже за ленчем, что, уходя на работу, он забыл выключить утюг.

— Господи Иисусе, — прошептал он и посмотрел на часы, надеясь на четверть шестого, на половину шестого — самое позднее, но на часах было без десяти шесть. Уже двадцать минут Каролина ждала, что он принесет ей суп и половину сэндвича. Она скорее всего беспокоилась. А если принять во внимание, что за окном сверкали молнии и грохотал гром, она могла еще и испугаться. И если все-таки пойдет дождь, она не сможет даже закрыть окно — у нее почти не осталось сил.

— Ральф, — встревожился Триггер. — Что такое?

— Ничего, — отозвался Ральф. — Я просто пошел гулять и совсем забыл о времени. Потом случилась эта авария... и... ты не мог бы подбросить меня до дома, Триггер? Я тебе заплачу.

— Не, не надо мне платить, — сказал Триггер. — Мне все равно по пути. Заваливайся, Ральф. С этими двумя точно все будет в порядке? Они не начнут бить друг другу морды или еще чего?

— Вряд ли, — усмехнулся Ральф. — Сейчас, подожди минутку.

— Конечно.

Ральф подошел к Эду.

— Ну что, у вас все нормально? Разобрались?

— Да, — сказал Эд. — Мы решили уладить все это между нами. В конце концов, по большому счету все ограничилось разбитым стеклом.

Теперь он наконец стал самим собой, и большой мужчина в белой рубашке смотрел на него почти с уважением. Ральф все еще волновался за Эда, но он решил, что тут и без него прекрасно разберутся. Ему очень нравился Эд Дипно, но этим летом его главной заботой был вовсе не Эд, а Каролина. Каролина и та штуковина, которая тикала в стенах их спальни и в самой Каролине — всю ночь напролет.

— Замечательно, — сказал он Эду. — Я еду домой. Мне надо приготовить Каролине ужин, а я уже опаздываю.

Он пошел было прочь, но Здравяк остановил его и протянул руку.

— Джон Тэнди, — сказал он.

Ральф пожал руку.

— Ральф Робертс. Рад познакомиться.

Тэнди улыбнулся:

— С учетом всех обстоятельств, сомневаюсь, конечно, что вы очень рады... но я правда рад, что вы так вовремя появились. Еще пара секунд и, мне кажется, мы бы начали бить друг другу морды.

Мне тоже так кажется, подумал Ральф, но не сказал этого вслух. Он посмотрел на Эда, окинул взглядом непривычную футболку и белый шарф с красными иероглифами. Он не стал вглядываться в глаза Эда — все-таки он еще не совсем отошел от произошедшего.

— С тобой точно все в порядке? — спросил Ральф еще раз. Ему пора было уходить, Каролина и так заждалась, но он все-таки волновался. Его не покидало стойкое ощущение, что все еще не совсем в порядке, даже совсем не в порядке.

— Да, все хорошо, — быстро проговорил Эд и улыбнулся, но одними губами. Эта улыбка не коснулась его темных зеленых глаз. Они внимательно изучили Ральфа, как бы пытаясь понять, что он видел на самом деле... и что он

(Хей, хей, Сьюзан Дей)

запомнил.

}

В кабине грузовика Триггера Вашона пахло чистой одеждой. Этот запах почему-то всегда напоминал Ральфу запах свежего хлеба. Пассажирского сиденья там не было, и он стоял, держась одной рукой за ручку двери, а другой — за корзину из прачечной.

— Слышь, Ральф, там что-то странное происходит с этими двумя, — сказал Триггер, глядя в зеркало заднего вида.

— Ты и половины всего не знаешь, — ответил Ральф.

— Я знаю, что парень за рулем этой колымаги — Дипно, так его, что ли, зовут. У него очень славная женушка, видел я ее как-то. И вообще вроде бы нормальный парень.

— Сегодня он был слегка не в себе, — сказал Ральф.

— Что, шило в заднице засвербило?

— Да скорее целый набор слесарных инструментов.

Триггер рассмеялся над этой шуткой, уронив голову на руль.

— Ха, набор инструментов. Здорово! Просто супер! Я это запомню! — Триггер вытер глаза огромным носовым платком. — Кажется, мистер Дипно выехал из служебных ворот, да?

— Да, все правильно.

— Кажется, чтобы оттуда выехать или въехать, нужен пропуск? У мистера Ди он есть?

Ральф задумался, нахмурился и покачал головой:

— Не знаю. Я как-то об этом не думал. Надо будет спросить его в следующий раз, как увижу.

— Ага, спроси, — сказал Триггер. — И еще спроси, как там поживают слесарные инструменты. — Триггер снова расхохотался, так что опять пришлось вынимать носовой платок.

Когда они выехали на Харрис-авеню, наконец разразилась гроза. Града не было, но пошел отменный летний ливень, такой сильный, что поначалу Триггеру пришлось снизить скорость.

— Вау! — уважительно сказал он. — Ничего себе. Мне это напоминает грозу восемьдесят пятого, когда полгорода превратилось в большой канал! Помнишь, Ральф?

— Да, — отозвался Ральф. — Будем надеяться, что этого не повторится.

— Ну да, — усмехнулся Триггер и прищурился, пытаясь разглядеть дорогу сквозь дождь и работающие дворники. — Дренажную систему вроде бы починили, так что все будет в порядке. Классно!

Сочетание холодного дождя и теплого воздуха внутри машины привело к тому, что стекло запотело. Ральф сам не понял, что его дернуло, но он протянул руку и нарисовал на стекле фигуру:

— Что это? — спросил Триггер.

— На самом деле понятия не имею. Похоже на что-то китайское, правда? Такие штуки были нарисованы на шарфе у Эда Дипно.

— Что-то знакомое вроде бы, — сказал Триггер, еще раз взглянув на рисунок. Потом протянул руку и стер его. — Слушай, Ральф. По-китайски я знаю только «кому-та херовата». Да и то это вроде бы по-японски.

Ральф улыбнулся, хотя ему было не до смеха. Это все из-за Каролины. Он просто не мог не думать о ней: не мог не представлять себе открытые окна и занавески, которые шевелились, как призрачные руки, когда шел дождь.

— Ты все так и живешь в том двухэтажном домике около «Красного яблока»?

— Да.

Триггер притормозил у обочины, подняв фонтаны воды. Дождь все еще лил как из ведра. Молнии то и дело вспарывали небо, грохотал гром.

— Лучше тебе посидеть в машине, пока дождь чуть-чуть не утихнет, — сказал Триггер. — Я думаю, еще пять минут она подождет.

— Со мной все будет в порядке. — Ральф не думал, что его что-то может задержать пусть даже на полминуты. Даже наручники. — Спасибо, Триг.

— Подожди секундочку! Дай я тебе хоть кусок пленки дам — наденешь на голову, как капюшон.

— Да не надо, я так...

Он даже не стал договаривать мысль до конца. Его вдруг охватила беспричинная паника. Он распахнул дверцу грузовика и выскочил, приземлившись в глубокую лужу. Даже не обернувшись, он помахал Триггеру на прощание и поспешил по тропинке к дому, который они с Каролиной делили с Биллом Макговерном, на ходу пытаясь нащупать в кармане ключи. Но поднявшись на крыльцо, он понял, что ключи ему не понадобятся — дверь была нараспашку. Билл, который жил внизу, частенько забывал ее запирать, и Ральфу очень хотелось верить, что это действительно Билл, а не Каролина, которая пошла его искать и попала в грозу. О такой возможности ему не хотелось даже задумываться.

Он вбежал в сумрачный коридор, вздрогнув от очередного удара грома над головой, и прошел к лестнице. Постоял там

минутку, положив руку на перила и прислушиваясь к тому, как вода с его мокрых штанов и рубашки капает на деревянный пол. Потом он пошел вверх. Ему очень хотелось побежать, но оказалось, что он больше не может бегать после всего, что случилось сегодня. У него бешено колотилось сердце, а промокшие кеды были как якоря, которые задерживали каждый шаг, и почему-то перед глазами до сих пор стоял Эд Дипно и то, как он вертел головой, выходя из «датсуна», — резко и быстро, из-за чего был похож на бойцового петуха.

Третья ступенька, как всегда, скрипнула под ногой, и как бы в ответ сверху раздалися шаги. Но они не успокоили Ральфа, потому что это были чужие шаги — не Каролины. Он это понял сразу, и когда на лестнице появился Билл Макговерн с бледным и обеспокоенным лицом, нервно теребящий свою панаму, Ральф был не очень-то и удивлен. Всю дорогу от аэропорта он чувствовал, что что-то случилось, ведь так? Да. Но, учитывая обстоятельства, это вряд ли можно было бы назвать предчувствием. Когда все в твоём мире приходит к некоему определенному уровню неправильности, то уже сложно что-либо изменить или повернуть вспять: все становится только хуже и хуже. И наверное, где-то на подсознательном уровне он всегда это знал. Он только не знал протяженности этой неправильной трассы.

— Ральф, — крикнул Билл. — Слава Богу! У Каролины... ну, я думаю, что-то вроде приступа. Я только что позвонил в 911, просил их прислать «скорую».

Ральф вдруг понял, что, несмотря ни на что, он все-таки сможет пробежать остаток лестницы.

4

Она лежала на полу, на пороге между кухней и комнатой, волосы закрывали ее лицо. Ральфу подумалось, что в этом есть что-то особенно страшное: это смотрелось неряшливо, а Каролина ни за что в жизни не позволила бы себе выглядеть неряшливо. Он сел перед ней на колени и убрал волосы с ее глаз и

лба. Кожа под его пальцами была холодной, как его ноги в мокрых кедах.

— Я хотел перенести ее на диван, но она слишком тяжелая, — нервно проговорил Билл. Он снял панаму и снова принялся вертеть ее в руках. — А у меня спина, ты же знаешь.

— Я знаю, Билл, все в порядке. — Ральф осторожно просунул руки под спину Каролины и поднял ее с пола. Она не показалась ему тяжелой. Наоборот. Она была легкой — почти такой же, как одуванчик, на который вот-вот подуют, и белые пушинки разлетятся во все стороны. — Слава Богу, что ты был дома.

— Меня почти не было. — Билл пошел следом за Ральфом в комнату. Он так и терзал свою панаму. Ральфу он чем-то напомнил Дорранса Марстеллара с его книжкой стихов. *На твоём месте я бы его не трогал*, сказал старый Дорранс. *Я не вижу твоих рук*. — Я уже собрался уходить, когда услышал какой-то грохот наверху... наверное, это она упала...

Билл посмотрел в окно, за которым бушевала гроза. Его лицо было одновременно безумным и каким-то неприятным... алчным, что ли... а глаза, казалось, искали что-то, чего там не было. Потом в глазах Билла опять появилось осмысленное выражение.

— Дверь, — сказал он. — Похоже, она там открыта! Дождь все зальет! Я сейчас вернусь, Ральф.

Он вышел чуть ли не бегом. Но Ральф этого не заметил: сегодняшний день был похож на какой-то нелепый кошмар. И хуже всего было это кошмарное тиканье — сейчас его не заглушал даже гром.

Он положил Каролину на диван и сел перед ней на корточки. Ее дыхание было прерывистым и каким-то уж слишком быстрым, а запах изо рта — просто ужасным. Но Ральф не отвернулся.

— Держись, дорогая. — Он поднял ее руку — она была почти такой же холодной, как и ее лоб — и нежно поцеловал. — Главное, держись. Все в порядке, все хорошо.

Но он сам понимал, что все плохо. Это тиканье означало, что все далеко не в порядке. Теперь тикало уже не в стенах

(честно сказать, там никогда и не тикало, в стенах), теперь тикало только в его жене. В Каролине. В его милой, единственной Каролине. Она уходила от него... и что ему делать без нее?!

— Только держись, — повторил он. — Держись, слышишь? — Он снова поцеловал ее руку и прижал к своей щеке. И заплакал только тогда, когда услышал вой сирен «скорой помощи».

5

Каролина пришла в себя в карете «скорой помощи», по дороге в больницу (дождь закончился, снова выглянуло солнце, и мокрые улицы блестели), и поначалу она разговаривала так невнятно, что Ральф уже уверился в том, что у нее инфаркт. Потом она окончательно пришла в себя и заговорила гораздо яснее, но тут случился второй приступ, и Ральфу вместе с санитаром, который принимал вызов, пришлось ее держать.

Ральф ждал в комнате для посетителей на третьем этаже. Но к нему вышел совсем не доктор Литчфилд, а какой-то Джамаль, невролог. Доктор Джамаль говорил тихим, «успокоительным» голосом. Он сказал, что Каролине сейчас уже лучше, но на ночь ее оставят в больнице, просто чтобы удостовериться, что с ней все в порядке, а утром она уже сможет вернуться домой. Врачи собирались использовать новые препараты — дорогие, конечно, но говорят, что они творят чудеса.

— Не надо терять надежду, мистер Робертс, — сказал доктор.

— Да, — отозвался Ральф. — Конечно, не надо. А это чему-то поможет?

Доктор Джамаль улыбнулся. Он говорил тихим, приятным голосом, который казался еще приятнее из-за его легкого индийского акцента. И хотя он не сказал Ральфу всей правды, не сказал, что Каролина умрет, он все-таки был к этому ближе, чем кто бы то ни было за весь этот долгий год, на протяжении которого его жена так отчаянно боролась за жизнь. Новые лекарства, сказал Джамаль, скорее всего предотвратят возмож-

ные рецидивы приступов, но болезнь уже дошла до той стадии, когда любые прогнозы стоит принимать на веру с очень большой поправкой. К несчастью, несмотря на все усилия врачей, опухоль продолжала расти.

— Скоро могут возникнуть проблемы с двигательно-опорным аппаратом, — сказал доктор Джамаль своим тихим спокойным голосом. — И боюсь, что со зрением тоже.

— Могу я провести эту ночь с ней? — тихо спросил Ральф. — Ей так будет спокойнее спать. — Он помолчал, а потом добавил: — И мне тоже.

— Конечно, — просиял доктор Джамаль. — Это замечательная идея.

— Да, — сказал Ральф. — Мне тоже так кажется.

И он сидел рядом со своей спящей женой, и слушал тиканье, которое было совсем не в стенах, и думал: *Когда-нибудь скоро — может быть, этой осенью, а может, зимой — я вернусь в эту комнату вместе с ней.* Это было не предположение, скорее — пророчество. Он наклонился и положил голову на простыню, которая прикрывала грудь жены. Он не хотел снова плакать, но все-таки заплакал.

Это тиканье... Такое громкое и такое ровное.

Мне бы очень хотелось добраться до этой штуки, что издает эти звуки, подумал он. Я бы расколотил ее на куски, я бы топтал ее ногами, пока она не разлетелась бы на сотни мелких кусочков. Бог свидетель, я бы именно так и сделал.

Он уснул в кресле почти сразу после полуночи, а когда проснулся на следующее утро, воздух был прохладнее, чем накануне, и Каролина уже проснулась, в полном порядке, с ясными глазами. Казалось, что она вообще здорова. Ральф отвез ее домой и вновь приступил к своей тяжелой работе: делать последние месяцы ее жизни максимально приятными. И он еще долго не вспоминал про Эда Дипно; даже когда на лице

Элен стали появляться синяки, он все равно еще долго не вспоминал про Эда.

Когда лето сменилось осенью, а осень — зимой, последней зимой Каролины, Ральф уже не мог думать ни о чем другом, кроме этих часов смерти, которые тикали все громче и громче, пусть даже и замедлили ход.

Но тогда у него еще не было проблем со сном.

Проблемы начались позже.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

МАЛЕНЬКИЕ ЛЫСЫЕ ДОКТОРА

Между теми, кто может спать, и теми, кто спать не может, — бездонная пропасть. Это один из важнейших критериев разделения человеческой расы.

Айрис Мердок. «Монахини и солдаты»

Глава 1

1

примерно через месяц после смерти жены Ральф Робертс впервые в жизни узнал, что такое бессонница.

Поначалу эта проблема не казалась такой уж серьезной, но со временем становилось все хуже и хуже. Где-то спустя полгода после первых приступов бессонницы Ральф дошел до предела. К концу лета девяноста третьего он начал всерьез задумываться о том, каково это будет: провести весь остаток жизни в сумеречном состоянии полусна-полубодствования. Конечно, до этого не дойдет, убеждал он себя, ни за что не дойдет.

Но был ли он в этом уверен? На самом деле, нет. И вот это его угнетало больше всего. Тем более что все книги по проблемам нарушения сна, которые Майк Хэнлон сумел найти для него в Публичной библиотеке Дерри, вовсе не помогали. Они все почему-то противоречили друг другу. В одних бессонницу называли симптомом какого-то более серьезного заболевания, в других писали, что это вполне самостоятельная болезнь, а в одной из них Ральф вычитал даже, что бессонница — это не более чем миф. Но проблема была еще глубже; насколько Ральф уразумел из книг, никто точно не знал, что такое сон, каковы его механизмы и что происходит с человеком, когда он спит.

Он прекрасно осознавал, что пора бы уже перестать изображать из себя исследователя-любителя и пойти к доктору, но оказалось, что это очень непросто — заставить себя. И дело, наверное, было в том, что он до сих пор относился к доктору Литчфилду с некоторым подозрением. В конце концов именно Литчфилд поначалу определил опухоль Каролины как обычные головные боли из-за давления (к тому же у Ральфа было подозрение, что доктор Литчфилд, убежденный холостяк, просто-напросто рассудил, что это просто нервное и Каролина сама напридумывала себе всяких болезней), а потом, когда Каролине поставили правильный диагноз, Литчфилд делал все возможное, чтобы как можно реже общаться с Робертсами. Ральф даже не сомневался, что если бы он спросил доктора Литчфилда прямо, почему он так упорно избегает встреч, тот бы ответил, что он ничего не избегает, просто он передал Каролину Джамалю, специалисту в данной конкретной области... все вполне справедливо и честно. Именно так, как надо. Да. Вот только Ральф не упускал возможности заглянуть в глаза Литчфилду во время их редких и кратких встреч в период между июлем, когда у Каролины начались первые приступы, и мартом, когда она умерла, и в глазах доктора он видел вину и неловкость. Во всяком случае, Ральфу так показалось. Это был взгляд человека, которому больше всего на свете хочется забыть о том, как он облажался. И Ральф был уверен, что единственная причина, почему он спокойно общается с доктором Литчфилдом и не пытается наброситься на него с кулаками, заключается в том, что доктор Джамаль объяснил ему, что заболевание Каролины почти невозможно диагностировать на ранней стадии, а к тому времени, когда у Каролины начались головные боли, опухоль уже разрослась и начала проникать в другие участки мозга.

В конце апреля доктор Джамаль уехал в Южный Коннектикут, где открыл частную практику, и Ральф не успел поговорить с ним о своей бессоннице. Ему почему-то казалось, что Джамаль выслушал бы его, как никогда не сумеет выслушать доктор Литчфилд.

К концу лета Ральф прочел уже достаточно специальной литературы по интересующему его вопросу, чтобы понять, что та бессонница, которая мучает его по ночам, если и не была каким-то уж уникальным клиническим случаем, все же встречается реже, чем обычное нарушение медленной фазы сна. Люди, не страдающие бессонницей, входят в первую стадию сна, называемую в медицинской литературе медленной стадией, в среднем минут через десять после того, как ложатся спать. А у тех, кто страдает бессонницей, этот процесс занимает значительно больше времени, и иногда люди не могут заснуть часа три, и все это время они пребывают как бы на грани между сном и реальностью. Нормальные здоровые люди входят в третью стадию сна (в некоторых старых книгах эту стадию называли тета-стадией) минут через сорок пять после засыпания, а страдающие бессонницей — опять же — мучаются еще час или два, а иногда им и вовсе не удается достичь этой стадии. Тогда они просыпаются невыспавшимися, совершенно разбитыми и подавленными, иногда — с расплывчатыми воспоминаниями о каких-то странных и неприятных снах, но чаще всего — с ошибочным ощущением, что они всю ночь вообще не смыкали глаз.

Вскоре после смерти Каролины Ральф начал просыпаться раньше обычного. Он по-прежнему ложился спать сразу же по окончании одиннадцатичасовых новостей и по-прежнему засыпал почти сразу, но если раньше он просыпался без пяти семь, ровно за пять минут до звонка будильника, то теперь он начал просыпаться в шесть. Сначала он решил, что это вполне нормально для семидесятилетнего старика со слегка увеличенной простатой и нездоровыми почками, но ведь он просыпался вовсе не от того, что ему слишком уж хочется в туалет, и больше всего его беспокоило, что даже после того, как он сходит в туалет, он все равно не может заснуть. Он ложился в кровать, которую они столько лет делили с Каролиной, но почти час просто лежал, ворочаясь с боку на бок и дожидаясь семи часов, чтобы встать. Со временем он прекратил эти бесплодные попытки снова заснуть — он просто лежал на кровати, сложив на груди слегка припухшие руки, и тупо смотрел в потолок. Причем ощущение было такое, что гла-

за у него становились огромными, как дверные ручки. Иногда он думал о докторе Джамале, который теперь у себя в Вестпорте по-прежнему утешал пациентов своим тихим и мягким голосом с индийским акцентом и воплощал в жизнь свою Американскую Мечту. Иногда он думал о всех тех местах, куда они ездили с Каролиной в старые добрые времена, и чаще всего он мысленно возвращался в тот жаркий день на пляже в Бар-Харбор, когда они с Каролиной сидели за столиком для пикников под большим ярким зонтом, они сидели в одних купальных костюмах, ели жареных моллюсков под сладким соусом, пили лимонад из бутылок с узким горлышком и смотрели на море, где по синей глади скользили парусные яхты. Когда это было? В шестьдесят четвертом? Или в шестьдесят седьмом? Какая разница...

Изменения графика сна вряд ли бы взволновали Ральфа, если бы все этим и ограничилось; Ральф привык бы к ним и даже принял бы с благодарностью. Все книжки, которые он прочел за то лето, подтверждали великую житейскую мудрость, что пожилые люди спят меньше. Можно подумать, он не знал этого раньше. Если потерянный час сна — единственная плата за сомнительное удовольствие быть «молодым человеком семидесяти лет», он бы с радостью заплатил эту цену и еще решил бы, что дешево отделался.

Но это так просто не кончилось. К началу мая Ральф просыпался уже с петухами, а именно в пять пятнадцать утра. Он пробовал спасаться затычками для ушей, хотя был почти уверен, что шум с улицы не имеет ни малейшего отношения к его бессоннице. Его будили вовсе не птичьи трели и не шум грузовиков, иногда заехавших на Харрис-авеню. Он был из той счастливой породы людей, которые могут уснуть даже под гром духового оркестра, и вряд ли это свойство организма могло измениться с годами. Если что-то и изменилось, то это «что-то» было у него в голове. Там был какой-то маленький переключатель, и каждый день он переключался все раньше. И Ральф понятия не имел, как это остановить.

В июне он выскакивал из кровати, как чертик из коробочки, уже в половине пятого утра, максимум — без пятнадцати пять. А

к середине июля — не такого жаркого, как июль девяносто второго, но тоже достаточно паршивого, большое спасибо — он уже просыпался около четырех утра. В одну из таких длинных жарких ночей, когда кровать, на которой они с Каролиной так хорошо занимались любовью в жаркие ночи (и в холодные тоже), казалась ему слишком большой и поэтому неудобной, ему пришла в голову жуткая мысль, что если он вообще перестанет спать, его жизнь превратится в сплошной кошмар. Днем Ральф еще мог смеяться над этими мыслями, но потихоньку он открывал для себя печальную истину о том, что Ф. Скотт Фицджеральд называл темной ночью души. И эта истина была такова: в четыре пятнадцать утра может произойти что угодно. Все, что угодно. В четыре пятнадцать утра нет ничего невозможного.

В те дни у него еще получалось себя убедить, что с ним ничего страшного не происходит — это просто временная дестабилизация сна, вполне нормальная реакция организма на все те стрессы, которые ему пришлось пережить за последнее время, из которых особенно болезненными были уход на пенсию и смерть жены. Иногда, когда он задумывался о своей новой жизни, ему на ум приходило страшное слово — одиночество, но как только оно начинало маячить на горизонте, он загонял его глубоко в подсознание. Одиночество — это тоже нормально. А вот депрессия — другое дело.

Может, тебе надо больше двигаться, рассуждал он. Ходи на прогулки, как прошлым летом. В конце концов ты ведешь какой-то растительный образ жизни — встаешь, съедаешь на завтрак тост, читаешь книжку, смотришь телевизор, покупаешь сэндвич на обед в магазине через дорогу, иногда копаешься в саду, иногда ходишь в библиотеку или в гости к Элен и Натали, гуляешь с ними у дома, если они собираются погулять, обедаешь, сидишь на крылечке с Биллом Макговерном или Луизой Чесс. А что потом? Еще немного читаешь, еще немного смотришь телевизор, идешь в душ и ложишься спать. Скучно. Однообразно. Неудивительно, что ты так рано просыпаешься.

Только все это чепуха. Его жизнь только выглядит скучной, но отнюдь не является таковой. Например, у него есть сад.

Конечно, призов на выставках цветов он не выиграет, но то, что он делает у себя в саду, — это не просто «возня с растениями для приятного времяпрепровождения». Он работал в саду почти каждый день — причем работал по-настоящему, пока у него на рубашке на спине и под мышками не расплывались огромные пятна пота. И частенько случалось, что его буквально трясло от усталости, когда он возвращался домой. Если как-то определять его работу в саду, то здесь лучше всего подошла бы фраза «сущее наказание», а отнюдь не «возня с цветочками». Вот только за что наказание? За то, что он просыпается до восхода?

Ральф не знал и не очень об этом задумывался. Работа в саду отнимала достаточно много времени, но самое главное — она занимала его мысли и отвлекала от всяких не очень приятных раздумий, и это была вполне достаточная компенсация за ноющие мышцы и синяки под глазами. Он начал садовничать сразу после Дня независимости и занимался «растениеводством» до конца августа, когда все ранние урожаи были давно собраны, а более поздние безнадежно засохли от недостатка влаги.

— Тебе надо с этим завязывать, — сказал ему Билл как-то вечером, когда они сидели на крыльце и пили лимонад. Это было в середине августа, когда Ральф стал просыпаться около половины четвертого утра. — Надо уже поберечь здоровье. Между прочим, ты уже выглядишь, как тихопомешанный сумасшедший.

— А может быть, я и есть сумасшедший, — коротко отозвался Ральф, и, наверное, его тон или, может быть, взгляд были достаточно убедительны, потому что Билл поспешил сменить тему.

Он снова начал гулять — уже не устраивал марафоны, как в девяносто втором, но все-таки проходил мили две в день, если не было дождя. Его обычный маршрут пролегал по Ап-Майл-хилл к Публичной библиотеке Дерри, потом к букинистическому магазинчику «Старые страницы» и газетному киоску на перекрестке Витчам и Главной улицы.

Букинистический располагался рядом с магазином дешевой поношенной одежды с гордым названием «Потрепанная роза», и как-то в августе во время одной из обычных прогулок Ральф увидел новый плакат в витрине среди древних церковных воззваний и просроченных объявлений о благотворительных обедах. Он висел так, что наполовину загораживал пожелтевший плакат: ПЭТА БАЧАНАНА В ПРЕЗИДЕНТЫ.

Там было две фотографии какой-то женщины. Достаточно привлекательная блондинка лет тридцати восьми. Но манера, в которой были сделаны фотографии — неулыбчивый анфас слева и угрюмый профиль справа, простой белый фон на обоих снимках, — невольно цепляла взгляд, так что Ральф даже остановился. Такие снимки обычно развешивают на стендах в разделе «Объявлены в розыск»... и, судя по всему, это был как раз тот случай.

Поначалу это было обычное любопытство, но потом Ральф прочел имя и застыл пораженный.

В РОЗЫСКЕ ЗА УБИЙСТВО СЬЮЗАН ЭДВИНА ДЕЙ

было написано сверху большими черными буквами. Внизу, сразу под снимками — красными буквами:

ДЕРЖИСЬ ПОДАЛЬШЕ ОТ НАШЕГО ГОРОДА!

А в самом низу была еще одна строчка совсем мелким шрифтом. После смерти Каролины у Ральфа стало садиться зрение — «садиться» это еще мягко сказано, на самом деле зрение стало вообще ни к черту, — поэтому, чтобы ее прочесть, ему пришлось буквально прижаться носом к грязной витрине «Потрепанной розы».

Оплатил Наблюдательный комитет социальной защиты округа Мэн.

Где-то в глубине сознания раздался шепот: *Хей, хей, Сюзан Дей! Ты сколько сегодня убила детей?*

Сьюзан Дей, припомнил Ральф, была общественно-политической активисткой то ли из Нью-Йорка, то ли из Вашингтона, и вообще из тех женщин, которые произносят слова захлебывающейся скороговоркой и которые неизменно приводят в бешенство таксистов, парикмахеров и ремонтных рабочих. Он так и не понял, почему ему вдруг пришла в голову эта короткая строчка из дурацкого стихотворения; она вызывала какие-то смутные ассоциации, но он никак не мог вспомнить, какие именно. А может быть, память просто сыграла с ним злую шутку, и ему вспомнилась фраза времен войны во Вьетнаме и массовых акций протеста, когда все кричали: «Хей, хей, Эл Би Джей*, ты сколько сегодня убил детей?»

Нет, не то, подумал он. Близко, но не то. Это, это...

И за секунду до того, как у него в голове всплыло имя Эда Дипно, сзади раздался голос:

— Земля вызывает Ральфа, земля вызывает Ральфа, отвечай, Ральф, детка!

Оторвавшись от своих мыслей, Ральф обернулся на голос. Его поразило, но одновременно и повеселило, что он почти уснул на ходу. Господи, подумал он, вот живешь и не знаешь, как важно спать, пока не начнешь недосыпать. А потом земля начинает плыть под ногами, и все углы закругляются.

С ним заговорил Гамильтон Давенпорт, хозяин букинистического магазина. Он расставлял на стенде перед входом книжки в ярких обложках. В уголке рта у него торчала неизменная кукурузная трубка — Ральфу она всегда напоминала трубу игрушечного парохода, — и он пускал маленькие облачка дыма в горячий воздух. Уинстон Смит, его пожилой серый кот, сидел в открытых дверях магазина, обернув лапы хвостом. Он равнодушно взглянул на Ральфа своими желтыми глазами, как будто хотел сказать: *Ну что, дружище, ты правда думаешь,*

* Инициалы Линдона Бейнса Джонсона, 36-го президента США. Стал президентом после убийства Кеннеди в 1963 году. Во время его президентства операции США во Вьетнаме расширились до размеров полномасштабной войны. — *Примеч. пер.*

что знаешь, что такое старость? Так вот, послушай меня, старика: ни хера ты не знаешь о старости.

— Эй, Ральф, — сказал Давенпорт. — Я тебе уже третий раз кричу.

— Кажется, я замечтался. — Ральф прошел мимо стенда с книжками (невозмутимый Уинстон Смит даже не шелохнулся) и взял две газеты, которые он покупал каждый день: бостонский «Глоуб» и «USA today». «Дерри ньюз» ему приносили домой — спасибо Питу, разносчику. Ральф частенько говорил друзьям, что ему было бы куда проще, если бы он читал только одну газету, но он никак не мог выбрать, какую из трех. — Я не...

Он запнулся, потому что вдруг вспомнил про Эда Дипно. Именно от Эда он услышал эти дурацкие стишки — прошлым летом, около аэропорта. Неудивительно, что он так долго не мог вспомнить. Уж от кого от кого, но от Эда ты меньше всего ожидаешь услышать что-то подобное.

— Ральфи? — сказал Давенпорт. — Ты хотел что-то сказать?

Ральф моргнул.

— Извини. В последнее время я плохо сплю, вот что я, собственно, хотел сказать.

— Вот оно что... ты знаешь, бывают проблемы похуже. Выпей стакан теплого молока перед сном, а потом с полчасика послушай какую-нибудь спокойную музыку и заснешь как миленький.

В то лето Ральф обнаружил, что буквально у каждого гражданина Америки есть свой верный способ борьбы с бессонницей — что-то вроде околостельной магии, которая передается из поколения в поколение, как семейная Библия.

— Бах — очень неплохо, можно Бетховена или Уильяма Аккермана. Но главное, в чем самый фокус... — Давенпорт поднял палец, чтобы подчеркнуть важность сказанного, — ни в коем случае не вставать с места на протяжении этого получаса. Ни по какому поводу. Не подходи к телефону, не выпускай

собаку, не срывайся почистить зубы... просто сиди, где сидишь. И потом, когда ты таки пойдешь спать... бум и все. Вырубаетесь сразу.

— А что делать, если, пока ты сидишь в старом любимом кресле, ты вдруг почувствуешь зов природы? — спросил Ральф. — В моем возрасте эти вещи обычно случаются неожиданно.

— Ну так делай прямо в штаны. — Давенпорт сам рассмеялся над своей шуткой. Ральф улынулся, но скорее потому, что от него этого ожидали. У него и раньше было не слишком хорошо с чувством юмора, а из-за бессонницы стало и вовсе погано. — В штаны, — простонал Хэм, ударил по стенду и снова затрясся от хохота.

Взгляд Ральфа случайно упал на кота. Уинстон Смит ласково посмотрел на него снизу вверх, и Ральфу показалось, что спокойный взгляд этих желтых глаз говорит ему: *Да, все правильно, он дурак, но он мой дурак.*

— Неплохо, да? Гамильтон Давенпорт, известный комик. Делай прямо... — Он опять рассмеялся, тряхнул головой и взял у Ральфа два доллара. Засунул их в карман своего короткого красного передника и отсчитал сдачу. — Все правильно?

— Как всегда. Спасибо, Хэм.

— Угу. А если без шуток, попробуй все-таки послушать музыку. Это должно помочь. Расслабляет и успокаивает, и вообще.

— Я попробую. — И, черт возьми, он ведь и правда попробует, как уже пробовал теплую воду с лимоном от миссис Рапапорт и методику замедления дыхания, которую ему посоветовала Шона Макклер. Надо было успокоиться, дышать как можно медленнее и сосредоточиться на слове «прохладный» (только Шона произносила его как «прооохладный»). Когда ты с каждым днем спишь все меньше и меньше и тебе ничего не помогает, тут поневоле станешь хвататься за любые советы, как это исправить.

Ральф уже пошел прочь, но потом обернулся и спросил:

— А что это за плакат там в витрине?

Гамильтон сморщил нос.

— В магазине Дэна Далтона? Я стараюсь туда не смотреть без надобности, чтобы не портить себе аппетит. Что, у него в коллекции появилось еще что-то новое и отвратительное?

— Да, по-моему, новое. Во всяком случае, не такое желтое, как все остальное, да и мухами пока не засижено. Похоже на объявление о розыске, только на фотографиях Сьюзан Дей.

— Сьюзан Дей на... вот сукин сын! — Гамильтон с ненавистью взглянул на соседний магазин.

— А кто она, ты не помнишь? Президент Национальной организации женщин или что-то типа того?

— Бывший президент и соучредитель «Сестер по оружию». Автор «Тени моей матери» и «Лилий из долины». Это исследования о женщинах, над которыми издеваются их мужья, и о причинах, почему только считанные единицы пытаются этому воспротивиться. Она получила за эти книги Пулитцеровскую премию. Сейчас Сьюзи Дей — одна из четырех женщин, наиболее влиятельных в политической жизни страны. И этот клоун прекрасно знает, что у меня тут у кассы лежит одна из ее петиций.

— Каких петиций?

— Мы хотим, чтобы она выступила в нашем городе, — сказал Давенпорт. — Ты же знаешь, что эти борцы за жизнь пытались поджечь Женский центр на прошлое Рождество?

Ральф попытался вспомнить, что было в конце девяноста второго, когда его жизнь превратилась в какую-то черную яму.

— Я помню, на автостоянке поймали какого-то парня с канистрой бензина, но я не знал...

— Это был Чарли Пикеринг из «Хлеба насущного», одной из этих группировок борцов за жизнь, которые постоянно устраивают там пикеты и размахивают плакатами, — сказал Давенпорт. — Это они его подговорили, уж будь уверен. В этом году они не будут ничего поджигать, но... они хотят надавить

на городские власти, чтобы они пересмотрели региональный закон и закрыли центр. И не исключено, что они своего добьются. Ты же знаешь, Ральф, Дерри — это отнюдь не оплот либерализма.

— Это точно. — Ральф натянуто улыбнулся. — И никогда им не был. А Женский центр — это, по сути дела, абортарий, правильно?

Давенпорт наградил его неодобрительным взглядом и мотнул головой в сторону «Потрепанной розы»:

— Так его называют всякие засранцы типа него. Только они говорят не «абортарий», а «бойня». И нарочито не замечают все остальные аспекты деятельности центра. — Ральф вдруг подумал, что Давенпорт заговорил, как диктор в теле-рекламе женских колготок, мягких, удобных и прочных. — Они дают консультации по проблемам семьи и брака, занимаются вопросами насилия в семьях и защиты детей от жестоких родителей, предоставляют защиту женщинам, пострадавшим от своих мужей. Где-то под Ньюпортом у них есть даже специальный дом — убежище для таких женщин. У них есть кризисный центр для помощи жертвам изнасилований, отделение в городской больнице и круглосуточная «горячая линия» для женщин, которых изнасиловали или избили. Короче говоря, они занимаются всем, что по определению должно бесить всяких ковбоев Мальборо типа Далтона, потому что они себя чувствуют просто куском дерьма.

— Но они все-таки делают аборт, — сказал Ральф. — И все протесты именно из-за этого и происходят, правильно?

Иногда Ральфу казалось, что демонстранты с плакатами ходят около здания Женского центра всегда, сколько он себя помнит. Они ему никогда не нравились: они были какими-то уж слишком бледными или слишком усердствующими и нервными, излишне худыми или излишне толстыми, а главное — слишком уверенными в том, что Бог на их стороне. На плакатах, которые они таскали с собой, были надписи типа: У НЕРОЖДЕННЫХ ТОЖЕ

ЕСТЬ ПРАВА или ЖИЗНЬ — ЭТО ПРЕКРАСНО, — и, разумеется, неизменный лозунг АБОРТ — ЭТО УБИЙСТВО. Были даже такие случаи, когда митингующие поборники прав человека плевали в женщин, идущих в клинику, и вообще всячески их оскорбляли.

— Да, они делают аборт, — сказал Хэм. — А ты что-то имеешь против?

Ральф вспомнил о том, сколько лет с Каролиной пытались завести ребенка; но эти годы не принесли ничего, кроме нескольких «ложных тревог» и одного выкидыша на пятом месяце. Вспомнил и невольно вздрогнул. Внезапно день показался ему слишком жарким, а сам он почувствовал себя слишком усталым. Мысль об обратной дороге — и особенно о том, что придется карабкаться вверх по холму — вонзилась в мозг, как рыболовный крючок.

— Господи, — сказал он. — Я не знаю. Мне просто не нравится, когда люди такие... резкие, что ли.

Давенпорт буркнул что-то себе под нос, подошел к витрине соседнего магазина и уставился на плакат. И пока он изучал плакат, высокий бледный мужчина с козлиной бородкой — полная противоположность стереотипному ковбою Мальборо — возник из мрачных глубин «Потрепанной розы», как водевильное привидение, слегка, правда, заплесневевшее. Он увидел, куда смотрит Давенпорт, и по его губам скользнула легкая пренебрежительная улыбка. Ральф подумал, что такая улыбка может стоить человеку пары зубов или сломанного носа. Особенно в такой жаркий день, когда ты себя ощущаешь жареной сосиской.

Давенпорт ткнул пальцем плакат и яростно тряхнул головой.

Улыбка Далтона стала еще «лучезарнее». Он отмахнулся от Давенпорта (*Никого не волнует, что ты там себе думаешь*, — говорил этот жест) и снова скрылся в глубине магазина.

Давенпорт повернулся к Ральфу; у него на щеках расцветали багровые пятна.

— Фотография этого человека должна быть в иллюстрированном энциклопедическом словаре рядом со словом «хер», — сказал он.

А он то же самое думает о тебе, подумал Ральф, но вслух этого не сказал.

Давенпорт встал перед стендом, заставленным книгами. Он засунул руки глубоко в карман своего передника и сверлил взглядом портрет

(хей, хей)

Сьюзан Дей.

— Ладно, — сказал Ральф. — Я, пожалуй, пойду...

Давенпорт оторвался от своего мрачного созерцания.

— Не уходи пока, — сказал он. — Подпиши сначала мою петицию, ладно? Скрась мне это хреновое утро.

Ральф уставился в пол.

— Я обычно не принимаю участия в таких вот акциях...

— Да ладно тебе. — Самый тон Давенпорта, казалось, говорил: давай будем рассуждать здраво. — Это никакая не акция; просто хотелось бы убедиться, что всякие уроды типа этих друзей жизни, и в частности — вот тот конкретно, — он кивком указал на магазин Далтона, — не закроют действительно полезное заведение, Женский центр. Я же не прошу тебя подписать петицию о тестировании химического оружия на дельфинах.

— Ну да, — сказал Ральф. — Не просишь.

— Мы надеемся собрать пять тысяч подписей к первому сентября и послать их Сьюзан Дей. Может быть, ничего хорошего из этого не получится: Дерри — не самый большой город в мире, а у нее, наверное, все расписано до начала следующего века, — но попробовать стоит.

Ральф хотел было сказать Хэму, что единственная петиция, которую он бы подписал, — это обращение к богам сна с просьбой вернуть ему обратно те три часа нормального здорового сна, которые они у него украли, но потом посмотрел на лицо Давенпорта и передумал.

Каролина бы подписала эту дурацкую петицию, подумал он. Она, конечно, не была яростной защитницей абортов, но она очень не любила мужей, которые приходят домой исключительно после закрытия бара и принимают своих жен и детей за футбольные мячи.

Но если честно, это была бы не главная причина, почему она подписала бы эту петицию. Она бы сделала это, чтобы увидеть вблизи и «вживую» такого известного человека, звезду мирового масштаба, как Сьюзан Дей. Она подписала бы эту петицию просто из любопытства, которое было, наверное, основной чертой ее характера. И даже опухоль мозга не убила его до конца. За два дня до смерти она вытащила у него из книжки билет в кино, который он использовал вместо закладки, потому что ей стало интересно, какой фильм он смотрел. Кстати, это был фильм «Несколько хороших парней», и сейчас Ральф удивился и даже слегка испугался — как все-таки больно ему вспоминать об этом. До сих пор. Очень больно.

— Конечно, — сказал он Хэму. — Я с удовольствием напишу.

— Наш человек, — провозгласил Давенпорт и стукнул его по плечу. Мрачный взгляд сменился улыбкой, но Ральф сомневался, что его согласие так уж сильно повысило настроение Хэму. Улыбка вышла кривой и не особенно убедительной. — Пойдем в мое прибежище всех пороков.

Ральф прошел следом за ним в пропахший табаком магазин, который не смотрелся таким уж порочным в половине десятого утра. Уинстон Смит степенно прошествовал вперед, потом остановился и еще раз взглянул на Ральфа своими желтыми глазами. *Он — дурак, и ты тоже дурак*, говорил этот взгляд. Учитывая обстоятельства, Ральф не стал бы оспаривать это малоприятное заключение. Он сунул газету под мышку, наклонился над листком бумаги, который лежал на прилавке у кассы, и подписал петицию, в которой общественность Дерри просила Сьюзан Дей приехать в город и выступить в защиту Женского центра.

Подъем на холм оказался совсем не таким кошмарным, как опасался Ральф, и, проходя перекресток Витчам и Джексон, он еще подумал: *Ну вот, все не так плохо...*

И вдруг он понял, что у него звенит в ушах, а ноги дрожат и буквально подкашиваются. Он остановился на Витчам-стрит и приложил руку к груди. Он почувствовал, как под рубашкой бешено колотится сердце, и это его напугало. Он услышал какой-то шелест и увидел, что из бостонского «Глоуба» вывалился рекламный проспект и мягко приземлился в канаву. Он хотел наклониться, чтобы его поднять, но потом передумал.

Не надо, Ральф. Если ты наклонишься, то скорее всего упадешь. Пусть валяется, дворник потом уберет.

— Да, пожалуй. Хорошая мысль, — пробормотал он, выпрямляясь. Черные точки замелькали перед глазами, словно какая-то сюрреалистическая стая ворон, и в какой-то момент ему показалось, что он сейчас рухнет на мостовую и ему будет уже все равно.

— Ральф? С тобой все в порядке?

Он осторожно оглянулся и увидел Луизу Чесс, которая жила на другом конце Харрис-авеню, в квартале от дома, который они делили с Биллом Макговерном. Она сидела на скамейке у входа в Строуфорд-парк. Может, ждала автобуса, чтобы не тащиться домой пешком.

— Да, все нормально, — сказал он и заставил себя сдвинуться с места. Ощущение было такое, что он идет сквозь густой сироп, но до скамейки он дошел вполне пристойно. Хотя и не смог отказаться от замечательной возможности присесть.

У Луизы Чесс были большие темные глаза — когда Ральф был ребенком, такие глаза называли испанскими, — и он даже не сомневался, что десятки мальчишек украдкой вздыхали об этих глазах, когда Луиза училась в школе. Они по-прежнему были очень красивыми и выразительными, но Ральфа сейчас не особо заботило то волнение, которое он в них увидел. Это

было... что? Как-то уж слишком близко, чтобы совсем не тревожиться, это была первая мысль, которая пришла ему в голову, но он не был уверен, что это правильная мысль.

— Нормально, — эхом отозвалась Луиза.

— Точно. — Он достал из заднего кармана носовой платок, убедился, что он чистый, и вытер лоб.

— Ты меня, конечно, извини, Ральф, но вид у тебя далеко не нормальный.

Ральф ее не извинял, но не знал, как об этом сказать.

— Ты бледный, вспотевший и мусоришь, где попало.

Ральф удивленно взглянул на нее.

— Что-то выпало у тебя из газеты. Какая-то рекламка.

— Правда?

— Ты сам знаешь прекрасно, что правда. Извини, я сейчас.

Она встала, перешла улицу, наклонилась (Ральф заметил, что для женщины шестидесяти восьми лет ножки у нее еще очень даже ничего) и подняла проспект. Потом вернулась к скамейке и села.

— Вот, — сказала она. — Теперь ты больше не мусоришь.

Неожиданно для себя он улыбнулся.

— Спасибо.

— Не за что. Теперь я вправе воспользоваться купоном от Максвелл-Хаус, съесть, к примеру, вегетарианский гамбургер и выпить диетической колы. Я так растолстела с тех пор, как умер мой мистер Чесс.

— Ты вовсе не толстая, Луиза.

— Спасибо, Ральф, ты настоящий джентльмен, но не будем отвлекаться. У тебя голова закружилась, да? Ты чуть не упал.

— Я просто слегка задохнулся, — натянуто отозвался он и обернулся, чтобы взглянуть на ребятшек, которые играли в парке в бейсбол. Они смеялись и бегали по площадке. Ральф позавидовал их молодым легким.

— Значит, слегка задохнулся?

— Да.

— Просто слегка задохнулся.

— Луис, тебя заело, как старую пластинку.

— Ну ладно, старая пластинка сейчас кое-что тебе скажет. Ты просто псих, если в такую жару потащился на холм. Если ты хочешь гулять, почему бы тебе не пройтись по шоссе, продолжению Харрис-авеню, там все-таки ровная местность.

— Потому что эта дорога напоминает мне про Каролину. — Ральфу и самому не понравился его грубый, холодный тон, но он ничего не мог с собой сделать.

— Вот черт. — Луиза легонько коснулась его руки. — Прости, пожалуйста.

— Все в порядке.

— Нет, не в порядке. Я должна была сообразить. Но твой нынешний вид мне тоже очень не нравится. Тебе уже не двадцать лет, Ральф. И даже не сорок. Я не хочу сказать, что ты в плохой форме — для своих лет ты просто в отличной форме, — но тебе надо себя побереечь. Я думаю, Каролина бы не обрадовалась тому, что ты себя горишь.

— Да, наверное, — сказал Ральф. — Но я и вправду...

...в порядке, хотел он сказать, но потом вдруг увидел глаза Луизы и понял, что не сможет закончить фразу. В ее темных глазах были усталость и грусть... или, может быть, одиночество. А может, и то, и другое. В любом случае это было не все, что он увидел в ее глазах. Еще он увидел себя.

Какой ты дурак, говорили эти глаза. Или мы оба с тобой дураки. Тебе семьдесят лет, Ральф, и ты вдовец. Мне шестьдесят восемь, и я вдова. И сколько еще мы будем сидеть вечерами у тебя на крыльце с Биллом Макговерном в качестве дуэньи?! Надеюсь, не очень долго, потому что у нас мало времени — у двух старых грибов.

— Ральф, — вдруг встревожилась Луиза. — Ты точно в порядке?

— Да, — сказал он, опустив взгляд на свои руки — Да, конечно.

— У тебя было такое лицо, как будто... не знаю, как и сказать.

Ральф вдруг подумал, что, может, жара и подъем на холм все-таки сделали свое черное дело и он действительно слегка тронулся. В конце концов это же Луиза, которую Макговерн всегда называл (смешливо приподняв бровь) «наша Луиза». Ну да, конечно, она и сейчас была в замечательной форме — стройные ноги, красивая грудь и эти незабываемые глаза, — и он, может быть, был бы и не прочь затащить ее в постель, и она, может быть, тоже была бы не прочь, чтобы ее затащили. Но что потом? Если она увидит билет в кино в книжке, которую он читает, она его вытащит — посмотреть, на какой фильм он ходил?

Наверняка ведь не вытащит. Никто не спорит, что у Луизы потрясающие глаза, и Ральф не раз ловил себя на том, что его взгляд скользит вниз, к вырезу ее блузки, когда они втроем с Макговерном сидели у них на крыльце и пили чай со льдом прохладными летними вечерами, но Ральф был из тех осторожных мужчин, которые убеждены, что маленькая головка может повлечь крупные неприятности на твою голову даже в семьдесят лет. Старость — это не оправдание для беспечности.

Он встал, избегая взгляда Луизы и пытаясь не очень сутулиться.

— Спасибо тебе за заботу, — сказал он. — Не хочешь пройти по улице со старым приятелем?

— Спасибо, но мне в другую сторону. В Клубе кройки и шитья появились очень хорошие розовые нитки, и я собираюсь связать платок. Так что я дожусь автобуса и поеду транжирить деньги.

Ральф усмехнулся.

— Ну, успехов тебе. — Он еще раз взглянул на ребят, играющих в бейсбол. Какой-то парнишка с невероятной копной рыжих волос рванулся к базе и упал, ударившись о наколенники кетчера с довольно громким стуком. Ральф вздрогнул, представив себе карету «скорой помощи» с сиренами и мигалками, но рыжий со смехом встал на ноги.

— Промахнулся, мазила! — закричал он.

— Ну да! — обиженно отозвался кетчер, но потом тоже расхохотался.

— Ты бы хотел снова вернуться в детство, а, Ральф? — вдруг спросила Луиза.

Он задумался.

— Иногда да. — сказал он. — Но вообще-то, мне кажется, это было бы несколько утомительно. Приходи к нам сегодня, Луиза... посидим, поболтаем.

— Может быть, и зайду, — сказала она, и Ральф пошел по Харрис-авеню, спиной чувствуя ее взгляд и изо всех сил стараясь держать спину прямо. Ему показалось, что он справился с этой задачей очень даже неплохо, но это было непросто. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким усталым.

Глава 2

1

Ральф принял решение встретиться с доктором Литчфилдом где-то через час после разговора с Луизой на скамейке около парка; секретарша с прохладным, сексапильным голосом сообщила ему, что может записать его на вторник, на десять часов утра, если это удобно, и Ральф ответил, что, разумеется, это удобно. Потом он повесил трубку, пошел в комнату, уселся в кресло-качалку у окна, откуда открывался вид на Харрис-авеню, и задумался. Он думал о докторе Литчфилде, который пытался вылечить опухоль мозга у Каролины тайленолом и брошюрками о методиках расслабления. Потом он вспомнил взгляд Литчфилда после того, как все анализы подтвердили диагноз, поставленный Каролине после сканирования, — взгляд, в котором было смущение и чувство вины.

Из «Красного яблока» через дорогу вышли несколько ребятшек, затоважившихся шоколадными батончиками и леденца-

ми. Пока Ральф смотрел, как они садятся на велосипеды и исчезают в одиннадцатичасовой жаре, он пришел к выводу, что все воспоминания о том, как выглядел доктор Литчфилд и что он заметил в его глазах, — это всего лишь ложная память.

Все дело в том, приятель, что ты хотел, чтобы он был смущенным... а еще больше тебе хотелось, чтобы он считал себя виноватым.

Вовсе не исключено, что доктор Литчфилд — замечательный парень и отличный доктор, но полчаса спустя Ральф все равно позвонил ему в офис и сказал секретарше с сексапильным голосом, что он только что посмотрел в ежедневник и обнаружил, что в следующий вторник в десять утра он занят. Он договорился о встрече с другим врачом и совершенно забыл об этом.

— Память уже не та, — сказал ей Ральф.

Она предложила перенести сеанс на два.

Ральф сказал, что перезвонит.

Врунишка, врунишка, накакал в штанишки, подумал он, повесил трубку и вернулся в кресло-качалку. Ты к нему не пойдешь, ни на следующей неделе, ни вообще никогда, правильно?

Скорее всего правильно. И сам доктор Литчфилд вряд ли будет сильно расстраиваться из-за этого; если, конечно, он вообще помнит про Ральфа. Да и вообще ему будет только лучше: одним старым пердуном меньше — ему и так хватает старперов, которые выпускают газы ему в лицо при осмотре простаты.

Ну ладно, а что делать с бессонницей, Ральф?

— Спокойно посидеть полчаса перед сном и послушать классическую музыку, — сказал он вслух. — И закупить памперсы на случай настойчивых зовов природы.

Он рассмеялся, представив себе эту картину. Смех получился скорее истерическим, чем веселым, но в данный момент его это не волновало. На самом деле смех вышел даже слегка жутковатым, но он смог заставить себя остановиться лишь через пару минут.

И все-таки он собирался попробовать средство Хэма Давенпорта (только вот без подгузников он как-нибудь обойдется), как уже перепробовал большинство средств, которые насочетовали ему знакомые. Он вспомнил о первом вернейшем средстве, которое ему присочетовали, и невольно усмехнулся.

Это была идея Макговерна. Он сидел на крыльце, а Ральф как раз возвращался из «Красного яблока», куда ходил за лапшой и соусом для спагетти. Макговерн взглянул на своего соседа сверху и неодобрительно покачал головой.

— И как это понимать? — спросил Ральф, садясь рядом с Макговерном. Чуть дальше по улице маленькая девочка в джинсах и огромной, не по размеру, футболке прыгала через скакалку и что-то напевала себе под нос в наступающих сумерках.

— Это следует понимать, что ты весь какой-то помятый, отошавший и страшный, — сказал Макговерн без обиняков. Он приподнял панаму и внимательно посмотрел на Ральфа. — По-прежнему плохо спишь?

— По-прежнему плохо сплю, — согласился Ральф.

Макговерн пару секунд помолчал, когда снова заговорил, голос у него был исполнен непоколебимой уверенности домо-рощенного пророка. — Виски — вот решение всех проблем, — произнес он торжественно.

— Что-что?

— Верное средство от бессонницы, Ральф. Я не имею в виду, что ты должен глушить его литрами, в этом нет необходимости. Просто смешай чайную ложку меда с небольшой порцией виски и выпей минут за пятнадцать перед сном.

— Ты думаешь, поможет? — с надеждой спросил Ральф.

— Мне помогло, а у меня тоже были серьезные проблемы со сном, когда мне исполнилось сорок. Сейчас, когда я все это вспоминаю, я прихожу к выводу, что это был кризис среднего возраста: полгода бессонницы и почти год депрессии на мою бедную лысую голову.

Хотя все книги, которые читал Ральф, как одна утверждали, что спиртное от бессонницы не помогает, что это распространенное заблуждение и что чаще всего от такого «лечения»

становится только хуже, Ральф все же решил попробовать. И попробовал. Он никогда много не пил, поэтому начал с чайной ложки меда на четверть рюмки виски, но через неделю, не почувствовав улучшений, перешел на целую рюмку... а потом и на две. Однажды утром, проснувшись в четыре двадцать с больной головой и мерзким привкусом во рту, он с удивлением сообразил, что у него похмелье — впервые за последние пятнадцать лет.

— Жизнь слишком коротка для такого дерьма, — сообщил он своей пустой квартире, и это был конец великого эксперимента с виски.

Ладно, подумал Ральф, глядя в окно на дневной поток покупателей, входящих и выходящих из «Красного яблока». Ситуация такова: Макговерн говорит, что ты ужасно выглядишь, сегодня утром ты почти что падаешь под ноги Луизе Чесс и ты только что отказался от встречи со своим «старым семейным доктором». Что дальше? Простопустишь все на самотек? Согласишься, что с тобой явно что-то не то, ипустишь все на самотек?

В этой мысли было некое восточное обаяние: судьба, карма и все такое, — но сейчас ему требовалось нечто большее, чем обаяние, для того чтобы хоть как-то выносить эти длинные утренние часы. В книгах писали, что в мире есть люди — довольно много людей, — которым вполне хватает трех-четырёх часов сна. А некоторые обходились и двумя. Их, конечно, было явное меньшинство, но ведь они были. Впрочем, Ральф Робертс к их числу явно не относился.

Его вовсе не волновало, как он выглядит — время, когда он пленял красоток, давно прошло, — но его волновало, как он себя чувствует, а чувствовал он себя отвратительно: не просто плохо, а именно отвратительно. Бессонница начала влиять на все, что было у него в жизни, как запах сгоревшего масла на пятом этаже пропитывает все здание за считанные минуты.

Окружающая реальность начала терять цвет и яркость и напоминала теперь унылую некачественную фотографию из газеты.

Самые простые решения — к примеру, подогреть замороженный ужин и съесть его дома или купить в «Красном яблоке» сэндвич и прогуляться до зоны для пикников, чтобы покушать на свежем воздухе — стали болезненно сложными, почти невозможными. Последние две-три недели он стал замечать, что все реже и реже берет кассеты в видеопрокате у Дэйва, и совсем не потому, что там нечего взять, наоборот, выбор там очень хороший, и именно из-за того, что там слишком много всего, он и не мог решить, что он хочет: фильм из серии про Грязного Гарри, комедию с Билли Кристалом или, может быть, несколько старых серий «Стар-Трека». После очередного из таких вот неудачных походов в видеопрокат он вернулся домой, сел в свое кресло-качалку и едва не расплакался от отчаяния... и еще, надо думать, от страха.

Это странное омертвление чувств и прогрессирующая неспособность выбирать были отнюдь не единственными проблемами, возникшими из-за бессонницы; память тоже начала сдавать. С тех пор как он вышел на пенсию, у него появилась привычка: раз или два в неделю ходить в кино. До прошлого года они ходили вместе с Каролиной, но в прошлом году она была уже слишком слаба для таких походов. Ральф продолжал ходить в кино и после смерти жены. Чаще всего — один, хотя пару раз Элен Дипно составила ему компанию, когда дома был Эд, который мог присмотреть за ребенком (сам Эд почти никогда не ходил в кино, ссылаясь на то, что в кинотеатрах у него болит голова). Ральф постоянно звонил на автоответчик справочной, чтобы уточнить сеансы, и давно уже выучил номер наизусть. Однако в последнее время он обнаружил, что ему все чаще и чаще приходится заглядывать в справочник — он стал забывать, какие были последние цифры: 1317 или 1713.

— 1713, — сказал он вслух. — Я точно знаю.

Но так уж ли точно? На самом деле?

Перезвони Литчфилду. Давай, Ральф, — пора прекращать это дело, а то ты и вправду становишься старой развалиной. Сделай что-нибудь конструктивное. А если ты так уж не хочешь видеть Литчфилда, позвони другому врачу. В справочнике полно докторов — как говорится, выбирай на вкус.

Да, все правильно, но в семьдесят лет уже слегка поздновато выбирать себе нового доктора методом ненаучного тыка. А Литчфилду он перезванивать точно не будет. С Литчфилдом уже все. Как говорится, эпоха закончилась.

Ну хорошо, а что дальше, старый упрямый осел? Еще несколько верных советов от друзей и знакомых? Надеюсь, что нет, потому что такими темпами ты очень скоро себя утратишь.

Ответ пришел, как прохладный ветерок в жаркий летний день... и это было до нелепого простое решение. Все умные книжки если в чем и помогали, так только в том, чтобы понять само явление, но они не объяснили, как с ним бороться. По совету знакомых он перепробовал целую кучу всяких «народных» средств, вплоть до виски с медом, хотя в книгах было написано, что это либо совсем не поможет, либо поможет, но ненадолго. И хотя книги все-таки предлагали некоторые способы борьбы с бессонницей, Ральф попробовал только один из них, самый простой и самый очевидный: пораньше ложиться спать. Только оно не сработало; он просто ворочался с боку на бок до половины двенадцатого, а потом наконец засыпал и просыпался еще раньше, чем накануне. Но была одна вещь, которая могла бы помочь.

Во всяком случае, попробовать стоило.

}

Вместо того чтобы провести день в саду, Ральф пошел в библиотеку и еще раз пролистал некоторые из уже прочитанных книг. Во всех говорилось примерно одно и то же: если не получается заснуть пораньше, можно попробовать наоборот — лечь спать попозже. Ральф вернулся домой (памятуя о своем

давешнем приключении, он решил не геройствовать и дождался автобуса) с какой-то призрачной надеждой. Этот способ вполне мог сработать. А если нет, у него всегда оставались Бах, Бетховен и Уильям Аккерман в качестве эстетического снотворного.

Первая его попытка была просто смешной. Он проснулся в свое обычное время (обычным оно стало недавно), а именно в три сорок пять, с больной спиной и затекшей шеей, и честно попытался понять, как он оказался в кресле-качалке возле окна, почему включен телевизор, и он не показывает ничего, кроме «снега» и таблиц.

И только после того, как он посидел еще пять минут, откинув голову и закрыв глаза, он понял, что произошло. Он хотел посидеть в кресле до трех, а может, и до четырех утра. А потом он собирался пойти в кровать с надеждой, что он будет спать как убитый. Таков был план. Вместо этого «Величайший маньяк, страдающий от бессонницы» отрубился во время выступления Джея Лоно — как ребенок, который пытается не спать всю ночь, просто чтобы узнать, каково это. А потом, разумеется, он проснулся в этом проклятом кресле. Проблема осталась, как сказал бы Джо Фрайдей, сменилась лишь дислокация.

Ральф все равно дополз до кровати, еще на что-то надеясь, но спать он уже не смог. И через час он поднялся и снова уселся в кресло, на этот раз — с подушкой, которую он подложил под голову, грустно улыбаясь.

4

А вот во второй попытке, которую Ральф предпринял на следующий день, уже не было ничего смешного. Он начал поклевывать носом в свое обычное время — двадцать минут двенадцатого, как раз, когда Пит Черни рассказывал о прогнозе погоды на завтра. Но в этот раз Ральф мужественно поборол сон и боролся с ним все ток-шоу Вупи (правда, он почти задремал во время беседы Вупи с Розанной Арнольд, сегодняш-

ним гостем студии) и весь ночной фильм, который шел после. Это был старый фильм с Эдди Мерфи, в котором он, совершенно один и совсем безоружный, выиграл войну в Тихоокеанском регионе. Ральфу иногда казалось, что между всеми программными директорами всех каналов был страшный заговор, и рано утром они показывали только фильмы с Эдди Мерфи или Джеймсом Бролином.

После того как взорвался последний японский домик, второй канал отключился. Ральф пощелкал пультом, пытаясь найти еще какой-нибудь фильм, и не нашел ничего, кроме «снега». Если бы у него было кабельное, он мог бы смотреть кино хоть всю ночь напролет, как Билл, сосед снизу, или Луиза. Он собирался поставить декодер в этом году, но потом умерла Каролина — и ему стало уже не до кабельного телевидения.

Он нашел старый номер иллюстрированного спортивного журнала и принялся очень внимательно читать статью про женский теннис, которую пропустил, когда в первый раз пролистывал журнал. Он читал, поглядывая на часы чуть ли не каждую минуту, до трех утра, когда глаза начали закрываться сами собой. Он был почти уверен, что на этот раз у него все получится. Веки были такими тяжелыми, как будто их залили бетоном, и хотя он читал статью очень внимательно, слово за словом, он так и не уловил, что пытался сказать автор. Целые предложения проскальзывали сквозь сознание, как космические лучи — не задерживаясь и ни за что не цепляясь.

Сегодня я буду спать — мне действительно кажется, что я буду нормально спать. Впервые за много месяцев солнце взойдет без моей непосредственной помощи, и это не просто хорошо, друзья и соратники, это замечательно.

Но после трех эта приятная сонливость начала улетучиваться. Она не исчезла разом, а потихонечку утекла, как песок сквозь пальцы или как вода, сочащаяся из крана капля за каплей. Когда Ральф понял, что происходит, он почувствовал не раздражение и не панику, а скорее ужасную усталость. Это чувство Ральф охарактеризовал как полную противоположность

надежде, и к тому времени, как он добрался до кровати, на него навалилась такая депрессия, каких с ним не случалось уже очень давно. Она буквально душила его, не давая вздохнуть.

— Господи, ну пожалуйста, хоть сорок минут, — пробормотал он, выключая свет, но у него было стойкое подозрение, что эта молитва останется без ответа.

Так и случилось. Хотя он не спал почти сутки, а на часах было уже без четверти четыре, спать не хотелось совершенно. Никогда в жизни он не чувствовал себя таким измотанным и усталым, но устать и хотеть спать — это совсем не одно и то же, как он понял в эту ночь. Сон, этот невидимый спутник и друг, самая лучшая и заботливая из нянек человечества с самых древних времен, снова покинул его.

К четырем утра Ральф возненавидел свою кровать, как это бывало всегда, когда он понимал, что сегодня заснуть уже не удастся. Он встал на пол босыми ногами, запустил руку под расстегнутую пижамную куртку и почесал волосатую грудь — когда-то черную и курчавую, а теперь почти всю седую. Он надел тапочки и поплелся в комнату, где рухнул в кресло-качалку и уставился в окно на Харрис-авеню. Улица выглядела как сцена, на которой сейчас был только один актер, да и то не человек, а бродячая собака, которая шла по улице по направлению к парку Строуфорд и холму. Она часто задирала лапу, видимо, считая своим долгом удобрить каждое дерево на Харрис-авеню.

— Привет, Розали, — пробормотал Ральф и протер кулаками глаза.

Был четверг, а по четвергам на Харрис-авеню собирали мусор, так что Ральф вовсе не удивился, увидев Розали, которая шаталась по их кварталу и его окрестностям уже год или даже больше. Она медленно шла по улице, исследуя мусорные баки и пакеты с разборчивостью завсегдатая дорогого супермаркета.

Вот Розали — которая в то утро хромала как-то особенно сильно и выглядела такой же усталой, каким себя чувствовал Ральф — нашла что-то похожее на хорошую кость и, схватив ее в зубы, побежала дальше. Ральф проводил ее взглядом, а по-

том устроился поудобнее в кресле и, сложив руки на коленях, стал смотреть на тихую улицу. Желтые фонари усиливали ощущение, что это всего лишь сцена: вечерний спектакль давно закончился, актеры разошлись по домам, а свет фонарей был каким-то мистическим, отчего вся улица напоминала некую сюрреалистическую галлюцинацию.

Ральф Робертс сидел в своем кресле-качалке, где он провел уже много таких часов рано утром, и ждал, пока солнечный свет и движение не оживят этот безжизненный мир перед ним. И вот первый актер — почтальон Пит — въехал на сцену на своем велосипеде. Он ехал по улице, на ходу доставая газеты из заплечной сумки и кидая их на крыльцо домов, причем попадал далеко не всегда.

Ральф немного понаблюдав за ним, потом вздохнул и встал заварить себе чай.

— Что-то я не припомню, чтобы у меня в гороскопе было такое дерьмо, — сказал он без всякого выражения, потом включил газ и налил в чайник воды.

Долгое-долгое утро того четверга и еще более долгий день преподали Ральфу один важный урок: не стоит жаловаться, что теперь ты спишь только три-четыре часа, лишь потому, что всю жизнь ты прожил с дурацким убеждением, что человеку этих часов полагается шесть или семь. К тому же, если ничего не изменится, ему надо свыкнуться с мыслью, что теперь так будет почти всегда. Впрочем, какое «почти»? Если ничего не изменится, то так будет всегда. Он попробовал лечь в постель в десять утра, а потом — в час дня, надеясь на короткий отдых. Он был согласен просто подремать. Хотя бы полчаса, это было бы уже хорошо... но у него не получилось даже задремать. Он с ног валился от усталости, но спать не хотел совершенно.

Около трех часов он решил сделать себе суп из пакетика. Налил в чайник воды, поставил его кипятиться и открыл шкаф,

где хранились приправы, специи и разные пакетики и стаканчики с полуфабрикатами, которые ели, судя по всему, лишь космонавты и старики — порошки, которые просто разводишь в горячей воде.

Он раздвинул баночки и бутылочки и потом долго смотрел в шкафчик, как будто ожидая, что пакетики с супом сами появятся на свободном пространстве, которое он сейчас освободил, — бах и все. Когда этого не случилось, он повторил весь процесс, только в обратном порядке. На этот раз расставил все по местам, а потом снова устался в шкаф с искренним недоумением, которое потихоньку становилось (к счастью, Ральф об этом не знал) его основным выражением.

Когда чайник вскипел, он переставил его на одну из него-рящих конфорок и опять пошел к шкафу. До него начало доходить — очень и очень медленно, — что он скорее всего съел последний пакетик супа еще вчера или даже позавчера, хотя он совершенно об этом не помнил.

— Это такой сюрприз? — спросил он у коробочек и бутылок в открытом шкафу — Я так устал, что даже не помню, как меня-то зовут.

Ну почему же, прекрасно помню, подумал он. Бонд. Джеймс Бонд. Будем знакомы.

Шутка была не из лучших, но он почувствовал, как у него на губах мелькнула улыбка — легкая, словно перышко. Он пошел в ванную, причесался и спустился вниз. В голову лезли уже совершенно дурацкие мысли: вот Эдди Мерфи, он проникает на вражескую территорию в поисках провианта. Главная цель — коробка порошковых супов с курицей и рисом. Если захватить этот объект окажется невозможным, тогда второстепенная цель: лапша с говядиной. Я знаю, что это очень рискованное задание, но...

— ...но я сделаю все возможное, — закончил он вслух, выходя на крыльцо.

Мимо как раз проходила старая миссис Перрин. Она как-то странно взглянула на Ральфа, но ничего не сказала. Он по-

дождал, пока она отойдет подальше; сегодня ему не хотелось ни с кем разговаривать, и уж меньше всего — с миссис Перрин, которая в свои восемьдесят два была еще очень даже бодра и даже умудрялась работать в Пэррис-Айленд, в центре приема новобранцев морской пехоты. Он сделал вид, что изучает какое-то вьющееся растение, и изучал его до тех пор, пока она не отошла на достаточно безопасное расстояние, а потом перешел на ту сторону улицы и направился к «Красному яблоку». И именно там начались самые главные неприятности того длинного дня.

6

Ральф зашел в продуктовый отдел, размышляя о своем крайне неудачном эксперименте и уже склоняясь к мысли, что все научные книжные рекомендации — это всего лишь печатные варианты столь же бесполезных дружеских советов. Судя по всему, так оно и было. Не очень приятная мысль, но его измученное бессонницей сознание (или какая-то другая сила, прячущаяся за сознанием, сила, которая, собственно, и отвечала за эту медленную пытку лишением сна) прислало ему что-то вроде письма, содержание которого было еще более неприятным. *У тебя есть окошко в сон, Ральф. Оно, конечно, не такое большое, как раньше, и похоже, что с каждой неделей оно становится все меньше и меньше, но ты должен быть благодарен судьбе за то, что у тебя есть хоть что-то, потому что маленькое окно — это все-таки лучше, чем вообще ничего. Теперь ты это понимаешь, правда?*

— Да, — буркнул Ральф себе под нос и прошел в центр зала, туда, где стояли яркие красные коробки с растворимыми супами. — Я прекрасно все понимаю.

Сью, девушка, которая работала в магазине после обеда, весело рассмеялась.

— Ральф, у тебя, кажется, завелись деньги в банке, — сказала она.

— Что-что? — Ральф даже не обернулся. Он изучал красные коробки. Так... лук... горох... говядина с лапшой... где, черт побери, курица с рисом?

— Моя мама всегда говорила, что у людей, которые сами с собой разговаривают... О Господи!

Сначала Ральфу показалось, что она произнесла какую-то замысловатую фразу, слишком сложную для его измученного мозга, что-то типа того, что люди, которые разговаривают сами с собой, обретают Бога, а потом она закричала. Он как раз наклонился, чтобы изучить коробки на нижней полке, и от ее крика у него задрожали колени. Он быстро обернулся, задев полку локтем и уронив на пол десяток коробок с супами.

— Сью? Что случилось?

Сью не обратила на него внимания. Она смотрела на улицу, прижав руки к губам и широко распахнув глаза.

— Господи, посмотрите, кровь, — выдавила она.

Ральф повернулся, попутно сшибив на пол еще несколько коробок, и посмотрел на улицу сквозь грязную витрину. То, что он там увидел, настолько его потрясло, что ему потребовалось несколько секунд — может быть, целых пять, — чтобы понять, что окровавленная, избитая женщина, идущая к магазину, была не кто иная, как Элен Дипно. Ральф всегда думал, что Элен — самая красивая женщина в их квартале, если вообще не в районе, но сегодня в ней не было ничего красивого. Один глаз заплыл, на левой скуле — яркий кровоподтек, на месте которого скоро появится огромный желтый синяк, распухшие губы и щеки залиты кровью, кровь течет из разбитого носа. Элен прошла сквозь маленькую стоянку ко входу в магазин. Ее здоровый глаз, казалось, вообще ничего не видел — смотрел, но не видел.

— Господи Иисусе, она же сейчас уронит ребенка! — закричала Сью, и хотя она стояла шагов на десять ближе к двери, чем Ральф, она не двинулась с места. Она просто стояла, прижав к губам кулаки и широко раскрыв глаза.

Ральф больше не чувствовал себя усталым. Он побежал по проходу, распахнул дверь, выскочил на улицу и очень

вовремя схватил Элен за плечи: как раз в тот момент, когда она уже начала заваливаться на холодильник — к счастью, не тем боком, где была Натали, — и развернул ее в другом направлении.

— Элен, — закричал он. — Господи, Элен, что случилось?

— А? — переспросила она каким-то безжизненным голосом, совсем не похожим на голос той милой женщины, которая иногда ходила с ним в кино и обожала Мела Гибсона. Ее здоровый глаз посмотрел на него все с тем же тупым безразличием. Судя по всему, она сейчас не понимала, кто она такая, где находится и что с ней происходит. — А? Ральф? Что?

Ребенок соскользнул вниз. Ральф отпустил Элен и успел схватить Натали за свитер. Нат закричала, замахала руками и уставилась на Ральфа своими большими синими глазами. Он перехватил Натали поудобнее и отпустил ее свитер. Пару секунд она балансировала у него на руке, как гимнаст на бревне, и Ральф почувствовал ее подгузник — кажется, хлюпающий и мокрый, — который был надет под комбинезончиком. Потом он обнял малышку и прижал к груди. Сердце бешено колотилось, и хотя Натали уже была в безопасности, ему все еще виделось, как она соскальзывает и падает, ударяясь головой об асфальт с тошнотворным трескучим звуком.

— А? Ральф? — тупо повторила Элен. Она увидела Натали на руках у Ральфа, и на мгновение ее безразличный взгляд стал осмысленным. Она протянула руки к ребенку, и Натали повторила ее жест своими маленькими ручонками. Потом Элен пошатнулась, ударилась об угол и отступила на шаг. Одна нога зацепилась за другую (Ральф заметил пятна крови на ее маленьких белых тапочках; было так странно осознавать, что мир опять обрел краски и все вновь стало ярким, по крайней мере сейчас), и она бы упала, если бы Сю наконец не вышла из ступора и не распахнула бы дверь, чтобы выйти наружу. И вместо того чтобы упасть, Элен привалилась к открытой двери и сползла по косяку, как пьяница по забору.

— Ральф? — Да, в ее глазах больше не было безразличия, но Ральф увидел там не интерес, а недоверие. Она глубоко вздох-

нула и попыталась выговорить что-нибудь более или менее внятное распухшими, разбитыми губами. — Тай. Тай мне мою маленькую. Тай мне На-та-ли.

— Не сейчас, Элен, — сказал Ральф. — Ты и на ногах-то стоять не можешь.

Сью все еще стояла по другую сторону двери, придерживая ее так, чтобы Элен не упала. Ее лицо было мертвенно-бледным, а в глазах стояли слезы.

— Иди сюда, — сказал Ральф. — Помоги ей подняться.

— Я не могу, — всхлипнула Сью. — Она вся в кро... в кров... в крови!

— Ради Бога, прекрати истерику! Это же Элен! Элен Дипно с нашей улицы.

И хотя Сью прекрасно об этом знала, имя, произнесенное вслух, совершило чудо. Сью протиснулась в дверь и, когда Элен снова стала сползать вниз, приобняла ее за плечи и поддерживала, не давая упасть. Выражение бесконечного удивления застыло на лице Элен. Ральф вдруг поймал себя на том, что ему больно на это смотреть. Его буквально мутило.

— Ральф? Что случилось? Какой-то несчастный случай?

Он повернул голову и увидел Билла Макговерна, который стоял у въезда на стоянку. На нем была элегантная синяя рубашка, даже со складками от утюга. Он прикрыл глаза ладонью — на удивление тонкой ладонью с длинными пальцами, — чтобы лучше рассмотреть, что происходит у магазина. Выглядел он как-то странно: беззащитным и чуть ли не голым, — но сейчас Ральфу было не до того, чтобы задумываться о причинах; слишком много всего происходило.

— Это не несчастный случай, — сказал он. — Ее избили. Возьми ребенка.

Он протянул Натали Макговерну, который сначала отшатнулся, а потом все-таки взял ее на руки. Натали тут же снова расплакалась. У Макговерна был такой вид, как будто ему вручили переполненный бумажный пакет из тех, которые выдают в самолетах для вполне определенных целей. Он держал девочку на вытянутых руках, так что ее ножки болтались в воздухе.

У него за спиной уже собиралась толпа, там было много детей в бейсбольной форме, видимо, возвращавшихся с тренировки на спортивной площадке за углом. Мальчишки смотрели на окровавленное и распухшее лицо Элен с каким-то странным интересом, и Ральф почему-то вспомнил библейскую притчу о том, как Ной напился пьяным и заснул голым у себя в шатре, и хорошие сыновья отвернулись, чтобы не видеть срама отца, а плохой сын смотрел...

Он аккуратно отстранил Сью и сам подхватил Элен. Она взглянула на него здоровым глазом. В этот раз она произнесла его имя более внятно, и он уловил в ее голосе благодарность и чуть не расплакался.

— Сью, возьми ребенка. Билл не умеет с ними обращаться.

Она сделала, как он сказал. Умело и ласково взяла малышку на руки. Макговерн благодарно ей улыбнулся, и Ральф вдруг понял, что было не так во внешности Билла. Он был без своей обычной панамы, которая (по крайней мере летом) воспринималась даже не как одежда, а уже как часть его самого — как, например, жировик у него на носу.

— Эй, мистер. а что случилось? — спросил один из бейсболистов.

— Ничего, что касалось бы тебя, — сказал Ральф.

— Такое впечатление, что она провела несколько раундов с Риддиком Бове.

— Скорее уж с Тайсоном, — сказал другой, и, что самое ужасное, кое-кто из ребят рассмеялся.

— Убирайтесь отсюда! — закричал на них Ральф, внезапно раскрипев. — Идите займитесь своими делами.

Они отошли на несколько шагов, но не ушли совсем. Они смотрели на кровь — на настоящую кровь, а не на картинку на телеэкране.

— Элен, ты можешь идти?

— Да... умаю... думаю, да.

Он осторожно завел ее в магазин. Она шла медленно, еле передвигая ноги, как древняя старуха. От нее пахло потом и адреналином, и Ральфа снова начало подташнивать, но, судя

по всему, не от запаха. Он никак не мог осознать, что вот эта Элен и та милая сексапильная женщина, с которой он разговаривал еще вчера, — это один и тот же человек.

Ральфу вдруг кое-что вспомнилось про вчерашний день. Вчера на Элен были голубые шорты, достаточно короткие, и он заметил несколько синяков у нее на ногах — большое желтое пятно на бедре и свежий темный синяк на правой икре.

Он довел Элен до маленькой комнатки за кассой. Мимоходом взглянул в прозрачное зеркало, которое висело в углу, чтобы кассир мог наблюдать за торговым залом, не поворачивая головы, и увидел Билла Макговерна, который придерживал дверь для Сью.

— Запри дверь, — бросил он через плечо.

— Господи, Ральф, но мне нельзя...

— Всего лишь на пару минут, — сказал Ральф. — Пожалуйста.

— Ну хорошо. Если на пару минут, то, наверное, ничего страшного...

Когда Ральф усаживал Элен в пластиковое кресло за захламленным столом, он услышал, как щелкнул замок на входной двери. Он поднял телефонную трубку и набрал 911. Но, прежде чем на том конце линии успели ответить, окровавленная рука нажала на серую кнопку сброса, и в трубке раздался длинный гудок.

— Ральф... не на... — Элен сглотнула с видимым усилием и попробовала еще раз. — Не надо.

— Надо, — сказал Ральф. — Надо.

Теперь в ее взгляде был только страх.

— Нет, — сказала она. — Пожалуйста, Ральф. Не надо. — Она посмотрела куда-то мимо него и умоляюще протянула руки. От одного только взгляда на ее побитое окровавленное лицо Ральфа аж передернуло.

— Ральф, — сказала Сью. — Она хочет девочку.

— Я знаю. Отдай.

Сью протянула Натали Элен, и девочка — ей было чуть меньше года, в этом Ральф был абсолютно уверен — обняла

мать своими крошечными ручонками и прижалась лицом к ее плечу. Элен поцеловала Натали в макушку. Ей было больно, но она поцеловала дочку еще раз. И еще. Кровь у нее на шее уже засохла и стала похожей на грязь. Ральф опять разъярился.

— Это Эд, да? — спросил он. Конечно, это был Эд — обычно люди не мешают тебе звонить в полицию, если их просто избили на улице, — но он должен был спросить.

— Да, — прошептала она, зарывшись лицом в волосы дочки, так что Ральф едва-едва ее расслышал. — Да, это Эд. Но ты не будешь звонить в полицию. — Она взглянула на него, в ее взгляде были страх и страдание. — Пожалуйста, не звони, Ральф. Мне больно думать, что отца Натали посадят в тюрьму за... за...

И тут Элен расплакалась. Пару секунд Натали удивленно смотрела на мать, а потом тоже заплакала.

7

— Ральф, — нерешительно спросил Макговерн, — может, сходить принести тайленола или еще что-нибудь?

— Лучше не надо, — отозвался Ральф. — Мы же не знаем, насколько сильно ее избили и есть ли какие-то внутренние повреждения. — Он посмотрел в окно, хотя ему не хотелось видеть того, что там происходило, и он очень надеялся, что там ничего не будет, но оно все-таки было: толпа людей, с любопытством глядящих на магазин, — их было так много, Ральф даже не видел, где кончается эта толпа. Некоторые пытались разглядеть, что происходит внутри.

— И что мы теперь будем делать? — спросила Сью. Она поглядывала на зевак, нервно дергая края передника. Всем служащим «Красного яблока» вменялось в обязанность носить такие передники. — Если начальство узнает, что я закрыла магазин в рабочие часы, меня уволят с работы.

Элен дернула Ральфа за руку:

— Пожалуйста, Ральф, — повторила она, только у нее получилось «Пжаста, Рафф», потому что губы были разбиты. — Не звони никому.

Ральф неуверенно взглянул на нее. За свою долгую жизнь он повидал немало избитых женщин, и видел таких (хотя, если честно, их было совсем немного), которые были избиты куда сильнее, чем Элен. Но, может быть, только теперь он почувствовал, как это страшно. Его мировоззрение и моральные принципы формировались в те времена, когда все, что происходило между мужем и женой за закрытыми дверями их дома, считалось их личным делом — в том числе и если мужчина лупил жену, и если жена костерила мужа на чем свет стоит. Переделать людей нельзя, и лезть в их личные дела — даже с самыми что ни на есть благими намерениями — значит нажать себе врагов и потерять друзей.

Но тут ему вспомнилось, как Элен несла Натали, когда шла по парковке: несла, прижав к боку, как сумку. Если бы она уронила ребенка на стоянке или переходя через Харрис-авеню, она бы скорее всего этого не заметила; Ральф решил, что только инстинкт подсказал Элен взять дочку с собой. Она не хотела оставлять Натали с мужчиной, который избил ее так, что теперь она видела только одним глазом и выговаривала не все буквы.

И еще ему вспомнилась одна вещь. Это было несколько месяцев назад, сразу после смерти Каролины. Ральф тогда сам удивился глубине своего горя — все-таки смерть Каролины была уже неизбежной; он знал, что она скоро умрет, и ему казалось, что он израсходовал весь запас страданий еще тогда, когда Каролина была жива, — в общем, когда она умерла, он сам словно выпал из жизни и даже не мог позаботиться о необходимых «последних приготовлениях». Он еще как-то нашел в себе силы позвонить в похоронное бюро «Бруклинс Смит», но по большому счету все заботы и хлопоты взяла на себя Элен. Именно Элен опубликовала некролог в «Дерри ньюз», именно Элен ходила с ним выбирать гроб (Макговерн, который ненавидел смерть и все, что с ней связано, взял самоотвод), имен-

но Элен помогла ему выбрать венок с лентой «Любимой жене». И именно Элен организовала маленькие домашние поминки после похорон, заказала сэндвичи в забегаловке Фрэнка, а напитки и пиво — в «Красном яблоке».

Все это Элен сделала для него, когда он был просто не в состоянии делать что-то сам. И разве мог он теперь не ответить добром на добро, даже если ей в данный момент казалось, что это совсем не добро?!

— Билл, — спросил он. — А ты что думаешь?

Макговерн перевел взгляд с Ральфа на Элен, которая сидела в пластиковом кресле, низко опустив голову, потом — снова на Ральфа. Он вытащил из карман платок и нервно вытер губы.

— Я не знаю. Мне очень нравится Элен, и я хочу сделать все правильно. Ты знаешь, что я хочу... но в данном конкретном случае... кто знает, как будет правильно?

Ральф вдруг вспомнил, что обычно говорила ему Каролина, если он начинал ныть по поводу того, что ему не хочется что-то делать, — например, по поводу какого-нибудь поручения или нужного, но не очень приятного звонка: *Долог и труден обратный путь в Рай, дорогой, так что не жалуйся по пустякам.*

Он опять потянулся к телефону, и когда Элен вновь попыталась перехватить его руку, он мягко ее оттолкнул.

— Вы позвонили в Полицейское управление Дерри, — сказал ему автоответчик. — Наберите единицу, чтобы вызвать «скорую», двойку — чтобы вызвать полицию, тройку — чтобы связаться со справочной.

Ральф, который вдруг понял, что ему нужны все три службы, секунду поколебался, а потом набрал двойку. Телефон загудел, а потом в трубке раздался женский голос:

— Полицейская служба 911, чем я могу вам помочь?

Ральф сделал глубокий вдох и сказал:

— Это Ральф Робертс. Я сейчас в магазине «Красное яблоко», что на Харрис-авеню, и здесь со мной моя соседка. Ее зовут Элен Дипно. Ее сильно избили. — Он ласково прикос-

нулся к щеке Элен, и та прижалась лбом к его боку. Он чувствовал жар ее кожи даже сквозь рубашку. — Приезжайте как можно скорее.

Потом он повесил трубку и присел на карточки перед Элен. Увидев его, Натали радостно закричала и по-дружески стукнула его пятерней в нос. Ральф улыбнулся, поцеловал ее крошечную ладошку и посмотрел в лицо Элен.

— Извини, Элен. Но я должен был это сделать. Просто не мог не сделать. Ты понимаешь? Просто не мог.

— Я ничего не понимаю! — сказала она. Кровь из носа уже не текла, но когда Элен попыталась дотронуться до него, она вздрогнула от боли.

— Элен, за что он тебя так избил? Почему? — Ральф вдруг поймал себя на том, что он помнит другие синяки и шрамы. Вполне может статься, что это — далеко не первый раз. И если это действительно так, то получается, он вообще ничего не видел до сегодняшнего дня. Это все из-за смерти Каролины. И из-за бессонницы, которая грянула следом. Но как бы там ни было, это наверняка был не первый раз, когда Эд поднял руку на свою жену. Сегодня был крайний случай, но далеко не первый. Если подумать, то это вполне логично, но одно дело — осознавать умом, и совсем другое — поверить, что Эд на такое способен. Ральф представил себе улыбку Эда, его живые и выразительные глаза, его слегка нервную жестикуляцию... Эд всегда двигал руками, когда разговаривал... но он, хоть убей, не мог представить себе, как этими же руками Эд избивает свою жену. Не мог — и все.

А потом в памяти возникла другая картинка: как Эд идет к человеку, который вел голубой пикап — кажется, это был «форд рейнджер», — а потом бьет кулаком прямо в челюсть этому здоровяку. И теперь, когда он это вспомнил, ощущение было такое, как будто он открыл старый шкаф, который остался еще от прабабушки, только из памяти-шкафа вывалилась не куча старого хлама, а множество ярких образов, оставшихся с того июльского дня, еще с прошлого года. Тучи, собирающиеся над аэропортом. Рука Эда, высовывающаяся из окна «дат-

суна» и машущая вверх-вниз, как бы подгоняя ворота открыться быстрее. Шарф с китайскими иероглифами.

Хей, хей, Сьюзан Дей, ты сколько сегодня убила детей? — подумал Ральф, но голос, прозвучавший у него в голове, был голосом Эда, и Ральф уже знал, что сейчас ему скажет Элен. Знал еще до того, как она открыла рот.

— Так глупо, — сказала она безразличным тоном. — Он избил меня за то, что я подписала петицию... вот и все. Они ходят по всему городу. Кто-то сунул ее мне под нос, когда я позавчера ходила в супермаркет. Этот парень, который собирал подписи, говорил что-то такое о защите Женского центра, и мне это показалось правильным. К тому же малышка вела себя беспокойно... и я просто...

— Просто подписала петицию, — мягко закончил за нее Ральф.

Она кивнула и снова расплакалась.

— А что за петиция? — спросил Макговерн.

— Чтобы Сьюзан Дей приехала в Дерри, — сказал Ральф. — Она феминистка...

— Я знаю, кто такая Сьюзан Дей, — нетерпеливо перебил его Макговерн.

— В общем, группа энтузиастов пытается вызвать ее сюда, чтобы она сказала речь. В защиту Женского центра.

— Когда Эд сегодня пришел домой, он был в отличном настроении, — проговорила Элен сквозь слезы. — По четвергам он почти всегда приходит в хорошем настроении, потому что четверг — это короткий день. Он начал рассказывать, как он планирует провести этот вечер, потом взял книгу и сделал вид, что читает, только на самом деле он наблюдал за дождевой установкой в саду... ну, вы знаете, какой он...

— Да, я знаю, — сказал Ральф, вспомнив, как Эд засовывал руку в одну из бочек, которые вез в кузове здоровяк, и эту хитрую ухмылку (Знаю я ваши штучки) у него на лице. — Да, я знаю, какой он.

— Я попросила его сходить за детским питанием... — Она повысила голос, и он сделался каким-то испуганным и кап-

ричным. — Я не знала, что он так расстроится... Честно сказать, я совершенно забыла об этой дурацкой петиции, и что я ее подписала... мне до сих пор непонятно, почему он так разозлился... но... но когда он вернулся... — Она прижала к себе Натали. Ее била дрожь.

— Тише, Элен, все хорошо, успокойся.

— Нет, все плохо! — Она взглянула на Ральфа, из ее здорового глаза катились слезы. — Все очень плохо! Почему он не остановился на этот раз?! И что будет со мной и с ребенком?! Куда нам деваться?! У меня нет денег, все деньги лежат на семейном счету... У меня нет работы... Ральф, зачем ты вызвал полицию? Я же просила: не надо! — И она ударила его по локтю своим маленьким кулачком.

— Все будет хорошо. Ты справишься, — сказал он ободряюще. — Ты не одна. У тебя есть много друзей в этом районе.

Он почти не слышал собственных слов и уж тем более не почувствовал ее удар. В нем опять закипал гнев, стучал в висках и в груди, как второе сердце.

Не *«Почему он не остановился?»*. Она сказала не так. Она сказала: *«Почему он не остановился на этот раз?»*

На этот раз.

— Элен, а где сейчас Эд?

— Наверное, дома, — отозвалась она безразлично.

Ральф положил руку ей на плечо, потом повернулся и пошел к выходу.

— Ральф? — встревожился Билл Макговерн. — Ты куда собрался?

— Запри за мной дверь, — сказал Ральф Сью.

— О Господи, я не знаю... смогу ли я... — Сью с сомнением посмотрела на толпу зевак, пляшущихся сквозь витрины. Теперь их стало еще больше.

— Сможешь. — Ральф прислушался. Кажется, он услышал сирены. — Слышишь меня?

— Да, но...

— Полицейские скажут тебе, что делать, и твой босс все поймет и не будет злиться, можешь не сомневаться. А мо-

жет, он даже выдаст тебе медаль за то, что ты все сделала правильно.

— Если такое случится, я поделюсь этой медалью с тобой, — сказала она, а потом вновь взглянула на Элен. Ее щеки уже слегка порозовели, но только совсем чуть-чуть. — Господи, Ральф, посмотри на нее! Неужели он ее так избил только за то, что она подписала какую-то идиотскую бумажку?

— Судя по всему, так оно и было, — сказал Ральф.

Разговор был, конечно же, важен, но сейчас его ярость была важнее и ближе. Она уже обхватила своими обжигающими руками его шею. По крайней мере такое у него было ощущение. И сейчас он жалел лишь об одном: что ему уже не сорок или хотя бы пятьдесят. Будь он помоложе, он бы «подлечил мозги» Эду Дипно его же собственными методами. Впрочем, у него было стойкое подозрение, что он все равно попытается это сделать.

Ральф уже открывал замок на двери, когда Макговерн схватил его за плечо.

— Ты соображаешь, что делаешь?

— Иду поговорить с Эдом.

— Ты что, рехнулся?! Да он тебя на клочки изорвет, если ты только попробуешь его тронуть. Ты что, не видишь, что он с ней сделал?

— Вот уж что вижу, то вижу, — ответил Ральф. Не очень вежливо, да, но зато Макговерн сразу же убрал руку с его плеча.

— Тебе семьдесят лет, семьдесят, мать твою, если ты вдруг забыл. А Элен сейчас нужен друг, а не какая-то полудохлая развалина, которую она будет навещать часто-часто, потому что ее палата всего на три этажа выше твоей.

Билл, конечно, был прав, но от этих слов Ральф разозлился еще больше. Судя по всему, бессонница тоже сыграла свою роль, подпитывая его гнев и застилая глаза, но это уже не имело значения. В любом случае эта злость была истинным облегчением. Уж лучше сгорать от ярости, чем скитаться по блеклому миру, где все стало тусклым и серым.

— Если он меня избьет, мне скорее всего пропишут диме-рол, и тогда я хотя бы смогу нормально спать по ночам, — невесело усмехнулся он. — Так что оставь меня, Билл. Я знаю, что делаю.

Он вышел на улицу и быстро прошел через стоянку. К магазину уже подъезжала полицейская машина, мигая красно-синими огнями. «Что случилось? С ней все в порядке?» — вопросы сыпались градом, но Ральф их как будто не слышал. Он задержался на тротуаре, подождал, пока полицейская машина припаркуется у магазина, потом перешел на ту сторону Харрис-авеню. Все тем же решительным, быстрым шагом. А следом за ним, выдерживая безопасное расстояние, шел встревоженный Билл Макговерн.

Глава 3

1

д и Элен Дипно жили в маленьком деревянном домике шоколадного цвета с кремовой отделкой — из тех аккуратных и симпатичных домов, которые старые дамы всегда называют «миленькими», — всего в четырех домах от дома Ральфа и Билла Макговерна. Каролина частенько говорила, что Эд и Элен принадлежат к «Церкви Яппи Последних Дней», в этих словах не было никакой злости или издевки — все-таки она очень любила молодую чету Дипно. Они были нестрогими вегетарианцами, то есть запросто ели рыбу и молочные продукты, голосовали за Клинтонна на последних выборах, и на их машине — не на «датсуне», а на новеньком мини-фургончике — были наклейки с надписями: РАСЩЕПЛЯЙТЕ ДЕРЕВО, А НЕ АТОМ и МЕХА НА ЖИВОТНЫХ, А НЕ НА ЛЮДЯХ.

А еще у них была целая коллекция старых пластинок еще шестидесятых годов — этой коллекцией, кстати сказать, они

окончательно покорили Каролину, — и теперь, подходя к домику Дипно и сжимая на ходу кулаки, Ральф услышал, как Грэйс Слик надрывно выпевает один из этих старых гимнов Сан-Франциско.

Одна таблетка — и ты вырастешь в великана,
Другая — и ты снова маленький,
А та, что дает тебе мама,
Вообще ничего не делает,
Спроси об этом Алису, когда в ней десять футов.

Музыка доносилась из магнитофона, стоявшего на маленьком крыльчке. Поливальная установка на газоне шипела пш-пш и плевалась водой; над ней висели маленькие радуги, и блестящие капли воды летели на дорожку. Голый по пояс Эд Дипно сидел скрестив ноги в плетеном кресле слева от бетонной дорожки. Он сидел и глядел на небо, как будто пытаясь решить, на что больше похоже проплывающее там облако: на лошадь или на единорога. Одной ногой он отбивал ритм. Открытая книга, лежавшая вверх обложкой у него на коленях, вполне соответствовала играющей музыке. «Даже девчонкам ковбоев бывает грустно» Тома Роббинса.

Просто-таки идеальная летняя пастораль; сцена безмятежного отдыха в маленьком городке. Если бы Норман Роккуэлл изобразил бы ее на картине, он бы назвал эту картину не иначе как «Послеобеденный отдых». Вот только одна деталь портила впечатление — кровь на костяшках пальцев у Эда и на стеклах его круглых очков а-ля Джон Леннон.

— Ральф, ради Бога, только не лезь с ним в драку, — зашипел Билл на Ральфа, когда тот сошел с тротуара и направился через газон. Он прошел прямо под струями воды из поливалки, но даже этого не заметил.

Эд повернулся, увидел его и радостно заулыбался:

— Эй, Ральф! Рад видеть тебя, старина!

В воображении Ральф уже опрокидывал кресло Эда, валил его на землю и втаптывал его в его же газон. Ему очень живо представились глаза Эда, распахнувшиеся от потрясения и изумления за стеклами очков. Эта мысленная картинка была на-

столько яркой и правдоподобной, что он почти что увидел, как солнце отразилось блестящим зайчиком от часов Эда, когда тот попытался сесть.

— Бери пиво и тащи сюда еще стул, — сказал тем временем Эд. — Если ты вдруг настроен поиграть в шахматы...

— Пиво? Шахматы?! Господи, Эд, что с тобой такое?!

Эд ответил не сразу. Сначала он посмотрел на Ральфа с каким-то странным выражением, пугающим и в то же время таким, которое любого вывело бы из себя. Это была непонятная смесь веселья и стыда; взгляд человека, который собирается сказать: «О черт, дорогая, я что, опять забыл вынести мусор?»

Ральф указал рукой за спину, мимо Макговерна, который стоял — он наверняка бы куда-нибудь спрятался, если бы рядом было за что спрятаться — возле мокрого пятна на дорожке и с беспокойством глядел на них. С веранды дома Дипно была видна улица и площадка перед магазином. За первой полицейской машиной уже подъехала и вторая, и Ральф слышал радиопереговоры, доносившиеся из открытых окон машин. Толпа, кажется, стала еще больше.

— Здесь полиция, Эд, и это из-за Элен! — сказал он, пытаясь заставить себя не кричать, потому что кричать было нельзя, но все-таки его голос сорвался на крик. — Они здесь, потому что ты избил свою жену, тебе это понятно?

— Ага, — Эд нервно потер щеку, — вот в чем дело.

— Да, вот в чем дело, — повторил Ральф с расстановкой. Ему казалось, еще немного — и он просто взорвется от ярости.

Эд уставился мимо него на полицейские машины, на толпу, окружившую «Красное яблоко»... а потом он увидел Макговерна.

— Билл! — закричал он. Макговерн испуганно отпрянул. Но Эд либо этого не заметил, либо сделал вид, что не заметил. — Эй, приятель, иди сюда к нам! Хочешь пива?

И вот тогда Ральф понял, что сейчас он ударит Эда, разобьет его идиотские очки и, может быть, даже вобьет стекло ему в глаз. Да, сейчас он ударит Эда, и ничто его не остано-

вит. Ничто. Но в последний момент — в самый последний момент — он все-таки остановился. В последнее время ему все чаще и чаще слышался голос Каролины — правда, иной раз это он сам бормотал что-нибудь себе под нос, но бывали моменты, когда он молчал и все равно слышал голос покойной жены. И вот теперь снова... Только на этот раз, как ни странно, голос был не Каролинин. Это был голос Тригера Вашона, с которым они виделись всего-то раз или два после того случая, когда Триг спас его от грозы в тот день, когда у Каролины был первый приступ.

Эй, Ральф, старик! Ты тут осторожнее, мать твою! Этот чувак ненормальный, как бешеный пес! Может, он именно этого и добивается, чтобы ты его ударил!

Да, решил Ральф. Может быть, именно этого и добивается Эд. Почему? Кто знает... Может быть, ему хочется поразвлечься вот таким извращенным образом, а может быть, вообще не почему — просто потому, что у него крыша съехала.

— Прекрати молоть чушь, — сказал он, понизив голос едва ли не до шепота. Он был рад, что внимание Эда снова переключилось на него, но еще больше его порадовало, что с лица Эда исчезло это жуткое выражение безумного веселья. Его взгляд стал внимательным и настороженным. Это был, как подумалось Ральфу, взгляд опасного дикого зверя, который почуял опасность.

Ральф наклонился, так чтобы смотреть Эду прямо в глаза.

— Это из-за Сьюзан Дей? — спросил он тихим спокойным голосом. — Из-за Сьюзан Дей и всех эти дел с абортами? Что-то там насчет мертвых детей? Ты из-за этого избил Элен?

У него на языке вертелся еще один вопрос: *Кто ты на самом деле, Эд?* — но прежде чем он успел произнести его вслух, Эд протянул руку и сильно толкнул Ральфа в грудь. Ральф упал на мокрую траву, приземлившись на локти и плечи, и так и остался лежать, глядя на Эда, который внезапно вскочил со своего кресла-шезлонга.

— Ральф, не связывайся ты с ним, — закричал Макговерн со своего относительно безопасного места на тротуаре.

Ральф не обратил на него внимания. Он так и лежал, где упал, опираясь на локти и внимательно глядя на Эда. Он был по-прежнему зол и испуган, но теперь эти эмоции потихоньку вытесняло другое чувство: какая-то странная, холодная и нездоровая притягательность. Сейчас он видел перед собой безумие — сумасшествие в чистом виде. Перед ним был не какой-нибудь суперзлодей из комиксов, не Норман Бэйтс и не Капитан Ахаб. Это был всего-навсего Эд Дипно, который работал в Лаборатории Хоукинса на побережье: один из этих, яйцеголовых умников, как сказали бы старики, которые обычно играют в шахматы на площадке для пикников рядом с аэропортом, но все же приятный парень, пусть даже и демократ. И вот теперь этот приятный парень совершенно съехал с катушек, и это случилось отнюдь не сегодня днем, когда он узнал, что его жена подписала бумажку, снятую с доски объявлений возле супермаркета. Теперь до Ральфа дошло, что Эд безумен уже год как минимум, и он задумался о том, какие секреты скрывала Элен за своей обычной веселостью и лучезарной улыбкой и какие еще маленькие, но отчаянные знаки и сигналы тревоги, кроме синяков у нее на ногах, он умудрился не замечать столько времени.

А ведь есть еще и Натали, подумал он. Что она видела? Что она пережила? Ну разумеется, кроме того, что мать тащила ее под мышкой по Харрис-авеню, прижимая к своему окровавленному бедру.

Руки у Ральфа покрылись гусиной кожей.

Эд между тем начал ходить по лужайке туда-сюда, вновь и вновь пересекая забетонированную дорожку и вытаптывая цинии, которые Элен посадила вдоль нее. Он опять был тем Эдом, которого Ральф видел рядом с аэропортом год назад, — тем же самым, вплоть до мелочей типа этого подергивания головой и злого, острого взгляда в никуда.

Так вот что за этим скрывается, подумал Ральф. Тогда он выглядел точно так же... когда набросился на того парня возле аэропорта, на водителя пикапа. Как петух, который охраняет свою территорию, свой двор.

— Конечно, я признаю, что это не только ее вина, — быстро проговорил Эд, стуча кулаком по ладони. Он как раз проходил сквозь облако брызг, разлетавшихся от поливалки, и Ральф только теперь заметил, что вид у Эда такой, как будто он уже несколько месяцев не ел нормально. Можно было пересчитать все ребра; они просвечивали сквозь кожу.

— Да, я согласен, с глупостью можно мириться. Но до определенных пределов, — продолжал Эд. — Она как эти волхвы, которые пришли вопрошать у царя Ирода. Я имею в виду, это какими же надо быть идиотами? «Где родившийся Царь Иудейский?» И это они говорят Ироду. Мудрецы, мать их так! Правильно, Ральф?

Ральф кивнул. Конечно, Эд. Как скажешь, Эд.

Эд кивнул и продолжил ходить взад-вперед сквозь потоки воды и маленькие перекрестные радуги, стуча кулаком по ладони.

— Как в той песенке «Роллинг Стоунз». «Посмотри, посмотри, посмотри на эту глупую девчонку». Ты, наверное, эту песню не помнишь? — Эд рассмеялся, и этот смех вызвал у Ральфа ассоциацию с крысами, танцующими на битом стекле.

Макговерн опустил перед ним на колени.

— Пойдем отсюда, — пробормотал он. Ральф покачал головой, и тут Эд развернулся и снова пошел в их направлении. Макговерн быстро поднялся на ноги и вернулся на свое безопасное место на тротуаре.

— Она решила, что сможет тебя обмануть, да? — спросил Ральф. Он все еще лежал на газоне, опираясь на локти. — Она думала, ты не узнаешь о том, что она подписала петицию.

Эд сошел с дорожки, склонился над Ральфом и принялся потрясать сжатыми кулаками у него над головой. Ни дать ни взять, самый злобный злодей в старом немом кино.

— Нет-нет-нет-нет, — выкрикнул он.

«Джефферсон Заплайн» сменился группой «Энималс». Эрик Бердон завывал в стиле Джона Ли Хукера: Бум-бум-бум-бум, сейчас я тебя пристрелю. Макговерн тонко вскрикнул, решив, что Эд собирается ударить Ральфа, но Эд просто присел на

одно колено и оперся на кулаки в позе спортсмена-бегуна, который ждет выстрела стартового пистолета, чтобы сорваться с места. Его лицо было все в мелких капельках, которые Ральф поначалу принял за пот, но потом вспомнил, как Эд ходил туда-сюда под струями поливалки. Как замороженный, Ральф смотрел на пятнышко крови на очках у Эда. Оно слегка расплзлось от воды, и со стороны это смотрелось так, как будто зрачок в его левом глазу налился кровью.

— Это судьба. То, что я обнаружил, что она подписала петицию, — это судьба! И не говори, что ты этого не понимаешь! Не надо недооценивать мои умственные способности, Ральф. Ты, может быть, и стареешь, но ты далеко не дурак. Я пошел в супермаркет за детским питанием... вот в чем ирония... и увидел, что она подписала петицию этих детоубийц. Центурионы! И с ними сам Кровавый Царь. И знаешь что? Я... просто... видел... все красное!

— Кровавый Царь? А кто это?

— Да ладно тебе. — Эд хитро взглянул на Ральфа. — «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался и послал избить всех младенцев в Вифлееме и во всех пределах его, от двух лет и ниже, по времени, которое выведал от волхвов». Это Библия, Ральф. Евангелие от Матфея, глава вторая, стих 16. Ты сомневаешься? Ты, мать твою, сомневаешься, что там так написано?

— Нет, что ты. Ни в коем случае. Если ты говоришь, значит, так оно и есть. Я тебе верю.

Эд кивнул. Его глаза, поразительно чистого зеленого цвета, бегали из стороны в сторону. Потом он медленно наклонился к Ральфу и положил руки ему на плечи, как будто хотел его поцеловать. Ральф почувствовал запах пота, какого-то одоклона, который уже почти выветрился, и чего-то еще — чего-то, что пахло, как прокисшее молоко. Может быть, это был запах безумия.

По Харрис-авеню проехала «скорая» со включенными мигалками, но без сирены. Она свернула на парковку у «Красного яблока».

— Тебе лучше в это поверить, — выдохнул Эд в лицо Ральфу. — Да, тебе лучше поверить.

Его блуждающий взгляд наконец остановился на Ральфе.

— Они убивают детей, это массовое убийство, настоящая бойня, — сказал он тихим дрожащим голосом. — Вырезают их прямо из материнских утроб и вывозят из города в крытых грузовиках. Спроси себя, Ральф, сколько раз в неделю тебе на глаза попадают крытые грузовики, проезжающие по городу. Ты когда-нибудь задумывался о том, что там, под брезентом?

Эд усмехнулся и закатил глаза.

— Большинство трупов сжигают в Ньюпорте. На знаке написано свалка мусора, но на самом деле это крематорий. А часть тел вывозят из штата. В грузовиках, в самолетах... потому что эмбриональные ткани — очень дорогое сырье. И я говорю не только с позиции гражданина, всерьез озабоченного данным вопросом. Я говорю как сотрудник Лаборатории Хоукинса. Эмбриональные ткани... они... дороже... золота.

Внезапно он повернул голову и уставился на Билла Макговерна, который подошел поближе, чтобы слышать, о чем говорит Эд.

— ДА, ДОРОЖЕ ЗОЛОТА И ДРАГОЦЕННЕЕ РУБИНОВ! — закричал он, и Макговерн отскочил назад, испуганно глядя на Эда. — ТЫ ЭТО ЗНАЕШЬ, СТАРЫЙ ТЫ ПИДОР?

— Да, — пролепетал Макговерн. — Да, наверное, знаю. — Он быстро взглянул на улицу, где одна из полицейских машин уже выехала со стоянки у «Яблока» и теперь направлялась в их сторону. — Я где-то об этом читал. Кажется, в «Науке Америки».

— В «Науке Америки». — Эд презрительно рассмеялся и заговорщицки покосился на Ральфа, мол, видишь, с какими придурками мне приходится иметь дело. Потом его лицо снова стало спокойным. — Массовое убийство, — четко выговорил он. — Точно как во времена Христа. Только теперь это избиение не младенцев, а нерожденных. И не только у нас — по всему миру. Они убивают их тысячами, Ральф, миллионами,

и знаешь почему? Ты знаешь, почему мы опять оказались в царствии Кровавого Царя в этой новой эпохе тьмы?

Ральф знал. Догадаться было не сложно, если ты держишь в руках все кусочки головоломки. Если ты видел, как Эд роется в бочке с удобрениями и ищет там мертвых детей, уверенный в успехе своих поисков.

— На этот раз царь Ирод пошел намного дальше, — сказал Ральф. — Вот что ты хочешь сказать, правильно? Все дело в Мессии, да?

Он сел, ожидая, что Эд снова толкнет его или ударит, почти надеясь на это. Внутри опять закипала ярость. Конечно, это неправильно — критиковать бредовые фантазии ненормального человека, так, как будто ты критикуешь кино или пьесу — может быть, это вообще богохульно, — но то, что Элен избили из-за какой-то старой легенды, взбесило Ральфа донельзя.

Но Эд не стал его трогать. Он просто поднялся на ноги и по-деловому отряхнул руки. Вроде бы он успокоился. Радиопереговоры теперь слышались ближе — полицейская машина, которая выехала со стоянки у «Яблока», уже приближалась к дому. Эд посмотрел на машину, потом на Ральфа, который тоже поднимался на ноги.

— Можешь смеяться, но это правда, — сказал он спокойно. — Только на этот раз это уже не царь Ирод, это Кровавый Царь. Ирод скорее всего был одним из его воплощений. Кровавый Царь переходит из тела в тело и из поколения в поколение, как ребенок, который по камушкам переходит ручей, и он всегда ищет Мессию, Ральф. И всегда упускает его. Но на этот раз все может быть по-другому. Потому что Дерри другой. Все линии силы сходятся здесь. Я знаю, в это сложно поверить, но это правда.

Кровавый Царь, подумал Ральф. Элен, мне очень жаль, что все получилось именно так. Грустно все это.

Двое мужчин — один в форме, другой в штатском, оба типичные полицейские — вышли из патрульной машины и подошли к Макговерну. Ральф увидел еще двоих мужчин, одетых в

белые брюки и белые рубашки без рукавов. Они выходили из «Красного яблока». Один поддерживал Элен, которая шла осторожно, как больной после операции. Другой держал на руках Натали.

Санитары помогли Элен забраться в машину «скорой помощи». Тот, который держал ребенка, вошел вместе с ней через задние дверцы. Ральф не почувствовал в их поведении ни тревоги, ни спешки и подумал, что это хорошо. Может быть, Эд избил Элен не так сильно, как показалось вначале, — по крайней мере на этот раз.

Полицейский в штатском — здоровый, широкоплечий парень со светлыми усами и бакенбардами, которые напомнили Ральфу о временах первых в Америке музыкальных баров — подошел к Макговерну, которого он, видимо, знал. На лице полицейского в штатском расплылась лучезарная улыбка.

Эд обнял Ральфа за плечи и отвел его подальше от людей на тротуаре. Он понизил голос:

— Я не хочу, чтобы они нас слышали.

— Да, разумеется...

— Эти твари... Центурионы... слуги Кровавого Царя... их ничто не остановит. Они не успокоятся, пока не добьются своего.

— Не сомневаюсь. — Ральф взглянул через плечо и увидел, как Макговерн показывает на Эда и что-то говорит полицейскому. Тот спокойно кивнул. Он стоял, засунув руки в карманы и все еще улыбаясь.

— Дело не только в абортах, не думай! Все гораздо серьезнее. Они отнимают нерожденных младенцев у всех матерей, не только у наркоманок и шлюх... восемь дней, восемь недель, восемь месяцев, любой срок... для Центурионов нету разницы. Кровавая жатва идет днем и ночью. Настоящая бойня. Я видел тела детей на крышах, Ральф... под заборами... в коллекторах канализации... они плывут по сточным трубам...

Его глаза, огромные и зеленые, как изумруды, незряче уставились в одну точку.

— Ральф, — прошептал он. — Иногда мир полон красок. Я их видел, я начал их видеть, когда он пришел и рассказал мне. Но сейчас все краски становятся черными.

— Кто пришел и сказал тебе, Эд?

— Мы позже поговорим, — сказал Эд. Он произносил слова, двигая лишь уголком рта, как заговорщик из фильма про тюрьму, и в других обстоятельствах это показалось бы Ральфу смешным.

А потом лицо Эда озарилось лучезарной улыбкой, как у ведущих из телешоу, и эта улыбка, казалось, вытеснила безумие, как солнце прогоняет ночь. Перемена была неожиданной и даже немного жуткой, но Ральф все равно нашел в ней что-то успокаивающее. Может быть, они все — он сам, Макговерн, Луиза и все остальные соседи, кто знал Эда — и не должны были винить себя в том, что они не заметили безумия Эда раньше. Потому что с Эдом все было в порядке, Эд успокоился. Эд улыбался счастливой улыбкой победителя Олимпиады или лауреата «Оскара». Даже в такой страшной в общем-то ситуации было почти невозможно не улыбнуться в ответ.

— Эй, привет! — сказал он двум полицейским. Здоровяк уже договорил с Макговерном, и теперь оба полицейских направлялись к ним. — Рад вас видеть, ребята! — Эд вышел вперед и протянул руку.

Полицейский в штатском пожал протянутую руку, все еще улыбаясь.

— Эдвард Дипно? — спросил он.

— Правильно. — Эд пожал руку второму полицейскому, который выглядел несколько смущенным, а потом вновь повернулся к тому, который был в штатском.

— Я детектив, сержант Джон Лейдекер, — сказал тот. — А это офицер Крис Нелл. Судя по всему, у вас тут небольшие проблемы, сэр.

— Ну да. Наверное, вы правы. Одна маленькая проблемка. Или, уж если начистоту, я вел себя как последняя задница. — Эд нервно хихикнул, но это было вполне нормально. Настораживающе нормально. Ральф подумал обо всех обая-

тельных психах, которых он видел в кино — Джордж Сандерс был особенно хорош в таких ролях, — и спросил себя, а сможет ли умный химик-исследователь обмануть детектива из маленького провинциального городка, который, похоже, так и не вырос из стадии «Лихорадки субботнего вечера». Спросил и сам же себе ответил: боюсь, что сможет. Как нечего делать.

— У нас с Элен вышел спор по поводу петиции, которую она подписала, — продолжал Эд. — Слово за слово, ну вы знаете, как это бывает. Господи, я до сих пор не могу поверить, что я действительно ее ударил.

Он всплеснул руками, как будто хотел показать, насколько он смущен и расстроен. И как ему стыдно. Лейдекер улыбнулся в ответ. Ральф снова вспомнил о том, как прошлым летом Эд набросился на водителя синего пикапа. Тогда Эд назвал здоровяка убийцей, даже ударил его по лицу, а в итоге водитель пикапа смотрел на своего обидчика чуть ли не с уважением. Это было похоже на гипноз, и Ральф подумал, что сейчас происходит тоже самое.

— То есть вы хотите сказать, что просто слегка дали волю рукам? — спросил Лейдекер.

— Ну да, что-то вроде того. — Эду было как минимум тридцать два года. Но сейчас он казался почти мальчишкой с большими ясными глазами и невинным лицом. Такому, наверное, даже пиво бы не продали.

— Минуточку, — вмешался Ральф. — Вы не должны ему верить, он сумасшедший. Он только что мне говорил...

— А это у нас мистер Робертс, да? — спросил Лейдекер у Макговерна, полностью игнорируя Ральфа.

— Да, — отозвался Макговерн, и его тон показался Ральфу неуместно пафосным. — Это Ральф Робертс.

— Угу. — Лейдекер наконец соизволил взглянуть на Ральфа. — Я поговорю с вами через пару минут, мистер Робертс, а пока мне бы хотелось, чтобы вы отошли к вашему другу и постояли там молча. Хорошо?

— Но...

— Хорошо?

Уже совсем обзлившись, Ральф отошел туда, где стоял Макговерн. Кажется, это не особенно впечатлило Лейдекера. Он повернулся к офицеру Неллу:

— Может, ты выключишь музыку, Крис, а то даже собственных мыслей не слышно.

— Ага. — Нелл склонился над магнитофоном, долго крутил ручки и нажимал кнопки, но все-таки оборвал на середине песню «Ху» про слепого волшебника.

— Наверное, я немного перестарался. — Эд выглядел как воплощение самой невинности. — Интересно, почему соседи не жаловались.

— Ну, жизнь продолжается, — сказал Лейдекер и одарил лучезарной улыбкой облака, плывущие по синему летнему небу.

Замечательно, подумал Ральф. Этот парень — натуральный Уилл Роджерс. Но Эд кивнул с таким искренним восхищением, как будто детектив выдал не просто перл мудрости, а целую книгу афоризмов из серии «В мире мудрых мыслей».

Лейдекер порылся в кармане и вытащил коробочку с зубочистками. Он предложил их Эду, который отказался, потом вытряхнул одну и засунул в рот.

— Итак, что мы имеем, — сказал он. — Небольшая семейная ссора, я правильно понимаю?

Эд опять закивал. Он все еще улыбался своей искренней, слегка удивленной улыбкой.

— Даже не ссора, на самом-то деле, а спор. Политический...

— Угу, угу, — кивнул Лейдекер с улыбкой. — Но прежде чем вы продолжите, мистер Дипно...

— Эд, зовите меня просто Эд.

— Прежде чем мы продолжим, мистер Дипно, я хочу, чтобы вы знали, что все, что вы скажете, может быть использовано против вас... ну знаете, в суде. Так же у вас есть право отвечать на вопросы только в присутствии адвоката.

Дружелюбная, но озадаченная улыбка Эда — *Господи, что я такого сделал? Помогите мне разобраться, пожалуйста* — на мгновение исчезла, сменившись тяжелым, внимательным взглядом. Ральф взглянул на Макговерна, и облегчение в глазах

приятеля было отражением его собственных чувств. Может, Лейдекер все-таки не такой идиот, каким старается показаться.

— Зачем, Бога ради, мне может понадобиться адвокат? — спросил Эд.

Он развернулся и попробовал свою смущенную улыбку на Крисе Нелле, который так и остался стоять возле магнитофона.

— Я не знаю, может быть, и не понадобится, — сказал Лейдекер. — Я просто хочу сказать, что у вас есть право нанять адвоката. А если средства вам не позволяют, тогда округ Дерри предоставит вам общественного защитника.

— Но я не...

Лейдекер вновь кивнул и улыбнулся:

— Все в порядке, конечно, как скажете. Но это ваши права. Вы понимаете ваши права, которые я вам сейчас объяснил, мистер Дипно?

Эд на мгновение застыл неподвижно, и его глаза снова стали пустыми. Ральфу он напомнил подвисший компьютер, который пытается обработать слишком большое количество информации. Потом Эд, видимо, понял, что у него не получилось никому запудрить мозги. Его плечи поникли. А пустота во взгляде сменилась таким искренним горем, что невозможно было усомниться... но Ральф все-таки сомневался. Он просто не мог не сомневаться — он видел безумие в глазах Эда до того, как здесь появились Лейдекер с Неллом. И Билл Мактоверн тоже видел. Но сомневаться и не верить — это разные вещи, и Ральфу казалось, что на каком-то глубинном уровне Эд и вправду сожалеет о том, что избил Элен.

Да, подумал он, на том же уровне, на котором он искренне верит, что Центурионы на грузовиках вывозят детские трупы в Ньюпорт. И что все силы добра и зла собираются в Дерри, чтобы поучаствовать в некоем спектакле, который разыгрывается у него в мозгу. Назовем его, к примеру, «Омен V: при дворе Кровавого Царя».

Но при всем том он не мог не испытывать и некой симпатии к Эду, который навещал Каролину трижды в неделю во время

ее последнего пребывания в городской больнице. Он всегда приносил цветы и всегда целовал ее, когда уходил. И не перестал целовать, даже когда вокруг нее начал витать запах смерти, и Каролина всегда пожимала его руку и благодарно ему улыбалась. *Спасибо, что ты помнишь, что я все еще человек*, говорила эта улыбка. И спасибо, что ты соответственно ко мне относишься. Это был Эд, которого Ральф считал своим другом; и он думал — или, может быть, только надеялся, — что тот прежний Эд все еще где-то здесь.

— У меня проблемы, да? — тихо просил он у Лейдекера.

— Ну, давайте посмотрим. — Лейдекер по-прежнему улыбался. — Вы выбили своей жене два зуба. Кажется, вы сломали ей скулу. И я без опаски поставлю вставную челюсть своей прабабушки за то, что у нее сотрясение мозга. Ну и еще кое-что по мелочам: ссадины, синяки, на правом виске вырван клок волос. Что вы пытались сделать? Снять с нее скальп?

Эд стоял молча, не отрываясь глядя на Лейдекера.

— Она проведет эту ночь в больнице, под наблюдением врачей, потому что какой-то говнюк избил ее до полусмерти, и все сходятся на мнении, что этот говнюк — вы, мистер Дипно. Я вот смотрю на кровь у вас на руках и на очках и, кажется, тоже склоняюсь к мысли, что это вы. А что вы думаете? Вы вроде парень неглупый. Как вам кажется, у вас есть проблемы?

— Я очень сожалею, что ударил ее, — сказал Эд. — Я не хотел.

— Ага, если бы я получал четвертак всякий раз, когда слышу эти слова, я бы не экономил на выпивке. Сейчас я вас арестую, мистер Дипно, по обвинению по статье «нанесение тяжких телесных повреждений второй степени», которая так же известна, как «насилие в семье». Этот случай подпадает под действие закона штата Мэн о насилии в семье. Мне бы хотелось услышать от вас еще раз, что я уведомил вас о ваших правах.

— Да, — прошептал Эд убитым голосом. Его улыбка — смущенная или нет — исчезла. — Да, вы меня уведомили.

— Сейчас мы поедem в полицейский участок и возьмем у вас показания, — сказал Лейдекер. — Потом вы можете сделать один телефонный звонок, и вас, может быть, отпустят под залог. Крис, отведи его к машине.

Нелл подошел к Эду.

— Вы ведь не будете создавать нам проблем, мистер Дипно?

— Нет, — сказал Эд все тем же тихим убитым голосом, и Ральф заметил, что по его щеке потекла слеза. Эд машинально вытер ее рукой. — Никаких проблем.

— Замечательно! — искренне отозвался Нелл и повел Эда к патрульной машине.

Пересекая дорожку, Эд посмотрел на Ральфа.

— Извини, старик, — сказал он и сел на заднее сиденье машины. Прежде чем офицер Нелл закрыл дверь, Ральф успел заметить, что с внутренней стороны двери нет ручек.

2

— Ладно. — Лейдекер повернулся к Ральфу и протянул руку для рукопожатия. — Извините, если я был с вами груб, мистер Робертс, но иногда эти парни бывают просто взрывоопасны, не побоюсь этого слова. И особенно я опасаюсь тех, которые с виду спокойны и рассудительны, потому что нельзя угадать, что стукнет им в голову.

— Джонни был моим студентом, когда я преподавал в колледже, — сказал Макговерн. Теперь, когда Эда Дипно без проблем увезли в полицейский участок на заднем сиденье патрульной машины, он едва не рыдал от облегчения. — Хороший студент. У него был великолепный диплом по Детским крестовым походам.

— Рад познакомиться, — сказал Ральф, пожимая Лейдекеру руку. — И не беспокойтесь, я на вас не в обиде.

— Вы совсем с ума сошли: пришли сюда и пытались справиться с ним в одиночку.

— Я был очень зол. Я и сейчас очень зол.

— Могу вас понять. Но вы выпутались из этой передраги, вот что важно.

— Нет, Элен, вот что важно. Элен и ребенок.

— С этим мы разберемся. Скажите, пожалуйста, мистер Робертс, о чем вы беседовали с Эдом Дипно до того, как мы приехали. Или можно вас называть просто Ральф?

— Конечно, зовите меня просто Ральф. — Он пересказал свою беседу с Эдом, пытаясь быть лаконичным, но при этом ничего не упустить. Макговерн, который, конечно, слышал кое-что, но далеко не все, смотрел на Ральфа широко распахнутыми глазами. Всякий раз, когда Ральф бросал взгляд на Билла, ему хотелось, чтобы тот надел свою панаму. Без нее он выглядел совсем старым — каким-то древним и дряхлым.

— Да уж, звучит странно, не так ли? — заметил Лейдекер, когда Ральф закончил.

— Что будет дальше? Его посадят в тюрьму? Наверное, его лучше отправить в психиатрическую лечебницу.

— Может быть, так и будет, — согласился Лейдекер. — Но между «может быть» и «так и будет» — огромная разница. Вряд ли его посадят в тюрьму, и еще менее вероятно, что его отправят в психушку, такие вещи случаются только в старых фильмах. Максимум, на что мы можем рассчитывать, так это на принудительное лечение или осмотр психиатра по решению суда.

— Но разве Элен вам не сказала...

— Леди нам ничего не сказала, а мы не пытались расспрашивать. Ей было очень больно: и физически, и морально.

— Да, конечно, — согласился Ральф. — Глупый вопрос.

— Позже она может подтвердить все, что вы рассказали, а может и не подтвердить. Жертвы семейного насилия зачастую становятся очень замкнутыми, знаете ли. Но на этот раз мы его приперли к стенке. И вы, и девушка в магазине можете засвидетельствовать, в каком состоянии была миссис Дипно и кто, по ее словам, был тому виной. А я могу дать показания, что на руках мужа жертвы была кровь. И, что лучше всего, он все-таки произнес эти волшебные слова: «Господи, я до сих пор не могу поверить, что я ее ударил». Я бы хотел, чтобы вы

пришли в участок. Можете зайти завтра утром, если вам это удобно. Нам надо взять у вас показания, но все это просто формальности. Скорее всего это дело уже выиграно. — Лейдер вытащил изо рта зубочистку, сломал, бросил в канаву и снова достал свою коробочку.

— Вам не надо?

— Нет, спасибо, — улыбнулся Ральф.

— Я понимаю. Дурацкая привычка, согласен, но я пытаюсь бросить курить, а это еще более дурацкая привычка. Есть одна неприятная вещь во всех этих парнях типа Эда Дипно: когда надо спасать свою шкуру, они становятся чертовски умными. Они съезжают с катушек, избивают кого-нибудь до полусмерти... а потом приходят в себя, и ты ни за что не подумаешь, что они вообще способны на такие вот мерзости. Но если вы застаете их сразу после такого «взрыва» — как это случилось с вами, Ральф, — у вас есть шанс заметить, как они стоят, рассеянно вертят головой, может быть, слушают музыку и пытаются снова прийти в норму.

— Да, именно так все и было, — сказал Ральф. — Именно так все и было.

— Этот трюк используют очень многие, причем зачастую достаточно долго: с виду они якобы полны раскаяния, потрясены своими собственными действиями, они готовы расплатиться за свои грехи. Они говорят рассудительно и убедительно, они обаятельны и милы, и часто бывает, что практически невозможно разглядеть под всей этой мишурой их сущность, а сущность их такова — они безумны, как мартовские зайцы. Даже в таких совсем уже запущенных случаях, как, например, с Тедом Банди, они иногда умудряются на протяжении нескольких лет выглядеть вполне нормальными людьми. Хорошо еще, что таких, как Тед Банди, совсем немного, что бы там ни писали в книгах и ни показывали в кино.

Ральф глубоко вздохнул.

— Какой бардак.

— Да уж. Но в этом есть и свои плюсы: у нас будет возможность подержать его подальше от нее, по крайней мере какое-

то время. Его, разумеется, выпустят к ужину под залог в двадцать пять долларов, но...

— Двадцать пять долларов? — переспросил Макговерн. Его голос звучал одновременно удивленно и цинично. — И это все?!

— Ага, — сказал Лейдекер. — Я обвинял его в преступлении второй степени тяжести, потому что это звучит угрожающе, но у нас в штате Мэн избивание жены не считается особо тяжким преступлением.

— Но все-таки в новом законе есть и кое-что полезное, — сказал Крис Нелл, присоединяясь к их разговору. — Если Дипно захочет выйти под залог, он должен пообещать, что не будет пытаться связаться со своей женой до слушания дела в суде, то есть он не должен приходить к ней домой, заговаривать с ней на улице и даже звонить по телефону. Если он не выполнит это условие, он сядет в тюрьму.

— Я если он согласится, а потом все начнется по новой? — спросил Ральф.

— Ну, тогда мы точно его посадим, — ответил Нелл, — потому что это уже уголовное преступление... или может быть названо таковым, если окружной прокурор захочет сыграть совсем уж круто. В любом случае нарушители закона об освобождении под залог проводят в тюрьме куда больше, чем с утра и до ужина.

— И еще очень хотелось бы верить, что его супруга, ради беседы с которой он может нарушить этот закон, будет жива к тому моменту, как его посадят в тюрьму, — сказал Макговерн.

— Да, — мрачно кивнул Лейдекер. — Иногда это самое главное.

3

Ральф пришел домой и уставился в телевизор, но смотрел не в экран, а скорее сквозь. Так он просидел часа полтора. Потом, во время очередной рекламы, он встал, чтобы проверить, не осталась ли в холодильнике кола, но по дороге споткнулся и схватился за стену, чтобы не упасть. Его трясло и

тошнило. Он, конечно, понимал, что это всего лишь запоздавшая реакция на стресс, но слабость и тошнота все равно сильно его напугали.

Он снова сел, глубоко вздохнул и пару минут посидел в кресле, опустив голову и закрыв глаза, потом встал и медленно пошел в ванную. Он наполнил ванну теплой водой и сидел отмокал, пока не услышал, что начался «Ночной суд», первый из послеобеденных сериалов — он оставил телевизор включенным, и ему было все слышно из ванной. К этому времени вода остыла и стала почти ледяной, и Ральф был только счастлив вылезти из ванны. Он вытерся, облачился в свежую одежду и подумал, что сейчас вполне можно поесть чего-нибудь легкого. Он вышел на лестницу и позвал Макговерна, может быть, тот захочет составить ему компанию, но не услышал ответа.

Ральф поставил воду, чтобы сварить пару яиц, и позвонил в госпиталь Дерри по телефону, который стоял тут же, на кухне. Его звонок перевели в Службу информации о больных. Дежурная медсестра проверила данные на компьютере и сообщила Ральфу, что да, Элен Дипно была доставлена к ним в больницу. Ее состояние в данный момент удовлетворительное. Нет, она понятия не имеет, кто сейчас заботится о ребенке миссис Дипно, но в ее списках Натали Дипно не значится. Нет, Ральфу нельзя навестить Элен, но не потому, что доктор не разрешил пускать к ней посетителей; миссис Дипно сама попросила, чтобы к ней никого не пускали.

Почему? — хотел спросить Ральф, но передумал. Женщина из Службы информации скорее всего скажет ему, что она сожалеет, но у нее нет таких данных, тем более что Ральф решил, что эти данные были у него в компьютере, в том самом компьютере, который располагается между ушами. Элен не хотела никого видеть, потому что ей было стыдно. Она не виновата в том, что случилось, но Ральф рассудил, что для самой Элен это ничего не меняет. Половина Харрис-авеню видела, как она ковыляла по улице, ни дать ни взять — избитый боксер на ринге после того, как рефери остановил бой; ее отвезли в больницу на «скорой», и виноват во всем был ее муж —

отец ее дочери. Ральф очень надеялся, что ей дадут что-нибудь, чтобы она спокойно спала ночью. А утром, хотелось бы думать, ей все увидится в другом свете. В лучшем свете... потому что, Бог свидетель, хуже уже некуда.

«Черт подери, вот бы и мне что-нибудь дали, чтобы я мог спокойно спать ночью», — подумал он.

Тогда иди на прием к Литчфилду, идиот, — немедленно отозвалась другая часть его сознания.

Женщина из Службы информации спросила у Ральфа, может ли она еще чем-нибудь ему помочь. Ральф сказал, что нет, и начал было благодарить ее, но услышал в трубке короткие гудки.

— Замечательно, — сказал Ральф в пустоту. — Очень мило. — Он повесил трубку и осторожно опустил яйца в кипящую воду.

Десять минут спустя, когда он сидел за столом и сверлил взглядом яйца, которые лежали на тарелке, как самые крупные в мире жемчужины, зазвонил телефон. Ральф оставил тарелку в сторону и взял трубку.

— Алло?

Тишина. Только чье-то дыхание и тишина.

— Алло? — повторил Ральф.

В трубке снова послышалось чье-то дыхание, а потом раздался звук, который больше всего был похож на сдавленный вскрик. Потом — короткие гудки. Ральф повесил трубку и пару секунд смотрел на телефон, хмурия брови.

— Ну давай, Элен, — сказал он. — Перезвони. Пожалуйста.

Потом он опять сел за стол и наконец приступил к своей скромной трапезе.

4

Пятнадцать минут спустя, когда Ральф мыл посуду, опять зазвонил телефон. Это не она, подумал Ральф, вытирая руки. Он повесил полотенце на плечо и пошел к телефону. Точно не она. Скорее всего Билл или Луиза.

— Привет, Ральф.

— Здравствуй, Элен.

— Это я звонила тебе несколько минут назад. — Ее голос был хриплым, как будто она напилась пьяной или долго плакала, а Ральф не думал, что пациентам в больнице разрешают употреблять спиртное.

— Я так и понял.

— Я услышала твой голос и... я... я не смогла...

— Все в порядке, я все понимаю.

— Правда? — Она шмыгнула носом.

— Да, мне кажется, да.

— Пришла медсестра и дала мне болеутоляющее. Хотелось сразу его принять и лечь спать... очень болит лицо... но я не могу лечь спать, пока не поговорю с тобой и не скажу, что должна сказать. Боль — это очень неприятно, но это еще и стимул.

— Элен, ты не должна ничего мне говорить.

Но он боялся, что все-таки должна. И еще он боялся того, что она может ему сказать... боялся, что она будет злиться на него, потому что злиться на Эда она не могла.

— Нет, я должна. Я должна сказать тебе спасибо.

Ральф прислонился к двери и на мгновение закрыл глаза. Он, конечно, почувствовал облегчение, но теперь он не знал, что ответить. Он был готов сказать: «Мне очень жаль, что ты так думаешь, Элен», — сказать это очень спокойным голосом, но этот сценарий мог бы пригодиться, только если бы она начала разговор с вопроса о том, не пора ли ему перестать совать свой непомерно длинный нос в чужие дела.

А потом, как будто угадав его мысли, она сказала:

— Я жутко на тебя злилась. Всю дорогу сюда, все время, пока меня тут обследовали... и еще час, наверное, после того, как меня положили в палату... я страшно на тебя злилась. Я позвонила Кэнди Шумахер, моей подруге с Канзас-стрит, она пришла и забрала Натали. Я заберу ее завтра утром, а эту ночь Натали будет у Кэнди. Кэнди спросила меня, что случилось, но я ей не сказала. Мне просто хотелось лежать и беситься,

потому что ты вызвал полицию, хотя я просила тебя никуда не звонить.

— Элен...

— Дай мне закончить, чтобы быстрее принять таблетку и лечь спать.

— Хорошо.

— Сразу после того, как Кэнди забрала Натали — слава Богу, она не плакала, я бы этого не вынесла, — ко мне пришла женщина. Сначала я решила, что она ошиблась палатой, потому что я понятия не имела, кто она такая, а потом, когда до меня наконец дошло, что она пришла именно ко мне, я ей сказала, что не хочу никого видеть. Но она сделала вид, что не слышит, что я ей говорю. Она закрыла дверь и приподняла свою юбку так, чтобы я увидела ее левое бедро. На нем был длинный шрам, почти до колена. Она сказала, что ее зовут Гретхен Тилбери, что она советник по вопросам насилия в семье из Женского центра и что ее муж распорол ей ногу кухонным ножом в семьдесят восьмом году. Она сказала, что если бы у соседа снизу не было жгута, она бы истекла кровью. Я сказала, что мне очень жаль, что это действительно очень плохо, что с ней приключилось, но я ни с кем не хочу говорить о случившемся до тех пор, пока не обдумаю все как следует. — Элен пару секунд помолчала. — Но знаешь, это была ложь. У меня было достаточно времени на раздумья, потому что в первый раз Эд ударил меня два года назад, незадолго до того, как я забеременела. Я просто пыталась... ну, делать вид, что ничего не происходит.

— Я понимаю, как это бывает, — сказал Ральф.

— Эта женщина... она, наверное, прошла специальные курсы, как пробиваться сквозь защиту других людей.

Ральф улыбнулся:

— Я думаю, это у них основная дисциплина в программе.

— Она сказала, что мне больше нельзя закрывать на все глаза, что у меня серьезные проблемы и что мне пора начинать относиться к ним серьезно. Я сказала, что не собираюсь рассказывать ей о своих делах и слушать все то, что она мне гово-

рит, лишь потому, что ее муж когда-то порезал ей ногу. И я чуть не сказала ей — ты не поверишь, — я чуть не сказала ей, что скорее всего это случилось из-за того, что она никак не хотела заткнуться, успокоиться и уйти, подарив своему мужу вполне заслуженный покой. Но я была в бешенстве, Ральф. Мне было больно, стыдно, обидно...

— Я думаю, это вполне нормальная реакция.

— Она спросила, как я буду себя чувствовать — не по поводу Эда, а по поводу собственных ощущений, — если вернусь домой, и Эд снова меня избьет. Потом она спросила, что будет, если я вернусь, и Эд начнет бить Натали. Этот вопрос привел меня в бешенство. И я все еще злюсь, когда вспоминаю о нем. Эд никогда не трогал Натали. Так я ей и сказала. Она кивнула и ответила: «Но это не значит, что он не сделает этого в будущем, Элен. Я знаю, что ты не хочешь об этом думать, но тебе надо подумать. К тому же, допустим, что ты права. Допустим, он никогда не сделает с ней ничего страшного, максимум — легонько отшлепает. Ты хочешь, чтобы она росла, глядя, как он бьет тебя? Ты хочешь, чтобы она росла и видела вещи, подобные тем, что случились сегодня?» И это меня остановило. Просто вогнало в ступор. Я помню, как выглядел Эд, когда он вернулся из магазина... и сразу все поняла, как только увидела, какой он был бледный... и как он дергал головой.

— Как петух, — пробормотал Ральф.

— Что?

— Ничего. Продолжай.

— Я не знаю, что его так взбесило... я уже давно ничего про него не знаю, но я поняла, что отыграется он на мне. А когда ситуация доходит до некоей критической точки, ты уже ничего не сделаешь. Я побежала в ванную, но он схватил меня за волосы... я кричала... а Натали сидела там, на своем высоком стульчике, и когда я кричала, она тоже кричала.

Элен расплакалась и замолчала. Ральф ждал, прислонив голову к двери. Он тоже плакал, вытирая слезы полотенцем, но даже не замечал этого.

— В любом случае, — сказала Элен, когда снова смогла говорить, — я проговорила с той женщиной почти час. Это называется консультацией жертв, и она занимается этим уже черт-те сколько лет, представляешь?

— Да, — сказал Ральф. — Представляю. Это нужное дело, Элен.

— Я собираюсь увидеться с ней завтра в Женском центре. Смешно, правда, что мне придется идти именно туда. Я вот о чем, если бы я не подписала петицию...

— Если бы этого не случилось из-за петиции, то случилось бы из-за чего-то другого.

Она вздохнула:

— Да, скорее всего ты прав. Так оно и есть. Гретхен сказала, что я не могу помочь Эду решить его проблемы, зато я могу решить свои собственные... или хотя бы начать решать. — Элен снова расплакалась, потом перевела дыхание и продолжила: — Извини, я сегодня столько плачу... наверное, мне больше уже никогда не захочется плакать. Я ей сказала, что люблю его. Мне было стыдно говорить такое, я вообще не уверена, что это правда, но мне так кажется, я так чувствую. Я сказала, что хочу дать ему еще один шанс. Она сказала, что таким образом получается, что я заставляю и Натали дать ему еще один шанс, а я вспомнила, как она сидела там, на кухне, с размазанным по лицу шпинатом, и кричала все время, пока Эд меня бил. Господи, я ненавижу, когда людей загоняют в угол и не выпускают оттуда, и я ненавижу людей, которые это делают. Таких, как она.

— Она пытается помочь тебе, вот и все.

— И это я ненавижу тоже — когда тебе помогают, когда ты не просишь о помощи. Я сейчас в замешательстве, Ральф. Ты, наверное, думаешь, что здесь все ясно, но я в полной растерянности.

Он услышал короткий смешок.

— Все в порядке, Элен. Это вполне нормально для человека в твоем состоянии.

— И перед тем как уйти, она рассказала мне про Хай-Ридж. И сейчас мне кажется, что это место как будто создано для меня...

— А что это?

— Это что-то вроде пансиона... она напирала на то, что это именно дом, а не убежище для униженных и избитых женщин, одной из которых я теперь, судя по всему, официально являюсь. — На этот раз смешок был больше похож на всхлип. — Я могу взять с собой Натали, если решу переехать туда, и это меня привлекает больше всего.

— А где это находится?

— За городом. На полпути к Ньюпорту.

— Ага, кажется, я что-то слышал.

Конечно, он слышал. Хэм Давенпорт упоминал этот дом в своей речи в защиту Женского центра. Они дают консультации по проблемам семьи и брака, занимаются детьми и проблемой насилия в семьях, предоставляют защиту женщинам, пострадавшим от своих мужей. Где-то около Ньюпорта у них есть даже специальный дом для таких жен. Ральфу уже начинало казаться, что Женский центр просто-таки переполнил его жизнь. Эд наверняка бы узрел в этом некий скрытый смысл, и наверняка для него это было бы очень плохим знаком.

— Эта Гретхен Тилбери — крепкий орешек, — продолжала Элен. — Когда она уже собралась уходить, она мне сказала, что это вполне понятно, почему я люблю Эда, что это нормально, что так и должно быть. Потому что любовь — это не лампочка, которую можно выключить, когда захочется, но я должна помнить, что моя любовь не вылечит его, что даже любовь Эда к Натали его не вылечит, и никакая любовь не снимает с меня ответственности за ребенка. Когда она ушла, я только об этом и думала. Все лежала и думала. Хотя мне было гораздо проще думать о том, как я тебя ненавижу. Да, это было бы проще.

— Да, — согласился он. — Я знаю, как это бывает. Элен, давай ты сейчас примешь лекарство и ляжешь спать. И забудешь обо всем до утра.

— Я так и сделаю, но сначала мне бы хотелось сказать спасибо.

— Ты знаешь, не нужно тебе меня благодарить.

— Нет, нужно, — твердо сказала она, и Ральф был рад услышать хоть какие-то эмоции в ее голосе. Это означало, что Элен Дипно осталась собой, и сейчас это было важнее всего. — Я пока еще злюсь на тебя, Ральф, но я рада, что ты не послушал меня, когда я просила не вызывать полицию. Я просто боялась, понимаешь? Боялась...

— Элен, я... — Голос у Ральфа дрожал. Он прочистил горло и попробовал снова заговорить. — Просто мне было больно смотреть на то, как ты страдаешь. Когда я увидел, как ты идешь по улице, и лицо у тебя все в крови, я так испугался...

— Не надо об этом. Пожалуйста. Иначе я заплачу, а я больше не могу плакать, просто не могу.

— Ладно. — У него накопилась куча вопросов про Эда, но время для них было явно неподходящее. — Могу я прийти навестить тебя завтра?

Короткая пауза, а потом Элен сказала:

— Пока не надо. Не так быстро. Мне нужно о многом подумать, многое решить, а это будет тяжело. Я еще свяжусь с тобой, Ральф, хорошо?

— Конечно, как скажешь. А что ты собираешься делать с домом?

— Муж Кэнди закроет его, а потом привезет мне ключи. Гретхен Тилбери сказала, что Эд не должен туда возвращаться. Ни под каким предлогом: ни за чековой книжкой, ни за сменой белья. Если ему что-то понадобится, он может отдать ключи и список необходимых вещей кому-нибудь из полицейских, и он привезет их Эду. Я думаю, он пока переберется во Фреш-Харбор. Там есть жилье для работников лаборатории. Такие маленькие домики, вообще-то даже симпатичные... — В ее голосе уже не было злости. Теперь Элен была просто несчастной, подавленной и очень-очень усталой женщиной.

— Элен, я рад, что ты позвонила. Ты сняла камень с моей души. Нет, правда. А теперь ложись спать.

— А ты, Ральф? — вдруг спросила она — Ты сам нормально спишь по ночам?

Такая резкая смена темы вынудила его быть честным. В другое время он попытался бы избежать прямого ответа на этот вопрос.

— Сплю... ну, может быть, не так много, как мне бы хотелось. Не так много, как мне бы хотелось...

— Ты береги себя, хорошо? Сегодня ты вел себя очень храбро, как рыцарь в историях про короля Артура, но я думаю, что даже сэру Ланселоту иногда надо было спать.

Он был тронут ее словами, но они почему-то еще и развеселили его. В сознании возникла четкая картинка: Ральф Робертс, одетый в доспехи, на белом коне, и Макговерн — его верный оруженосец, в кожаном жилете и с неизменной панамой на голове, едет следом за ним на своем пони.

— Спасибо, милая, — сказал он. — Я думаю, это самые приятные слова, какие я слышал с тех пор, как президентом был Линдон Джонсон. Спокойной ночи, насколько это возможно.

— Да. И тебе того же.

Она повесила трубку. Пару секунд Ральф задумчиво смотрел на телефон, а потом тоже повесил трубку. Может быть, у него и вправду будет спокойная ночь. Он это заслужил. А пока он собирался спуститься вниз, посидеть на крыльце и посмотреть на закат. И пусть все будет, как будет.

5

Макговерн уже вернулся домой и теперь сидел на крыльце в своем любимом кресле. Что-то происходило на улице, и Билл так увлекся, что даже не сразу обернулся, когда его сосед сверху вышел на крыльцо. Ральф проследил за его взглядом и увидел синий фургончик, припаркованный у дома в полквартале от них, на той стороне улицы. На задних дверцах было написано большими белыми буквами: МЕДИЦИНСКАЯ СЛУЖБА ДЕРРИ.

— Привет, Билл, — сказал Ральф, усаживаясь в свое кресло. Кресло-качалка, где обычно сидела Луиза Чесс, стояло между ними. Легкий ветерок, такой приятный после жаркого дня, раскачивал пустое кресло, и оно легонько поскрипывало.

— Привет. — Макговерн на миг обернулся к Ральфу, начал было отворачиваться, но потом повернулся обратно и взглянул на него повнимательнее. — Старик, тебе пора чем-то подкалывать мешки под глазами, иначе скоро ты будешь на них наступать. — Ральф подумал, что это должно было прозвучать как одна из коронных шуточек Билла, благодаря которым он прославился на всю улицу, но в глазах Макговерна он заметил неподдельную тревогу.

— Хреновый был денек, — сказал Ральф. Он рассказал Биллу про звонок Элен, разумеется, подредактировав свой рассказ. Билл вполне мог обойтись без некоторых деталей.

— Я рад, что она в порядке, — сказал Макговерн. — Знаешь, Ральф, что я тебе скажу... Сегодня ты меня просто сразил, когда шел по улице к дому Эда. Ну просто как Гарри Купер в «Ровно в полдень». Может быть, это было безумие, но в любом случае это было круто. — Он на миг замолчал и добавил: — Сказать по правде, я тебя даже слегка испугался.

Уже второй раз за последние пятнадцать минут Ральфа порывались назвать героем. И ему было от этого не по себе.

— Я был слишком взбешен, чтобы сообразить, какой я все-таки идиот. А где ты был, Билл? Я пытался тебе звонить, но тебя не было дома.

— Я гулял по шоссе, продолжению Харрис-авеню, — сказал Макговерн. — Пытался немного прийти в себя. С тех пор как Джонни Лейдекер и тот второй полицейский забрали Эда, у меня жутко болит голова, и с желудком творится что-то невообразимое.

Ральф понимающе кивнул.

— У меня тоже.

— Правда? — Билл вроде как удивился, но смотрел все равно скептически.

— Правда, — улыбнулся Ральф.

— И еще я встретил Фэя Чапина на площадке для пикников, где обычно собираются эти старые калоши, когда их доканивает жара, и он уговорил меня сыграть с ним в шахматы. Этот парень — просто шедевр. Считает себя живым воплощением Рэя Лопеза, а в шахматы играет как первоклассник... или даже хуже... и он постоянно болтает. Я ни разу не слышал, чтобы он молчал.

— Но Фэй все-таки неплохой человек, — сказал Ральф, но Макговерн как будто его и не слышал.

— И этот жуткий Дорренс Марстеллар тоже был там, — продолжал он. — Если мы старые, то он просто древний. Стоял себе возле забора, который отгораживает площадку от аэродрома, сжимал в руках свою дурацкую книжку стихов и смотрел, как садятся и взлетают самолеты. Как ты думаешь, он действительно читает все эти книги или просто таскается с ними для бутафории?

— Хороший вопрос, — сказал Ральф, но думал он совсем о другом. О том, почему Макговерн назвал Дорренса жутким. Он сам бы не стал использовать это слово, но в одном Билл был прав: этот человек был из тех, кого называют «шедевр природы». Пусть и старый-престарый, он вовсе не впал в маразм, как могло бы показаться (по крайней мере так думал Ральф). Просто складывалось впечатление, что все, что он говорит, это продукт слегка «завернутого» сознания и слегка искаженного восприятия.

Он вспомнил, что Дорранс тоже был там прошлым летом, в тот день, когда Эд врезался в парня на синем пикапе. Тогда ему показалось, что появление Дорранса — это достойный последний штрих в картине всеобщего сумасшествия. И Дорранс тогда сказал что-то забавное. Ральф попытался вспомнить, что именно, но не смог.

Макговерн снова уставился на улицу. Из дома, рядом с которым и стояла синяя машина, вышел молодой человек в серой форме. Вполне здоровый и даже цветущий юноша, который выглядел так, как будто за все двадцать пять лет

своей жизни он ни разу не обращался к врачу. Он толкал перед собой тележку, на которой лежал длинный зеленый баллон.

— Это пустой, — сказал Билл. — Ты не видел, как они заносили полный.

Второй молодой человек, тоже в серой форме врача «скорой помощи», вышел из двери маленького домика, при покраске которого желтая и розовая краска были скомбинированы в ужасающем сочетании. Он пару секунд постоял на ступеньках, держась за ручку двери и переговариваясь с кем-то, кто находился в доме. Потом он закрыл дверь и быстро сбежал вниз по ступенькам. Он как раз успел, чтобы помочь своему коллеге погрузить тележку с баллоном в машину.

— Кислород? — спросил Ральф.

Макговерн кивнул.

— Для миссис Лочер?

Макговерн еще раз кивнул, наблюдая за тем, как работники Медицинской службы закрывают задние дверцы машины. Они еще несколько секунд постояли на улице, тихо переговариваясь в тусклом свете уходящего дня.

— Мы с Мэй Лочер ходили в начальную, а потом и в среднюю школу. Это было в Кардвилле, на родине храбрецов и в краю коров. Так про него говорят. В выпускном классе нас было лишь пятеро. Она была той еще штучкой, а такие ребята, как я, назывались «слегонца сиреневатыми». В те жутко давние времена... даже забавно, как это было давно... геи ходили разряженные, как рождественские елки.

Ральф смущенно уставился на свои руки. Он не знал, что на это сказать. Конечно, он знал, что Макговерн — гомосексуалист, и знал это очень давно, но до сегодняшнего вечера Билл ни разу не говорил об этом напрямую. И Ральфу очень хотелось, чтобы Билл отложил этот разговор на какое-нибудь далекое «потом», и желательно, чтобы в этот знаменательный день ему, Ральфу, не казалось, что у него в голове вместо мозгов плещется кипящий жир.

— Это было тысячу лет назад, — продолжал Макговерн. — Кто бы мог подумать, что мы с ней бросим якорь у берегов Харрис-авеню.

— У нее эмфизема, да? Я что-то такое слышал.

— Ага, это болезнь из тех, которые не лечатся. Старость — не для слабаков, правда?

— Да, — сказал Ральф, и не просто сказал, а всем своим существом прочувствовал эту неумолимую истину. Он подумал о Каролине, о том ужасе, который пронзил его сердце, когда вошел в квартиру в мокрых кедах и увидел, что она лежит в дверях кухни... как раз на том месте, где он стоял на протяжении всего разговора с Элен. Пойти разбираться с невменяемым Эдом Дипно — это вообще ничто по сравнению с тем ужасом, который он пережил, когда подумал, что Каролина умерла.

— Я еще помню время, когда Мэй привозили кислород раз в две недели, — сказал Макговерн. — Теперь они приезжают по понедельникам и четвергам, как часы. Я выхожу и смотрю, когда у меня есть возможность. Иногда я хожу к ней и читаю ей всякие скучные статьи из женских журналов... ты и представить себе не можешь, насколько это тоскливо. Иногда мы разговариваем. Она говорит, у нее такое ощущение, как будто ее легкие забиты водорослями. Осталось уже недолго. Однажды они приедут и вместо того, чтобы погрузить в машину пустой баллон, они погрузят туда Мэй. Ее отвезут в больницу, и это будет конец.

— Это из-за курения? — спросил Ральф.

Макговерн наградил его странным взглядом, который казался таким чужим на его добром и мягком лице, и Ральф даже не сразу понял, что это была искренняя обида, смешанная с презрением.

— За всю свою жизнь Мэй Перро не выкурила ни одной сигареты. Это — расплата за двадцать лет работы в красильне на ткацкой фабрике в Коррине и еще двадцать лет работы сортировщицей на фабрике в Ньюпорте. Она дышит не через водоросли, а через хлопок, шерсть и нейлон.

Молодые врачи из городской Медицинской службы тем временем сели в свою машину и укатили прочь.

— Мэн — это северо-восточная окраина Аппалачей. Многие этого не понимают, но так оно и есть. И Мэй умирает от аппалачской болезни. Врачи еще называют ее «текстильными легкими».

— Да, грустно все это. Она, наверное, много для тебя значит?

Макговерн рассмеялся.

— Да нет. Я хожу к ней, потому что она — это последнее, что у меня осталось от впустую растроченной юности; так уж сложилось. Иногда я читаю ей и при этом еще умудряюсь проглотить пару-тройку ее ужасающих древних печений, жестких, как подметка. И вот, собственно, и все. Моя забота, она безопасно-эгоистична, я тебя уверяю.

Безопасно-эгоистична, подумал Ральф. Какая странная фраза. Настоящая макговерновская фраза.

— Ладно, забудь про Мэй, — сказал Макговерн. — Сейчас всю общественность нашей страны волнует другой вопрос: что нам делать с тобой, Ральф Робертс? Виски не помогло, как я понимаю?

— Не помогло, — сказал Ральф.

— Хм, а ты все делал, как надо: принимал много по маленькой? Каламбур по ходу дела...

Ральф кивнул.

— Но тебе все равно надо что-то придумать по поводу этих мешков под глазами, иначе тебе никогда не сумеешь покорить нашу прекрасную Луизу. — Ральф внимательно изучил лицо Ральфа на предмет реакции на свою фразу, кивнул и вздохнул: — Не смешно, да?

— Ага, уж очень тяжелый был день.

— Извини.

— Все нормально.

Они немного посидели в уютной дружеской тишине, наблюдая за перемещениями прохожих на их «участке» Харрисавеню. Три маленькие девочки играли в классики на стоянке у

«Красного яблока». Миссис Перрин стояла неподалеку — на-вытяжку, как часовой — и наблюдала за их игрой. Мальчик в красной бейсболке «Ред Сокс» с повернутым назад козырьком прошел мимо, кивая в такт музыке в своем плеере. Еще двое мальчишек играли в тарелочку перед домом Луизы. Где-то лаяла собака. Где-то кричала женщина, требуя, чтобы Сэм наконец взял сестру и пошел домой. Обычная серенада вечерней улицы. Все, как всегда. Но сегодня все это казалось Ральфу каким-то неправильным. Наверное, потому что в последнее время — во время своих ночных бдений — он привык видеть Харрис-авеню абсолютно пустой.

Он повернулся к Макговерну:

— Знаешь, о чем я подумал в первую очередь, когда увидел тебя сегодня на стоянке у «Красного яблока», несмотря ни на что... несмотря на все то, что там творилось?

Макговерн покачал головой.

— Я подумал: а куда, интересно, запропастилась твоя панама. Без нее ты выглядишь как-то странно. По крайней мере для меня странно. Без нее ты как будто голый. Куда ты ее задевал?

Макговерн рассеянно дотронулся до своей макушки, где остатки седых волос были аккуратно зачесаны влево.

— Я не знаю, — сказал он. — Она потерялась сегодня утром. Обычно я кладу ее на столик в прихожей, когда прихожу с улицы, но там ее нет. Похоже, на этот раз я положил ее куда-то в другое место, а вот куда... не могу вспомнить, хоть тресни. Есть у меня нехорошее подозрение, что еще несколько лет — и я буду бродить по улицам в нижнем белье, потому что не смогу вспомнить, куда я засунул свои штаны. Вот они, прелести преклонного возраста, да, Ральф?

Ральф кивнул и улыбнулся, думая про себя, что из всех стариков, которых он знал — а знал он не меньше трех дюжин, по крайней мере на уровне «Привет-как-дела», — Билл Макговерн больше всех ныл по поводу своего старения. У него давно уже сложилось впечатление, что Билл относится к своей давно ушедшей юности и не так давно ушедшей зрелости точно

так же, как генерал отнесся бы в двум солдатам, которые дезертировали с поля боя накануне решающего сражения. Но Ральф вовсе не собирался высказывать это вслух. У каждого есть свои пунктики и прибабахи; и у Макговерна тоже был свой пунтик — патологически болезненное отношение к старости.

— Я сказал что-то смешное? — нахмурился Макговерн.

— Прошу прощения?

— Ты улыбнулся, и я подумал, что, может быть, я сказал что-то смешное. — Его голос звучал как-то обиженно, и особенно для человека, который только что подкалывал своего соседа по поводу его отношений с милой вдовушкой с их улицы, но Ральф напомнил себе, что сегодня и у Билла тоже был сложный день.

— Я думал вовсе не о тебе, — сказал Ральф. — Я думал о том, что говорила по этому поводу Каролина. Она говорила, что старость — это как если бы тебе подали препоганейший десерт в конце шикарного обеда.

Это была правда только наполовину. Каролина действительно говорила такие слова, но не по поводу старости, а по поводу опухоли мозга, которая ее убивала. Она сама была не такой уж старой; ей было всего шестьдесят четыре, когда она умерла, и буквально до последних дней своей жизни она чувствовала себя почти вдвое моложе — во всяком случае, так она говорила.

Три девочки, которые играли в классики на стоянке у «Яблока», уже закончили игру. Они дошли до дороги, посмотрели в обе стороны, нет ли машин, и, взявшись за руки, перебежали через улицу. Они заливисто смеялись, и на секунду Ральфу показалось, что они окружены сиянием, которое освещает их щеки, лбы и смеющиеся глаза и мерцает, как какой-то странный огонек Святого Эльма. Ральф зажмурился, а потом снова открыл глаза. Серый мерцающий конверт, который он вообразил вокруг девочек, исчез, это было громадное облегчение, но ему нужно было поспать. Просто необходимо.

— Ральф? — Такое впечатление, что голос Макговерна доносился с другого края крыльца, хотя никто из них не двигался с места. — С тобой все в порядке?

— Ну да, — сказал Ральф. — Просто задумался. Об Эде и Элен. Ты хоть примерно себе представлял, насколько он сдвинутый, Билл?

Макговерн покачал головой:

— Мне и в голову не приходило, что с ним что-то не так. И хотя я время от времени замечал синяки, я всегда верил Элен, когда она говорила, откуда они взялись. Вообще-то я не считаю себя легковым, но похоже, мне надо бы пересмотреть свое мнение на собственный счет.

— Как ты думаешь, что будет с ними дальше? Есть какие-нибудь предположения?

Макговерн вздохнул и рассеянно дотронулся до макушки. Он безотчетно пытался поправить свою пропавшую панаму.

— Ты меня знаешь, Ральф, я циник до мозга костей. И я убежден, что в жизни конфликты разрешаются совсем не так, как это бывает в кино. В жизни они вообще не разрешаются, а просто тянутся и тянутся, пока тихо не исчерпаются сами собой. Вернее, даже не исчерпаются — это немного не тот термин. Они просто-напросто высыхают, как грязные лужи на солнце. — Макговерн пару секунд помолчал, а потом добавил: — И большинство из них оставляет после себя такие же мерзкие пятна.

— Господи, — прошептал Ральф. — Это и вправду ужасно цинично.

Макговерн пожал плечами.

— Большинство учителей на пенсии — жуткие циники, Ральф. Потому что мы видим, как все бывает. Все происходит у нас на глазах. Они приходят, такие молодые и сильные, и они так уверены в том, что у них все будет по-другому. А потом они собственными руками создают себе канавы и бултыхаются в них всю жизнь, как это делали их отцы и деды. Я думаю, что Элен вернется к нему, Эд какое-то время будет держаться, а потом снова ее избыет, и она снова уйдет от него. Это как с теми слюнявыми песенками в стиле кантри, которые некоторые любители слушают по сто раз, пока наконец не пой-

мут, что они им обрыдли. Элен — умная женщина, и я думаю, ей вполне хватит еще одного куплета, не больше.

— Только этот куплет может оказаться для нее последним, — мрачно заключил Ральф. — Ты понимаешь. Мы сейчас говорим не о пьяном муже, который пришел в пятницу вечером, проиграв все деньги в покер, и избил жену, потому что она начала его пилить и стыдить.

— Я понимаю, — сказал Макговерн. — Но ты спросил мое мнение, и ты его получил. Я думаю, что Элен пройдет еще один круг, прежде чем уразумеет, что так жить нельзя. Но даже потом им придется время от времени сталкиваться друг с другом. Все-таки мы живем в очень маленьком городке. — Он замолчал и уставился на улицу. — Смотри-ка, — сказал он, приподняв бровь. — А вот и наша Луиза. Идет сюда, прекрасная, как сама ночь.

Ральф наградил его испепеляющим взглядом, который Билл не заметил или попросту не захотел замечать. Он встал, еще раз дотронулся пальцами до макушки, где не было панамы, а потом спустился с крыльца навстречу Луизе.

— Луиза! — воскликнул он, становясь на одно колено и театрально заламывая руки. — Соединятся ли наши судьбы сияющими узами любви? Обвенчай свою судьбу с моей и дай мне увезти тебя отсюда в другие края на золоченой машине моих пламенных чувств.

— Господи, Билл, ты мне предложение, что ли, делаешь или просто зовешь на свидание? — Луиза растерянно улыбнулась.

Ральф постучал Макговерна по спине.

— Вставай, старый дурак, — сказал он и взял из рук Луизы маленькую сумку. Он заглянул внутрь и увидел три банки пива.

Макговерн поднялся на ноги.

— Извини, Луиза. Это все душевные летние сумерки с твоей красотой. Другими словами, временное помутнение рассудка.

Луиза улыбнулась ему, а потом повернулась к Ральфу.

— Я только сейчас узнала, что случилось, — сказала она. — И поспешила сюда. Я весь день присидела с девочками в Лудлоу.

Играли в покер по маленькой. — Ральфу даже не надо было смотреть на Макговерна. Он и так знал, что его левая бровь... — Покер с девочками! Какая все-таки прелесть наша Луиза — была поднята на максимальную высоту. — С Элен все в порядке?

— Да, — сказал Ральф. — Ну, может быть, не совсем в порядке; ее оставили на ночь в больнице. Но это просто на всякий случай. Серьезной опасности нет.

— А малышка?

— Малышка в порядке. Она сейчас у подружки Элен.

— Хорошо, пошли на крыльцо, и вы мне все подробно расскажете. — Она взяла Билла и Ральфа под руки и повела их к крыльцу. Так они и поднялись по ступенькам: словно два престарелых мушкетера, которые и в старости пытаются защитить даму сердца, — а когда Луиза уселась в свое кресло-качалку, по всей Харрис-авеню зажглись фонари, как двойная нить жемчуга в мягких сумерках.

6

В ту ночь — с четверга на пятницу — Ральф уснул чуть ли не раньше, чем его голова коснулась подушки, и проснулся в половине четвертого утра. Он сразу понял: о том, чтобы снова уснуть, не может быть и речи, — поэтому лучше не мучиться, а сразу же перебраться в кресло в гостиной.

Он еще пару минут полежал в кровати, глядя в темноту и пытаясь поймать ускользающий сон, но у него ничего не вышло. Он только помнил, что ему снился Эд... и Элен... и Розали, собака, которую он как-то видел на Харрис-авеню ранним утром, еще до того, как появился почтальон Пит.

И еще там был Дорранс.

Да, все правильно. Там, во сне, был Дорранс. А потом словно ключ повернулся в замке, и Ральф неожиданно вспомнил, что сказал ему Дорранс прошлым летом во время стычки между Эдом и водителем пикапа... слова, которые он вспоминал и не мог вспомнить вчера вечером. Когда он пытался оттащить Эда от здоровья, Дорранс сказал,

(На твоём месте я бы не стал)

что ему лучше не трогать Эда.

— Он сказал, что не видит моих рук, — пробормотал Ральф вслух, вылезая из кровати. — Да, именно так он и сказал.

Он еще немного посидел на кровати, опустив голову и зажав руки коленями. В конце концов он сунул ноги в тапочки и поплелся в гостиную. Пора было садиться в кресло и ждать рассвета.

Глава 4

1

отя речи циников всегда звучат правдоподобнее и честнее, чем речи непробиваемых оптимистов, жизненный опыт Ральфа показывал, что и те, и другие бывают не правы примерно в равном количестве, и ему было очень приятно узнать, что Макговерн ошибся, когда говорил об Элен Дипно — ей хватило и одного куплета песни «Блюз разбитого сердца и избитого тела».

В среду на следующей неделе, когда Ральф уже собирался искать ту женщину, которая приходила к Элен в больницу (Тилбери, ее звали Гретхен Тилбери), он получил от Элен письмо. Обратный адрес был очень простым — от Элен и Нат, Хай-Ридж, — но этого было вполне достаточно, чтобы Ральф вздохнул с облегчением. Он уселся в свое кресло на крыльце, оторвал краешек конверта и вытряхнул из него два листочка бумаги, исписанных характерным (с обратным наклоном) почерком Элен.

Дорогой Ральф [так начиналось письмо], ты, наверно, решил, что я все-таки злою на тебя, но это не так, поверь. Просто мы решили воздержаться от контактов с

кем бы то ни было — письменно или по телефону — первые несколько дней. Таковы правила этого дома. Мне здесь очень нравится, Натали тоже. И это неуживительно: здесь еще шесть детей ее возраста, так что ей есть с кем играть. Что касается меня, я встретила здесь столько женщин, которые знают, через что я прошла... я даже представить себе не могла, что их так много. Я вот о чем смотрела ток-шоу по телевизору — «Опра Уинфри общается с женщинами, которые любили мужчин, которые их издевали» — это одно, но когда это случается с тобой, ты чувствуешь себя так, как будто такого никогда не случилось ни с кем до тебя и никогда ни с кем не случится. А облегчение, когда ты понимаешь, что это не так, что ты не одна, — наверное, самое лучшее из всего, что случилось со мной за последние... за последнее время.

Элен немного написала о своих обязанностях в женском доме — работа в саду, перекраска сарая, мытье окон уксусом и водой — и о приключениях Натали (малышка училась ходить). А все остальное письмо было о том, что случилось, и о том, что она собиралась делать, и только тогда Ральф в первый раз осознал и прочувствовал, в каком смятении находилась Элен, как она волновалась о том, что будет потом, и переживала за Нат, чтобы у той все было хорошо... ну и у нее самой тоже. Элен, похоже, только теперь поняла, что у нее тоже есть право нормально жить. Ральф был рад, что она это поняла, но ему было грустно, когда он думал обо всем, через что ей пришлось пройти, прежде чем она пришла к этому, в сущности, очень простому пониманию.

Я собираюсь с ним развестись [писала она]. Какая-то часть меня (очень похожая на мою мать) просто хочет, когда я ставлю вопрос об этом ребром, но я уже устала от самообмана. Здесь мы посещаем сеансы групповой терапии ну, знаешь, когда люди садятся в круг и говорят о своих проблемах, и изводят за час четыре знаковых сгно-

разговорах по поводу платиков... но это все-таки помогает взглянуть на вещи под новым углом и увидеть их такими, как они есть. В моем случае ситуация такова: вместо человека, за которого я когда-то вышла замуж, теперь появился опасный псих. И то, что он иногда бывает ласковым и заботливым, — это всего лишь маска. И мне нельзя забывать, что человек, который когда-то приносил мне букеты цветов, которые он сам собрал за городом, теперь, бывает, сидит на крыльце и разговаривает с кем-то, кого на самом деле нету — с кем-то, кого он называет «маленький лысый доктор». Прелесть, правда? Я думаю, я поняла, когда и как это все началось, и я расскажу тебе, когда мы увидимся, если, конечно, тебе захочется это услышать.

В середине сентября мне надо будет вернуться в наш дом на Харрис-авеню (хотя бы ненадолго) и еще мне надо будет найти работу. Но пока что ни слова об этом. Эта тема ужасает меня до смерти! Я получила записку от Эда — всего пара строк, но тем не менее для меня это большое облегчение. Он написал, что сейчас он живет в отдельном коттедже при Лаборатории Хьюкинса во Фреш-Харбор и что он будет неукоснительно соблюдать пункт о контактах со мной (точнее, об их отсутствии) в договоре о входе под залог. Он пишет, что сожалеет о том, что было, но мне от этого не стало. Не то чтобы я ожидала увидеть залихватской слезами конверт, в котором будет лежать отрезанное ухо Эда, нет, но... я не знаю. Как душно бы он и не извинился вовсе, а просто формально отписался, чтобы закрыть эту тему. И какой в этом смысл? В письме также был чек на 750 долларов, который, видимо, должен свидетельствовать, что он понимает свою ответственность перед нами и помнит о ней. Это, конечно, хорошо, но мне было бы гораздо приятнее, если бы я узнала, что он пытается разорваться со своими проблемами и со своим душевным здоровьем. Его должны были приговорить к полугоду или к году интенсив-

ной терапии. Я сказала это на групповом сеансе, и они рассмеялись, как будто решили, что я шушу. А я не шутила.

Иногда, когда я думаю о будущем, у меня в голове возникают страшные картины. Я вижу, как мы стоим в очереди за бесплатной едой или как я иду в приют для бездомных, держа на руках Натали, завернутую в полотенце. Когда я об этом думаю, меня начинает трясти, и иногда я плачу. Я знаю, что это глупо: слава Богу, у меня есть дом по библиотечному делу... но я ничего не могу с собой поделать. И знаешь, что мне помогает, когда такое случается? Я вспоминаю, что ты мне сказал тогда, когда привел меня в «Красное яблоко». Ты мне сказал, что у меня много друзей здесь, в городе, и что я обязательно справлюсь. И я точно знаю, что у меня есть друг — по крайней мере один. Один настоящий друг.

Письмо было подписано: С любовью Элен.

Ральф вытер слезы — в последнее время он вообще часто плакал; наверное, от усталости и недосыпа, — и прочел P.S. в самом низу листочка:

*Я бы очень хотела, чтобы ты пришел нас навестить, но муж-
чин сюда не пускают по вполне понятным причинам. Здесь даже
не разрешают давать точный адрес, где мы находимся. Э.*

Ральф пару минут посидел, держа письмо Элен на коленях и глядя на Харрис-авеню. Был самый конец августа — пока еще лето, но листья на тополях уже серебрились, а в воздухе чувствовалась осенняя прохлада. На витрине «Красного яблока» уже появился плакат: ТОВАРЫ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ! ЗАХОДИТЕ К НАМ! А где-то рядом с Ньюпортом, в старом фермерском доме, где униженные и избитые женщины пытались начать жизнь заново, Элен Дипно мыла окна, готовя их к очередной бесконечной зиме.

Он аккуратно сложил письмо и убрал его обратно в конверт, пытаясь вспомнить, сколько Эд и Элен прожили вместе.

Где-то шесть или семь лет. Каролина бы знала точно. Каролина наверняка бы знала. *Сколько мужества требуется, чтобы завести трактор и скосить под корень все, что ты упорно выращивал шесть или семь лет?* — спросил он себя. *Сколько мужества требуется, чтобы снести все к чертям, после того как ты убил столько времени, готовя почву, бережно высаживая семена, поливая и удобряя? Сколько нужно мужества, чтобы сказать: «Я не буду выращивать этот горох, потому что он мне не нравится. Я лучше попробую бобы или кукурузу»?*

— Много, — сказал он вслух, вновь вытирая слезы в уголках глаз. — Чертовски много, на мой скромный взгляд.

Ему вдруг очень захотелось увидеть Элен и повторить ей слова, которые она так хорошо запомнила и которых уже не помнил он сам: *У тебя все будет в порядке, ты обязательно справишься, и ты не одна — у тебя много друзей.*

— Ладно, — сказал себе Ральф. — Мы еще повидаемся, и не раз.

Письмо Элен сняло огромный камень с его души. Он встал, положил конверт в задний карман и пошел по Харрис-авеню к шоссе и площадке для пикников. Если ему повезет, там будет Фэй Чапин или Дон Визи и можно будет сыграть партию в шахматы.

Но облегчение и радость за Элен, что с ней все в порядке, не исцелили Ральфа от бессонницы: его ранние пробуждения продолжались, и к Дню труда он просыпался уже в 2.45 ночи. К десятому сентября — когда Эда арестовали во второй раз — Ральф спал всего по три часа в сутки и начал чувствовать себя каким-то маленьким и ничтожным созданием, которое можно увидеть разве что под микроскопом. «Одинокое крошечное простейшее, вот что я такое», — невесело думал он, сидя в своем кресле у окна и глядя на Харрис-авеню, и ему очень хотелось смеяться, но он давно уже разучился смеяться.

Его список верных и безотказных народных средств продолжал расти, и ему уже начало казаться, что он вполне может сам написать небольшую книжку, посвященную этой теме... если, конечно, он когда-нибудь будет нормально спать и сумеет привести в порядок разбредающие мысли. Хотя пока что он неплохо держался и даже ни разу не вышел из дома в разных носках, хотя постоянно ему вспоминался тот случай, когда он искал в шкафчике несуществующий суп — это было в тот день, когда Эд избил Элен, и у Ральфа совершенно вылетело из головы, что супы у него закончились еще несколько дней назад. Теперь такого с ним не случалось, потому что он все-таки умудрялся хоть сколько-то спать, но он ужасно боялся, что что-то подобное может случиться опять — что-то подобное или еще того хуже, — если в самое ближайшее время дела не пойдут на поправку. Бывали моменты (обычно — когда он сидел в своем кресле-качалке, смотрел на улицу и дожидался рассвета), когда он мог бы поклясться, что чувствует, как разжижаются его мозги.

Средства варьировались, как говорится, от великого до смешного. Лучшим примером «великого» была красочная брошюрка, рекламирующая Институт изучения сна Миннесоты. Он находился в Сент-Поле. Смешное же было достойно представлено «Волшебным глазом» — универсальным амулетом, который продается во всех супермаркетах и сопровождается надписями типа: «Пользуется спросом по всей стране» и «Загляни в себя». Ральфу его подарила Сью, продавщица из «Красного яблока». Ральф взглянул на плохо прорисованный голубой глаз, который уставился на него с медальона (кажется, в предыдущей жизни он был фишкой для покера), и почувствовал, что вот-вот рассмеется. Он едва дотерпел до того момента, когда оказался один в своей комнате наверху — на втором этаже, за закрытыми дверями, — и только тогда от души расхохотался. Серьезность, с которой Сью преподнесла ему этот подарок, и дорогая золотая цепочка, на которой болтался медальон, свидетельствовали о том, что эта фитилька обошлась ей в приличную сумму денег. С тех пор как они вдвоем спасли Элен, Сью

относилась к Ральфу чуть ли не с восхищением. Ральфу от этого было слегка неудобно, но он понятия не имел, как это можно исправить. В общем, он решил все-таки носить этот дурацкий медальон под рубашкой, чтобы Сью видела его очертания и была спокойна за его здоровье. Но от бессонницы это, естественно, не помогло.

Когда Ральф пришел в полицейский участок и дал показания касательно семейных проблем четы Дипно, уже в конце разговора детектив Лейдекер откинулся на спинку стула, отехал на нем назад, сцепил руки за головой и сообщил Ральфу, что Билл Макговерн как-то обмолвился, что у Ральфа бессонница. Ральф сказал: да, бессонница. Лейдекер покачал головой, снова придвинул стул к столу, положил руки на кучу бумаг, которыми была завалена практически вся поверхность стола, и серьезно взглянул на Ральфа.

— Медовые соты, — сказал он. В этот момент его тон подозрительно напомнил Ральфу тон Макговерна, когда тот говорил ему, что виски решит все его проблемы, и его ответ был точно таким же, как и в тот раз.

— Прошу прощения?

— Мой дедушка просто на них молился, — продолжал Лейдекер. — Маленький кусочек сот перед сном. Надо высосать из сот мед, а потом пожевать воск, как жвачку, и выплюнуть. Пчелы, когда делают мед, вырабатывают какое-то вещество — что-то вроде натурального снотворного. Вырубает на раз.

— Да, наверное, стоит попробовать, — сказал Ральф, одновременно понимая, что это полнейший бред, и веря каждому слову. — А где можно достать медовые соты, вы, случайно, не знаете?

— В «Дарах природы». Это такой магазин здоровой пищи на пешеходном бульваре. Попробуйте. Уже через неделю, это я вам гарантирую, будете спать как младенец.

Ральфу понравился этот эксперимент — медовые соты были очень вкусными и явно подсластили его существование, — но после первого раза он все равно проснулся в 3.10, 3.08 — после второго, и в 3.07 — после третьего. Потом маленький кусочек

сот закончился, и Ральф снова пошел в «Дары природы», чтобы купить еще. Ценность меда в сотах как снотворного стремилась к нулю, но зато это было вкусно — жалко, что он раньше не знал про такое чудо.

Он пытался держать ноги в теплой воде. Луиза купила ему какую-то мазь, которая называлась «Универсальный согревающий гель», заказала в каком-то каталоге — этой штукой надо было растирать шею, и она вроде как вылечивала артрит и помогала заснуть. (Ральфу она ни капельки не помогла — от бессонницы не излечила, а артрит у него был только в начальной стадии и не особенно его беспокоил.) После случайной встречи с Триггером Вашоном на улице он попробовал ромашковый чай.

— Ромашка — это волшебное средство, — сказал ему Триг. — Будешь спать как убитый, Ральф.

И Ральф спал как убитый... до 2.58.

Он пробовал и народные, и гомеопатические средства. Разве что не стал покупать себе курс дорогих витаминов, которые были ему явно не по карману; не стал пробовать позу йоги, которая называлась «Сновидец» (судя по описанию, это был верный способ столкнуться «нос к носу» с собственным геморроем), и не стал курить марихуану. Ральф долго думал и пришел к выводу, что это — всего лишь нелегальная версия виски, медовых сот и чая из ромашки. К тому же, если бы Билл узнал, что его друг и сосед курит травку, Ральфу пришлось бы выслушать кучу всего неприятного.

И во время всех этих экспериментов ему не давали покоя дурацкие мысли типа уж не дойдет ли он до того, чтобы испробовать в качестве средств от бессонницы глаза тритона и язык жабы, прежде чем сдать и пойти-таки к доктору. Мысли были не критически-издевательскими, а скорее удивленными. И в конце концов Ральфу стало казаться, что это, наверное, не такой уж и бред.

Десятого сентября, в день первой манифестации «Друзей жизни» перед Женским центром, Ральф решил пойти в аптеку и купить какое-нибудь снотворное. Но он собирался пойти не

в ту аптеку, которая была рядом с домом и где он в свое время покупал лекарства для Каролины. В этой аптеке его все знали, и он не хотел, чтобы Пол Дерджин, фармацевт и владелец, видел, как он покупает снотворное. Наверное, это было глупо — так же глупо, как ходить на другой конец города за презервативами, — но для Ральфа это ничего не меняло. Он никогда ничего не покупал в «Первой помощи», аптеке, которая располагалась на том конце Строуфорд-парка, и поэтому он решил пойти туда. А если аптечный вариант глаз тритона и языков жаб не поможет, тогда он пойдет к врачу.

Это правда, Ральф? Ты действительно пойдешь к врачу?

— Да, — сказал он вслух, когда шел по Харрис-авеню в ярком свете сентябрьского солнца. — Пора принимать решительные меры.

Да, да, Ральф, говори-говори, скептически отозвался голос у него в голове.

Билл Макговерн и Луиза Чесс стояли около парка и, судя по всему, оживленно о чем-то спорили. Билл увидел Ральфа и пошел ему навстречу. Ральфу совсем не понравилось то, что он увидел у них на лицах: оживленный интерес в глазах Макговерна и беспокойство в глазах Луизы.

— Ты слышал о том, что случилось в больнице? — спросила она, когда Ральф подошел к ним.

— Для начала, это было не в больнице, — раздраженно перебил ее Билл. — Это было на манифестации... вот как оно называется... около Женского центра, который на самом деле находится за больницей. Кое-кого даже арестовали и забрали в тюрьму — от шести до двух дюжин человек. Никто точно не знает сколько.

— И среди них был Эд Дипно, — сказала Луиза и затаила дыхание, когда Макговерн наградил ее испепеляющим взглядом. Он явно хотел сам сообщить Ральфу это потрясающее известие.

— Эд?! — удивился Ральф. — Но Эд же сейчас во Фреш-Харбор!

— А вот и нет, — хитро прищурился Макговерн. В своей повидавшей виды коричневой фетровой шляпе он был похож на франтоватого газетчика из гангстерских фильмов сороковых годов. Ральф на мгновение задумался: а что стало с его панамой — она пропала уже безвозвратно или Билл просто отправил ее в долгосрочный отпуск по случаю наступления осени? — Сегодня он снова проветривает носки в нашей милой и живописной городской тюрьме.

— А что конкретно произошло?

Но конкретно они не знали. Просто по округе, как вирус гриппа, распространился слух, который в этом квартале пользовался особым интересом, поскольку в истории фигурировал Эд Дипно. Мэри Каллан сказала Луизе, что демонстранты сначала просто кричали, а потом начали кидаться камнями, и именно из-за этого их всех и арестовали. Если верить Стэну Эберли, который рассказал эту историю Макговерну незадолго до того, как они встретились с Луизой в парке, кто-то из митингующих — может быть, Эд, но это мог быть и любой другой — попытался избить двух врачей, когда они шли от Женского центра к служебному входу в больницу. Площадка между больницей и центром была излюбленным местом всех демонстрантов на протяжении уже семи лет — с тех пор, как в Женском центре начали делать аборт.

Обе версии истории были слишком неопределенными и совершенно не походили друг на друга, так что у Ральфа были все основания предположить, что речь шла всего лишь о нескольких слишком рьяных товарищах, которых арестовали за нарушение границы территориальной собственности больницы или за что-нибудь в этом духе. В любом городе случаются подобные инциденты, но в таком маленьком городке, как Дерри, эти истории обрастают подробностями, как снежные комья, так что уже невозможно понять, где там правда, а где вольные добавления.

И все-таки Ральф не мог избавиться от ощущения, что на этот раз все гораздо серьезнее, потому что в обеих версиях фигурировал Эд Дипно, а Эд был не просто противником аборт-

тов. Этот человек выдрал своей жене клочок волос вместе с кожей, выбил ей два зуба и сломал челюсть только из-за того, что она подписала петицию, в которой упоминался Женский центр — всего лишь упоминался. Этот парень искренне убежден, что какой-то Кровавый Царь — кстати, очень даже неплохое имя для какого-нибудь борца, мимоходом подумал Ральф — окопался в Дерри, а его подданные вывозят убитых детей из города в грузовиках (ну и иногда — на пикапах с бочками, на которых написано УДОБРЕНИЯ). Нет, если уж Эд был там, то вряд ли все обошлось случайным ушибом чьей-нибудь головы о платок с пламенными воззваниями.

— Пойдемте ко мне, — вдруг предложила Луиза. — Я позвоню Симоне Кастонгвай. Ее племянница сегодня работает в приемной в Женском центре. Если кто-нибудь в этом городе знает точно, что случилось сегодня утром у центра, так это Симона. Я уверена, что она уже позвонила Барбаре.

— Вообще-то я собирался в супермаркет, — сказал Ральф. Разумеется, это была ложь, но ложь, близкая к правде: супермаркет располагался рядом с аптекой, в соседнем доме. — Давай я зайду к тебе на обратном пути.

— Хорошо, — улыбнулась ему Луиза. — Мы будем ждать тебя минут через пятнадцать, да, Билл?

— Ага. — Макговерн неожиданно сгреб Луизу в охапку. Он стоял довольно далеко, но все-таки умудрился схватить ее и приподнять над землей. — А эти пятнадцать минут ты будешь только моей. О, как быстро они пролетят, эти божественные минуты!

Несколько женщин с детьми в колясках (мамаши-сплетницы, мысленно окрестил их Ральф) внимательно наблюдали за ними, в частности — за Луизой, которая, когда волновалась, становилась очень помпезной и шумной. Когда Макговерн поставил Луизу на землю, глядя на нее с фальшивой страстью плохого актера в конце какой-нибудь душераздирающей сцены, одна из мамаш что-то сказала другой, и они обе рассмеялись. Это был резкий, недобрый смех, похожий на скрип мела по доске или на звук падающих в раковину вилок. Посмотри-

ка на этих смешных стариков, говорил этот смех. Посмотри на этих смешных стариков, которые делают вид, что они снова молодые.

— Прекрати, Билл! Отпусти меня! — Луиза покраснела. И наверное, вовсе не из-за привычных штучек Билла. Скорее всего она тоже услышала этот смех. Макговерн тоже его слышал, но он наверняка решил, что они смеются вместе с ним, а не над ним. Иногда, устало подумал Ральф, повышенный эгоцентризм служит хорошей защитой.

Билл отпустил ее, потом снял шляпу и театрально раскланялся. Луиза не обратила на него внимания — сейчас ее больше тревожило, не вылезла ли ее блузка из-под пояса юбки. Краска уже отхлынула от ее лица, и только теперь Ральф заметил, что она была очень бледная и вообще не очень хорошо выглядела. Он очень надеялся, что с ней все в порядке и она не болеет.

— Приходи, если сможешь, — тихо сказала она Ральфу.

— Я приду, Луиза.

Макговерн приобнял ее за талию — на этот раз нежно и по-приятельски, — и они пошли вверх по улице. Глядя им вслед, Ральф вдруг почувствовал, что уже видел это. *Déjà vu*. Да, он уже это видел. Где-то в другом месте. Или в другой жизни. И только потом, когда Макговерн опустил руку, разрушив иллюзию, Ральф понял: он видел не Билла с Луизой, а Фреда Астера с Джинджер Роджерс. Фред вел темноволосую и достаточно пышную Джинджер в маленький кинотеатр, где они собирались потанцевать под музыку Джерома Керна или, может быть, Ирвинга Берлина.

Странно это, подумал он, направляясь в сторону маленького бульвара на середине Холма. Это очень странно, Ральф. Билл Макговерн и Луиза Чесс так же похожи на Фреда с Джинджер, как...

— Ральф, — вдруг крикнула Луиза, и он обернулся. Луиза с Биллом отошли уже достаточно далеко. Машины сновали туда-сюда по Элизабет-стрит, загораживая Ральфу панораму.

— Что? — крикнул он в ответ.

— Ты выглядишь гораздо лучше. Посвежевший такой, отдохнувший! Ты что, наконец начал нормально спать?

— Ага. — А про себя он подумал: «Еще одна маленькая ложь, и все по той же благой причине».

— Я же тебе говорила, что тебе станет лучше, когда переменится время года? Ладно, скоро увидимся!

Луиза помахала ему рукой, и Ральф с изумлением увидел яркие синие диагональные линии, которые исходили от ее пальцев и постепенно растворялись в воздухе. Они были похожи на следы от реактивного самолета на небе.

Какого хрена?!

Он крепко зажмурился и снова открыл глаза. Ничего. Просто Билл и Луиза идут по улице к дому Луизы, повернувшись к нему спиной. Никаких ярких линий в воздухе, ничего даже похожего...

Ральф опустил глаза и увидел, что Билл и Луиза оставляли за собой следы на асфальтовом тротуаре — следы, которые выглядели точь-в-точь как отпечатки ног в старом обучающем курсе танцев Артура Мюррея, который можно было заказать по почте. У Луизы следы были серыми. Следы у Макговерна — по размеру больше, чем у Луизы, но все равно странно маленькие и узкие — были темно-оливковыми. Они мерцали на тротуаре, и Ральф, застывший с отвисшей челюстью в дальнем конце Элизабет-стрит, вдруг понял, что видит маленькие сгустки цветного дыма, которые поднимались от следов. Или, может быть, это был пар.

Мимо проехал городской автобус маршрута на Старый Мыс, на мгновение закрыв обзор, а когда он проехал, следы исчезли. На тротуаре не было ничего, кроме надписи мелком в большом розовом сердце: СЭМ+ДЭНИ = ЛЮБОВЬ НАВСЕГДА.

Следы не исчезли, Ральф; их там и не было. Ты ведь знаешь, что не было, правильно?

Да, он это знал. Мысль о том, что Билл и Луиза выглядят, как Джинджер и Фред, крепко завязла у него в голове и расцвела там пышным цветом, превратившись в навязчивую галлюцинацию. Вот ему и показалось, что он видит следы — от-

печатки ног, как в руководстве по танцам Артура Мюррея. Странная, конечно, логика, но зато хоть какое-то объяснение. Но ему все равно было страшно. Сердце бешено колотилось в груди, а когда он на мгновение закрыл глаза, чтобы сосредоточиться и успокоиться, ему снова привиделись эти синие линии, которые исходили от пальцев Луизы и были похожи на следы реактивного самолета на ясном небе.

Мне надо больше спать, подумал Ральф. Просто необходимо. Иначе мне будет мерещиться и не такое.

— Да уж, — пробормотал он себе под нос, направляясь к аптеке. — Еще и не такое привидится.

}

Десять минут спустя Ральф стоял перед входом в аптеку «Первая помощь» и тупо смотрел на плакат, который свисал на цепях над дверями: ПОЧУВСТВУЙТЕ СЕБЯ ЛУЧШЕ С ПОМОЩЬЮ «ПЕРВОЙ ПОМОЩИ», — видимо, предполагалось, что почувствовать себя лучше — это цель, к которой стремился любой здравомыслящий, работающий потребитель и которая была достижима для всякого, стоит ему только прийти сюда. У самого Ральфа были некоторые сомнения на этот счет.

Та же розничная торговля лекарствами, но со вселенским размахом, решил Ральф, и та аптека, где он обычно покупал лекарства, показалась ему захолустной деревенской лавочкой. Здесь все было устроено действительно грандиозно. Бесконечные прилавки и полки — подсвеченные белым светом и длинные, как дорожки в кегельбане, — на которых было все что угодно, от электрических тостеров до детских картинок-головоломок. После некоторых раздумий Ральф решил, что патентованные лекарства собраны в третьем проходе и что начать стоит оттуда. Он медленно прошел мимо отдела желудочных средств, мельком глянул на королевство анальгетиков и быстро пересек владения слабительного. И вот тут, между слабительными и деконгестантами, он остановился.

Вот оно, ребята. Мой последний патрон. А потом — только доктор Литчфилд, и если он посоветует мне жевать соты с медом или пить чай из ромашки, я точно его покусая, и чтобы меня от него оттащить, тут не обойдется двумя медсестрами — придется еще звать девушку из приемной.

СНОТВОРНОЕ — было написано на плакате над этим отделом третьего прохода.

Ральф, который достаточно редко пользовался лекарствами (иначе он бы добрался сюда гораздо быстрее), толком не знал, что именно он ожидал увидеть, но уж точно — не это ужасающее изобилие фармацевтической продукции. Его взгляд скользил по коробкам (большинство из них почему-то были синего цвета), наугад выхватывая названия. Большинство их них были какими-то странными и даже немного зловещими: композ, нитол, слипинал, з-пауэр, соминекс, слипинекс, дроу-зи. Там даже висела схемка — что-то вроде классификации в виде генеалогического древа.

Ты что, издеваешься, подумал он. Ни одно из этих снадобий тебе не поможет. Может, хватит уже страдать херней, а? Когда человек начинает видеть светящиеся цветные следы на асфальте, ему точно пора перестать страдать этим самым и надо срочно бежать к врачу.

Где-то на периферии сознания ему послышался голос доктора Литчфилда, причем так ясно, как будто он был записан на пленку у него в голове: *У вашей жены хронические мигрени. Это болезненно и неприятно, да. Но еще никто от этого не умирает. Я думаю, как-нибудь мы с этим справимся.*

Болезненно и неприятно, но никто от этого не умирал — вот что сказал этот человек, профессиональный врач. А потом он взял бланк и выписал первый рецепт на какое-то совершенно бесполезное лекарство, а маленький рой чужеродных клеток в голове Каролины продолжал потихонечку расползаться по всем уголкам мозга, и, может быть, доктор Джамаль был прав, возможно, уже тогда было слишком поздно что-либо предпринимать, но вовсе не исключено, что и Джамаль тоже был таким же дерьмовым доктором, как и Литч-

филд, а может, Джамаль ощущал себя чужаком в этой чужой стране и пытался как-то здесь адаптироваться, не особо высовываясь. Может, так, а может, этак — все равно Ральф никогда не узнает правду. Но одно он знал точно: Литчфилда не было рядом, когда они выполняли два последних задания в их совместной жизни — она умирала, а он смотрел, как она умирает.

Мне действительно этого хочется? Пойти к Литчфилду и снова смотреть, как он выписывает рецепт?!

Может, на этот раз все получится... Ральф спорил с самим собой, а тем временем его рука как будто сама собой поднялась и взяла с полки коробку слипинекса. Он повертел ее в руках, попытался прочесть какие-то мелкие надписи на боку и наткнулся взглядом на список активных ингредиентов. Он понятия не имел, как произносятся большинство из этих зубодробительных названий, и уж тем более не знал, что они собой представляют и как помогают заснуть.

Да, ответил он оптимистичному голосу. Может быть, в этот раз и получится. Но может быть, есть другое решение — например, найти другого врача...

— Я могу вам помочь? — спросил голос из-за плеча Ральфа.

Когда раздался этот голос, Ральф как раз пытался положить коробочку слипинекса на место и взять что-нибудь другое, что звучало бы не так похоже на название какого-то зловещего дурманящего снадобья из романов Робина Кука. От неожиданности он подскочил на месте и уронил на пол десяток коробочек с искусственным сном.

— Ой, простите меня, ради Бога, я такой неуклюжий. — Ральф с виноватым видом взглянул через плечо.

— Не извиняйтесь, это моя вина.

И прежде чем Ральф успел поднять третью коробочку слипинекса и вторую упаковку дроу-зи, мужчина в белом халате сгреб в охапку все остальные коробки и принялся расставлять их по полкам с проворством завязанного картежника, сдающего карты. Судя по табличке-значку у него на халате, это был ДЖО ВАЙЗЕР, ФАРМАЦЕВТ «ПЕРВОЙ ПОМОЩИ».

— А теперь, — сказал Вайзер, отряхивая руки и дружелюбно улыбаясь Ральфу, — давайте начнем сначала. Могу я вам чем-то помочь? А то у вас вид растерянный.

На смену первому раздражению — Ральфа только что отвлекли от оживленной дискуссии с самим собой, и это его разозлило — пришло настороженное любопытство.

— Ну, я не знаю. — Он показал на пирамиды снотворных средств. — Они вообще помогают?

Улыбка Вайзера стала еще лучезарнее. Это был высокий мужчина средних лет, с хорошей кожей и темными волосами, разделенными посередине пробором. Он протянул руку, и прежде чем Ральф успел сделать хоть что-то, его ладонь утонула в ладони Джо Вайзера.

— Я Джо, — сказал фармацевт и продемонстрировал свою табличку. — Раньше я был просто Джо Вайз, но я вырос и повзрослел, и теперь я уже Джо Вайзер.

Скорее всего это была очень старая шутка, но для Джо Вайзера она не утратила своего очарования, и он искренне — и достаточно громко — рассмеялся. Ральф вежливо улыбнулся, но в этой улыбке было и легкое беспокойство. Рука, пожимающая его руку, была сильной, и он боялся, что если фармацевт вдруг забудется и сожмет руку, то его многострадальная конечность может встретить следующий день уже в гипсе. На мгновение он пожалел, что не пошел к Полу Держину в ближайшую аптеку. Но все обошлось: Вайзер энергично потрянул его руку и все-таки отпустил ее без всякого членовредительства.

— А я Ральф Робертс. Очень приятно познакомиться, мистер Вайзер.

— Взаимно. Теперь что касается эффективности этих замечательных лекарств. Позвольте мне ответить вопросом на вопрос: гадит ли медведь в телефонной будке?

Ральф рассмеялся:

— Я думаю, вряд ли, — сказал он, когда снова смог говорить.

— Правильно. И тут примерно тот же случай. — Вайзер взглянул на полку со снотворными, выдержанную в синих и голубых тонах. — Слава Богу, мистер Робертс, что я фармацевт, а не продавец, иначе бы я замучился таскать эти коробки от двери к двери. Вы страдаете от бессонницы? Я это спрашиваю не просто так, а по двум причинам: во-первых, вы изучаете полки со снотворными, а во-вторых, потому что у вас измученный вид и ввалившиеся глаза.

Ральф сказал:

— Мистер Вайзер, я был бы, наверное, счастливейшим из людей, если бы мог спать хотя бы пять часов в сутки, впрочем, даже если и четыре — это было бы уже неплохо.

— И как долго это уже продолжается, мистер Робертс? Или можно вас называть просто Ральф?

— Давайте просто Ральф.

— Хорошо, а я тогда просто Джо.

— Началось все в апреле, наверное. Через месяц-полтора после смерти моей жены.

— Господи, примите мои соболезнования.

— Спасибо, — сказал Ральф, а потом повторил давно заученную фразу: — Мне очень ее не хватает, но я был рад, что ее страдания наконец закончились.

— Ну да, зато теперь страдаете вы. Уже... давайте посчитаем... Вайзер быстро посчитал на пальцах. — Уже, выходит, полгода.

Ральф вдруг поймал себя на том, что он заворуженно смотрит на пальцы Вайзера. На этот раз — никаких линий в воздухе, но кончик каждого пальца, казалось, был окружен ярким серебристым сиянием, похожим на фольгу, только прозрачную. И он снова подумал о Каролине и вспомнил те призрачные запахи, которые чудились ей в ее последнюю осень — гвоздика, сточные воды, подгоревший жир. И может быть, эти странные видения — это всего лишь мужская разновидность того же заболевания, и начало развития его мозговой опухоли ознаменовалось не головными болями, а прогрессирующей бессонницей.

Самодиагностика — последнее дело, Ральф, так что не забивай себе голову всякими глупостями.

Он решительно поднял глаза на улыбчивое и приятное лицо Вайзера. Никакой серебристой дымки; даже намек на какую-то дымку. Он был в этом почти уверен.

— Правильно, — подтвердил он. — Уже полгода. А кажется, что намного дольше. Намного дольше.

— А есть какая-нибудь обычная схема? Обычно бывает. Я имею в виду, может быть, вы долго ворочаетесь перед тем, как заснуть, или...

— Я просыпаюсь раньше времени.

Вайзер удивленно поднял брови.

— И видимо, вы прочли несколько книг по данному вопросу, я прав?

Если бы подобное замечание сделал Литчфилд, Ральф воспринял бы его как снисходительное. А в голосе Джо Вайзера не было никакой снисходительности, одно только искреннее восхищение.

— Я прочел почти все, что было в библиотеке, но там было немного, а толку от этого — еще меньше. — Ральф помолчал, а потом добавил: — Если честно, толку не было вообще.

— Хорошо, давайте я расскажу все, что знаю о лечении бессонницы, а вы дайте мне знать, если я буду говорить о том, что вы уже знаете. Кстати, а кто ваш доктор?

— Литчфилд.

— Ага. И обычно вы покупаете лекарства... где? Во «Все для людей»? Или в «Рексоле»?

— В «Рексоле».

— Понятно. И тут вы как бы инкогнито?

Ральф покраснел... а потом усмехнулся.

— Ага, что-то вроде того.

— Угу. Я думаю, глупо было бы спрашивать, ходили ли вы к Литчфилду? Если бы ходили, вы бы сейчас не изучали с таким интересом великолепный мир патентованных медикаментозных средств.

— Это так называется? Патентованные медикаментозные средства?

— Ну да... вообще-то я бы чувствовал себя куда лучше, если бы продавал эту гадость... ну, скажем так, большую часть этой гадости... с большой красной тележки с желтыми колесами.

Ральф рассмеялся, и яркое серебристое облако, начавшее было сгущаться перед грудью Вайзера, исчезло.

— Да, такая торговля меня было устроила, — сказал Вайзер с легкой мечтательной улыбкой. — И у меня была бы маленькая симпатявая цыпочка, которая танцевала бы в лифчике, расшитом блестками, и восточных шароварах... назовем ее Маленькой Египтянкой, как в старой песне Коастерс... она бы разогревала публику. Ну и еще мне бы понадобился музыкант, чтобы играть на банджо. Проверено на собственном опыте: игра на банджо — верное средство настроить потенциального покупателя на желание непременно купить хоть чего-нибудь.

Вайзер посмотрел куда-то вдаль, сквозь анальгетики и слабительные, наслаждаясь своей яркой мечтой. Потом он снова взглянул на Ральфа.

— Для человека, который просыпается раньше времени — а у вас, Ральф, как я понимаю, как раз такой случай, — все эти лекарства совершенно бесполезны. Вам полезнее было бы выпивать на ночь стаканчик виски или воспользоваться одним из этих чудо-массажеров, которые продаются по каталогам. Хотя, глядя на вас, я, пожалуй, скажу, что вы все это уже пробовали.

— Да.

— И еще пару десятков старых добрых народных средств?

Ральф опять рассмеялся. Ему начинал нравиться этот парень.

— И собираюсь пробовать дальше, а ровно на пятидесятом меня увезут в психушку.

— Ну, будь вы обычным трудягой, я бы вам посоветовал это. — Вайзер махнул рукой в сторону голубых коробочек. — Это всего лишь антигистамины. У них есть побочный эффект, который, собственно, нам и нужен, — они вызывают сонли-

вость. Вы почитайте инструкцию по применению на коробке, вот, скажем, на комтрексе или бенадриле. Там написано, что их не следует принимать, если вы собираетесь долго вести машину или работать с какими-нибудь механизмами. Людям, которые страдают от случайного расстройства сна, может помочь соминекс. Но вам это все не поможет, потому что ваша проблема не в том, чтобы заснуть, а в том, чтобы спать дольше... Правильно?

— Правильно.

— Могу я задать вам нескромный вопрос?

— Да, наверное.

— У вас какие-то проблемы с доктором Литчфилдом? Может быть, вы сомневаетесь в том, что он сумеет понять, как вас выматывает бессонница?

— Да, — с облегчением сказал Ральф. — Вы считаете, мне надо пойти к нему? И объяснить ему так, чтобы он понял?

На этот вопрос Вайзер ответит, конечно же, утвердительно, и Ральф еще подумает-подумает и все-таки позвонит. И это будет именно Литчфилд. Думать о том, чтобы сменить врача в его годы, — это чистой воды безумие. Теперь он это понимал.

А сможешь ты рассказать доктору Литчфилду о своих видениях? Сможешь ты рассказать ему о светящихся голубых линиях, исходящих из кончиков пальцев Луизы Чесс? Или о следах на тротуаре, которые похожи на следы-диаграммы из танцевального курса Артура Мюррея? Или о серебристом сиянии вокруг пальцев Джо Вайзера? Ты действительно собираешься рассказать обо всем этом Литчфилду? А если не собираешься, если знаешь, что все равно не можешь, зачем тебе с ним встречаться, и не важно, что скажет тебе этот парень?

Вайзер, однако, очень его удивил, переведя разговор на совершенно другую тему:

— Вам все еще снятся сны?

— Да, и достаточно много снов, с учетом того, что я сплю около трех часов в сутки.

— Это когерентные сны — то есть сны, которые состоят из связанных и последовательных событий, не важно, насколько они бредовые — или это просто разрозненные картинки?

Ральф вспомнил сон, который снился ему этой ночью. Он, Элен Дипно и Билл Макговерн играли в тарелочку посреди Харрис-авеню. На Элен были большие тяжелые ботинки; на Макговерне — футболка с длинными рукавами, с изображением бутылки водки и надписью «АБСОЛЮТно лучшая». Тарелочка была ярко-красного цвета, со светящимися зелененькими полосками. Потом появилась собака Розали. У нее на шее болталась выпившая синяя бандана. Она подпрыгнула, схватила тарелочку и побежала, зажав ее в зубах. Ральф хотел догнать ее, но Макговерн сказал: «Да ладно, Ральф, не напрягайся. На Рождество нам подарят целый набор». Ральф повернулся к нему и хотел сказать, что Рождество было всего три месяца назад и что им делать, если до нового Рождества им вдруг захочется еще раз поиграть в тарелочку. Но прежде чем он успел это сказать, сон либо закончился, либо превратился в какой-то другой, менее яркий.

— Если я правильно понял, — ответил Ральф, — мои сны когерентны.

— Это хорошо. Мне бы также хотелось знать, осознанные это сны или нет. Осознанные сны отвечают двум требованиям. Первое: вы осознаете, что спите. И второе: зачастую вы можете как-то влиять на события в ваших снах, то есть вы там еще и действуете, а не только наблюдаете со стороны.

Ральф кивнул.

— Конечно, мне снятся и такие сны. На самом деле последнее время мне только такие и снятся. Я только что вспоминал сон, который снился мне прошлой ночью. В нем бродячая собака — я часто вижу ее у нас на улице — сбежала с тарелочкой, в которую мы играли с друзьями. Я был взбешен от того, что она испортила нам игру, и попытался заставить ее бросить тарелочку, мысленно послав ей команду. Что-то вроде телепатии, вы понимаете, о чем я?

Он смущенно хохотнул, но Вайзер лишь понимающе закивал.

— Ну и как, у вас получилось?

— Не в этот раз, — сказал Ральф. — Но мне кажется, я же делал нечто подобное в других снах. Но я не могу быть уверенным, потому что я, когда просыпаюсь, большинство снов забываю.

— Это со всеми так, — сказал Вайзер. — Мозг воспринимает большинство снов как нечто совершенно ненужное и поэтому хранит их в памяти очень недолго.

— Вы, я смотрю, много об этом знаете.

— Меня очень интересует проблема бессонницы. Еще когда я учился в университете, я провел два исследования по связи между снами и расстройствами сна. — Вайзер взглянул на часы. — У меня сейчас перерыв. Хотите попить со мной кофе и съесть по кусочку яблочного пирога? Тут недалеко есть местечко, где готовят совершенно обалденный яблочный пирог.

— Звучит заманчиво, но я, наверное, обойдусь апельсиновой содовой. Последнее время я пытаюсь пить меньше кофе.

— Это понятно, но абсолютно бесполезно, — весело сказал Вайзер. — Ваша проблема — не в кофеине.

— Да, наверное... Но тогда в чем? — До этого Ральфу еще худо-бедно удавалось скрывать, как он расстроен и обеспокоен, но сейчас, кажется, голос его выдал.

Вайзер похлопал Ральфа по плечу и сочувственно посмотрел на него.

— Вот об этом, — сказал он, — мы с вами и поговорим. Идемте.

Глава 5

1

Взгляните на это с другой стороны, — посоветовал Вайзер пять минут спустя. Они сидели в новомодной забегаловке под названием «Перерыв на обед, солнце пошло на посадку». Для Ральфа это местечко было каким-то уж слишком современным — он привык к старомодным кафе, которые сияют хромом и где пахнет топленым жиром. Но пирог здесь подавали действительно вкусный, да и кофе, хотя и явно не дотягивал

до того, который варила Луиза Чесс (Луиза варила просто божественный кофе, лучший кофе, который Ральф когда-либо пробовал), все же был в меру горячим и крепким.

— Как именно? — спросил Ральф.

— В жизни есть вещи, за которые мы, мужчины — впрочем, и женщины тоже, — постоянно ведем борьбу. Это не тот высокопарный бред, про который пишут в книгах по истории и социологии, я сейчас не об этом. Я имею в виду очень простые и самые основные вещи. Крыша над головой. Трехразовое питание и постель. Нормальная сексуальная жизнь. Здоровый желудок. И наконец, самое важное: то, чего вам сейчас не хватает, друг мой, и почему вы сейчас так мучаетесь. Потому как ничто на свете не заменит здоровый ночной сон, правильно?

— Правильно, — согласился Ральф.

Вайзер кивнул.

— Сон — это скромный и незаметный, но великий герой и единственный доктор, которого может позволить себе бедняк. Шекспир говорил, что сон «тихо сматывает нити с клубка забот»*, Наполеон называл сон благословенным окончанием ночи, а Уинстон Черчилль — один из величайших людей нашего века, страдавших бессонницей — сказал, что для него это единственный способ излечиться от депрессий. Я записал это все в своих заметках, но все цитаты сводятся к одному, к тому, что я только что вам сказал: ничто в этом мире не сравнится с крепким здоровым сном.

— У вас у самого были проблемы со сном, да? — вдруг спросил Ральф. — И поэтому вы... ну... взяли меня под свое крылышко?

Джо Вайзер усмехнулся.

— А я взял вас под крылышко?

— Да, пожалуй что.

— Ну ладно, это я еще переживу. А ответ утвердительный. Да, я страдал от бессонницы — точнее, от расстройства мед-

* «Макбет», акт II, сцена 2; перевод Б. Пастернака. — *Примеч. пер.*

ленной стадии сна — с тринадцати лет. Именно поэтому я и занялся исследованием этого явления.

— И как вы сейчас с этим справляетесь?

Вайзер пожал плечами.

— На самом-то деле сейчас у меня все неплохо. Могло быть и лучше, да. Но терпимо. Когда мне было двадцать, все было гораздо хуже — я ложился спать в десять, засыпал около четырех, вставал в семь и жил как во сне, ощущая себя героем чьего-то кошмара.

Это было знакомо Ральфу — настолько знакомо, что по спине и рукам побежали мурашки.

— И сейчас я скажу вам самое главное, Ральф, так что слушайте.

— Я слушаю.

— Вы должны радоваться тому, что с вами еще все в порядке, по крайней мере в общих чертах, даже если весь день вы себя чувствуете дерьмово. Сон, скажем так, создан неравным — есть хороший сон и есть плохой. Если вам все еще снятся когерентные сны и, что гораздо важнее, осознанные сны, значит, ваш сон все еще хороший. И именно поэтому большинство сновидений для вас сейчас будут совсем не полезны, а даже наоборот — вредны. И я знаю доктора Литчфилда. Он достаточно приятный парень, но очень уж любит сразу хвататься за ручку и выписывать пациентам рецепты.

— Как же вы правы, — заметил Ральф, думая о Каролине.

— Если вы расскажете Литчфилду все, что вы рассказали мне по дороге сюда, он скорее всего выпишет вам бензодиазепин. Может быть, долман или ресторил, а может, гальцион или даже валиум. Вы будете спать, но за это придется заплатить немалую цену. Бензодиазепины вызывают привыкание, это респираторные депрессанты, и — что хуже всего для таких, как мы с вами — они значительно сокращают REM-стадию сна. Иными словами, ту стадию сна, когда вам снятся сны. Кстати, как вам пирог? Я спрашиваю потому, что вы почти до него не дотронулись.

Ральф откусил здоровенный кусок пирога и проглотил, даже не почувствовав вкуса.

— Очень вкусно, — сказал он. — А теперь объясните мне, почему если ты видишь сны, то сон у тебя хороший.

— Если бы я мог ответить на этот вопрос, я бы ушел со своей работы и стал бы великим гуру по сну. — Вайзер доел свой пирог и теперь собирал пальцем крошки с тарелки. — REM-стадия сна — это когда спящий быстро вращает глазами. В общественном сознании термины REM-сон и «сон со сновидениями» уже давно стали синонимами, но мало кто знает, как движения глаз спящего влияют на то, что ему снится. Вряд ли они отвечают за «наблюдение» или «слежение», потому что наблюдатели фиксировали эти движения даже тогда, когда подопытным снились достаточно статичные сны, к примеру, разговоры, вот как у нас с вами — просто сидим за столом и беседуем. И точно так же никто не знает, почему существует связь между когерентными осознанными снами и душевным здоровьем: чем больше снов снится человеку, тем он здоровее, и наоборот. Такая вот непонятная зависимость.

— Душевное здоровье — достаточно общий термин, — скептически заметил Ральф.

— Да, — усмехнулся Вайзер. — Напоминает мне наклейку на бампере, которую я видел несколько лет назад: СОХРАНИТЕ ДУШЕВНОЕ РАВНОВЕСИЕ ИЛИ Я ВАС УБЬЮ. В любом случае мы сейчас говорим о каких-то основных, базовых компонентах: способности узнавать, способности решать задачи как индуктивным, так и дедуктивным методом, способности поддерживать нормальные отношения с людьми, памяти...

— Моя память стала значительно хуже, — сказал Ральф и подумал о том, как не смог вспомнить номер телефона кинотеатра, и о своей долгой охоте на последний пакет с супом в кухонном шкафу.

— Да, вы, вероятно, страдаете от кратковременных провалов в памяти, но ширинка у вас застегнута, и рубашка надета не наизнанку, и я уверен, что вы назовете свое второе имя,

если я вас сейчас спрошу. Я никоим образом не преуменьшаю вашу проблему, поймите меня правильно — я был бы последней сволочью, если бы имел в виду что-то подобное, — я просто прошу вас чуть-чуть поменять вашу точку зрения, всего лишь на пару минут. И подумать о всех тех аспектах жизни, в которых у вас пока что нет никаких проблем.

— Хорошо. А эти когерентные и осознанные сны... они просто показывают, насколько вы себя хорошо чувствуете, типа как индикатор топлива в машине, или они еще и играют какую-то роль в нормальном функционировании организма?

— Никто точно не знает, но, судя по всему, и то, и другое. В конце пятидесятых, примерно тогда, когда фармацевты изобрели барбитураты — самым популярным тогда было лекарство под названием талидомид, — некоторые ученые предположили, что хороший сон, о котором мы сейчас говорим, и сновидения никак друг с другом не связаны.

— И?

— Тесты не подтвердили эту гипотезу. У людей, которые спали без сновидений или у которых наблюдались постоянные нарушения цикла сна, обнаружились всевозможные проблемы, включая потерю способности познавать новое и эмоциональную неустойчивость. У них были проблемы и с восприятием, которые потом получили название гиперреальность.

За спиной Вайзера, в противоположном конце кафе сидел какой-то парень и читал «Derry News». Ральф видел только его макушку и руки. На левой руке красовалось аляповатое кольцо. Заголовок на первой странице гласил: АДВОКАТ АБОРТОВ СОГЛАСИЛАСЬ ВЫСТУПИТЬ В ДЕРРИ В СЛЕДУЮЩЕМ МЕСЯЦЕ. Под ним, шрифтом помельче, было написано: Группы борцов за жизнь обещают организованные протесты. В центре страницы располагалась большая цветная фотография Сьюзан Дей, куда более объективная, чем та, которую Ральф видел в витрине «Потрепанной розы», магазина поношенной одежды. На тех фотографиях Сьюзан Дей выглядела вполне ordinarily, может, даже слегка зловеще; на этом снимке она просто вся сияла. Ее длинные светлые волосы медового

отлива были убраны с лица и зачесаны назад. И еще у нее были умные, завораживающие карие глаза. Пессимизм Гамильтона Давенпорта оказался абсолютно неоправданным. Сьюзан Дей все-таки приезжает.

А потом Ральф увидел одну штуку, которая сразу заставила его забыть и про Сьюзан Дей, и про Хэма Давенпорта.

Вокруг рук и головы человека, читающего газету, начала сгущаться серо-голубая аура. Особенно яркой она была вокруг кольца и делала его похожим на астероид, как их обычно представляют в реалистичных фантастических фильмах.

— Что вы сказали, Ральф?

— А? — Ральф с трудом оторвал взгляд от человека с газетой. — Я не знаю... а я что-то сказал? Кажется, я спросил, что такое гиперреальность.

— Обостренное чувственное восприятие, — сказал Вайзер. — Как приход под ЛСД, только без всяких химических препаратов.

— Ага. — Ральф наблюдал, как серо-голубая аура начала образовывать сложный рунический узор на ногте Вайзера, которым он подбирал крошки с тарелки. Сначала это было похоже на буквы, нарисованные на замерзшем окне... потом — на фразы, написанные туманом... а потом — на странные, искаженные лица.

— Ральф, вы здесь или где?

— Здесь, разумеется. Но послушайте, Джо, если ни народные средства, ни лекарственные препараты в свободной продаже не помогают, а от снадобий, которые выписывают по рецепту, становится только хуже, что тогда остается? Ничего, вообще ничего?

— Вы собираетесь доедать пирог? — спросил Вайзер, указывая на тарелку Ральфа. Серо-голубой свет поднимался от кончиков его пальцев в форме арабских букв, написанных ледяным паром.

— Нет, я уже наелся. Если хотите, берите.

Вайзер подвинул его тарелку к себе.

— Не сдавайтесь так быстро, — сказал он. — Пойдемте сейчас в аптеку, я дам вам пару визиток. Как соседский и

дружественный наркодилер, я вам советую дать им еще один шанс.

— Кому?

Вайзер открыл рот, чтобы отправить туда последний кусочек пирога, и Ральф увидел, что каждый его зуб был окружен серебристым сиянием. Пломбы горели, как крошечные солнца. На языке светились остатки теста и яблок.

Вайзер закрыл рот, и переливчатое мерцание исчезло.

— Джеймсу Рою Хонгу и Энтони Форбсу. Офис Хонга — он акупунктурист — расположен на Канзас-стрит. Форбс — гипнотизер, его офис — где-то на Восточной Стороне, на Гессер-стрит, кажется. И прежде чем вы обвините их в шарлатанстве...

— Я не собираюсь никого обвинять в шарлатанстве, — спокойно сказал Ральф и потрогал магический глаз, который так и носил под рубашкой. — Честное слово.

— Хорошо. Сначала советую обратиться к Хонгу. Иглы смотрятся устрашающе, но больно не будет. Я не знаю, как именно все это действует, но два года назад, когда у меня было очередное обострение бессонницы, он мне очень помог. Форбс тоже очень хороший врач, насколько я знаю, но Хонг мне нравится больше. У него все расписано по минутам, но тут, возможно, я вам смогу помочь. Ну, что скажете?

Ральф взглянул на сгусток серого сияния, который, подобно слезе, стекал по щеке Вайзера, и наконец решился.

— Пожалуй, стоит попробовать.

Вайзер похлопал его по плечу.

— Сейчас расплатимся и пойдем. — Он достал четвертак и подозвал официанта. — Счет, пожалуйста.

2

По дороге обратно в аптеку Вайзер остановился на полпути, чтобы рассмотреть плакат в пустой витрине маленького магазинчика между аптекой и кафе. Ральф взглянул только мельком, он уже видел этот плакат. В витрине «Потрепанной розы», магазина поношенной одежды.

— Объявлена в розыск за убийство, — удивленно прочитал Вайзер. — Мир потихонечку сходит с ума, вы уже в курсе?

— Я в курсе, — отозвался Ральф. — Я думаю, если бы у нас были хвосты, большинство людей проводили бы время в попытках схватить себя за хвост и укусить.

— Плакат сам по себе паршивый, но вот это уже слишком! — возмутился Вайзер, указывая на надпись на пыльном стекле, которую кто-то вывел прямо пальцем. Ральф присмотрелся и прочитал: УБИТЬ ЭТУ БЛЯДЬ. Над словами была нарисована стрелка, указывающая на фото Сьюзан Дей.

— Господи, — тихо выдохнул Ральф.

— Да уж. — Вайзер вытащил из заднего кармана носовой платок и стер надпись, оставив на ее месте яркий серебристый свет, который видел только Ральф.

}

В аптеке Вайзер сразу повел Ральфа в заднюю комнату — в маленький кабинет не больше кабинки общественного туалета. Ральф встал в дверях, а Вайзер уселся на единственный предмет мебели в этом крошечном помещении — на высокий табурет, который выглядел бы более уместно в конторе Эбенейзера Скруджа, — взял телефон и набрал номер офиса Джеймса Роя Хонга, акупунктуриста. Он переключил телефон в режим интеркома, чтобы Ральф мог слышать разговор.

Секретарша Хонга (некто по имени Одра, чьи отношения с Вайзером, судя по всему, были куда теплее и теснее, чем «чисто деловые») сначала сказала, что скорее всего доктор Хонг не сможет принять нового пациента до Дня Благодарения. Ральф обреченно поник плечами. Вайзер успокаивающе поднял руку: «Подождите минутку, Ральф», — и продолжил уговаривать Одру найти свободное время в расписании Хонга (или, может быть, поспособствовать, чтобы оно там появилось) в начале октября. Почти через месяц, но все-таки лучше, чем ждать до Дня Благодарения.

— Спасибо, Одра, — сказал Вайзер. — Наша договоренность касательно ужина сегодня вечером все еще в силе?

— Да, — отозвалась она. — А теперь выключи этот свой интерком, Джо. Мне надо сказать тебе кое-что наедине.

Вайзер отключил динамик, выслушал Одру и рассмеялся до слез. Ральфу эти слезы казались великолепными жидкими жемчужинами. Потом он дважды чмокнул телефонную трубку и закончил разговор.

— Все в порядке. — Он протянул Ральфу маленькую белую карточку с датой и временем приема. — Четвертое октября. Не самый лучший вариант, я все же надеялся, что сумею устроить вас пораньше, но это все, что она смогла сделать. Одра — хороший человек, отзывчивый.

— Вполне нормально, четвертое октября.

— Вот визитка Энтони Форбса на тот случай, если вы вдруг захотите ему позвонить, пока будете ждать приема у Хонга.

— Спасибо, — сказал Ральф, забирая вторую карточку. — Теперь я ваш должник.

— Вы мне ничего не должны, разве что пообещайте, что зайдете сюда еще раз и расскажете, как у вас дела. Я буду переживать. Знаете, есть доктора, которые вообще ничего не выписывают при бессоннице. Они говорят, что еще никто не умер от недостатка сна, но я вам скажу — это чушь.

Наверное, эта новость должна была напугать Ральфа, но он был абсолютно спокоен, по крайней мере в данный момент. Аура исчезла. Последнее, что видел Ральф, были яркие серые отблески в глазах Вайзера, когда он смеялся над словами секретарши Хонга, и ему уже начинало казаться, что это было всего лишь временное помутнение сознания — результат жуткой усталости от недосыпа и воспоминания об упомянутой Вайзером гиперреальности. У него были и другие причины для хорошего настроения. Во-первых, его записали на прием к врачу, который помог Вайзеру в похожей ситуации. Про себя Ральф решил, что пусть Хонг утыкает его иголками хоть с ног до головы, так что он станет похо-

жим на дикобраза, если после такого лечения он сможет спать хотя бы до рассвета.

А во-вторых, серые ауры были вовсе не страшными, они были... интересными. Да, интересными.

— Люди каждый день умирают от недостатка сна, — продолжал Вайзер, — хотя в графе «причина смерти» обычно пишут самоубийство, а не бессонница. У бессонницы и алкоголизма есть много общего, но самое главное — это заболевания сердца и помутнение разума, и если позволить им развиваться, они разрушают мозг раньше, чем тело. Поэтому, да: люди все-таки умирают от недостатка сна. У вас сейчас очень опасный период в жизни, и вы должны позаботиться о себе, а если станет уж совсем плохо, позвоните Литчфилду, слышите? Отбросьте все церемонии и позвоните.

Ральф скривился.

— Знаете, я скорее позвоню вам.

Вайзер кивнул, как будто бы ожидал именно такого ответа.

— Нижний телефон на визитке Хонга — мой, — сказал он.

Ральф удивленно взглянул на визитку: там действительно был второй номер и буквы Д.В.

— В любое время, хоть посреди ночи, — сказал Вайзер. — Серьезно. Вы не побеспокоите мою жену, потому что мы с ней развелись еще в восемьдесят третьем году.

Ральф попытался заговорить и понял, что не может. Он выдавил из себя только какой-то бессмысленный звук и судорожно сглотнул, пытаясь прочистить горло.

Вайзер увидел, что с ним происходит, и похлопал его по спине.

— Не надо истерик в аптеке, Ральф, это отпугивает покупателей. Вам дать салфетку?

— Нет, все в порядке. — Его голос слегка дрожал, но в принципе звучал даже тверже, чем можно было ожидать.

Вайзер окинул его критическим взглядом.

— Пока еще нет, но обязательно будет в порядке. — Он еще раз пожал Ральфу руку. — А пока попытайтесь расслабиться и, как говорится, получить удовольствие. И не забывайте:

вам надо быть благодарным хотя бы за тот краткий сон, который у вас все еще есть.

— Ладно, я постараюсь. Еще раз спасибо.

Вайзер кивнул и вернулся обратно к прилавку.

4

Ральф прошел по третьему проходу, свернул налево за стойкой с немислимым выбором презервативов и вышел на улицу через дверь с надписью СПАСИБО ЗА ПОКУПКУ. Сначала ему показалось, что свет не такой уж и яркий, по крайней мере не ярче обычного — хотя он невольно зажмурился, сейчас все-таки был полдень, и, возможно, в аптеке было темнее, чем казалось, — но потом, когда он открыл глаза, у него перехватило дыхание.

Он замер на месте, как громом пораженный. Сейчас он был похож на путешественника, который, продравшись сквозь непроходимые заросли, вдруг наткнулся на затерянный город или на какое-то чудо природы: бриллиантовую скалу или спиральный водопад.

Ральф прислонился спиной к синему почтовому ящику у входа в аптеку. Ему все еще было трудно дышать; как зачарованный, он смотрел по сторонам и пытался свыкнуться с тем, что видит. Это было прекрасно и в то же время — кошмарно.

Ауры вновь появились, но сказать это было бы все равно что назвать Гавайи таким местом, где не носят пальто. На этот раз свет был везде — яркий и одновременно рассеянно-мягкий, странный и очень красивый.

Нечто похожее было с Ральфом только однажды. Летом 1941 года, когда ему было восемнадцать, он ехал автостопом из Дерри к своему дяде в Покепси, штат Нью-Йорк. Ехать было неблизко — около четырехсот миль. На второй день пути, ближе к вечеру гроза заставила его спрятаться в первом попавшемся укрытии: в старой конюшне на краю большого поля. День выдался неудачным: почти все время Ральф

шел пешком и только изредка ехал с попутными — умотался он страшно и заснул в стойле еще до того, как небо озарилось первыми вспышками молний. Он проснулся на следующий день, в полдень, проспав четырнадцать часов кряду, и растерянно огляделся, не понимая, где он находится. Он понял только, что это было какое-то темное место, где пахнет сеном, и весь мир вокруг казался составленным из ярких полос света. Потом он вспомнил, как укрылся в конюшне, и понял, что эти странные видения — всего-навсего яркое летнее солнце, проглядывающее сквозь трещины в стенах и крыше... и ничего сверхъестественного в этом нет. Тем не менее он еще долго сидел, не двигаясь с места — минут пять, не меньше. Молоденький мальчик с широко распахнутыми глазами, с соломой в волосах и с грязными руками; он сидел и смотрел на маленькие золотые пылинки. Что-то похожее он видел однажды в церкви.

На этот раз это ощущение было раз в десять сильнее. И все дело в том, что он не мог точно определить, что именно произошло, как изменился мир, как он стал таким удивительным. У предметов и у людей — особенно у людей — были ауры, да; но это было еще не все. Никогда прежде предметный мир не казался ему таким ярким, таким настоящим. Автомобили, телефонные будки, тележки перед супермаркетом, дома на улице — все проступило так четко, словно это были трехмерные картинки, как в старых фильмах. В один миг узенькая захолустная улочка превратилась в страну чудес, и хотя Ральф смотрел и видел, он так и не мог понять, на что именно он смотрит и что именно видит. Он знал только одно: это «что-то» было предельно ярким, насыщенным цветами и невероятно странным.

Единственное, что он мог вычленить из этого многоцветья, — ауры, окружавшие людей, которые входили в магазины и выходили наружу, клали покупки в багажники, садились в свои машины и уезжали. Некоторые ауры были более яркими, но даже самые тусклые казались в сотни раз ярче тех, что он видел раньше.

Так вот о чем говорил Вайзер, теперь ты понимаешь. И то, что ты сейчас видишь, это гиперреальность, обычная галлюцинация, какие бывают у тех, кто принимает ЛСД. То, что ты видишь, это просто еще один из симптомов твоей бессонницы. Смотри, Ральф, и удивляйся себе на здоровье — тут есть чему удивиться, — но не верь своим глазам.

Ему не понадобилось уговаривать себя удивляться — чудеса были повсюду. Со стоянки перед кафе выезжал грузовик со свежей выпечкой, и из выхлопной трубы вырывался не дым, а какая-то бордовая субстанция, цвета высохшей крови. Действительно, это был не дым и не пар, но в этой непонятной субстанции было что-то от того и от другого. Она состояла из постепенно бледнеющих тонких линий, напоминающих по форме кардиограмму. Ральф взглянул на проезжую часть и увидел, что следы от фургона на асфальте были того же багрового оттенка. Выхав с парковки, машина увеличила скорость, и призрачный график стал ярко-красным, цвета артериальной крови.

Похожие странности были везде. Все было как бы поделено на сектора, и Ральф снова вспомнил о том, как яркий солнечный свет проникал сквозь щели в крыше и стенах той заброшенной конюшни, много-много лет назад. Но удивительнее всего были люди; вокруг них светящиеся ауры были наиболее четкими и плотными.

Из супермаркета вышел носильщик, толкая перед собой тележку. Он был окружен таким ослепительно белым светом, что напоминал движущийся прожектор. Аура женщины, которая шла за ним, казалась тусклой по сравнению с его белым сиянием — серо-зеленый цвет сыра, который уже плесневеет.

Какая-то девушка высунулась из открытого окна «субару», окликнула носильщика и помахала ему рукой. В воздухе остались яркие полосы, розовые, как сладкая вата. Они начали таять почти сразу же, как появились. Носильщик улыбнулся и помахал в ответ. Его рука оставила за собой яркий изжелта-белый след, Ральфу он напомнил плавник тропической рыбы. Он тоже таял, но медленнее.

На самом деле это было страшно, но страх все-таки уступил место благоговейному удивлению и обычному любопытству. Это действительно было самым прекрасным из всего, что Ральф видел в жизни. Но это все ненастоящее, сказал он себе. Помни об этом, Ральф. Он обещал себе, что попробует помнить, но в данный момент даже этот взволнованный голос казался ему очень далеким.

Он заметил кое-что еще: от головы каждого человека поднималась полоска света. Она уходила вверх, как лента флага или яркая оберточная бумага, а потом бледнела и исчезала. У одних это свечение исчезало в пяти футах над головой, у других — в десяти или даже в пятнадцати. В большинстве случаев цвет этой сияющей полоски совпадал с цветом остальной ауры: ярко-белый — у носильщика, серо-зеленый — у женщины-покупательницы, идущей за ним, — но были и исключения. Ральф заметил ржаво-красную полосу, поднимавшуюся от головы мужчины средних лет, который был окружен темно-синей аурой, и женщину со светло-серой аурой, чья полоска была удивительного (и слегка настораживающего) лилового оттенка. В редких случаях — их было всего два-три — эти линии над головой у людей были почти что черными. Ральфу это не нравилось, и он заметил, что люди с такими черными «веревочками от воздушного шарика» (так он назвал их про себя) выглядели нездоровыми.

Конечно, они и должны так выглядеть. Эти веревочки — индикаторы здоровья... или болезни. Как ауры Кирлиана, о которых так много говорили в шестидесятых — семидесятых.

Ральф, вступил другой голос, на самом деле ты ничего не видишь, да? Я не хочу быть занудой, но...

Но разве не существует хотя бы возможности, что все это происходит на самом деле? А что, если его хроническая бессонница вкупе со стабилизирующим действием его осознанных когерентных снов позволила ему на мгновение заглянуть в восхитительное фантастическое измерение, которое находится за пределами обычного восприятия?

Перестань, Ральф, немедленно перестань, иначе ты плохо кончишь — как бедный Эд Дипно.

При мысли об Эде внутри шевельнулось какое-то смутное воспоминание: какие-то слова, которые Эд говорил в тот день, когда его арестовали за избиение жены, но прежде чем Ральф сумел вспомнить, слева от него раздался голос:

— Мама, мамочка, а давай мы сегодня опять купим тот медово-ореховый пирог?

— Если будет, то купим.

Мимо Ральфа прошли, держась за руки, молодая женщина с маленьким мальчиком. На вид малышу было года четыре. Его маму окутывал кокон плотного света, ослепляющего белизной. Веревочка, поднимавшаяся от ее светлых волос, тоже была ослепительно белой и очень широкой — больше похожей на ленту от подарочной упаковки, чем на простую тесемку. Она поднималась на высоту не меньше двадцати футов и легко плыла следом за молодой женщиной. Ральфу это все напомнило свадьбу: праздничный кортеж, вуали, кружева прозрачных юбок.

Аура ее сына была темно-синего цвета, такого насыщенного, что он казался почти фиолетовым, и когда они проходили мимо, Ральф заметил еще одну вещь: отростки их аур поднимались вверх от их сжатых рук — белые от женщины, темносиние от мальчика. Они заплетались в косичку, потом бледнели и пропадали.

Мать и сын, мать и сын, подумал Ральф. В этих отростках, которые обвивали друг друга, как жимолость обвивает забор, было что-то пронзительно-трогательное и символичное. Ральф смотрел на них, и его сердце переполняла радость. Сентиментально, наверное — да. Но именно так он и чувствовал. Мать и сын, белое с синим, мать и...

— Мама, а куда смотрит дядя?

Блондинка быстро взглянула на Ральфа, но прежде, чем она отвернулась, он успел заметить, как она сжала губы. И что самое удивительное: окружающая ее аура вдруг потемнела, сжалась и приобрела оттенок темно-красного цвета.

Это цвет испуга, подумал Ральф. Или, может быть, злости.

— Я не знаю, Тим. Пойдем, хватит глазеть по сторонам.

Они зашагали быстрее. Волосы молодой мамы, собранные в конский хвост, метались из стороны в сторону, оставляя за собой маленькие серо-красные огоньки, мерцавшие в воздухе. Ральфу они напомнили блики, которые иногда остаются от дворников на грязном ветровом стекле.

— Эй, мам, не так быстро! Ты меня тянешь! — Мальчику приходилось бежать, чтобы не отставать от мамы.

Это из-за меня, подумал Ральф. Он представил себе, каким его увидела эта молодая женщина: старик с усталым осунувшимся лицом и огромными синяками под глазами. Он стоял — опирался на почтовый ящик — у входа в аптеку «Первая помощь» и таращился на женщину и ее сына так, как будто они были самыми удивительными существами на свете.

Да вы такие и есть, мэм, только вы об этом не знаете.

Должно быть, ей он показался каким-то грязным извращенцем. Ему нужно освободиться от этого. Не важно, что это, реальность или галлюцинация, — нужно как-то от этого избавляться. Иначе в один прекрасный день кто-нибудь точно вызовет либо полицию, либо наряд из психушки. Да вот хотя бы эта прелестная мама... она вполне могла позвонить куда следует из первого же таксофона у входа в супермаркет.

Но как избавиться от чего-то, что происходит только в его сознании? А потом все прошло. Физический феномен или галлюцинация, все исчезло, пока Ральф размышлял о том, каким страшным чуделом он, должно быть, показался этой милой красивой женщине. День вновь заиграл всеми красками обычного бабьего лета, это было прекрасно, да, но все же не шло ни в какое сравнение с тем прозрачным и чистым, всепоглощающим сиянием. Люди на улице вновь стали просто людьми. Никаких аур, никаких веревочек, никаких фейерверков — обыкновенные люди, спешащие по своим делам: купить что-нибудь к ужину в бакалейной лавке, забрать из проявки последние летние фотографии, взять кофе навынос или зайти в «Пер-

вую помощь» за упаковкой презервативов или, упаси Господи, за СНОТВОРНЫМ.

Обычные жители Дерри, спешащие по своим обычным делам. Самая что ни на есть будничная картина.

Ральф наконец перевел дыхание, глубоко вздохнул и приготовился к тому, что сейчас должна нахлынуть волна облегчения. Облегчение действительно было, но далеко не такое сильное, какого он ожидал — у него не было чувства, что он отдалился от той границы безумия, на которой стоял еще пару минут назад, и более того, у него почему-то вообще не было ощущения, что он стоял на какой-то грани, на границе чего-то. Он понимал, что не продержался бы долго в этом ярком и прекрасном мире, что он сошел бы с ума очень скоро, и это было бы похоже на затяжной оргазм, который длится часами. Наверное, именно так воспринимают мир гении и художники, но это было не для него. При таком накале у него очень быстро бы перегорели предохранители, и, когда за ним приехали бы санитары из желтого дома, он бы, наверное, встретил их с распростертыми объятиями.

То, что он испытывал сейчас, было больше похоже не на облегчение, а на приятную тихую меланхолию, которую он иногда переживал в ранней юности после занятий любовью. Это была не пронзительно острая грусть, а скорее — светлая печаль, которая заполняла собой все пустоты в его теле и в его душе наподобие того, как отступающее наводнение оставляет за собой плодородную почву. Он вдруг задумался, а будут ли еще в его жизни такие будоражащие, оживляющие моменты прозрения. Судя по всему, шансы достаточно велики... По крайней мере до следующего месяца, когда Джеймс Рой Хонг начнет втыкать в него свои иголки, или Энтони Форбс примется раскачивать у него перед носом золотые часы на цепочке и убеждать его, что он... очень... хочет спать. Лучше не обольщаться и заранее настроить себя на то, что ни Хонг, ни Форбс не излечат его от бессонницы, но если хоть у кого-то из них это получится, то Ральф скорее всего перестанет видеть ауры и светящиеся «веревоч-

ки от воздушных шариков» после первого же раза, как он нормально выспится, а через месяц и вовсе забудет о том, что он видел какое-то сияние. И эта последняя мысль была вполне подходящим поводом для меланхолии.

Тебе лучше убираться отсюда, приятель. Если твой новый друг выглянет из окна аптеки и увидит, что ты так и торчишь тут у входа, он сам лично позвонит в психушку и вызовет санитаров.

— Или скорее позвонит доктору Литчфилду, — пробормотал Ральф себе под нос, оторвался от почтового ящика и зашагал в направлении Харрис-авеню.

5

Дверь у Луизы была открыта. Ральф заглянул в прихожую и крикнул:

— Эй, кто-нибудь дома?

— Входи, Ральф, — отозвалась Луиза. — Мы в гостиной.

Ральфу всегда казалось, что хоббичья нора должна быть похожей на маленький дом Луизы Чесс, в полквартиле от «Красного яблока»: уютный, всегда полный народу, темноватый, может быть, даже слишком темный, но очень чистый, — и всякий уважающий себя хоббит типа Бильбо Бэггинса, которого больше всего волнует благополучие родни, а больше благополучия родни — только что будет сегодня на обед, был бы наверняка очарован этой уютной гостиной, где все стены были увешаны фотографиями родственников. На самом почетном месте — на маленьком телевизоре — стояла студийная фотография в рамке. Фотография человека, которого Луиза всегда называла исключительно «мистер Чесс».

Макговерн сидел, уставившись в телевизор и держа на коленях тарелку с макаронами с сыром. Шла какая-то очередная телеигра, в которой как раз началась суперигра за главный приз.

— Что значит мы в гостиной, когда ты здесь совершенно один? — спросил Ральф, но прежде чем Макговерн успел ответить, в комнату вошла Луиза с дымящейся тарелкой в руках.

— Вот, — сказала она, — садись кушай. Я говорила с Симоной, она сказала, что репортаж о сегодняшних событиях у Женского центра скорее всего будет в новостях «Ровно в полдень».

— Господи, Луиза, не стоило так беспокоиться, — сказал Ральф, забирая у нее тарелку, но когда он почувствовал запах лука и расплавленного чеддера, у него заурчало в желудке. Он взглянул на часы на стене — они были втиснуты между двумя фотографиями: мужчины в шубе из енота и женщины, у которой был вид хорошенькой идиотки, словарный запас которой состоит максимум из двух слов, — и с удивлением обнаружил, что было уже без пяти двенадцать.

— Я, собственно, ничего и не делала, просто поставила тарелку в микроволновку, — сказала Луиза. — Когда-нибудь, Ральф, я буду готовить для тебя по-настоящему. А пока что садись и ешь.

— Только, пожалуйста, не на мою шляпу, — сказал Макговерн, не отрывая глаз от экрана. Он снял с тахты свою фетровую шляпу, небрежно швырнул ее на пол и продолжил поглощать свою порцию макарон, которые испарялись с космической скоростью. — Очень вкусно, Луиза.

— Спасибо. — Она задержалась в дверях, чтобы посмотреть, как один из игроков выигрывает путевку на Барбадос и новую машину, а потом снова ушла на кухню. Радостный победитель исчез с экрана, а вместо него появился мужчина в мятой пижаме, который беспокойно ворочался в постели. Потом он уселся на кровати и посмотрел на часы на тумбочке. 3.18 ночи — время, которое стало для Ральфа почти родным.

— Вам не спится? — сочувственно спросил диктор за кадром. — Вам надоело валяться каждую ночь в кровати, не в силах заснуть? — В окно спальни мужика, страдающего от бессонницы, влетела мерцающая таблетка. Ральфу она показалась похожей на крошечную летающую тарелку, и он вовсе не удивился, увидев, что она была голубого цвета.

Ральф уселся на тахту рядом с Макговерном, и хотя они оба были худыми (пожалуй, для Билла больше бы подошло

определение «тощий» и даже «костлявый»), они умудрились занять почти весь диванчик.

Вошла Луиза со своей тарелкой и села в кресло-качалку возле окна. Пробившись сквозь музыку и аплодисменты, которыми ознаменовалось окончание игры, женский голос произнес:

— Это программа новостей «Ровно в полдень». Сегодня с вами Лизетт Бэнсон. Наша главная тема: Сьюзан Дей, известный борец за права женщин, соглашается выступить с речью в Дерри, бурные протесты и шесть арестов у местной клиники. Также Крис Альтоберг расскажет нам о погоде, а Боб МакКлахен — о новостях спорта. Оставайтесь с нами.

Ральф подцепил вилкой макароны и отправил их в рот, потом поднял глаза и увидел, что Луиза внимательно наблюдает за ним.

— Вкусно? — спросила она.

— Обалденно, — ответил он, причем вполне искренне. Впрочем, сейчас даже холодные макароны из банки показались бы ему вершиной кулинарных изысков. Он был не просто голоден, он был зверски голоден. Видимо, когда видишь ауры, это сжигает кучу калорий.

— Вкратце вот как все было. — Макговерн уже доел макароны и поставил тарелку на пол рядом со шляпой. — В половине девятого утра, когда все обычно идут на работу, человек восемнадцать — двадцать собрались у Женского центра. Подруга Луизы, Симона, говорит, что они называли себя «Друзьями жизни», но ядро этой группировки — ребята совершенно безбашенные, причем с запятнанной репутацией. Она сказала, что среди них был Чарли Пикеринг, которого арестовали в прошлом году, когда он пытался подложить бомбу в гараж больницы. Племянница Симоны сказала, что сегодня арестовали только четверых. Кажется, она была слегка подавлена.

— А Эд тоже был с ними? — спросил Ральф.

— Да, — сказала Луиза, — его тоже арестовали. Но самое главное: никого не избили и не искалечили. Это были всего лишь слухи, а на самом деле никто не пострадал.

— На этот раз, — мрачно добавил Макговерн.

На экране крошечного хоббитского телевизора появился логотип программы новостей «Ровно в полдень», сквозь который проступило лицо Лизетт Бэнсон.

— Добрый день, — сказала она. — Наша главная новость сегодня, в этот прекрасный летний денек: известная писательница и борец за права женщин Сьюзан Дей согласилась выступить с речью в Общественном центре Дерри в следующем месяце, и сообщение об этом спровоцировало демонстрацию протеста возле Женского центра, который по совместительству является и клиникой абортот, что вызывает столько...

— Опять эта чушь про аборты, хорошо еще абортарием не называют! — воскликнул Макговерн. — Господи Боже!

— Тише, — шикнула на него Луиза достаточно резким тоном, совершенно не похожим на ее обычный тихий и мягкий голос. Макговерн наградил ее удивленным взглядом и замолчал.

— ...наш корреспондент Джон Киркленд с первым включением из Женского центра. — Лизетт Бэнсон замолчала, и картинка на экране сменилась. Теперь там был репортер, который стоял возле длинного и низкого кирпичного здания. Бегущая строка внизу экрана информировала зрителей, что это прямой эфир. Окна Женского центра были испачканы чем-то красным, похожим на кровь; несколько окон было разбито. За спиной репортера, в нескольких метрах от здания, тянулась желтая полицейская лента. Возле нее стояли трое полицейских в форме и один в штатском. Ральф совершенно не удивился, узнав среди них Джона Лейдекера.

— Они называют себя «Друзьями жизни», Лизетт, и говорят, что сегодняшняя демонстрация была не продуманной акцией, а совершенно спонтанным выражением негодования по поводу того, что Сьюзан Дей — женщина, которую все группы борцов за жизнь называют «Убийцей детей номер один» — в следующем месяце приезжает в Дерри, чтобы выступить с речью в Общественном центре. Однако как минимум один полицейский в Дерри считает, что это неправда.

Камера переместилась и показала крупным планом Лейдекера.

— Это было не спонтанное выступление, — сказал он в микрофон. — Сразу чувствуется, что люди готовились к этой акции. Скорее всего они всю неделю сидели и ждали решения Съюзан Дей, и как только сообщение о ее согласии появилось в газетах, они сделали свой ход.

Камера отъехала чуть назад и теперь показывала обоих мужчин. Кирклэнд взглянул на Лейдекера своим самым пронзительным проницательным взглядом прожженного журналиста.

— Что значит «они готовились»? — спросил он.

— У них были с собой плакаты с лозунгами протеста, причем на них было имя мисс Дей. А еще у них было с собой вот это. — Неожиданно человеческая эмоция пробилась сквозь непроницаемую маску «невозмутимого полицейского, который дает интервью для ящика». Ральф подумал, что это было предельное отвращение. Лейдекер поднял большой пластиковый пакет для улик. На секунду Ральфу показалось, что в пакете был изуродованный и окровавленный детский трупик, но потом он понял, что это всего лишь кукла.

— И они эту пакость не в детском мире купили, — сказал Лейдекер, — точно вам говорю.

Смена кадра. Крупным планом — испачканные и побитые окна. Камера медленно перемещалась. Вещество на заляпанных окнах было слишком похоже на кровь, и Ральф решил, что он, пожалуй, не будет пока доедать свои макароны с сыром.

— Демонстраторы пришли сюда вот с такими куклами, наполненными этой жидкостью. Полиция предполагает, что это смесь сахарного сиропа и красного пищевого красителя, — сказал Кирклэнд, понизив голос. — Они швыряли этих кукол в стены Женского центра и скандировали лозунги против Съюзан Дей. Два окна были разбиты, но этим весь ущерб и ограничился.

Камера остановилась, взяв крупным планом особенно грязный фрагмент окна.

— Большинство кукол разорвалось, — продолжал Киркленд, — расплескав вещество, которое было очень похоже на кровь. Работники центра, ставшие свидетелями этой бомбежки, действительно перепугались.

Кадр с испачканным окном сменился другим. Теперь на экране была симпатичная черноволосая женщина в легких летних брюках и пуловере.

— Ой, смотрите, это Барби, — воскликнула Луиза. — Господи, я надеюсь, Симона смотрит. Может быть, нужно ей позвонить...

Теперь уже Макговерн шикнул:

— Тихо.

— Я была просто в ужасе, — говорила Киркленду Барбара Ричардз. — Сначала я подумала, что они действительно кидают мертвых детей или, может быть, эмбрионов, которых они непонятно откуда-то достали. Даже когда вбежал доктор Харпер и сказал, что это всего лишь куклы, я все еще не была уверена.

— Вы говорили, они что-то такое скандировали? — спросил Киркленд.

— Да. Яснее всего я расслышала: «Уберите ангела смерти от Дерри».

Теперь камера снова показывала Киркленда крупным планом.

— Около девяти утра манифестантов увезли в центральный полицейский участок на Главной улице. Двенадцать из них отпустили после предварительного допроса, а шестерых задержали по обвинению в злостном хулиганстве, а это уже уголовно наказуемое преступление. Итак, сделан очередной выстрел в затяжной войне Дерри против абортотворцев. С вами был Джон Киркленд, корреспондент новостей четвертого канала.

— Очередной выстрел в затяжной войне... — Макговерн всплеснул руками.

На экране вновь появилась Лизетт Бэнсон.

— Теперь мы послушаем Энн Риверс, которая меньше часа назад переговорила с двумя так называемыми «Друзьями жизни», которых арестовали сегодня утром.

Энн Риверс стояла на ступеньках полицейского участка на Главной улице. Справа от нее стоял Эд Дипно, а слева — долговязый, болезненного вида тип с козлиной бородкой. В сером твидовом пиджаке и голубых брюках Эд выглядел вполне опрятно и даже красиво. Высокий парень с козлиной бородкой был одет так, как мог бы одеться только какой-нибудь либерал, желающий соответствовать образу «пролетария округа Мэн»: линялые джинсы, выцветшая рабочая рубашка и красные подтяжки, какие обычно носят пожарные. Ральф узнал его почти сразу. Это был Дэн Далтон, владелец «Потрепанной розы», магазина поношенной одежды. Последний раз, когда Ральф его видел, он стоял за развешенными в витрине его магазина гитарами и птичьими клетками и знаками показывал Хэму Давенпорту, что его не колышет, что он там себе думает.

Но сейчас его больше интересовал Эд Дипно, который выглядел на удивление хорошо и был совсем не похож на психа. То есть абсолютно.

Макговерн, видимо, почувствовал то же самое.

— Боже мой, даже не верится, что это один и тот же человек, — пробормотал он.

— Лизетт, — проговорила симпатичная блондинка на экране, — со мной здесь Эдвард Дипно и Дэниэл Далтон, оба из Дерри, двое из тех демонстрантов, которых арестовали сегодня утром. Правильно, джентльмены, вас ведь арестовали?

Они кивнули. Эд — иронично, а Далтон — с плохо скрываемой яростью. Он одарил Энн Риверс таким взглядом, как будто пытался вспомнить — по крайней мере так показалось Ральфу, — возле какого именно абортария он ее видел, когда она заходила туда, втянув голову в плечи и не смея поднять глаз.

— Вас выпустили под залог?

— Мы сами за себя заплатили, — ответил Эд. — Сумма залога была просто мизерной. Мы не хотели, чтобы кто-нибудь пострадал, и никто действительно не пострадал.

— Нас арестовали исключительно потому, что силовые структуры этого города решили показать гражданам, что они тоже

на что-то способны, и начали с нас, — буркнул Далтон, и Ральф заметил, как Эд на мгновение помрачнел. «Опять он о своем», — говорил его недовольный взгляд.

Энн Риверс вновь повернулась к Эду.

— Главная проблема здесь вовсе не философского, а скорее практического свойства, — сказал он. — Люди, работающие в Женском центре, очень любят рассказывать о своих консультационных службах, терапевтических службах, бесплатных службах информации и прочей безусловно полезной деятельности, но есть и обратная сторона медали. Из Женского центра льются реки крови...

— Невинной крови! — завопил Далтон. Его глаза лихорадочно сверкали на длинном худом лице, и Ральф вдруг понял одну вещь, которая не на шутку его встревожила: сотни, тысячи людей по всему Восточному Мэнсу сейчас смотрят эту передачу и думают, что парень в красных подтяжках абсолютно невменяем, тогда как его приятель, наоборот, вполне здравомыслящий человек. Это было бы смешно, если бы не было так грустно.

Эд отнесся к реплике Далтона как к своеобразному эквиваленту «Аллилуйя!» для «Друзей и поборников жизни». Он уважительно выдержал паузу и продолжил:

— Эта бойня в Женском центре продолжается уже восемь лет. Некоторые — и особенно радикальные феминистки типа доктора Роберты Харпер, главного администратора Женского центра — подбирают красивые фразы, чтобы замаскировать правду, например «досрочное уничтожение», но они все равно говорят об абортах, об этом предельном проявлении унижения женщины в нашем сексистском обществе.

— А кидать в окна клиники кукол, начиненных фальшивой кровью, это, по-вашему, правильный способ выразить свою точку зрения, мистер Дипно?

На мгновение — лишь на мгновение — ироничный взгляд Эда сменился чем-то другим, холодным и тяжелым. В этот краткий миг Ральф снова увидел того Эда Дипно, который

был готов убить водителя синего пикапа, а ведь тот был мощнее его и потяжелее на добрую сотню фунтов. Ральф даже забыл, что все это случилось почти год назад, и испугался за эту хрупкую блондинку, которая была почти такой же красивой, как и женщина, на которой все еще был женат человек, дающий ей интервью. Осторожнее, юная леди, подумал Ральф. С ним надо быть настороже. Это очень опасный тип.

А потом эта вспышка холодной злобы исчезла, и человек в твидовом пиджаке снова стал просто приятным парнем, которого арестовали только по какому-то недоразумению, но который ради своих убеждений был готов даже сесть в тюрьму. Потом опять показали Далтона: теперь он нервно дергал свои подтяжки, как большие красные струны, и выглядел чуть ли не смущенно.

— Мы делаем то, что не получилось в тридцатые годы у так называемых хороших немцев, — продолжал Эд. Он произносил свою речь терпеливым тоном лектора, который вынужден повторять одно и то же в десятый раз... причем повторять прописные истины, которые все и так должны знать. — Они промолчали, и шесть миллионов евреев погибли. И сейчас у нас происходит тот же Холокост...

— Около тысячи детей каждый день, — подсказал Далтон. Он перестал вопить благим матом, и теперь его голос звучал испуганно и устало. — Многих вытаскивают из материнского чрева по частям, но даже когда они умирают, они еще машут крошечными ручками, протестуя против такой жестокости.

— Господи Боже, — выдохнул Макговерн. — Такой откровенной глупости я еще никогда...

— Тише, Билл! — оборвала его Луиза.

— ...цель этого протеста? — спросила тем временем Энн Риверс.

— Вы, наверное, знаете, — сказал Далтон, — что Городской совет согласился пересмотреть пункты местного положения о работе Женского центра. Вопрос стоит так: может ли Женский центр продолжать заниматься тем, чем он сейчас за-

нимается, на территории нашего округа. Голосование может состояться уже в ноябре. Поборники абортот боятся, что Городской совет, как говорится, подбросит песка в механизм их машины смерти, и поэтому они вызвали к нам скандально известную Сюзан Дей, главную поборницу абортот, чтобы с ее помощью разогнать этот дьявольский механизм. И мы встанем все, как один...

Микрофон снова переместился к Эду.

— Планируются ли еще акции протеста, мистер Дипно? — спросила Энн Риверс, и Ральф вдруг подумал, что ее интерес к Эду был не только профессиональным. А почему бы и нет? Эд Дипно — вполне симпатичный парень, а Энн Риверс скорее всего не знала, что он верит в Кровавого Царя и его Центурионов, которые уже пришли в Дерри и теперь помогают детоубийцам из Женского центра.

— Пока существует это убежище для легализованного убийства, протесты будут продолжаться, — ответил Эд. — И я очень надеюсь, что в исторических хрониках следующего столетия будет записано, что не все американцы были «хорошими нацистами» в этот темный период нашей истории.

— Протесты будут, а насилие тоже будет?

— Как раз с насилием мы и боремся.

Теперь эти двое пристально смотрели друг другу в глаза. И Ральф подумал, что Энн Риверс не на шутку перевозбудилась. Каролина называла подобное состояние «разгоряченными бедрышками»; так вот Энн Риверс изрядно разгорячилась. Дэн Далтон стоял где-то в сторонке, явно всеми забытый.

— А когда Сюзан Дей придет в Дерри, вы можете гарантировать ей безопасность?

Эд улыбнулся, и Ральф увидел его таким, каким он был в августе, меньше месяца назад: когда он присел на одно колено, схватил Ральфа за плечи и выдохнул ему в лицо: «Они вывозят зародыши в Ньюпорт». Ральф невольно поежился.

— В стране, где детей высасывают из материнского чрева медицинскими эквивалентами пылесосов, ничто нельзя гарантировать, — ответил Эд.

Энн Риверс неуверенно взглянула на него, как будто решая, стоит ли расспрашивать его дальше (например, попросить номер его телефона), а потом повернулась к камере.

— С вами была Энн Риверс, прямо от центрального полицейского участка города Дерри, — сказала она в камеру.

На экране опять появилась Лизетт Бэнсон, и ее удивленное лицо свидетельствовало о том, что не один Ральф заметил неожиданное влечение между корреспонденткой и одним из героев репортажа.

— Мы будем следить за развитием этих событий, — сказала она. — Наше следующее включение — ровно в шесть вечера. Не пропустите. — Она улыбнулась. — Далее в нашей программе. В августе губернатор Грета Пауэрс ответила на обвинения...

Луиза встала и выключила телевизор. Она пару секунд смотрела на темный экран, потом тяжело вздохнула и села обратно в кресло.

— У меня есть компот из голубики, — сказала она. — Может, кто-нибудь хочет?

Ральф и Билл дружно покачали головами. Макговерн взглянул на Ральфа:

— Жуть какая.

Ральф кивнул и подумал о том, как Эд ходил по поляне под струями воды из поливальной машины и стучал кулаком по ладони, и радуги разбивались о его тело.

— Как можно было выпускать его под залог... а потом еще и по телевизору показать в новостях, как будто он совершенно нормальный человек?! — возмутилась Луиза. — После того, что он сделал с бедняжкой Элен?! Господи, да эта Энн Риверс его только что в дом к себе не пригласила на ужин!

— Ага, крекеров перекусить с ней в кровати, — сухо проговорил Ральф.

— Обвинение в семейном насилии и сегодняшний случай — это два совершенно разных дела, — сказал Макговерн. — И можете смело ставить свои любимые ботинки на то, что его адвокат будет рассматривать все это именно так.

— И избиение жены квалифицируется только как судебно наказуемый проступок.

— Как может насилие быть проступком?! — опять возмутилась Луиза. — Вы уж меня извините, но этого мне никогда не понять.

— По отношению к своей жене это проступок, — сказал Макговерн, выразительно приподняв бровь. — Такова наша американская реальность, Лу.

Она нервно сжала руки в кулаки, встала, подошла к телевизору, взяла мистера Чесса, внимательно на него посмотрела, потом поставила обратно.

— Ну хорошо, закон — вещь специфическая, и я признаю, что ничегошеньки в этом не понимаю. Но кто-то же должен сказать им, что он сумасшедший.

— Ты даже не знаешь, насколько он сумасшедший, — сказал Ральф и в первый раз рассказал им о том, что случилось прошлым летом возле аэропорта. Весь рассказ занял около десяти минут. Когда Ральф закончил, никто из них не произнес ни слова — они только смотрели на него широко распахнутыми глазами.

— Что? — занервничал Ральф. — Вы мне не верите? Вы думаете, я все это придумал?

— Конечно, я верю, — сказала Луиза. — Я... просто... просто я в шоке, на самом деле... и я очень боюсь.

— Ральф, слушай, а может быть, стоит рассказать об этом Лейдекеру? — предложил Макговерн. — Вряд ли он сможет сделать хоть что-то, но с учетом того, с кем Эд сейчас водит компанию, мне кажется, что Лейдекера эта информация заинтересует.

Ральф обдумал это предложение, потом кивнул и поднялся с тахты.

— И лучше, наверное, не откладывать. Сейчас — самый что ни на есть подходящий момент. Не хочешь пойти со мной, Луиза?

Она задумалась, а потом покачала головой.

— Я устала, — сказала она. — Если честно, я сильно переволновалась. Я, пожалуй, прилягу. Может быть, даже вздремну.

— Да, наверное. А то вид у тебя и вправду усталый. И еще раз спасибо за угощение. — Поддавшись внезапному порыву, Ральф шагнул к ней и поцеловал в уголок рта. Луиза даже вздрогнула от неожиданности, и в ее взгляде была удивленная благодарность.

6

Сразу после вечернего выпуска новостей, как только Лизетт Бэнсон передала слово спортивному обозревателю, Ральф выключил телевизор. Демонстрация у Женского центра отошла на второй план — вечерний выпуск был в основном посвящен разбирательству по делу губернатора Греты Пауэрс, которая вроде как баловалась кокаином, когда училась в университете, — так что ничего нового он не узнал, кроме того, что Дэн Далтон оказался главой движения «Друзья жизни». Ральф подумал, что было бы правильнее назвать его «номинальным главой». Интересно, Эду уже предъявили официальное обвинение? Этого Ральф не знал, но даже если и не предъявили, то скорее всего предъявят — причем, наверное, еще до Рождества. И вот что еще интереснее: как работодатели Эда относятся к его похождениям в Дерри. Ральф почему-то не сомневался, что сегодняшнее происшествие им понравится куда меньше того, что случилось месяц назад, когда Эд избил свою жену; Ральф недавно прочел в газете, что уже совсем скоро Лаборатория Хоукинса станет пятым по счету исследовательским центром на северо-востоке страны, который будет работать с эмбриональной тканью. И тамошнее начальство уж точно не придет в восторг, когда узнает, что один из сотрудников лаборатории швырял кукол, начиненных фальшивой кровью, в окна клиники, где делают аборт. А если они узнают, что он вообще невменяемый...

А как, интересно, они узнают? Кто им об этом расскажет, Ральф? Неужели ты?

Нет. Ральф не хотел заходить так далеко, по крайней мере — сейчас. Это совсем не то, что пойти в полицейский участок в компании Макговерна и рассказать Джонни Лейдекеру о прошлогоднем происшествии возле аэропорта. Это уже настоящая травля. Все равно что написать УБИТЬ ЭТУ БЛЯДЬ под портретом женщины, с чьей точкой зрения ты не согласен.

Полный бред, и ты сам это знаешь.

— Ничего я не знаю, — сказал Ральф вслух, поднялся с кресла и подошел к окну. — Я слишком устал, чтобы хоть что-то соображать. — Но пока он стоял и смотрел на улицу и на двух мужиков, которые вышли из «Красного яблока» с упаковками пива в руках, ему вдруг вспомнилась одна вещь, и он понял, что все-таки кое-что знает, и как только он это понял, его прошиб холодный пот.

Сегодня утром, когда он вышел из «Первой помощи» и увидел ауры — когда ему показалось, что он поднялся на новый уровень восприятия, — он упорно твердил себе, что да, это красиво и необычно, но верить в это нельзя; что если он перестанет разграничивать реальность и вымысел, он станет таким же, как Эд Дипно. И именно эти мысли разбудили какую-то смутную ассоциативную память, и Ральф почти вспомнил... что-то важное... но ауры отвлекли его, и он не смог ухватить ускользающее воспоминание. Но теперь он вспомнил: Эд тоже что-то такое говорил насчет аур... что он их видит.

Нет, может быть, он имел в виду ауры, но говорил другое слово. Цвета. Я точно помню. Это было сразу после того, как он говорил о мертвых детях, которые видятся ему повсюду, даже на крышах. Он сказал...

Ральф тупо уставился на мужиков с пивом, которые забрались в потрепанный фургон, и подумал, что ему ни за что не вспомнить, что именно сказал Эд, — он слишком устал. Но потом, когда фургон выехал со стоянки, оставив после себя облачко дыма, которое напомнило Ральфу о той багровой субстанции, которая вырывалась из выхлопной трубы грузовика со свежей выпечкой у аптеки сегодня утром, в голове у него что-то как будто сдвинулось, и он вспомнил.

— Он сказал, что иногда мир полон цветов, — сказал Ральф, обращаясь к пустой квартире. — Но в какой-то момент они все потемнели, и все стало черным. По-моему, он так сказал.

Да, похоже на то. Но все ли это? У Ральфа было стойкое ощущение, что Эд сказал что-то еще — что-то, что он упустил и никак не мог вспомнить. А впрочем, какая разница? Стоит ли забивать себе голову? Но что-то ему подсказывало, что стоит. И неприятный холодок, пробежавший по спине, был явным тому доказательством.

У него за спиной зазвонил телефон. Ральф резко обернулся и увидел, что аппарат окружен красным сиянием — густо-красным, похожим на кровь из носа или на гребешок (бойцового) петуха.

Нет, простонал внутренний голос. Пожалуйста, Ральф, не надо. Не начинай все по новой...

Каждый раз, когда телефон звонил, красное свечение вокруг аппарата становилось ярче. Когда звонок затихал, оно тускло. Это было похоже на призрачное сердце, внутри которого почему-то оказался телефон.

Ральф крепко зажмурился, потом открыл глаза — красная аура вокруг телефона исчезла.

Нет, не исчезла, просто сейчас ты ее не видишь. Я не уверен, но может быть, ты просто хочешь не видеть. Как в осознанных снах, где ты управляешь событиями силой мысли.

Пока Ральф шёл к телефону, он твердил себе — причем очень решительно, — что эта идея была такой же безумной, как и то, что он видит какие-то ауры; что это уже полный бред. Но вот в чем проблема: это был никакой не бред, и Ральф это знал. Потому что если это был бред, то как же он догадался — по одному только взгляду на ярко-красную ауру, по цвету похожую на гребешок петуха, — что это звонит Эд Дипно?!

А вот это действительно бред. Ты решил, что это Эд, потому что в последнее время Эд не идет у тебя из головы... и еще потому, что ты так измотался, что ничего уже не соображаешь. Давай возьми трубку, и ты увидишь. Это не серд-

це пророка, и даже не телефон-пророк. Это наверняка какой-нибудь идиот, который обзванивает всех подряд, пытаясь продать подписку на какой-то дурацкий журнал, или дамочка из банка крови — звонит, чтобы поинтересоваться, почему ты давно у них не был.

Хорошо бы, конечно. Вот только не дамочка это и не идиот с подпиской.

Ральф поднял трубку:

— Алло.

7

Нет ответа. Но кто-то там был — на том конце линии. Ральф слышал, как он дышит в трубку.

— Алло, — повторил он.

Опять нет ответа. Ральф уже собирался сказать: «Ну тогда ладно, я вешаю трубку», — и тут Эд Дипно произнес:

— Я вот что хотел сказать, Ральф. Твой длинный язык не доведет тебя до добра.

Ральф невольно поежился. Пробиравший его холодок превратился в сплошную пленку льда, которая покрыла всю спину от шеи до копчика.

— Здравствуй, Эд. Я тебя видел сегодня по телевизору, в новостях. — Ничего более умного он не придумал. Его рука с такой силой сжимала трубку, что та, казалось, вот-вот сломается.

— Это фигня, старик. Ты вот лучше о чем подумай. Сегодня меня навестил этот наш проницательный детектив, который арестовал меня в прошлом месяце. Лейдекер. Ушел только что, долго сидел.

У Ральфа упало сердце, но пока что он оставался спокойным. В конце концов это вполне понятно, что Лейдекер зашел к Эду. Детектива очень заинтересовала история Ральфа о ссоре Эда с водителем синего пикапа возле аэропорта летом 92-го. Очень-очень заинтересовала.

— Да? — спросил Ральф спокойно.

— Детектив Лейдекер почему-то решил, что я вбил себе в голову, будто какие-то люди — или даже какие-то сверхъестественные существа — вывозят из города мертвых детей и эмбрионов на грузовиках, трейлерах и пикапах. Глупость какая, а?

Ральф стоял возле дивана, нервно теребил в руках телефонный провод и видел — вот именно, видел, — как тусклый красный свет сочится из провода, словно пот, и пульсирует в такт голосу Эда.

— Это ты напелл ему сказок, старик.

Ральф молчал.

— Меня не сильно задело, что ты вызвал полицию, когда я преподавал этой суке урок, на который она сама и напросилась, — продолжал Эд. — Я списал это на... гм... ну, скажем, дедушкину заботу. Или, может, ты втайне надеялся, что она будет так тебе благодарна, что согласится с тобой потрахаться, хотя бы просто из милосердия. В конце концов ты еще не такой дряхлый, чтобы сдать тебя в Парк юрского периода. Ну, на крайняк, ты бы удовлетворил ее пальцем.

Ральф молчал.

— Да, старик?

Ральф молчал.

— Ты думаешь, ты меня очень смущаешь своим молчанием? Даже и не надейся. — Но теперь голос Эда звучал чуть взволнованно; первоначальное самоуверенное превосходство исчезло. Можно подумать, что, когда он звонил, у него в голове уже был готовый сценарий будущего разговора, а Ральф отказался играть по писаному и тем самым выбил Эда из колеи. — Ты не посмеешь... тебе лучше не...

— Стало быть, когда я позвонил в полицию после того, как ты избил Элен, это тебя не задело и не взволновало. А вот сегодняшний разговор с Лейдекером очень даже взволновал, как я погляжу. С чего бы это? А, Эд? У тебя вдруг возникли сомнения по поводу собственного поведения? Или ты пересмотрел свое мировоззрение?

Теперь пришла очередь Эда молчать. Наконец он прошептал в трубку, и его голос не предвещал ничего хорошего:

— Если ты не принимаешь меня всерьез, Ральф, это будет самой большой ошибкой...

— Ну что ты, я тебя очень даже всерьез принимаю, — ответил Ральф. — Я видел, что ты сделал сегодня... и в прошлом месяце со своей женой... и в прошлом году возле аэропорта. Теперь и полиция тоже об этом знает. Я тебя выслушал, Эд. Теперь ты послушай меня. У тебя серьезное психическое расстройство, у тебя бред...

— Я не обязан выслушивать эту чушь! — Эд чуть ли не закричал.

— Действительно не обязан. Можешь повесить трубку. В конце концов это твой четвертак. Но пока ты не бросил трубку, я все же продолжу. Потому что раньше ты очень мне нравился, Эд, и мне бы хотелось, чтобы ты снова стал прежним. Сейчас у тебя обострение, но вообще-то ты умный парень, и ты, я думаю, сможешь меня понять: Лейдекер все знает, и он будет следить...

— Ты уже видишь цвета? — вдруг спросил Эд. Его голос опять стал спокойным. И в этот момент красное сияние вокруг телефонного шнура исчезло.

— Какие цвета? — спросил Ральф после длительной паузы. Эд как будто не слышал его вопроса.

— Ты сказал, что я тебе нравился. Ты тоже мне нравишься, Ральф. Ты мне всегда нравился. И только поэтому я тебе дам один ценный совет. Ты сейчас заплываешь в открытое море, на глубину, где обитают такие твари, каких ты даже представить себе не можешь. Ты думаешь, я сошел с ума, но вот что я тебе скажу: ты понятия не имеешь, что такое настоящее сумасшествие. Ты вообще ничего не знаешь. Но ты узнаешь, если будешь и дальше вмешиваться в дела, которые тебя не касаются. Это я тебе обещаю. А те самые твари...

— Какие еще твари? — Голос у Ральфа по-прежнему звучал спокойно, но он с такой силой сжимал телефонную трубку, что у него онемели пальцы.

— Силы, — сказал Эд. — В Дерри сейчас задействованы такие силы, о которых тебе лучше не знать. Есть некие... ну, давай назовем их просто существа. Пока что они тебя не заметили, но если ты будешь и дальше валять дурака и ставить мне палки в колеса, они обязательно тебя заметят. А тебе это не нужно. Уж поверь мне на слово: не нужно.

Силы. Существа.

— Ты как-то спросил, откуда я все это знаю и кто мне это показал. Помнишь, Ральф?

— Да.

Теперь Ральф вспомнил. Это было последнее, что сказал ему Эд перед тем, как приехали полицейские. Я вижу цвета с тех пор, как он пришел и сказал мне... Мы еще поговорим об этом. Потом.

— Мне сказал доктор. Маленький лысый доктор. Я так думаю, именно перед ним тебе и придется отчитываться, если ты еще раз попытаешься сунуться в мои дела. И тогда, спаси тебя Бог.

— Маленький лысый доктор, прелесть какая, — усмехнулся Ральф. — Да, я понимаю. Сначала были Кровавый Царь и его Центурионы, теперь — маленький лысый доктор. А следующим будет, наверное...

— Избавь меня от своего сарказма, Ральф. Просто держись от меня подальше. И от моих дел, понятно? Держись подальше.

Раздался короткий шелчок, и Эд отключился. Ральф еще долго стоял и смотрел на телефонную трубку, которую так и сжимал в руке, а потом медленно положил ее на рычаг.

Просто держись от меня подальше. И от моих дел тоже.

Да, все правильно. У него своих дел выше крыши.

Ральф медленно пошел на кухню, засунул в микроволновку свой «ужин-полуфабрикат» (а именно филе пикши) и попытался выкинуть из головы и протесты против абортот, и ауры, и Эда Дипно, и Кровавого Царя заодно.

И у него получилось.

И даже быстрее, чем он ожидал.

Глава 6

1

это кончилось почти незаметно, как это обычно бывает в округе Мэн. С каждым днем Ральф просыпался все раньше и раньше, и к тому времени, когда листья на деревьях вдоль Харрис-авеню заиграли всеми красками осени, он открывал глаза уже около 2.15 ночи. Это было невесело — прямо сказать, даже очень погано, — но на начало октября у Ральфа была назначена встреча с чудо-доктором Джеймсом Роем Хонгом, которую он очень ждал; да и таких огненных фейерверков, который привиделся Ральфу после его первой встречи с Джо Вайзером, больше не повторялось. Иногда появлялись короткие вспышки и свечение вокруг предметов, но Ральф быстро понял, как с этим бороться: если закрыть глаза и досчитать до пяти, все проходило.

Ну... *обычно* проходило.

Выступление Сьюзан Дей было назначено на пятницу, восьмое октября, и, поскольку сентябрь уже заканчивался, протесты и публичные дебаты на тему абортот становились все более ожесточенными и, разумеется, все было закручено вокруг приезда Сьюзан в Дерри. Эд Дипно еще не раз выступал по телевизору — Ральф часто видел его в местных новостях, — иногда в компании Дэна Далтона, но все чаще один. Он много и убедительно говорил, и теперь ирония проскальзывала у него не только во взгляде, но и в голосе.

Он нравился людям, и «Друзья жизни» пользовались все большим уважением и поддержкой у широкой общественности. Они больше не швыряли кукол в окна клиники, да и вообще не использовали насилие в качестве аргумента, но проводили множество маршей «за» и соответственно контрмаршей «против», называли имена, потрясали кулаками и писали длинные гневные письма во все городские газеты. Проповедники предрекали вечные муки; учителя с трудом удерживали дисциплину в школах; с полдюжи-

ны молодых женщин, которые называли себя «Малышками гомолесбо в поддержку Иисуса», угодили в полицейский участок — за то, что прохаживались перед Первой баптистской церковью с плакатами ПОШЛИ ВСЕ НА ХЕР ОТ МОЕГО ТЕЛА. Один полицейский, пожелавший остаться неизвестным, сказал в интервью какой-то газете, что он очень надеется, что Сьюзан Дей внезапно свалится с гриппом или случится еще что-нибудь, что помешает ей приехать в Дерри.

Эд больше не звонил Ральфу, но зато двадцать первого сентября он получил открытку от Элен. Всего двенадцать ликующих слов, наспех нацарапанных на обороте:

«Ура, работа! Публичная библиотека Дерри! Выхожу со следующего месяца! Скоро увидимся — Элен».

Очень довольный и радостный — еще даже более радостный, чем в тот день, когда Элен позвонила ему из больницы, — Ральф спустился вниз, чтобы показать открытку Макговерну, но его не было дома.

Тогда Луиза... но ее тоже не было: может, пошла к подруге сыграть пару партий в карты, а может, поехала за покупками — к примеру, за пряжей, чтобы связать очередной платок.

Ральф был слегка раздосадован. Вот незадача: те люди, с которыми в первую очередь хочется поделиться хорошими новостями, почему-то всегда исчезают как раз в тот момент, когда ты буквально готов взорваться от переполняющей тебя радости. Размышляя об этой странной закономерности, он побрел к Строуфорд-парку и именно там и нашел Билла Макговерна, который сидел на скамейке у софтбольного поля, где буквально два дня назад закончился внутренний городской чемпионат, и плакал.

?

Возможно, «плакал» — сказано слишком сильно. Скорее тихонько пускал слезу. Макговерн сидел, зажав в кулаке носовой платок, и наблюдал за тем, как мама с маленьким сыном играют в мяч на первой базе площадки. Периодически он подносил платок к лицу и вытирал глаза. Ральф, который в

жизни не видел, чтобы Макговерн плакал — даже на похоро-
нах Каролины, — на пару минут задержался на подступах к
полю, не зная, как поступить: все-таки потревожить Макго-
верна или потихоньку уйти, пока тот его не заметил.

В итоге он все же собрался с духом и пошел к скамейке.

— Привет, Билл, — сказал он.

Макговерн взглянул на него красными мокрыми глазами,
вытер слезы и попытался улыбнуться.

— Привет, Ральф. Ты застал меня врасплох. Я тут немного
расклеился, извини.

— Поздно. — Ральф присел рядом с Биллом. — Я уже все
видел. А что случилось?

Макговерн пожал плечами и снова поднес платок к глазам:

— Да так, ничего особенного. Просто переживаю из-за па-
радоксов природы.

— А в чем парадокс?

— У одного моего старого друга — у человека, который при-
нял меня на мою первую преподавательскую должность — слу-
чилась радость. Он умирает.

Ральф удивленно приподнял брови, но ничего не сказал.

— У него пневмония. Его племянница, я так думаю, сегод-
ня-завтра отвезет его в больницу, и его, наверное, положат
под капельницу. Только ему это вряд ли поможет: он умирает.
И когда он умрет, я буду радоваться его смерти, и это, как я
понимаю, меня больше всего и расстраивает. — Макговерн
пару секунд помолчал. — Ты вообще ничего не понимаешь,
правда? Ну, что я пытаюсь тебе сказать?

— Неа, — подтвердил Ральф — Но все нормально.

Макговерн заглянул ему в лицо, на секунду задумался, а
потом фыркнул. Из-за слез было не очень понятно, что озна-
чает это глухое фыркание, но Ральф решил, что это все-таки
смех, и позволил себе улыбнуться.

— Я сказал что-то смешное?

— Нет. — Макговерн похлопал его по плечу. — Просто я
посмотрел на твое лицо, такое честное и серьезное — а ты и
вправду как открытая книга, Ральф, — и подумал, что ты

мне ужасно нравишься. Иногда я даже жалею, что я — это не ты.

— Только, пожалуйста, не становись мной в три ночи, — тихо сказал Ральф. — Тебе не понравится.

Макговерн вздохнул и серьезно кивнул:

— Бессонница.

— Да, бессонница.

— Извини, что я засмеялся, но...

— Не извиняйся, Билл.

— ...но, пожалуйста, поверь мне, это был не просто смех, а смех восхищения.

— А кто он, этот твой друг, и почему это радостно, что он умирает? — спросил Ральф, хотя давно уже догадался, в чем заключается тот парадокс, о котором говорил Макговерн; он был совсем не таким наивным дурачком, каким считал его Билл.

— Его зовут Боб Полхерст, и его пневмония — хорошая новость, потому что у него болезнь Альцгеймера. С лета 88-го года.

О чем-то таком Ральф и подумал... хотя первым на ум пришел СПИД. Макговерн, наверное, был бы в шоке от подобного предположения, вдруг подумалось Ральфу, и от этой дурацкой мысли ему стало почти смешно. Но потом он взглянул на Билла, и ему стало стыдно за свое веселье. Он знал Билла уже много лет и давно заметил, что, когда случалось какое-то по-настоящему большое несчастье, Билл всегда становился особенно язвительным и ироничным, но его горе от этого не становилось менее искренним.

— Боб стал главой Исторического отделения в средней школе Дерри в сорок восьмом году, когда ему едва исполнилось двадцать пять, и занимал эту должность аж до восьмидесят первого или восьмидесят второго года. Он был гениальным учителем, как говорится, от Бога. Это был замечательный человек, один из тех великолепных чудачков, которые почему-то зарывают свои таланты в землю. Они обычно так и заканчивают: возглавляют какое-то отделение в какой-то школе и ведут еще кучу

кружков и секций чуть ли не на общественных началах, просто потому, что не умеют отказывать. Вот и Боб тоже не умел.

Мама с сыном закончили играть в мяч и теперь направлялись к маленькой летней закусочной на открытом воздухе, которую уже очень скоро закроют на зиму. Лицо у мальчика было удивительно красивым, и эту ангельскую красоту подчеркивала еще и розоватая аура, которая клубилась вокруг его головы и переливалась ленивыми волнами перед его выразительным и подвижным лицом.

— Мам, пойдем скорее домой, — сказал он. — Я хочу полепить из пластилина. Хочу сделать пластилиновое семейство.

— Но сначала давай поедим, хорошо? Мама проголодалась.

— Ну ладно.

На носу у парнишки был полукруглый шрам, и в этом месте розовая аура становилась алой.

Выпал из кровати, когда ему было восемь месяцев, подумал Ральф. Хотел дотянуться до бабочек на игрушке, подвешенной к потолку. Мама до смерти испугалась, когда прибежала на крик и увидела, что сын весь в крови: решила, что он умирает. Патрик, его зовут Патрик. А мама зовет его просто Пат. Его назвали в честь дедушки и...

Он зажмурился. Ощущение было такое, что желудок вдруг резко подпрыгнул и оказался прямо под кадыком, и Ральф вдруг испугался, что его сейчас стошнит.

— Ральф, — встревожился Макговерн. — С тобой все в порядке?

Он открыл глаза. Никаких аур, розоватых или каких-то других; просто мама с сыном идут в кафешку, чтобы чего-нибудь перекусить, и он не знал — он НЕ ЗНАЛ, — что она не хочет вести Пата домой, потому что его отец, который недавно вернулся домой после полугода в море, снова ушел в запой, а когда он уходит в запой, он становится...

Хватит, Бога ради, не надо.

— Ага, все в порядке, — сказал он Макговерну. — Что-то в глаз попало. Ты продолжай. Дорасскажи мне, что там с твоим другом?

— Да тут и рассказывать-то почти нечего. Он был гением, да, но за долгие годы я убедился, что гений — это такой товар, цена на который сильно завышена. Все дело в том, что в этой стране полно гениев, таких умных людей, что в их обществе ты себя чувствуешь идиотом, будь у тебя хоть три диплома с отличием. И я думаю, что большинство из них — именно учителя, скромные и незаметные люди, которые не стремятся к известности и живут и работают в маленьких городках, потому что им это нравится. Я доподлинно знаю, что Боб Полхерст — как раз из таких. Он видел людей насквозь. Меня даже пугала его проницательность... ну, поначалу. Потом-то я понял, что бояться не стоит, потому что Боб — очень добрый человек, действительно добрый... но поначалу это пугает. Такое впечатление, что у него не глаза, а рентгеновские аппараты.

Женщина взяла стаканчик с содовой и уселась за столик в кафешке. Мальчик потянулся к стаканчику обеими руками, улыбнулся, взял его и принялся жадно пить. Вокруг него снова возникла все та же розовая аура, и Ральф понял, что он был прав: мальчика действительно звали Патриком, и мама действительно не хотела идти домой. Разумеется, он никоим образом не мог этого знать, но это было так.

— Тогда, — сказал Макговерн, — если ты был родом из центральной части штата Мэн и не являлся стопроцентным гетеросексуалом, тебе оставалось только одно — *казаться* им, причем стараться изо всех сил. Альтернатива была только одна — уехать в Грин Виледж, жить там, носить берет, а по субботам отдыхать в типа как джазовых клубах, где публика прищелкивает пальцами вместо того, чтобы хлопать. Тогда мысль о том, чтобы «выйти из тени», была чистой воды безумием. Потому что у большинства из нас не было ничего, кроме этой самой тени. Если ты не хотел встретиться с толпой поддатых единомышленников, которых объединяет одно желание — набить тебе морду, тогда тенью становился весь мир.

Пат допил и бросил стаканчик на землю. Мать сказала ему, чтобы он подобрал стакан и выбросил в урну, что мальчик и

проделал с удивительной радостью. Затем мать взяла Пата за руку и они медленно пошли к выходу из парка. Ральф наблюдал за ними с некоторой тревогой, надеясь на то, что опасения этой женщины не оправдаются, и опасаясь, что все-таки оправдаются.

— Когда я устраивался на работу на кафедру истории в среднюю школу Дерри — а это было в 1951 году, — я только что отыскал два года черт-те где, в Лубеке, и решил, что если мне удалось прижиться там, значит, я смогу устроиться куда угодно. Но Боб посмотрел на меня — черт, да он просто заглянул в меня — своим рентгеновским взглядом и все понял. Но это его не смутило. «Если я решу предложить вам эту работу, а вы решите согласиться, мистер Макговерн, могу я быть уверен в том, что у нас никогда не возникнет проблем, касающихся ваших сексуальных предпочтений?»

Сексуальных предпочтений, Ральф! Черт побери! До этого дня я и *мечтать* не мог о такой формулировке, но у него она прозвучала гладко, просто как по маслу прошла. Я начал было нести обычную чушь, мол, я понятия не имею, о чем это он, но все равно оскорблен до глубины души, — но потом я посмотрел на него еще раз и решил не тратить понапрасну силы. Может быть, в Лубеке мне и удалось кого-то одурачить, но с Бобом Полхерстом этот номер не пройдет. Ему тогда еще тридцати не было, может, он за всю свою жизнь всего раз десять выезжал к югу от Киттери, но про меня он узнал все, все, что было для него важно, и на это ему хватило двадцатиминутного собеседования.

«Нет, сэр, проблем не возникнет», — сказала я кротко, прямо как барашек Мэри.

Макговерн снова промокнул глаза платком, но Ральфу показалось, что на этот раз жест был скорее театральным.

— К двадцати трем годам, когда я ушел преподавать в общественный колледж Дерри, Боб научил меня всему, что я сейчас знаю о преподавании истории, и игре в шахматы. Он был великолепным шахматистом... он бы запросто обыграл этого хвастуна Фэя Чапина, вот что я тебе скажу. Мне удалось выиграть

у него всего один раз, и то, в тот момент болезнь Альцгеймера уже начала есть его изнутри. После этого я с ним не играл.

Было еще кое-что. Он никогда ничего не забывал. Он помнил дни рождения и годовщины людей, которые его окружали, — он не посылал открыток, не дарил подарков, он просто поздравлял, желал всего самого хорошего, и никто никогда не сомневался в его искренности. Он опубликовал около шестидесяти статей по преподаванию истории и по Гражданской войне, он по ней специализировался. В 1967—1968 гг. он написал книгу, которая называлась *Позже Лета*, о том, что происходило после битвы при Геттисберге. Через десять лет он позволил мне прочесть рукопись, и я считаю, что это лучшая книга по Гражданской войне из всех, которые мне довелось читать, — единственная, которая может сравниться с романом *Ангелы-Убийцы*, написанным Майклом Шаара. Боб слышать ничего не хотел о публикации. А когда я спросил его, почему, он сказал, что если кто и должен понять его мотивы, так это я.

Макговерн помолчал, глядя на парк, который был полон золотисто-зеленого света и черных вкраплений тени, которые начинали двигаться и менять форму при каждом дуновении ветра.

— Он сказал, что боится публичности.

— Ага, — сказал Ральф. — Я понял.

— Может быть, это характеризует его лучше всего: он любил разгадывать большой кроссворд в *Sunday New York Times* перьевой ручкой. Я как-то подколот его на эту тему — обвинил его в высокомерии. Он тогда улыбнулся и сказал: «Билл, между гордыней и оптимизмом есть большая разница — я оптимист, вот и все».

— Так или иначе, у тебя уже есть общая картина. Добрый человек, великолепный учитель, острый ум. Он специализировался на Гражданской войне, а теперь он даже не знает, что это такое, не говоря уже о том, кто победил. Черт, да он даже имени своего не знает, и довольно скоро — на самом деле чем

скорее, тем лучше — он умрет, понятия не имея о том, что вообще когда-то жил.

Мужчина средних лет в футболке Университета штата Мэн и драных джинсах, шаркая, прошел через игровую площадку, под мышкой у него был зажат мятый бумажный пакет, из тех, что выдают в магазинах. Он остановился около закуской, чтобы изучить содержимое контейнера для мусора, авось найдется пара бутылок. Когда он наклонился, Ральф увидел темно-зеленую оболочку, которая окружала его, и более светлую веревочку, которая, колыхаясь, поднималась от его головы. И вдруг Ральф понял, что он слишком устал, чтобы закрыть глаза, слишком устал, чтобы захотеть не видеть этого.

Он повернулся к Макговерну и сказал: «С прошлого месяца я вижу вещи, которые...»

— Наверное, мне грустно, — сказал Макговерн, в очередной раз нарочито всхлипывая. — Только не знаю, из-за Боба или из-за себя самого. Разве это не мерзко? Но если бы ты знал, каким он был в те дни... ослепительным... пугающе ослепительным...

— Билл? Видишь вон того парня около закуской? Который в помойке роется? Я вижу...

— Да, сейчас таких парней всюду полно, — сказал Макговерн, мельком взглянув на бродягу (который нашел две банки из-под «Будвайзера» и засунул их в свой пакет), потом он снова повернулся к Ральфу. — Ненавижу быть старым. Наверное, в этом все дело.

Бродяга, ковыляя на полусогнутых, подошел к их скамейке, запах, появившийся вместе с ним, был отнюдь не ароматом «Английской кожи». Его аура — яркое-зеленая, насыщенная, Ральфу она напомнила украшения в День святого Патрика — странно сочеталась с его заискивающей позой и слащавой ухмылкой.

— Э, привет, парни! Как дела?

— Бывало лучше, — сказал Макговерн, саркастически приподняв бровь, — и я думаю, будут лучше, как только ты отвалишь.

Бродяга с сомнением посмотрел на Макговерна, решил, видимо, что тут ловить нечего, и обратил свой взор на Ральфа.

— У вас лишней мелочи не найдется, мистер? Мне надо до Декстера добраться. Мне дядя звонил оттуда в ночлежку на Нейболт-стрит, говорит, я могу получить свою старую работу на фабрике, но тока если я...

— Отвали, приятель, — сказал Макговерн.

Бродяга встревоженно взглянул на него, потом его налитые кровью карие глаза снова сфокусировались на Ральфе.

— Хорошая работа, понимаешь? И я могу снова получить ее, тока если доберусь туда сегодня. Автобус...

Ральф полез в карман, нашел четвертак и десятицентовик и положил их в протянутую руку. Бродяга ухмыльнулся. Аура, окружающая его, стала на мгновение ярче, а потом вдруг исчезла. Для Ральфа это было огромным облегчением.

— Во, здорово. Спасибо, мистер!

— Да не за что, — ответил Ральф.

Бродяга отбыл в направлении ШопнСэйв, где всегда в продаже имелись такие вещи, как Ночной Поезд, Старый Герцог и Серебряный Джин.

Вот дерьмо, Ральф, не мог бы ты быть немножечко посписходительнее, не только на деле, но и в мыслях? — спросил он сам себя. — *Если пройти в этом направлении еще полмили, там будет автовокзал.*

Это так, разумеется, но Ральф прожил достаточно долгую жизнь и прекрасно понимал, что существует большая разница между снисходительностью и иллюзиями. Если бродяга с темно-зеленой аурой отправился на автовокзал, значит, Ральф собирается в Вашингтон, чтобы стать госсекретарем.

— Не стоило тебе делать этого, Ральф, — укоризненно заметил Макговерн. — Это только вдохновит его.

— Наверное, — устало ответил Ральф.

— Так что ты говорил до того, как нас столь бесцеремонно прервали?

Мысль о том, чтобы рассказать Макговерну про ауры, казалась теперь весьма неудачной, он даже не мог понять, каким

образом ему удалось подобраться так близко к этому решению. Бессонница, разумеется, — вот единственное объяснение. Она влияет не только на краткосрочную память и чувство восприятия, еще и на суждения.

— Я говорил, что сегодня утром получил по почте кое-что, — сказал Ральф, — что, возможно, поднимет тебе настроение. — Он протянул Макговерну открытку Элен, тот внимательно прочел ее, а потом перечитал еще раз. Когда он читал открытку второй раз, на его длинном лошадином лице заиграла улыбка. Сочетание облегчения и совершенно искреннего удовольствия в этой улыбке сразу заставило Ральфа простить Макговерну его пафосную жалость к себе, любимому. Забыть, что Билл бывает не только напыщенным, но и великодушным, очень легко.

— Ну, смотри-ка! Работа, это же здорово!

— Разумеется. Может, отметим за обедом? Тут, в двух домах от Райт-Эйд, есть приятная забегаловка, то ли «Полдень», то ли «Закат». Может быть, немного странная, но...

— Спасибо, но я обещал племяннице Боба, что посижу с ним. Разумеется, он понятия не имеет, кто я такой, но это не важно, просто потому, что я знаю, кто он такой. Вы carîsce?

— Ага, — ответил Ральф. — Ну тогда в другой раз, ладно?

— Заметано. — Макговерн снова просмотрел открытку, все еще улыбаясь. — Это великолепно — просто великолепно!

Ральф рассмеялся над этим выражением.

— Я тоже так подумал.

— Я бы поставил пять баксов на то, что она вернется обратно к этому психу, толкая перед собой колясочку с ребенком... но я был бы рад тому, что проиграл эти деньги. Наверное, это звучит не вполне нормально.

— Да уж, не вполне, — ответил Ральф, но только потому, что знал — это именно то, что хочет услышать Макговерн. На самом деле он подумал о том, что Билл Макговерн только что

умудрился описать свой характер и мировоззрение куда лучше и лаконичнее, чем это мог бы сделать Ральф.

— Приятно знать, что кое-что в этом мире становится лучше, а не хуже, да?

— А как же.

— Луиза это уже видела?

Ральф покачал головой.

— Ее нет дома. Как только я ее увижу, тут же покажу ей эту открытку.

— Так и сделай. А как у тебя дела со сном, Ральф? Лучше?

— Да все в порядке вроде бы.

— Это хорошо. Потому что ты лучше выглядишь. Сильнее как-то. Мы не должны сдаваться, Ральф, это важно. Я прав?

— Наверное, — сказал Ральф и вздохнул. — Наверное, в этом ты прав.

}

Два дня спустя Ральф сидел за кухонным столом, неторопливо ел из миски хлопья с отрубями, которых ему на самом деле не хотелось (но почему-то казалось, что это может быть для него полезно), и смотрел на первую страницу «Дерри ньюз». Он быстро проглядел саму статью, но в статье была одна фотография, которая постоянно привлекала его внимание; она, казалось, выражала все те отрицательные эмоции, с которыми он жил последние несколько месяцев, при этом по сути дела не объясняя ни одной из них.

Ральф подумал, что заголовок над фотографией — **ЖЕНСКАЯ ДЕМОНСТРАЦИЯ СПРОВОЦИРОВАЛА ВСПЫШКУ НАСИЛИЯ** — имеет мало общего с историей, изложенной внизу, но это его как раз не удивило. Он читал «Ньюз» уже очень много лет и привык к ее экивокам и твердой позиции отрицания абортов. Однако газета сделала все возможное, чтобы дистанцировать себя от «Друзей жизни» и их поведения в тот день, смысл колонки редактора сводился к нравоучениям вроде «ай-

ай-ай, ну-как-же-вам-не-стыдно-мальчики», что опять же не удивило Ральфа. «Друзья жизни» собрались на парковке, которая принадлежала и Женскому центру, и больнице Дерри, и начали ждать демонстрантов — сторонников выбора, которые устроили демонстрацию и шли через весь город от Общественного центра. У большинства демонстрантов были плакаты с фотографиями Сьюзан Дей и слоганом ВЫБОР, А НЕ СТРАХ.

Демонстранты хотели собрать по ходу процессии как можно больше сочувствующих, так называемый принцип снежного кома. У Женского центра должны были состояться небольшой митинг — который должен был разогреть общественность перед выступлением Сьюзан Дей, — а также раздача прохладительных напитков. Но митинга не было. Как только сторонники выбора подошли к парковке, им наперерез вышли «Друзья жизни» и заблокировали дорогу, держа перед собой свои плакаты (УБИЙСТВО ВСЕГДА УБИЙСТВО, СЬЮЗАН ДЕЙ, ДЕРЖИСЬ ОТ НАС ПОДАЛЬШЕ, ОСТАНОВИТЕ ИЗБИЕНИЕ МЛАДЕНЦЕВ) наподобие щитов.

Демонстрантов сопровождала полиция, но никто не ожидал, что события будут развиваться так стремительно: уже очень скоро перепалка сменилась рукоприкладством. Все случилось, когда одна из «Друзей жизни» увидела в рядах сторонников выбора собственную дочь. Старшая женщина бросила свой плакат и набросилась с кулаками на младшую. Друг дочери схватил пожилую женщину и попытался удержать ее. Когда мамочка расцарапала ему лицо ногтями, молодой человек бросил ее на землю. Это спровоцировало десятиминутную драку и стало причиной тридцати арестов, количество арестованных в обеих группировках оказалось примерно равным.

На фотографии, украшавшей первую страницу сегодняшнего выпуска «Ньюз», были запечатлены Гамильтон Давенпорт и Дэн Далтон. Фотографу удалось снять Давенпорта с жуткой ухмылкой, которая совершенно не была похожа на его обычное спокойное самодовольство. Кулак был поднят над головой в примитивном жесте триумфа. Напротив него — с плакатом Хэма ВЫБОР, А НЕ СТРАХ на голове, напоминающим стран-

ный картонный нимб — стоял *grand fromage* «Друзей жизни». У Далтона были изумленные глаза и отвисшая челюсть. На высококонтрастной фотографии кровь, текущая у него из носа, напоминала шоколадный соус.

Ральф отвернулся от газеты и попытался сконцентрироваться на доедании своих хлопьев, но тут он вспомнил прошлое лето, тогда, когда он впервые увидел один из этих псевдо-«разыскивается» плакатов, сейчас они были развешаны по всему городу, — тот день, когда он чуть не потерял сознание около Струоффорд-парка. Память зафиксировала только лица: лицо Давенпорта, полное напряженной злобы, когда он смотрел сквозь пыльную витрину «Потрепанной розы», и Далтона, который пренебрежительно улыбался, мол, обезьяна вроде Гамильтона Давенпорта не в состоянии понять высшую мораль проблемы аборогов, и они оба это прекрасно понимают.

Ральф подумал об этих двух лицах и пропасти между владельцами этих лиц, после этого его взгляд сам вернулся к фотографии в газете. Рядом с Далтоном стояли два человека, оба держали в руках плакаты «за жизнь» и сосредоточенно наблюдали за схваткой. Ральф так и не понял, кем был тощий человек, носящий очки в роговой оправе, с копной уже редеющих седых волос, но зато он узнал человека, стоящего рядом с ним. Это был Эд Дипно. Однако в этом контексте Эд практически ничего не значил для Ральфа. Его испугало другое: лица двух человек, которые долгие годы работали дверь в дверь на Нижней Витчам-стрит, — Давенпорт с ухмылкой неандертальца и сжатым кулаком, Далтон с изумленными глазами и кровоточащим носом.

Он подумал: *Если вы не контролируете собственные эмоции, с вами может случиться вот такое. Но на этом лучше остановиться, потому что...*

— Потому что если бы у этих двоих были пистолеты, они бы пристрелили друг друга, — пробормотал он, и в этот момент зазвенел звонок — тот, который находился у крыльца. Ральф встал, снова посмотрел на фотографию и почувствовал, что у

него начинает кружиться голова. А потом пришла странная уверенность: это Эд Дипно, там внизу стоит Эд Дипно, и Бог знает, что ему нужно.

Тогда не подходи к двери, Ральф!

Он целую минуту стоял у стола в нерешительности, с горечью думая о том, как было бы хорошо, если бы туман, который обосновался в последний год у него в голове, все-таки рассеялся. Потом звонок зазвенел снова, и Ральф понял, что он *принял* решение. Да пусть там внизу стоит хоть сам Саддам Хусейн, это *его* дом, и он не собирается просто сидеть здесь и скулить, как побитая дворняга.

Ральф пересек гостиную, открыл дверь в холл и начал спускаться по темной лестнице.

4

Пройдя половину пути, он немного расслабился. Верхняя часть двери, выходящей на крыльцо, была сделанна из стеклянных клеток. Они искажали вид, но не настолько, чтобы Ральф не понял, что за дверью стоят две женщины. Он сразу догадался, кем была одна из них, и остаток пути вниз проделал с куда большей скоростью, едва касаясь рукой лестничных перил. Он распахнул дверь, за ней стояла Элен Дипно с сумкой-кенгурушкой (на боку было написано СТАНЦИЯ ПЕРВОЙ ПОМОЩИ МЛАДЕНЦАМ) через плечо, из-за другого плеча выглядывала Натали, ее глаза были яркими, как у мышки из мультика. Элен улыбалась, но было видно, что она немного нервничает.

Личико Натали вдруг просияло, и она начала подпрыгивать в рюкзаке за спиной у Элен и тянуть ручки к Ральфу.

Она меня помнит, — подумал Ральф. Вот оно как. И когда он протянул руку и позволил малышке схватить его за указательный палец, у него защипало глаза.

— Ральф, — сказала Элен. — С тобой все в порядке?

Он улыбнулся, кивнул, шагнул вперед, обнял ее и почувствовал, как она тоже обвила руками его шею. У него закру-

жилая голова от запаха ее духов, смешанного с запахом здорового ребенка, а потом она чмокнула его в ухо и убрала руки.

— Точно в порядке? — переспросила она. У нее в глазах тоже стояли слезы, но Ральф этого не заметил. Он пристально вглядывался в лицо Элен, чтобы убедиться, что на нем не осталось следов от побоев. Кажется, их действительно не осталось. Элен выглядела безупречно.

— Ты замечательно выглядишь. Куда лучше, чем когда мы виделись в последний раз, — сказал он. — И ты, Нат, тоже прекрасно выглядишь. — Он поцеловал маленькую пухлую ручку, которая все еще сжимала его палец, и почти не удивился, увидев призрачный серо-голубой отпечаток губ, который остался на руке Натали. Впрочем, след почти сразу исчез, и Ральф снова обнял Элен — просто чтобы убедиться, что она настоящая.

— Дорогой Ральф, — пробормотала она ему на ухо. — Дорогой, милый Ральф.

Он почувствовал какое-то шевеление в области паха, вызванное, по-видимому, сочетанием ее легких духов и легкой шекотки от ее дыхания, когда она шептала ему на ухо... а потом ему вспомнился другой голос, тоже шепчущий ему на ухо. Голос Эда. *Я вот что хотел сказать, Ральф. Твой длинный язык не доведет тебя до добра.*

Ральф отпустил Элен и повторил, улыбаясь:

— Ты действительно потрясающе выглядишь, и я очень рад тебя видеть, Элен.

— Я тоже ужасно рада. Познакомься с моей подружкой. Ральф Робертс, Гретхен Тилбери. Гретхен, это Ральф.

Ральф повернулся к спутнице Элен и в первый раз разглядел ее как следует. Она протянула ему миниатюрную белую руку, которая утонула в его большой грубой ладони. Гретхен Тилбери была из тех женщин, глядя на которых, мужчинам (даже тем, кому уже далеко за шестьдесят) хочется встать по стойке «смирно» и втянуть живот. Она была статной высокой блондинкой, но дело было совсем не в этом. В ней было что-то такое... типа запаха, или флюидов, или

(ауры)

да, все правильно, типа ауры. Проще сказать, она была из тех женщин, на которых невозможно не обращать внимания, о которых нельзя не думать и о которых можно только мечтать.

Ральф вспомнил, что говорила ему Элен — о том, как муж Гретхен распорол ей ногу кухонным ножом и бросил истекать кровью. У него в голове не укладывалось, как у него только рука поднялась — как вообще мужчина посмел дотронуться до этой женщины без трепета.

Ага, только, наверное, всякий трепет проходит, когда ты преодолеваешь стадию «Она одета в красоту, как ночь»... и остается одно вожделение. И кстати, может, уже пора подобрать отвисшую челюсть и прекратить пялиться на нее выпученными глазами?

— Очень рад познакомиться, — сказал он, отпуская ее руку. — Элен мне рассказывала, как вы приходили к ней в больницу. Спасибо, что помогли ей.

— Мне было очень приятно помочь Элен. — Гретхен наградила его обворожительной улыбкой. — Она из тех женщин, ради которых и стоит все это затевать... но я думаю, вы это знаете и без меня.

— Я догадываюсь, — сказал Ральф. — У вас есть время зайти выпить кофе? Пожалуйста, скажите, что да.

Гретхен взглянула на Элен, и та кивнула.

— Это было бы замечательно, — сказала Элен. — Потому что...

— Это не просто визит вежливости, да? — спросил Ральф, переводя взгляд с Элен на Гретхен и обратно.

— Да, — сказала Элен. — Нам нужно поговорить с тобой, Ральф.

5

Едва они успели подняться по темной лестнице, как Нат начала нетерпеливо подпрыгивать в рюкзачке и что-то лопотать на своем языке, который уже очень скоро превратится в обычную человеческую речь.

— Можно мне взять ее на руки? — спросил Ральф.

— Конечно, — сказала Элен. — Но если она заплачет, ты мне ее сразу отдашь. Обещай.

— Договорились.

Но «его величество, обожаемый всеми ребенок» и не думал плакать. Как только Ральф вытащил Натали из маминого рюкзака, она удобно устроилась на сгибе его руки, как будто это было ее любимое креслице.

— Вау, — тихо присвистнула Гретхен. — Я в восхищении.

— Блиг, — сказала Натали, дернув Ральфа за нижнюю губу. — Гана виг! Анду сис!

— По-моему, она что-то сказала про Сестричек Эндрюс, — заметил Ральф. Элен запрокинула голову и искренне рассмеялась. Впечатление было такое, что она смеется не только горлом, но и всем телом. Только теперь Ральф понял, как сильно он соскучился по этому смеху.

Ральф провел гостей в кухню — самое солнечное место в квартире в это время суток, — и там Натали все-таки отпустила его губу. Ральф заметил, что Элен с любопытством оглядывается по сторонам, и подумал, что она очень давно не была в этом доме. Очень давно. Она взяла фотографию Каролины, которая стояла на кухонном столе, и внимательно на нее посмотрела. В уголках ее губ пряталась легкая улыбка. Солнце подсвечивало ее волосы, которые Элен постригла совсем-совсем коротко, и вокруг головы молодой женщины образовалось что-то вроде короны из света, и Ральф вдруг понял: он любил Элен потому, что ее любила Каролина — а Каролина действительно ее любила, наверное, больше всех после Ральфа.

— Она была очень красивой, — сказала Элен. — Правда, Ральф.

— Да. — Он достал чашки и расставил их на столе, так чтобы Натали не смогла дотянуться. — Это было всего за месяц-два до того, как у нее начались головные боли. Наверное, это несколько эксцентрично — держать фотографию на кухонном столе перед сахарницей, но я здесь провожу почти все время, так что...

— По-моему, это хорошее место для фотографии, — сказала Гретхен. У нее был низкий хрипловатый голос. *Если бы она прошептала мне что-то на ухо, я даже не сомневаюсь, что это недоразумение у меня в штанах явно бы сподвиглось на что-то большее, чем просто пошевелиться.*

— Мне тоже так кажется, — согласилась Элен. Она улыбнулась Ральфу, не глядя в глаза, потом сняла с плеча сумку и положила ее на стол. Натали снова забеспокоилась, что-то нетерпеливо пробормотала и протянула ручки. Это она увидела пластиковую бутылочку с детским питанием. Ральфу вдруг вспомнилось — к счастью, эта картина очень быстро исчезла, — как Элен ковыляла к «Красному яблоку»: один глаз заплыл, на щеке — кровь, и Натали, прижатая к боку, как школьники носят книжки.

— Хочешь ее покормить? — спросила Элен. Ее улыбка стала более искренней, и она снова рискнула встретиться с ним глазами.

— Конечно, а почему нет? Но вот кофе...

— Я позабочусь о кофе, папаша, — улыбнулась Гретхен. — В свое время я сделала миллион кружек кофе, так что опыт есть. Где у вас тут молоко или сливки?

— В холодильнике. — Ральф сел за стол, Натали опустила голову ему на плечо, решительно схватила бутылочку своими крошечными ручками, взяла в рот соску и тут же начала пить. Ральф улыбнулся Элен, как бы и не замечая, что она снова плачет. — Они быстро учатся, правда?

— Да. — Она отвернулась, оторвала бумажное полотенце от рулона на стене и быстро вытерла глаза. — Как она сразу к тебе привязалась, Ральф... такого ведь не было раньше?

— Честно сказать, не помню, — соврал он. Хотя он прекрасно помнил, что не было. Не то чтобы она его боялась или недолюбливала, но такой симпатии точно не было раньше.

— Надо забрать у нее бутылочку, когда жидкость дойдет до отметки, иначе она наглотается воздуха, и у нее будет пучить животик.

— Понял. — Он взглянул на Гретхен. — Все в порядке?

— Все замечательно. Вам как кофе, Ральф?

— Мне желательно в чашку.

Она рассмеялась и поставила чашку на стол, подальше от Натали. Когда она села и положила ногу на ногу, Ральф не смог удержаться и все-таки глянул вниз. Когда он поднял взгляд, то увидел, что Гретхен иронично улыбается.

Какого черта, подумал Ральф. Седина в голову, бес в ребро, так получается?! Даже если ты спишь по ночам от силы часа два.

— Расскажи мне про свою работу, — попросил он, когда Элен села за стол.

— Ну, по-моему, день рождения Майка Хэнлона надо бы объявить национальным праздником... это тебе о чем-то говорит?

— Ну так, приблизительно, — улыбнулся Ральф.

— Я уже настроилась, что мне придется уехать из Дерри. Начала рассылать запросы в разные библиотеки вплоть до Портсмута, но мне это ужасно не нравилось. Мне уже скоро тридцать один, и здесь я прожила всего шесть лет, но Дерри — это мой дом, я тут себя чувствую как дома... я не знаю, как это объяснить... но здесь действительно мой дом.

— Тебе не надо ничего объяснять, Элен. По-моему, дом — это не просто место, где ты живешь. Дом — это что-то, что дается тебе от рождения, как, скажем, фигура или цвет глаз.

Гретхен кивнула:

— Да. Так и есть.

— А в понедельник позвонил Майк и сказал, что появилась вакансия ассистента в Детской библиотеке. Я даже не сразу поверила, правда. Всю неделю ходила и щипала себя за руку, чтобы убедиться, что это не сон, правда, Гретхен?

— Ну да, ты была очень счастлива, — сказала Гретхен. — На тебя было прямо приятно смотреть.

Она улыбнулась Элен, и для Ральфа эта улыбка была как откровение. Он вдруг понял, что может пялиться на Гретхен Тилбери сколько угодно, и это ничего не изменит. Даже будь он не он, а Том Круз, это бы все равно ничего не изменило.

Интересно, а Элен догадывается или нет, подумал он, а потом ему стало стыдно за собственную глупость. Элен была далеко не душой. Кем угодно, но только не душой.

— Когда ты выходишь на работу? — спросил он.

— После Дня Колумба, — сказала она. — То есть сразу после двенадцатого. Работа по сменам: то днем, то вечером. Зарплата, конечно, не королевская, но этого хватит, чтобы прожить зиму, независимо от того, как... как сложится все остальное. Разве это не здорово, Ральф?

— Да, — сказал он. — Это действительно здорово.

Натали уже выпила полбутылочки, и ей, кажется, надое-ло. Соска наполовину выпала у нее изо рта, и тоненькая струйка молока стекала ей на подбородок. Ральф потянулся, чтобы ее вытереть, и его пальцы оставили в воздухе несколько прозрачных серо-голубых линий.

Крошка Натали потянулась, чтобы схватить их, и рассмеялась, когда они растаяли у нее в ладошке. У Ральфа перехватило дыхание.

Она видит... Она видит то же, что и я.

Это безумие, Ральф. Это безумие, и ты это знаешь.

Ну да. Только никакое это не безумие. Он только что видел линии в воздухе — видел, как Нат попыталась схватить следы ауры, которые оставили в воздухе его пальцы.

— Ральф, с тобой все в порядке? — вдруг встревожилась Элен.

— Разумеется. — Он поднял глаза и увидел, что Элен теперь окружает великолепная аура цвета слоновой кости. Она казалась мягкой и шелковистой, как дорогое шелковое белье. Веребочка, поднимающаяся от головы, была все того же цвета слоновой кости — широкая и прямая, как ленточка на свадебном подарке. Аура Гретхен Тилбери была темно-оранжевая, переходящая по краям в лимонно-желтый. — А где ты думаешь жить? В своем старом доме?

И снова Элен и Гретхен многозначительно переглянулись, но Ральф этого не заметил. Ему не нужно было смотреть на их лица, жесты или тела, чтобы понять их чувства, — ему

достаточно было взглянуть на их ауры. Края ауры Гретхен теперь потемнели, и она вся стала оранжевой. А аура Элен стала плотнее и ярче, на нее было больно смотреть. Элен боялась возвращаться домой. Гретхен об этом знала, и это ее бесило.

И еще — ее собственная беспомощность, подумал Ральф. Вот что бесит ее больше всего.

— Я пока поживу в Хай-Ридже, — сказала Элен. — Может быть, до зимы. Я так думаю, что мы с Нат все-таки вернемся в город, но этот дом придется продать. Конечно, если его кто-то купит — судя по тому, что сейчас творится на рынке жилья, это еще большой вопрос. Деньги пойдут на особый счет, который потом будет разделен на две части в соответствии с решением суда. Ну, после развода.

У нее дрожали губы. Аура становилась все плотнее и гуще; теперь она облегала все тело, почти как вторая кожа, и Ральф заметил, что по ней иногда пробегают алые сполохи. Как искры, вылетающие из печи. Он перегнулся через стол и взял Элен за руку. Она благодарно улыбнулась.

— Ты сейчас мне сказала две вещи. Ты решила развестись, и ты все еще боишься его.

— В последние два года замужества он ее периодически избивал, — сказала Гретхен. — Так что это вполне естественно, что она все еще его боится. — Она говорила спокойно, тихо и рассудительно, но ее аура стала похожа на маленькое слюдяное окошко в дверце печи.

Ральф посмотрел на Натали и увидел, что теперь и девочку тоже окружала аура — тонкое, блестящее ярко-белое облако, напоминавшее свадебную фату. Она была меньше, чем аура ее мамы, но очень похожа... так же, как и голубые глаза, и золотисто-каштановые волосы. Веребочка-ленточка чистого белого света поднималась от маленькой детской головки к самому потолку и собиралась призрачной массой под люстрой. Когда в окно подул ветер, белая ленточка задрожала и закачалась. Ральф взглянул на веревочки Элен и Гретхен и увидел, что они тоже дрожат.

Если бы я мог видеть свою собственную веревочку, то с ней, наверное, было бы то же самое, подумал он. Это реальные вещи — что бы там ни говорил рассудок, но эти ауры настоящие. Они настоящие, и я их вижу.

Он ждал возражений от собственного рассудка, но их почему-то не последовало.

— Иногда у меня возникает такое чувство, что все эти дни я провожу в своеобразной стиральной машинке для эмоций, — сказала Элен. — Моя мать на меня очень злится... она готова на все, даже трусихой меня назвала... и иногда мне и правда кажется, что я трусиха... и мне очень стыдно...

— Тебе не должно быть стыдно, — перебил ее Ральф. Он опять посмотрел на веревочку Натали, которая трепетала на ветру. Она была очень красивой, но ему не хотелось трогать ее руками; какой-то глубинный инстинкт подсказывал ему, что это может быть опасно для них обоих.

— Да, наверное, — продолжала Элен. — Но всем девушкам с самого детства внушают определенные вещи. Типа: «Вот твоя Барби, вот твой Кен, вот твоя игрушечная кухня. Учись, потому что потом, когда ты будешь женой и хозяйкой, тебе придется заниматься всем этим, и если что-то пойдет не так, в этом будет только твоя вина». И я училась, да, только меня никто не предупредил, что в реальной жизни Кены иногда сходят с ума. Я как будто пытаюсь себя оправдать, так это смотрится со стороны?

— Нет. Насколько я понимаю, все именно так и было.

Элен невесело усмехнулась.

— Только не говори это моей матери, Ральф. Она не верит, что Эд меня бил. Ну разве что шлепнул по заднице... просто чтобы подтолкнуть меня в правильном направлении, если я вдруг сойбюсь с курса. Она, конечно, не говорит этого вслух, но по голосу это чувствуется — всякий раз, когда мы с ней разговариваем по телефону.

— Я не считаю, что ты это все напридумывала, — сказал Ральф. — Я тебя видел, помнишь? И я помню, как ты просила меня не вызывать полицию.

Он вдруг почувствовал, как его руку легонько сжали под столом, и удивленно поднял глаза. Гретхен Тилбери слегка кивнула и еще раз стиснула его руку, на этот раз более чувствительно.

— Да, — сказала Элен. — Ты все видел.

Она слегка улыбнулась, и это было хорошо, но еще лучше было то, что происходило с ее аурой — маленькие красные искорки потихоньку исчезали, и сама аура становилась больше.

Нет, мысленно поправился Ральф. Она не становится больше. Она просто расслабилась, освободилась.

Элен вдруг поднялась и обошла стол.

— С Нат что-то не то, давай я ее заберу.

Ральф взглянул на девочку и увидел, что Натали уставилась куда-то в пространство тяжелым удивленным взглядом. Он проследил за ее взглядом и увидел маленькую вазочку на подоконнике за раковиной. Пару часов назад он поставил туда несколько вялых цветов, и теперь из их черенков вытекал зеленый туман и окружал цветы тусклым сиянием.

Они умирают, подумал Ральф. И я это вижу. Господи Боже, больше никогда в жизни я не сорву ни одного цветка. Честное слово.

Элен осторожно забрала у него малышку. Нат почти не возражала, хотя ее взгляд по-прежнему был прикован к вянущим цветам. Она смотрела на них не отрываясь — все время, пока мама несла ее к своему месту.

Гретхен взглянула на часы:

— Если мы собираемся успеть на встречу в полдень...

— Да, разумеется, — сказала Элен извиняющимся тоном. — Мы с Гретхен входим в официальный комитет по встрече Съеззан Дей. — Она вновь обращалась к Ральфу. — И это совсем не такой скаутский отряд, как можно было бы заключить из названия. Наша главная задача — не встретить ее, а обеспечить безопасность.

— Вы считаете, тут могут возникнуть проблемы?

— Скажем так, ситуация будет весьма напряженной, — сказала Гретхен. — У нее есть полдюжины телохранителей, и они

нам переслали все факсы по поводу тех угроз, которые она получила из-за приезда в Дерри. Для них это стандартная процедура — она уже много лет живет в таком режиме. Они будут на чеку, но само собой подразумевается, что, поскольку мы пригласили ее в Дерри, мы тоже несем ответственность за ее безопасность.

Ральф открыл было рот, чтобы спросить, а много ли было угроз, но и так знал ответ. Он прожил в Дерри семьдесят лет и знал, какой это опасный механизм — в глубине, под поверхностью скрывалось немало острых углов и режущих граней. Разумеется, и в других городах было то же самое, но в Дерри, казалось, была какая-то особая склонность к подобного рода уродствам. Элен называла этот город своим домом, это был и его дом тоже, и тем не менее...

Он вспомнил события десятилетней давности. Это случилось почти сразу по окончании ежегодного городского фестиваля «Дни Каналов». Трое парней сбросили скромного и беззащитного гея по имени Адриан Мелон в Кендускег, причем предварительно избили его до полусмерти и изрезали ножами. Говорили, что они стояли на мосту за баром «Фалькон» и спокойно смотрели, как он умирает. В полиции они сказали, что им не понравилась его шляпа. Это тоже Дерри, и только последний кретин не обратил бы на это внимания.

Ральф снова взглянул на снимок в сегодняшней газете — как будто его натолкнуло на это воспоминание о гибели Мелона (а может, так оно и было), — Хэм Давенпорт с поднятым кулаком, Дэн Далтон с разбитым носом и мутными глазами, и с плакатом Хэма, надетым на голову.

— Сколько было угроз? — спросил он. — Больше десятка?

— Около тридцати, — сказала Гретхен. — И из них где-то десять ее охрана восприняла очень серьезно. Две угрозы взорвать Общественный городской центр, если она не уедет. В одном письме — это вообще прелесть — говорится, что кто-то припас водяной пистолет, наполненный кислотой из автомобильного аккумулятора. И там написано: «Если я не промах-

нусь, то даже твои дружки не смогут смотреть на тебя без того, чтобы не блевануть».

— Очень мило, — заметил Ральф.

— И это подводит нас к сути нашего разговора. — Гретхен порылась у себя в сумке, достала маленький баллончик с красной крышкой и поставила его на стол. — Маленький подарок для вас от благодарных друзей из Женского центра.

Ральф взял баллончик. На одной стороне была картинка: женщина прыскает газом в лицо мужчине в гангстерской маске и шляпе с опущенными полями. На другой стороне было всего одно слово, написанное большими ярко-красными буквами:

ТЕЛОХРАНИТЕЛЬ

— Что это? — удивился Ральф. — Слезоточивый газ?

— Нет, — сказала Гретхен. — В округе Мэн слезоточивый газ запрещен законом. Эта штука куда мягче... но если прыснуть кому-то в лицо, ему будет уже не до вас, во всяком случае, пару-тройку минут. От этого состава немеет кожа, слезятся глаза и тошнит.

Ральф снял крышку с баллончика, посмотрел на красный пульверизатор и надел крышку на место.

— Матерь Божия, и зачем мне, по-вашему, эта штуковина?

— Потому что вас официально произвели в Центурионы, — сказала Гретхен.

— Во что?!

— В Центурионы, — повторила Элен. Нат быстро уснула у нее на руках, и только теперь Ральф сообразил, что он больше не видит аур. — Главные враги «Друзей жизни» — лидеры оппозиции, так сказать.

— Ладно, — нахмурился Ральф, — я понял. Эд говорил о каких-то Центурионах в тот день... когда он тебя избил. Тогда он много о чем говорил, но все это был просто бред психически больного человека.

— Да, Эд сошел с ума, — сказала Элен. — Но мы думаем, что он рассказал об этих Центурионах только очень узкому кру-

гу людей — таким же психам, как и он сам... ну или почти таким же. Остальные «Друзья жизни»... вряд ли они что-то знают. А ты, кстати? До прошлого месяца ты хотя бы подозревал о том, что Эд сошел с ума?

Ральф покачал головой.

— Из Лаборатории Хоукинса его наконец уволили, — сказала Элен. — Не далее как вчера. Они держали его на работе до последнего — он замечательный специалист в своей области, — но все-таки им пришлось его выгнать. Выходное пособие за три месяца... неплохо для парня, который избивает свою жену и кидает кукол, начиненных фальшивой кровью в окна больниц и женских клиник. — Она взяла со стола газету. — Эта демонстрация стала последней каплей. Это был уже третий или четвертый раз, когда его забирают в участок — с тех пор как он связался с «Друзьями жизни».

— У вас есть там свой человек? — спросил Ральф. — И вы от него все узнаете?

Гретхен улыбнулась.

— Мы — не единственные, кто проник в эту организацию. Знаете, у нас ходит такая шутка, что как таковых «Друзей жизни», собственно, и нету, а есть только куча двойных агентов. Там есть люди из Полицейского департамента Дерри, есть человек из Государственной полиции... и это только те, о ком знает... наш человек. Черт побери, да там у них может быть даже агент ФБР. «Друзья жизни» очень неорганизованы и неразборчивы... и знаешь почему, Ральф? Потому что они убеждены, что в глубине души каждый на их стороне. Но у нас есть все основания предполагать, что только нашему человеку удалось подобраться так близко к верхушке их руководства, и он говорит, что Дэн Далтон — это всего лишь марионетка, прикрытые для Эда.

— Я понял это, еще когда в первый раз увидел их вместе по телевизору в новостях, — сказала Ральф.

Гретхен встала, собрала со стола кофейные чашки, отнесла их в раковину и включила воду, чтобы их вымыть.

— Я уже около тридцати лет в женском движении, и я много всякого дерьма повидала... и психов тоже немало, но я в жизни не видела ничего подобного. И откуда он только набрал этих дебилов. Они свято верят, что женщины в Дерри делают аборт не по своей воле, что половина из них даже не знали, что они вообще беременны, пока не пришли злые Центурионы и не забрали у них детей.

— А он не говорил им о печах в Ньюпорте? — спросил Ральф. — О детском крематории?

Гретхен резко повернулась к нему, ее глаза широко распахнулись.

— А вы откуда об этом знаете?

— Ну, у меня была долгая и обстоятельная беседа с самим Эдом. Все началось еще в июле девяноста второго. — Ральф лишь мгновение колебался, а потом выдал им полный отчет о событиях того дня, когда он встретил Эда возле аэропорта, и Эд набросился на водителя пикапа и обвинил его в том, что он вывозит из города мертвых детей, упрятав их в бочки с надписью «Удобрения». Элен слушала его молча, но глаза у нее лезли на лоб. — И в тот день, когда он тебя избил, он нес ту же чушь, — закончил Ральф. — Только она обросла новыми душераздирающими подробностями.

— Наверное, поэтому он и спустил на вас всех собак, — задумчиво проговорила Гретхен. — Впрочем, причины уже не имеют значения. Понимаете, он дал своим сумасшедшим друзьям список так называемых Центурионов. Мы не знаем всех, кто там есть, но там точно есть я, Элен, Сьюзан Дей, разумеется... и вы.

Почему я? — хотел спросить Ральф, но быстро сообразил, что это еще один бессмысленный вопрос. Может быть, потому что он позвонил в полицию, когда Эд избил Элен: но скорее всего без всякой причины. Просто так. Ральф где-то читал, что Дэвид Беркович — так же известный, как Сэмов Сын — убивал, руководствуясь указаниями своей собаки.

— И что, вы думаете, они предпримут? — спросил Ральф. — Вооруженное нападение, как в каком-нибудь фильме с Чаком Норрисом?

Он улыбнулся, но Гретхен не ответила на его улыбку.

— Все дело в том, что мы понятия не имеем, что именно они могут предпринять, — сказала она. — Самый вероятный вариант: вообще ничего. Но с другой стороны, Эду или кому-то другому вполне может стукнуть в голову заявиться к вам в дом и попробовать вышвырнуть вас из окна — из вашей же кухни. Этот баллончик — всего лишь разбавленный слезоточивый газ. Маленькая страховка, и не более того.

— Страховка, — задумчиво повторил Ральф.

— Гордись, ты попал в число избранных, — сказала Элен с невеселой улыбкой. — Еще один Центурион-мужчина в этом списке... ну, тот, о котором мы знаем... это мэр Козн.

— А его вы уже снабдили такой же штукой? — Ральф снова взял в руки баллончик. Он выглядел не опаснее бесплатных тюбиков с кремом для бритья, которые ему иногда присылали по почте в рекламных целях.

— Не было необходимости, — серьезно сказала Гретхен и снова взглянула на часы. Элен заметила это и встала, держа спящую Натали на руках. — У него есть лицензия на ношение оружия.

— А вы-то откуда знаете? — удивился Ральф.

— Проверили файлы в Общественном центре, — усмехнулась Гретхен. — Такие вещи обычно записываются.

— Вот как. — Его вдруг посетила одна тревожная мысль. — А что насчет Эда? Вы его проверяли? У него есть разрешение?

— Нет, у него нет. Но таким ребятам, как Эд, совсем не обязательно иметь разрешение на оружие, чтобы им пользоваться, и особенно когда они доходят до определенной черты... в общем, вы понимаете.

— Да. — Ральф тоже поднялся из-за стола. — Кажется, понимаю. А что насчет остальных? Вы их проверили?

— Можете не сомневаться, папаша.

Он кивнул, хотя и не был полностью удовлетворен этим ответом. В голосе Гретхен прозвучали откровенно покровительственные нотки; видимо, его вопрос сочли глупым. Но он был не глупым, и если она вдруг об этом не знала, то это

могло кончиться очень печально и для нее самой, и для ее друзей. Очень печально.

— Очень на это надеюсь. — Ральф повернулся к Элен. — Можно, я донесу Нат до двери?

— Лучше не надо, ты ее разбудишь. — Она посмотрела на него очень серьезно. — Ты обещаешь, что будешь носить с собой этот баллончик, Ральф? Я ни за что себе не прошу, если ты пострадäешь только из-за того, что попытался помочь мне, а у него в сообщниках оказался какой-нибудь очередной псих. Обещаешь?

— Я очень серьезно об этом подумая. Так пойдет?

— А у меня есть варианты? — Она еще раз внимательно посмотрела на него. — Знаешь, ты выглядишь гораздо лучше, чем когда мы виделись в последний раз. Ты снова нормально спишь?

Он усмехнулся.

— Ну, по правде сказать, у меня есть проблемы со сном, но мне, наверное, и вправду лучше, потому что ты не первая, кто это заметил.

Она поднялась на цыпочки и поцеловала его в уголок рта.

— Мы не будем теряться, ладно? То есть я хотела сказать, мы же будем общаться?

— Я сделаю все со своей стороны, если ты сделаешь все со своей.

Она улыбнулась:

— Можешь не сомневаться, Ральф. Ты — самый милый мужчина-Центурион из всех, кого я знаю.

Они рассмеялись так громко, что Натали проснулась и взглянула на них с сонным удивлением.

6

Проводив женщин до машины (Я ЗА СВОБОДНЫЙ ВЫБОР! — провозглашала наклейка на заднем бампере «аккорда» Гретхен Тилбери), Ральф поднялся к себе на второй этаж. Только теперь он понял, как сильно устал — ноги почти не слушались, как будто к ним было привязано по невидимой гире. На

кухне он первым делом взглянул на вазу с цветами, пытаясь снова увидеть тот странный зеленый туман, который поднимался от стеблей. Ничего. Потом он взял баллончик и еще раз изучил картинку на боку. Хорошая женщина, на которую напали, дает отпор обидчику — плохому мужчине в маске и шляпе. Белое и черное, никаких полутонов: действуй, как говоришься, плюй на все — живи богато.

Ральф подумал, что безумие Эда заразно. Женщины в Дерри — среди них Гретхен Тилбери и его любимая Элен — стали ходить по городу с этими маленькими баллончиками в сумках, и это свидетельствовало лишь об одном: *Я боюсь. В городе появились плохие мужчины в шляпах и масках, и я боюсь.*

Ральф не хотел в этом участвовать. Привстав на цыпочки, он положил баллончик на шкафчик над раковиной, а потом пошел в прихожую и надел свой старый кожаный пиджак. Он собирался пройтись до площадки для пикников возле аэропорта и посмотреть, есть ли там кто-нибудь, с кем можно будет сыграть пару партий в шахматы. Ну, в крайнем случае в эрудит.

Он помедлил у двери в кухню и попытался заставить зеленый туман появиться вокруг цветов по его воле. Но у него ничего не вышло.

Но он там был. Ты его видел, Натали тоже видела.

Но действительно ли он видел? А она? Детей обычно заволаживает все, что они видят. И как узнать наверняка?

— Я просто знаю и все, — сказал он пустой квартире.

Да, все правильно. Зеленый туман поднимался от стеблей цветов... Он был, и все ауры были, и...

— И они по-прежнему здесь, — сказал Ральф вслух и сам не понял, что он сейчас должен чувствовать, уловив в своем голосе такую уверенность — облегчение или ужас.

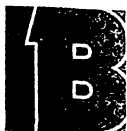
Конкретно сейчас тебе лучше вообще об этом не думать — еще рано паниковать, как впрочем, и радоваться. Тоже рано.

Его мысль, Каролинин голос, хороший совет.

Ральф запер квартиру и пошел в «Клуб старперов с Харрисавеню» в надежде встретить кого-нибудь и сыграть в шахматы.

Глава 7

1

Второго октября, когда Ральф возвращался домой после похода в букинистический магазинчик «Старые страницы», где он приобрел пару старых вестернов Элмера Келтона, он увидел, что кто-то сидит у него на крыльце, тоже с книгой в руках. Однако гость не читал, а просто наблюдал за тем, как теплый ветерок срывает желтые и золотистые листья с дубов и трех еще сохранившихся вязов, что росли через дорогу.

Подойдя поближе, Ральф разглядел реденькие седые волосы на голове у мужчины, сидевшего на крыльце, и грушевидную фигуру, как будто стекавшую вниз к животу, бедрам и ягодицам. Все это вместе: тучное пузо с массивным сидалишем, тощая шея, впалая грудь и тонкие ноги, обтянутые старыми зелеными фланелевыми штанами, — создавало впечатление, что он прячет под одеждой автомобильную камеру. Ральф узнал этого человека даже с расстояния в сто пятьдесят ярдов. Это был Дорранс Марстеллар.

Ральф прошел весь остаток пути, тяжело вздыхая. Дорранс, казалось, был зачарован падающими листьями и даже не взглянул на Ральфа, пока его тень не легла на тротуар перед самым крыльцом. И только тогда он повернулся, вытянул шею и улыбнулся своей почему-то всегда беззащитной и мягкой улыбкой.

Фэй Чапин, Дон Визи и еще кое-кто из стариков — завсегдаев площадки для пикников возле аэропорта (когда закончится бабье лето и станет холодно, они переместятся в «Империю бильярда» на Джексон-стрит) относились к этой улыбке как к лишнему доказательству, что старина Дор — с книжками стихов или без оных — окончательно выжил из ума. Дон Визи, никогда не претендовавший на титул «Мистер чувствительность», взял в привычку называть Дорранса «предводителем

всех дебилов», а Фэй однажды сказал Ральфу, что он, Фэй, вовсе не удивляется, что Доррансу уже далеко за девяносто. «Люди, у которых в голове пусто, всегда живут долго, дольше всех остальных, — пояснил он тогда. — Они ни о чем не беспокоятся, им всегда хорошо. И поэтому у них нормальное давление и все в порядке с сердцем. Так чего бы не жить сто лет?!»

У Ральфа, однако, было на этот счет свое мнение. Эта ласковая беспечность в улыбке Дорранса вовсе не делала его похожим на идиота. В этой улыбке было что-то неземное и в то же время по-человечески знающее, как будто Дорранс знал что-то такое, о чем не подозревали все остальные... Ральфу всегда казалось, что Дорранс чем-то похож на Мерлина из маленького провинциального городка. И тем не менее сегодня он мог бы и обойтись без визита Дорранса; он поставил новый рекорд — проснулся в 1.58 ночи — и поэтому был совершенно измотан. Сейчас ему хотелось только одного: посидеть в гостиной, попить кофе и попробовать почитать один из вестернов, которые он купил в букинистическом. А попозже он, может быть, попробует вздремнуть.

— Привет, — сказал Дорранс. Ральф пригляделся к книжке в руках у Дора. Издание в мягкой обложке. «Кладбищенские ночи» некоего Стивена Добинса.

— Привет, Дор, — сказал Ральф. — Хорошая книжка?

Дорранс рассеянно поглядел на книгу, как будто вообще забыл о ее существовании, потом улыбнулся и кивнул:

— Да, очень хорошая. Он пишет стихи, как будто истории. Мне не всегда это нравится, но иногда очень даже нравится.

— Это хорошо. Слушай, Дор, я очень рад тебя видеть, конечно, но я поднимался вверх по холму, пешком, и чертовски устал, поэтому, может, мы поговорим в другой...

— А, все в порядке. — Дорранс поднялся с кресла. Вокруг него витал странный запах корицы. Ральфу вспомнились египетские мумии, огороженные красными бархатными тросами в полутемных музеях. Лицо у Дорранса было почти без морщин,

если не считать мелких «гусиных лапок» вокруг глаз, и тем не менее его возраст сразу бросался в глаза (и это немного пугало); его голубые глаза выцвели до водянистого серого цвета апрельского неба, а кожа была полупрозрачной, как у ребенка. Его вялые губы были почти лиловыми. Он говорил, слегка прищипывая. — Все нормально. Я не в гости пришел, у меня для тебя сообщение.

— Какое еще сообщение? От кого?

— Я не знаю, от кого оно, — сказал Дорранс и посмотрел на Ральфа так, как будто он был уверен, что Ральф либо и вправду дурак, либо умело прикидывается дураком. — Я не вмешиваюсь в дела долгосрочников. Я и тебе говорил, чтобы ты не вмешивался, неужели не помнишь?

Ральф что-то такое помнил, но очень смутно. И ему было все равно. Он устал, и сегодня ему уже пришлось выслушать очередную порцию нудных проповедей на тему Съюзан Дей от Хэма Давенпорта. И ему совсем не хотелось обсуждать эту тему по новой с Доррансом Марстелларом, и любую другую тему тоже, пусть даже это субботнее утро выдалось на удивление ясным и солнечным.

— Ну хорошо, тогда просто передай мне сообщение, — сказал он, — и я пойду к себе. Как тебе такой вариант?

— А, да, хорошо, разумеется. — Дорранс вдруг замолчал, глядя на желтые листья, которые очередной порыв ветра сорвал с вязов через дорогу и разметал по чистому осеннему небу. Его блеклые глаза широко распахнулись, и это напомнило Ральфу Натали — как она смотрела на серо-голубые следы от его пальцев в воздухе, как она смотрела на окруженные зеленым туманом цветы. Ральф вспомнил, что он не раз наблюдал, как Дорранс часами смотрит на самолеты, которые взлетают и садятся в аэропорту.

— Дор, — напомнил он о себе.

Ресницы Дорранса дрогнули.

— Ах, ну да... Сообщение! Сообщение... — Он нахмурил брови и уставился на книжку, которую теперь теребил в руках. По-

том его лицо прояснилось, и он снова взглянул на Ральфа. — Сообщение такое: «Отмени встречу».

Теперь пришла очередь Ральфа нахмуриться.

— Какую встречу?

— Тебе не надо было вмешиваться, — задумчиво повторил Дорранс, а потом вздохнул. — Но теперь уже поздно. Сделанного не воротишь. Просто отмени встречу. Не позволяй этому парню тыкать в тебя булавками.

Ральф уже направлялся к крыльцу, но теперь резко развернулся и уставился на Дорранса.

— Хонг? Ты говоришь о Хонге?

— А откуда мне знать? — раздраженно рявкнул Дорранс. — Я в их дела не вмешиваюсь, я же тебе говорил. Я просто передаю сообщения, вот как сейчас. Я должен был передать тебе, чтобы ты отменил встречу с этим булавковтыкателем, и я это сделал. А все остальное — уже твое дело.

Дорранс снова уставился на деревья через дорогу, на его странно гладком, без единой морщинки, лице застыло выражение, близкое к восторгу. Сильный осенний ветер трепал его волосы, как вода треплет водоросли. Когда Ральф дотронулся до его плеча, он охотно повернулся, и Ральф вдруг понял, что то, что Фэй Чапин и все остальные считали непробиваемым дебилизмом, вполне могло быть просто радостью. И если это действительно так, то такая ошибка характеризовала скорее их, а не Дора.

— Дорранс?

— Что, Ральф?

— Это сообщение... Оно от кого?

Дорранс задумался — или только сделал вид, что задумался, — а потом протянул Ральфу «Кладбищенские ночи»:

— Вот, возьми.

— Не надо, спасибо. Я не очень люблю поэзию, Дор.

— Тебе понравится. Эти стихи, они как истории...

Ральф с трудом подавил в себе желание схватить старика за шкирку и трясти его до тех пор, пока его кости не застучат, как кастаньеты.

— Я сегодня купил себе какое-то чтиво в «Старых страницах». Сейчас меня интересует другое: кто попросил тебя передать мне это сообщение...

С неожиданной силой Дорранс всунул книгу Ральфу в правую — свободную — руку (в левой он держал вестерны).

— Одно из них начинается так: «Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть сделать что-то еще».

И прежде чем Ральф успел хоть что-то сказать, старина Дор развернулся и побрел через газон к тротуару. Он повернул налево и пошел в направлении шоссе, запрокинув голову и мечтательно глядя в холодное голубое небо, по которому летели желтые осенние листья — быстро-быстро, как будто спешили на свидание, назначенное где-то за горизонтом.

— Дорранс, — крикнул Ральф ему вслед. Он вдруг разозлился. На крыльце «Красного яблока» Сьюзан сметала упавшие листья с порога. Услышав крик Ральфа, она замерла и с любопытством глянула на него. Чувствуя себя дураком — и еще очень старым, — Ральф изобразил что-то похожее на радостную дружелюбную улыбку, по крайней мере он очень надеялся, что похожее, и помахал Сью рукой. Она помахала в ответ и продолжила подметать. Дорранс тем временем отошел еще дальше — почти на полквартала.

Ральф решил: пусть идет.

Он поднялся на крыльцо, переложил книгу, которую дал ему Дорранс, в левую руку, чтобы можно было достать ключи, и только потом увидел, что можно было и не беспокоиться — дверь была незаперта. Мало того, она была приоткрыта. Ральф неоднократно пытался ругать Макговерна за то, что он всегда забывал запираť дверь на замок, и одно время ему казалось, что его выговоры наконец возымели действие. Но, судя по всему, Макговерн опять взялся за старое.

— Черт подери, Билл, — буркнул он себе под нос, входя в сумрачную прихожую и нервно глядя наверх. Было так про-

сто представить себе Эда Дипно, затаившегося там, наверху, при свете дня или без оно́го. Но не мог же он целый день торчать тут, в прихожей. Ральф запер дверь и пошел вверх по лестнице.

Разумеется, страх оказался напрасным. Один раз Ральфу почудилось, что кто-то стоит в дальнем углу гостиной, но это был всего-навсего его старый пиджак. Он сам повесил его на вешалку, вместо того чтобы повесить на стул или положить на диван, — повесил и забыл, так что неудивительно, что ему что-то там примерещилось.

Он пошел на кухню и задумчиво уставился на календарь. Понедельник был обведен кружком, а внутри круга было написано: «Хонг — 10.00».

Я должен был передать тебе, чтобы ты отменил встречу с этим булавковтыкателем, и я это сделал. А все остальное — уже твое дело.

На мгновение Ральфу показалось, что он смотрит на свою жизнь как бы со стороны и видит не повседневные детали, из которых обычно и складывается жизнь человека, а общую схему — фреску, намалеванную на стене. И даже не всю жизнь, а самый последний отрезок. И то, что он видел, его испугало: дорога, ведущая в темный тоннель, где его могло ожидать все что угодно. Все что угодно.

Тогда поверни назад, Ральф.

Но ему казалось, что повернуть уже невозможно. Ему казалось, что ему придется пройти до конца, хочет он того или нет. Как будто его вели... нет, не вели, а скорее подталкивали вперед чьи-то невидимые, но очень сильные руки.

— Не бери в голову, — пробормотал он, нервно растирая пальцами виски и тупо глядя на обведенную дату. До назначенной встречи оставалось два дня. — Это все из-за бессонницы. Из-за нее начинаются...

Начинаются что?

— Всякие странности, — сказал он пустой квартире. — Всякие жуткие странности.

Да, в последнее время с ним происходит немало странно-стей. И самое странное из всего — это ауры, которые он периодически видит. Холодный серый свет — он выглядел как иней — вокруг человека с газетой в кафе. Мать и сын идут в супермаркет, и ауры поднимаются от их рук и сплетаются в косичку. Элен и Нат в облаках цвета слоновой кости. Натали ловит следы его пальцев, призрачные линии, которые видят только она и Ральф.

А теперь еще старина Дор, появившийся у него на крыльце, как какой-то пророк из Ветхого Завета... только вместо того чтобы призывать к раскаянию, Дор посоветовал отменить встречу с акупунктуристом, которого порекомендовал ему Джо Вайзер. Это, наверное, должно было быть забавно, но почему-то забавно не было.

Вход в черный тоннель. С каждым днем он все ближе и ближе. А тоннель ли это вообще? И если тоннель, то куда он ведет?

И самое главное, что может ждать меня в этом тоннеле, подумал Ральф. *Там, в темноте.*

Тебе не надо было вмешиваться, сказал Дорранс. *Но сейчас уже поздно.*

— Сделанного не воротишь, — пробормотал Ральф и вдруг решил, что ему очень не нравится смотреть на свою жизнь вот таким вот образом, как бы издалека. Лучше снова приблизиться и различить детали — так с ними легче разбираться. И начать надо с визита к врачу. Как поступить? Все-таки пойти к Хонгу или воспользоваться советом Дорранса, этой доморощенной Тени отца Гамлета?

Вообще-то над этим вопросом даже задумываться не стоило. Ральф уже все решил. Джо специально звонил и просил секретаря Хонга найти для него время в плотном графике доктора, и Ральф должен пойти. Если из этой дремучей чащи есть выход, то он скорее всего заключается в том, чтобы нормально спать по ночам. Стало быть, надо идти на прием к Хонгу.

— Сделанного не воротишь, — повторил он и пошел в гостиную, чтобы почитать вестерн.

Но вместо вестерна он почему-то взял книгу стихов, которую всучил ему Дорранс. «Кладбищенские ночи» Стивена Добинса. Дорранс был прав, большинство стихов действительно были больше похожи на истории, и Ральф с удивлением обнаружил, что они ему нравятся. Стихотворение, которое цитировал ему Дорранс, называлось «Погоня», и начиналось оно так:

Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть
сделать что-то еще. Так проходит вся жизнь —
потoki машин, несущихся мимо, и готический храм,
бесконечно стремящийся в небо.
В окнах моей набирающей скорость машины я вижу,
как все, что я люблю, уносится прочь: непрочитанные книги,
несказанные шутки, и места, где я не был...

Ральф прочел это стихотворение дважды, совершенно очарованный, и подумал, что надо было прочитать его Каролине. Каролине оно понравится, и это очень хорошо, но еще больше ей понравится то, что он (который обычно читает только вестерны и исторические романы) нашел это стихотворение и принес ей в подарок, как букет цветов. Он уже начал искать листочек, чтобы заложить страницу, но потом вспомнил, что Каролина умерла полгода назад, и заплакал. Он сидел в кресле-качалке, сжимая в руках «Кладбищенские ночи», и вытирал слезы рукавом. В конце концов он пошел в спальню, лег и попытался заснуть. Он целый час пялился в потолок, потом встал, сделал себе кофе и включил телевизор. Там шел какой-то футбол.

По воскресеньям Публичная библиотека была открыта с часу до шести, и Ральф пошел туда скорее всего потому, что просто не знал, чем еще заняться. По воскресеньям в читальном зале обычно собирались несколько таких же старых бездельников, как и он сам, и большинство из них читали воскресные газеты — теперь у них было время читать воскресные газеты; куча времени, — но когда Ральф наконец отвернулся от по-

лок, которые изучал минут сорок, он обнаружил, что сегодня он тут один. Вчерашнее ясное небо сменилось моросящим дождем, который прибил опавшие листья к земле или спустил их по мутным потокам в канализацию. Сегодня тоже был ветер — но северный, холодный и резкий. Все старые приятели Ральфа, у которых осталась хоть капля здравого смысла (или везения), сидели по домам, где было тепло, и смотрели бейсбол по телику, очередную игру «Ред Сокс», или, может, играли с внуками, или тихонько клевали носом за столом с воскресным обедом с печеной курицей.

Ральф, с другой стороны, не был болельщиком «Ред Сокс», у него не было ни внуков, ни правнуков, и дремать он, кажется, тоже уже не мог. Поэтому он сел на автобус и доехал до библиотеки, жалея лишь об одном: что он вышел в одном пиджаке, а не надел что-нибудь потеплее. Тем более что в читальном зале было просто-напросто холодно. И темно. Камин не горел, отопление еще не включили. По случаю воскресенья библиотекарь не стал включать верхний свет. А тусклый свет, проникавший с улицы, тут же растворялся в окружающем сумраке, и по углам прятались тени. Лесорубы, солдаты, барабанщики и индейцы на старых картинах на стенах были похожи на злобных призраков. По окнам колотил холодный дождь.

«И чего мне дома не сиделось?» — подумал Ральф, но это вовсе не значило, что он пожалел о том, что не остался дома. В такие унылые дни дома было только хуже. Кроме того, он нашел новую интересную книгу: «Структура сна» некоего Джеймса Холла. Ральф включил свет, от чего в зале стало чуть менее мрачно, уселся за один из длинных пустых столов и погружился в чтение.

До того, как ученые установили, что REM-стадия и НРЕМ-стадия сна являются отличными друг от друга состояниями (писал Холл), изыскания в области расстройства или полного отсутствия одной из определенных стадий сна натолкнули

Дементы на гипотезу (1960), что такое отсутствие или расстройство сна... вызывает расстройство памяти и вообще полную дезорганизацию у бодрствующего человека.

Вот тут ты прав, парень, подумал Ральф. Даже пакетика с супом и то не найдешь, когда нужно.

...также ранние научные изыскания по изучению нарушения цикла сна породили одну интересную гипотезу — не является ли шизофрения расстройством, при котором нарушение цикла сна ведет к прорыву процесса сна в сознательную реальную жизнь.

Ральф склонился над книгой, положил локти на стол, сжал руками виски, наморщил лоб и нахмурил брови — он пытался сосредоточиться. Он подумал, что, может быть, Холл писал об аурах, даже не зная об их существовании. Загвоздка лишь в том, что ему по-прежнему снились сны — в большинстве своем очень яркие и запоминающиеся. Пройшей ночью ему приснилось, что он танцует с Луизой Чесс в старом городском танцевальном павильоне (которого уже не было — восемь лет назад он был разрушен бурей, которая смела почти всю нижнюю часть города). Кажется, он собирался сделать ей предложение, но тут пришел Триггер Ва-шон и попытался ему помешать.

Ральф протер кулаками глаза, пытаясь сосредоточиться на книге. Он не увидел мужчину в сером мешковатом свитере, который возник в дверях читального зала и встал там, молча наблюдая за ним. Потом мужчина запустил руку под свитер (на котором был изображен мультишный пес Друппи в дурацких очках) и вытащил из чехла, висящего на ремне, охотничий нож. Когда он повернулся, свет отразился от клинка, скользя по лезвию. Потом он подошел к столу, за которым сидел Ральф, и сел у него за спиной. Ральф заметил, что кто-то пришел, но он был слишком поглощен чтением.

Допустимое отклонение от нормального сна зачастую зависит от возраста объекта. Более молодые люди начинают беспокоиться раньше, и их реакции на расстройство сна скорее физические, нежели психические, тогда как у людей пожилых...

Кто-то легонько тронул Ральфа за плечо, оторвав его от книги.

— Мне интересно, как они выглядят? — прошептал ему на ухо иступленный голос, слова вязли в запахе бекона, жареного на смеси чеснока и прогорклого масла. — Я имею в виду, твои кишки. Мне интересно, как они будут выглядеть, когда я выпущу их и размажу по полу. Как ты думаешь, безбожный Центурион-детоубийца? Как ты думаешь, они будут желтые, красные, черные или какие?

Что-то твердое и острое прижалось к левому боку Ральфа и начало медленно опускаться к ребрам.

— Я весь в нетерпении, очень уж мне интересно, — прошептал тот же безумный голос. — Мне правда не терпится.

4

Ральф очень медленно повернул голову, явственно услышав, как хрустнули шейные позвонки. Он не знал, как звали этого человека с плохим дыханием — человека, который пытался воткнуть ему в бок что-то острое, надо думать, нож, — но он сразу его узнал. Помогли очки в роговой оправе, но решающим фактором были седые всклокоченные волосы, которые почему-то ассоциировались у Ральфа с Доном Кингом и Альбертом Эйнштейном. Это был тот самый мужчина, который стоял рядом с Эдом на заднем плане той фотографии в газете, где Хэм Давенпорт поднимал к небу кулак в торжествующем жесте победы, а у Дэна Далтона на голове вместо шляпы был надет плакат «ВЫБОР, А НЕ СТРАХ». Ральф видел этого парня в одном из телерепортажей об очередной демонстрации возле Женского центра. Еще одно перекошенное лицо, еще

один размахивающий плакатом фанатик, еще один копье-носец, человек из толпы. Только на этот раз безымянный человек из толпы, похоже, собрался его убить.

— Так что ты думаешь? — повторил мужчина в свитере с Друппи, он не говорил, а иступленно шептал. И звук его голоса пугал Ральфа куда больше, чем лезвие, прижатое к левому боку. Оно скользило по пиджаку, как будто мужчина пытался найти самые уязвимые органы: легкие, сердце, почки, кишечник. — Какого цвета?

Ральфа уже тошнило от кошмарного запаха изо рта потенциального убийцы, но он боялся дернуть головой или отвернуться — боялся, что любое его движение приведет к тому, что нож перестанет скользить по боку и просто воткнется в тело. Темные глаза безумного человека плавали за толстыми стеклами очков в роговой оправе, как две странные снулые рыбы. В них был какой-то непонятный испуг и полная отрешенность. Это были глаза человека, который видит знамения в небесах и по ночам слышит призрачные голоса из сортира.

— Я не знаю, — сказал Ральф. — И вообще я понятия не имею, почему ты пытаешься меня убить. — Он быстро огляделся по сторонам, стараясь не поворачивать голову, но читальный зал был по-прежнему пуст. Снаружи завывал ветер, и дождь дробно стучал в стекло.

— Да потому что ты гребаный Центурион! — прошипел седой мужчина. — Гребаный детоубийца! Ты крадешь еще нерожденных детей, эмбрионы! И продаешь их по бешеным ценам! Я все про тебя знаю.

Ральф медленно опустил правую руку. Он был правой, и всякая ерунда, которая набиралась за день, скапливалась именно в правом кармане. Карманы в этом пиджаке были большие и плоские, но Ральф боялся, что даже если ему и удастся незаметно засунуть руку в карман, самое опасное, что там найдется, — это какой-нибудь смятый фантик. Он сомневался, что там есть хотя бы кусачки для ногтей.

— Это тебе Эд Дипно сказал, да? — спросил Ральф и почувствовал, как нож ткнулся ему в бок, под самые ребра.

— Не произноси это имя, — прошептал человек в свитере с Друппи. — Никогда не произноси его имя! Похититель детей! Трусливый убийца! Центурион! — Он опять ткнул ножом Ральфу в бок, и на этот раз ему было действительно больно. Порез — не порез, но вполне ощутимый синяк там останется. Впрочем, это будет не так уж и плохо, если он отделается только синяком: это будет большой удачей.

— Хорошо, — сказал он. — Я не буду произносить его имя.

— Скажи, что ты сожалеешь! — прошипел человек в свитере, снова тыча ему в бок ножом. На этот раз нож проткнул рубашку, и Ральф почувствовал, как тонкая струйка крови потекла по боку. А что, интересно, сейчас под ножом? — подумал он. Желудок? Желчный пузырь? Что там, слева?

Он либо не помнил, либо не хотел вспоминать. Зато ему вдруг вспомнилась одна картина, которая попыталась полностью завладеть его сознанием, заглушая любые разумные мысли и доводы: мертвый олень, подвешенный вниз головой около магазина в каком-то захолустном городке во время охотничьего сезона. Остекленевшие глаза, свесившийся язык и темная длинная щель там, где человек с ножом — с ножом таким же, как этот — вспорол оленю живот и выпотрошил его, оставив лишь голову, мясо и шкуру.

— Я сожалею. — Голос у Ральфа уже дрожал. — Правда.

— Да, конечно! Тебе должно быть стыдно, но тебе не стыдно! Ни капли не стыдно!

Еще один укол ножом. Яркая вспышка боли. Еще одна струйка крови, стекающая по боку. И неожиданно комната стала ярче, как будто бы две или даже три съемочные группы с центральных каналов, которые появились в Дерри, когда здесь начались активные выступления против абортот, вдруг набегали сюда все вместе и включили прожекторы на своих камерах. Но, разумеется, никаких камер не было; свет шел из него самого.

Ральф повернулся к человеку с ножом — человеку, который сейчас втыкал нож ему в бок — и увидел, что он окружен зыбкой черно-зеленой аурой, которая рождала ассоциации с

тем тусклым свечением, которое иногда наблюдается ночью в болотистых лесах. Ауру пронзали абсолютно черные линии, похожие на шипы. Ральф смотрел на ауру напавшего на него человека с тревогой и страхом, почти не чувствуя лезвия ножа, которое уже вошло ему в бок на несколько миллиметров. Он осознавал, что из раны течет кровь, но как-то смутно, словно издалека.

Он псих, и он действительно собирается меня убить; это не просто треп. Он пока еще не совсем готов, он еще недостаточно себя накрутил, но еще немного — и он созреет. И если я попытаюсь бежать — если я хоть на дюйм отодвинусь от этого чертова ножа, которым он тычет мне в бок, — он доведет начатое до конца. Мне кажется, он и надеется, что я попытаюсь сдвинуться с места... тогда он сможет себя убедить, что это я его спровоцировал, что я сам виноват.

— Ты и такие, как ты, Господи Боже, — выдохнул человек с копной седых волос. — Мы все про вас знаем.

Ральф наконец дотянулся до кармана... и что-то нащупал рукой сквозь ткань. Какую-то довольно большую штуковину. Он понятия не имел, что это такое, и не помнил, чтобы он клал это в карман. Впрочем, чему удивляться? Если ты не можешь вспомнить последние цифры телефона кинотеатра, куда звонишь постоянно — 1317 или 1713, — то надо быть готовым ко всему.

— Вы... такие, как вы, Боже мой, — продолжал седой человек. — О Боже, о Боже, о Боже. — И на этот раз ощущения у Ральфа были очень даже четкими: нож снова воткнулся в бок, и боль растеклась ручейками вверх по груди и до самой шеи. Он застонал и прижал к правому боку ту непонятную штуку, которая неожиданно обнаружилась в правом кармане.

— Не кричи, — прошептал человек тихим, но по-прежнему исступленным голосом. — Ворона старая, ты же не сделаешь этого, правда? Ты же не будешь кричать? — Он уставился в лицо Ральфу. Толстые линзы его очков так увеличивали глаза, что хлопья перхоти у него на ресницах смотрелись почти как хрусталь. Ральф видел ауру этого человека

даже в его глазах — она скользила по зрачкам, как зеленый дым по черной воде. Змеевидные линии, проходящие сквозь зеленое марево, стали шире и начали сплетаться друг с другом. И Ральф вдруг понял, что, когда нож до конца войдет в его тело, какая-то часть этого человека — та, которую обозначали эти черные полосы — завладеет им целиком. Зеленая — параноя и смятение; черная — что-то совсем другое. Что-то (извне) более опасное и зловещее.

— Нет, — выдохнул он. — Я не буду кричать.

— Хорошо. Ты знаешь, я чувствую твое сердце, вот прямо сейчас. Его стук передается по рукоятке ножа прямо мне в руку. Знаешь, оно бьется так быстро... — Рот человека расплылся в глупой улыбке. В уголках губ блестела слюна. — А может быть, ты откинешься сам, ну, например, от сердечного приступа, и мне не придется тебя убивать, руки пачкать? — Очередная волна зловонного дыхания накрыла Ральфа. — Ты такой старый, тебе пора бы давно дать дуба.

Теперь кровь стекала по боку двумя или даже тремя струйками. Боль от ножа, упершегося в бок, сводила с ума. Как жало огромной пчелы.

Или иголка, подумал Ральф, и ему вдруг стало смешно, несмотря на напряжение... а может, как раз из-за этого напряжения. Вот уж действительно акупунктурист — Джеймс Рой Хонг отдыхает.

И у меня не было никакой возможности отменить эту встречу, подумалось Ральфу. А потом он подумал, что такие бесноватые ребята, как этот товарищ в свитере с Друппи, не принимают отказов. У них есть свои собственные планы, и они заклиниваются на них и идут до конца, а там — хоть потоп.

Что бы там ни случилось дальше, Ральф знал одно: он больше не в силах терпеть этот чертов нож, впивающийся ему в тело. Он приоткрыл карман пиджака и засунул туда руку. И понял, что там, в ту же секунду, когда дотронулся до этой штуки: газовый баллончик, который оставила ему Гретхен. Маленький подарок от всех благодарных друзей из Женского центра, сказала она.

Ральф понятия не имел, как баллончик попал в карман пиджака, ведь он положил его на кухонный шкаф, но это уже не имело значения. Он сжал баллончик в руке и ногтем снял крышку. Он ни на мгновение не отрывал взгляда от дергающегося, испуганного и возбужденного лица человека с растрепанными волосами.

— Я кое-что знаю, — сказал Ральф. — И если ты обещаешь не убивать меня, я и тебе скажу.

— Что? — спросил человек с растрепанными волосами. — Бля, да что ты вообще можешь знать, скунс вонючий?

Что может знать старый вонючий скунс типа меня? — спросил себя Ральф, и ответ пришел сразу, появился в сознании, как три выигрышные семерки в окошке игрового автомата. Он заставил себя наклониться к кошмарной зеленой массе, окунулся в облако отвратительной вони, исходившей из рта этого человека, и одновременно достал из кармана баллончик, сжал его в руке и положил указательный палец на кнопку.

— Я знаю, кто такой Кровавый Царь, — сказал он.

Взгляд за грязными толстыми стеклами очков в роговой оправе был не просто удивленным, он был совершенно ошеломленным — и человек с растрепанными волосами слегка отшатнулся. Ральф подобрался. Это был его шанс — скорее всего единственный шанс, — и он им воспользовался: наклонился вправо и соскользнул со стула на пол. Он ударился затылком о плитку, которой был выложен пол, но боль показалась ему очень далекой, и он предпочел ее не замечать, к тому же по сравнению с болью от ударов ножом она была просто ничтожной.

Человек с растрепанными волосами пронзительно закричал — в его крике явственно слышалась смесь ярости и смирения, как будто такие повороты судьбы стали для него уже привычными. Он перегнулся через стул, на котором минутой раньше сидел Ральф; его перекошенное лицо нависло над Ральфом, глаза были похожи на двух странных мерцающих рыб, живущих в самых глубинах моря. Ральф поднял баллончик, и только тогда до него дошло, что он не проверил, в какую сторону тот направлен —

вполне могло получиться, что сейчас он залепит себе в лицо не-слабую порцию «Телохранителя».

Но у него уже не было времени об этом думать, да и что-то менять было уже поздно.

Он нажал на кнопку в тот момент, когда человек с растрепанными волосами занес над ним нож. Его лицо покрылось мелкими прозрачными капельками, очень похожими на капли из аэрозоля с освежителем воздуха — сосновый аромат, который стоял у Ральфа в туалете. Стекла очков запотели.

Результат был мгновенным, и Ральф не мог желать большего. Человек с растрепанными волосами закричал от боли, выронил нож (он упал Ральфу на правое колено) и схватился за лицо, сбивая очки. Они упали на стол. В то же время его полупрозрачная и какая-то маслянистая аура на миг осветилась ярко-красной вспышкой и исчезла — во всяком случае, Ральф ее больше не видел.

— Я ослеп, — закричал человек тонким пронзительным голосом. — Я ослеп, я ослеп.

— Нет, — сказал Ральф, с трудом поднимаясь на ноги. — Ты просто...

Человек с растрепанными волосами опять закричал и упал на пол. Он катался по полу, закрыв лицо руками, как маленький ребенок, которому защемило руку дверью. Сквозь растопыренные пальцы Ральф видел его щеки; они стали ярко-красными.

Ральф сказал себе, что надо бы выбираться отсюда, пока этот парень не пришел в себя, он ненормальный и опасный, как взбешенная кобра, но он был слишком испуган и смущен тем, что сделал, для того чтобы воспользоваться этим воистину мудрым советом. Мысль о том, что это был единственный способ спасти свою жизнь, казалась какой-то далекой и нереальной. Он наклонился и тронул мужчину за локоть. Но псих откатился в сторону и принялся стучать ногами по полу, как капризный ребенок.

— Ах ты сукин сын! — выкрикнул он. — Ты в меня чем-то выстрелил! — А потом совсем невероятную вещь: — Я тебя по судам затаскаю!

— Но для начала тебе придется объяснить, откуда у тебя нож и зачем ты им тыкал в меня, — сказал Ральф. Он потянулся было за ножом, который лежал на полу, но потом передумал. Лучше не оставлять на ноже своих отпечатков пальцев. Когда он выпрямился, у него вдруг закружилась голова, и стук дождя за окном стал каким-то глухим и далеким. Ральф оттолкнул нож подальше, потом поднялся на ноги — ему пришлось вцепиться обеими руками в спинку стула, чтобы не упасть. В голове прояснилось. Он слышал чьи-то приближающиеся шаги и бормочущие голоса.

Ага, вот теперь вы пришли, устало подумал Ральф. Очень вовремя. А где вы были три минуты назад, когда этот парень собирался проткнуть мне легкое, как воздушный шарик.

В дверях читального зала появился Майк Хэнлон — стройный молодой мужчина, который выглядел лет на тридцать, несмотря на седые волосы. У него за спиной совсем молоденький паренек, наверное, помощник Майка, а у него за спиной маячили еще четверо-пятеро зевак, очевидно, посетители из других залов.

— Мистер Робертс! — воскликнул Майк — Господи, вы ранены?

— Я в порядке, а вот ему действительно нехорошо, — сказал Ральф, указав глазами на человека, все еще катавшегося по полу. А потом он взглянул на себя и понял, что с ним все совсем не в порядке. Пиджак распахнулся, и стало видно, что на рубашке слева расплылось большое красное пятно, по форме напоминающее слезу. Оно начиналось под мышкой и кончалось у самого пояса. — Вот дерьмо, — тихо проговорил он и сел на стул. При этом он случайно толкнул локтем очки в роговой оправе, и они отлетели на дальний край стола. Капельки, осевшие на стеклах, были похожи на бельма, затянутые катарактой.

— Он выстрелил в меня кислотой! — завопил человек на полу. — Я ничего не вижу, у меня слезает кожа! Я чувствую, как она слезает!

Майк мельком взглянул на человека на полу, потом сел на стул рядом с Ральфом.

— Что случилось?

— Это была никакая не кислота. — Ральф показал Майку баллончик с «Телохранителем» и поставил его на стол рядом книгой. — Женщина, которая мне его дала, сказала, что это не очень сильный газ. От него просто щиплет глаза и тошнит...

— Да мне плевать, что там с ним, — нетерпеливо перебил его Майк. — Если у него хватает сил так орать, то скорее всего в ближайшие три минуты он не умрет. Я за вас беспокоюсь, мистер Робертс. Он глубоко вас пырнул?

— Ну, если честно, он меня даже не ранил, — сказал Ральф. — Просто кольнул пару раз. Вот этим ножом. — Он показал на нож, так и лежащий на полу. При взгляде на окровавленное лезвие ему снова стало нехорошо. Как будто по нему проехался поезд из мягких подушек. Конечно, сравнение дурацкое, но Ральф сейчас не был предрасположен к красивым метафорам.

Помощник библиотекаря опасливо покосился на человека на полу.

— Ого, — сказал он. — Да мы его знаем, Майк... это Чарли Пикеринг.

— Тудыть твою налево, — сказал Майк — Но почему-то я не удивлен, вот с чего бы это? — Он посмотрел на паренька и вздохнул. — Позвони-ка в полицию, Джастин. Похоже, у нас тут ЧП.

5

— У меня будут какие-то неприятности за применение этой штуки? — спросил Ральф, указав глазами на один из закрытых пластиковых пакетов на захламленном столе в кабинете Майка Хэнлона, на котором была наклеена желтая карточка: **ВЕЩЕСТВЕННОЕ ДОКАЗАТЕЛЬСТВО** Баллончик с газом, ДАТА 10.03.93 и МЕСТО Публичная библиотека Дегри.

— Ну, далеко не такие крупные, как у старины Чарли за применение вот этого, — сказал Джон Лейдекер и показал на другой пакет. Там лежал охотничий нож; кровь на лезвии уже застыла и стала темно-бордового цвета. Сегодня на Лейдекере был широкий футбольный свитер с надписью «Университет Мэна», и из-за этого он казался вообще огромным амбалом. — В больших городах, может быть, по-другому, но мы в провинции держимся мнения, что каждый имеет право на допустимую самооборону. Но вслух мы об этом не говорим — это все равно как публично признаться, что ты веришь в то, что земля плоская.

Майк Хэнлон, который стоял в дверях, рассмеялся.

Ральф очень надеялся, что облегчение, которое он испытал, не очень сильно отразилось у него на лице. Все время, пока ребята из «скорой помощи» (кажется, те самые парни, которые в августе отвозили Элен Дипно в больницу) обрабатывали его рану — сначала сфотографировали, потом продезинфицировали и, наконец, перевязали, — он сидел, стиснув зубы, и думал о том, что суд наверняка приговорит его к шести месяцам тюрьмы за нападение на человека с применением почти что смертельного оружия. Надеемся, мистер Робертс, это послужит хорошим уроком и предупреждением всем старым пердунам в нашем округе, которые думают, будто бы им позволено безнаказанно таскать с собой баллончики с нервно-паралитическим газом.

Лейдекер еще раз взглянул на шесть полароидных фотографий, разложенных на столе вдоль клавиатуры компьютера Хэнлона. Румяный медик из «скорой» взял себе второй экземпляр первых трех фотографий, прежде чем приступить к «штопке» Ральфа. На снимках было изображено маленькое темное пятнышко — похоже на большую точку, нарисованную ребенком — на боку у Ральфа. Второй набор фотографий врачи тоже забрали с собой, и Ральфу еще пришлось ставить подпись в какой-то бумаге, где было написано, что ему, Ральфу Робертсу, предложили медицинскую помощь, а он от нее отказался. На этой группе снимков был зафиксирован небольшой синяк, который,

вне всяких сомнений, в ближайшее время превратится в огромный внушительный кровоподтек.

— Господи благослови Эдвина Лэнда и Ричарда Полароида, — сказал Лейдекер и сложил фотографии в очередной пластиковый пакет для вещественных доказательств.

— Не думаю, что Ричард Полароид вообще существовал в природе, — сказал Майк Хэнлон со своего места у двери.

— Может быть, но все-таки благослови его Боже на всякий случай. Любой суд присяжных, увидев эти фотографии, выдаст вам медаль за храбрость, Ральф, и никто, даже Клэрэнс Дарроу, не сможет этому помешать. — Он повернулся к Майку: — Значит, Чарли Пикеринг.

Майк кивнул:

— Чарли Пикеринг.

— На голову ебанутый.

Майк снова кивнул:

— Причем на всю.

Они торжественно переглянулись, а потом одновременно согнулись от смеха. Ральф понимал, что они сейчас чувствуют — это было смешно, потому что было ужасно, и ужасно, потому что смешно, — и ему пришлось чуть ли не до крови закусить губу, чтобы тоже не рассмеяться. Смеяться было нельзя — это будет чертовски больно.

Лейдекер извлек из кармана носовой платок, вытер глаза и заставил себя успокоиться.

— Пикеринг — он из «борцов за жизнь», да? — спросил Ральф. Он вспомнил, как выглядел этот Пикеринг, когда помощник Майка помог ему сесть. Без очков и ножа он выглядел примерно таким же опасным и злобным, как кролик в витрине зоомагазина.

— Да, — сухо проговорил Майк. — В прошлом году его задержали в гараже, который обслуживает больницу и Женский центр. У него была канистра с бензином и рюкзак с пустыми бутылками.

— И полоски ткани, не забудь, — сказал Лейдекер. — Он собирался состряпать метательные снаряды. Но тогда Чарли

еще официально не состоял в «Друзьях жизни», он был в «Хлебе насущном», тоже то еще сборище.

— И что, у него были реальные шансы поджечь здание? — полюбопытствовал Ральф.

Лейдекер пожал плечами.

— Да нет, если честно. Кто-то из их же группы в последний момент решил, что закидывать бомбами женскую клинику — это больше похоже на терроризм, чем на политическое выступление, и позвонил в полицию.

— Правильное решение, — фыркнул Майк и прижал руки к груди, видимо, чтобы удержать рвущийся наружу смех.

— Ага, — серьезно кивнул Лейдекер. Он переплел пальцы, вытянул руки вперед и громко хрустнул суставами. — И вместо того чтобы засадить Чарли в тюрьму, наш гуманный и заботливый суд отправил его на полгода в психушку, чтобы его там подлечили, а тамошние спецы, видимо, решили, что с ним все в порядке, потому что уже в июле он снова шлялся по городу, вольный, как птица.

— Угу, — согласился Майк. — Он тут у нас ошивается чуть ли не каждый день. Вроде как местная достопримечательность. И каждый идиот, который приходит в библиотеку, считает своим долгом побеседовать с ним о том, что каждая женщина, сделавшая аборт, погибнет в кипящей сере, а злостные преступники типа Сьюзан Дей будут вечно гореть в аду. Одного не могу понять, почему он к вам привязался, мистер Робертс.

— Наверное, мне просто повезло.

— С вами все в порядке, Ральф? Вы какой-то бледный.

— Я в порядке, — быстро сказал Ральф, хотя на самом деле он был далеко не в порядке. Его нешуточно мутило.

— Не знаю насчет «все в порядке», но вам действительно повезло. Повезло, что вам подарили баллончик с перцовым газом, повезло, что вы взяли его с собой, и больше всего повезло, что Чарли Пикеринг не воткнул этот нож вам в шею сразу, как только увидел вас. Вы сможете сейчас поехать в участок и дать показания?

Ральф вдруг выскочил из старого кресла Майка Хэнлона, зажал рот рукой, быстро пересек комнату и влетел в дверь, которая находилась справа, молясь про себя, чтобы это был не шкаф. Потому что если это шкаф, Майку придется долго отмывать свои калоши от наполовину переваренного сэндвича с курицей и почти свежего томатного супа.

Но это оказалась нужная комната. Ральф упал на колени перед унитазом, и его стошнило. Пикеринг постарался на славу: мышцы сначала свело, а потом они начали ныть, и эта боль была просто непереносимой.

— Я так понимаю, ответ отрицательный, — сказал Майк Хэнлон за спиной у Ральфа и положил руку ему на плечо. — Ты как? Рана не открылась?

— Кажется, нет, — сказал Ральф. Он начал было расстегивать рубашку, а потом резко прижал руку к боку, потому что его желудок снова вывернулся наизнанку. Когда все закончилось, Ральф убрал руку и посмотрел на повязку. Крови не было. — Вроде бы все в порядке.

— Хорошо, — сказал Лейдекер. Он стоял за спиной библиотекаря. — Вы как? Уже все?

— Думаю, да. — Ральф смущенно взглянул на Майка. — Прошу прощения.

— Не говорите глупостей. — Майк помог Ральфу подняться на ноги.

— Пойдемте, — сказал Лейдекер. — Я подвезу вас домой. Показания вполне подождут до завтра. А сегодня вам нужно как следует отдохнуть и выспаться.

— Выспаться нужно, — согласился Ральф. Они дошли до двери кабинета. — Может быть, вы отпустите мою руку, детектив Лейдекер? Мы же вроде не собираемся обручиться?

Лейдекер удивленно взглянул на него и отпустил его руку. Майк снова расхохотался.

— Не собираемся обручиться... Хорошо сказано, мистер Робертс.

Лейдекер улыбнулся.

— Да, вроде как не собираемся, но вы можете называть меня Джеком, если хотите. Или Джоном. Но только не Джонни. С тех пор как умерла моя мама, меня так называет только старый проф Макговерн.

Старый проф Макговерн, подумал Ральф. Странно звучит.

— Хорошо, Джон так Джон. А вы, ребята, называйте меня просто Ральф. А то «Мистер Робертс» звучит как название бродвейской пьесы с Генри Фонда в главной роли.

— Не вопрос, — сказал Майк Хэнлон. — Берегите себя.

— Я постараюсь. — Ральф вдруг резко остановился. — Слушай, Майк, я должен тебя поблагодарить — и не только за то, что ты сделал для меня сегодня.

Майк удивленно приподнял брови:

— Э?

— Да. Ты взял на работу Элен Дипно. Она мне очень дорога, и ей очень нужна работа. Поэтому большое тебе спасибо.

Майк улыбнулся и кивнул.

— Я бы принял цветы, шампанское и прочие знаки благодарности, но, если честно, это она сделала мне одолжение. У нее слишком высокая квалификация для такой работы, но, насколько я понимаю, она просто очень хотела остаться в городе.

— Да, я тоже так понимаю, и ты ей в этом помог, так что спасибо тебе еще раз.

Майк улыбнулся:

— Не за что.

6

Когда Ральф с Лейдекером уже шли к выходу, Лейдекер вдруг спросил:

— Видимо, пчелиные соты все-таки сделали свое дело, да?

Ральф сначала не понял, о чем говорит детектив — с таким же успехом тот мог бы задать вопрос на эсперанто.

— Ваша бессонница, — терпеливо пояснил Лейдекер, видя его замешательство. — Вы ее успешно преодолели, да? Да,

похоже на то. Вы выглядите в миллион раз лучше, чем в тот день, когда мы с вами познакомились.

— Просто тогда был тяжелый день, — сказал Ральф. Ему почему-то вспомнились старые шуточки Билли Кристалла насчет Фернандо, что-то типа: «Съ'ушай, да'агой, не будь ду'аком, дело не в том, как ты себя чувствуешь, главное — как ты выг'ядишь. А выг'ядишь ты ПОТЬ'ЯСАЮЩЕ!»

— А сегодня, что ли, не тяжелый? Да ладно, Ральф, это же я, Джон Лейдекер, ваш старый приятель. Мне вы можете сказать всю правду — это сотовый мед помог?

Ральф сделал вид, что задумался, а потом кивнул:

— Да, наверное, все-таки мед.

— Грандиозно! Я же вам говорил! — просиял Лейдекер, и они вышли на улицу под серый осенний дождь.

7

Когда они остановились на светофоре на вершине холма, Ральф спросил у Лейдекера, какова вероятность того, что Эда задержат как соучастника Чарли Пикеринга.

— Потому что это Эд его подговорил. Я в этом уверен. На сто процентов.

— Наверное, вы правы, — сказал Лейдекер, — но не обольщайтесь: его вряд ли задержат за соучастие. Даже если окружной прокурор будет таким же спецом, как Дэйл Кокс.

— А почему?

— Во-первых, я сомневаюсь, что нам удастся доказать, что между Эдом Дипно и Чарли Пикерингом существует какая-то связь. Во-вторых, такие ребята, как Чарли, всегда беззаветно верны своим так называемым друзьям, потому что, как правило, друзей у них очень и очень немного — их мир почти целиком состоит из врагов. И вряд ли на официальном допросе Чарли повторит хоть что-нибудь из того, что он говорил вам в библиотеке, пока пересчитывал вам ребра своим ножом. В-третьих, Эд Дипно далеко не дурак. Псих, может быть. Если

подумать, то даже еще больший псих, чем Пикеринг. Но далеко не дурак. Он будет все отрицать.

Ральф кивнул. Сказанное Лейдекером совпадало с его собственным мнением об Эде Дипно.

— Если даже Чарли и скажет, что это Дипно приказал ему выследить вас и убить — на основании того, что вы — злостный Центурион-детоубийца, — Эд лишь улыбнется и скажет, что, разумеется, бедный Чарли что-то такое сказал, и, может быть, бедный Чарли даже сам в это верит, но это еще не значит, что это правда.

Загорелся зеленый. Лейдекер выехал на перекресток и свернул на Харрис-авеню. Дворники скребли по стеклу. Строуфорд-парк выглядел как размытый мираж, сквозь мутные потоки дождя, стекающие по стеклу.

— И что мы сможем на это ответить? — продолжал Лейдекер. — Дело в том, что у Чарли Пикеринга уже достаточно большой «послужной список», свидетельствующий о его психической нестабильности. Полный набор психбольниц: Джунипер-Хилл, Больница Акадии, Институт изучения психических заболеваний Бангора... если где-то в округе есть место, где применяют шокотерапию и завязывают рукава на спине, скорее всего Чарли там уже побывал. Сейчас он зациклился на абортках... В шестидесятых он рвал задницу из-за Маргарет Чесс Смит. Он писал письма буквально всем: в полицейский участок Дерри, в Государственную полицию, в ФБР, — и утверждал, что она — русская шпионка. Говорил, у него есть улики.

— Господи Боже, невероятно.

— Да нет, это просто наш Чарли Пикеринг, и я думаю, что в любом маленьком городе типа нашего наберется с десятков таких вот Чарли Пикерингов. И не только у нас в Америке, а вообще везде.

Ральф опустил руку вниз и пощупал повязку. Ему вспомнились удивительные темные глаза Чарли Пикеринга: они были одновременно испуганными и восторженными. Сейчас ему уже почти не верилось, что человек с такими вот глазами чуть не убил его, и он очень боялся, что завтра все это покажется ему

просто сном наяву, сновидением, прорвавшимся в реальность, как в книге А. Холла.

— А самое большое паскудство в том, что такие бесноватые психи, как Чарли Пикеринг, становятся идеальным орудием в руках таких психов, как Эд Дипно. И у этого мерзавца уже сейчас подобралась целая армия вот таких вот добровольцев.

Лейдекер свернул на подъездную дорожку к дому Ральфа и припарковался за большим «олдсмобилем» с пятнами ржавчины на багажнике и очень старой наклейкой — «ДУКАКИС-88» — на бампере.

— А это чей бронтозавтр? Профа?

— Нет, — сказал Ральф. — Это мой бронтозавтр.

Лейдекер недоверчиво поглядел на него и заглушил двигатель своего «шевроле».

— Если у вас есть машина, то зачем вы мокли под дождем на автобусной остановке? Она у вас на ходу?

— Ага, на ходу, — слегка натянуто сказал Ральф, не решившись добавить, что точно не знает, потому что он не сидел за руль уже почти два месяца. — И я не мок под дождем. У нашей остановки есть крыша. И даже скамейка внутри. Кабельного телевидения, правда, нету, но обещали провести на будущий год.

— И все же... — сказал Лейдекер, с сомнением глядя на автомобиль.

— Я пятнадцать лет проработал на одном месте, но до этого был коммивояжером. В течение двадцати пяти лет я накатывал по восемьсот миль в неделю. Со временем я осел в типографии. И меня не особо тянуло садиться за руль. То есть мне было все равно... А с тех пор, как умерла моя жена, вроде и повода нету. Если мне надо куда-то ехать, меня вполне устраивает автобус.

Все бы звучало вполне правдиво, да и было истинной правдой. Только Ральф не счел нужным добавить, что он, помимо всего прочего, перестал доверять своим рефлексам и зрению. Год назад мальчик лет семи зафутболил свой мячик на проезжую часть Харрис-авеню. Ральф возвращался из кино, и хотя

ехал на скорости не больше двадцати миль в час, на какой-то ужасный миг ему показалось, что он задавил ребенка. Разумеется, он никого не задавил — парнишка вообще был достаточно далеко, — но с тех пор Ральф почти не садился за руль: чтобы посчитать все разы, когда он выезжал на машине, хватило бы пальцев на двух руках.

Но об этом он тоже не стал говорить.

— Ну, как вам будет угодно, — сказал Лейдекер, отсалютовав старенькому «олдсмобилю». — Вас устроит завтра в час дня? Я имею в виду, приехать в участок и дать показания? Я прихожу в двенадцать, так что успею все приготовить к вашему визиту. Например, кофе сварить, если вам вдруг захочется.

— Да, в час будет нормально. И спасибо, что подбросили.

— Без проблем. Да, и еще кое-что...

Ральф начал было открывать дверцу, чтобы выйти, но после этих слов снова захлопнул ее и повернулся к Лейдекеру, вопросительно приподняв брови.

Лейдекер как-то неуверенно взглянул на свои руки на руле, прочистил горло и повернулся к Ральфу.

— Я просто хотел сказать, что... Ну, в общем, вы повели себя просто отлично, — сказал он. — Многие ребята, моложе вас лет на сорок, вполне могли бы закончить сегодняшний день в больнице. Если не в морге.

— Должно быть, мой ангел-хранитель постарался. — Ральф вспомнил о том, как он был удивлен, когда нашупал баллончик в кармане пиджака.

— Ну может, и так, но все-таки вы проверьте сегодня вечером, что заперли дверь на ночь. Вы меня слышите?

Ральф улыбнулся и кивнул. Были на то основания или нет, но почему-то от заботы Лейдекера у него полегчало на душе.

— Я так и сделаю, а если мне удастся скооперироваться с Макговерном, то все точно будет в ажуре.

И вообще, подумал он, мне ничто не мешает спуститься и проверить все замки, когда я проснусь. Судя по всему, это будет примерно через два с половиной часа после того, как я усну.

— Все будет в ажуре, — повторил Лейдекер с нажимом. — Никому у нас в отделении не понравилось, что Эд Дипно сошелся с «Друзьями жизни», но это никого особо не удивило — он привлекательный и обаятельный человек и очень располагает к себе. Если, конечно, не застать его в тот момент, когда он использует свою жену вместо боксерской груши.

Ральф кивнул.

— С другой стороны, мы повидали немало таких ребят, как этот Дипно. И все они, как правило, стремятся к саморазрушению. И у Эда Дипно этот процесс уже почти начался. Он потерял жену, потерял работу... вы знали об этом?

— Да, Элен говорила.

— А теперь он теряет своих наиболее здравомыслящих последователей. Они отваливаются по пути, как истребители, которые спешно возвращаются на базу, потому что у них заканчивается горючее. Они, но не Эд: он-то пойдет на все. Некоторые из его соратников, может быть, и останутся с ним до приезда Сьюзан Дей, а вот что будет потом — неизвестно. Скорее всего он останется один, мне так кажется.

— Вы думаете, он попытается что-нибудь сделать в пятницу? Что он попытается причинить вред Сьюзан Дей?

— Да, — сказал Лейдекер. — Мы так думаем. И скорее всего так оно и будет.

Ральф был безмерно счастлив, когда увидел, что на этот раз входная дверь заперта. Он протиснулся в дверь, приоткрыв ее ровно настолько, чтобы можно было пройти, а потом поднялся вверх по лестнице, которая сегодня вечером казалась какой-то особенно длинной и мрачной.

И квартира казалась какой-то уж слишком тихой, несмотря на стук дождя по стеклу; самый воздух как будто пропитался запахом бессонных ночей. Многих бессонных ночей. Ральф прошел на кухню и встал на стул, чтобы заглянуть на шкафчик. Мысленно он был готов к тому, что он там увидит второй

баллончик с «Телохранителем» — вернее, первый; так сказать, оригинал, — тот, который он положил сюда после визита Элен и Гретхен. И в глубине души он чуть ли не ждал, что так будет. Но на шкафчике не было ничего; лишь одинокая зубочистка, старый предохранитель и куча пыли.

Ральф осторожно слез со стула, увидел, что на сиденье остался грязный след от ботинок, и вытер его бумажными полотенцами. Потом он поставил стул на место и пошел в гостиную. Постоял на пороге, переводя взгляд с дивана, накрытого выцветшим покрывалом в цветочек, на кресло-качалку и старый телевизор на дубовом столе между двумя окнами, выходящими на Харрис-авеню. Потом посмотрел в дальний угол. Когда он вернулся домой вчера днем, все еще немножко на взводе из-за того, что Макговерн опять не запер входную дверь, Ральф чуть не принял пиджак, висевший на вешалке, за человека. Ну, если совсем уже честно, он решил, что это не просто какой-нибудь человек, а Эд Дипно.

Но я никогда не вешаю пиджак на вешалку. Такое вот у меня свойство, одна из тех мелочей — одна из немногих, я думаю, — которые всегда раздражали Каролину. А если я так и не научился вешать этот чертов пиджак, когда она была жива, с какого бы хрена я начал вешать его теперь, когда она умерла. Нет, его повесил совсем не я.

Ральф прошел через комнату, вывернул карманы своего серого пиджака и выложил весь найденный хлам на телевизор. В левом кармане не было ничего, кроме старой брошюры «Спасителей жизни», зато правый оказался настоящей сокровищницей, даже после того, как там не стало баллончика. Там обнаружились: лимонная конфета на палочке, все еще в обертке, скомканная рекламка из «Пиццы Дерри», две пальчиковые батарейки, маленькая картонная упаковка, в которой когда-то был яблочный пирожок из «Макдоналдса», дисконтная карточка из видеопроката Дейва (Ральф искал ее две недели и был совершенно уверен, что она потерялась), коробок спичек, какие-то неопознанные обрывки бумаги, кусочки ткани... и сложенный вчетверо листок разлинованной голубой бумаги.

Ральф развернул его и прочел одно-единственное предложение, которое было написано небрежным, слегка нетвердым почерком старого человека: *Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть сделать что-то еще.*

Всего одно предложение. Но и этого хватило, чтобы разум Ральфа принял то, что давно уже поняло его сердце: когда Ральф вернулся из книжного магазина, Дорранс Марстеллар ждал его на крыльце, но не просто сидел — дожидался. Не застав Ральфа дома, он поднялся к нему в квартиру, взял со шкафчика баллончик с газом и положил его в правый карман серого пиджака. Он даже оставил визитку, что-то вроде визитки, строчку из стихотворения, нацарапанную на клочке бумаги, вполне вероятно, выданного из старенького блокнота, где он иногда записывал даты своих прогулок к аэропорту. А потом, вместо того чтобы вернуть пиджак на место, Дор зачем-то повесил его на вешалку и вернулся на крыльцо,

(сделанного не вернетишь)

чтобы дожидаться Ральфа.

Вчера вечером Ральф опять поругался с Макговерном из-за того, что тот не закрыл входную дверь, и Макговерн выслушал его так же терпеливо, как сам Ральф выслушивал Каролину, когда она отчитывала его за то, что он не повесил пиджак на вешалку, а бросил на первый попавшийся стул, и теперь Ральф подумал, что, может, Макговерн и не виноват, и это вовсе не он оставил дверь открытой. Может быть, старина Дор подобрал ключ... или заколдовал замок. Почему-то эта последняя мысль вовсе не показалась Ральфу бредовой. Даже наоборот. В свете последних событий она казалась единственно правильным вариантом. Потому что...

— Потому что, — тихо сказал Ральф, машинально собирая весь хлам с телевизора и опять распахивая его по карманам, — он не просто знал, что мне понадобится эта штука, он знал, где она лежит и даже куда ее положить.

У него по спине пробежал холодок, и рассудок попытался отбросить эту идею куда подальше и объявить ее полным бредом, который может прийти в голову только безумцу или чело-

веку, измотанному бессонницей. Впрочем, это не объясняло появления клочка бумаги со строчкой из стихотворения у него в кармане.

Он еще раз прочел слова, нацарапанные на разлинованном листочке: «Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть сделать что-то еще». Это был не его почерк, совершенно точно. Так же точно, как и то, что «Кладбищенские ночи» — это не его книга.

— Теперь-то как раз моя, Дор мне ее подарил, — сказал Ральф вслух, и неприятный холодок опять пополз по спине, как трещина по ветровому стеклу.

А какое еще объяснение тут подходит? Она же не могла просто влететь мне в карман, эта бумажка.

Прежнее чувство, что чьи-то невидимые руки подталкивают его ко входу в темный тоннель, вернулось. Ощушая себя как во сне, Ральф пошел обратно на кухню. По дороге он снял пиджак и бросил на спинку тахты, даже не сознавая, что делает. Он снова остановился в дверях, пристально глядя на календарь с картинкой, изображавшей двух мальчиков, которые делали хэллоуинский фонарь из тыквы, — глядя на завтрашнее число, обведенное кружочком.

«Отмени встречу с булавковтыкателем», — сказал Дорранс. Его попросили, чтобы он передал это предупреждение Ральфу, и сегодня ножевтыкатель подчеркнул это яркой жирной чертой.

Ральф нашел телефон в «Желтых страницах» и набрал номер.

— Вы позвонили в офис доктора Джеймса Роя Хонга, — раздался в трубке приятный женский голос. Автоответчик. — К сожалению, мы не можем принять ваш звонок прямо сейчас, так что оставьте, пожалуйста, сообщение после звукового сигнала. Мы вам обязательно перезвоним.

Дождавшись сигнала, Ральф произнес и сам поразился тону, как спокойно звучит его голос:

— Здравствуйте, это Ральф Робертс. Мне назначена встреча на завтра в десять утра. К сожалению, я не смогу прийти.

Изменились обстоятельства. Спасибо. — Он помолчал и добавил: — Разумеется, я заплачу.

Он закрыл глаза и бросил трубку на рычаг. Потом прижался лбом к стене.

Что ты делаешь, Ральф? Что ты делаешь?!

— Долог путь обратно в Эдем, милый.

Ты же не думаешь то, что ты думаешь... так не бывает.

— ...долог путь, и поэтому не стоит обращать внимания на мелочи.

О чем ты думаешь, Ральф?

Он не знал; он понятия не имел. Наверное, о судьбе и о встрече в Самаре. Наверняка он знал только одно: что от раны в левом боку, куда его пыряли ножом, расходятся волны боли. Врач «скорой помощи» дал ему полдюжины обезболивающих таблеток, и ему, наверное, нужно было принять одну, но он слишком устал... так устал, что был даже не в состоянии подойти к раковине и налить себе стакан воды... ему не хватало сил даже на то, чтобы пройти через кухню, какой к чертовой матери путь в Эдем?!

Ральф опять же не знал. И сейчас его это не волновало. Сейчас он хотел одного: просто стоять на месте, уткнувшись лбом в стену и зажмурив глаза, чтобы ничего не видеть.

Глава 8

1

елый песчаный пляж вытянулся вдоль побережья, как полоса белого шелка на кайме яркого синего моря, и он был абсолютно пуст, если не считать какой-то круглой штуковины ярдах в семидесяти от того места, где стоял Ральф. Эта круглая штука была размером примерно с баскетбольный мяч, и когда Ральф смотрел на нее, его сердце почему-то переполнялось страхом,

глубоким и — по крайней мере на данный момент — совершенно беспочвенным.

Не подходи к ней, — сказал он себе. Что-то в ней есть неправильное, что-то плохое. Что-то действительно очень плохое. Это черный пес, который воет на синюю луну; кровь в кухонной раковине; ворон, что «на белый бюст Паллады сел у входа моего»*. Ты не хочешь к нему подходить, Ральф, и тебе не надо к нему подходить, потому что это один из осознанных снов Джо Вайзера. Тебе сейчас лучше всего развернуться и просто уйти.

Это все верно, конечно, но ноги уже несли его вперед — так что, может быть, это был никакой не осознанный сон. И неприятный, весьма неприятный. Потому что чем ближе Ральф подходил к этой круглой штуке, тем меньше она становилась похожей на баскетбольный мяч.

Это был самый реалистичный сон, из всех, которые когда-либо снились Ральфу, и осознание того, что он спит, казалось, лишь добавляет ему реализма. Он чувствовал мягкий рассыпчатый песок под босыми ногами — теплый, но не горячий, — он слышал громкий, утробный рев волн, когда они набегали на пляж, где песок блестел, как мокрая дубленая кожа, он чувствовал запах соли и сохнувших водорослей, резкий и какой-то печальный запах, который напоминал о летних каникулах, которые он еще ребенком провел как-то на пляже в Олд-Орчард.

Эй, приятель. Если ты не можешь поменять этот сон на другой, тогда попробуй просто повернуть выключатель и вылезти из него — проснуться то есть.

Он прошел уже половину расстояния до странной штуковины, и у него уже не осталось сомнений в том, что это было такое: не баскетбольный мяч, а голова. Кто-то закопал человека в песок по шею, и, как Ральф неожиданно понял, скоро начнется прилив.

* Цитата из стихотворения Эдгара По «Ворон». Перевод В. Брюсова. — *Примеч. пер.*

Он не проснулся — он побежал вперед. И в это мгновение пенистый край одной из волн коснулся головы. Человек открыл рот и закричал. И хотя голос срывался, Ральф узнал его сразу. Это был голос Каролины.

Еще одна волна нахлынула на берег и попыталась утащить за собой волосы, прилипшие к мокрым щекам. Ральф побежал быстрее, зная, что скорее всего он опоздает. Прилив был достаточно сильным. И он утопит ее куда быстрее, чем сам он успеет выкопать ее из песка.

Тебе не надо спасать ее, Ральф. Каролина уже мертва, и умерла она вовсе не на пустынном пляже. Это случилось в палате 317 в Городской больнице Дерри. Ты был с ней в тот момент, и звук, который сопровождал ее смерть, был вовсе не гулом прибоя. Это было шуршание снега с дождем за окном. Помнишь?

Да, он все помнил, но все равно бежал — все быстрее и быстрее, — поднимая ногами облачка белого песка.

Ты не успеешь даже добежать до нее, ты же знаешь, как это обычно бывает в снах? Все, к чему ты бежишь, либо отступит, либо превращается во что-то еще.

Нет, в стихотворении было не так... или так? Ральф точно не помнил. Он помнил только, что рассказчик в панике убежал по лесу от чего-то смертельно

(Оборачиваясь на бегу, я различаю его силуэт.)

опасного. Это что-то гналось за ним по лесу... охотилось на него, приближалось к нему.

А он был все ближе к темному силуэту на песке. Она ни во что не превратилась, и только когда Ральф опустился на колени перед Каролиной, он понял, почему не сумел узнать свою жену, женщину, с которой они прожили вместе 45 лет: с ее аурой творилось что-то ужасное. Она прилипла к ее коже, как грязный мешок. Когда тень Ральфа упала на Каролину, она подняла глаза, и они закатились, как глаза лошади, которая сломала ногу, одолевая слишком крутой подъем. Она тяжело дышала, и с каждым выдохом у нее из носа вырывались клубы серо-черной ауры.

Потрепанная, изодранная в клочья веревочка, поднимавшаяся от ее головы, была лилово-черная — цвета гноящейся раны. Когда Каролина снова открыла рот и закричала, у нее изо рта вылетела неприятная светящаяся масса, липкие нити, которые исчезли почти сразу, как Ральф их заметил.

Я спасу тебя, Кэрол! — закричал он. Он упал на колени и принялся разрывать песок вокруг своей жены, как собака, выкапывающая кость... и когда эта мысль пришла ему в голову, он вдруг понял, что Розали, утренний обходчик Харрисон-авеню, устало сидит рядом. Как будто это его мысль вызвала сюда собаку. Грязная черная аура окружала и Розали тоже. Между лапами у нее лежала панамы Билла Макговерна, вся измызганная и изрядно изжеванная.

Так вот куда делась эта чертова панамы, мимоходом подумал Ральф, потом повернулся к Каролине и начал копать еще быстрее. Но все равно ему удалось откопать только одно плечо.

Не трать время, Ральф! — закричала на него Каролина. *Я уже мертва, помнишь? Следи за следами белого человека, Ральф! Следи...*

Волна — темно-зеленая в глубине и белая по краям — поднялась в море футах в десяти от пляжа. Она обрушилась на песок, заливая ноги Ральфа холодной водой и моментально накрыв голову Каролины месивом пены и песка. А когда волна отхлынула, Ральф услышал, что теперь кричит он — кричит от ужаса, запрокинув голову к безразличному синему небу. Эта волна за секунды сделала то, на что обычно уходят месяцы радиационного облучения: она смыла все волосы на голове Каролины, оголив череп. И голова начала как-то странно вздуться в том месте, где начиналась черная веревочка.

Каролина, нет! — завывал Ральф, копая еще быстрее. Теперь песок стал влажным и неприятно тяжелым.

Не обращай внимания, сказала она. С каждым произнесенным словом у нее изо рта вылетали серо-черные облачка, похожие на грязный дым из фабричной трубы. *Это просто опухоль, и она не оперируется, так что не трать свой сон на эту часть представления. Какого черта, долог путь обратно в Эдем, поэтому не обращай внимания на мелочи. Тебе надо найти следы...*

Каролина, я понятия не имею, о чем ты говоришь.

Нахлынула очередная волна, замочив Ральфа до талии и снова накрыв Каролину с головой. И когда эта волна отхлынула, Ральф увидел, что опухоль на голове у Каролины начинает вскрываться.

Поймешь, уже очень скоро поймешь, — ответила Каролина, а потом вздутие у нее на голове лопнуло со звуком, напоминающим стук деревянного молотка, когда им отбивают мясо. В чистый, пахнувший солью воздух выплеснулась струя крови, и из дыры в голове Каролины полезли черные жуки. Ральф никогда не видел таких жуков — даже во сне. Они вызывали у него почти истерическое отвращение. Он бы, наверное, убежал и бросил бы Каролину, но он почему-то застыл на месте и не мог даже пальцем пошевелить, не говоря уже о том, чтобы куда-то бежать.

Некоторые жуки заползли обратно в голову Каролины через рот, но большинство спустилось по ее щеке и плечу на влажный песок. И их странные обвиняющие глаза все время смотрели на Ральфа. Это все ты виноват, как будто говорили эти глаза. Ты мог бы спасти ее, Ральф, и кто-нибудь сильнее и лучше тебя наверняка бы спас.

Каролина! — закричал он и протянул к ней руки, но тут же убрал, испугавшись черных жуков, которые все еще лезли у нее из головы. Рядом сидела Розали в своем собственном облаке черноты и обреченно смотрела на Ральфа, держа в пасти пропавшую панаму Макговерна.

Один глаз Каролины выскочил из глазницы и упал на белый песок, как капля черничного варенья. Из пустой глазницы тут же полезли жуки.

Каролина! — кричал он. *Каролина! Каролина! Кар...*

2

— ...олина! Каролина! Кар...

Неожиданно — в ту же секунду, когда Ральф понял, что сон уже кончился — он понял, что падает. И зафиксировал это в сознании за миг до того, как рухнул на пол. Он умудрился как-то смягчить падение, выставив руку, и скорее всего спас

себя от ощутимого удара головой, зато под повязкой на левом боку опять начало ныть. Но в первый момент он даже не чувствовал этой боли. Он чувствовал только страх, отвращение и мучительную тоску — но больше всего все-таки облегчение. Плохой сон — самый кошмарный сон в его жизни — закончился, и он снова вернулся в реальный мир.

Ральф задрал свою и так уже почти расстегнутую пижаму и проверил повязку, не пошла ли кровь; убедился, что все нормально, и сел на полу. Это вроде бы незначительное усилие окончательно его dokonало; мысль о том, чтобы встать и, может быть, даже опять лечь в постель, казалась совершенно невыполнимой. По крайней мере на данный момент. Может быть, чуть попозже... когда сердце станет стучать чуть спокойнее.

А можно ли умереть от кошмара? — подумал он, и в ответе ему послышался голос Джо Вайзера: *Можно, и даже не сомневайтесь, Ральф, хотя медэксперты обычно пишут «самоубийство» в графе «причина смерти».*

Все еще дрожа из-за приснившегося кошмара, Ральф сидел на полу, обхватив колени правой рукой, и думал о том, что некоторые сны действительно запросто могут убить. Детали жуткого сна уже начали исчезать из его памяти, но все самое страшное запомнилось слишком хорошо: этот чавкающий звук, как будто кто-то отбивает мясо деревянным молоточком, и отвратительные жуки, лезущие из головы Каролины. Они были толстые, лоснящиеся и живые... а почему нет? Они же питались мертвым мозгом его жены.

Ральф глухо застонал и провел по лицу левой рукой, что вызвало новый укол резкой боли в раненом боку. Потом он отнял руку, и ладонь была мокрой от пота.

Как она там говорила, чего ему следует бояться? Ловушек белого человека? Нет — следов, а не ловушек. Следов белого человека, что бы это ни значило. А еще что-то было? Может, да; может, нет. Он не мог вспомнить, и что с того? Это был только сон, Господи Боже, всего лишь сон, а вне того фантастического мира, который описывали бульварные газеты, сны ничего не значили и ничего не доказывали. Когда человек ло-

жится спать, его мозг превращается в подобие сороки, которая ворошит самые ненужные воспоминания и впечатления и ищет не что-то ценное или полезное, а самые яркие и блестящие фрагменты. А потом собирает их в какие-то отвратительные коллажи, напоминающие шоу уродов, которые обычно производят впечатление, но смысла в них не больше, чем в детском лепете Натали Дипно. В том сне была Розали и даже пропавшая панама Билла Макговерна, но это еще ничего не значит... кроме того, что завтра он не станет принимать эти болеутоляющие таблетки, которые дали ему врачи «скорой помощи», даже если от боли ему захочется лезть на стенку. Потому что та единственная таблетка, которую он принял во время вечерних новостей, не только не помогла ему поспать подольше, как он надеялся, но и, вне всяких сомнений, сыграла свою роль в том, что ему приснился этот кошмар.

Ральф кое-как поднялся с пола и сел на край кровати. Волна слабости накрыла его, как парашютный шелк, и он пару минут посидел с закрытыми глазами, дожидаясь, пока не пройдет слабость. И пока он сидел, опустив голову и закрыв глаза, он дотянулся до лампы на тумбочке и включил свет. Так что когда он открыл глаза, спальня была освещена теплым желтым светом, который был очень ярким и вполне реальным.

Ральф взглянул на часы рядом с лампой. 1.48 ночи, а он уже проснулся и совершенно не хочет спать, хотя он и принял болеутоляющее. Он встал, медленно прошел на кухню и поставил чайник. Потом прислонился к столу и начал массировать бок под повязкой, пытаясь унять боль, которую вызвали его недавние «приключения». Когда чайник закипел, он заварил себе чашку чая «Спокойный сон» — хорошая шутка — и пошел вместе с чашкой в гостиную. Он упал в кресло-качалку, даже не позаботившись о том, чтобы включить свет; ему вполне хватало уличных фонарей и света, пробивающегося из спальни.

Ну и что мы имеем? — подумал он. Вот я снова в первом ряду партера, лучшее место в центре. Начинайте спектакль.

Прошло какое-то время, он не мог точно сказать, сколько именно, но боль под повязкой вроде утихла, и горячий чай стал едва теплым, когда он заметил какое-то движение на улице. Ральф повернул голову, ожидая увидеть Розали, но это была не Розали. Это были двое мужчин: они только что вышли на крыльцо дома на той стороне улицы. Ральф не различал цвет дома — оранжевые фонари, которые поставили по всему городу несколько лет назад, светили очень неплохо, но вот различать настоящие цвета стало почти невозможно, — но все же он видел, что цвет отделки резко отличался от цвета всего остального. Стало быть, это был дом Мэй Лочер.

Двое мужчин, стоявших на крыльце Мэй Лочер, были какие-то очень маленькие, не больше четырех футов роста. Их окружали зеленоватые ауры. Они были одеты в одинаковые белые халаты, которые, как показалось Ральфу, они позаимствовали из каких-то старых сериалов про врачей — черно-белых мелодрам типа «Бена Кэйси» или «Доктора Килдэера». Один из них держал что-то в руках. Ральф пригляделся. Он не мог сказать точно, но это было что-то острое. Разумеется, он не стал бы утверждать, что это был нож, но вполне вероятно, что нож. Очень даже вероятно.

Первое, что пришло Ральфу в голову, — что эти люди были очень похожи на пришельцев из фильмов про НЛО, «Община» или «Огонь в небе». Потом он подумал, что снова уснул, прямо в кресле-качалке, и ему все это снится.

Правильно, Ральф, — это еще одна куча мусора со свалки твоих идиотских мыслей, вылезшая наружу из-за раны в боку, стресса и этих дурацких болеутоляющих.

Но он не чувствовал ничего угрожающего в этих двух маленьких людях, стоявших на крыльце Мэй Лочер, — кроме, разве что, непонятного предмета в руках одного из них. Ральф подумал, что даже спящему сознанию будет очень непросто сотворить кошмар из двух маленьких лысых ребят во врачебных халатах. В их поведении тоже не было ничего пугающего: ничего странного и ничего угрожающего. Они просто стояли на крыльце, как будто у них было полное право стоять там посреди ночи — в самое

темное и безлюдное время. Они стояли лицом друг к другу; и их позы и склоненные друг к другу головы позволяли сделать вывод, что это старые друзья, которые о чем-то беседуют — спокойно и очень культурно. Они смотрелись вполне мирно и интеллигентно. Такие вежливые пришельцы, которые скорее скажут вам: «Мы пришли с миром», — нежели станут похищать людей, втыкать им в задницы зонды и следить за реакцией.

Ну хорошо, не всем же снам превращаться в кошмары. И вообще после последнего сна тебе грех жаловаться.

Да он, собственно, и не жалуется. Одного падения на пол с кровати ему вполне хватит, спасибо. Но все равно в этом сне было что-то тревожное, неприятное. Он казался очень реальным, но не так, как сон про Каролину. В конце концов это была его собственная гостиная, а не какой-то странный безлюдный пляж, который он никогда раньше не видел. Он сидел в том же кресле-качалке, в котором сидел каждую ночь, с чашкой почти уже холодного чая в левой руке, а когда он поднес правую руку к носу, то почувствовал запах мыла... «Ирландская весна»... он всегда пользовался этим мылом.

Ральф резко протянул руку к левому боку и нажал на поясницу. Боль была острой и сильной... но двое маленьких лысеньких человечков так и остались стоять на крыльце Мэй Лочер.

Не важно, что тебе кажется, будто ты чувствуешь. Это не важно, потому что...

— Твою мать, — сказал Ральф вслух тихим и хриплым голосом. Он встал из кресла и поставил чашку с чаем на журнальный столик, причем так сильно грохнул ею о стол, что чай пролился на журнал с программой. — Мать твою... это не сон!

}

Шаркая тапками по полу, он прошел на кухню. Расстегнутая пижамная куртка хлопала по бокам, а то место, куда Чарли Пикеринг ударил его ножом, пульсировало болью при каждом шаге. Ральф взял табуретку и оттащил ее в маленькую прихожую, где был встроенный шкаф. Он открыл его, включил

внутри свет, поставил табуретку так, чтобы дотянуться до верхней полки, и встал на нее.

На этой полке у него был склад ненужных или забытых вещей, большинство из которых принадлежало Каролине. Всякие мелочи, так, ерунда... но они окончательно убедили его в том, что это не сон. Там был пакетик с засохшими шоколадками «M & M's» — ее любимое и тайное лакомство. Там было какое-то шитье, одна белая атласная туфля со сломанным каблуком, фотоальбом. И эти вещи причиняли ему куда более сильную боль, чем рана в левом боку, только сейчас у него не было времени заикливаться на боли.

Ральф наклонился вперед, положил левую руку на самую верхнюю пыльную полку, чтобы удержать равновесие, и принялся шарить правой рукой в вещах, молясь про себя лишь об одном: чтобы табуретка не выскользнула у него из-под ног. Рана снова заняла, и он прекрасно осознавал, что если он сейчас не прекратит эти свои упражнения, то у него опять пойдет кровь, и тем не менее...

Я уверен, что он где-то здесь... ну, почти уверен.

Ральф отодвинул в сторону свою коробку для мотыля и плетеную корзину для рыбы. За корзиной была стопка старых журналов. Сверху лежал «The Look» с Энди Вильямсом на обложке. Ральф отодвинул их в сторону локтем, подняв облако пыли. Старый пакетик с «M & M's» упал на пол и порвался: яркие разноцветные конфеты рассыпались по полу. Ральф наклонился вперед еще больше, почти встав на цыпочки. Может быть, ему только казалось, но он явственно ощущал, как табуретка ходит под ним ходуном.

Едва эта мысль промелькнула у него в голове, табуретка жалобно скрипнула и действительно начала медленно отъезжать назад по паркетному полу. Ральф не обратил на это внимания. Он не обратил внимания и на ноющую боль в боку, и на внутренний голос, который вопил, чтобы он прекращал это занятие, потому что ничего этого нет — ему снился сон наяву, как в книге Холла; такое нередко случается с теми, кто страдает бессонницей, и хотя этих маленьких человечков на

улице на самом деле не существует, но он-то стоит тут на самом деле, и табуретка под ним медленно отъезжает, и он может вполне реально сломать себе что-нибудь, если табуретка все-таки выскользнет из-под него и он рухнет на пол, и как он потом собирается объяснять, что случилось, врачам из городской больницы?

Ральф опять потянулся вперед, по пути отодвинув в сторону картонную коробку, из которой, как странный острый перископ, торчала половина звезды для рождественской елки (и уронив на пол вечернюю туфельку без каблука), и все же нашел, что искал, в левом дальнем углу: старый бинокль Zeiss-Ikon.

Ральф слез с табуретки как раз в тот момент, когда она уже была готова выскользнуть из-под него, подвинул ее поближе и снова залез на нее. Но все равно не сумел дотянуться до бинокля. Тогда он взял рыболовный сачок, который лежал рядом с корзиной и коробкой для мотыля, и со второй попытки подцепил футляр с биноклем. Подтянул его чуть вперед, так чтобы можно было дотянуться рукой, потом слез с табуретки, наступил на упавшую туфельку... и больно вывернул лодыжку. Ральф пошатнулся, раскинул руки для равновесия и только чудом не влетел лицом в стенку. По дороге обратно в комнату он почувствовал, как под повязкой на левом боку разливается жидкое тепло. В конце концов рана все-таки открылась. Чудесно. Просто чудесная ночь, Ральф Робертс... И давно ты отошел от окна? Он точно не знал, но вроде бы достаточно давно, и он был почти уверен, что эти маленькие лысые доктора уже уйдут к тому времени, как он доберется до кресла у окна.

Ральф резко остановился; футляр с биноклем закачался, оставляя за собой длинную тень, которая металась взад-вперед по полу, залитому светом оранжевых уличных фонарей, как будто уродливым слоем краски.

Маленькие лысые доктора? Так он называл этих маленьких человечков? Ну да, потому что так их называли они — ребята, которых эти самые лысые доктора якобы похищали... изуча-

ли... и иногда оперировали. Это были врачи из космоса, проктологи из великого извне. Но это было не главное. Главное было...

Так их называл Эд, вспомнил Ральф. В тот вечер, когда он звонил мне и предупреждал, чтобы я не совался в его дела. Он сказал, что такой вот доктор рассказал ему о Кровавом Царе, и о Центурионах, и обо всем остальном.

— Да, — прошептал Ральф, и по спине снова прошел холодок. — Да, он именно так и сказал. «Доктор мне рассказал. Маленький лысый доктор».

Когда он дошел до окна, он увидел, что эти странные ребята все еще там, хотя, пока он ходил за биноклем, они сошли с крыльца Мэй Лочер на тротуар и стояли теперь как раз под оранжевым фонарем. Ощущение, что по ночам Харрис-авеню напоминает опустевшую после спектакля сцену, вернулось и даже усилилось... но кое-что изменилось. Теперь сцена была не пустой, правильно? На ней шла какая-то зловещая полуночная пьеса, и эти двое на сцене были уверены, что в зрительном зале никого нет.

А что они, интересно, сделают, если узнают, что в зале есть один зритель, подумал Ральф. Что они со мной сделают?

Теперь у маленьких лысых докторов был такой вид, как будто они достигли какого-то соглашения. Вблизи они были совсем не похожи на докторов, несмотря на белые халаты, — скорее они выглядели как инженеры или лаборанты, выходящие со смены на фабрике; как двое приятелей, которые остановились на пару секунд за воротами, чтобы обсудить некую животрепещущую тему, которая не могла подождать даже до ближайшего бара, впрочем, они вовсе не собирались разводить споры... все обсуждение займет пару-тройку минут, тем более что в итоге они все равно согласятся друг с другом.

Ральф достал из футляра бинокль, поднес его к глазам, потерял еще пару секунд, настраивая резкость, и только потом понял, что забыл снять чехлы с линз. Он снял их и снова поднял бинокль к глазам. На этот раз две фигуры под фонарем тут же возникли в поле его зрения — большие и идеально освещенные.

щенные, но размытые. Ральф подкрутил регулятор резкости, и двое мужчин почти сразу попали в фокус. И у Ральфа перехватило дыхание.

Он смотрел на них очень недолго, секунды три; потом один из мужчин (если это были мужчины и вообще люди) кивнул и положил руку на плечо второму. Они оба развернулись и пошли прочь, оставив на обозрение Ральфу только лысые затылки и гладкие белые спины. Всего три секунды — максимум, но Ральфу хватило и этого. Ему стало нехорошо.

Он побежал за биноклем по двум причинам, и обе они происходили из его нежелания верить в то, что это был сон. Во-первых, он хотел быть уверенным в том, что сможет потом опознать этих двоих мужчин, если в этом возникнет необходимость. Во-вторых (эта вторая причина была мало приемлема для здравого смысла, но от того не менее важна для него самого), ему хотелось отделаться от назойливого ощущения, что у него происходит «близкий контакт третьей степени» с пришельцами из других миров.

Но вместо того чтобы развеять это впечатление, вид в бинокль, наоборот, его усилил. У маленьких лысых докторов, казалось, вообще не было черт лица. Лица были, да: глаза, носы, рты, — но они были какими-то ускользающими и расплывчатыми, как блики на хромированной поверхности. Они, эти двое, могли бы быть близнецами, но у Ральфа сложилось другое впечатление. Они были похожи на манекены в витрине магазина — ночью, когда с них уже сняли дорогие парики, — и это жуткое сходство не имело отношения к генетике. Скорее на ум приходило серийное производство.

Ральф отметил только одну отличительную особенность — и обуславливалась она, судя по всему, сверхъестественной гладкостью их кожи: у них на лицах не было морщин. Ни морщин, ни родинок, никаких прыщей или шрамов, хотя Ральф допускал, что такие незначительные детали можно пропустить, даже глядя в бинокль. И кроме этой неестественно гладкой кожи и отсутствия морщин — ничего; все остальное — лишь субъективные домыслы. Тем более что Ральфу не удалось рассмотреть их

как следует. Если бы он достал бинокль быстрее, без всяческих эскапад со скользящими табуретками и падающими рыболовными снастями, если бы он вовремя понял, что забыл открыть окуляры и не возился бы с ручкой настройки резкости, может, сейчас он бы не чувствовал эту свербящую тревогу.

Они выглядят как эскизы, подумал он внезапно, прежде чем они отвернулись от него. Вот что меня беспокоит больше всего. Не их одинаковые лысые головы и белые халаты, и даже не отсутствие морщин. Они выглядят как эскизы людей — не глаза, а круги, маленькие розовые уши, как будто нарисованные розовым фломастером, рты — небрежные быстрые наброски бледно-розовой акварелью. Они не похожи ни на людей, ни на пришельцев... они похожи на приблизительные зарисовки... чего?.. я даже не знаю чего.

Ральф был уверен только в одном: обоих докторов окружали яркие ауры. В бинокль он разглядел, что они были зеленого цвета с золотыми вкраплениями, и по ним пробегали оранжево-красные искры, похожие на искры костра. Эти ауры были воплощением силы и энергии; и неинтересные и совершенно невыразительные лица двух маленьких человечков никак не вязались с такими аурами.

Лица? Я не уверен, что смогу их узнать, если увижу снова, даже под угрозой расстрела. Они как будто сделаны для того, чтобы не запоминаться. Конечно, будь они лысыми, тут бы проблем не возникло. Но если они наденут парики и, скажем, сядут, чтобы нельзя было понять, какого они роста... то что тогда? Отсутствие морщин на лице тоже можно отнести к ряду особых примет, но все относительно. Хотя вот ауры... эти зеленые с золотым ауры, да еще с искрами... вот их я бы узнал. Но в их аурах есть что-то неправильное. Понять бы еще, что именно.

Ответ пришел неожиданно: просто возник в сознании, как те два существа — маленькие лысые доктора — возникли у него перед глазами, как только он снял чехол с окуляров бинокля. Обоих окружали сверкающие ауры... но у них не было тех ухо-

дящих вверх ленточек, которые Ральф про себя называл веревочками от воздушных шариков.

Они шли по Харрис-авеню в сторону Строуфорд-парка и напоминали двух приятелей, которые решили прогуляться воскресным утром. И за секунду до того, как они вышли из яркого круга света возле крыльца Мэй Лочер, Ральф успел разглядеть предмет, который один из докторов держал в руке. Это был вовсе не нож, как показалось Ральфу вначале, но все равно увидеть подобный предмет в руках незнакомца на пустой улице посреди ночи было не очень приятно.

Это были длинные ножницы из нержавеющей стали.

4

Неприятное ощущение, что его подталкивают ко входу в тоннель, где в темноте может таиться все что угодно, вернулось с удвоенной силой. Только на этот раз вместе с ним пришла паника, потому что Ральфу показалось, что последний, самый сильный толчок в спину он получил как раз тогда, когда ему снился сон про его умершую жену. Ему хотелось кричать от страха, и он понял, что надо немедленно что-то делать, иначе он и вправду закричит в полный голос. Ральф закрыл глаза, сделал глубокий вдох и представил себе еду. Новое блюдо с каждым новым вдохом: помидор, картошка, мороженое, брюссельский салат. Доктор Джамаль в свое время научил Каролину этой несложной технике релаксации, и она помогала ей бороться с головными болями, даже в последние шесть недель, когда опухоль уже начала убивать ее. И теперь она помогла Ральфу справиться с паникой. Сердце забилося спокойнее, и чувство, что он сейчас закричит, вроде бы начало проходить.

Продолжая глубоко дышать и думать

(яблоко груша кусок лимонного пирога)

о еде, Ральф аккуратно надел чехол на окуляры. Руки все еще тряслись, но уже не настолько, чтобы он боялся уронить бинокль. Когда он наконец упаковал бинокль об-

ратно в футляр, он осторожно поднял левую руку и взглянул на повязку. В центре виднелось круглое красное пятно размером с таблетку аспирина, но оно вроде бы не расплывалось дальше. Хорошо.

И ничего в этом хорошего нету, Ральф.

Достаточно откровенно и в общем-то правильно, но это не поможет ему понять, что случилось на самом деле и что со всем этим делать. Шаг первый: забыть этот ужасный сон про Каролину и попытаться разобраться с тем, что случилось наяву.

— Я проснулся, когда упал на пол, — сказал Ральф пустой комнате. — Я это знаю. И знаю, что видел этих людей.

Да, он их видел: и их самих, и их зеленые с золотом ауры. И в этом он не одинок; Эд Дипно тоже видел как минимум одного из этих маленьких лысеньких докторов. Ральф, как говорится, мог бы поставить на это ферму, будь у него лишняя ферма. Хотя, конечно, его не очень-то грела мысль, что он сам и бесноватый соседский параноик, избивший собственную жену, видят одно и то же.

И ауры, Ральф... он и про них говорил.

Ну, Эд не использовал это слово, «ауры», но Ральф был уверен, что он говорил об аурах по меньшей мере дважды. *Ральф, иногда мир полон цветов.* Это было в августе, незадолго до того, как Джон Лейдекер арестовал Эда за жестокое обращение с женой. И потом, почти месяц спустя, когда Эд звонил Ральфу по телефону: *Ты уже видишь цвета?*

Сначала цвета, потом маленькие лысые доктора; если так пойдет дальше, то уже очень скоро появится и Кровавый Царь собственной персоной. Но если отвлечься от всего этого, то что же все-таки следует предпринять по поводу увиденного сегодня ночью?

Ответ пришел сам собой. Самым важным сейчас было вовсе не его душевное здоровье, не ауры и не маленькие лысые доктора; самым важным сейчас было здоровье Мэй Лочер. Он только что видел, как два незнакомых мужчины вышли из дома

миссис Лочер, ночью... а в руках одного из них были ножницы. Потенциально смертельное оружие.

Ральф протянул руку к телефону, снял трубку и набрал 911.

5

— Говорит офицер Хаген. — Женский голос в трубке. — Чем я могу вам помочь?

— Выслушайте меня внимательно, а потом действуйте быстро и оперативно, — решительно проговорил Ральф. Рассеянность и заторможенность, которые были его неизменными спутниками на протяжении последних месяцев, теперь исчезли. Он весь подобрался. Он сидел, выпрямившись в своем кресле-качалке, и выглядел не на семьдесят лет, а на пятьдесят пять, не больше. — Может так получиться, что вы спасете жизнь одной женщине.

— Сэр, назовите, пожалуйста, ваше имя и...

— Не перебивайте меня, пожалуйста, офицер Хаген, — сказал человек, который буквально недавно не мог вспомнить последние цифры телефона соседнего кинотеатра. — Я недавно проснулся, не смог заснуть снова и решил немного посидеть у окна. Окно моей комнаты выходит на Харрис-авеню. Я только что видел...

Тут Ральф на секунду замялся, думая не о том, что он видел, а о том, что из того, что он видел, надо рассказывать офицеру Хаген. И решение снова пришло мгновенно и как бы само собой, как и решение позвонить в Службу спасения.

— Я видел, как двое мужчин выходят из дома, который находится рядом с магазином «Красное яблоко». Этот дом принадлежит женщине по имени Мэй Лочер. Л-О-Ч-Е-Р, первая буква Л, как в слове Лесингтон. Миссис Лочер тяжело больна. Раньше я никогда не видел этих двоих мужчин. — Он опять замолчал, на этот раз для того, чтобы пауза произвела должный эффект. — У одного в руках были ножницы.

— Адрес дома? — Голос у женщины на телефоне был очень спокойный, но Ральф понял, что она среагировала правильно.

— Я точно не знаю, — сказал он. — Возьмите адрес в телефонной книге, офицер Хаген, или просто скажите офицерам, которые поедут, что это такой желтый дом с розовой отделкой в половине квартала от «Красного яблока». Может быть, им придется воспользоваться фонариками из-за этого идиотского оранжевого света уличных фонарей, но они найдут его без труда.

— Да, сэр, я уверена, что они его найдут, но мне все же нужно записать ваше имя и номер телефона для...

Ральф аккуратно повесил трубку. Пару минут посидел, глядя на телефон, почти уверенный, что он сейчас зазвонит. А когда этого не случилось, он подумал, что либо они не успели отследить звонок и у них нет такого навороченного оборудования, которое он видел в кино в фильмах про полицейских, либо аппаратура просто не была включена. И это было хорошо. Конечно, вряд ли это поможет ему решить, что делать или говорить, если Мэй Лочер вынесут по частям из ее кошмарного желто-розового дома, но у него хотя бы будет время подумать.

Улица за окном была по-прежнему пустынной и тихой, освещенной только оранжевыми фонарями, которые стояли по обеим сторонам и расходились в обе стороны, как какое-то сюрреалистическое видение. Пьеса — короткая, но полная драматизма — вроде бы закончилась. Сцена вновь опустела.

Нет, все-таки не совсем опустела. Из переулка между «Красным яблоком» и магазинчиком скобяных изделий выбежала Розали. У нее на шее болталась выцветшая бандана. Сегодня был не четверг и мусорных баков на улице не было, так что Розали нечем было поживиться, и она побежала к дому Мэй Лочер. Там она остановилась и начала принюхиваться (глядя на ее длинный и очень даже красивый нос, Ральф вдруг подумал, что где-то в роду у Розали наверняка были колли).

И только потом Ральф разглядел, что на тротуаре что-то блестит.

Он снова достал бинокль и направил его на Розали. Ему вдруг вспомнилось десятое сентября, когда он встретился с Биллом и

Луизой возле входа в Строуфорд-парк. Он вспомнил, как Билл положил руку Луизе на талию и повел ее по улице, и как они напомнили ему Джинджер Роджерс и Фреда Астера. А лучше всего он запомнил следы, которые оставались за ними на тротуаре, серые следы Луизы и оливково-зеленые — Билла. Галлюцинация, подумал он тогда, в те благословенные дни, когда он еще не привлекал к себе пристального внимания всяких невменяемых психов типа Чарли Пикеринга и ему не мерещились по ночам маленькие лысые доктора.

И вот сейчас Розали приняховалась к похожему следу на тротуаре. Он был таким же зеленым с золотым, как и ауры, окружавшие Лысого доктора номер раз и Лысого доктора номер два. Ральф перевел бинокль с Розали на тротуар и увидел две цепочки светящихся следов, которые вели к Строуфорд-парку. Они медленно исчезали — Ральф почти видел, как они исчезают, — но все же они там были.

Ральф перевел бинокль обратно на Розали, неожиданно почувствовав к ней странную симпатию... а почему бы и нет? Если он хотел получить окончательное и неоспоримое доказательство, что он действительно видел то, что видел, он его получил в лице Розали.

А если бы здесь была маленькая Натали, она бы тоже увидела эти следы, подумал Ральф... а потом его вновь одолели сомнения. А увидела бы? Или нет? Ему показалось, он видел, как девочка хватала призрачные следы, оставшиеся в воздухе от его пальцев, и ему показалось, что она смотрела на зеленую дымку, которая окружала умирающие цветы, но мог ли он быть уверен? Как вообще можно быть уверенным в чем-то, что касается маленьких детей?! Кто их там разберет, куда они смотрят и что они видят?

Но Розали... ты посмотри не нее, видишь?

Но вот что странно: он ведь не видел следы на тротуаре, пока Розали не начала приняховаться. Может быть, это были следы почтальона или какой-то съедобный мусор, и то, что он сейчас видит, это не более чем плод его воображения, воспаленного от недосыпа... как и сами лысые доктора.

Увеличенная линзами бинокля, Розали трусила по Харрис-авеню, опустив голову и принюхиваясь к тротуару; ее косматый хвост болтался из стороны в сторону. Она переходила от зелено-золотых следов Лысого доктора номер раз к следам Лысого доктора номер два, а потом возвращалась к следам первого Доктора.

А теперь, не подскажешь ли ты мне, Ральф, что вынюхивает эта бродячая дворняга? Ты думаешь, это возможно, чтобы собака шла по следам гребаных галлюцинаций? Это не галлюцинация; это действительно следы. Настоящие следы. Следы белого человека, о которых говорила тебе Каролина. Ты это знаешь. Ты это видишь.

— Но это же полный бред, — сказал он себе. — Это безумие, правильно?

Но кто его знает, правильно или нет. А вдруг этот сон был не просто сон. Если действительно существует такая вещь, как гиперреальность — а сейчас Ральф был почти уверен, что существует, — то, может быть, существует и такое явление, как предвидения. Или призраки, которые являются людям во сне и предсказывают будущее. Кто знает? У Ральфа сложилось впечатление, что некая дверь в стене реальности вдруг распахнулась настежь... и из открывшегося прохода наружу лезут всякие неожиданные и незванные гости.

Но в одном он был уверен твердо: там действительно были следы. Он их видел, Розали к ним принюхивалась, и в этом сомнений не было. За те полгода, пока Ральф мучился бессонницей, он обнаружил множество странных и интересных вещей, в частности, что в промежутке между тремя часами ночи и шестью часами утра способность человека к самообману сходит на нет.

Ральф наклонился вперед, так чтобы увидеть часы на стене в кухне. Половина четвертого, ага. Самое время.

Он снова поднес бинокль к глазам и увидел, что Розали все еще идет по следу лысых докторов. Если бы кто-то сейчас вышел на Харрис-авеню — маловероятно, конечно, в такую рань, но все же возможно, — он бы не увидел ничего необычного:

бродячая собака с грязной шерстью вынюхивает что-то на тротуаре, как тысячи других вечно голодных, бесхозных собак. Но Ральф видел, к чему именно принюхивалась Розали, и в конце концов разрешил себе поверить своим глазам. Конечно, когда взойдет солнце, он вполне мог аннулировать это разрешение, но сейчас Ральф прекрасно понимал, что именно он видит.

Внезапно Розали подняла голову. Ее уши встали торчком. В тот момент она была почти красива, как бывает красива охотничья собака, почуявшая дичь. А потом, за секунду до того, как фары машины на перекрестке Харрис-авеню и Витчам-стрит осветили улицу, она повернула обратно и пошла вдоль по улице, прихрамывая и пошатываясь. Ральфу вдруг стало ее жалко. Уж если на то пошло, Розали — это такая же Старая Кляча с Харрис-авеню, как и весь их клуб старперов, только ей еще хуже, чем им: у нее нет возможности пропустить стаканчик джина или рома с кем-нибудь из друзей или перекинуться в покер с другими, такими же, как она. Розали свернула в переулок между «Красным яблоком» и магазинчиком скобяных изделий как раз в тот момент, когда патрульная машина полиции Дерри вывернула из-за угла и медленно поехала по улице. Сирена была выключена, но мигалки горели, окрашивая красно-синими огнями спящие дома и маленькие магазинчики.

Ральф убрал бинокль и наклонился вперед в своем кресле-качалке, оперевшись локтями в колени и внимательно глядя на улицу. Сердце билось так сильно, что стук отдавался в висках.

Машина сбавляла скорость, а когда проезжала «Красное яблоко», она уже просто поползла по улице. Включилась правая подвижная фара, и яркий луч света начал скользить по спящим домам на противоположной стороне Харрис-авеню. Он освещал и номера домов, прибитые к дверям или к колоннам крыльца. Когда луч высветил номер дома Мэй Лочер (номер 86, Ральф сумел рассмотреть его и без бинокля), патрульная машина остановилась и погасила фары.

Двое полицейских в форме вылезли из машины и пошли по дорожке, ведущей к дому Мэй, не обращая внимания ни на человека, смотревшего на них из окна на втором этаже дома напротив, ни на зелено-золотистые следы, по которым они шагали. Они остановились, чтобы о чем-то посоветоваться, и Ральф снова поднял бинокль, чтобы получше их рассмотреть. Он был почти уверен в том, что младший из полицейских был именно тем парнем в форме, который приезжал вместе с Лейдекером к Эду в тот день, когда его арестовали за избиение жены. Кнолл? Кажется, так его звали?

— Нет, — пробормотал Ральф. — Нелл. Крис Нелл, а может быть, Джесс.

Нелл и его напарник очень серьезно что-то обсуждали — гораздо серьезнее, чем двое маленьких лысых докторов, которые не так давно стояли на том же самом месте. Эта беседа закончилась тем, что полицейские достали оружие и поднялись на крыльцо миссис Лочер. Нелл шел впереди. Он нажал кнопку звонка, подождал пару секунд и снова нажал. На этот раз он давил на кнопку добрых секунд пять. Они подождали еще немного, а потом второй полицейский прошел вперед и начал звонить сам.

Может быть, этот второй знает какой-то Особый Способ Звонения в Дверной Звонок, подумал Ральф.

Но даже если и так, то на этот раз рецепт не помог. Ответа по-прежнему не было, но Ральф почему-то не удивился. И маленькие лысые доктора с ножницами были тут совершенно ни при чем: Мэй была прикована к постели и не могла даже встать, чтобы открыть дверь.

Но если она не может вставать, значит, у нее должна быть сиделка — кто-то, кто приносил бы ей еду, помогал ей ходить в туалет или подносил судно...

Крис Нелл — а может быть, Джесс — снова выступил вперед. На этот раз он воспользовался приемом «бум-бум-бум-откройте-именем-закона», то есть принялся колошматить в дверь кулаком. Он по-прежнему держал пистолет в правой руке, опустив его вниз и прижав ствол к ноге.

И тут в сознании Ральфа возникла страшная и отчетливая картина. Такая же реальная, как и ауры вокруг людей. Он увидел старую женщину, лежащую в кровати; у нее на лице была кислородная маска. Над маской сверкали застывшие глаза, а под ней ухмылялось жуткой улыбкой перерезанное горло. Постельное белье и ночная рубашка были залиты кровью. А недалеко от первой, на полу лицом вниз, лежал труп второй женщины — сиделки. У нее на спине, на розовой фланелевой рубашке адела цепочка страшных колотых ран от ножниц Лысого доктора номер раз. И Ральф знал, что если поднять рубашку и присмотреться поближе, то каждая из этих ран будет очень похожа на ту, которая красовалась на его левом боку... как огромная неровная точка, намалеванная ребенком, который только учится рисовать.

Ральф попытался отогнать это жуткое видение. Но оно почему-то не уходило. Он почувствовал боль в руках, опустил глаза и увидел, что они крепко сжаты в кулаки, так что ногти впиваются в кожу. Теперь он видел, что женщина в розовой рубашке из его видения слабо зашевелилась — она была еще жива. Но это уже ненадолго. По крайней мере она точно не доживет до того момента, когда двое на крыльце решат наконец, что им делать дальше, и попробуют предпринять что-нибудь более конструктивное, чем просто стоять у порога и стучать в дверь.

— Ну давайте, ребята, — сказал Ральф вслух. — Давайте идите в дом, что вы там фигней маетесь.

Ты же знаешь, что все, что ты видишь, существует только в твоём воображении, правильно? — сказал он себе. Я вот о чем, собственно: там и вправду могут лежать две мертвые женщины, вполне может быть, но ты же не знаешь этого наверняка. Это не ауры, не светящиеся следы...

Да, это не ауры и не следы; и да, он все прекрасно понимает и знает. Но он так же знает, что в доме номер 86 по Харрисавеню никто не отвечает на звонки в дверь, и это не сулит ничего хорошего старой приятельнице и однокласснице Билла Мактоверна. Он не видел крови на ножницах Доктора номер

раз, но качество изображения и степень увеличения, которые давал его старый бинокль, не позволяли разглядеть такие детали. Тем более что этот парень вполне мог вытереть ножницы, прежде чем выйти из дома. Едва эта мысль возникла в сознании Ральфа, его воображение тут же добавило к мысленной картинке кровавое полотенце, брошенное на пол около труп сиделки в розовой рубашке.

— Ну давайте, вы двое! — чуть ли не закричал Ральф. — Боже ты мой, вы там всю ночь простоять собираетесь?!

Фары опять осветили улицу. Теперь подъехал «форд» без опознавательных знаков, но зато с красной мигалкой за ветровым стеклом. Человек, который вышел из машины, был одет в штатское — в серую поплиновую ветровку и синюю трикотажную кепку. Ральф понадеялся было, что вновь прибывший — это Джон Лейдекер, хотя Лейдекер ему говорил, что не появится в участке раньше полудня. Но ему даже не пришлось смотреть в бинокль, чтобы убедиться, что это вовсе не он. Этот человек был куда более стройным и в придачу носил пышные черные усы. Второй полицейский шагнул ему навстречу, а Крис-или-Джесс Нелл тем временем завернул за угол дома миссис Лочер.

Это было похоже на одну из тех пауз, которые в фильмах обычно вырезают. Второй полицейский опять достал пистолет. Он и его коллега в штатском поднялись на крыльцо. Они совещались, то и дело поглядывая на закрытую дверь. Потом полицейский сделал пару шагов в ту сторону, куда ушел Нелл. Но детектив в штатском схватил его за руку и остановил. Они еще немного посоветовались. Ральф еще крепче сжал кулаки и прокашлялся.

Прошло еще несколько минут, а потом... потом все случилось так быстро и путано, как это бывает только в экстренных ситуациях. Появилась еще одна полицейская машина (дом миссис Лочер и дома справа и слева теперь были ярко освещены красно-желтыми огнями от полицейских мигалок). Из машины вышли еще двое полицейских в форме, открыли багажник и вытащили оттуда какую-то объемистую штуковину, которая напомнила Раль-

фу портативное приспособление для пыток. Кажется, оно называлось «Челюсти жизни». После большой бури весной 1985 года, когда погибло больше двухсот человек — большинство из которых оказались запертыми в своих машинах и именно потому и умерли, — школьники Дерри тратили все свои сбережения, чтобы купить вот такую вот штуку.

Когда двое вновь прибывших полицейских несли «Челюсти жизни» через дорогу, дверь соседнего дома открылась и на крыльцо вышли Стэн и Джорджина Эберли. На них были одинаковые купальные халаты, а седые волосы Стэна торчали во все стороны. Ральф тут же вспомнил Чарли Пикеринга. Он поднял бинокль, изучил их возбужденные, любопытные лица и вновь отложил бинокль в сторону.

Следующая машина, подъехавшая к дому Мэй Лочер, была «скорая» из больницы Дерри. Как и у полицейских машин, сирена была отключена, но красные мигалки горели, бешено вращаясь. Ральфу это все напоминало один из его любимых фильмов с Грязным Гарри, только с выключенным звуком.

Двое полицейских дотащили «Челюсти жизни» до газона и опустили их на землю. Детектив в ветровке и кепке повернулся к ним, поднял руки на уровень плеч, ладонями наружу, как будто говоря: *Какого черта вы собирались делать с этой фигней, дверь, что ли, вышибать?* В ту же секунду из-за дома вышел офицер Нелл. Он как-то странно тряс головой.

Детектив резко развернулся, прошел мимо Нелла и его напарника, поднялся по ступенькам и ударил ногой в дверь Мэй Лочер. Дверь распахнулась. Он на секунду остановился, чтобы расстегнуть куртку — видимо, чтобы было сподручнее достать оружие, если что, — а потом вошел внутрь, даже не обернувшись.

Ральфу захотелось заплодировать и закричать: «Бис».

Нелл и его напарник неуверенно переглянулись и вошли в дом следом за детективом. Ральф наклонился еще дальше в кресле и почти прижался лицом к окну, так что стекло запотело от его дыхания. Еще три человека — в свете мигалок их белые больничные штаны казались оранжевыми — вылезли

из машины «скорой помощи». Один из них открыл задние двери, а потом все трое просто встали около машины, засунув руки в карманы курток: они ждали, понадобится ли им их помощь. Двое полицейских, которые успели донести «Челюсти жизни» до середины газона, переглянулись, пожали плечами и потащили приспособление обратно к грузовику. На газоне — там, где они уронили «Челюсти» — остались глубокие вмятины.

Пусть с ней будет все в порядке, я больше ничего не прошу, подумал Ральф. Пусть с ней — и со всеми, кто был вместе с ней в этом доме — все будет в порядке.

Детектив вновь появился в дверном проеме, и у Ральфа запылало сердце, когда тот махнул рукой врачам «скорой». Двое вытащили из машины складные носилки, третий остался на месте. Двое с носилками двинулись к дому, но шагом, а не бегом, а когда тот, кто остался возле машины, достал сигареты и закурил, Ральф вдруг понял — без всяких сомнений, — что Мэй Лочер мертва.

6

Стэн и Джорджина Эберли подошли к живой изгороди, которая отделяла их двор от двора миссис Лочер. Они обнимали друг друга за талию; и Ральфу они напоминали близнецов Бобси, только старых, толстых и очень испуганных.

Из ближайших домов уже выходили другие соседи: либо их разбудил свет мигалок, либо на этом отрезке Харрис-авеню уже начала работать телефонная сеть. Большинство из них были уже очень старыми («Мы, люди золотых времен», как любил называть их Макговерн — всегда иронически приподнимая бровь, разумеется) — они спали некрепко и просыпались от малейшего шума. Ральф вдруг понял, что Эд, Элен и малышка Натали Дипно были самыми молодыми людьми на этом отрезке Харрис-авеню... но они здесь уже не живут.

Я мог бы тоже пойти туда, подумал он. Я очень даже вписуюсь. Еще один реликт из «золотых времен» Билла.

Вот только не мог он никуда пойти. Ноги, судя по ощущениям, превратились в два чайных пакетика, которые удерживала вместе только хлипкая ниточка, и он был абсолютно уверен, что если попробует встать, то мешком рухнет на пол. Так что он просто сидел и смотрел в окно — следил за спектаклем, который разыгрывался перед ним на сцене, которая в это время обычно пустовала... если не считать Розали, иногда пробегавшей по улице. Это был спектакль, который он начал сам — одним анонимным звонком. Ральф увидел, как из дома вышли санитары. Теперь они шли куда медленнее. На носилках лежала фигура, накрытая простыней. Красно-синие блики падали на простыню, очерчивая контуры ног, бедер, рук, шеи и головы.

Ральфа внезапно отбросило назад, в его сон. Он увидел под простыней свою жену: не Мэй Лочер, а Каролину Робертс, — и в любую секунду ее голова могла треснуть, и черные жуки, которые питались плотью ее зараженного мозга, полезли бы наружу.

Ральф закрыл глаза руками. Из горла вырвался какой-то непонятный, нечленораздельный звук, в котором слились горечь и ярость, ужас и тревога. Он просидел так достаточно долго, мечтая лишь об одном: чтобы никогда не видеть того, что он видел, и слепо надеясь на то, что если и вправду был некий тоннель, ему все-таки не придется туда заходить. Да, ауры были загадочными и красивыми, но все-таки не настолько красивыми, чтобы компенсировать ему хотя бы одно мгновение из того ужасного сна, в котором его жену закопали в песок, — чтобы компенсировать весь ужас одиноких, бессонных ночей или эту фигуру, накрытую простыней, которую выносили из дома напротив.

Он хотел, чтобы этот спектакль закончился. И не только спектакль. Когда он сидел у окна, закрывая лицо руками, он хотел, чтобы закончилось все-все. В первый раз за все двадцать пять тысяч дней своей жизни Ральф Робертс хотел умереть.

Глава 9

1

а стене тесной каморки, которая была у Джона Лейдекера вместо рабочего кабинета, висел плакат, купленный, вероятно, в одном из окрестных видеосалонов за пару долларов. На плакате был изображен диснеевский слоненок Дамбо, парящий в небе на своих огромных волшебных ушах. На месте мордочки Дамбо была аккуратно наклеена фотография Сьюзан Дей с прорезанной дыркой для хобота в середине. На мультишном пейзаже внизу кто-то пририсовал стрелку с надписью ДЕРРИ 250.

— Очень мило, — заметил Ральф.

Лейдекер рассмеялся.

— Ну да, но не слишком политкорректно, правда?

— Я думаю, это еще мягко сказано. — А вот интересно, подумал Ральф, что бы сказала об этом плакате Каролина, не говоря уже об Элен. Был понедельник, прохладный и сумрачный день; они с Лейдекером только что вернулись из здания суда, где Ральф давал показания о своей незабываемой встрече с Чарли Пикерингом. Вопросы ему задавал помощник окружного прокурора. Ральфу показалось, что этот молодой человек даже бриться начнет еще очень нескоро, не говоря уже об остальном.

Лейдекер пошел в суд вместе с ним, как и обещал; он сидел в уголке и молчал на протяжении всего допроса. А его обещание угостить Ральфа кофе оказалось всего лишь фигурой речи — потому что ту жутковатого вида коричневую бурду, которую выплюнул автомат в углу комнаты отдыха на втором этаже Полицейского управления, назвать кофе было никак невозможно, даже с большой натяжкой. Ральф с опаской отпил маленький глоточек и очень порадовался, обнаружив, что на вкус это чуть-чуть лучше, чем на вид.

— Сахар? Сливки? — спросил Лейдекер. — Может быть, пистолет — пристрелить эту гадость, чтобы не мучилась.

Ральф улыбнулся и покачал головой.

— Ничего, пить можно... хотя моему мнению доверять нельзя. С прошлого лета я перешел на две кружки в день, так что теперь для меня любой кофе хорош.

— Ага, у меня та же история с сигаретами: чем меньше курю, тем лучше они на вкус. Вредные привычки — такая зараза. — Лейдекер достал свою коробочку с зубочистками, вынул одну и засунул в уголок рта. Потом он поставил свою кружку прямо на системный блок компьютера, подошел к плакату с Дамбо и начал вытаскивать кнопки, которыми он был пришпилен к стене.

— Если из-за меня, то не стоит, — сказал Ральф. — Это же ваш кабинет.

— Нет, не мой. — Лейдекер оторвал от плаката фотографию Сьюзан Дей, смял ее и выкинул в мусорную корзину. Потом скрутил плакат в трубочку.

— Да? А тогда почему на двери ваше имя?

— Имя мое, но кабинет ваш. Ваш и ваших товарищей-налогоплательщиков. А также всяких придурков из новостей, которым вполне может стукнуть в голову побродить здесь в поисках сенсаций; а если этот плакат появится в новостях «Ровно в полдень», мне будет очень невесело. Я забыл его снять, когда уходил в пятницу вечером, а в выходные меня почти не было на работе — очень редкий случай, надо заметить.

— Я так понимаю, это не вы его тут повесили? — Ральф уселся в маленькое кресло, предварительно убрав с него какие-то бумаги.

— Неа. Мои коллеги устроили в пятницу вечером вечеринку, специально для меня. Пироги, мороженое и подарки. — Лейдекер порывлся в столе и достал скотч. Он аккуратно заклеил плакат, так, чтобы тот не развернулся, посмотрел сквозь него на Ральфа, как в подзорную трубу, а потом выкинул в мусорное ведро. — Я получил набор трусиков «Неделька» с дырками в районе промежности, банку какой-то вагинальной

гадости с клубничным ароматом, набор брошюрок от «Друзей жизни», включая комикс под названием «Нежелательная беременность Дениз», и этот вот плакат.

— М-да, а по какому поводу, можно полюбопытствовать? Кажется, дня рождения у вас не было?

— Неа. — Лейдекер сплел пальцы, похрустел суставами и вздохнул, глядя в потолок. — Отмечали мое назначение на спецзадание.

Ральф увидел голубые вспышки ауры вокруг лица и плеч Лейдекера, и ему все сразу стало ясно.

— Это Сьюзан Дей, да? Вас назначили обеспечивать ей безопасность во время ее визита в город.

— Все правильно. Конечно, тут будет и государственная полиция, но они настоящие тормоза, когда дело касается ситуаций, подобных нашей. Будет еще ФБР, но они, как правило, только и делают, что ошииваются где-то поодаль, фотографируют и подают друг другу какие-то тайные знаки.

— Но у нее же есть и своя охрана?

— Да, но я не знаю, на что конкретно они способны. Я говорил с их главным сегодня утром. Вроде толковый парень, но все равно нам придется ввести в дело и своих ребят. Пятерых из них, согласно приказу, я получу в пятницу утром. Потом еще я, и еще четверо добровольцев, которые по идее должны вызваться сами, как только я попрошу. Цель такова... минутку... вам понравится... — Лейдекер порылся в бумагах у себя на столе, нашел ту, которую искал, и прочитал с выражением: — «Обеспечить присутствие и высокую видимость».

Он бросил бумажку на стол и усмехнулся, но усмешка вышла невеселой.

— Другими словами, если кто-нибудь попыбует застрелить эту суку или облить ее кислотой, нам нужно, чтобы Лизетт Бэнсон и остальные телепридурки запечатлели документально, что мы при этом присутствовали. — Лейдекер посмотрел на свернутый плакат, лежащий в корзине.

— Я смотрю, вы ее не любите. Но ведь вы ее даже не видели.

— Я не просто ее не люблю, Ральф, я ее ненавижу, мать ее за ногу. Слушайте: я католик, моя добрая матушка была католичкой, мои дети — если они у меня будут — все станут алтарными служками в церкви Святого Джо. Круто, да? Католичество — это круто. Сейчас нам даже можно есть мясо по пятницам. Но если вы думаете, что из-за своего вероисповедания я ратую за запрещение аборт, вы ошибаетесь. Видите ли, я католик, которому приходится общаться с парнями, которые избивают своих детей резиновыми шлангами и толкают их с лестниц после бурных ночей, проведенных за рюмкой старого доброго ирландского виски в сентиментальных слюнях и соплях по поводу своих матерей.

Лейдекер полез за пазуху, достал маленький золотой медальон, положил его на ладонь и показал Ральфу.

— Матерь Божья, дева Мария. Я ношу это с тех пор, как мне исполнилось тринадцать. Пять лет назад я арестовал человека, у которого был точно такой же медальон. Он только что сварил заживо своего двухлетнего приемного сына. Это правда. Парень поставил на огонь большой котел с водой, и когда она закипела, вытащил ребенка из кровати и опустил в котел вниз головой, как омара. Почему? Потому что ребенок писался в кровать, сказал он на допросе. Я видел тело, и скажу вам: после такого все фотографии этих ублюдочных борцов за жизнь с изображениями вакуумных абортов выглядят очень даже терпимо.

Голос у Лейдекера слегка задрожал.

— А лучше всего я запомнил, как тот парень кричал и плакал, как он вцепился в свой медальон — точно такой же, как у меня, — как он твердил, что ему надо на исповедь. В тот момент я просто гордился своей принадлежностью к католической церкви, знаете ли... и что бы там ни говорил Папа, я считаю, что у него нету права выражать свое мнение на этот счет, покуда он сам не родит ребенка или на крайний случай не попробует воспитать приемного.

— Ладно, — сказал Ральф. — А тогда в чем проблема со Сьюзан Дей?

— Она подливает масла в этот гребучий костер! — чуть ли не закричал Лейдекер. — Она приезжает в мой город, и я должен ее защищать. Хорошо. У меня есть пара надежных ребят, и если нам повезет, то скорее всего мы проводим ее отсюда в целости и сохранности, с целой головой и прочими частями тела, но что может случиться до этого? Или после того, как она уедет? Не с ней, я имею в виду... Вы думаете, ее это волнует? И уж если на то пошло, вы думаете, что энтузиастов из Женского центра волнует, какие последствия может вызвать ее приезд?

— Я не знаю.

— Защитники Женского центра менее склонны к насилию, чем «Друзья жизни», но если рассматривать ситуацию в целом, не так уж они отличаются друг от друга. Знаете, с чего все вообще началось?

Ральф вспомнил свой первый разговор о Сьюзан Дей с Хэмом Давенпортом. В какой-то момент он почти понял, в чем дело, но потом понимание опять ускользнуло. Он покачал головой.

— Районирование, — сказал Лейдекер и с отвращением рассмеялся. — Старое доброе районирование и урегулирование этого вопроса. Здорово, правда? В начале этого лета двое из наиболее консервативных городских советников Джордж Тэнди и Эмма Витон подали петицию в комитет по районированию. Они предлагали перераспределить район, где находится Женский центр — судя по всему, они просто хотели подтасовать факты так, чтобы Женского центра вообще не стало. Может, я выразился неясно, но, наверное, вы меня поняли.

— Вроде бы понял.

— Ага. Вот тогда-то борцы за свободный выбор попросили Сьюзан Дей приехать в Дерри и сказать речь, помочь им собрать средства на войну с борцами за жизнь. Проблема в том, что комитет по районированию категорически отказался перезонировать седьмой район, и люди из Женского центра об этом знали! Черт, да одна из их директрис, Джун Хэллидэй, сама состоит в Городском совете. Эта Хэллидэй и сука Витон чуть

ли не глотки друг другу дерут при каждой встрече в зале заседаний. Перезонировать седьмой район невозможно, потому что формально Женский центр — это больница, как и городская больница Дерри, которая располагается совсем рядом. Если поменять зоны так, чтобы Женский центр стал нелегальным, тогда придется объявить вне закона и городскую больницу — одну из трех крупных больниц в округе Дерри, третьем по величине округе в штате Мэн. Разумеется, на такое никто не пойдет. Впрочем, на самом деле никто этого и не добивался всерьез. Тут дело вовсе не в Женском центре. Главное — показать свою крутость и подложить свинью ближнему. Сделаться, как говорится, занозой в заднице. А для большинства сторонников свободного выбора... один из моих сослуживцев называет их выдающимися людьми, «не люди, киты», говорит... так вот, для них главное — доказать свою правоту.

— Правоту? Я не совсем понимаю.

— Им мало того, что женщины могут обратиться в центр и в любое удобное для них время избавиться от одной небольшой проблемки, которая неожиданно завелась у них в животе; сторонникам свободного выбора нужно одержать верх в этом споре. Им нужно, чтобы самые яростные их противники — такие, как Дэн Далтон, скажем — признали их правоту, а этого никогда не будет. Скорее уж евреи и арабы бросят оружие и устроят всеобщее братание. Я поддерживаю право женщины на аборт, если он ей на самом деле необходим, но эти борцы за выбор... меня от них просто тошнит, от их ханжеского лицемерия... Насколько я понимаю, это новые пуритане, люди, которые считают, что если ты думаешь по-другому, не так, как они, тебе прямая дорога в ад... правда, по их версии, ад — это такое место, где по радио передают исключительно музыку кантри, а из еды можно достать только курицу-гриль.

— Резко вы отзываетесь.

— Попробуйте три месяца посидеть задницей на пороховой бочке, и посмотрим, как вы будете себя чувствовать. Скажите мне вот что: как вы считаете, стал бы Пикеринг втыкать в вас

нож, не будь Женского центра, «Друзей жизни» и Сьюзан Дей по прозвищу «Оставьте в покое мою священную вагину».

Ральф сделал вид, что серьезно обдумывает вопрос, но на самом деле он разглядывал ауру Джона Лейдекера. Она была очень хорошего голубого цвета, но по краям бегали зеленоватые огоньки. Это очень заинтересовало Ральфа; он понятия не имел, что могли значить эти мигающие огоньки.

В конце концов он сказал:

— Нет, наверное, не стал бы.

— Я тоже так думаю. Вас ранили в войне, которая началась уже очень давно, Ральф. И вы не первая и не последняя жертва. Но если вы пойдете к этим «выдающимся людям» или к Сьюзан Дей, расстегнете рубашку, покажете им повязку и скажете: «Это отчасти и ваша вина, поэтому забирайте свою часть моей боли», — они замахают руками и скажут: «О нет. Нам действительно очень жаль, что вы пострадали, Ральф; мы, выдающиеся наблюдатели со стороны, ненавидим насилие, так что это не наша вина, нам всего-то и нужно, чтобы Женский центр продолжал работу, и ради этого многие люди готовы встать на баррикады, и если в этой борьбе прольется немного крови, значит, так тому и быть. Но их волнует вовсе не Женский центр, вот что меня бесит. Все дело...

— ...в абортах?

— Блин, да нет же! В штате Мэн и конкретно в Дерри женщины имеют право сделать аборт, что бы там ни говорила Сьюзан Дей в Общественном центре в пятницу вечером. Все дело в том, чья команда лучше. В том, на чьей стороне Господь. В том, кто прав, а кто нет. Знаете, больше всего мне бы хотелось, чтобы они хором спели «We are the champions», а потом все вместе нажрались в хлам.

Ральф запрокинул голову и рассмеялся. Лейдекер засмеялся вместе с ним.

— В общем, и те, и другие засранцы, — заключил он, пожав плечами. — Но это наши засранцы. Похоже на шутку? Но я не шучу. Женский центр, «Контроль за телом», «Хлеб насущный»... это все наши засранцы, и я вовсе не против сле-

дить за порядком в городе. Я поэтому и пошел работать в полицию и продолжаю работать в полиции. Но я надеюсь, вы меня поймете, если я скажу, что я не в восторге от перспективы, что мне придется опекать какую-то долговязую красотку, которая прилетит сюда на пару часов, выступит с зажигательной речью, а потом улетит обратно с еще одной пачкой вырезок из газет и материалом для пятой главы своей новой книги.

Она будет говорить, честно глядя нам в глаза, что у нас здесь замечательное сообщество, а когда она доберется до своей двухэтажной квартиры на Парк-авеню, она будет рассказывать всем своим друзьям, что она извела целый бутылек шампуня, чтобы вымыть из волос вонь от наших бумажных фабрик. Она женщина, слушайте, что она говорит... и если нам повезет, все успокоится и при этом никто не погибнет и не пострадает.

Ральф наконец понял, что означают эти зеленые вспышки.

— Вы боитесь, да? — спросил он.

Лейдекер удивленно взглянул на него:

— А что, так заметно?

— Немного. — А про себя Ральф подумал: *Только по твоей ауре, Джон. Только по твоей ауре.*

— Да, я боюсь. На личном уровне я боюсь, что облажаюсь при выполнении задания, потому что если что-то пойдет не так, то это уже вряд ли исправишь. На профессиональном уровне я боюсь, что во время моей смены с ней что-то случится. А на общественном уровне я просто в ужасе от того, что может случиться, если произойдет какая-то стычка, и джинн вырвется из бутылки... еще кофе, Ральф?

— Нет, спасибо. В любом случае мне уже скоро идти. А что будет с Пикерингом?

Его не особенно волновала судьба Пикеринга, но он подумал, что Лейдекеру покажется странным, если он спросит про Мэй Лочер, прежде чем спросить про Пикеринга. И даже не просто странным, а подозрительным.

— Стив Андерсон — помощник окружного прокурора, который беседовал с вами и брал показания — и адвокат Пике-

ринга, наверное, уже всюду торгуются, пока мы с вами тут разговариваем. Защитник Пикеринга будет говорить, что сможет добиться для своего клиента — кстати, от мысли, что Пикеринг вообще может быть чьим-то клиентом, у меня просто едет крыша — обвинения в нанесении повреждений второй степени. Андерсон скажет, что для всеобщего блага уже пора изолировать Пикеринга от общества; скорее всего он будет обвинять его в покушении на убийство. Адвокат Пикеринга сделает вид, что он глубоко потрясен, а завтра ваш добрый приятель будет обвинен в нанесении телесных повреждений первой степени с использованием смертельного оружия, и дело передадут в суд. Потом, может быть, в декабре, но реально — на будущий год, вас вызовут как главного свидетеля.

— Его выпустят под залог?

— Ну, может быть, но залог будет в размере около сорока тысяч. По закону можно заплатить десять процентов при гарантиях, что остальное будет выплачено потом, но у Чарли Пикеринга нет дома, машины или даже часов «Таймэкс». Так что скорее всего он отправится обратно в Джунипер-Хилл, но игра ведется не ради этого. На протяжении всего судебного разбирательства мы будем держать его в тюрьме, то есть он не будет шляться по улицам города, а с такими людьми, как Чарли, игры ведутся исключительно ради этого.

— А есть вероятность, что залог за него внесут «Друзья жизни»?

— Неа. На прошлой неделе Эд Дипно провозился с ним много времени. Они вместе пили кофе у Багела. Должно быть, Эд грузил Чарли своими любимыми баснями про Центурионов и Бриллиантового царя.

— Эд говорил про Кровавого Царя...

— Ну, какого-то там царя. — Лейдекер махнул рукой. — Но большую часть времени, как мне кажется, он посвятил рассказу о вас: что вы являетесь правой рукой дьявола, и что убирать вас — не самое легкое дело, и что на это способен только такой умный, смелый и преданный делу товарищ, как Чарли.

— Судя по вашим словам, Эд Дипно — редкостное дерьмо, причем дерьмо хитрое и расчетливое, — сказал Ральф. Он вспомнил, как Эд играл в шахматы с Каролиной незадолго до того, как она заболела. Тогда Эд был умным и интеллигентным молодым человеком с грамотной речью, и что самое главное — добрым и чутким. Ральф до сих пор не мог поверить, что это один и тот же человек: нынешний Эд и Эд образца июля 1992 года. Ему было проще думать о более позднем Эде как о явлении под названием «бойцовый петух Эд».

— Не просто хитрое и расчетливое дерьмо, а опасное, хитрое и расчетливое дерьмо, — сказал Лейдекер. — Для него Чарли — всего лишь инструмент, как нож, которым вы режете яблоко. Если лезвие сломалось, вы не бежите к точильщику, чтобы он поставил вам новое лезвие, это слишком хлопотно; вы просто выбрасываете сломанный нож в мусорное ведро и покупаете себе новый. Именно так ребята вроде Эда используют ребят вроде Чарли, и пока Эд неофициальный глава «Друзей жизни» — а оно так и есть, — я думаю, вам не надо бояться, что Чарли выпустят под залог. Сейчас наш друг Чарли одинок, как Робинзон Крузо на необитаемом острове. Ладно?

— Ну ладно. — Ральф был удивлен и даже немного испуган тем, что ему вдруг стало жалко Пикеринга. — Мне бы хотелось, чтобы мое имя не упоминалось в газетах... если вы за это отвечаете.

В полицейской хронике «Дерри ньюз» прошло кратенькое упоминание об этом инциденте, но там было сказано только, что Чарльз Х. Пикеринг был арестован за «применение оружия» в Публичной библиотеке Дерри.

— Иногда мы просим газетчиков об одолжении, иногда они просят нас об одолжении, — сказал Лейдекер, вставая. — Вот так вот все и происходит в этом прекрасном мире. И если когда-нибудь это поймут бесноватые психи из «Друзей жизни» и упертые ослы из друзей Женского центра, моя работа станет значительно проще.

Ральф выудил из мусорной корзины свернутый плакат с Дамбо и тоже встал.

— Можно, я его заберу? Я знаю одну маленькую девочку, которой он очень понравится, через год или два.

Лейдекер порывисто протянул руки.

— Берите, пожалуйста. Считайте это маленькой премией за то, что вы — законопослушный гражданин. Только трусики не просите — не дам.

Ральф засмеялся.

— Даже думать об этом не смею.

— А если серьезно, я рад, что вы пришли. Спасибо, Ральф.

— Без проблем. — Ральф обошел стол, пожал Лейдекеру руку и направился к двери. Он чувствовал себя, как лейтенант Коломбо из сериала; не хватало только сигары и серого плаща. Он взялся было за ручку двери, но вдруг замер и обернулся. — Могу я вас кое о чем спросить, только это совершенно не связано с Чарли Пикерингом.

— Валяйте.

— Сегодня утром в магазине «Красное яблоко» я слышал, что этой ночью умерла моя соседка, миссис Лочер. В этом нет ничего удивительного, у нее была эмфизема. Но на улице у ее дома и у нее во дворе натянута полицейская лента, и еще на двери написано, что дом опечатан Полицейским управлением Дерри. Вы знаете, в чем там дело?

Лейдекер так долго и пристально на него смотрел, что Ральф почувствовал бы себя очень неудобно... если бы не аура. В ней не было ничего, что могло бы указывать на какие-то подозрения.

Господи, Ральф, по-моему, ты воспринимаешь все это слишком серьезно, тебе не кажется?

Ну, может быть, да; а может быть, и нет. В любом случае он был очень рад, что зеленые вспышки больше не появлялись в аура Лейдекера.

— Почему вы так на меня смотрите? — спросил Ральф. — Если я что-то не то спросил или это секретная информация, я прошу прощения.

— Да нет, — сказал Лейдекер. — Просто все это немного странно. Если я вам расскажу, вы обещаете сохранить все в секрете?

— Да.

— Я просто волнуюсь из-за вашего соседа снизу. Когда речь заходит об осмотрительности, к профу это совсем не относится.

Ральф рассмеялся:

— Я ничего ему не скажу, честное слово скаута. Но забавно, что вы его упомянули; в свое время Билл ходил в одну школу с миссис Лочер. В среднюю школу.

— О Боже, как-то мне трудно себе представить профу в школе, — улыбнулся Лейдекер. — А вам?

— Ну... — протянул Ральф, однако картина, возникающая у него в сознании, была достаточно забавной: Билл Макговерн, который выглядит как нечто среднее между маленьким лордом Фонлероем и Томом Сойером в детских штанишках, длинных белых носках... и в панаме.

— Мы точно не знаем, что именно произошло с миссис Лочер, — сказал Лейдекер. — Мы знаем только, что где-то после трех ночи 911 приняла анонимный сигнал от кого-то... это был мужчина, но он не назвался... он сообщил, что только что видел двоих странных мужчин, одного из них — с парой ножниц, которые выходили из дома миссис Лочер.

— Ее убили?! — воскликнул Ральф, одновременно осознавая две вещи: что он сейчас говорил куда правдоподобнее, чем сам от себя ожидал, и что он только что перешел гипотетический мост. Не сжег его за собой — пока еще нет, — но теперь, чтобы вернуться обратно, ему придется придумать какие-то очень серьезные объяснения.

Лейдекер пожал плечами:

— Если и убили, то явно не ножницами, да и вообще не острым предметом. На теле не было следов насилия.

Ну хоть какое-то облегчение.

— С другой стороны, можно ведь и испугать человека до смерти — и особенно если это старый и больной человек, — сказал Лейдекер. — В любом случае я расскажу вам все, что знаю. Это не займет много времени, уж поверьте мне.

— Конечно. Извините.

— Хотите услышать кое-что смешное? Первый человек, о котором я подумал, когда просмотрел сводку службы спасения, были вы.

— Из-за бессонницы, да? — спросил Ральф твердым голосом.

— Да, и еще то, что позвонивший видел этих двоих из окна своей гостиной. Ваша гостиная тоже выходит окнами на улицу, да?

— Да.

— Угу. Я даже думал прослушать пленку, а потом вспомнил, что вы сегодня должны прийти... и что вы снова нормально спите. Так ведь?

Ни на секунду не усомнившись, Ральф поджег мост, который только что перешел.

— Ну, врать не буду: я сплю, конечно, не как тогда, когда мне было шестнадцать и я работал на двух работах по окончании школы, но если я и звонил в 911 прошлой ночью, то только во сне.

— Так я и подумал. К тому же, если бы вы увидели каких-то странных людей на улице, разве стали бы вы звонить анонимно?

— Я не знаю, — сказал Ральф и подумал: *Но может, все дело в том, что это были не просто странные люди, Джон? Не просто странные, а совершенно невероятные?*

— Я тоже не знаю, — сказал Лейдекер. — Из окна вашей гостиной видна Харрис-авеню, но она так же видна и из дюжины других домов... да, и еще, если тот парень, который звонил, сказал, что сидит дома, это ведь не значит, что он там действительно был?

— Ну да. Около «Красного яблока» есть таксофон, откуда он мог позвонить, плюс еще автомат около винного магазина. Да и в Строуфорд-парке есть несколько, если они, конечно, работают.

— На самом деле их там четыре, и все работают. Мы проверяли.

— А зачем ему врать о том, откуда он звонит?

— Ну, скорее всего потому, что он врал и обо всем остальном. В любом случае. Донна Хаген сказала, что голос был молодой и самоуверенный. — Лейдекер тут же спохватился и зажал себе рот рукой. — Я совсем не это имел в виду, извините, Ральф.

— Да нет, все нормально. Мысль о том, что у меня голос, как у старого пердуна на пенсии, для меня совсем не нова. Я и есть старый пердун на пенсии. Так что продолжайте.

— Крис Нелл в ту ночь был дежурным — он первым приехал на место. Вы его помните? Вы встречались в тот день, когда мы арестовали Эда?

— Я помню имя.

— Угу. Стив Аттербек тоже был дежурным... он очень хороший парень.

Тот парень в кепке, подумал Ральф.

— Старая леди лежала в постели и была мертва, но никаких следов насилия не было. Ничего ценного не забрали, хотя у таких старых леди, как миссис Лочер, обычно и нет ничего особенно ценного: ни видеомэгнитофонов, ни стерео, ничего такого. Хотя кое-что было: какие-то драгоценности. И никто не утверждает, что не было и других драгоценностей, которых мы не нашли... но...

— Но тогда почему грабитель что-то взял, а что-то оставил?

— Точно. И что самое интересное: позвонивший сказал, что видел двоих мужчин, которые выходили из дома, а дверь была заперта изнутри. Причем не просто на замок — там был засов и цепочка. И то же самое с задней дверью. Так что если звонивший не врал и Мэй Лочер была мертва, когда эти двое ушли, кто же тогда запер двери?

Может, Кровавый Царь, подумал Ральф... и, к своему несказанному ужасу, чуть не брякнул это вслух.

— Я не знаю. А что насчет окон?

— Заперты. На щеколды. И если вам мало загадок в духе Агаты Кристи: Стив говорил, что на окнах были еще и штормовые завесы. Один из соседей миссис Лочер сказал ему, что она специально нанимала мальчика, чтобы их поставить.

— Разумеется, нанимала, — сказал Ральф. — Это Пит Салливан, разносчик газет. Теперь, когда вы напомнили, я вспомнил, что видел, как он это делал.

— Какая-то чушь из мистических романов, — сказал Лейдекер, но Ральф подумал, что Лейдекер, не задумываясь, поменял бы Сьюзан Дей на Мэй Лочер. — Когда я уже собирался идти в здание суда, чтобы встретиться с вами, пришли предварительные результаты экспертизы. Миокардическое то, тромбическое это... короче говоря, сердце не выдержало. Сейчас мы рассматриваем этот звонок как розыгрыш, такое часто случается, а смерть леди — как результат сердечного приступа, вызванного ее эмфиземой.

— Простое совпадение, другими словами. — Это заключение могло бы уберечь его от многих неприятностей — если бы оно прозвучало достаточно убедительно, — но даже в собственном голосе Ральф услышал недоверие.

— Да, мне все это тоже не нравится. И Стиву, который не понимает, почему дом был заперт. Ребята еще обследуют дом, видимо, завтра утром продолжат; а тем временем миссис Лочер придется доехать до Августы для более детального изучения. Кто знает, что оно покажет? Иногда это действительно помогает. Вы будете удивлены.

— Да, наверное буду, — сказал Ральф.

Лейдекер выудил изо рта зубочистку, выкинул ее в мусорное ведро, на секунду помрачнел, но потом его лицо просияло:

— Вот, у меня появилась идея. Может быть, я попрошу кого-нибудь из канцелярии сделать мне дубликат записи того звонка в 911. Я принесу ее вам и дам послушать. Может быть, вы узнаете голос. Кто знает. Станные вещи творятся на свете.

— Да уж, наверное, — сказал Ральф, выдавливая из себя улыбку.

— В любом случае это дело ведет Аттербек. Пойдемте я вас провожу.

В холле Лейдекер еще раз внимательно посмотрел на Ральфа, которому стало еще неуютнее — он понятия не имел, что означает этот взгляд. Ауры снова исчезли.

Он попытался улыбнуться, но улыбка получилась какой-то увечной.

— У меня, наверное, что-то свисает из носа?

— Нет. Просто я удивлен, как вы здорово выглядите, с учетом того, что вы пережили вчера. И в сравнении с тем, как вы выглядели прошлым летом... если это так действуют соты, я, пожалуй, куплю себе улей.

Ральф рассмеялся так, как будто бы это была самая смешная шутка, которую он слышал в жизни.

1.42. Ночь с понедельника на вторник.

Ральф сидел в кресле-качалке и смотрел на круги тумана вокруг фонарей. Выше по улице, около дома Мэй Лочер, уныло болтались полицейские ленты.

Едва ли два часа сна, и Ральф снова поймал себя на мысли, что проще будет умереть. Никакой тебе бессонницы. Никаких тягостных ожиданий рассвета в этом ненавистном кресле. Никаких дней, когда смотришь на мир сквозь «Невидимый гардоловый щит», как в древней рекламе зубной пасты, когда телевидение было еще в новинку — а было и такое, — когда в его волосах только начали появляться первые серебряные нити, и он засыпал через пять минут после того, как они с Каролиной заканчивали заниматься любовью.

А окружающие удивляются, как я замечательно выгляжу. Вот что самое странное.

Только это было не самое странное. С учетом того, что он видел в последнее время, замечания знакомых о том, что он хорошо выглядит, воспринимались вполне нормально.

Ральф снова взглянул на дом Мэй Лочер. Если верить словам Лейдекера, дверь была заперта, но он своими глазами ви-

дел, как два маленьких лысых доктора вышли из дома на крыльцо, он это видел, черт побери...

А точно ли видел?

На самом деле?

Ральф мысленно вернулся к вчерашней ночи. Он сидел в том же кресле с кружкой чая и думал: *Пусть пьеса начнется*. А потом увидел этих двух маленьких лысых ублюдков, которые выходили из дома, черт побери, он своими глазами видел, как они выходили из дома Мэй Лочер!

Впрочем, вполне вероятно, что он ошибся — по той простой причине, что он смотрел не на дом Мэй Лочер, а скорее на «Красное яблоко». Потом он уловил какое-то движение краем глаза — и подумал, что это скорее всего Розали — и повернул голову, чтобы проверить. Вот тогда он и увидел двоих маленьких лысых докторов на крыльце дома Мэй Лочер. И он уже не был на сто процентов уверен в том, что видел открытую дверь; может, он просто это домыслил. Но в одном он был уверен: они подошли к дому Мэй Лочер не с улицы.

Ты не можешь быть в этом уверен, Ральф.

Но как раз в этом он мог быть уверен. В три часа ночи Харрис-авеню, освещенная фонарями, была как горы под яркой луной — малейшее движение было бы заметно.

Но вот выходили ли Док номер раз и Док номер два из парадной двери? Чем дольше Ральф думал об этом, тем больше он сомневался.

Тогда как это было, Ральф? Может быть, они вышли из-за «Невидимого гардолового щита»? Или — как тебе такой вариант? — они прошли прямо сквозь дверь, как эти призраки из старого телешоу «Космо Топпер»?

И что самое страшное, даже такой вариант уже начинал казаться правдоподобным.

Что?! Они прошли через эту гребаную дверь НАСКВОЗЬ? Ральф, дорогой, тебе нужна помощь. Тебе надо с кем-нибудь поговорить о том, что с тобой происходит.

Да. И это, наверное, единственное, в чем он был уверен: ему надо с кем-нибудь поговорить и обо всем рассказать, пока

он еще окончательно не сошел с ума. Вот только — с кем? Конечно, лучше всего с Каролиной, но она мертва. С Лейдекером? Проблема в том, что Ральф уже солгал ему про звонок в Службу спасения. Почему? Потому что правда прозвучала бы как бред сумасшедшего — так, будто он подхватил паранойю от Эда Дипно, заразился, как гриппом. И это было еще не самое поганое объяснение, если как следует рассмотреть сложившуюся ситуацию.

— Но это не бред, — прошептал он. — Они были настоящие. И ауры тоже.

Долог путь обратно в Эдем, милый... и пока ты на пути, следи за золотисто-зелеными следами белого человека.

Поговори с кем-нибудь. Выложи все, как есть. Да. И надо успеть до того, как Джон Лейдекер прослушает пленку, записанную в Службе спасения, и начнет требовать у него объяснений. Ему, конечно, захочется знать, почему Ральф солгал и что он знает на самом деле о смерти Мэй Лочер.

Поговори с кем-нибудь. Выложи все, как есть.

Но Каролина мертва, а с Лейдекером он знаком только недавно. Элен — где-то за городом, в убежище Женского центра, а Луиза Чесс наверняка разболтает все своим подружкам. И что ему остается?

Ответ пришел незамедлительно. Но Ральфу почему-то совсем не хотелось рассказывать Макговерну о том, что с ним происходит. Он вспомнил, как нашел Билла на скамейке около футбольного поля, когда тот плакал по своему другу и наставнику Бобу Полхерсту. Тогда Ральф попытался рассказать ему про ауры, но Билл как будто не слышал его: он был слишком занят, проигрывая свою обычную программу на тему «как же дерьмово стареть».

Ральф вспомнил об этой привычке Макговерна скептически приподнимать бровь. Его непрошибаемый цинизм. Вытянутое, всегда недовольное лицо. Излишне умные литературные аллюзии, которые обычно заставляли Ральфа улыбаться, но зачастую он чувствовал себя из-за них глупым ребенком. И

еще — отношение Билла к Луизе: снисходительное и иногда просто жестокое.

Ну, это было не совсем справедливо, и Ральф это прекрасно знал. Билл Макговерн мог быть добрым, и чутким, и — что в данном конкретном случае, наверное, было важнее всего — понимающим. Они с Ральфом знали друг друга уже двадцать лет, и последние десять жили в одном доме. Билл помогал нести гроб на похоронах Каролины, и если Ральф собрался с кем-нибудь поговорить о том, что с ним происходит, то с кем же ему говорить, как не с Биллом?!

Ответ простой: больше не с кем.

Глава 10

1

Туманные кольца, окружавшие фонари, исчезли, как только небо на востоке начало светлеть, и к девяти часам день уже был ясным и теплым — начало последних деньков бабьего лета скорее всего. Как только закончилось «Доброе утро, Америка», Ральф спустился вниз, твердо решив рассказать Макговерну обо всем, что с ним происходит в последнее время (во всяком случае, обо всем, о чем он осмелится рассказать), прежде чем у него окончательно сдадут нервы. Однако, подойдя к двери нижней квартиры, он услышал шум душа и — к счастью, звук был достаточно приглушенным — голос Уильяма Д. Макговерна, распевającego «Оставил я сердце свое в Сан-Франциско».

Ральф вышел на крыльцо, засунул руки в задние карманы брюк и огляделся по сторонам. Он подумал, что в мире нет ничего — действительно ничего, — что может сравниться с октябрьским солнцем; он почти физически ощущал, как отступают его ночные тревоги. Они, конечно, вернутся с на-

ступлением темноты, но сейчас он чувствовал себя хорошо. Разумеется, он не выпался, и голова слегка мутная, но в остальном — все-таки хорошо. День был не просто погожим и ясным; он был великолепным. И вряд ли в ближайшее время что-то подобное повторится — теперь надо ждать до следующего мая. И Ральф решил, что глупо было бы не воспользоваться таким прекрасным днем. Прогулка по шоссе за Харрис-авеню и обратно займет полчаса, максимум — сорок пять минут, если он встретит кого-то, с кем можно будет постоять-поболтать, а к тому времени Билл уже примет душ, побреется, причешется и оденется. И будет готов сочувственно слушать Ральфа — если, конечно, ему повезет.

Он дошел до площадки для пикников за оградой окружного аэропорта и всю дорогу только и делал, что пытался уговорить себя, что он вовсе даже и не надеется встретить там старого Дора. Но если он его встретит, они вполне могут поговорить о поэзии — о книжке Стивена Добинса, например — или даже о философии. И может быть, Дор заодно объяснит ему, что это за «дела долгосрочников» и почему он считает, что Ральфу в них лучше «не вмешиваться».

Но на площадке для пикников Дорранса не обнаружилось; там не было вообще никого, кроме Дона Визи, который вдруг загорелся желанием объяснить Ральфу, почему Билл Клинтон — отвратительный президент и почему для старушки Америки было бы куда лучше выбрать на эту должность финансового гения Росса Перо. Ральф (который голосовал за Клинтона и думал, что тот справляется со своей работой очень даже неплохо) послушал какое-то время, чтобы не показаться невежливым, а потом сказал, что ему надо идти стричься. Это было единственное, что он смог придумать вот так вот с ходу.

— И вот еще что! — крикнул Дон ему вдогонку. — Эта его чопорная жена! Она лесбиянка, точно тебе говорю! Я всегда вижу такие вещи! И знаешь почему? Я смотрю на их туфли! Туфли — это их секретный код! Они всегда носят такие туфли, с квадратными носами и...

— Увидимся, Дон! — прокричал Ральф и быстренько ретировался.

Он прошел около четверти мили вниз по холму, а потом мир вокруг него тихо взорвался.

Когда это случилось, Ральф как раз проходил мимо дома Мэй Лочер. Он встал на месте как вкопанный и удивленно уставился на Харрис-авеню. Он не верил своим глазам. Он прижал руку к горлу и открыл рот. Наверное, он был похож на человека, у которого случился сердечный приступ, и хотя с его сердцем все было в порядке — по крайней мере сейчас, — судя по ощущениям, у него и вправду был какой-то приступ. Ничто из того, что он уже видел до этого, не подготовило его к такому. Впрочем, вряд ли хоть что-то могло подготовить к такому.

Другой мир — тайный мир аур — проявился опять, только на этот раз... такое Ральфу и не снилось... он даже всерьез задумался о том, может ли человек умереть от перегрузки органов восприятия. Харрис-авеню превратилась в мерцающую страну чудес, населенную наложенными друг на друга сферами, конусами и полумесяцами самых разных цветов. Деревья, которые меньше чем через неделю сбросят остатки осенних листьев, горели яркими факелами у Ральфа в глазах и в сознании. Небо утратило свой прежний цвет — теперь это было вообще не небо, а что-то огромное, синее и стремительное.

Телефонные линии на западной стороне Дерри по-прежнему висели на фоне этой безбрежной сини, и Ральф уставился на них, как завороченный. В какой-то момент он поймал себя на том, что перестал дышать, и понял, что надо возобновить этот процесс, и как можно быстрее, иначе он просто хлопнется в обморок посреди улицы. Вверх-вниз по черным проводам бегали желтые изломанные спирали; они были похожи на «ежики» на колочей проволоке, какими их Ральф видел в детстве. То и дело в этом желтом мерцании возникали то красные вер-

тикальные полосы, то зеленые вспышки, которые распространялись на всю желтизну и на мгновение перекрывали ее, прежде чем исчезнуть.

Ты видишь, как люди разговаривают по телефону, тупо подумал Ральф. Ты это видишь. Тетя Сэди из Далласа болтает со своей любимой племянницей, которая живет в Дерри; фермер из Хэйвена ругается с продавцом, у которого покупает детали для трактора; священник пытается помочь своему прихожанину, который попал в беду. Их голоса, мне так кажется, как раз и есть эти яркие вспышки и линии, они исходят от людей, и вызваны всплеском эмоций — любовью или злостью, радостью или завистью.

Ральф почувствовал, что то, что он видит и чувствует, — это еще далеко не все; что существует еще целый мир, который лежит за пределами даже его расширенного восприятия. И что по сравнению с этим миром все, что он видит сейчас, показалось бы ему бледным и тусклым. И если действительно есть еще что-то, то как постичь это «что-то» и не сойти с ума? Даже если выколоть себе глаза, это все равно не поможет; Ральф почему-то не сомневался, что его ощущение «видения» происходит из многолетней привычки воспринимать мир глазами. Но тут все было гораздо сложнее.

Чтобы доказать это себе, он закрыл глаза... и — как он и думал — он по-прежнему видел Харрис-авеню. Как будто его веки вдруг превратились в стекло. Единственная разница заключалась в том, что привычные цвета изменились на прямо противоположные и создали мир, который выглядел, как негатив цветной фотографии. Деревья больше не были оранжевыми и желтыми, они стали неестественно-зеленого цвета. Серый асфальт на Харрис-авеню — его поменяли совсем недавно, в июне — стал абсолютно белым, а небо превратилось в удивительное красное озеро. Ральф снова открыл глаза, почти уверенный в том, что ауры исчезнут, но они не исчезли; мир вокруг по-прежнему переливался и расцветал красками, и движением, и глубокими резонирующими звуками.

Когда я начал их видеть? — размышлял Ральф, спускаясь вниз по холму. *Когда маленькие лысые доктора начали выходить из соседних домов?*

Но сейчас он не видел никаких докторов, лысых или каких-то еще, никаких ангелов на крышах, никаких чертей, вылезающих из канализации. Сейчас было только...

— Эй, Робертс, поаккуратнее! Смотреть надо, куда идешь!

Слова — резкие и немного встревоженные, — казалось, обладали некоей осязаемой плотностью; как будто проводишь рукой по дубовой панели в каком-нибудь древнем монастыре или старинном фамильном поместье. Ральф резко остановился и увидел миссис Перрин, которая жила дальше по Харрис-авеню. Она сошла с тротуара, чтобы он не сшиб ее, как кеглю в боулинге, и теперь стояла по колено в опавших листьях, сжимая в одной руке сумку и мрачно глядя на Ральфа из-под нахмуренных седеющих бровей. Аура, которая ее окружала, была добротного серого цвета униформы Военной академии Сухопутных войск.

— Ты что, пьян, Робертс? — спросила она резким тоном, и буйство цвета и ощущений как-то разом исчезло из мира. Ральф растерянно огляделся: это снова была обычная Харрис-авеню, еще одно обычное, хоть и приятное утро буднего дня в середине осени.

— Пьян? Я?! Да ни разу. Трезв как стеклышко, честное слово.

Он протянул ей руку, чтобы помочь подняться на тротуар. Миссис Перрин, которой было уже за восемьдесят, хотя по ней этого и не скажешь, посмотрела на него так, как будто у Ральфа на руке сидела жаба. Я на это не попадусь, Робертс, говорили ее холодные серые глаза. Ты меня не проведешь. Она поднялась обратно на тротуар без помощи Ральфа.

— Простите, миссис Перрин. Я немного задумался и не смотрел, куда шел.

— Конечно, ты не смотрел, еще бы. Перся вперед, не разбирая дороги и разинув рот, как debil, вот что ты делал. У тебе вид, как у деревенского дурачка.

— Простите, — повторил он и прикусил язык, чтобы не рассмеяться.

— Хм-м. — Миссис Перрин смерила его пристальным взглядом, как сержант-инструктор морской пехоты, разглядывающий новобранца. — У тебя на рубашке под мышкой дырка, Робертс.

Ральф поднял левую руку и посмотрел. Там и вправду была большая дырка, на его любимой клетчатой рубашке. Сквозь дырку проглядывала повязка и бинт с каплей запекшейся крови, а также неприглядный фрагмент волосяного покрова давно поседевшего старика. Он быстро опустил руку и почувствовал, как краснеет.

— Хм-м, — снова хмыкнула миссис Перрин, выразив этим все, что она думает по поводу Ральфа Робертса. — Можешь занести ее мне домой. И все остальное, что требует штопки. Я еще в состоянии держать в руках иголку, знаешь ли.

— Не сомневаюсь, миссис Перрин.

Теперь миссис Перрин наградила его взглядом, который говорил: Ты старый подхалим, Ральф Робертс, но, наверное, с этим уже ничего не поделаешь.

— Только, пожалуйста, до обеда, — сказала она. — Во второй половине дня я готовлю обеды в приюте для бездомных и помогаю их подавать в пять часов. Это богоугодное дело.

— Да, безусловно...

— В раю не будет бездомных, Робертс, уж поверь мне. А еще там не будет рваных рубашек, да. Но пока что нам надо терпеть и проявлять милосердие к ближнему. Это наша работа. — И я с ней отлично справляюсь, явственно читалось на лице миссис Перрин. — Принеси все, что надо зашить, утром или уже совсем вечером, после пяти. Но только не поздно. Я не люблю условностей, Робертс, но лучше не показывайся у меня дома после половины девятого. В девять я ложусь спать.

— Это так мило с вашей стороны, миссис Перрин. Спасибо, — сказал Ральф и вынужден был опять прикусить язык. Он боялся, что в следующий раз это уже не поможет, и он окажется перед выбором: засмеяться или умереть.

— Не за что. Это мой христианский долг. К тому же Каролина была моей подругой.

— И все равно, спасибо, — повторил Ральф — Эта история с Мэй Лочер... ужасно, правда?

— Нет, — сказала миссис Перрин. — Это была божья милость. — Она развернулась и пошла прочь, прежде чем Ральф успел хоть что-то сказать. У нее была такая прямая спина, что Ральфу стало больно при одном взгляде на нее — такое впечатление, что миссис Перрин проглотила кол.

Ральф прошел еще пару шагов и понял, что больше не может сдерживаться. Он прислонился лбом к телеграфному столбу, зажал рукой рот и засмеялся так тихо, как только мог. Он смеялся, пока из глаз не брызнули слезы. Когда приступ (а это и вправду было похоже на истерический припадок) наконец прошел, Ральф поднял голову и внимательно посмотрел по сторонам. К счастью, он не увидел ничего такого, чего не видели бы все остальные прохожие.

Но это вернется, Ральф. Ты знаешь, что это вернется. В полном объеме.

Да, наверное, он знал. Но оставил это знание на потом. Сейчас ему надо было кое с кем поговорить.

}

Когда Ральф наконец вернулся из своего удивительного путешествия по Харрис-авеню, Макговерн уже сидел на крыльце в своем кресле и лениво просматривал утреннюю газету. Когда Ральф свернул на дорожку к дому, он принял одно решение. Он расскажет Биллу многое, но не все. И он уж точно ему не расскажет о двух лысых ребятах, которые выходили из дома Мэй Лочер и выглядели как пришельцы из бульварных газет.

Билл таки соизволил оторвать взгляд от газеты, когда Ральф уже поднялся по ступенькам.

— Привет, Ральф.

— Привет, Билл. Мне надо с тобой поговорить.

— Ага. — Билл закрыл газету и аккуратно ее сложил. — Вчера моего старого друга Боба Полхерста все-таки увезли в больницу.

— Вот как? Я думал, ты ожидал, что это случится быстрее.

— Ожидал. И все ожидали. Но он нас одурачил. На самом деле ему вроде как стало лучше — по крайней мере что касается пневмонии, — а потом случился рецидив. Вчера около полудня у него остановилось дыхание, и его племянница испугалась, что он умрет раньше, чем придет «скорая». Но он не умер, и теперь ситуация вроде как снова стабилизировалась. — Макговерн взглянул на улицу и вздохнул. — Мэй Лочер просто умирает посреди ночи, а Боб все еще цепляется за жизнь. Ну что за мир, а?

— Да...

— Ну так чего там у тебя, о чем ты хотел поговорить? Все-таки созрел подкатиться к Луизе? И тебе требуется отеческий совет, как это лучше всего обставить?

— Мне нужен совет. Но не в том, что касается личной жизни.

— Ну, говори.

И Ральф заговорил, обрадованный и успокоенный молчаливым вниманием Макговерна. Он начал с того, о чем Билл уже знал, — с того случая с Эдом и водителем синего пикапа летом девяноста второго, и как все, что Эд говорил тогда, было похоже на тот странный бред, который он нес в тот день, когда избил Элен за то, что она подписала петицию. И пока Ральф говорил, он все лучше и лучше понимал, что между всеми этими странностями, которые с ним происходят, существует какая-то связь. Он ее почти видел, но никак не мог определить.

Он рассказал Макговерну об аурах, но не о том тихом кататизме, который случился с ним меньше получаса назад — об этом он тоже пока не хотел рассказывать, по крайней мере сейчас. Разумеется, Макговерн знал о том, что Чарли Пикеринг напал на Ральфа с ножом; знал он и том, что Ральф избежал более серьезных ранений, воспользовавшись баллон-

чиком с газом, который дала ему Элен, — но теперь Ральф рассказал ему то, о чем умолчал в воскресенье вечером, когда рассказывал Макговерну об этом случае: как баллончик таинственным образом появился у него в кармане, куда он его не клал. Кроме того, он признался в своем подозрении, что баллончик ему подложил старина Дор.

— Срань господня, — воскликнул Макговерн. — У тебя, Ральф, не жизнь, а сплошные опасности и приключения.

— Да, наверное.

— И что из этого уже знает наш добрый друг Джонни Лейдекер?

Очень мало, хотел сказать Ральф, но потом понял, что даже это будет преувеличением.

— Почти ничего. И я не сказал ему самое главное... ну, может, не главное, но существенное. О том, что случилось вон там. — Ральф указал на дом Мэй Лочер, к которому как раз подъезжали два бело-синих фургончика с надписями ГОСУДАРСТВЕННАЯ ПОЛИЦИЯ ШТАТА МЭН. Ральф решил, что это те самые люди, о которых ему говорил Джон Лейдекер.

— Мэй? — Макговерн слегка подался вперед в своем кресле. — Ты что-то знаешь о том, что случилось с Мэй?

— Думаю, что да. Знаю. — Тщательно подбирая слова, передвигаясь от слова к слову, словно переступая по камушкам через бурную речку, Ральф рассказал Макговерну, как он проснулся посреди ночи, пошел в гостиную и увидел двух странных парней, выходящих из дома Мэй Лочер. Он рассказал о том, как пошел за биноклем и увидел ножницы в руках одного из них. Он не упомянул про кошмарный сон про Каролину и про следы на тротуаре, потому что подумал, что, услышав такое, Билл точно решит, что он псих. Он закончил рассказ на звонке в Службу спасения, потом сел в свое кресло и с волнением посмотрел на Билла.

Макговерн тряхнул головой, как будто прочищая мозги:

— Ауры, оракулы, таинственные взломщики с ножницами... у тебя точно не жизнь, а сплошные опасности и приключения.

— Что ты по этому поводу думаешь, Билл?

Пару секунд Макговерн просто сидел и молчал. Пока Ральф говорил, Билл скрутил свою газету в трубочку и теперь постукивал ею по колену. Ральф захотел перефразировать свой вопрос и спросить напрямую: «Ты думаешь, я сошел с ума, Билл?» — но потом передумал. Потому что на такой вопрос тебе вряд ли ответят честно... ну, по крайней мере без порядочной дозы чего-нибудь психотропного. Да и как он себе это представляет? Что Билл улыбнется и скажет: «О да, Ральф, дружище, я думаю, ты ненормальный, как мартовский заяц, и я думаю, нам с тобой стоит прямо сейчас позвонить в Джунипер-Хилл и спросить, может, у них там найдется местечко и для тебя?» Вряд ли он это скажет... а любой другой ответ будет скорее всего неискренним. Поэтому лучше вообще не спрашивать.

— Я даже не знаю, чего и думать, — наконец сказал Билл. — Пока не знаю. А как, ты говоришь, они выглядели, эти двое?

— Лица я не сумел рассмотреть, даже с биноклем. — Голос Ральфа звучал спокойно и ровно, как вчера в разговоре с Лейдекером, когда он отказывался от звонка в 911.

— И ты, наверное, не скажешь, сколько им было примерно лет?

— Нет.

— А не мог ли один из них быть нашим старым приятелем?

— Эд Дипно, ты имеешь в виду? — Ральф удивленно взглянул на Макговерна. — Нет, Эда там не было.

— А может быть, это был Пикеринг?

— Да нет же. Не было там ни Эда, ни Чарли Пикеринга. Я бы их узнал. Ты к чему вообще клонишь? Что у меня мозги переклинило, и теперь мне повсюду мерещатся эти двое, даже на крыльце у Мэй Лочер?

— Нет. Вовсе нет, — ответил Макговерн, но мерные удары газетой об ногу на мгновение прекратились, и Билл как-то странно прищурился. Ральф почувствовал, как у него заныло в желудке. Да: именно к этому Билл и клонил, но это и неудивительно, правильно?

Может быть, и нет, но ныть в желудке от этого не перестало.

— А Джонни сказал, что все двери были заперты.

— Да.

— Изнутри.

— Угу, но...

Макговерн так резко поднялся с кресла, что Ральфу на мгновение показалось, что сейчас Билл сорвется с места и убежит от него по улице, может быть, даже с воплями: «Берегитесь Роберта! Он спятил!» Но Билл лишь повернулся к двери, ведущей в дом. И почему-то это насторожило Ральфа еще больше.

— Ты куда?

— Хочу позвонить Ларри Перро, — сказал Макговерн. — Младшему брату Мэй. Он живет в Кардвилле, я думаю, он никуда не переехал. — Билл как-то странно покосился на Ральфа. — А ты что подумал?

— Не знаю, — мрачно отозвался Ральф. — Мне показалось, что ты сейчас убежишь от меня, как пряничный человечек*.

— Да ну тебя. — Макговерн похлопал его по плечу, но Ральфу этот жест показался холодным и неудобным. Каким-то безразличным, что ли.

— А при чем тут брат Мэй Лочер?

— Джонни сказал, что они повезут тело Мэй в Августу для более детальной аутопсии, правильно?

— Ну... по-моему, он говорил о вскрытии...

Макговерн махнул рукой.

— Это одно и то же. И если там все-таки обнаружили что-то странное — что-то, из чего можно было бы заключить, что ее убили, — Ларри уже знает об этом. Он — ее единственный близкий родственник из оставшихся в живых.

— Да, а если он спросит, зачем тебе это надо?

— Ну, я не думаю, что нам стоит об этом переживать, — проговорил Макговерн дружески-успокоительным тоном, до

* Пряничный человечек — герой детской сказки типа нашего Колобка. — *Примеч. пер.*

которого Ральфу совершенно не было дела. — Я скажу, что полиция опечатала дом и что старая мельница слухов на Харрис-авеню уже намолотала немало мешков муки. Он знает, что мы с Мэй вместе учились и что последние несколько лет я исправно ее навещал. Мы с Ларри вовсе не без ума друг от друга, но вполне ладим. Он скажет мне, все что нужно, уже хотя бы потому, что мы оба с ним выжили в Кардвилле. Ясно?

— Да, наверное, но...

— Очень на это надеюсь, — сказал Макговерн и вдруг стал похож на очень старую и очень уродливую ящерицу — на ядозуба или, может быть, на василиска. Он ткнул пальцем в Ральфа. — Я не дурак, и я знаю, что можно говорить, а что нельзя. У тебя на лице только что было написано, что ты в этом не очень уверен, и меня это обидело. Очень сильно обидело, черт побери.

— Извини, — сказал Ральф. Вспышка Билла его просто ошеломила.

Еще мгновение Макговерн смотрел на него, обнажив свои чересчур крупные десны, а потом кивнул.

— Ладно, твои извинения приняты. Ты же почти не спишь, и это надо учитывать, а я все никак не могу выкинуть из головы Боба Полхерста. — Он вздохнул. Один из коронных тяжелых вздохов «бедного старого Билла». — Слушай, если ты не хочешь, чтобы я звонил брату Мэй...

— Нет-нет, — сказал Ральф, уже жалея о том, что он вообще затеял этот разговор. А потом у него в голове наконец появилось и оформилось то, что Билл, без сомнения, хотел от него услышать: — Прости, если я усомнился в твоём благоразумии.

Макговерн улыбнулся, сперва неохотно и вымученно, но потом вполне искренне.

— Теперь я знаю, почему ты плохо спишь: думаешь о всякой ерунде. Сиди спокойно, Ральф, и думай о чем-нибудь приятном, например, о бегемотах, как говаривала моя мама. Я сейчас вернусь. Может статься, его и дома-то нету: подготовка к похоронам и все такое. Хочешь, пока почитай газету.

— Ага. Спасибо.

Макговерн вручил ему газету, все еще свернутую в трубочку, и вошел в дом. Ральф уставился на первую страницу. Заголовков гласил: АДВОКАТЫ БОРЦОВ ЗА СВОБОДНЫЙ ВЫБОР И БОРЦОВ ЗА ЖИЗНЬ ГОТОВЫ К ПРИБЫТИЮ АКТИВИСТКИ. При статье было две фотографии. На одной из них были молодые женщины, рисующие плакаты с надписями типа: «НАШИ ТЕЛА — НАШ ВЫБОР» и «ЭТО НОВЫЙ ДЕНЬ ДЛЯ ДЕРРИ!» На другой были люди, митингующие перед зданием Женского центра. У них не было никаких плакатов, но это им и не требовалось: черные плащи с капюшонами и косы у них в руках говорили сами за себя.

Ральф глубоко вздохнул, бросил газету на сиденье кресла-качалки и стал смотреть на улицу: картина «Вторник, утро на Харрис-авеню». Ему почему-то казалось, что Макговерн звонит вовсе не Ларри Перро, а Джонни Лейдекеру, и у них сейчас как раз происходит экспресс-брифинг учитель — ученик, а тема брифинга: «Это рехнувшийся Ральф Робертс, поехавший крышей на почве бессонницы».

Мне показалось, тебе будет небезынтересно узнать, кто на самом деле звонил в 911, Джонни.

Спасибо, Проф. Мы были почти уверены, что это именно он, но в любом случае подтверждение не помешает. Но я думаю, он не опасен. Мне он даже понравился, славный дядька.

Ральф попытался не думать о том, кому Билл может звонить или же не звонить. Самое лучшее, просто сидеть и вообще ни о чем не думать, даже о бегемотах. Просто сидеть и смотреть, как грузовик с пивом «Будвайзер» заруливает на стоянку перед «Красным яблоком», останавливается, чтобы пропустить фургон Magazines Inc., который только что привез в магазин недельную порцию брошюр, журналов и дешевых книжек в бумажном переплете. Смотреть на старую Харриет Бенниган, по сравнению с которой даже миссис Перрин выглядела как весенняя розочка. (Харриет вышла на утреннюю прогулку в своем ярко-красном осеннем плаще.) Смотреть на девочку в джинсах, огромной белой футболке и мужской шляпе,

которая была ей велика размера на четыре. Она прыгала через скакалку на заросшем сорняками пустыре между булочной Фрэнка и магазином кожаных изделий Вики Мун (Облачать тело — наша специальность). Смотреть на то, как мелькают маленькие руки девочки: вверх-вниз, — и слушать, как она напевает свою бесконечную песню-считалочку.

Три-шесть-девять-сто-одно, гусь с гусыней пил вино...

И вдруг Ральф с удивлением понял — но как-то смутно, словно издалека, — что он сейчас уснет: прямо здесь, на крыльце. И в этот же самый миг ауры снова проникли в мир, наполняя его удивительными цветами и промелями движения. Это было великолепно, но...

...но что-то было не так. Что-то. Но что?

Девочка, которая прыгала через скакалку на пустыре. С ней было что-то не так. Ее ноги, обтянутые джинсовой тканью, которые мелькали вверх-вниз, как бобина швейной машинки. Ее тень, которая прыгала рядом с ней на выщербленном тротуаре, заросшем подсолнухами и сорняками. Мелькала скакалка... вверх-вниз... вверх-вниз...

И это была не футболка, совсем не футболка. Это был халат. Белый халат, такие обычно носят актеры в старых телесериалах про докторов.

*Три-шесть-девять-сто-одно, гусь с гусыней пил вино,
А большая обезьяна все ломилась к ним в окно...*

На солнце набежала туча, и свет вдруг стал тускло-зеленым — улица как будто погрузилась под воду. У Ральфа по спине побежал холодок. Скачущая тень девочки исчезла. Она посмотрела на Ральфа, и он увидел, что это никакая не девочка. Это был мужчина; ростом четыре фута, но определенно мужчина. Вначале Ральф принял это лицо, закрытое полями огромной шляпы, за детское лишь потому, что на нем не было ни единой морщинки; оно было идеально гладким. И еще: это лицо вызывало у Ральфа совершенно четкие ассоциации — безумная злоба, которую не понять нормальному человеку.

Вот оно, тупо подумал Ральф, глядя на скачущее существо. Я не знаю, что это за существо, но оно абсолютно безумно. Полностью невменяемо.

Существо, должно быть, прочло мысли Ральфа, потому что в этот самый момент его губы расплылись в улыбке, которая была одновременно и застенчивой, и гадкой, как будто они с Ральфом оба знали какую-то мерзкую и неприятную тайну. И он был уверен — да, почти точно уверен, — что сквозь эту улыбку просачивались слова, хотя существо не открывало рта:

[Гусь с гусыней так напилась, что до смерти подавилась! Обезьяна сорвалась и разбилась — и разбилась!]

Это был маленький лысый доктор, но не из тех двоих, которых Ральф видел возле дома Мэй Лочер, в этом он тоже был почти уверен. Он был таким, как они, может быть, но не из тех двоих точно.

Существо выкинуло скакалку. Она вдруг стала сначала желтой, а потом — красной, и, казалось, она искрила, пока летела. Маленькая фигура — Лысый доктор номер три, — ухмыляясь, смотрела на Ральфа, и Ральф неожиданно понял еще одну вещь. И когда он это понял, ему стало действительно страшно. Он разглядел, что было на голове у того существа.

Пропавшая панاما Макговерна.

4

И опять существо как будто прочло его мысли. Оно сдернуло с головы панаму, обнажив круглый, совершенно лысый череп, и помахало панамой в воздухе, как ковбой, объезжающий дикую лошадь. И при этом оно продолжало ухмыляться своей кошмарной ухмылкой.

Внезапно оно ткнуло пальцем в Ральфа, словно помечая его. Потом нахлобучило панаму обратно на лысую черепушку и исчезло в переулке между салоном кожаных изделий и булочной. Солнце вышло из-за тучи, и ослепительная четкость аур начала блекнуть. Спустя где-то минуту после исчезновения существа

вокруг снова была обыкновенная Харрис-авеню — все та же скучная Харрис-авеню, такая же, как всегда.

Ральф вздрогнул и с трудом вдохнул воздух, вспомнив безумие на гладком лице, расплывающемся в ухмылке. Вспомнив, как маленький лысый доктор указал

(Гусь с гусыней так напились, что до смерти подавились)

на него, как будто

(Обезьяна сорвалась и разбилась — и разбилась!)

помечая его.

— Скажите мне, что я сплю, — хрипло прошептал он. — Скажите мне, что я сплю, и этот уродец мне просто приснился.

У него за спиной открылась дверь.

— О Господи, ты разговариваешь сам с собой, — сказал Макговерн. — У тебя, наверное, денег в банке немерено.

— Ага, как раз хватит на похороны. — У Ральфа был голос, какой обычно бывает у человека, только что пережившего ужасное потрясение, во всяком случае, ему так показалось. Он все еще пытался справиться со своим страхом. Он почти ожидал, что Билл сейчас наклонится к нему и спросит, что случилось, и на лице у него будет тревога (или, может быть, лишь подозрение).

Но Макговерн не сделал ничего такого. Он просто плюхнулся в кресло-качалку, задумчиво сложил руки на своей чахлой груди и обвел взглядом Харрис-авеню: эту сцену, на которой он сам, Ральф, Луиза, Дорранс Марстеллар и другие старики — люди «золотых времен», как любил называть их Макговерн — играли свои последние, зачастую скучные, иногда страшные, иногда полные боли роли.

Предположим, я расскажу ему про его панаму? — подумал Ральф. Предположим, я начну разговор с фразы: «Билл, а я знаю, куда подевалась твоя панاما. Это связано с теми парнями, которых я видел вчера ночью, причем связано очень хреново, есть у меня подозрение. Теперь ее носит один из них — тот, который прыгает через скакалку на пустыре рядом с булочной и салоном кожаных изделий».

И если у Билла еще остались какие-то сомнения насчет его, Ральфа, вменяемости-невменяемости, эта новость их точно развеет. Ага.

Поэтому Ральф промолчал.

— Извини, что так долго, — сказал Макговерн. — Ларри вопил, что я поймал его буквально в дверях, что он как раз собирался ехать в похоронное бюро, что он ужасно спешит, но прежде чем я успел задать ему хоть один вопрос, он умудрился пересказать мне половину жизни Мэй и даже половину собственной, черт бы его подрал. Минут сорок пять трещал без остановки.

Это было явным преувеличением — Макговерна не было от силы минут пять, — но когда Ральф украдкой взглянул на часы, он с изумлением обнаружил, что было уже пятнадцать минут двенадцатого. Он оглядел улицу и не увидел ни миссис Бенниган, ни грузовика «Будвайзер». Он что, и вправду заснул?! Похоже на то... но никакого разрыва в своем восприятии он не заметил.

Ой, да ладно тебе, не тупи. Разумеется, ты заснул, и этот маленький лысый парень тебе приснился.

Это было разумное объяснение; все становилось на свои места, и даже то, что лысый коротышка носил панаму Макговерна. Та же панاما привиделась Ральфу и в том страшном сне про Каролину. Тогда она была в лапах у Розали.

Только на этот раз он не спал. Он был в этом уверен.

Ну... или почти уверен.

— Ты не хочешь спросить, что мне сказал брат Мэй? — Кажется, Макговерн был слегка уязвлен равнодушием Ральфа.

— Да, извини, — сказал Ральф. — Что-то я замечтался.

— Ты прощен, сын мой... только теперь слушай меня внимательно. Этим делом занимается детектив, его зовут Фундербюрк...

— А мне казалось, что его фамилия Аттербек. Стив Аттербек.

Макговерн небрежно махнул рукой, как делал всегда, когда кто-то пытался его поправить:

— Фундербюрк — Аттербек, какая разница. В любом случае он позвонил Ларри и сказал, что вскрытие не показало ничего необычного. Это была естественная смерть. Они особенно сосредоточились на версии — я так думаю, из-за твоего звонка, — что у нее случился сердечный приступ, потому что кто-то ее напугал. В прямом смысле слова — перепугал до смерти. Хотя двери были заперты изнутри, да и большинство улик свидетельствует против того, что в дом кто-то проник, но все-таки там, в полиции, отнеслись к твоему звонку достаточно серьезно и проверили и этот вариант тоже.

Его несколько укоризненный тон — как будто Ральф нарочно подлил клея в механизм некоей машины, которая до этого работала безупречно — слегка взбесил Ральфа.

— Они и должны были отнестись серьезно. Я видел, как двое парней вышли из дома Мэй, и сообщил об этом властям. Когда полиция приехала по моему звонку, они обнаружили, что она мертва. Было бы странно, если бы они не восприняли этот звонок всерьез.

— А почему ты не назвал, когда звонил?

— Я не знаю. Какая разница? И почему они так уверены, что ее не напугали до смерти... то есть до сердечного приступа?! Разве такое можно определить с точностью в сто процентов?

— Я не знаю, можно ли это определить с точностью в сто процентов, — похоже, Макговерн тоже потихоньку начал раздражаться, — но я думаю, что они все же сделали какие-то выводы, раз уж они отдают тело Мэй брату, чтобы он ее похоронил. Я не знаю их методов. Может, они там сделали какой-то анализ крови или еще что-нибудь в этом духе. Я знаю только, что этот парень, Фундербюрк...

— Аттербек...

— ...сказал Ларри, что Мэй скорее всего умерла во сне.

Макговерн скрестил ноги и наградил Ральфа ясным, пронзительным взглядом.

— Я дам тебе дельный совет, поэтому слушай меня внимательно. Отправляйся к врачу. Немедленно. Не откладывая.

Сегодня. Не копи двести баксов, не записывайся заранее, а иди напрямик к доктору Литчфилду. А то я за тебя уже беспокоюсь.

Те двое, которые были у дома Мэй Лочер, не меня видели, а тот, со скакалкой, видел, — подумал Ральф. Он меня видел и указал на меня. И вполне может статься, что он искал именно меня.

Какая прелестная параноидальная мысль.

— Ральф, ты слышишь, что я говорю?

— Да, да. Я понял, что ты мне не веришь. Не веришь, что я действительно видел, как те двое парней вышли из дома Мэй Лочер.

— Ты все понял правильно. Я видел твой взгляд, когда я сказал тебе, что меня не было сорок пять минут, и я видел, как ты посмотрел на часы. Ты не поверил, что прошло столько времени, да? А причина этому в том, что ты вырубился и даже сам этого не заметил. Может быть, прошлой ночью с тобой случилось то же самое, Ральф. Ты заснул, и те два парня тебе приснились. Только сон был таким ярким, что ты, когда проснулся, позвонил в 911. По-моему, все сходится.

«Три-шесть-девять-сто-одно, — подумал Ральф. — Гусь с гусыней пил вино».

— А как же бинокль? — спросил он. — Он так и лежит на столике возле кресла в гостиной. Разве это не доказательство, что я не спал?

— Никакое это не доказательство. Может быть, ты ходил во сне, об этом ты не подумал? Ты утверждаешь, что видел каких-то парней, но ты их ни разу толком не описал.

— Эти оранжевые фонари...

— И запертые изнутри двери...

— И все равно я...

— И эти ауры, про которые ты говорил. Это все из-за бессонницы — я даже не сомневаюсь. Но все может быть даже серьезнее.

Ральф поднялся с кресла, спустился по ступенькам и встал в начале подъездной дорожки, повернувшись к Макговерну

спиной. У него стучало в висках, а сердце билось так часто, что он даже слегка испугался.

Он не просто указал на меня. В первый раз я был прав: этот маленький сукин сын меня пометил. И он мне не приснился. И те двое, которые вышли из дома Мэй Лочер, они тоже мне не приснились. Я в этом уверен.

«Разумеется, Ральф, — ответил ему другой голос. — Сумасшедшие люди всегда уверены в тех сумасшедших вещах, которые они видят и слышат. Собственно, потому они и сумасшедшие — именно из-за этой, а вовсе не из-за каких-то там галлюцинаций. Если ты и вправду видел то, что видел, то куда тогда подевалась миссис Бенниган? И куда делся грузовик с «Будвайзером»? Куда ухнули те сорок пять минут, которые Макговерн проговорил по телефону с Ларри Перро?»

— У тебя нехорошие симптомы, — сказал Макговерн у него за спиной, и Ральфу показалось, что в его голосе было что-то пугающее. Чуть ли не удовлетворение... но разве такое возможно?!

— Да, и еще: у одного из них были ножницы, — сказал Ральф, не оборачиваясь. — В руках. Я их видел.

— Да ладно тебе, Ральф! Подумай как следует! Включи мозги и подумай! Днем в воскресенье, за день до того, как ты должен был встретиться с этим своим акупунктуристом, какой-то маньяк чуть не всадил в тебя нож. И ничего удивительного, что потом ночью у тебя в сознании — или даже в подсознании — всплыл образ чего-то острого. Иглы Хонга и охотничий нож Пикеринга обернулись ножницами, вот и все. Эта гипотеза все объясняет, неужели ты не понимаешь, а вот твое утверждение, что ты это видел на самом деле, наоборот, не объясняет ничего.

— И еще я ходил во сне, когда брал бинокль. Выходит, что я лунатик?

— Вполне вероятно, и даже скорее всего.

— И то же самое с баллончиком, который каким-то таинственным образом вдруг оказался у меня в кармане, хотя я точ-

но помню, что я его туда не клал? Старина Дор тут ни при чем, правильно?

— Да плевать мне на баллончик и на старого Дора тоже плевать! — психанул Макговерн. — Мне на тебя не плевать. Ты мучаешься бессонницей начиная с мая или даже с апреля. У тебя депрессия с тех пор, как умерла Каролина...

— Нет у меня никакой депрессии! — заорал, в свою очередь, Ральф. Почтальон, проходивший мимо по той стороне улицы, остановился и внимательно посмотрел на них, прежде чем продолжить свой путь.

— Ладно, — сказал Макговерн, — будь по-твоему: у тебя нет депрессии. И сна тоже нету. Ты не спишь, ты видишь ауры, каких-то ребят, выходящих из запертых домов посреди ночи... — Он умолк на мгновение и добавил нарочито небрежным и беззаботным тоном: — Ты все-таки поосторожнее, сынок. А то ты начинаешь мне напоминать Эда Дипно.

Ральф резко обернулся. Кровь ударила в голову, прилила к лицу жаркой волной.

— Зачем ты мне все это говоришь?! Зачем ты меня мучаешь?!

— Ничего я тебя не мучаю. Я пытаюсь тебе помочь, Ральф. Понимаешь, помочь. Я же твой друг.

— Вот оно как. А смотрится наоборот.

— Ну да, иногда правда ранит, — спокойно проговорил Макговерн. — Тебе надо хотя бы задуматься, что происходит. Может быть, твое тело и твое сознание пытаются что-то тебе сказать, а ты этого не понимаешь. Можно я задам тебе вопрос: это единственный такой сон за последнее время?

Ральф подумал о том кошмаре про Каролину, когда она, закопанная по шею в песок, кричала ему о следах белого человека. Подумал о жуках, которые лезли сплошным потоком у нее из головы.

— В последнее время мне вообще не снятся плохие сны, — сказал он сухо. — Я думаю, ты мне не веришь только по одной причине: потому что это не вписывается в твой сценарий происходящего.

— Ральф...

— Дай-ка теперь я у тебя спрошу. Ты действительно думаешь, что то, что я видел этих двоих мужчин на крыльце у Мэй Лочер и что она умерла в ту же ночь, — это всего лишь совпадение?

— Может быть, и нет. Может, твое состояние физической и эмоциональной подавленности стало причиной некоего пророческого озарения.

Ральф молчал.

— Я думаю, что такое случается время от времени, — сказал Макговерн, вставая с кресла. — Может быть, это смешно и странно — слышать нечто подобное от старого циника типа меня, но я в это верю. Я не утверждаю, что это был именно такой случай, но и не исключаю такой возможности. Но в одном я уверен: тех двоих, которых ты видел, точнее, думаешь, что видел, на самом деле не существует.

Ральф стоял и смотрел на Макговерна, засунув руки глубже в карманы и с такой силой сжимая кулаки, что они стали почти как каменные. Он даже чувствовал, как перекатываются мышцы у него на руках.

Макговерн спустился с крыльца, подошел к нему и осторожно взял его за руку, чуть выше локтя.

— Я думаю только...

Ральф так резко выдернул руку, что Макговерн аж пошатнулся.

— Я знаю, что ты думаешь.

— Ты не слушаешь, что я говорю...

— Я уже наслушался. По самое «не хочу». И услышал более чем достаточно. Поверь мне. И извини... я, пожалуй, еще разок прогуляюсь. Мне нужно проветрить мозги. — Ральф чувствовал, как кровь опять приливает к щекам. Он попытался отвлечься, чтобы как-то преодолеть эту бессмысленную и бессильную вспышку ярости, но не смог. Самые разные чувства нахлынули на него, как в тот раз, когда он проснулся после кошмарного сна про Каролину; мысли бурлили ужасом и смятением, а когда он шагнул вперед, ему вдруг показалось, что он не идет, а падает — ощущение было точно такое же, как и

позапрошлой ночью, когда он упал с кровати. Но он все равно продолжал идти. Потому что не мог по-другому.

— Ральф, тебе надо к врачу! — закричал ему вслед Макговерн, и на этот раз Ральфу не показалось: в голосе Билла явно слышалось странное удовольствие. И беспокойство тоже, да. И даже вроде бы искреннее беспокойство. Но это было как сладкая сахарная глазурь на кислом пироге. — Не к фармацевту, не к гипнотизеру, не к акупунктуристу. Тебе надо сходить к твоему семейному доктору!

«Ага, к тому самому парню, который похоронил мою жену! — подумал Ральф. И не просто подумал, а закричал про себя. — К тому самому парню, который закопал ее в песок по шею и сказал, что ей не о чем волноваться, что она не утонет, пока принимает свой валиум и тайленол-3!»

А вслух он сказал:

— Мне надо пройтись! И больше мне ничего не надо. — Теперь кровь стучала в висках, как удары отбойного молотка, и в какой-то момент ему показалось, что именно так и случаются сердечные приступы: если он сейчас же не возьмет себя в руки, то грохнется прямо на подъездную дорожку с диагнозом «удар от дурного нрава», как называл это его отец.

Ральф слышал, что Макговерн идет следом за ним. Не трогай меня, Билл, подумал он. И руку мне на плечо не клади, потому что иначе я обернусь и врежу тебе по морде.

— Я пытаюсь тебе помочь, неужели ты не понимаешь?! — крикнул Макговерн. Почтальон на другой стороне улицы снова остановился и посмотрел на них, а возле «Красного яблока» стояли Карл — парень, который работал на кассе с утра — и Сью, которая работала после обеда. Они тоже смотрели на них. Ральф заметил, что Карл держит в руках пакет с гамбургерами. Ему было странно, что в своем теперешнем состоянии он замечает такие мелочи... хотя, если подумать, сегодня утром он видел и не такое.

Или думал, что видел, — шепнул предательский голос у него в голове.

— Мне надо пройтись, — в отчаянии прошептал Ральф. — Просто пройтись и вообще ни о чем не думать. — У него в голове опять началось кино. Неприятный такой фильм; Ральф бы не взял на него билет, если бы он шел в Киноцентре. И саундтрек к этому душевному фильму ужасов тоже был более чем паскудным. «Раз-два-три, беги, хорек» — убиться и не встать!

Дай я тебе кое-что скажу, Ральф. В нашем возрасте умственные расстройства — обычное дело! В нашем возрасте это вполне нормально, так что действительно ПОКАЖИСЬ СВОЕМУ ВРАЧУ!

Миссис Бенниган теперь стояла у себя на крыльце, ее ходунков остался у нижней ступеньки. На ней было все то же ярко-красное пальто, и она тоже смотрела на Ральфа с Макговерном, разинув рот.

Ты меня слышишь, Ральф? Я очень надеюсь, что ты меня слышишь! Очень!

Ральф пошел быстрее, втянув голову в плечи, как будто на улице был сильный ветер. А что, если он не отстанет и будет идти за мной вдоль по улице и кричать все громче и громче?

«Тогда люди подумают, что это он, а не я выжил из ума», — сказал себе Ральф, но легче ему не стало. У него в голове продолжала звучать эта детская песенка — причем впечатление было такое, что кто-то наигрывает мелодию на пианино. И даже не то чтобы наигрывает, а просто стучит по клавишам, как ребенок в детском саду:

Макака в тутовых кустах
За хорьком всю гонялась.
Так макака развлекалась.
Раз-два-три, беги, хорек!

Перед мысленным взором Ральфа предстали все старики с Харрис-авеню — те, кто покупал страховки у компаний, дающих рекламу на кабельном телевидении; те, у кого были камни в желчном пузыре и рак кожи; те, чья память бледнела, а простата, наоборот, увеличивалась и болела; те, кто жил на соци-

альном обеспечении и смотрел на мир сквозь пелену катаракты, а не сквозь розовые очки. Те, кто читает всю почту, которую складывают им в ящик, и просматривает рекламки в супермаркетах в поисках купонов на скидку на консервы и полуфабрикаты. Они предстали перед ним в нелепых, гротескных нарядах: коротких штанишках и пышных коротких юбочках, в кепках и футболках с изображением персонажей типа Бивиса и Батхеда. Самые старые школьники в мире. Ральфу представилось, как они ходят вокруг двойного ряда стульев, а маленький лысый человечек в белом халате поет им песенку про хорька и макаку, подыгрывая себе на пианино. Еще один лысый убирал стулья, по одному за кон, и когда музыка затихала и все садились, кто-то один — на этот раз Мэй Лочер, а в следующий раз это, может быть, будет старый начальник и друг Макговерна — оставался стоять. И этот оставшийся должен был выйти из комнаты. Там, в этом видении, Ральф явственно слышал, как смеется Макговерн. А смеялся он потому, что он-то нашел себе стул и на этом кону. Мало ли что там с другими — Мэй Лочер уже умерла, Боб Полхерст, может быть, скоро умрет, Ральф Робертс выжил из ума, — но с ним все пока что в порядке. Уильям Д. Макговерн, эсквайр, все еще бодр и весел, по-прежнему твердо держится на ногах и все еще может найти себе стул, когда умолкает музыка.

Ральф зашагал еще быстрее, втянув голову еще глубже в плечи, чтобы закрыться от очередной вероятной порции добрых советов и дружеского сочувствия. Скорее всего Макговерн оставит его в покое и не будет бежать за ним вдоль по улице, но Ральф не был полностью в этом уверен. Если Билла разозлить, он может выкинуть все что угодно. Так и будет тащиться следом и орать на всю улицу, чтобы Ральф прекратил страдать херней и пошел к доктору, причем чем скорее, тем лучше — потому что музыка может оборваться в любую минуту, и если он не найдет себе стула, то может вылететь из игры навсегда.

Но никаких криков и воплей не было. Ральф даже хотел обернуться, чтобы посмотреть, где там Макговерн, а потом

передумал. Если Макговерн увидит, что Ральф обернулся, все может начаться по новой. Лучше просто идти вперед. И Ральф размашистым шагом направился к аэропорту, даже не задумываясь о том, куда именно он идет. Он шагал, низко опустив голову, и пытался не слушать навязчивую мелодию, которая звучала у него в голове, пытался не видеть старых детей, марширующих вокруг стульев, пытался не замечать их испуганных глаз над притворными, вымученными улыбками.

И в какой-то момент он понял, что его надежды не оправдались. Его все-таки втолкнули в тоннель, и вокруг сомкнулась темнота.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ПОТайНОЙ ГОРОД

Старикам надлежит быть пытливыми и любопытными.

Т. Элиот. «Четыре квартета»

Глава 11

1

ерри Старых Кляч был не единственным потайным городом из тех, которые тихо существовали в месте, которое Ральф привык считать своим домом; когда он был маленьким и жил в Мэри-Мид — там, где сейчас были новые застройки, — он обнаружил, что, кроме Дерри, принадлежащего взрослым, есть и другой Дерри, который принадлежал только детям. Возле железнодорожного депо на Нейлбот-стрит был целый квартал заброшенных трущоб, где иногда можно было найти банки из-под томатного супа, наполовину заполненные каким-то подобием ирландского рагу, и бутылки, где еще оставалась паратройка глотков пива; за театром «Аладдин» был переулок, где они с ребятами курили сигареты «Булл Дархем» и запускали петарды; в этом потайном городе для детей был большой старый вяз, нависающий над рекой, на обрыве, где многие поколения мальчишек и девчонок из Дерри учились нырять; там была целая сотня (или даже две сотни) запутанных рельсов, которые шли через Барренс — Большие Пустоши, — огромный пустырь, который тянулся через весь центр города, как плохо залеченный шрам.

Эти тайные улицы и дороги находились вне поля зрения взрослых, которые их как бы и не замечали... хотя были и

исключения. И одним из таких исключений был полицейский по имени Алоизий Нелл — «мистер Нелл» для многих поколений детишек из Дерри, — и только сейчас, по дороге к площадке для пикников, когда Ральф проходил то место, где Харрис-авеню переходила в шоссе, до него вдруг дошло, что Крис Нелл (тот полицейский, которого Ральф впервые увидел в компании Джона Лейдекера), вероятно, был сыном старого мистера Нелла... хотя, если подумать, он был для этого слишком молод. Скорее, наверное, внук, а не сын.

Ральф узнал о существовании другого тайного города — того, который принадлежал старикам — сразу же после того, как ушел на пенсию, но до смерти Кэрол он так до конца и не проникся мыслью, что и он тоже был гражданином этого «стариковского» города. И только потом, когда Каролины не стало, он обнаружил, что существует некая скрытая география, чем-то похожая на ту, которую он знал в детстве: место, которое просто не замечает окружающий их суетливый мир — мир, спешащий на работу, а после работы спешащий на отдых. И вот теперь Дерри старперов с Харрис-авеню пересекался еще и с третьим потайным городом — с Дерри Проклятых, ужасным местом, которое населяли в основном бездомные бродяги и сумасшедшие, которых по каким-то причинам не смогли запереть в психушку.

Именно на площадке для пикников Лафайетт Чапин однажды высказал Ральфу очень важную мысль, может быть, самую важную в жизни... теперь, когда ты стал настоящим старпером, так он сказал. И это предполагало, что теперь он выпал из «настоящей жизни». Эта тема возникла в их разговоре, когда они еще только начали общаться и почти не знали друг друга. Ральф спросил Фэя, чем он занимался до того, как вышел на пенсию.

— Ну, в реальной жизни я был плотником и неплохим краснодеревщиком, — отозвался Чапин, обнажив уцелевшие зубы в широкой ухмылке. — Но все это закончилось почти десять лет назад. — Как будто, подумал тогда Ральф, выход на пенсию был

чем-то сродни поцелую вампира, который открывал тебе путь в мир, навечно застывший между жизнью и смертью — когда ты уже не живой, но еще не мертвый. И если подумать, то это, наверное, не далеко от истины.

Макговерн благополучно отстал (по крайней мере Ральф очень на это надеялся). Ральф прошел через рожицу, что отделяла площадку для пикников от шоссе. С тех пор как он был здесь сегодня утром, людей на площадке заметно прибавилось — у большинства из них были коробочки с домашней едой или сэндвичи из «Горячего кофейника». Эберли и Зеллсы играли в карты засаленной колодой, которая обычно хранилась в дупле дуба на краю поляны; Фэй и Док Малхэйр, ветеринар на пенсии, играли в шахматы; остальные просто бродили туда-сюда, наблюдая то за одной игрой, то за другой.

Настольные игры были главным занятием на площадке для пикников — как и в большинстве мест, где собирались члены клуба старперов, — но Ральф всегда думал, что игры — это всего лишь прикрытие. На самом деле старики приходили сюда, чтобы пообщаться, поделиться своими мыслями и убедить (пусть даже только самих себя), что они еще живут хотя бы какой-то жизнью, реальной или еще какой.

Ральф уселся на пустую скамейку рядом с забором и принялся машинально водить пальцем по вырезанным там буквам — имена, инициалы, многочисленные ИДИ ТЫ НА, — наблюдая за тем, как приземляются самолеты. Интервал две минуты: Цессна, Пайпер, Апач, Твин Бонанза, Воздушный Экспресс из Бостона в одиннадцать сорок пять. Он вполуха прислушивался к разговорам на площадке. Имя Мэй Лочер упоминалось достаточно часто, некоторые из тех, кто был здесь, хорошо ее знали, и общее мнение совпадало с тем, что сказала ему миссис Перрин: Господь наконец проявил милосердие и избавил ее от страданий. Но в основном разговор шел о предстоящем визите Сьюзан Дей. Обычно старперы с Харрис-авеню не

разговаривали о политике — у них были другие, более интересные темы для обсуждения, например, рак желудка или сердечные приступы, — но тема абортс все-таки захватила и взволновала даже завсегдатаев площадки для пикников и разделила спорщиков на два лагеря.

— Она выбрала не тот город, и, черт побери, я уверен, что она это знает, — заявил Док Малхэйр, мрачно глядя на доску, где Фэй Чапин устроил стремительную атаку на оставшихся защитников его короля. — Здесь и без нее много чего происходит. Помнишь пожар в «Черном местечке», Фэй?

Фэй кивнул и «съел» последнего слона Дока.

— Вот кого я не понимаю и никогда не пойму, так это вот этих психов, — сказала Лайза Зелл, приподняв со стола газету и указав на фотографию людей в капюшонах, митингующих возле Женского центра. — Как будто им очень хочется вернуться в те дни, когда женщины сами делали себе абортс железными вешалками.

— Именно этого им и хочется, — сказала Джорджина Эберли. — Они так рассуждают: женщина не станет ковырять себя вешалкой, потому что побоится что-нибудь там себе повредить и умереть. Но им и в голову не приходит, что бывают такие ситуации, когда сохранить ребенка для женщины даже страшнее, чем умереть.

— А страх здесь при чем? — резко спросил один из зрителей — старик с землистым лицом по имени Педерсен. — Убийство — это всегда убийство, и не важно, где там ребенок, внутри или снаружи, таково мое мнение. Даже когда он еще такой маленький, что увидеть его можно только в микроскоп, все равно это убийство. Потому что из этого червячка потом вырастает ребенок, конечно, если ему позволяют вырасти.

— В таком случае каждый раз, когда ты дрочишь, ты совершаешь геноцид, — сказал Фэй и сделал ход ферзем. — Шах.

— Ла-фай-етт Ча-пин, — возмущенно воскликнула Лайза Зелл.

— Мастурбация — это совсем другое. — Педерсен явно разозлился.

— Да ну? А Господь, как мы знаем из Библии, покарал одного парня как раз за это самое, — сказал еще кто-то из зрителей.

— Ты, наверное, имеешь в виду Онана, — раздался голос за спиной у Ральфа. Ральф испуганно вздрогнул, обернулся и увидел старину Дора. В руках у него была книжка с большой цифрой пять на обложке. «А ты еще откуда взялся, черт тебя побери?» — подумал Ральф. Он мог бы поклясться, что еще минуту назад у него за спиной не было никого, и он не слышал, как Дор подошел.

— Онан, Шмонан, — проворчал Педерсен. — Сперма — это не то же самое, что ребенок...

— Разве? — язвительно переспросил Фэй. — Тогда не подкажешь ли мне, почему Католическая церковь не разыгрывает в лотерею презервативы?

— Ни черта ты не понимаешь, — набылчился Педерсен. — А раз так...

— Но Бог покарал Онана вовсе не за мастурбацию, — сказал Дор своим высоким дрожащим старческим голосом. — Его покарали за то, что он отказался оплодотворить вдову своего брата, чтобы продолжить его род. Есть одно стихотворение, Аллана Гинзберга, кажется...

— Заткнись ты, старый дурак! — закричал Педерсен, а потом накинулся на Фэя Чапина: — И если ты не понимаешь, что между мужчиной, который прочит, и женщиной, которая спускает в унитаз ребенка, которого дал ей Господь, существует огромная разница, ты такой же дурак, как и он.

— Это отвратительный разговор, — сморщилась Лийза Зелл, но голос ее звучал вовсе не возмущенно, а скорее восхищенно. Ральф глянул ей через плечо и увидел, что одна секция металлического ограждения была снята и отодвинута в сторону. Наверное, это постарались ребята, которые собираются тут по ночам. Это решало хотя бы одну проблему. Ральф не заметил Дорранса, потому что его просто не было на площадке для пикников; он бродил по территории аэропорта.

Ральф подумал, что, наверное, стоит воспользоваться возможностью и поговорить с Доррансом. Может быть, даже добиться от него каких-то ответов... но потом Ральф решил, что после этого разговора он скорее всего запутается еще больше. Старый Дор, он как Чеширский Кот из «Алисы в Стране Чудес»: одна только улыбка, и ничего больше.

— Большая разница, говоришь? — спросил Фэй у Педерсена.

— Да! — На загорелых щеках Педерсена проступили багровые пятна.

Док Малхэйр нервно заерзал на скамейке.

— Слушайте, давайте мы прекратим этот спор и закончим игру. Фэй, ты меня слышишь?

Но Фэй, похоже, не слышал; его взгляд был прикован к Педерсену.

— А может быть, ты еще раз подумаешь о тех маленьких сперматозоидах, которые умирают у тебя в ладони каждый раз, когда ты сидишь на толчке и мечтаешь, как было здорово, если бы Мэрилин Монро...

Педерсен вскинул руку и просто снес все фигуры с доски. Док Малхэйр отпрянул назад; у него дрожали губы, а глаза за стеклами очков, в двух местах заклеенных изолентой, сделались огромными и испуганными.

— Какая прелесть! — воскликнул Фэй. — Резонный, мать твою, аргумент, ты, кретин!

Педерсен сжал кулаки и встал в боксерскую стойку Джона Салливана.

— Хочешь поспорить? — прищурился он. — Ну давай!

Фэй медленно поднялся на ноги. Он был на фут выше Педерсена и фунтов на шестьдесят тяжелее.

Ральф не верил своим глазам. Если даже здесь яд проник уже так глубоко, то что же творится со всем остальным городом?! Он подумал, что Док Малхэйр был прав: Сюзан Дей понятия не имела, до какой степени неудачной была ее идея приехать в Дерри. В каком-то смысле — на самом деле во многих смыслах — Дерри был не похож на другие города.

Ральф сорвался с места — даже раньше, чем сам осознал, что он сейчас собирается делать — и вздохнул с облегчением, когда увидел, что Стэн Эберли сделал то же самое. Когда они подошли к двум разъяренным мужчинам, стоящим лицом к лицу и готовым наброситься друг на друга, они молча переглянулись, и Стэн кивнул. Ральф обхватил Фэя за плечи за миг до того, как Стэн перехватил левую руку Педерсена, уже занесенную для удара.

— Не надо, ребята, — сказал Стэн прямо в ухо Педерсену. — А то ваша беседа закончится тем, что вы оба загремите в больницу с сердечными приступами, а тебе вовсе не нужен еще один приступ, да, Харли? Я думаю, первых двух тебе хватит. Или уже трех?

— Я не позволю ему шутить шутки об убийстве детей, — сказал Педерсен, и Ральф увидел, что у него по щекам текут слезы. — Моя жена умерла, когда рожала нашу вторую дочку! Она умерла от заражения крови в 46-м году. Так что я не позволю шутить об убийстве детей! Это не тема для шуток!

— Господи, — выдохнул Фэй. — Я не знал, Харли. Прости. Мне очень жаль...

— Хрена с два тебе жаль, урод! — закричал Педерсен и резко выдернул руку из захвата Стэна Эберли. Он двинулся к Фэю, и тот поднял кулаки, но потом опустил, потому что Педерсен прошел мимо, даже не взглянув на него. Он свернул на дорожку, которая вела обратно к шоссе, и скрылся за деревьями. Потом была потрясенная тишина, растянувшаяся чуть ли не на минуту, — тишина, которую нарушил лишь шум самолета, заходящего на посадку.

}

— Господи, — наконец выдавил Фэй. — Ты общаешься с человеком каждые несколько дней на протяжении пяти, десяти лет и думаешь, что знаешь про него все. Господи, Ральф, я не знал, от чего умерла его жена. Я себя чувствую последним дураком.

— Да ладно тебе, не расстраивайся, — сказал Стэн. — У него, наверное, просто месячные.

— Замолчи, — резко оборвала его Джорджина. — Для одного утра грязи вполне достаточно.

— Скорее бы она уже приезжала, эта Дей. Приедет уже и уедет, и все станет как раньше.

Док Малхэйр опустился на колени и принялся собирать с земли шахматные фигуры.

— Не хочешь закончить, Фэй? — спросил он. — Я, кажется, помню, как они стояли.

— Нет, — сказал Фэй. Его голос, который был твердым и резким на протяжении всего спора с Педерсеном, теперь дрожал. — Что-то нет настроения. Ральф, может быть, ты сыграешь — потренируешься перед турниром?

— Нет, я, пожалуй, пас, — сказал Ральф. Он поискал глазами Дорранса. Тот вышел обратно через дыру в заборе. Теперь он стоял, теребя в руках книгу, по колено в высокой траве у края служебной дороги, и внимательно наблюдал за тем, как большой самолет компании «Пайпер Каб» подъезжает к главному терминалу. Ральф вдруг вспомнил, как Эд ехал по этой дороге на своем стареньком «датсуне» и отчаянно матерился (Ну ты, ублюдочный сукин сын! Быстрее! Быстрее, мать твою!), потому что ворота медленно открывались. И только теперь Ральф задумался: а что, собственно говоря, Эд делал на территории аэропорта?

— ...чем раньше.

— А? — Ральф снова сосредоточил внимание на Фэе, что далось ему не без усилий.

— Я сказал, что ты, наверное, снова нормально спишь, потому что выглядишь куда лучше, чем раньше, Ральфи. Правда, со слухом проблемы начались.

— Да, наверное. — Ральф попытался улыбнуться. — Я, пожалуй, пойду чего-нибудь съем. Пойдем вместе, Фэй? Я угощаю.

— Спасибо, но я только что из «Кофейника», — сказал Фэй. — И теперь, если честно, вся эта жратва болтается у

меня в желудке, как кусок свинца. Господи, Ральф, этот старый пердун плакал, ты видел?

— Да, но я бы на твоём месте не придавал этому большого значения, — сказал Ральф. Он развернулся и зашагал к шоссе, а Фэй поплелся за ним. С поникшими плечами и опущенной головой Фэй почему-то напоминал дрессированного медведя в человеческой одежде. — В нашем возрасте люди плачут по любому малейшему поводу, ты же знаешь.

— Да, наверное. — Фэй благодарно улыбнулся Ральфу. — В любом случае спасибо, что ты остановил меня прежде, чем я наделал ещё больше глупостей. Ты же знаешь, на меня иногда находит. В общем, спасибо тебе.

«Хотелось бы мне, чтобы кто-нибудь был рядом, когда нашло на нас с Биллом», — подумал Ральф. А вслух он сказал:

— Да не за что. Пожалуй, это мне надо поблагодарить тебя. Я внесу этот случай в своё резюме, когда соберусь поступать на работу в администрацию ООН.

Фэй засмеялся и хлопнул Ральфа по плечу:

— Да, господин Генеральный секретарь! Миротворец номер один! У тебя получилось бы, Ральф, это точно.

— Да не вопрос. Береги себя, Фэй.

Ральф уже повернулся, чтобы уйти, но Фэй дотронулся до его руки:

— Ты ещё не передумал насчет поучаствовать в турнире на той неделе?

Почти минуту Ральф мучительно соображал, о чём Фэй вообще говорит, хотя предстоящий шахматный турнир был главной темой для разговоров у бывшего плотника и краснодеревщика чуть ли не с конца лета. С тех пор как закончилась его «настоящая жизнь» — то есть начиная с 84-го года, — Фэй каждый год организовывал среди стариков, собиравшихся на площадке для пикников, любительский шахматный турнир. Все было очень серьезно. Был даже главный приз — огромная хромированная тарелка с выгравированными на ней короной и скипетром. Фэй, наверное, лучший игрок среди всех старперов, и не только с Харрис-авеню (а вообще во всей западной

части города), выигрывал этот приз шесть раз из тех девяти, когда проводился турнир; и у Ральфа было подозрение, что оставшиеся три раза он просто поддался, чтобы у остальных не угас интерес к этому мероприятию. Но этой осенью Ральф совершенно не думал о шахматах — у него и без того было о чем подумать.

— Нет, конечно, не передумал, — ответил он. — Я обязательно буду играть.

Фэй улыбнулся.

— Хорошо. Вообще-то турнир должен был состояться еще в прошлые выходные — если по расписанию, — но я думал отложить его на недельку, чтобы Джимми Ви тоже смог поучаствовать. Но его так и не выписали из больницы, а я не могу откладывать турнир и дальше, потому что скоро станет уже совсем холодно, чтобы играть на улице, и придется нам заканчивать турнир в парикмахерской Спрэйга, как это было в 90-м году.

— А что с Джимми Ви?

— Снова рак. Обострение. — Фэй помолчал и добавил, понизив голос: — И мне кажется, что на этот раз у него нет уже никаких шансов выкарабкаться.

Когда Ральф это услышал, ему стало горько и больно. Они с Джимми Вандермайером очень хорошо знали друг друга. Они познакомились очень давно, еще при «настоящей жизни». Тогда они оба, что называется, жили на колесах, то есть работали коммивояжерами. Джимми продавал конфеты и открытки, а Ральф — типографскую продукцию и канцтовары. Они пару раз объединялись и совершали совместные «туры» по Новой Англии: сменяли друг друга за рулем и селились на двоих в номерах, которые не смогли бы себе позволить поодиночке.

Они делились друг с другом неинтересными маленькими секретами людей, мотающихся по стране. Джимми рассказал Ральфу об одной шлюхе, которая украла его кошелек. Потом пришлось врать жене, что его ограбил автостопщик. А Ральф, в свою очередь, поведал Джимми свой секрет: когда ему было сорок три, он подсел на гидрат терпина, потом долго и мучи-

тельно пытался избавиться от этой чуть ли не наркотической зависимости, и ему это все-таки удалось. Каролина так никогда и не узнала о его ненормальном пристрастии к сиропу от кашля, как и жена Джимми — об истинной судьбе пропавшего кошелька.

Много маршрутов и много дорог; много спущенных шин, много шуток о бродяге-коммивояжере и прекрасной фермерской дочке, много задушевных бесед за полночь, которые иной раз затягивались до утра. Иногда они говорили о Боге, иногда — об информационно-поисковых системах. Все-таки Джимми Ви был замечательным парнем. А потом Ральф получил работу в типографии, осел на месте, и они перестали общаться. И снова увиделись только здесь, на площадке для пикников, и еще в нескольких местах, где обычно собирались старперы с Харрисавеню: в библиотеке, в бильярдной, в задней комнате парикмахерской Даффи Спрэйга и еще в четырех или пяти местах. И когда — это было вскоре после смерти Каролины — Джимми обмолвился, что у него обнаружили начальную стадию рака легких, Ральфу сразу же вспомнился тот веселый мужик, который без умолку говорил о рыбалке или о бейсболе, непрерывно дымя своим «Кэмелом».

Мне повезло, сказал он тогда. Мне и Герцогу, нам везет. Приступ быстро прошел, и врачи сказали, что это еще не фатально.

Мне повезло. Но это везение, видимо, было недолгим.

— О Боже. — Ральф сразу же сник. — Мне очень жаль, что все вот так вот...

— Он уже три недели в больнице, — сказал Фэй. — Его облучают и колят какую-то отраву, которая по идее должна убить рак, но мне кажется, что в итоге она убьет самого Джимми. Странно, что ты ничего не знаешь, Ральф.

Ну да, тебе странно, а мне уже нет. Бессонница, сэр... все забывается, все куда-то исчезает. Сегодня — последний паке-тик с супом, завтра — ощущение времени, послезавтра — старые друзья.

Фэй покачал головой.

— Этот проклятый рак. Если подумать, то это действительно страшно. Сначала все вроде нормально, а потом — бац и все.

Ральф кивнул, думая о Каролине.

— А ты, случайно, не знаешь, в какой палате лежит Джими? Может быть, я его навещу.

— Совершенно случайно знаю. В 315-й. Не забудешь?

Ральф усмехнулся:

— Ну, до вечера не забуду, а потом запишу.

— Ты навести его, если сможешь... конечно, они его там накачали всякой дрянью, но он вполне осознает, кто к нему приходит, и я уверен, что он будет рад тебя видеть. Он мне как-то рассказывал, как вы с ним зажигали. Вы ведь были друзьями.

— Ну... — сказал Ральф. — Просто двое мужиков на трассе, вот и все. А когда мы бросали монетку, кому расплачиваться в кафешке, Джимми всегда выбирал орла. — Внезапно он понял, что сейчас заплачет.

— Грустно все это, да? — спросил Фэй.

— Ага.

— Ну, тогда обязательно навести его. Он будет рад. И тебе тоже, может быть, полегчает. И не забудь про шахматный турнир! — Фэй расправил плечи и попытался придать себе вид бодрого и веселого мужчины в самом расцвете сил. — Если ты не будешь играть, у меня вся сетка сломается.

— Я буду играть.

— Да-да, я знаю. — Фэй сжал руку в кулак и несильно ударил Ральфа по плечу. — Да, и еще раз спасибо, что ты остановил меня прежде, чем я наделал глупостей, о которых потом пришлось бы пожалеть.

— Да не за что. Я же у нас Миротворец номер один. — Ральф уже сделал пару шагов в направлении дорожки, ведущей к шоссе, но потом обернулся: — Видишь вон ту служебную дорогу? Ту, что ведет к шоссе от административного корпуса? — Он показал рукой. От частного терминала как раз отъезжал грузовик с едой, и блики света у него на капоте слепили

глаза. Грузовик остановился перед воротами, в зоне видимости системы электронного слежения. Ворота медленно поползли вверх.

— Ну да, разумеется, вижу, — сказал Фэй несколько удивленно.

— Прошлым летом я видел, как по этой дороге ехал Эд Дипно. А это значит, что у него была карточка, открывающая ворота снаружи. Не знаешь, откуда она у него могла взяться?

— Ты про этого парня из «Друзей жизни»? Который ученый из лаборатории и который как раз прошлым летом провел исследование, как правильно избивать жену?

Ральф кивнул.

— Да. Только я имею в виду лето 92-го года. У него был старый коричневый «датсун».

Фэй рассмеялся.

— Да я их не различаю, автомобили. По мне, что «датсун», что «тойота», что «хонда» — одна хренотень. Я перестал различать машины еще тогда, когда «шевроле» сменили логотип. Но зато я могу сказать, кто в основном пользуется этой дорогой: поставщики провизии, механики, пилоты, члены экипажей и диспетчеры. Если какие-то пассажиры часто летают, им, наверное, тоже выдают карточки. Ученые... гм... если только те, кто работает на тестировании самолетов. Он как-то связан с тестированием самолетов?

— Нет, он химик. До недавнего времени работал в Лаборатории Хоукинса.

— Игрался с белыми крысками, да? Ну, по моим сведениям, в аэропорту никаких крысок нет... но я тут подумал и, кажется, понял, кто еще может пользоваться этим выездом.

— Да? И кто же?

Фэй показал на сборный ангар с жестяной крышей, который располагался ярдах в семидесяти от гражданского терминала.

— Видишь то здание? Это Центр полетов.

— Какой еще Центр полетов?

— Летная школа, — пояснил Фэй. — Здесь людей учат летать.

Ральф шел назад к дому по Харрис-авеню, засунув руки в карманы и низко опустив голову. Он видел только трещины в асфальте и собственные ботинки. Он думал об Эде Дипно... и о Летной школе в аэропорту. Он не знал, что делал Эд в аэропорту в тот день, когда он врезался в того садовника из Вест-Сайда, но ему хотелось бы это узнать. И еще ему хотелось бы знать, что Эд подделывает сейчас. Ему также было интересно, не разделяет ли Джон Лейдекер его любопытство относительно этих двух вопросов. Ральф решил это выяснить.

Он как раз проходил мимо скромной двойной витрины, за которой с одной стороны находилась контора Джорджа Лифорда, а с другой — ювелирный салон Мэритайм (МЫ ПОКУПАЕМ ВАШЕ СТАРОЕ ЗОЛОТО ПО САМЫМ ВЫСОКИМ ЦЕНАМ), когда его отвлек от размышлений собачий лай, хриплый и сдавленный. Ральф поднял глаза и увидел Розали, которая сидела на тротуаре прямо у входа в Струофорд-парк. Она часто и тяжело дышала; из пасти капала слюна, образуя на асфальте маленькую лужицу. Шерсть слиплась темными клочьями, как будто бы Розали долго бежала, а выцветшая синяя бандана на шее дрожала, как и собака. Когда Ральф посмотрел на нее, Розали гавкнула еще раз, то есть даже не гавкнула, а тихонечко заскулила.

Он посмотрел на ту сторону улицы, чтобы выяснить, на кого она лаяла, но увидел лишь прачечную-атомат «Баффи-Баффи». Внутри были какие-то женщины, которые бродили по залу туда-сюда, но Ральф понимал, что на них Розали лаять не станет. А на улице не было никого.

Ральф снова взглянул на собаку и только теперь заметил, что Розали не просто сидит на тротуаре, она припала к земле... и съехала. И вид у нее был испуганным и каким-то жалким.

До этой минуты Ральф не задумывался о том, насколько схож язык телодвижений у собак и людей: они улыбаются, когда счастливы, опускают голову, когда им стыдно, когда они чем-то встревожены, у них в глазах ясно читается беспокойство. И

у собак, как и у людей, сильный страх отражается в каждом движении.

Он еще раз посмотрел через улицу — туда, куда, как ему показалось, был устремлен взгляд Розали, — но опять не увидел ничего необычного, кроме прачечной и совершенно пустынной улицы. Потом ему почему-то вспомнилась Натали, которая пробовала схватить серо-синие линии, исходящие от его пальцев, когда он протянул руку, чтобы вытереть молоко у нее со щеки. Любому нормальному человеку показалось бы, что она хватает пустоту, маленькие дети часто так делают... но Ральф был уже не совсем нормальным.

Потому что он видел.

Розали опять заскулила, и этот жалобный звук напомнил Ральфу скрип несмазанных дверных петель.

Раньше это случалось само по себе... но, может быть, я могу вызвать эти видения по собственному желанию. Может быть, я сумею заставить себя увидеть...

Увидеть — что?

Ну, разумеется, ауры. И еще, может быть, то, что сейчас явно видела Розали.

(три-шесть-девять-сто-одно)

Может, он тоже сможет это увидеть. Ральф уже догадался,
(гусь с гусыней пил вино)

что это может быть, но хотел убедиться. Вопрос только в том, как это сделать.

Как человек видит обычно?

Ну, просто смотрит и видит.

Ральф посмотрел на Розали. Посмотрел очень внимательно, пытаясь увидеть все, что там можно было увидеть: выцветший узор на потертой бандане, которая служила ей вместо ошейника, пыльные когти, спутанную шерсть и длинную морду с серым пыльным налетом. Розали как будто почувствовала его взгляд — она повернулась к нему и завывала.

И именно в этот момент что-то повернулось у Ральфа в мозгах, как ключ зажигания в автомобиле. У него было мгновенное, но очень четкое ощущение, что вокруг стало светлее, но

потом эта слепящая яркость исчезла. Он нашел путь в тот другой, более яркий и выпуклый мир и увидел темную пленку — она напомнила ему грязный яичный белок, — которая окутывала Розали, и темно-серую веревочку, что поднималась от ее головы. Но не от макушки, как у людей, а почему-то от морды.

«Теперь ты знаешь, в чем самая главная разница между собаками и людьми, — подумал он. — У них души находятся в разных местах».

[Собачка! Эй, собачка, иди сюда!]

Ральф вздрогнул от этого голоса: он напомнил ему противный скрип мела по доске. Он хотел закрыть уши руками, но понял, что это не поможет; этот голос он слышал не ушами, и та его часть, которую болезненно задевал этот скрипучий голос, была у него в голове — там, куда не дотянуться руками.

[Эй ты, хренов блошинный рассадник! Ты что думаешь, я тебя весь день буду ждать? Давай тащи сюда свою задницу!]

Розали снова завывала и перевела испуганный взгляд на то место, куда все время смотрела раньше. Она начала было вставать, но потом снова уселась на тротуар. Бандана у нее на шее задрожала еще сильнее, Ральф увидел, как под брюхом Розали начало расплзаться мокрое пятно.

Он посмотрел через улицу и увидел Доктора номер три, он стоял в узком проходе между прачечной и старым жилым домом. Да, это был именно он, Док номер три в своем белом халате (халат был весь в пятнах, и носили его, судя по всему, уже очень долго) и в синих джинсах, которые были ему велики на несколько размеров. Он по-прежнему ходил в панаме Макговерна. Она была ему так велика, что половина его головы просто тонула в ней. Он свирепо оскалился на Розали, и Ральф увидел двойной ряд острых белых зубов — зубов людоеда. В левой руке он держал что-то острое: не то старый скальпель, не то опасную бритву. Лезвие было испачкано темными пятнами. Внутренний голос подсказывал Ральфу, что это кровь, но он был почти уверен, что это ржавчина.

Док номер три засунул два пальца в рот и оглушительно свистнул. Свист прошел сквозь голову Ральфа, как включен-

ная дрель. На тротуаре вздрогнула Розали. Потом она снова завывала.

[Эй, дворняга, тащи сюда свою задницу, я сказал! Сейчас же!]

Розали встала и медленно пошла вперед, поджав хвост — словно что-то ее тянуло. Она скулила; ей было так страшно, что она почти падала на ходу, ее задние лапы пытались предательски выскользнуть из-под нее при каждом шаге.

[— Эй!]

Ральф понял, что он закричал, только когда увидел, как у него изо рта выплыло маленькое голубое облачко. Его перечеркивали серебристые линии, похожие на замысловатую паутинку или на узорчатую снежинку.

Лысый гном обернулся на звук голоса Ральфа, инстинктивно выставив перед собой оружие, которое держал в руке. Выражение его лица можно было бы охарактеризовать как крайнее удивление. Розали остановилась задними лапами на тротуаре, передними — уже в канавке вдоль проезжей части, и тоже уставилась на Ральфа широко распахнутыми глазами, в которых читался страх.

[Чего тебе надо, краткосрочник?]

В его голосе было злобное раздражение человека, которого отвлекли от какого-то очень важного дела; ярость от того, что ему бросили вызов... но за всем этим Ральфу послышалось что-то еще. Может быть, страх? Очень хотелось бы верить. Но это было все-таки удивление. Кем бы ни было это странное существо, оно не привыкло к тому, что такие, как Ральф, вмешиваются в его дела.

[В чем дело, краткосрочник, язык проглотил? Или забыл, чего ты хотел?]

[— Я хочу, чтобы ты оставил эту собаку в покое!]

Ральф слышал себя двумя способами. Он был уверен, что говорит вслух, но звук его настоящего голоса был каким-то далеким и слабым, как музыка из наушников, которые лежат где-то поблизости. Кто-то другой, кто стоял бы с ним рядом, наверное, смог бы расслышать, что он сказал, но Ральф знал, что сейчас его слова звучат, как едва различимый шепот — как

голос человека, которому только что заехали под дых. Но у него в голове этот голос звучал совсем по-другому — молодой, сильный, уверенный.

Наверное, Док номер три слышал именно этот второй голос, потому что он чуть отпрянул назад и снова поднял свое оружие (теперь Ральф был почти уверен, что это именно скальпель), словно защищаясь. А потом он собрался — как говорится, сгруппировался, — сошел с тротуара и зашагал по узкой полоске травы между тротуаром и проезжей частью. Он засунул пальцы под ремень своих джинсов и мрачно уставился на Ральфа. А потом поднял скальпель и резанул им по воздуху. Ральфа аж передернуло, это был неприятный жест.

[Ты меня видишь, ну и подумай, херня какая! Не суйся, куда не просят. Понял, краткосрочник? Эта дворняга теперь моя!]

Лысый доктор опять повернулся к припавшей к земле собаке.

[Ну все, хватит валять дурака! А ну иди сюда! Быстро!]

Розали в отчаянии взглянула на Ральфа и ступила на проезжую часть.

Ральф вдруг вспомнил, что говорил ему старина Дор в тот день, когда подарил ему книжку стихов Стивена Добинса. *Не стоит вмешиваться в дела долгосрочников. Это чревато... Я вот не вмешиваюсь, и тебе не советую.*

Ну да, говорил. Только Ральфу почему-то казалось, что теперь уже слишком поздно. Все — он вмешался. И даже если еще не поздно, у него не было никакого желания оставлять Розали этому мерзкому извергу-коротышке, который сейчас стоял перед входом в прачечную на той стороне улицы. Мало того, Ральф понимал, что он просто не сможет вот так вот взять и уйти, ни во что не вмешавшись.

[— Розали! Иди сюда, девочка! Ко мне!]

Розали коротко гавкнула и потрусила туда, где стоял Ральф. Она прижалась к его ноге, потом села на тротуар, тяжело дыша и преданно глядя на Ральфа. И Ральф понимал, что она сейчас чувствует: одна часть облегчения, две — благодарности, взболтать как следует, пить охлажденным.

На лице Доктора номер три читалась такая свирепая ненависть, какая бывает только на лицах злых мультяшных героев.

[Отдай ее мне, краткосрочник. Я тебя предупреждаю!]

[— Нет.]

[Я ведь тебя отымею, краткосрочник. Отымею по полной. И друзей твоих отымею. Но тебя — первого. Ты меня понял? Ты...]

Ральф — неожиданно для себя самого — вскинул руку на уровень плеча, ладонью к щеке, как будто готовился нанести какой-нибудь каратешный удар. Потом он резко опустил ее вниз и с изумлением увидел, как вспышка синего света сорвалась с кончиков его пальцев и пролетела через улицу, как копье. Док номер три отскочил как раз вовремя, чтобы не попасть под удар, и придержал рукой панаму Макговерна, чтобы та не слетела с головы. Синяя молния пролетела в паре сантиметров от его руки и ударилась в витрину прачечной. Потом она растеклась по стеклу, словно жидкий свет, и на мгновение пыльная витрина окрасилась в цвет сегодняшнего ясного неба — чистой голубишной. Уже в следующую секунду все исчезло, и Ральф снова увидел женщин за стеклом прачечной. Как ни в чем не бывало, они загружали грязное белье в стиральные машины.

Лысый гном выпрямился, сжал кулаки и принялся потрясать ими в воздухе, явно обращаясь к Ральфу. Потом он сорвал с головы панаму Макговерна, вцепился зубами в поля и откусил кусок. Это смотрелось очень по-детски. Сейчас он напоминал капризного ребенка, который злится на папу с мамой. Солнечный свет просвечивал насквозь его маленькие аккуратные уши, что лишь довершало сходство с ребенком. Лысый доктор выплюнул оторванный кусок и нахлобучил панаму обратно на голову.

[Эта собака была моей, краткосрочник! Я с ней хотел поиграться! А может, теперь мне с тобой поиграться, раз уж такие дела? С тобой и твоими маразматизирующими друзьями?]

[— Пошел на хрен отсюда!]

[Сам пошел на хрен, урод! Имел я тебя и мать твою тоже!]

Ральф уже слышал эту восхитительную сентенцию и даже помнил, где именно: от Эда Дипно, возле аэропорта, летом 92-го. Такое трудно забыть. Ральфу вдруг стало страшно. Во что он вляпался, черт побери?

5

Ральф опять поднял руку, но что-то внутри у него изменилось. Он мог сколько угодно бить ею по воздуху во всех направлениях, но он уже знал, что никаких синих молний больше не будет.

Док сначала не понял, что Ральф пытается выстрелить из незаряженного ружья. Он отскочил назад, пытаясь защититься скальпелем. Огромная панама все-таки упала ему на глаза, и в какой-то момент он стал похож на Джека Потрошителя из дешевой мелодрамы... только у этого Потрошителя были явные проблемы с ростом и отсюда, наверное, ярко выраженный комплекс неполноценности и совершенно неадекватное поведение.

[Ты за это заплатишься, краткосрочник! Подожди! Подожди и увидишь! Решил со мной поиграть?! Только против меня у тебя шансов нет!]

Но как бы Док номер три ни распалялся, он решил, что на сегодня с него уже хватит. Он развернулся и побежал в закоулок между прачечной и жилым домом, его халат развевался на ветру, а он сам путался в своих слишком больших джинсах. И вместе с ним в тень проулка отступила и невозможная яркость дня. Ральф вдруг понял, что чувствует себя на удивление хорошо. Его бушевала какая-то странная радость. Он был бодр, весел, полон энергии и был счастлив, как никогда.

Я прогнал его, Господи Боже! Я прогнал этого маленького урода.

Он понятия не имел, что это было за существо в белом халате, но одно он знал точно: он спас от него Розали — и сейчас этого было вполне достаточно. Всякие назойливые вопросы насчет его вменяемости-невменяемости будут потом, на-

верное, уже сегодня ночью, когда он усядется в свое кресло-качалку у окна и будет смотреть на пустую Харрис-авеню... но сейчас он себя чувствовал замечательно. Как говорится, на миллион баксов.

— Ведь ты его видела, Розали? Ты его видела, этого маленького...

Он глянул вниз и обнаружил, что Розали больше не сидит у его ног. Он поднял голову и увидел, что она бежит в парк, подволакивая правую заднюю лапу.

— Розали, — закричал он. — Эй, девочка!

И сам не зная почему — наверное, потому, что они только что пережили вместе что-то совершенно невообразимое, — Ральф направился за ней, сначала — просто быстрым шагом, потом — бегом, а потом — сломя голову.

Но бежал он недолго. Сперва что-то кольнуло в левом боку, потом — в груди. Он остановился на пересечении двух дорожек и наклонился вперед, упершись руками о ноги. Пот застилал глаза и шипался, как слезы. Ральф тяжело дышал, размышляя о том, так ли у него болело в левом боку, когда он учился в школе, или это было начало сердечного приступа.

Но уже через полминуты боль начала проходить, так что, наверное, это была просто колика. И тем не менее тезис Макговерна подтвердился. *Дай я тебе кое-что скажу, Ральф. В нашем возрасте умственные расстройства — обычное дело! В нашем возрасте это вполне нормально.* Ральф не знал, правда это или нет, но он хорошо понимал, что времена, когда он принимал участие в марафонских забегах штата, закончились лет пятьдесят назад и что эта гонка за Розали была глупой и даже опасной. Если бы у него все же случился сердечный приступ, наверняка он был бы не первым и не последним старым пердуном, который был бы наказан коронарным тромбозом за то, что слишком разволновался и забыл, что когда твои восемнадцать лет уходят, они уходят уже навсегда.

Боль почти утихла, и вроде как даже дыхание восстановилось, но в ногах по-прежнему была слабость. Казалось, шагнул он сейчас вперед — и ноги сложатся в коленях, и он грохнется

прямо на дорожку. Ральф огляделся в поисках ближайшей скамейки и увидел такое, что сразу заставило его забыть о бродячих собаках, трясущихся ногах и даже вероятном сердечном приступе. Ближайшая скамейка была в сороках футах слева, на вершине маленькой насыпи. На этой скамейке сидела Луиза Чесс в своем красивом синем плаще и горько рыдала — так, словно ее сердце разрывалось на части.

Глава 12

1

то случилось, Луиза?

Она подняла на него глаза, и Ральфу тут же вспомнился спектакль в театре Пеннобскот в Бангоре, куда он водил Каролину восемь или девять лет назад. Среди персонажей пьесы были и мертвецы, поэтому весь их грим состоял из белой пудры и темных кругов под глазами, которые олицетворяли глубокие пустые глазницы.

Но потом у него возникла другая ассоциация, которая была куда проще: енот.

Либо эти мысли отразились у него на лице, либо Луиза сама поняла, что выглядит она, мягко говоря, неважно. Но как бы там ни было, она отвернулась, покопалась в своей сумочке, а потом просто закрыла руками лицо.

— Уходи Ральф, хорошо? — попросила она тонким срывающимся голосом. — Я себя плохо чувствую.

При других обстоятельствах Ральф так бы и поступил: ушел, чувствуя себя немного виноватым за то, что увидел ее с расплывшейся тушью — как бы беззащитной и слабой. Но это при других обстоятельствах, а сейчас Ральф решил, что не уйдет. По крайней мере не сразу. Во-первых, он все еще чувствовал тот другой, странный мир, другой странный Дерри — он был

совсем рядом. Но была и другая причина, куда более прозаичная. Ему очень не нравилось, что Луиза, всегда такая веселая и беззаботная, будет сидеть тут совсем одна и заливаться слезами.

— Что случилось, Луиза?

— Я просто плохо себя чувствую! — закричала она. — Оставь меня в покое!

Луиза снова закрыла лицо руками. Ее спина содрогалась, рукава ее синего пальто дрожали, и Ральфу вдруг вспомнилась Розали, когда лысый доктор орал на нее, чтобы она перешла через улицу и подошла к нему: несчастное, испуганное до смерти существо.

Ральф присел на скамейку рядом с Луизой, обнял ее и прижал к себе. Она не сопротивлялась, но была вся какая-то напряженная... как будто ей внутрь насовали негнушейся проволоки.

— Не смотри на меня! — закричала она все тем же страшным надрывным голосом. — Не смей на меня смотреть! У меня вся косметика потекла. Я специально сделала этот макияж для сына и невестки... они приехали к завтраку... мы должны были провести вместе все утро... «Мы замечательно проведем время, ма», — сказал мне Гарольд... но причина, почему они приехали... понимаешь, истинная причина...

Ее речь прервалась новым потоком рыданий. Ральф залез в задний карман, достал мятый, но чистый носовой платок и сунул его Луизе в руку. Она взяла его, даже не взглянув, что это такое.

— Продолжай, — сказал он. — Вытри лицо, если хочешь, хотя ты и так очень неплохо выглядишь, Луиза, честное слово.

Разве что чуточку похожа на енота, подумал он. Он чуть было не улыбнулся, но вовремя спохватился. Он вспомнил тот день в сентябре, когда он ходил в «Первую помощь» за снотворным и встретил Билла и Луизу возле входа в парк. Они тогда обсуждали ту демонстрацию с куклами, которую Эд Дипно организовал у Женского центра. В тот день она была очень расстроена — Ральф помнил, тогда он подумал, что она выглядит сильно усталой,

несмотря на свое волнение и интерес, — но и при этом была почти настоящей красавицей: глаза блестели, щеки покрылись девическим румянцем. Но сегодня от той красоты остались лишь воспоминания; с расплывшейся тушью Луиза Чесс стала похожа на грустного престарелого клоуна, и Ральфу вдруг захотелось убить того, кто довел Луизу до такого состояния.

— Я выгляжу ужасно! — сказала Луиза, судорожно вытираясь платком Ральфа. — Настоящая страхолюдина!

— О нет, мэм. Вы всего лишь немного расклеились.

Луиза наконец повернулась к нему лицом. Это стоило ей больших усилий, потому что теперь весь ее «специальный» макияж остался на носовом платке Ральфа.

— Нет, правда, я очень страшная? — выдохнула она. — Скажи мне правду, Ральф Робертс, а то окосеешь.

Он наклонился и поцеловал ее во влажную щеку:

— Ничего ты не страшная. Очень даже неплохо выглядишь. Так что отложим небесную кару на какой-нибудь другой день.

Она неуверенно улынулась ему, но из глаз у нее выкатились две новые слезинки. Ральф отобрал у нее платок и аккуратно их вытер.

— Я так рада, что это ты меня здесь застал, а не Билл. Я бы, наверное, умерла от стыда, если бы Билл увидел, как я плачу в общественном месте.

Ральф огляделся по сторонам и у подножия холма увидел Розали — она лежала там в целости и сохранности, положив морду на лапы. Людей вокруг не было. Ни души.

— Похоже, сейчас это место не общественное, а вполне даже приватное: только для нас с тобой, — сказал он.

— Спасибо Господу за маленькие одолжения. — Луиза забрала у Ральфа носовой платок и продолжила «оздоровительную работу» над остатками своего макияжа, на этот раз — куда более деловито и аккуратно. — Кстати, о Билле. Я, когда шла сюда, остановилась у «Красного яблока»... это было еще до того, как я начала себя жалеть и убиваться по этому поводу... так вот, Сю мне сказала, что вы с ним серьезно поссорились. Кричали и все такое, прямо на улице.

— Ну, все не настолько плохо. — Ральф натянуто улыбнулся.

— А мне можно побыть навязчивой и нетактичной и спросить, в чем дело?

— Все из-за шахмат, — брякнул Ральф первое, что пришло ему в голову. — Из-за нашего знаменитого шахматного турнира, который Фэй устраивает каждый год. Да только дело не в этом, наверное. Знаешь, бывает, что люди просто встают не с той ноги и бросаются на первого, кто попадаетея под руку.

— Ну что ж, тогда хорошо, что это была не я. — Луиза снова открыла сумочку, на этот раз ее поиски увенчались успехом. Она извлекла на свет пудреницу. Потом вздохнула и убрала ее обратно, даже не открыв. — Я не могу. Я понимаю, что это ребячество, но я не могу.

Ральф перехватил ее руку, прежде чем она успела закрыть сумочку, достал пудреницу, открыл и поднес зеркальце к лицу Луизы:

— Видишь? Все не так плохо.

Она отшатнулась, как вампир от распятия.

— Ой! — воскликнула она. — Убери это немедленно.

— Только если ты пообещаешь рассказать мне, что случилось.

— Все что угодно, только убери.

Он сделал, как она просила. Какое-то время Луиза молчала, разглядывала свои руки и теребила застёжку сумочки. Ральф уже собирался напомнить ей о своем существовании, но тут она подняла голову и посмотрела на него чуть ли не вызывающе.

— Так уж сложилось, что не ты один бодрствуешь по ночам, Ральф.

— Ты о чем...

— Я о бессоннице! — сказала она с нажимом. — Я ложусь спать в то же время, что и раньше, но я не сплю и не высыпаться. И хуже того. Каждое утро я просыпаюсь все раньше и раньше.

Ральф попытался припомнить, говорил ли он Луизе об этом конкретном аспекте своей проблемы. Кажется, не говорил.

— Чего ты так удивленно смотришь? — спросила Луиза — Ты что, всерьез полагал, что ты единственный человек, который не спит по ночам?

— Нет, конечно! — с жаром проговорил Ральф... но если быть совсем честным, то ему очень часто казалось, что он единственный человек на свете, который страдает конкретно такой бессонницей. Он был совершенно беспомощным в смысле что-нибудь изменить и мог лишь отмечать, как время, отпущенное на нормальный сон, протекает мимо — минута за минутой, час за часом. Такой своеобразный вариант китайской пытки водой.

— И когда у тебя это началось? — спросил он.

— За месяц или за два до смерти Кэрл.

— И сколько ты сейчас спишь?

— Где-то час за ночь с начала октября. — Ее голос вроде бы был спокойным, но Ральф слышал в нем предательскую дрожь, которая вполне могла оказаться тщательно скрываемой паникой. — Если так пойдет дальше, к Рождеству я вообще перестану спать, а если это и вправду случится, то не знаю, как я это выдержу. Скорее всего я этого просто не переживу. Я и сейчас не живу, а выживаю.

Ральф так опешил, что не сразу нашел, что сказать. Наконец он спросил первое, что пришло на ум:

— А почему у тебя свет не горит?

— По той же причине, что и у тебя, надо думать, — сказала она. — Я живу в этом доме уже тридцать пять лет, мне не нужно включать свет, чтобы ходить по дому, я и так знаю, где что находится. К тому же я привыкла сама разбираться со своими проблемами. Если я буду каждую ночь включать свет в два ночи, рано или поздно кто-нибудь это заметит. Слухи разносятся быстро, а потом тебя начинают доставать всякими дурацкими вопросами. А я не люблю дурацких вопросов, а еще больше я не люблю людей, которые искренне полагают, что надо давать объявление в газету каждый раз, когда у них случается запор.

Ральф рассмеялся. Луиза удивленно на него посмотрела, а потом тоже рассмеялась. Он все еще обнимал ее (он сам не понял, как так получилось — ведь он, кажется, убрал руку),

и он легонько прижал ее к себе. На этот раз все было нормально, в ее теле больше не было никакой жесткой проволоки, чему Ральф был несказанно рад.

— Ты смеешься надо мной, Ральф?

— Нет, совсем даже не над тобой.

Она кивнула, все еще улыбаясь.

— Тогда это правильно. И ты даже не видел, как я хожу по утрам по гостиной?

— Нет.

— Это потому, что у меня перед домом нет фонаря. А вот перед твоим домом есть. Я много раз видела, как ты сидишь в своем кресле-качалке, смотришь на улицу и пьешь чай.

А я всегда думал, что я один, подумал Ральф, и вдруг у него в голове возник вопрос, одновременно смешной и неловкий. Интересно, а сколько раз она видела, как он там сидел и ковырялся в носу?

Она либо прочла его мысли, либо просто увидела, как он покраснел, потому что сказала:

— Я различала только твой силуэт, к тому же на тебе все время была рубашка, так что все было очень пристойно. За это можешь не волноваться. К тому же, я надеюсь, ты понимаешь, что если бы ты делал что-то, что не стоит показывать людям, я бы просто не стала смотреть. Меня все-таки не в сарае воспитывали.

Он улыбнулся и сжал ее руку.

— Я это знаю, Луиза. Просто мне как-то странно... знаешь, я-то был уверен, что я один такой... бодрствующий. И вот теперь выясняется, что пока я там сидел и смотрел на улицу, в это время кто-то смотрел на меня.

Она наградила его загадочной улыбкой, которая вполне могла означать: *Не беспокойся, Ральф, ты был для меня только частью ландшафта.*

Он на пару мгновений задумался над значением этой улыбки, а потом снова вернулся к главному разговору:

— Так что с тобой приключилось, Луиза? Почему ты сидишь здесь и плачешь? Только из-за бессонницы? Если да, я тебе очень сочувствую. Но ведь дело не только в этом?

Ее улыбка погасла. Она снова сложила руки на коленях и опустила голову.

— На свете есть вещи похуже бессонницы. Например, предательство. И особенно если тебя предают те люди, которых ты любишь.

2

Она опять замолчала. Ральф ее не торопил. Он смотрел на Розали, которая вроде бы тоже смотрела на него. А может, на них обоих.

— А ты знаешь, Ральф, что у нас не только проблема обшая, но и доктор?

— Ты тоже ходишь к Литчфилду?

— Ходила к Литчфилду. Мне его порекомендовала Каролина. Но больше я к нему не пойду. Мы разошлись, как в море корабли. Сукин сын!

— Что случилось?

— Я все ждала-ждала. Думала, все утрясется само собой — природа возьмет свое, как говорится. То есть я, конечно, пыталась помочь природе, и так и сяк. Мы, наверное, оба с тобой много чего перепробовали.

— Пчелиные соты? — спросил Ральф и опять улыбнулся. Он просто не мог сейчас не улыбнуться. Какой удивительный день сегодня, подумал он. Столько всего уже произошло... а до вечера еще далеко.

— Соты? А что соты? Они помогают?

— Нет, — сказал Ральф, по-прежнему улыбаясь. — Ни черта не помогают, но вкусно.

Она рассмеялась и сжала его руку. Ральф ответил ей тем же.

— Ты ведь не ходил к Литчфилду с этой проблемой, Ральф?

— Нет. Назначил было встречу, но потом отменил.

— Отменил, потому что ты ему не доверяешь? Потому что он упустил болезнь Кэрл?

Ральф посмотрел на нее удивленно.

— Ладно, забыли, — сказала Луиза. — Я не вправе такое спрашивать.

— Да нет, все в порядке. Просто я удивился, что кто-то еще так же думает, кроме меня. Что он... ну... понимаешь... поставил ей неправильный диагноз.

— Ха! — Красивые глаза Луизы вспыхнули. — Да все так думают! Билл говорил, что ему удивительно, что ты не подал в суд на этого криворукого ублюдка на следующий же день после похорон Каролины. Конечно, тогда я была на другой стороне и защищала Литчфилда, как одержимая. А ты вообще, что ли, не думал о том, чтобы подать на него в суд?

— Нет. Мне уже семьдесят, я не хочу тратить оставшееся мне время на обвинения Литчфилда в преступной небрежности и халатности, на суды, заседания и все такое. К тому же разве это вернет мне Каролину?

Луиза покачала головой.

Ральф сказал:

— Но то, что случилось с Каролиной... пожалуй, это и было причиной, почему я к нему не пошел. Да, скорее всего. Я просто не могу ему доверять или, может быть... я не знаю...

Он действительно не знал, и в этом была вся проблема. Но одно он знал наверняка: что-то заставило его отменить встречу и с доктором Литчфилдом, и с Джеймсом Роем Хонгом, известным в определенных кругах под кличкой «булавковтыкатель». Причем эту встречу он отменил по совету одного старика девяносто двух лет от роду, который вряд ли помнит собственное второе имя. Его мысли сами собой переключились на книжку, которую подарил ему старина Дор, и на стихотворение, которое он цитировал. Оно называлось «Погоня», и оно никак не шло у Ральфа из головы... особенно та часть, где поэт говорит о вещах, которые проносятся мимо и которым уже не суждено состояться: непрочитанные книги, несказанные шутки, путешествия, которые он никогда не совершит.

— Ральф? Ты тут?

— Да. Просто задумался о Литчфилде. О том, почему я отменил ту встречу.

Она сжала его руку.

— Ты просто порадуйся, что ты ее отменил. Я вот не отменила.

— Расскажи.

Луиза зябко передернула плечами.

— Когда мне стало так плохо, что я уже не могла этого выносить, я пошла к нему и все рассказала. Я думала, он мне выпишет какое-нибудь снотворное, но он сказал, что мне даже это нельзя — у меня какие-то там проблемы с ритмами сердца, и от снотворного мне может сделаться хуже.

— Когда ты к нему ходила?

— В начале той недели. А вчера мой сын Гарольд вдруг неожиданно позвонил и сказал, что они с Дженет хотят со мной позавтракать и приглашают меня в ресторанчик. Я им сказала, что это полная ерунда. Я еще не такая немощная и вполне в состоянии сама приготовить завтрак. Если вы хотите приехать, я буду рада, сказала я, и я вас как следует накормлю. Сама. И не нужен нам никакой ресторанчик. А если хотите меня куда-нибудь свозить, то лучше мы где-нибудь погуляем. Я подумала про бульвары, я так очень люблю гулять. В общем, вот так я им и сказала.

Она повернулась к Ральфу, и на этот раз ее улыбка была горькой и жесткой.

— И мне даже в голову не пришло задуматься о том, с чего бы они вдруг решили приехать ко мне, когда по идее им надо быть на работе... а они оба очень любят свою работу, только о ней и говорят, когда мы встречаемся. Я просто подумала: как это мило с их стороны... как заботливо... я специально сделала макияж и прическу, чтобы выглядеть получше... чтобы Дженет не заподозрила, что у меня какие-то проблемы. Вот что меня занимало больше всего. Старая, глупая Луиза. «Наша Луиза», как говорит Билл... не смотри ты так удивленно, Ральф! Конечно, я знаю об этом; ты что, думаешь, что я только вчера с неба упала? И он прав. Я действительно глупая, я вообще полная дура, но это не значит, что мне не больно — так же, как всем остальным. — Она снова расплакалась.

— Конечно, не значит. — Ральф сжал ее руку.

— Ты бы здорово посмеялся, если бы видел меня тогда, — продолжала она. — Как я пекла булки в четыре утра, потом, в четыре пятнадцать, нарезала грибы для итальянского омлета, потом начала наводить марафет в половине пятого, просто чтобы быть уверенной, абсолютно уверенной, что Дженет не скажет: «А вы уверены, что чувствуете себя нормально, мама Луиза?» Я ненавижу, когда она так говорит. И знаешь что, Ральф? Они знали, что со мной что-то не так. Они оба знали. Поэтому я, наверное, выглядела смешно.

Ральф подумал, что где-то он потерял нить ее рассуждений.

— Знали? Откуда они могли знать?

— Да потому что им Литчфилд сказал! — закричала она. Ее лицо снова сморщилось, но на этот раз не от горя, а от бешеной ярости. — Этот болтливый сукин сын позвонил моему сыну и ВСЕ ЕМУ РАССКАЗАЛ!

На мгновение Ральф потерял дар речи.

— Но, Луиза... они не могут такого делать, — сказал он наконец. — Все, что сказано между доктором и пациентом, это профессиональная тайна. Твой сын должен об этом знать, он же юрист — у них то же самое, у юристов. Доктора не имеют права пересказывать слова своих пациентов кому бы то ни было, пока пациент...

— Господи Иисусе. — Луиза закатила глаза. — Старый больной Иисусе на кресле-каталке. Ты в каком мире живешь, Ральф? Такие, как Литчфилд... они делают все, что считают правильным. Видимо, я догадывалась об этом, поэтому и не хотела к нему идти. Карл Литчфилд пустой и надменный человек, которого больше волнует, как он выглядит в своих дорожных рубашках, чем здоровье его пациентов.

— Очень циничное замечание.

— И очень верное, вот что грустно. Знаешь, что? Ему тридцать пять или тридцать шесть лет, и ему кажется, что когда ему исполнится сорок, он... остановится. То есть ему потом всегда будет сорок, всю оставшуюся жизнь. Ему кажется, что люди стареют, когда им исполняется шестьдесят, а дальше они

вообще уже не имеют права на существование, то есть если вам больше восьмидесяти, то проще сразу отвезти вас к доктору Кеворкяну — чтобы не мучились. У детей не может быть секретов от родителей, а Литчфилд считает, что у стариков вроде нас не может быть секретов от собственных детей. Типа это в наших же интересах. В общем, как только я вышла от Литчфилда, он сразу же поднял трубку и позвонил моему сыну Гарольду в Бангор. Сказал ему, что я совсем не сплю, что у меня депрессия и проблемы с восприятием, которые приводят к преждевременному притуплению когнитивных способностей. И еще он сказал: «Вы должны помнить, что вашей матери уже много лет, и мне кажется, что вам надо подумать о том, как быть с ней дальше».

— Нет, он не мог так сказать, — с жаром воскликнул Ральф, удивленный и возмущенный одновременно. — Я имею в виду... он что, правда такое сказал?

Луиза мрачно кивнула.

— Он сказал это Гарольду, Гарольд сказал это мне, а я теперь говорю тебе. Я старая дура, я и не знала, что значит преждевременное притупление когнитивных способностей, и никто из них не захотел мне говорить. Но я посмотрела в словаре, что такое «когнитивный», и знаешь, что это значит?

— Мыслительные способности, — сказал Ральф. — Когнитивные — это мыслительные.

— Правильно. Мой доктор позвонил моему сыну и сказал ему, что я впадаю в маразм. — Луиза сердито рассмеялась и вытерла слезы со щек платком Ральфа.

— Даже не верится, — растерянно пробормотал Ральф, но ему очень даже верилось. Когда Каролина умерла, он начал всерьез опасаться, что та наивность, с которой он смотрел на мир до восемнадцати лет, все же осталась при нем, когда он повзрослел, и теперь, когда он стареет, эта наивность опять начала проявляться. В последнее время его удивляли многие вещи... причем «удивляли» еще мягко сказано. Они его возмущали и надолго выбивали из колеи.

Например, эти маленькие пузырьчики под Мостом Поцелуев. Однажды он пошел погулять в Бэсси-парк, это было в июле. Зашел под мост, чтобы отдохнуть в тенечке и переждать дневную жару. Он уже достаточно удобно устроился и только потом заметил маленькую кучку разбитых стекол в речушке, которая текла под мостом. Он поднял какую-то палку, раздвинул траву и обнаружил шесть или восемь крошечных бутылочек. В одной из них, на самом дне, был какой-то белый порошок. Ральф поднял ее и долго вертел в руках, а потом до него дошло, что это такое — остатки крэк-вечеринки. Он выронил бутылочку, как будто она неожиданно раскалилась. Он все еще помнил то потрясение, которое испытал тогда, неудачную попытку убедить себя, что он сошел с ума, что это просто не может быть то, что он думает — не в этом задрипанном городишке в двухстах пятидесяти милях от Бостона. Это была защитная реакция организма, защитная реакция его наивности, его убежденности (по крайней мере до этого эпизода под Мостом Поцелуев), что все рассказы про кокаин и наркотические пристрастия — это не более чем криминальное телешоу или кино с Ван Даммом. Что в жизни так не бывает, потому что не может быть.

Сейчас он почувствовал нечто подобное.

— Гарольд сказал, что они собирались «свезить меня в Бангор» и показать одно место, — продолжала Луиза. — Теперь он не возит меня просто так, он меня по местам возит, бред какой. У них с собой была куча брошюр, и когда они мне сказали про эту поездку, Дженет сразу их вытащила...

— Погоди, не так быстро. Какое место? Какие брошюры?

— Извини, я сама себя обгоняю, да? Это место в Бангоре, называется Ривервью-Эстейтс.

Ральф знал это название, у него у самого была такая брошюра. Обыкновенная рекламная макулатура, которую рассылают по почте, предназначенная для людей старше шестидесяти пяти. Они с Макговерном еще смеялись на эту тему... но смех был какой-то натянутый, неестественный — как у детей, когда они проходят мимо кладбища.

— Черт, Луиза... это же дом престарелых, да?

— Нет, сэр! — сказала она, сделав невинные глаза. — Я тоже им так сказала, но они мне быстренько все разъяснили. Нет, Ральф, Ривервью-Эстейтс — это кондоминиум для общественно-активных граждан старшего возраста! И когда Гарольд это сказал, я сказала: «Да неужели?! Тогда послушай: можно, конечно, взять вишневый пирожок из «Макдоналдса», положить его на серебряное блюдо и назвать все это французским тортом, но он как был пирожком из «Макдоналдса», так им и останется, насколько я понимаю». И когда я это сказала, Гарольд начал шипеть и кипеть, а Джен лишь улыбнулась мне этой своей гаденькой сладкой улыбочкой. Она ее бережет специально для таких случаев, наверное, потому что знает, как меня это бесит. В общем, она улыбается и говорит: «Но вы все равно посмотрите брошюры, мама Луиза. Вас это не затруднит, а мы ради этого брали отгул на работе и ехали сюда. Все же не ближний свет».

— Да, как будто Дерри — это центр Африки, — пробормотал Ральф.

Луиза взяла его руку и сказала фразу, от которой его опять разобрал смех:

— Да, для нее это именно центр Африки!

— А когда ты узнала, что Литчфилд проболтался: до или после того? — спросил Ральф, он специально использовал то же слово, что до этого произнесла Луиза. Ему показалось, что для этой ситуации оно подходит как нельзя лучше. «Нарушил профессиональную тайну» было бы слишком вычурно для того, что он сделал. Все было гораздо проще: Литчфилд именно проболтался, потому что он просто трепло.

— После. Я подумала, что с меня действительно не убудет, если я просмотрю эти брошюры, в конце концов они проехали сорок миль, чтобы мне их показать. Вот я их и смотрела, пока они ели, что я наготовила — съели все, подчистую, между прочим, — и пили кофе. То еще местечко, этот Ривервью. У них там медицинская обслуга дежурит 24 часа в сутки. Собственная кухня. Когда ты к ним вселяешь-

ся, тебя обследуют и решают, что тебе можно кушать, а что нельзя. Какие-то Красные диеты, Синие диеты, Зеленые диеты и даже Желтые. Там были еще какие-то цвета, я всего не запомнила. А-а, да: желтая — для диабетиков, синяя — для людей с избыточным весом.

Ральф задумался о сбалансированном трехразовом питании на всю оставшуюся жизнь — никаких больше пицц с острым соусом от Гамбино, никаких сэндвичей из «Кофейника», никаких чизбургеров из «Мексико Милт» — и решил, что подобная перспектива его не прельщает.

— А еще, — чуть ли не радостно добавила Луиза, — у них там какая-то пневмотрубосистема, которая доставляет таблетки прямо на кухню. Гениальное изобретение, правда, Ральф?

— Нет, не правда, — мрачно отозвался он.

— Нет-нет, правда. Это гениально. Это технология будущего. Там еще есть компьютер, который за всем следит, и у него точно нет никакой заторможенности когнитивных способностей. Еще у них есть специальный автобус, который дважды в неделю возит тамошних обитателей на всякие там экскурсии и за покупками, потому что водить машину им запрещено.

— А вот это действительно гениально, — усмехнулся Ральф, слегка сжав ее руку. — Несколько пьяных в субботу вечером отдыхают в сравнении с каким-нибудь старым хрычом с заторможенной когнитивной способностью за рулем старого дребезжащего «бьюика».

Она даже не улыбнулась, хотя он очень хотел ее рассмешить.

— А фотографии там... от этих картинок мне вообще стало не по себе. Старушки, играющие в канасту. Старички, кидающие подкову. И все вместе в большой, обитой сосновыми досками комнате отдыха, которая у них там называется Ривер-Холл. Какое замечательное название, правда, Ральф? Ривер-Холл.

— Да нормальное вроде название. Речной зал.

— Ага, звучит, как название таинственной комнаты в заколдованном сказочном замке. Но я бывала в гостях у своей

подруги в «Земляничных полянах» — это дом престарелых в Скоухегане, — я знаю, что собой представляют эти комнаты отдыха, как бы их ни называли. Везде одно и то же: настольные игры в углу, паззлы, в которых обязательно не хватает пяти или шести кусочков, телевизор с неизменными мыльными операми. Всегда только мыльные оперы, и никаких тебе фильмов, где красивые молодые люди срывают с себя красивую одежду и катаются по полу в страстных объятиях. В таких комнатах всегда пахнет мастикой... и мочой... и дешевенькими акварельными красками в таких длинных жестяных коробочках... и отчаянием.

Луиза внимательно посмотрела на Ральфа.

— Мне только шестьдесят восемь, Ральф. Я знаю, что для нашего фонтанирующего молодостью бодрого доктора это слишком много, но для меня это вполне нормально, моей маме было девяносто два, когда она умерла — это было в прошлом году. А отец умер в восемьдесят шесть. В нашей семье умереть в восемьдесят лет — это считается рано... и если мне предстоит провести еще девятнадцать лет жизни в месте, где обед объявляют по матюгальнику, я просто сойду с ума.

— Я бы тоже не выдержал.

— Но я посмотрела, хотя бы даже из вежливости. Когда я закончила, я сложила брошюры в аккуратную стопку и вручила их Джен. Я поблагодарила ее и сказала, что все это было очень интересно. Она кивнула, улыбнулась и убрала их обратно в сумочку. Я думала, что это уже конец представления, но тут Гарольд сказал: «Надевай пальто, мама». На секунду я так испугалась, что у меня перехватило дыхание, я подумала, что они меня туда уже записали! И мне показалось, что если я не поеду сама, по доброй воле, Гарольд откроет дверь, и там будут стоять несколько вежливых молодых людей в белых халатах, один из них улыбнется и скажет: «Не волнуйтесь, миссис Чесс, все будет хорошо. Когда вы получите первую порцию своих таблеток по нашему уникальному пневмотрубопроводу, вам уже ничего больше не будет нужно». «Я не хочу надевать пальто», — сказала я Гарольду, причем попыталась сказать таким тоном,

которым я говорила, когда он был маленьким, но я настолько разволновалась, что не смогла справиться с собственным голосом. «Я передумала ехать кататься. Мне сегодня так много всего надо сделать», — сказала я. А Джен рассмеялась этим противным смехом, который я ненавижу еще даже больше, чем ее приторную улыбочку, и сказала: «Но почему, мама Луиза? Что такого уж важного может быть у вас в жизни, что вы даже не можете съездить с нами в Бангор, после того как мы — очень занятые, кстати, люди — все-таки нашли время и приехали сюда к вам». Я эту женщину всегда на дух не выносила. И она меня, кажется, тоже. А что делать, так часто бывает, когда свекровь и невестка не любят друг друга. В любом случае я им сказала, что мне, например, надо вымыть полы на кухне. «Вы посмотрите, — сказала я им. — Тут же грязно, как черт знает где». А Гарольд сказал: «Да ладно тебе, мама. Ты же не сможешь отправить нас восвояси ни с чем, когда мы столько старались и нашли время приехать сюда за тобой». А я сказала, что они меня не укут в дом престарелых. Пусть даже об этом не думают. Я живу в Дерри тридцать пять лет, половину жизни. Здесь все мои друзья, здесь мое все, и я никуда не уеду. Они переглянулись в точности, как родители, когда их ребенок неожиданно начинает капризничать. Дженет погладила меня по плечу и сказала: «Не волнуйтесь вы так, мама Луиза. Мы только хотим, чтобы вы посмотрели. Ведь посмотреть — это несложно, правда? И ни к чему не обязывает». Как будто бы она снова рассчитывала на то, что я соглашусь пусть даже из вежливости, как с брошюрами. И когда я это поняла, мне стало гораздо легче. Я должна была сразу понять, что они не могут меня заставить переехать в дом престарелых. Хотя бы уже потому, что им нечем платить за мое содержание там. Они рассчитывали на деньги мистера Чесса — на его пенсию и страховку, которые я получаю, потому что он умер на работе.

Луиза секунду передохнула и продолжила:

— Оказалось, у них там и встреча уже назначена на одиннадцать часов, и меня ждет специальный человек, чтобы показать, что там у них и как. К тому времени я уже почти переста-

ла бояться, но мне не понравилось, как они со мной обращались. Дженет только и твердила, что про отгулы: отгулы то, отгулы се. Разумеется, у нее есть несколько вариантов, как провести свободный день, и все они куда лучше и интереснее, чем ехать в Дерри — не ближний свет, — чтобы навестить свою старую толстую дуру-свекровь. В общем, она еще погундела какое-то время, а потом сказала: «Мама, хватит уже сомневаться, поехали». Причем сказала таким тоном, как будто я просто не могу решить, какую мне шляпку надеть. «Надевайте пальто и поехали. Я помогу вам убраться, когда мы вернемся». «Вы меня, кажется, не расслышали, — сказала я. — Я никуда с вами не еду. Зачем тратить такой замечательный день на экскурсию по какому-то дому, где я все равно никогда жить не буду? И вообще, что дает вам право приезжать сюда и тащить меня в эту вашу шарашку, да еще в такой спешке, как будто от этого вся моя жизнь зависит?! Почему вы мне просто не позвонили и не сказали: «У нас есть одна идея, мам, хочешь послушать?» Со своими друзьями вы бы так не поступили. А почему со мной можно?!» И когда я это сказала, они снова переглянулись...

Луиза вздохнула, в последний раз вытерла глаза и отдала Ральфу платок — уже, разумеется, не такой чистый, но еще вполне пригодный для использования.

— И когда они переглянулись, я поняла: это все. Даже скорее не поэтому поняла, а по тому, как выглядел Гарольд. Он выглядел как мальчишка, которого поймали на том, что он стащил шоколадку из пакета в кладовке. А Дженет... она нагадила его таким взглядом, который я не люблю больше всего. Я его называю взгляд-бульдозер. И она у него спросила, кто из них перескажет мне, что сказал доктор: он или она сама. В итоге заговорили оба. А когда они закончили, я была уже вне себя от страха — меня буквально трясло. И что меня больше всего взбесило... я представила себе, как Карл Литчфилд рассказывает Гарольду все, что я считала своей тайной. Понимаешь, он просто ему позвонил и все рассказал, как будто так и надо.

Луиза тихонечко всхлипнула.

— «То есть ты думаешь, что я совсем выжила из ума? — спросила я Гарольда. — В этом все дело, да? Вы с Джен думаете, что у меня крыша поехала на шестьдесят девятом году жизни?» Гарольд опять покраснел, начал возить ногой под креслом и что-то бормотать себе под нос. Что-то типа, что он вовсе не думает ничего такого, но он просто заботится о моей безопасности, как я заботилась о его безопасности, когда он был еще ребенком. И все это время Джен сидела себе, жевала булочки и смотрела на него так, что я готова была ее убить — как будто она считает, что он даже и не человек, а какой-нибудь таракан, который пытается говорить как юрист. Потом она встала и спросила, можно ли ей «воспользоваться удобствами». Я сказала: валяй, воспользуйся, — и еле сдержалась, чтобы не добавить, что не видеть ее даже пару минут — это уже величайшее облегчение. «Спасибо, мама Луиза, — сказала она тогда. — Я ненадолго. Нам с Гарри скоро уезжать. Если вы все-таки не хотите поехать с нами, тогда, я думаю, разговор окончен. Только перед людьми неудобно. Встреча назначена, нас будут ждать».

— Ну и сука, — заметил Ральф.

— Ну, тут уж я не выдержала. Я ей сказала: «Я всегда прихожу на встречи, Дженет Чесс, но только на те, которые назначаю сама. А на те встречи, которые назначают за меня, мне глубоко плевать». Она всплеснула руками, как будто с досады, что ей приходится общаться с такой непробиваемой идиоткой, как я, и оставила нас с Гарольдом одних. Он смотрел на меня своими здоровенными карими глазами, как будто ждал, что я извинюсь. Я уже сама подумала, что проще будет извиниться, только бы он не сидел с таким выражением. Он был похож на побитого кокер-спаниеля. Но я не извинилась. И не стала бы извиняться. Я просто посмотрела на него, и через пару минут он сказал мне, чтобы я больше не злилась. Он сказал, что волнуется за меня, что я здесь совсем одна, что он просто пыгается быть хорошим сыном, а Дженет пытается быть хорошей дочерью. «Я все понимаю, — сказала я, — но

ты тоже должен меня понять. Манипуляции за спиной человека — это не самый хороший способ показать, как ты его любишь и как ты о нем заботишься». Он снова надулся и зашипел. И заявил, что он не считает это манипуляциями за моей спиной. Когда он это говорил, он смотрел на дверь ванной. Я прекрасно поняла, что он хотел этим показать. Что и Дженет тоже не считает это манипуляциями. Потом он сказал мне, что я все не так поняла: ведь это Литчфилд им позвонил, а не наоборот. «Допустим, — сказала я. — А что тебе помешало повесить трубку, когда ты понял, о чем он собирается говорить? Это было неправильно, Гарри. Что с тобой происходит, скажи мне?»

Луиза перевела дух.

— Он начал оправдываться и мямлить что-то, и я даже подумала, что он собирается извиниться. Но тут вернулась Дженет, и вот тогда и случилось самое страшное. Она спросила меня, где бриллиантовые серьги, которые они подарили мне на Рождество. Я слегка растерялась от такой неожиданной смены темы и первые пару секунд даже сказать ничего не могла, так что и вправду можно было подумать, что выжила из ума. Потом я все-таки сообразила, о чем она говорит, и сказала, что они, как всегда, лежат на фарфоровом блюдечке на шкафу у меня в спальне. У меня есть шкатулка для драгоценностей, но эти серьги и еще несколько украшений я туда не убираю. Они такие красивые, что мне порой хочется просто на них смотреть-полюбоваться. К тому же бриллианты там крошечные, и я не думаю, что кто-то вломится ко мне, чтобы их украсть. И обручальное кольцо, и камею из слоновой кости, которые я храню в том же блюдечке. Не такие уж это и ценности.

Луиза грустно взглянула на Ральфа, и он снова взял ее за руку.

Она улыбнулась и глубоко вздохнула.

— Для меня это так тяжело.

— Если не хочешь рассказывать дальше...

— Нет, я хочу рассказать... впрочем, я мало что помню. Это было так ужасно. Понимаешь, Дженет сказала мне, что знает,

где я их держу и что их там нет. Кольцо есть, камейка есть, а вот сережек нету. Я пошла проверить — она оказалась права. Мы перерыли весь дом, но ничего не нашли. Сergy исчезли.

Теперь Луиза вцепилась в руку Ральфа двумя руками. Она не смотрела ему в глаза — она говорила куда-то в молнию у него на куртке.

— Мы вытащили всю одежду из шкафа... Гарольд отодвинул сам шкаф от стены, мы посмотрели за ним... под кроватью и под диваном... и каждый раз, когда я смотрела на Джениет, она тарасилась на меня таким сахарно-приторным взглядом. Мягким таким, как подтаявшее масло. И ей даже не нужно было ничего говорить. Я и так понимала, что она хотела сказать. И она, кстати, знала, что я это знаю. Теперь видите? — говорил этот взгляд. Теперь вы сами должны понять, что доктор Литчфилд был прав, когда позвонил нам с Гарольдом, и мы с Гарольдом были правы, когда назначали эту встречу. Потому что вам необходим должный уход. И в Ривервью-Эстейтс вам его обеспечат. А уход вам действительно необходим, и то, что случилось, — лишнее тому подтверждение. Вы потеряли такие красивые сережки, мы их вам на Рождество подарили... у вас серьезные нарушения когнитивной способности. Этак вы скоро пожар тут устроите, забудете выключить духовку или фен уроните в ванную.

Луиза снова расплакалась, и Ральфу было больно на это смотреть. В этих слезах было отчаяние, глубокое отчаяние человека, которому стыдно до самой глубины души. Луиза спрятала лицо у него на груди. Он обнял ее. Луиза, подумал он. Наша Луиза. Но нет; ему больше не нравилось это макговернское выражение. Впрочем, оно и раньше ему не нравилось.

Моя Луиза, мысленно поправился он, и мир вокруг снова наполнился красками. Звуки обрели новую глубину и объем. Ральф посмотрел на свои руки и на руки Луизы. Вокруг них мерцали красивые серо-голубые нимбы цвета сигаретного дыма. Ауры вернулись.

— Тебе надо было их выгнать, как только ты поняла, что исчезли сережки, — услышал он свой голос, и каждое слово звучало отдельно и четко и было великолепно, как чистая молния, как прозрачный кристалл хрусталя. — Сразу же гнать их из дома.

— Да, теперь-то я понимаю, — сказала Луиза. — Она просто ждала. Ждала, что я обязательно совершу промах. И, разумеется, дождалась. Но я была так расстроена... сначала этими перепирательствами по поводу поездки в Бангор, в этот проклятый Ривервью. Потом, когда я узнала, что мой доктор выболтал им такое, о чем не имел права болтать... И в довершение ко всему, я потеряла сережки — самое ценное из всего, что у меня было. И знаешь, что меня добило? Что именно она обнаружила пропажу. Так что вовсе неудивительно, что я потерялась и не знала, что делать. Разве я виновата?

— Нет. — Ральф поднес ее руки к губам, и для него их движение в воздухе прозвучало как приглушенный шорох ладони, скользящей по шерстяному одеялу. Он ясно увидел светящийся отпечаток своих губ на тыльной стороне ее правой перчатки, проявившийся на мгновение в голубом поцелуе.

Луиза улыбнулась.

— Спасибо, Ральф.

— Не за что.

— Ты, наверное, уже догадался, чем все закончилось? Джен сказала: «За вами действительно нужно присматривать, мама Луиза. Доктор Литчфилд говорит, что вы уже в том возрасте, когда человек не способен как следует сам о себе позаботиться. Поэтому мы и подумали о Ривервью-Эстейтс. Может, мы были слишком напористы. Но это лишь потому, что нельзя терять время. И теперь вы сами видите почему».

Ральф поднял глаза к небу. Сейчас оно было похоже на безбрежный поток зеленовато-синего огня, а облака — на хромированные дирижабли, плывущие в этом потоке. Потом он перевел взгляд на подножие холма. Розали лежала на прежнем

месте. Темно-серая веревочка, что поднималась от кончика ее морды, легонько покачивалась на прохладном октябрьском ветру.

— И вот тогда меня понесло... я буквально взбесилась. — Луиза улыбнулась, и Ральф подумал, что это — ее первая за сегодняшний день улыбка, в которой было веселье, а не какие-то другие, далеко не такие приятные чувства. — Нет... я не просто взбесилась. Я взорвалась. Если бы в этот момент меня видел мой внучатый племянник, он бы сказал: «Баба Луиза грохочет, как бомба».

Ральф рассмеялся. Луиза тоже; но ее смех получился не-много натянутым.

— Но что меня больше всего разозлило... Дженет знала, что именно так и будет. Она хотела, чтобы я загрохотала, как бомба, потому что потом — и она это знала — я бы чувствовала себя виноватой. И я действительно чувствую себя виноватой. Я стала орать. Я сказала, чтобы они убирались к чертовой матери из моего дома. У Гарольда был такой вид, как будто ему хотелось провалиться сквозь землю... он всегда как-то теряет-ся, когда на него орут... а Дженет просто сидела, сложив руки на коленях, и улыбалась. И даже кивала головой, как бы говоря: «Все правильно, мама Луиза. Продолжай в том же духе, выпусти весь накопившийся яд, а потом ты, может быть, успокоишься и все же послушаешь голое разума».

Луиза перевела дух.

— А потом что-то произошло. Я, правда, не знаю что именно. Это было не в первый раз, но в этот раз было гораздо хуже. Это было похоже... ну, я не знаю... на приступ. Какой-то припадок, что ли. В общем, я вдруг увидела Дженет... но не так, как мы видим обычно, а по-другому... и это было так страшно. И я что-то такое сказала, что наконец ее проняло. Я не помню, что именно, и не хочу вспоминать, я знаю только, что ее сахарная улыбочка, которую я так ненавижу, мгновенно стерлась. Она бросилась вон из дома, схватил Гарольда за руку. На самом деле она буквально тащила его за собой. Последнее, что я помню, как она сказала, что они мне позвонят — попозже, когда у меня прекратится истерика и я не буду бросаться

такими кошмарными обвинениями в адрес людей, которые меня любят.

Луиза опять помолчала.

— После того как они ушли, я чуть-чуть посидела в доме, а потом пошла в парк. Иногда просто посидишь на солнышке — и тебе сразу становится лучше. Я зашла в «Красное яблоко», перекусила, и вот тогда мне и рассказали, что вы с Биллом поссорились. Вы что, совсем разругались?

Ральф покачал головой:

— Да нет, я думаю, мы помиримся. Мне он действительно нравится, Билл, но...

— Но, когда с ним общаешься, нужно быть осторожным, — закончила за него Луиза. — И еще я бы тебе посоветовала не принимать слишком близко к сердцу все, что он говорит.

Ральф сжал ее руки.

— Для тебя это тоже хороший совет, Луиза. Не принимай слишком близко к сердцу то, что случилось сегодня утром.

Она вздохнула:

— Может быть, но это очень непросто, Ральф. В конце я говорила какие-то совсем уже страшные вещи. Ужасные вещи. И эта ее улыбочка...

В сознании Ральфа как будто вспыхнула радуга, и он сразу все понял. В сиянии этой радуги ему открылась одна очень важная вещь — предопределенная и очевидная одновременно. Он увидел Луизу всю целиком в первый раз с той минуты, когда ауры вернулись к нему... или он вернулся к ним. Она сидела в дрожащем шаре прозрачного серого света, он был как туман ранним летним утром, которое обещает быть солнечным и погожим. Этот свет превращал ее из обычной женщины — той самой женщины, которую Билл Мактоверн называл «наша Луиза» — в некое недостижимое, совершенное существо... неземной красоты.

Она как Эос, подумал он. Богиня зари.

Луиза нервно заерзала на скамейке.

— Ральф, почему ты так странно на меня смотришь?

«Потому что ты очень красивая и потому что я в тебя влюбился, — зачарованно подумал Ральф. — И сейчас я настоль-

ко в тебя влюблен, что мне кажется, я тону в тебе. И знаешь, мне нравится такая смерть».

— Потому что ты помнишь, что ты говорила.

Она опустила глаза и начала теревить застежку на сумке.

— Нет, я...

— Ты помнишь. Ты сказала своей невестке, что это она взяла сережки. Что она это сделала, потому что поняла, что ты будешь упираться до последнего и не поедешь с ними. А она из тех людей, которые если не получают, чего хотят, то начинают злиться и грохотать, как бомба, как ты говоришь. Она это сделала потому, что ты ее победила. Я все правильно излагаю?

Луиза смотрела на него испуганными, широко распахнутыми глазами.

— Откуда ты знаешь, Ральф? Откуда ты знаешь... про нее?

— Я знаю, потому что ты знаешь. А ты знаешь, потому что ты это видела.

— Нет, — прошептала она. — Ничего я не видела. Я на кухне была, с Гарольдом.

— Не тогда, когда она забирала сережки, а потом, когда она вернулась. Ты увидела это в ней и вокруг нее.

И он сам сейчас видел в Луизе жену Гарольда Чесса, как будто женщина, сидящая рядом с ним на скамейке, вдруг сделалась линзой. Дженет Чесс была интересной женщиной. Высокая, красивая, стройная. Густые румяна на щеках, безупречный макияж, волосы насыщенного рыжего оттенка. Сегодня утром она приехала в Дерри с великолепной прической, ее шикарные волосы были зачесаны на одну сторону и лежали на плече тяжелым узлом, напоминая моток медной проволоки. А что еще он знает об этой женщине, которую никогда в жизни не видел?

Все, абсолютно все.

Что она мажет щеки румянами, потому что ей кажется, что веснушки — это несолидно для такой взрослой и рассудительной женщины; что женщину с веснушками никто не воспримет всерьез. У нее великолепные ноги, и она это знает. Она носит

на работу короткие юбки. Но сегодня, когда они с мужем поехали навестить (старую суку) маму Луизу, она надела шерстяную кофту и старые джинсы. Дерри — деревня, перед кем здесь выпендриваться. У нее задержка. Она уже не в том возрасте, когда месячные приходят точно по календарю, и в эти два-три дня задержки она очень страдает — во время этих задержек весь мир кажется сделанным из стекла, все люди кажутся страшными или глупыми, и в эти дни ее поведение и настроение становятся непредсказуемыми. Может быть, это и было причиной ее сегодняшнего поступка.

Ральф увидел, как она выходит из маленькой ванной Луизы. Увидел ее внимательный напряженный взгляд в сторону кухни — и на этом сосредоточенном лице нет и следа от той сладкой улыбочки. Вот она берет сережки с фарфоровой тарелочки на шкафу и кладет их в левый передний карман джинсов.

Нет, Луиза не видела, как невестка брала сережки, но она увидела, как изменилась аура Дженет Чесс. Раньше она была просто зеленой, а теперь это был странный цвет, составленный из оттенков красного и коричневого, и Луиза, увидев ее ауру, сразу все поняла — скорее всего даже не осознавая, что с ней происходит.

— Это она их взяла, — сказал Ральф. Он смотрел, как в глазах Луизы — в ее прекрасных, испуганных, широко распахнутых глазах — клубится серая дымка. Он мог бы на это смотреть весь день.

— Да, но...

— Если бы ты согласилась поехать в Ривервью-Эстейтс, я думаю, ты бы нашла сережки после их следующего визита... или, что более вероятно, их бы нашла она. Какая счастливая случайность. «Ой, мама Луиза, смотрите, что я нашла!» Под раковиной, или в шкафу, или в каком-нибудь темном углу.

— Да. — Теперь Луиза смотрела на Ральфа как зачарованная, словно была под гипнозом. — Она, наверное, чувствует себя ужасно... и теперь уже вряд ли осмелится принести их обратно, да? После всего, что я ей сказала. Ральф, но откуда ты знаешь?

— Оттуда же, что и ты. Ты давно стала видеть ауры, Луиза?

— Ауры? Какие ауры? Я не понимаю, о чем ты. — Но она все понимала.

— Литчфилд рассказал твоему сыну про твою бессонницу, но я сомневаюсь, что Литчфилд... ну... стал бы трепаться из-за одной только бессонницы. Меня настораживает другое — то, что ты говоришь, он назвал проблемами с восприятием. Меня удивляет, что кто-то решил, будто ты впала в маразм или совсем головой повернулась, хотя у меня тоже есть свои проблемы с восприятием.

— У тебя?!

— Да, мэм. А потом ты сказала еще одну вещь, куда более интересную. Ты сказала, что вдруг увидела Дженет совсем по-другому. И это тебя напугало. Ты не помнишь, что ты под конец говорила, зато ты помнишь, как ты себя чувствовала. Ты видишь другую часть этого мира — весь остальной мир. Контуры вокруг предметов, очертания внутри предметов, звуки внутри звуков. Я назвал это миром аур, и ты его видишь. Да, Луиза?

Она молча взглянула на него и закрыла лицо руками.

— Я думала, что схожу с ума, — сказала она, а потом повторила: — Ральф, я думала, что схожу с ума.

Он обнял ее, потом отпустил и приподнял ее лицо, взяв его за подбородок.

— Только ты больше не плачь, — сказал он. — У меня нет запасного платка.

— Я не буду, — сказала она, но ее глаза предательски заблестели. — Ральф, если бы только знал, как ужасно...

— Я знаю.

Она улыбнулась.

— Да... ты знаешь, правда?

— Что заставило идиота Литчфилда решить, будто ты сходишь с ума — ну, кроме болезни Альцгеймера, на которую у него, вероятно, были подозрения, — вряд ли просто бессонница, правильно? А вот бессонницу с какими-то там видениями он, очевидно, счел галлюцинацией — это уже ближе к истине.

— Да, наверное. Но на приеме он мне не сказал ничего такого. Когда я ему рассказала о тех вещах, которые вижу — цвета и все такое, — он меня выслушал с пониманием.

— Ага, а как только ты вышла за дверь, он тут же бросился звонить твоему сыну и велел ему приехать в Дерри и сделать что-нибудь со своей престарелой мамой, которая явно выжила из ума и теперь видит, как люди расхаживают по улицам в разноцветных коконах с привязанными к головам веревочками.

— Ты тоже видел, Ральф? И ты тоже видел?

— Да, и я тоже видел, — сказал он и рассмеялся. Может быть, в данном случае его смех был совсем неуместен, но ему надо было хоть как-то сбросить напряжение. Ему хотелось спросить ее сразу о стольких вещах, он буквально сгорал от нетерпения. И было что-то еще — что-то столь неожиданное, что он даже не сразу понял, что это такое: он был возбужден, не просто заинтересован, а действительно возбужден. Как мужчина.

Луиза снова расплакалась. Ее слезы были цвета тумана над озером и легонько дымились, когда скатывались по щекам.

— Ральф, это... это... о Господи.

— Это круче, чем Майкл Джексон в суперкубке, да?

Она тихо рассмеялась.

— Ну да... совсем немного, но круче.

— Для того, что сейчас происходит с нами, Луиза, уже даже есть название. Это не бессонница и не болезнь Альцгеймера. Это гиперреальность.

— Гиперреальность, — повторила она. — Какое слово-то умное!

— Да, пожалуй. Это мне рассказал фармацевт из аптеки «Первая помощь», его зовут Джо Вайзер. Только он знает совсем немного, а это все куда больше, чем может представить себе нормальный человек.

— Да, это как телепатия... но если это действительно происходит... Ральф, а мы точно в своем уме?

— Твоя невестка взяла сережки?

— Я... она... да, — замялась Луиза. — Да, брала.

— Ты уверена?

— Да.

— Тогда ты сама и ответила на свой вопрос. У нас все в порядке, мы не сошли с ума... но я думаю, это не телепатия. Мы читаем не мысли, а ауры. Слушай, Луиза, я тебя о стольком хочу расспросить, но сейчас для меня самое главное... Ты видела... — Он вдруг замолчал, не уверенный, стоит ли произносить слова, которые уже срывались с кончика языка.

— Видела что?

— Ладно. Это будет звучать совсем уже безумно, даже безумнее, чем все, что ты мне рассказала, но я вовсе не сумасшедший. Ты мне веришь? Я не сумасшедший.

— Я тебе верю, — просто сказала она, и у Ральфа отлегло от сердца. Она говорила правду. В этом не было ни малейших сомнений. Ее вера светилась вокруг нее.

— Ну ладно, слушай. С тех пор как с тобой это началось, ты не видела никаких странных людей, которые вроде бы и не отсюда? Я имею в виду, не просто с Харрис-авеню, а вообще не из этого мира?

Луиза непонимающе смотрела на него.

— Они лысые, очень маленького роста. Носят белые халаты и очень похожи на изображения инопланетян из бульварных газет, которые продаются у нас в «Красном яблоке». Ты не видела никого похожего во время, скажем так, приступа гиперреальности?

— Нет, я не видела.

Ральф от досады ударил кулаком по колену, на пару мгновений задумался, а потом снова взглянул на Луизу:

— В понедельник ночью... До того, как к дому Мэй Лочер подъехали полицейские... ты меня видела?

Луиза медленно кивнула. Ее аура слегка потемнела, в ней закружились тонкие алые спирали.

— Тогда, наверное, ты уже догадалась, кто звонил в полицию, — сказал Ральф. — Правда?

— Да, я знаю, что это ты, — тихо сказала Луиза. — Я подозревала, но все-таки не была уверена. Пока не увидела это... ну, в твоих цветах.

В моих цветах, подумал он. Эд называл ауры точно так же.

— Но ты не видела двоих парней, уменьшенных копий мистера Клина, которые выходили из дома Мэй Лочер.

— Нет, — сказала она. — Но это еще ничего не значит. У меня из окна дома Мэй не видно. Мне его загораживает крыша «Красного яблока».

Ральф вздохнул с облегчением. Разумеется, там же крыша — он должен был это знать.

— До того как пойти в душ, я видела, что ты что-то рассматриваешь в бинокль. Видимо, что-то ты там увидел подозрительное. Поэтому и позвонил в полицию. Я никогда раньше не видела, чтобы ты что-то рассматривал в бинокль, поэтому и удивилась. Хотя мало ли, что ты разглядывал. Может, бродячего пса, который роется в мусорных баках по четвергам. — Она показала на холм. — Вот его.

Ральф улыбнулся.

— Это не он, а она. Великолепная Розали.

— Ах вот оно как. В любом случае я пробыла в душе достаточно долго, потому что вымыла голову и держала на волосах бальзам... без красителей, — добавила она резко, как будто он в чем-то ее обвинял. — Просто протеины и еще какие-то там вещества, которые делают волосы толще. Когда я вышла, около дома Мэй уже было полно полиции. Я пыталась разглядеть тебя, но ничего не увидела. Ты, наверное, пошел в другую комнату или пересел в другое кресло. Ты иногда в другом кресле сидишь.

— Луиза, та ссора с Биллом была совсем не из-за шахмат. Это...

Розали вдруг залаяла и вскочила на ноги. Ральф посмотрел туда, куда смотрела она, и у него внутри все оборвалось. Хотя они с Луизой сидели тут около получаса и за все это время

никто не подходил к туалетам в маленьком домике у подножия холма, рифленая дверь кабинки с надписью «М» начала медленно открываться.

Из кабинки вышел лысый Док номер три. Панама Макговерна была лихо сдвинута на затылок, из-за чего маленький доктор напомнил Ральфу самого Билла, когда он первый раз увидел его в этой коричневой шляпе-панаме — вылитый гангстер из фильмов сороковых годов.

В руке он держал ржавый скальпель.

Глава 13

1

Луиза? — Собственный голос казался Ральфу глухим эхом в огромном глубоком каньоне. — Луиза, ты видишь?

— Нет. — Ее голос срывался. — Это что, ветер открыл дверь туалета? Ведь не ветер, да? Там кто-то есть? Поэтому собака так нервничает?

Розали медленно попятилась назад, подальше от лысого маленького человечка; она прижала уши к голове и оскалилась, обнажив зубы — такие же страшные, как резиновые втулки. Она снова залаяла, а потом отчаянно заскулила.

— Да! Ты не видишь его, Луиза? Смотри! Вот же он, прямо там!

Ральф поднялся на ноги. Луиза тоже встала, прикрыв глаза рукой, чтобы лучше видеть, что творится у туалетов. Она сосредоточенно вглядывалась вдаль.

— Я вижу какое-то мерцание и больше ничего. Похоже на воздух над раскаленным металлом.

— Я же сказал тебе, оставь ее в покое! — закричал Ральф. — Немедленно прекрати! Убирайся к черту!

Лысый человечек повернулся к Ральфу, и на этот раз у него во взгляде не было удивления. Он взглянул на Ральфа лишь

мельком. Потом поднял средний палец, отсалютовал Ральфу древним, как мир, жестом — мол, пошел бы ты, дядя — и оскалился (его зубы были куда острее и смотрелись гораздо страшнее, чем клыки старой Розали) в молчаливой усмешке.

Розали съежилась, когда маленький человечек в грязном белом халате снова направился к ней, а потом подняла лапу и прикрыла ею голову. Этот мультяшный жест мог бы показаться смешным, если бы в нем не было столько ужаса.

— Чего я не вижу, Ральф? — простонала Луиза. — Что-то я вижу, но...

— Отстань от нее! — закричал Ральф. Он поднял руку и снова резко махнул ей вперед, подражая каратистам. Рука — та самая рука, которая совсем недавно выстрелила лучом синего света — теперь казалась ему незаряженным ружьем, и на этот раз лысый доктор, похоже, догадывался, что Ральф не причинит ему вреда.

[Ой, да ладно тебе, краткосрочник — сядь поудобнее, заткнись и наслаждайся спектаклем.]

Существо у подножия холма вновь повернулось к Розали, которая сидела у старой сосны. Из трещин в коре дерева сочился зеленый туман. Лысый доктор склонился над ней и потянул правую руку, как будто в жесте дружеского приветствия, что очень плохо сочеталось со скальпелем у него в левой руке.

Розали заскулила... а потом вытянула шею и покорно лизнула ладонь лысого существа.

Ральф посмотрел на свои руки. Что-то в них было — не та сила, которую он чувствовал раньше, нет, но что-то все-таки было. Внезапно вокруг его ногтей заплескали искорки белого света. Как будто его пальцы превращались в свечи зажигания.

Луиза судорожно вцепилась ему в локоть.

— Что происходит с собакой? Ральф, что с ней происходит?!

Не задумываясь о том, что и зачем он делает, Ральф закрыл руками глаза Луизы, как в старой детской игре «Угадай, кто это». На мгновение его пальцы вспыхнули таким ослепительным белым светом, что Ральф сам зажмурился. Так вот о ка-

кой ослепительной белизне они талдычат в рекламе отбеливающей зубной пасты, подумал он совершенно не к месту.

Луиза закричала. Она попыталась схватить его за локти, потом опустила руки.

— Господи, Ральф, что ты со мной сделал?

Он убрал руки и увидел, что ее глаза окружает светящаяся восьмерка, как будто она только что сняла очки, которые окунули в фосфор. Вскоре это мерцание начало меркнуть и исчезло совсем... только...

Оно не исчезает, подумал он. Оно впитывается.

— Ничего, — сказал он и добавил: — Смотри!

Ее широко распахнувшиеся глаза подтвердили то, о чем он уже догадывался и так. Доктор номер три, ничуть не расстроенный отчаянной попыткой Розали подружиться с ним, взял ее за морду левой рукой — той рукой, в которой был скальпель. В другой руке он зажал старую бандану, которая болталась на шее у Розали, и резко задрал ей голову. Розали жалобно закулила. У нее изо рта потекла слюна. Лысый человечек мерзенько захихикал, и от этого смеха у Ральфа по коже побежали мурашки.

[— Эй ты! Пошел прочь! Прекрати мучить собаку!]

Лысый человек принялся нервно крутить головой по сторонам. Усмешка исчезла с его лица, и он зарычал на Луизу. В этот момент он и сам стал похож на разъяренного пса.

[Да иди ты в жопу, старая жирная шлюха! Собака моя, как я уже говорил твоему импотенту-другу.]

Когда Луиза закричала, лысый человек от неожиданности отпустил бандану. Розали опять вжалась в дерево: глаза у нее закатились, а изо рта падали клочья пены. Ральф в жизни не видел настолько забитого и испуганного существа.

— Беги! — закричал он. — Беги!

Она как будто его и не слышала, и через пару секунд Ральф сообразил, что она действительно его не слышит, потому что Розали уже не совсем здесь. Лысый доктор что-то с ней сделал — пусть даже частично, но все-таки вытащил ее из обычной ре-

альности, как фермер, который корчует пень, обмотав его цепью и вытягивая из земли трактором.

Но Ральф решил попробовать еще раз.

[— Беги, Розали! Беги!]

На этот раз она навестила уши и повернула голову к Ральфу. Он не знал, станет она его слушаться или нет, потому что лысый доктор схватил ее за бандану раньше, чем она успела двинуться с места. Он снова задрал ей голову.

— Он убьет ее, — закричала Луиза — Он ей горло сейчас перережет! Останови его, Ральф! Ральф, сделай же что-нибудь!

— Я не могу! Может быть, у тебя получится! Стреляй в него! Стреляй в него из руки!

Он озадаченно посмотрел на него, явно не понимая, о чем идет речь. Ральф опять принялся размахивать руками, как взбесившийся каратист, но тут Розали тоскливо завывала. Лысый доктор уже опустил свой скальпель, но он перерезал не горло Розали.

Он перерезал ее веревочку — ленточку от воздушного шарика.

Из ноздрей Розали вылетели две струйки чего-то, похожего на легкую дымку. Они сплелись в косичку на высоте примерно шесть дюймов у нее над головой — как раз там, где полоснул скальпелем лысый доктор. Застыв от ужаса, Ральф наблюдал, как косичка поднимается в небо, словно веревочка улетевшего воздушного шарика, наполненного гелием. Поднимаясь, она постепенно расплеталась. Ральф подумал, что она зацепится за ветви старой сосны, но этого не случилось. Когда веревочка долетала до очередной ветки, она просто просачивалась сквозь нее.

Все правильно, — подумал Ральф. Точно так же эти ребята прошли сквозь закрытую дверь Мэй Лочер, после того, как убили ее.

Вслед за этой мыслью пришла еще одна мысль, логичная и простая до ужаса — настолько логичная и простая, что в нее

просто нельзя было не поверить: не пришельцы, не маленькие лысые доктора, а Центурионы. Центурионы Эда Дипно. Да, они были совсем не похожи на римских легионеров из широко-масштабных голливудских эпопей вроде «Спартака» или «Бен-Гура», но это должны были быть Центурионы... правильно?

Поднявшись на высоту около десяти метров, веревочка Розали просто растаяла в воздухе.

Ральф посмотрел вниз как раз вовремя: он увидел, как лысый гном снимает синюю бандану с шеи собаки и толкает ее к дереву. Ральф присмотрелся и похолодел от ужаса. Его сон про Каролину повторялся с точностью до мелочей, и он почувствовал, что вот-вот закричит от страха.

Все правильно, Ральф, но кричать не стоит. Потому что, если ты закричишь, ты уже вряд ли сможешь остановиться: так и будешь кричать, пока не сорвешь голос. Подумай о Луизе. Она тоже все это видит. Подумай о Луизе и не смей орать.

Да, конечно. Но это было так сложно — не закричать. Потому что жуки из сна, которые лезли из головы Каролины, теперь текли из ноздрей Розали нескончаемым черным потоком.

Это не жуки. Я не знаю, что это такое, но это не жуки.

Нет, не жуки — просто какой-то еще вид ауры. Кошмарная черная субстанция — не жидкость и не газ — выходила из Розали с каждым выдохом. Она не исчезала. Напротив, она начала окружать Розали отвратительными клубами антисвета. Казалось бы, эта плотная чернота должна была бы закрыть собаку от взгляда, но этого почему-то не происходило. Ральф видел умоляющие испуганные глаза Розали, когда чернота собралась вокруг ее головы и начала опускаться вниз по спине и дрожащим лапам.

Это был черный мешок для трупов — настоящий мешок смерти, — и Ральф наблюдал за тем, как Розали, чью веревочку срезал маленький лысый доктор, обволакивает этой дрянью, словно отравленной плацентой. Эта метафора вызвала в памяти голос Эда Дипно. Он очень явственно прозвучал в голове у Ральфа: Эд говорил, что Центурионы вырезают детей из материнских утроб и вывозят их из города в крытых грузовиках.

«Ты когда-нибудь задавался вопросом, что там у них в кузове?» — спросил тогда Эд.

Док номер три ухмыльнулся, глядя на Розали. Потом развязал узел на ее бандане и повязал бандану себе на шею, на манер косынки какого-нибудь божемного художника, после чего повернулся к Ральфу и Луизе и одарил их взглядом, полными омерзительного самодовольства. «Вот! — говорил этот взгляд. — Я все-таки сделал, что собирался, и ни хрена вы мне не помешали, правильно?»

[— Сделай что-нибудь, Ральф! Я тебя умоляю, сделай что-нибудь! Пусть он перестанет!]

Слишком поздно пытаться хоть что-то делать, но может быть, еще не поздно испортить праздник этому лысому уроду и помешать ему насладиться смертью Розали. Ральф был почти уверен, что Луиза не сможет повторить его каратистских ударов, но может быть, она сможет сделать что-то другое, что-то свое.

Да, она может выстрелить в него по-своему.

Ральф не знал, почему он был в этом уверен, но он все-таки был уверен. Она схватила Луизу за плечи и развернул к себе, так чтобы она смотрела ему в глаза. Потом он поднял правую руку, вытянул указательный палец и направил его на лысого человечка. Наверное, со стороны он был похож на ребенка, который играет в войнушку.

Во взгляде Луизы было только замешательство и непонимание. Ральф взял ее руку и снял с нее перчатку.

[— Ты! Ты, Луиза!]

Она наконец поняла. Подняла руку, вытянула указательный палец и выстрелила: пиф-паф!

Два ромбовидных луча серо-голубого цвета — обычного цвета ауры Луизы, но значительно ярче — вырвались из кончика ее пальца и полетели к подножию холма.

Док номер три завизжал и подпрыгнул — руки на уровне плеч, ноги выше головы, — так что первый из этих лучей прошел чуть ниже. Он ударился в землю, проскакал по ней, словно плоский камушек по поверхности пруда, и ударился в кабинку с буквой «Ж». На мгновение вся кабинка осветилась ослепительным светом.

Второй серо-голубой луч зацепил левое бедро коротышки и от ricoшетил в небо. Лысый доктор пронзительно закричал; высокий, противный звук, казалось, вгрызается в голову Ральфа, как червь. Ральф поднял руки, чтобы закрыть уши, и увидел, что Луиза тоже прижимает ладони к ушам. Он был уверен, что если этот кошмарный крик сейчас же не прекратится, их головы просто разнесет на кусочки.

Док номер три упал на землю рядом с Розали и начал кататься по ковру из сосновых игл, скул и держась за бедро, как маленький ребенок, который упал с трехколесного велосипеда. Через пару секунд его вопли слегка поутихли, он поднялся на ноги и сверкнул недобрым взглядом в сторону Ральфа с Луизой. Панама Билла снова сползла ему на затылок, а левая сторона халата почернела и дымилась.

[Я вас достану! Я вас обоих достану! Чертовы выскочки. Краткосрочники! Я ВАС ОБОИХ ДОСТАНУ!]

Он развернулся и двинулся по дорожке, что вела к игровой площадке и теннисным кортам. Он передвигался широкими прыжками, как астронавт на Луне. Судя по скорости, которую он развил, «выстрел» Луизы не принес ему никакого существенного вреда.

Луиза схватила Ральфа за плечо и встряхнула. И как только она это сделала, ауры начали исчезать.

[— Дети! Он идет к детям!]

Ее голос звучал совсем слабо, и это было вполне логично, потому что — Ральф понял это только теперь — Луиза не говорила вслух, а просто пристально смотрела ему в глаза и держала его за плечо.

— Я тебя не слышу! — закричал он. — Луиза, я тебя не слышу!

— Какого черта, ты что, оглох? Он идет к детской площадке! К детям! Мы должны его остановить, чтобы он ничего им не сделал, детям!

Ральф глубоко вздохнул.

— Он ничего им не сделает.

— Как ты можешь быть в этом уверен?!

— Не знаю. Я просто уверен, и все.

— Я в него выстрелила. — Луиза подняла палец к лицу и на мгновение стала похожа на человека, изображающего самоубийство. — Я в него выстрелила из пальца.

— Ага, и неплохо его зацепила, судя по всему.

— Я больше не вижу цветов, Ральф.

Он кивнул.

— Они появляются и исчезают, как радиостанции по ночам.

— Я не знаю, что я сейчас чувствую... я даже не знаю, что я хотела бы чувствовать! — Ее голос снова сорвался на крик, и Ральф обнял ее. Несмотря на все то, что творилось сейчас в его жизни, он вдруг осознал одну вещь: как это здорово и прекрасно — снова обнимать женщину.

— Все хорошо. — Он обнял ее еще крепче и прижался лицом к ее макушке. Ее волосы пахли чем-то сладким, и в этом запахе не было примеси химикатов из магазинов косметики, которые он чувствовал в последние десять или даже пятнадцать лет их совместной жизни с Каролиной. — Не думай сейчас ни о чем, успокойся, ладно?

Она подняла на него глаза. Он больше не видел легкой туманной дымки вокруг ее зрачков, но он был уверен, что эта дымка там есть.

— Зачем это, Ральф? Ты знаешь, зачем все это?

Он покачал головой. В его сознании вертелись сотни разрозненных образов — шляпы, доктора, жуки, знаки, куклы, наполненные кровью, — и все эти кусочки никак не желали соединяться в единую картину. В памяти снова возникла та фраза старины Дора: *Сделанного не веротишь*. Сейчас она почему-то казалась ему очень важной.

Хотя бы уже потому, что это была чистая правда.

3

Снизу раздался жалобный визг. Розали лежала у старой со-сны, пытаясь подняться на ноги. Сейчас Ральф не видел черного мешка вокруг собаки, но был уверен, что он там есть.

— Ральф, ей можно как-то помочь? Бедное животное!

Помочь было нельзя, в этом Ральф был совершенно уверен. Он взял Луизу за руку. Он ждал, что Розали сейчас умрет.

Но вместо этого она резко поднялась на ноги — так резко, что чуть не упала набок. Пару секунд она стояла неподвижно, низко опустив голову, а потом чихнула, встряхнулась, посмотрела на Ральфа с Луизой и коротко тявкнула. Ральфу показалось, что она попросила их не беспокоиться. Потом Розали развернулась и затрусила через сосновую рошу к выходу из парка. Прежде чем Ральф потерял ее из виду, она перешла на хроющую, но бодрую рысь. Она и раньше слегка прихрамывала, так что все было так, как до вмешательства Доктора номер три. Старая, но вроде бы еще живая (*как и все остальные старперы с Харрис-авеню*, подумал Ральф) собака исчезла среди деревьев.

— Я думала, это ее убьет, — сказала Луиза. — Если честно, я думала, что она уже мертвая.

— Я тоже так думал, — сказал Ральф.

— Ральф, это все было на самом деле? Было, да?

— Было.

— Эти веревочки, как у воздушных шариков... это линии жизни, да?

Он медленно кивнул:

— Да, как пуповины. И Розали...

Ральф вспомнил самый первый раз, когда он увидел ауры. Он стоял тогда возле аптеки «Первая помощь», прижавшись спиной к почтовому ящику, и его челюсть отвисла чуть ли не до колен. Из тех шестидесяти или семидесяти людей, которых он успел увидеть до того, как ауры исчезли, только считанные единицы были окружены черными мешками типа того, какой появился вокруг Розали. Только мешок Розали был куда чернее, чем те, которые он видел тогда. Люди на стоянке, чьи ауры были темными, выглядели больными... как и Розали, чья аура и до появления Доктора номер три была цвета старых носков.

Может, он просто ускорил естественный процесс, подумал Ральф.

— Ральф? — Луиза дернула его за руку. — Так что с Розали?

— Я думаю, что теперь моя старая приятельница Розали живет как бы в кредит.

Луиза на секунду задумалась, глядя на подножие холма и на рошу, где исчезла Розали, потом опять повернулась к Ральфу.

— А этот уродец со скальпелем... это один из тех, кто вышел из дома Мэй Лочер, да?

— Нет. Там были другие.

— А еще кого-нибудь ты видел?

— Нет.

— Думаешь, есть еще?

— Я не знаю.

Ему показалось, что она сейчас спросит его, заметил ли он панаму Билла на голове у лысого существа, но она не спросила. Ральф решил, что Луиза могла и не узнать панаму. Слишком много творится странностей, к тому же Билл уже черт-те сколько не носил эту панаму, по вполне понятным причинам; к тому же, когда он ее носил, от полей не был откушен изрядный кусок. Учителя истории на пенсии — не из тех, кто жует свои шляпы, подумал он и усмехнулся.

— То еще выдалось утро. — Луиза встретилась взглядом с Ральфом. — По-моему, нам надо поговорить, как ты думаешь? Мне надо знать, что происходит.

Ральф вспомнил сегодняшнее утро — казалось, что прошла уже тысяча лет, — как он возвращался с площадки для пикников, пролистывая в голове короткий список своих знакомых и решая, к кому обратиться. Луизу он вычеркнул сразу на том основании, что она обязательно проболтается своим подружкам, и теперь ему было стыдно за эту мысль, которая скорее всего родилась под влиянием Билла Макговерна, который всегда относился к Луизе не слишком серьезно. И вот теперь оказалось, что из всех знакомых об аурах можно поговорить только с Луизой.

Он кивнул:

— Да, надо поговорить.

— Хочешь, пойдём ко мне? Я приготовлю чего-нибудь на обед. Я еще очень даже неплохо готовлю для старой гусыни, которая не в состоянии найти свои сережки.

— Конечно, пойдем. Я расскажу все, что я знаю, но это может занять много времени. Когда я пытался поговорить с Биллом, я выдал ему сокращенную версию для «Ридерз дайджеста».

— То есть, — сказала Луиза, — вы поссорились вовсе не из-за шахмат.

— Ну, наверное, — улыбнулся Ральф. — Скорее это было похоже на твою ссору с сыном и невесткой. И ведь я ему рассказал далеко не все.

— Но мне ты расскажешь все?

— Да. — Он встал со скамейки. — Тем более ты меня соблазнила обедом. Я и не сомневаюсь, что ты чертовски хорошо готовишь. На самом деле... — Он вдруг замолчал и упал обратно на скамейку. Вид у него был испуганный и ошарашенный.

— Ральф? С тобой все в порядке?

Встревоженный голос Луизы доносился, казалось, откуда-то издалека. Перед глазами у Ральфа опять возник Док номер три, когда он стоял в переулке между прачечной и жилым домом. Он пытался приманить Розали с той стороны Харрисавеню, чтобы отрезать ее веревочку. Тогда ему это не удалось, но он все-таки своего добился,

(Я с ней хотел поиграться!)

все-таки своего добился.

Послушай, Ральф, старина. Может быть, то обстоятельство, что Билл Макговерн — не из тех, кто грызет свои шляпы, отнюдь не единственная причина, почему Луиза не заметила, что Док номер три ходит в панаме Билла. Может, она не заметила этого потому, что не хотела заметить. Может быть, есть пара фактов, которые, если правильно их сопоставить, помогут сделать весьма интересные выводы. Понимаешь?

— Ральф? Что случилось?

Сегодня утром он видел, как лысый гном отгрызает кусок от панамы и нахлобучивает ее обратно на голову. И слышал, как он говорил, что Ральф поплатится за свое вмешательство, что теперь он поиграется с ним.

И не только со мной. Со мной и с моими друзьями, так он сказал. «С тобой и твоими маразматизирующими дружками».

Теперь Ральф вспомнил еще кое-что. Он вспомнил, как солнце отразилось на чем-то блестящем в ушах у Доктора номер три, когда он — или оно — грыз шляпу Макговерна. Это воспоминание было слишком живым и ярким, чтобы от него отмахнуться.

Надо бы сопоставить факты и сделать выводы...

Спокойно... ты еще ни в чем полностью не уверен, все еще очень неточно, друг мой. Просто запомни эту деталь и используй ее как зацепку. Сейчас не важно, что видела Луиза. Сейчас важно другое: что другие ребята в белых халатах вовсе не маленькие недомерки, а сильные мускулистые парни с сачками для ловли бабочек и шприцами с торазином могут появиться в любой момент. В любой момент.

Но все же...

Все же...

— Ральф, Господи Иисусе, да скажи ты хоть что-нибудь! — Луиза трясла его за плечи, причем трясла достаточно сильно — как жена, которая пытается разбудить мужа на работу.

Он посмотрел на нее и попытался изобразить улыбку.

Улыбка вышла насквозь фальшивой, но, наверное, Луиза поверила, потому что успокоилась. Немного, совсем чуть-чуть.

— Извини, — сказал он. — Я на пару секунд отключился... просто... что-то навалилось.

— Не пугай меня так! Когда ты схватился за сердце... Господи Боже!

— Со мной все в порядке. — Ральф выдавил из себя еще более деланную улыбку. — Если ты все еще хочешь готовить, то пойдем. Очень хочется есть.

Три-шесть-девять-сто-одно, гусь с гусиной пил вино.

Луиза посмотрела на него и вроде бы успокоилась.

— Хорошо. Это будет забавно. В последнее время я ни для кого не готовлю, кроме Симоны и Мины. Это мои подруги. —

Потом она рассмеялась. — Только я совершенно не это имела в виду. И весело будет совсем по другому поводу.

— Что-то ты говоришь загадками.

— Я очень давно не готовила для мужчины. Надеюсь, я не забыла, как это делается.

— Но мы же недавно к тебе заходили с Биллом: смотрели новости и кушали макароны с сыром. Это было очень здорово.

Она улыбнулась.

— Разогретые макароны. Это совсем не одно и то же.

А большая обезьяна все ломилась к ним в окно... Гусь с гусиной так напились, что до смерти подавились...

Улыбаемся еще шире. С риском вывихнуть челюсти.

— Я уверен, что ты не забыла, как это делается, Луиза.

— У мистера Чесса был очень хороший аппетит. Просто зверский аппетит. Но потом у него начались проблемы с желудком, и... — Она вздохнула и взяла Ральфа за руку со смесью робости и решительности, которую он счел просто великолепной. — Ладно, не важно. Мне надоело вспоминать прошлое и ныть по этому поводу. Оставляю эту прерогативу Биллу. Пойдем.

Он встал, взял ее под руку и повел к нижнему выходу у подножия холма. Луиза не обратила внимания на молодых мам на детской площадке, чему Ральф был несказанно рад. Он мог сколько угодно убеждать себя не принимать скоропалительных решений и не делать поспешных выводов, потому что он до сих пор не знает, что происходит с ним и с Луизой, и даже не может логически рассуждать об этом, но он все равно делал какие-то выводы. Причем эти выводы шли не от ума, а из сердца, и он уже почти поверил в то, что в мире аур чувствовать и знать — это почти одно и то же.

Я не знаю насчет тех двоих, но Док номер три — явно психованный доктор... и он собирает сувениры. Так же, как некоторые психованные во Вьетнаме отрезали на память уши убитых врагов.

Невестка Луизы поступила мерзко и некрасиво, когда забрала сережки с блюдечка и положила их себе в карман. Но

Ральф был уверен, что она не хотела их забирать. Просто что-то на нее нашло... И самое главное: в кармане у Дженет Чесс уже не было никаких сережек. Наверное, сейчас она ругает себя за то, что потеряла их, и не может понять, зачем она вообще их взяла.

Ральф точно знал, что на голове у этого мелкого урода была панама Макговерна, даже если Луиза ее не узнала, и они оба видели, как он забрал бандану Розали. И Ральф ни капельки не сомневался, что те искорки в ушах у лысого Доктора номер три — это были сережки. Сережки Луизы.

4

Старое кресло-качалка покойного мистера Чесса стояло на выцветшем линолеуме около двери, ведущей на задний двор. Луиза усадила в него Ральфа и велела ему «не путаться под ногами». Ральф подумал, что с этим заданием он вполне может справиться. Он сидел, лениво покачиваясь в кресле, и яркий солнечный свет падал ему на колени. Ральф не очень понял, куда подевалось время. Сейчас было уже далеко за полдень. Может быть, я заснул, подумал он. Может быть, я все еще сплю, и мне это снится. Он наблюдал за тем, как Луиза снимает со шкафа котелок для приготовления китайской еды (тоже вполне хоббитского размера). Через пять минут кухню заполнили вкусные, аппетитные запахи.

— Я же говорила, что когда-нибудь буду готовить только для тебя, — сказала Луиза, добавляя в варево овощи из холодильника и специи из шкафчика над плитой. — В тот день, когда вы с Биллом были у меня и ели разогретые макароны, помнишь?

— Да, вроде бы помню.

— В ящике для молока на крыльце стоит кувшин свежего сидра. Сидр лучше держать снаружи. Не принесешь? Ну и, разумеется, можешь выпить. Мои «парадно-выходные» стаканы стоят на полке над раковиной, но я не могу их достать, не вставая на стул. Сколько в тебе росту, Ральф? Шесть и два?

— Шесть и три. Было по крайней мере. Может быть, я потерял пару дюймов за последние несколько лет, усох от старости или что-то в этом духе. И не надо таких церемоний только ради меня. Честное слово.

Она строго взглянула на него, уперев руки в бока — в одной руке была ложка, которой она помешивала свое варево. Но вся ее суровость исчезла, как только она улыбнулась.

— Я сказала, мои парадно-выходные стаканы, Ральф Робертс, а не мои лучшие стаканы.

— Да, мэм. — Ральф усмехнулся. — Судя по запаху, вы еще очень даже не забыли, как готовить для мужчины.

— Сначала попробуй, а потом говори, — сказала Луиза, но Ральфу показалось, что она польщена.

5

Еда была действительно выше всяких похвал, и во время обеда по молчаливому уговору они не стали заводить разговор о том, что случилось в парке. Вообще-то с тех пор, как бессонница начала по-настоящему мучить Ральфа, у него были явные проблемы с аппетитом, но сегодня он съел все, что приготовила Луиза: что-то жареное со специями и очень вкусное. И плюс к тому — три стакана яблочного сидра. Оставалось только надеяться, что все оставшиеся на сегодня дела будут происходить где-то поблизости от туалета. Когда они поели, Луиза встала, подошла к раковине и начала мыть посуду. Не отрываясь от своего занятия, она продолжила их прерванный разговор так, словно это было вязание, которое она ненадолго отложила, а теперь вот решила довязать.

— Так что ты сделал со мной там, в парке? — спросила она. — Что ты сделал, чтобы цвета вернулись?

— Я не знаю.

— Я как будто стояла на самой границе другого мира, и когда ты закрыл мне глаза руками, ты толкнул меня туда.

Он кивнул, вспомнив, как она выглядела в первые несколько секунд после того, как он убрал руки: как будто сняла очки, вымазанные в фосфоре.

— Я это сделал чисто инстинктивно. И да, ты права, это похоже на другой мир. Про себя я его называю мир аур.

— Это чудесно, да, Ральф? То есть это пугает... и когда это случилось со мной в первый раз — в конце июля или начале августа, — я была уверена, что схожу с ума, но даже тогда мне это понравилось. Это не может не нравиться, правда?

Ральф удивленно смотрел на нее. А он-то думал, что Луиза легкомысленна. Болтлива. Не умеет хранить секреты.

Нет. Боюсь, все было гораздо хуже, приятель. Ты думал, что она ограниченный и пустой человек. Ты ее видел скорее глазами Билла, а не своими глазами, как «нашу Луизу». И никогда не задумывался, какая она на самом деле.

— Что случилось? — спросила Луиза немного нервно. — Почему ты так на меня смотришь.

— Ты видела ауры с конца лета? Так долго?

— Да, и все ярче и ярче. И чаще. Поэтому я и пошла к врачу. А я действительно выстрелила в это существо из пальца, Ральф? Чем дальше, тем меньше мне в это верится.

— Да, так и было, и чуть раньше сегодня я сделал то же самое.

Он рассказал ей о своем столкновении с Доктором номер три, о том, как он прогнал этого злобного гнома... но, как оказалось, всего лишь на время. Он положил руку ей на плечо, погладил ее и сказал:

— Я ничего особенного не сделал, просто повел себя, как ребенок, который играет в Чака Норриса или Стивена Сигала. Но я все-таки послал в него этот луч, луч синего света. Я не знаю, как я это сделал, но я это сделал. Ты можешь выстрелить еще раз?

Луиза захихикала, повернулась к нему и прицелилась в него из пальца:

— Хочешь выяснить прямо сейчас?

— Не наставляйте на меня эту штуку, дамочка, а то вдруг он заряжен. — Ральф улыбался, но совсем не был уверен в том, что это всего лишь шутка.

Луиза опустила палец и налила в раковину моющее средство. Помешивая воду одной рукой, она задала Ральфу вопрос, который сам Ральф назвал бы Большим и серьезным вопросом:

— Откуда взялась эта сила, Ральф? И зачем она?

Он покачал головой, встал из-за стола и подошел к мойке.

— Я не знаю, и еще раз не знаю. Может, тебе помочь? Где у тебя помойное ведро?

— Какая разница, где у меня помойное ведро? Иди сядь на место. И я тебя умоляю, успокой меня и скажи, что ты не из этих современных мужчин, которые всегда обнимаются друг с другом при встрече и вечно играют в боулинг.

Ральф рассмеялся и покачал головой:

— Да нет, просто меня хорошо воспитали.

— Ладно, и пока ты не начал рассказывать, какой ты на самом деле чувствительный, усвой, что есть вещи, которые девушкам нравится открывать самим. — Она открыла шкафчик под раковиной и вручила ему выцветшее, но идеально чистое полотенце. — Вытирай посуду и ставь сюда. Потом я все унесу. А пока можешь мне рассказать всю историю целиком. А не краткую версию, адаптированную для Билла.

— Договорились.

Он все еще думал, с чего начать, и решил, что слова придут сами собой. И так оно и получилось.

— Когда я понял, что Каролина скоро умрет, я начал ходить на прогулки. И вот однажды, когда я гулял вдоль шоссе, что ведет к аэропорту...

6

Он рассказал ей все, начиная со стычки между Эдом Дипно и толстым водителем, развозившим садовые удобрения, и заканчивая сегодняшним разговором с Биллом, когда тот посоветовал ему пойти к врачу, потому что в их возрасте психические расстройства — это «вполне нормально». Ему пришлось пару раз повториться, чтобы восстановить недостающие эпизо-

ды — к примеру, как старина Дор появился в тот самый момент, когда Ральф пытался урезонить Эда, — но Луиза не возражала против такой манеры повествования. И когда Ральф закончил рассказ, на него накатила такая волна облегчения, что это было почти болезненно. Как будто кто-то положил ему на сердце кучу кирпичей и теперь убирал их по одному.

С посудой тоже было покончено, и они переместились из кухни в гостиную, всю уставленную и увешанную фотографиями, с большой фотографией мистера Чесса на телевизоре в качестве главного снимка.

— Ну и? — спросил Ральф. — Ты мне веришь или пойдешь вызывать «скорую психиатрическую»?

— Конечно, верю, — сказала Луиза и, кажется, не заметила облегчения, отразившегося на лице у Ральфа. Или, может быть, предпочла не заметить, чтобы его не смущать. — После всего, что было сегодня утром — не считая того, что я рассказала тебе про свою замечательную невестку, — у меня уже не получится не верить. И в этом мое преимущество перед Биллом.

И отнюдь не единственное, подумал Ральф, но решил не озвучивать эту мысль.

— И ничто из этого не случайно, да? — спросила Луиза.

Ральф покачал головой.

— Скорее всего.

— Когда мне было семнадцать, — сказала она, — мама наняла мальчика с нашей улицы, чтобы он помогал ей по хозяйству. Его звали Ричард Хендерсон. Она могла нанять кучу других мальчишек, но выбрала именно этого, потому что выбрала его для меня, понимаешь, о чем я?

— Конечно. Она решила вас сосватать.

— Угу, но она была не особо упорна в своих попытках, и слава Богу, потому что не было мне дела до Ричи... в этом смысле по крайней мере. Но все-таки мама делала все возможное. Если я читала на кухне, она просила его наполнить ящик дровами, хотя был уже май, и мы давно уже не топили. Если я кормила цыплят на заднем дворе, она посылала его туда же,

чтобы что-то починить. Она хотела, чтобы он примелькался... чтобы я к нему привыкла... чтобы нам понравилось общаться друг с другом, и если бы он пригласил меня на танцы или на ярмарку, она была бы просто счастлива. Это было совсем ненавязчиво, но все-таки это было принуждение. Вот на что это все похоже.

— Такое принуждение вовсе не кажется мне ненавязчивым, — сказал Ральф, непроизвольно прикоснувшись к боку, куда его ткнул ножом Чарли Пикеринг.

— Ну разумеется. Когда тебе тычат ножом под ребра — это, должно быть, ужасно. Слава Богу, что у тебя был баллончик. Так ты думаешь, а старина Дор... он тоже видит ауры? И что-то из того мира велело ему положить баллончик тебе в карман?

Ральф беспомощно пожал плечами. Он и сам уже думал об этом, но когда кто-то другой произносит вслух твои мысли, земля действительно уходит из-под ног. Потому что, если это Дорранс подложил ему баллончик, какая-то

(сущность)

сила или какое-то существо... В общем, кто-то знал, что Ральфу понадобится помощь. И это еще не все. Эта сила — или существо — также должна была знать о том, что (а) в воскресенье Ральф пойдет в библиотеку, (б) погода, которая до этого была очень даже приятной, вдруг станет ненастной, и ему придется надеть пиджак и (в) какой именно пиджак он наденет. То есть иными словами, это что-то могло предугадывать будущее. А мысль о том, что на него обратила внимание такая сила, пугала его до смерти. Он понимал, что вмешательство этих сил спасло ему жизнь, но все равно это его пугало.

— Может быть, — сказал он. — Может быть, что-то использовало Дорранса как мальчика на посылах. Но почему и зачем?

— И что нам делать теперь? — добавила Луиза.

Она взглянула на часы, которые висели между фотографиями мужчины в енотовом пальто и женщины, которая, судя по виду, вот-вот скажет какую-то глупость, а потом потянулась к телефону.

— Почти половина четвертого! Боже ты мой!

Ральф дотронулся до ее руки.

— Кому ты звонишь?

— Симоне Кастонгвай. Сегодня вечером мы собирались поехать в Лудлоу — мы в карты играем, а в Грандже сегодня большая игра, — но я не могу, после всего что случилось. Я же там без штанов останусь. — Она засмеялась, а потом покраснела. — Это всего лишь фигура речи.

Ральф накрыл ее руку своей прежде, чем она взяла трубку.

— Поезжай на свою игру, Луиза.

— Правда? — Она выглядела неуверенно и слегка разочарованно.

— Да. — Он все еще очень плохо понимал, что происходит, но чувствовал, что скоро все должно измениться. Луиза сказала, что их к чему-то подталкивают, но Ральфу казалось, что их просто несет какой-то поток, как река несет человека в лодке. Он не знал, куда их несет, берега были скрыты в густом тумане, и теперь, когда течение становилось все быстрее, он слышал, как где-то впереди шумит водопад.

И силуэты, Ральф, не забудь: в тумане темнеют какие-то силуэты.

Да, и от этого тоже не легче. Может быть, это всего лишь деревья, но они очень похожи на скрюченные пальцы... или это скрюченные пальцы, которые только пытаются быть похожими на деревья. И пока Ральф не поймет, какой из двух вариантов правильный, ему хотелось, чтобы Луиза была подальше от этого города. У него было предчувствие — или знание, замаскированное под предчувствие, — что Док номер три не сможет последовать за ней в Лудлоу, и вполне может случиться, что он не сможет последовать за ней даже через мост на восточную сторону в Барренс.

Откуда тебе это знать?

Да, он еще ничего не знает, но ему это кажется правильным, а он по-прежнему был уверен в том, что в мире аур знать и чувствовать — это почти одно и то же. И еще он был уверен в том, что Док номер три еще не срезал веревочку Луизы.

Потому что Ральф ее видел — как и ее мерцающую серую ауру. Однако он не исключал возможности — и эта возможность казалась ему все более реальной, — что Док номер три собирается срезать ее веревочку. И тогда... Не важно, какой бодрой выглядела Розали, когда убегала из Строуфорд-парка, все равно это было смертельно.

Допустим, ты прав, Ральф. И допустим, что он не достанет ее сегодня вечером, если она поедет в Лудлоу играть в покер. А как насчет ночи? Или завтрашнего дня? Или следующей недели? Где решение? Что ей теперь делать? Позвонить сыну и невестке и сказать, что она передумала насчет Ривервью-Эстейтс, что она согласна там жить?

Он не знал. Ему нужно было время, чтобы спокойно подумать, и он прекрасно понимал, что, пока он не убедится, что Луиза в безопасности, он не сможет думать ни о чем другом, кроме нее.

— Ральф? Опять у тебя этот взгляд.

— Какой взгляд?

— Вот такой... у мистера Чесса всегда был такой взгляд, когда он делал вид, что слушает меня, а на самом деле думал о чем-то своем. Я это всегда замечаю, Ральф. О чем ты думаешь?

— Хотел спросить, когда ты планируешь вернуться со своих игрищ?

— Не знаю, это много от чего зависит.

— От чего, к примеру?

— К примеру, от того, будем ли мы останавливаться у Табби.

Она сказала это с таким видом, как будто открыла ему страшную тайну.

— Если не будете никуда заезжать.

— Тогда в семь. Может быть, в половине восьмого.

— Позвони мне, как только вернешься домой. Позвонишь?

— Позвоню. Ты хочешь, чтобы я уехала из города, да? Вот о чем ты сейчас думаешь?

— Ну...

— Ты боишься, что этот лысый урод может на меня напасть?

— Думаю, это не исключено.

— Ну, с тем же успехом он может напасть и на тебя!

— Да, но...

Но, насколько я успел заметить, Луиза, на нем нету моих вещей.

— Но что?

— Со мной все будет в порядке, я дождусь твоего звонка. — Он вспомнил ее язвительное замечание о мужчинах, которые обнимаются друг с другом при встрече и вечно играют в боулинг, и попытался нахмуриться.

— Поезжай, играй в карты и оставь это дело мне, по крайней мере пока. Это приказ.

Каролина бы засмеялась или вообще разозлилась, если бы он начал вот так вот разыгрывать из себя мачо. Луиза, которая принадлежала к совсем другой школе воспитания женщин, только кивнула и посмотрела на него с благодарностью, потому что ей не пришлось принимать решение.

— Хорошо. — Она взяла его под подбородок и наклонила его лицо, так чтобы Ральф посмотрел ей в глаза. — Ты знаешь, что делаешь, Ральф?

— Нет, пока что не знаю.

— Ладно, пока тебе это нравится, наслаждайся. — Она положила руку ему на плечо и поцеловала его в уголок рта. Ральф почувствовал, как у него сладко заныло под ложечкой. — Я поеду в Лудлоу и выиграю пять долларов у этих глупых кошелок, которые всегда пытаются набрать стрэйт. А вечером поговорим. О том, что нам делать дальше. Хорошо?

— Хорошо.

Ее легкая улыбка — скорее озарившая взгляд, чем промелькнувшая на губах — намекнула, что они, может быть, будут не только разговаривать, если Ральфу хватит смелости... а конкретно сейчас у него этой смелости было более чем достаточно. Пусть даже мистер Чесс сурово глядел на него с фотографии на телевизоре.

Глава 14

1

Когда Ральф подходил к своему дому, было пятнадцать минут четвертого. На него вновь навалилась усталость; он чувствовал себя так, как будто не спал лет триста по крайней мере. И в то же самое время... в то же самое время, после смерти Каролины ему еще ни разу не было так хорошо, как сейчас. Он себя чувствовал цельным и настоящим. Он себя чувствовал самим собой.

А может быть, ты выдаешь желаемое за действительное? Не может быть постоянно все плохо. Когда-то должно быть и хорошо — в качестве компенсации. Неплохая идея, Ральф, но не слишком-то реалистичная.

Ладно, подумал он, может, сейчас я просто в замешательстве.

Так оно и было. А еще он был напуган, сбит с толку и слегка возбужден. Но одна четкая, ясная мысль все же пробила через эту смесь самых противоречивых эмоций. Ему нужно кое-что сделать, а потом уже можно задумываться о другом: ему надо скорее помириться с Биллом. И если ему придется извиниться — ладно, он извинится. Может быть, это будет даже справедливо. Все-таки это не Билл подошел к нему со словом: «Господи, старик, ты выглядишь просто ужасно. Давай рассказывай, в чем дело». Нет, это он подошел к Биллу. У него были некие опасения — да, — но это ничего не меняет, и...

Ральф, Боже ты мой, ну что мне с тобой делать?! Это опять был голос Каролины. После смерти жены Ральф всегда разговаривал с ней и особенно — в первые недели, когда он пытался справиться со своим горем и по всякому поводу обращался к ней, к той Каролине, что жила у него в голове... иногда даже вслух, если поблизости никого не было. Билл начал ссору. Не

ты. Вижу, тебе по-прежнему сложно быть честным самим с собой — как и тогда, когда я была жива. Есть вещи, которые никогда не меняются.

Ральф улыбнулся. Да, хорошо. Может быть, что-то действительно никогда не меняется, и может быть, в том, что они с Биллом поссорились, виноват именно Билл. Вопрос только в том, хочет ли Ральф лишиться дружбы с Биллом из-за какой-то глупой ссоры с последующим выяснением отношений: кто прав, кто не прав. Ответ однозначный: не хочет. А это значит, что ему следует извиниться перед Биллом, который этого, разумеется, не заслуживал, но что в том такого ужасного? Вроде бы еще никто не умер от того, что произнес два слова: «прошу прощения».

Каролина у него в голове отнеслась к этой мысли с большим недоверием.

«Ладно, не забивай себе голову, — ответил ей Ральф. — Я делаю это ради себя, а не ради него. И уж если на то пошло, то и ради тебя тоже».

Удивительно, но эта последняя мысль заставила его почувствовать себя виноватым — как будто он совершил какое-то кощунство. Но тем не менее это была чистая правда.

Ральф уже полез в карман за ключом, как вдруг увидел записку, приколотую к двери. Он начал было искать очки, но потом вспомнил, что оставил их наверху, на кухонном столе. Он отцепил листок и попытался разобрать корявый почерк Билла.

Дорогие Ральф/Луиза/Фэй/кто бы то ни было!

Я поехал в городскую больницу и скорее всего останусь там до вечера. Звонила племянница Боба Полхерстия. Сказала, что в этот раз все действительно очень плохо: бедняга больше не борется за свою жизнь. Палата № 313 в городской больнице — это, конечно же, не то место, где мне бы хотелось провести прекрасный октябрьский день, но, похоже, я должен быть с ним до конца.

Ральф, извини, что я так обошелся с тобой сегодня утром. Ты пришел ко мне за помощью, а я чуть не набил

тебе мороз. Единственное, что я могу сказать в свое оправдание, — болезнь Боба совсем расшатала мне нервы. Ты не сердись, ладно? Наверное, я теперь должен тебя пригласить на ужин... если тебе не противно кушать в компании с такими, как я.

Фэй, пожалуйста, пожалуйста, ПОЖАЛУЙСТА, не ругай меня доставать своим проклятым шахматным турниром. Я же обещал, что буду играть, а я всегда выполняю свои обещания.

Прощай, жестокий мир,
Билл

Ральф выпрямился, чувствуя несказанное облегчение и благодарность. Если бы все, что с ним происходит, разрешалось так просто!

Он поднялся к себе и собрался поставить чайник, но тут зазвонил телефон. Это был Джон Лейдекер.

— Господи, как я рад, что мне наконец удалось вас застать, — сказал он. — А то я уже начал слегка беспокоиться.

— Почему? — спросил Ральф. — Что-то случилось?

— Может быть, ничего, а может, действительно что-то. Чарли Пикеринга выпустили под залог.

— Вы же мне говорили, что этого не случится.

— Ну, я ошибся, бывает, — раздраженно сказал Лейдекер. — И кстати, не только в этом. Я говорил, что Пикеринга выпустят под залог в сорок тысяч, но тогда я не знал, что он попадет к судье Стэдмену, про которого говорят, что он даже не верит в безумие. Стэдмен назначил залог в семьдесят тысяч. Адвокат Пикеринга извивался, как угорь на сковородке, но это не помогло.

Ральф опустил глаза и обнаружил, что все еще держит в руке чайник. Он поставил его на стол.

— И он все-таки вышел под залог?

— Ага. Помните, я говорил, что Эд не станет за него вступаться? Что он его выбросит, словно сломанный перочинный ножик, и даже думать о нем забудет?

— Да.

— И тут я опять ошибся. Сегодня в одиннадцать утра Эд пришел в окружную прокуратуру с чемоданом денег.

— Восемь тысяч долларов? — переспросил Ральф.

— Я же сказал «с чемоданом», а не «с конвертом», — ответил Лейдекер. — И не восемь тысяч, а восемьдесят. Они все еще что-то там обсуждают в суде. И, видимо, обсуждение затянется до следующего Рождества.

Ральф попытался представить себе Эда Дипно в одном из его растянутых старых свитеров и в поношенных вельветовых брюках — Эда, безумного ученого, как называла его Каролина, — который вытаскивает из чемодана пачки двадцаток и полусотенных. Но у него ничего не вышло.

— А вы разве не говорили, что десяти процентов вполне достаточно, чтобы человека выпустили под залог?

— Да, достаточно, если ты можешь предоставить какой-то гарант — дом или другую солидную собственность, — и стоимость этой собственности будет выше размера залога. Эд не мог предоставить такой гарант, но у него оказалась заначка — под матрасом, судя по всему.

Ральф вдруг вспомнил письмо, которое он получил от Элен через неделю после того, как она выписалась из больницы и отправилась в Хай-Ридж. Она упоминала про чек, который она получила от Эда: семьсот пятьдесят долларов. Кажется, он понимает свою ответственность перед нами и помнит о ней, — написала она тогда. Ральф подумал, что мнение Элен по данному вопросу изменилось бы радикально, если бы она узнала, что Эд пришел в окружной суд Дерри с деньгами, которых вполне хватило бы, чтобы обеспечить жизнь дочке на ближайшие лет пятнадцать... и отдал эти деньги, чтобы освободить психа, который любит играть с ножами и «коктейлями Молотова».

— Но где, Бога ради... откуда у него такие деньги? — спросил он Лейдекера.

— Понятия не имею.

— А его не просили объяснить?

— Нет. У нас свободная страна. Я так понимаю, он что-то наплел про ценные бумаги.

Ральф подумал о старых добрых временах — о тех временах, когда Каролина была жива, а Эд был вполне нормальным. Подумал о тех обедах, которые они устраивали вчетвером — раз в две недели или около того, — пицца на заказ у Дипно, а иногда и жареный цыпленок, который Каролина приносила с собой. Он вспомнил, как Эд однажды сказал, что если он получит какую-то прибыль от своих ценных бумаг, он угостит их лучшими блюдами в ресторане «Красный лев» в Багноре. «Ага», — сказала тогда Элен, улыбнувшись Эду. Тогда она была беременна, и ее живот только-только стал виден, а выглядела она, как школьница лет четырнадцати: конский хвостик на затылке и халат, который был ей велик. Как ты думаешь, Эд, что «созреет» сначала? Две тысячи в «Цементных варениках» или шесть тысяч в «Кислых подметках»? И он на нее зарычал, и было очень смешно, потому что у Эда не получалось изображать из себя сердитого муженька. Любой, кто знал его более или менее близко, понимал, что Эд и мухи не обидит. Только Элен могла знать больше — даже тогда Элен могла знать больше, несмотря на все их влюбленные взгляды.

— Ральф, — спросил Лейдекер, — вы еще здесь?

— У Эда не было никаких ценных бумаг, — сказал Ральф. — Он был химиком-исследователем, Бога ради, а его отец был мастером на разливочной фабрике в какой-то жуткой дыре типа Пласер-Рок, штат Пенсильвания. Откуда бы у него взялись каким-то акциям?

— Ну, откуда-то он их взял, и мне это очень не нравится, надо сказать.

— Может быть, у других «Друзей жизни»?

— Нет, это вряд ли. Во-первых, люди там небогатые. Большинство «Друзей жизни» — это мелкие служащие и рабочие. Они, конечно, дают, что могут, но это очень немного. Они могли бы, наверное, поднапрячься... собственность и все такое... и им бы удалось вытащить Пикеринга, но они тут ни при чем. Большинство из них и не стало бы связываться с этим

делом, даже по просьбе Эда. Теперь он у них персона нон гра-та, и я думаю, больше всего им сейчас хочется вообще никогда даже не слышать о Чарли Пикеринге. Теперь лидером «Друзей жизни» опять стал Дэн Далтон, и большинство из них очень этому рады. Эд, Чарли и еще два человека — мужчина по имени Фрэнк Фелтон и женщина, Сандра МакКей, — теперь, похоже, работают в одиночку. На свой страх и риск. О Фелтоне я ничего не знаю, он по нашему ведомству не проходил, а вот Сандра... у нее были кое-какие прегрешения в прошлом, как и у Чарли. Кстати, и внешность у нее такая же колоритная: массивная комплекция, куча прыщей, такие толстые линзы в очках, что в них можно Нью-Йорк разглядеть в солнечную погоду, и вес около трехсот фунтов.

— Вы что, шутите?

— Вовсе нет. Она носит широкие штаны от Кмарта и большую футболку с надписью ФАБРИКА РЕБЯТИШЕК. Она утверждает, что у нее пятнадцать детей. На самом деле у нее никогда их не было, детей. И судя по всему, уже никогда и не будет.

— Зачем вы мне все это рассказываете?

— Потому что я хочу, чтобы вы остерегались этих людей, — сказал Лейдекер. Он говорил с Ральфом, как будто с ребенком, терпеливо и спокойно. — Они могут быть опасны. Ну, насчет Чарли вы и сами все знаете, без моей помощи, и теперь Чарли на воле. Эд вытащил его из тюрьмы, и откуда у него деньги — вопрос десятый, он их достал, вот что имеет значение. Я не удивлюсь, если он снова придет за вами. Или Эд, или еще кто-нибудь.

— А как насчет Элен и Натали?

— Они не одни. У них есть друзья, которые всегда держатся настороже, потому что понимают опасность, исходящую от подобных психов. Я отправил туда Майка Хэнлона, он будет за ней присматривать. Мои люди следят за библиотекой. Мы считаем, что Элен в данный момент ничего не угрожает — она сейчас в Хай-Ридже, под надежной защитой, — но мы все равно делаем все, что можем, чтобы подстраховаться.

— Спасибо, Джон. Я очень это ценю. И то, что вы мне позвонили, — тоже.

— Как говорится, мы рады, что вы рады. Но это еще не все. Вы не забывайте, что с угрозами Эд звонил не Элен, а вам. Она его, кажется, уже не волнует, а вот вы явно засели у него в мозгах, Ральф. Я спросил шефа Джонсона, могу ли я выделить человека — я предложил Криса Нелла, — чтобы он присмотрел за вами. По крайней мере до того дня, пока не уедет наша «сука по найму от Женского центра». Но мне отказали. Сказали, на этой неделе у нас и так слишком много всего... но то, как мне это сказали... мне кажется, если вы лично попросите, он обязательно выделит человечка, чтобы вас защитить. Что скажете?

«Охрана силами полиции, — подумал Ральф. — Кажется, это так называется в полицейских сериалах. Охрана силами полиции».

Он попытался сосредоточиться на этой мысли, но ему слишком многое мешало: в голове у него все скакало, как узоры в каком-то странном калейдоскопе. Панамы, лысые доктора, халаты, баллончики... Не говоря уже о ножах, скальпелях и ножницах, увиденных в старом бинокль. *Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть сделать что-то еще*, подумал Ральф. И потом: *Долог путь обратно в Эдем, милый, и поэтому не стоит обращать внимания на мелочи*.

— Нет, — сказал он.

— Что?!

Ральф закрыл глаза и вспомнил, как он позвонил и отменил встречу с «булавковтыкателем». И сейчас было что-то похожее, правильно? Ему предлагали полицейскую охрану, которая защитила бы его от всех этих Пикерингов, МакКей и Фелтонов, но он пойдет другим путем. Он это знал, чувствовал в каждом ударе сердца и в пульсации крови в висках.

— Я говорю, что не надо, — сказал он твердо. — Мне не нужна никакая охрана.

— Боже мой, но почему?

— Я сам в состоянии о себе позаботиться, — сказал Ральф и сам поморщился от того, какой напыщенно-нелепой получилась эта последняя фраза. Фраза, достойная какого-нибудь вестерна с Джо Уэйном.

— Ральф, мне не хотелось бы вас обидеть, но вы уже далеко не молоды. В воскресенье вам просто повезло. А в другой раз может и не повезти.

«Мне не просто повезло, — подумал Ральф. — У меня есть друзья наверху, в прямом смысле слова».

— Со мной все будет в порядке, — сказал он.

Лейдекер вздохнул:

— Если вы вдруг передумаете, вы мне позвоните?

— Да.

— И если увидите Пикеринга или бегемотообразную тетку в толстых очках и со светлыми волосами...

— Я позвоню.

— Ральф, пожалуйста, подумайте о моем предложении. Вас никто не будет беспокоить. Речь идет всего лишь о парне, который будет сидеть в машине на вашей улице.

— Сделанного не воротишь, — сказал Ральф.

— Что?

— Я говорю, я ценю вашу заботу, но нет. Я с вами свяжусь, если что.

Ральф аккуратно опустил трубку на рычаг. Может быть, Джон был прав, вдруг подумал он. Может быть, он и вправду сошел с ума, но никогда в жизни он не чувствовал себя более вменяемым и разумным.

— Устал, — сказал он своей пустой солнечной кухне. — Но я абсолютно вменяем. — Он помолчал и добавил: — И, кажется, почти влюбился.

Он усмехнулся своим словам и наконец поставил-таки чайник на плиту. При этом он продолжал улыбаться.

}

Ральф допивал уже вторую чашку чая, когда вдруг вспомнил, что Билл написал в своей записке насчет «пригласить на ужин». Он решил попросить Билла встретиться с ним в кафешке с забавным названием «Перерыв на обед, солнце пошло на посадку», чтобы вместе поужинать и помириться.

А помириться нам надо, подумал он, потому что у этого маленького лысого психопата его панама, и я уверен, что он в беде.

Ну что же, решил — так не стоит откладывать. Ральф дошел к телефону и набрал номер, который он никогда не забудет: 941-5000. Номер городской больницы.

3

Его соединили с палатой № 313. Ему ответила усталая женщина, Дениз Полхерст — племянница умирающего человека. Билла нету, сказала она. Пришли еще четыре учителя из тех времен, которые она называла «Дни дядиной славы», и Билл предложил им всем пообедать вместе. Ральф даже знал, какой повод придумал Билл для того, чтобы их уговорить: лучше поздно, чем никогда. Это была одна из его любимых поговорок. Когда Ральф спросил Дениз, скоро ли Билл вернется, она сказала, что да, скоро.

— Он нам так помогает. Я даже не знаю, что бы я без него делала, мистер Роббинс.

— Робертс, — машинально поправил он. — Билл говорил, что мистер Полхерст был чудесным человеком.

— Да, они все так считают. Но дело в том, что счета из больницы придут не в его фан-клуб, правильно?

— Да, — отозвался Ральф, вдруг почувствовав себя неуверенно. — Наверное. Но Билл говорил, что ваш дядя в очень плохом состоянии.

— Да. Врачи говорят, что он не протянет и дня, не говоря уже о ночи, но это я уже слышала. Да простит меня Бог, но иной раз мне кажется, что он похож на правительство: много обещает, но ничего не выполняет. Наверное, это звучит ужасно, но я слишком устала, слишком... Сегодня утром они выключили систему жизнеобеспечения — я не могла взять на себя эту ответственность, но я позвала Билла, и он сказал, что дядя бы сам хотел этого. «Бобу пора исследовать следующий мир, — сказал он. — Этот он уже изучил досконально». Разве это не поэтично, мистер Роббинс?

— Да. Моя фамилия Робертс, мисс Полхерст. Вы передайте, пожалуйста, Биллу, что звонил Ральф Робертс и чтобы он перезво...

— И мы ее выключили, и я приготовилась... я была вся на нервах... а потом он вдруг взял и не умер. У меня в голове не укладывается. Он готов, я готова, он сделал все на этой земле, что должен был сделать... почему же он не умирает?

— Я не знаю.

— Смерть — она глупая, — сказала она сердитым и неприятным голосом, которым может говорить только очень усталый человек, которому очень больно. — Акушерка, которая перерезала бы пуповину так медленно, была бы тут же уволена за преступную халатность при выполнении служебных обязанностей.

В эти дни мысли Ральфа постоянно витали где-то в облаках, но тут он насторожился.

— Что вы сказали?

— Прошу прощения? — Ее голос звучал так, как будто бы ее мысли были тоже где-то далеко.

— Вы что-то сказали насчет перерезать?

— Я не имела в виду ничего такого. — Ее сердитый голос стал еще более раздраженным, но Ральф вдруг понял, что он был не сердитым. Он был жалобным и испуганным. Что-то было не так. У него участился пульс. — Я ничего не имела в виду, — настойчиво повторила она, и вдруг телефонная трубка в руке у Ральфа стала окрашиваться с глубокий оттенок синего цвета.

Она думала о том, чтобы убить его... она думала о том, чтобы положить подушку ему на лицо и задушить его. «Это не займет много времени», — думает она. «Это будет милосердно», — думает она. «Наконец-то все кончится», — так она думает.

Ральф отодвинул трубку от уха. Синий свет — холодный, как февральское небо — пробивался длинными лучами из дырочек в трубке.

Убийство — синего цвета, подумал Ральф, держа телефон в вытянутой руке и с недоверием глядя на то, как синие лучи

загибаются вниз и стекают на пол. Это отнюдь не та вещь, которую мне бы хотелось, но, кажется, я все равно это знаю: убийство — синего цвета.

Он снова поднес трубку к уху, стараясь держать ее подальше, чтобы эта льдистая аура до него не достала. Он боялся, что, если держать трубку слишком близко, она дотянется до него своим холодным, яростным отчаянием.

— Скажите Биллу, что звонил Ральф. Робертс, а не Роббинс. — Он повесил трубку, не дождавшись ответа. Синие лучи отвалились от трубки и обрушились на пол. Ральф почему-то вспомнил о сосульках — о том, как они падают, если провести рукой по карнизу в теплый зимний день. Лучи исчезли еще до того, как упали на линолеум. Он оглянулся. В комнате ничего не светилось, не блестело и не дрожало. Ауры снова исчезли. Он уже было вздохнул с облегчением, но тут на Харрис-авеню оглушительно выстрелил автомобильный выхлоп.

В пустой квартире на втором этаже закричал Ральф Робертс.

4

Он уже не хотел чая — ему просто хотелось пить. В недрах холодильника нашлась наполовину пустая банка диетической пепси — мерзко, но выпить можно. Ральф перелил пепси в пластиковую кружку с выцветшим логотипом «Красного яблока» и вышел на крыльцо. Он больше не мог оставаться в квартире, где все пропиталось отчаянием и беспокойством. Особенно после того, что произошло с телефоном.

Погода стала еще более приятнее, если такое вообще возможно: дул сильный, но мягкий ветерок, с деревьев листья облетали, и ветер гнал их по тротуарам в бешеной пляске желтого, оранжевого и красного.

Ральф повернул налево совсем не потому, что у него возникло осознанное желание еще раз сходить на площадку для пикников возле аэропорта; он просто хотел, чтобы ветер дул ему в спину. Тем не менее через десять минут он обнаружил, что снова входит на маленькую расчищенную площадку. На этот раз тут не

было никого, и почему-то это его не удивило. Здесь не было сильного ветра, который мог бы разогнать стариков по домам; но, с другой стороны, не очень приятно играть в шахматы или в карты, когда ветер пытается сбросить их со стола. Когда Ральф дошел до маленького столика, за которым обычно сидел Фэй Чапин, он вовсе не удивился, увидев записку, прижатую камнем к столу, и он уже знал, о чем пойдет речь в этой записке — еще до того, как поставил кружку на стол и взял листок.

Две прогулки; два видения лысого доктора со скальпелем; два старика, страдающих от бессонницы, видят яркие цветные галлюцинации; две записки. Как будто Ной ведет своих животных в ковчег. Каждой твари по паре... и будет ливень? Ну и что ты думаешь по этому поводу, старина?

Ральф не знал, что он думает по этому поводу... но записка Билла была похожа на некролог, и тут, без сомнения, будет что-то похожее. Чувство, что его толкает какая-то невидимая рука, было слишком сильным и настойчивым, чтобы не обращать на него внимания. Как будто ты вдруг просыпаешься на какой-то незнакомой сцене, где играют спектакль, и произносишь слова, которые ты никогда не знал и уж точно не репетировал, как будто ты видишь неясный силуэт чего-то, чего не мог разглядеть раньше, или исследуешь...

Что исследуешь?

— Еще один потайной город, — пробормотал Ральф. — Дерри светящихся аур. — Он поднес записку Фэя к глазам и начал читать, а ветер играл его тонкими седыми волосами.

5

Тем, кто хочет попрощаться с Джимми Зандермай-
ером, советуем сделать это завтра, это — крайний срок.
Сегодня днем приходил отец Коглин и сказал, что Джим-
ми совсем плох. Но он в ССТОЯНИИ принимать посе-
лителей. Он в городской больнице, палата № 315.

Фэй.

Р.Д. Помните — время не ждет.

Ральф дважды прочел записку, положил ее на место и придавил камнем для следующего старпера, а потом просто встал и долго стоял, засунув руки в карманы и опустив голову. Он смотрел на шоссе № 3. Одиноким лист — оранжевый, как хэллоуинская тыква, которые скоро украсят улицу — упал с синего неба и запутался у Ральфа в волосах. Ральф машинально стряхнул его и задумался о двух больничных палатах, которые находились буквально через стенку. Боб Полхерст — в одной, Джимми Ви — в другой. А какая следующая палата? Следующая — № 317. Палата, в которой умерла его жена.

— Это не совпадение, — сказал он вслух.

А что тогда? Силуэты в тумане? Потайной город? С обеими фразами были связаны вполне определенные воспоминания и ассоциации, но они не давали ответов на его вопросы.

Ральф присел за столик для пикников, рядом с тем, на котором Фэй оставил свою записку, снял туфли и уселся потурецки. Ветер усиливался и трепал его волосы. Он сидел посреди вихря из падающих листьев, слегка наклонив голову и наморщив лоб. Сейчас он был похож на Будду в версии Винслоу Гомера, медитирующего с руками на коленях. Он думал и сравнивал свои впечатления от Доктора номер раз и Доктора номер два... и противопоставлял их своим впечатлениям от Доктора номер три.

Первое впечатление: все три доктора напоминали ему пришельцев из бульварных газет типа «Взгляд изнутри» — картинки, которые обычно подписывают «в представлении художника». Ральф знал, что эти изображения лысых и темноглазых таинственных посетителей из космоса существуют уже многие годы; и есть множество сообщений о контактах людей с этими лысыми коротышками — так называемыми маленькими докторами. Ральф точно не знал, но кажется, все это началось в шестидесятых.

— Ладно, что мы имеем. По крайней мере трое из этих ребят сейчас околачиваются в Дерри, — сказал Ральф воробью, который только что приземлился на мусорный ящик не-

подалеку. — Но их может быть триста. Или три тысячи. И Луиза и я — не единственные, кто их видел. И...

А упоминали ли те, кто встречался с пришельцами, какие-то острые предметы?

Да, но не скальпели и не ножницы — опять же, Ральф не был уверен, но ему все же казалось, что о скальпелях или о ножницах речь не шла. Большинство людей, которых якобы похищали маленькие лысые доктора, говорили о зондах, правильно?

Воробей улетел. Ральф этого не заметил. Он думал о маленьких докторях, которые пришли к Мэй Лочер в ту ночь, когда она умерла. Что он еще о них знал? Что он еще видел? На них были белые халаты — такие, как у врачей в телесериалах в пятидесятых—шестидесятых годах; такие, какие до сих пор носят фармацевты в аптеках. Только их халаты в отличие от того, который был на Докторе номер три, всегда чистые и аккуратные. У номера третьего был ржавый скальпель, и если на ножницах, которые были у Доктора номер раз, и была ржавчина, то Ральф ее не заметил. Даже в бинокль.

И было еще кое-что. Может быть, не особенно важное, но ты это заметил. Доктор с ножницами был правой. По крайней мере тебе так показалось, а Доктор со скальпелем — однозначно левша.

Да, может быть, это не важно, но что-то в этом определенно есть. Еще один силуэт в тумане, маленький, но для него — очень важный. Что-то насчет дихотомии левого и правого.

— Иди налево и будешь прав, — пробормотал Ральф, повторяя первую строку шутки, которую не вспоминал уже очень давно. — Иди направо и будешь лев.

Ладно, проехали. Что еще он знает об этих докторях?

Ну, у них тоже есть ауры, разумеется — причем достаточно приятного золотисто-зеленого цвета, — и они оставляют следы,

(следы белого человека)

похожие на танцевальные диаграммы Артура Мюррея. И хотя он так и не смог внимательно рассмотреть их лица, самое глав-

ное он разобрал по аурам. От них исходило ощущение силы... и рассудительности... и...

— И достоинства, черт побери, — сказал Ральф.

Опять подул ветер, и с деревьев посыпались листья. Где-то в пятидесяти ярдах от площадки для пикников, недалеко от старых железнодорожных путей, стояло старое искореженное дерево с торчавшими наружу корнями. Казалось, оно пыталось дотянуться до Ральфа — ветки торчали так, что и в самом деле напоминали руки.

Ральф вдруг подумал, что той ночью он видел вполне достаточно для старика уже почти в том возрасте, который Шекспир (и Билл Макговерн) называл «шестым возрастом». «Уж это будет тощий Панталоне... в штанах, что с юности берег, широких для ног иссохших...»* И ничто из того, что он видел, не предполагало зла или опасности. Ральф вывел эту опасность логическим путем, что было вовсе неудивительно. Какие-то странные незнакомцы с весьма неординарной внешностью выходят из дома больной старой женщины поздней ночью, когда обычно никто не зовет гостей... тут поневоле задумаешься. Тем более что Ральф увидел их буквально через несколько минут после того, как ему приснился кошмар монументальных масштабов.

Однако теперь, вспоминая ту ночь, Ральф думал совсем о другом. Например, о том, как они стояли на крыльце Мэй Лочер. Как будто у них было полное право там стоять; со стороны они были похожи на двух старых друзей, которые остановились поговорить, прежде чем идти дальше, — на двух старых приятелей, которые решили обсудить что-то важное еще раз, прежде чем разойтись по домам после ночной работы.

Это было твое ощущение, да, но это не значит, что ты можешь ему доверять, Ральф.

Но Ральфу все же казалось, что он может ему доверять. Старые друзья, коллеги, которые работают вместе на протяжении многих лет... каждую ночь. И в ту ночь дом Мэй Лочер был последней их остановкой.

* Шекспир. «Как вам это понравится», акт II, сцена 7. Перевод Т. Щепкиной-Куперник. — *Примеч. пер.*

Ну ладно. Стало быть, Док номер раз и Док номер два отличались от Доктора номер три, как день от ночи. Они были чистые, он — грязный, у них были ауры, у него ее не было (по крайней мере Ральф ее не видел), у них были ножицы, у него — скальпель, они были разумны и респектабельны, как парочка городских старейшин, а Док номер три был явным психом.

Ясно только одно, правильно? Твои приятели из песочницы — сверхъестественные существа, и единственный, кто знает о них, кроме тебя и Луизы, это Эд Дипно. Интересно, а сколько Эд спит в последнее время.

Ральф поднял руки с колен и вытянул их перед собой. Они немного тряслись. Эд упоминал о лысых докторах, и лысые доктора действительно существуют. Имел ли он в виду именно их, когда говорил о Центурионах? Ральф не знал. Но он очень на это надеялся, потому что само это слово — «Центурионы» — почему-то стало ассоциироваться у него с куда более страшными образами: с Назгулами из трилогии Толкиена, с черными всадниками, сотканными из пустоты, в плащах с низко надвинутыми капюшонами, на громадных конях с горящими красными глазами, которые охотятся на маленьких хоббитов недалеко от таверны «Гарцующий пони» в Бри.

Мысль о хоббитах почему-то навела его на мысли о Луизе, и руки затряслись еще больше.

Каролина: *Долог путь обратно в Эдем, милый, и поэтому не стоит обращать внимания на мелочи.*

Луиза: *У нас в семье умереть в восемьдесят лет — значит умереть рано.*

Джо Вайзер: *Люди каждый день умирают от недостатка сна, хотя в графе «причина смерти» обычно пишут самоубийство, а не бессонница.*

Билл: *Он специализировался на Гражданской войне, а теперь он даже не помнит, что такое Гражданская война, не говоря уж о том, кто победил.*

Дениз Полхерст: *Смерть — она глупая. Акушерка, которая перерезала бы пуповину так медленно...*

И тут Ральф кое-что понял. Как будто кто-то включил у него в голове яркий прожектор, и он закричал. И даже рев самолета, который как раз заходил на посадку, не смог полностью заглушить этот крик.

6

Остаток дня Ральф провел, сидя на крыльце дома, который они делили с Макговерном. Он ждал, пока Луиза вернется со своей карточной игры. Он мог бы поехать в больницу и поговорить с Биллом там, но не поехал. Необходимость этого разговора уже не была столь насущной. Ральф пока еще не понимал всего, но ему казалось, что теперь он понимает гораздо больше, чем раньше, и если это неожиданное озарение на площадке для пикников было действительно озарением, то рассказывать Биллу о том, что случилось с его панамой, абсолютно бесполезно, даже если он ему и поверит.

Мне надо вернуть его шляпу, подумал Ральф. И сережки Луизы.

Сегодня был удивительный день. С одной стороны, ничего не случилось. С другой стороны, случилось все. Мир аур вновь появился и начал кружиться вокруг, как продолжение теней от туч, которые плыли по западной стороне неба. Ральф замер в немом восхищении и просто сидел и смотрел, только изредка прерываясь, чтобы поесть и сходить в туалет. Он видел старую миссис Бенниган на переднем крыльце; она была в своем ярко-красном пальто и изучала цветы на предмет срезать увядшие. Он увидел ее ауру — здорового розового цвета только что выкупанного младенца — и искренне понадеялся, что родственники миссис Бенниган не ждут ее смерти. Он увидел молодого человека — на вид ему было не больше двадцати, — который шел по другой стороне улицы к «Красному яблоку». Он был само воплощение бодрости и здоровья: потертые джинсы, безрукавка с кельтским узором, — но Ральф видел черный мешок смерти, что расплзся вокруг него, как нефтяное пятно, и

веревочка, поднимавшаяся от его головы, была похожа на гниющий шнур от портьеры в доме с привидениями.

Он больше не видел маленьких лысых докторов, но где-то в районе половины шестого он увидел, как сияющая волна сиреневого света поднялась из люка в середине Харрис-авеню. Она поднималась в небо, и это было похоже на спецэффекты в экранизации библейских историй Сесила Б. Демилла. Все это продолжалось минуты три, а потом сиреневая волна исчезла. Еще Ральф видел большую птицу, похожую на доисторического ястреба, она парила между трубами старого здания на углу Говард-стрит. И еще — переливчатые красные и синие ленты, которые лениво кружились в Строуфорд-парке.

Когда без пятнадцати шесть в школе Фэрмонта закончилась футбольная тренировка, несколько ребятишек выбежали на стоянку перед «Красным яблоком», где можно было разжиться сладостями и карточками на обмен, в это время года — футбольными карточками, предположил Ральф. Двое мальчишек остановились у входа, о чем-то споря. Их ауры — одна зеленая, а другая ярко-оранжевая и вибрирующая — стали ярче и как бы плотнее, в них замерцали алые спирали угрозы.

Осторожнее! — мысленно закричал Ральф мальчику в оранжевом коконе мерцающего света за секунду до того, как мальчик с зеленой аурой бросил на землю свои учебники и ударил его по лицу. Они сцепились и принялись топтаться по тротуару в странном и неуклюжем танце, а потом повалились на мостовую. Вокруг них тут же собралась кучка вопящих мальчишек. Пурпурно-красный купол, похожий на грозное облако, развернулся над местом драки. Купол медленно вращался против часовой стрелки, и Ральфу он показался одновременно ужасным и очень красивым, и он вдруг задумался, а как, интересно, будет выглядеть аура над настоящим полем битвы. Потом он решил, что это вопрос, ответ на который ему не очень-то хочется знать. Как раз в тот момент, когда «оранжевый» мальчик залез на «зеленого» сверху и начал его избивать, из магазина вышла Сю и крикнула, чтобы они немедленно прекратили драться.

«Оранжевый» мальчик неохотно подчинился и отпустил «зеленого». Противники поднялись на ноги, настороженно поглядывая друг на друга. Потом «зеленый» развернулся и вошел в магазин, пытаясь сделать вид, что ему все вообще по фигу. Но его быстрый взгляд через плечо в дверях магазина — видимо, чтобы убедиться, что его не преследуют — испортил весь эффект.

Зрители либо последовали за «зеленым» в магазин, чтобы купить чего-нибудь пожевать после тренировки, либо столпились вокруг «оранжевого» мальчишки и принялись его поздравлять. А невидимый пурпурный купол над ними уже разрушался — распадался на части, как туча, гонимая ветром.

Улица — это карнавал энергии, подумал Ральф. Энергии, что излилась из этих двоих за те полторы минуты, пока они дрались, хватило бы, чтобы обеспечить Дерри электричеством на неделю, а если бы можно было использовать энергию, которую сгенерировали наблюдатели... наверное, ее хватило бы, чтобы месяц освещать весь штат Мэн. А вот было бы интересно войти в мир аур на Тайм-сквер за две минуты до полуночи в новогоднюю ночь... там, наверное, такое будет...

Но ему не хотелось об этом думать. Похоже, это была бы такая мощная сила, что все ядерное оружие, сделанное в мире с 1945 года, по сравнению с ней показалось бы безобидным игрушечным пистолетом. Вполне вероятно, что этой силы было бы достаточно, чтобы уничтожить вселенную... а может быть, чтобы создать новую.

7

Ральф поднялся вверх, вывалил в одну кастрюлю фасоль из банки, бросил пару сосисок в другую и принялся нервно расхаживать по квартире, вцепившись пальцами в собственную шевелюру, в ожидании, когда приготовится его холостяцкий обед. Тяжелая усталость, что навалилась на него в середине лета, как груда невидимых кирпичей, наконец-то прошла — в первый раз за все это время. Он чувствовал, как его наполняет

лихорадочная энергия; он был набит ею под завязку. Кажется, он понимал, что испытывают люди, принимающие бензодрин или кокаин, только ему казалось, что это было куда лучше, и что когда этот прилив энергии иссякнет, у него не будет никаких ломок, и он не будет чувствовать себя выжатым и опустошенным.

Ральф Робертс, который по-прежнему не замечал, что его волосы стали гуще и что в его шевелюре в первый раз за пять лет появились темные пряди, бродил по квартире. Сначала он что-то бубнил себе под нос, потом принялся напевать старую рок-н-рольную песенку шестидесятых годов: «Эй, красотка, не сиди... потанцуй, побесись, оттянись...»

Фасоль пузырилась в своей кастрюле, сосиски кипели в своей, но Ральфу казалось, что они там танцуют — танцуют под старый рок-н-рольный мотивчик. Все еще напевая («Услышав хиппи, что играет бэкбит, никто на месте не усидит»), Ральф нарезал сосиски в фасоль, залил все это полпинтой кетчупа, добавил соуса чили, тщательно перемешал и пошел к двери. Он нес кастрюлю одной рукой. Он сбежал по лестнице вниз, как ребенок, который опаздывает на занятия в первый учебный день года. По дороге он вытащил из шкафа старую кофту — кофту Макговерна, ну да какая, к черту, разница — и опять вышел на крыльцо.

Ауры исчезли, но Ральфа это не расстроило; в данный конкретный момент его куда больше интересовал аромат еды. Он не мог вспомнить, когда он в последний раз был так голоден, как сейчас. Он уселся на верхней ступеньке и стал похож на Икабода Краниша — из-за костлявых коленей, что торчали чуть ли не на уровне ушей. Ральф приступил к еде. Первые несколько глотков обожгли ему губы и язык, но вместо того чтобы остановиться и подождать, пока не остынет, он начал есть еще быстрее и жаднее.

Он остановился только тогда, когда съел половину кастрюли. Зверь у него в желудке еще не уснул, но хотя бы слегка успокоился. Ральф бесцеремонно рыгнул и оглядел Харрисавеню. Уже много лет он не был таким довольным. В нынеш-

них обстоятельствах это чувство было абсолютно необоснованным, и тем не менее... Когда, интересно, ему в последний раз было так хорошо? Может быть, в то утро, когда он проснулся в том амбаре — где-то между Дерри, штат Мэн, и Поукипси, Нью-Йорк, — замороженный лучами света, которые расчертили желтыми мягкими линиями теплый и сладко пахнувший сенновал.

Или, может быть, никогда.

Да: или, может быть, никогда.

Он увидел, как по улице идет миссис Перрин. Очевидно, она возвращалась из богадельни «Безопасный приют», нечто вроде ночлежки с кухней, недалеко от Канала. Ральф снова поймал себя на том, что зачарованно смотрит на ее странную скользящую походку, которой она добивалась с помощью палки и кажущейся неподвижности бедер. Ее волосы, все еще больше темные, чем седые, теперь были убраны — или более точное слово «насилено запиханы» — под сеточку для волос. Безупречно белые туфли, толстые эластичные чулки цвета сахарной ваты... буквально узенькая полосочка; сегодня вечером на миссис Перрин было мужское шерстяное пальто, и его полы спускались почти до земли. Похоже, когда она передвигала ноги, движение шло от бедер — верный признак надвигающихся проблем со спиной, подумал Ральф, — и из-за этого способа передвижения, вкупе с длинным пальто, Эстер Перрин была похожа на некоего сюрреалистичного персонажа: на черную королеву на шахматной доске, которую передвигает невидимая рука или которая вдруг ожила и передвигается с клетки на клетку сама по себе.

Когда она приблизилась к крыльцу Ральфа — а он сидел в той же рваной рубашке, да еще ел фасоль прямо из кастрюли, — ауры начали возвращаться. Уже включились фонари, и Ральф видел тонкие контуры цвета лаванды вокруг каждого фонаря. Он видел красное марево над крышами одних домов, желтое марево — над крышами других, светло-вишневое — над крышами третьих. На востоке, где ночь собиралась с силами, горизонт был подсвечен зелеными искрами.

И еще Ральф увидел, как вокруг миссис Перрин разворачивается ее аура — того же самого серого цвета, который напоминал ему форму кадетов военной академии. Несколько пятен более темного и густого оттенка мерцали на уровне груди, как призрачные пуговицы (Ральф предположил, что где-то под одеждой у нее все же имеется грудь). Он не был уверен, но это могли быть признаки приближающейся болезни.

— Добрый вечер, миссис Перрин, — вежливо сказал он и увидел, как его слова вырываются изо рта, словно снежинки.

Она смерила его пристальным и оценивающим взглядом.

— На тебе та же рубашка, Робертс, — сказала она.

И было еще кое-что, что она не сказала, но Ральф был уверен, что она это подумала: *А еще ты сидишь здесь, на крыльце, и ешь фасоль прямо из кастрюли, словно какой-то бомж, которого никогда не учили хорошим манерам... а я все вижу и запоминаю, Робертс.*

— Да, — вздохнул Ральф. — Кажется, просто забыл поменять.

— Хм-м, — хмыкнула миссис Перрин, и теперь, кажется, ее интересовало его белье. «Интересно, а когда ты менял его в последний раз? Страшно подумать, Робертс».

— Прекрасный вечер, не так ли, миссис Перрин?

Еще один быстрый оценивающий взгляд, на этот раз адресованный небу. Потом она снова вытаращилась на Ральфа.

— Скоро похолодает.

— Вы так думаете?

— Да, бабье лето закончилось. Моя спина в эти дни не годится вообще ни на что, кроме как на прогнозы погоды, но с этим она справляется отменно. — Она умолкла на пару секунд. — Кажется, это кофта Билла Макговерна.

— Да, — согласился Ральф и думал про себя, а спросит она, интересно, о том, знает ли Билл о судьбе своей кофты. Это было бы забавно.

Но вместо этого она велела ему застегнуться.

— Ты же не хочешь схватить пневмонию, правда? — спросила она и, наверное, добавила про себя: или попасть в психушку?

— Разумеется, нет, — сказал Ральф. Он отставил кастрюлю в сторону и начал было застегиваться, когда вдруг заметил, что у него на руке — кухонная варежка. Он забыл ее снять и до теперешнего момента просто не замечал.

— Тебе будет проще, если ты снимешь это, — сказала миссис Перрин. В ее глазах эта варежка, должно быть, приравнивалась к самому тяжкому преступлению.

— Да, наверное, — смиренно сказал Ральф. Он снял варежку и застегнул кофту.

— Мое предложение остается в силе, Робертс.

— Простите?

— Мое предложение заштопать твою рубашку. Если ты, конечно, сможешь расстаться с ней на пару дней. — Она пару секунд помолчала. — У тебя же есть другая рубашка? Которую ты сможешь носить, пока я буду штопать эту.

— О да, — сказал Ральф. — У меня их даже несколько.

— Наверное, у тебя их так много, что тебе просто сложно выбрать, какую из них надевать. У тебя на щеке сок от фасоли, Робертс. — Миссис Перрин обратила свой взор вперед и снова пошла себе дальше.

То, что Ральф сделал потом, он сделал без всякого злого умысла или задних мыслей. Это было инстинктивно, как то рубящее движение рукой, которым он отогнал Доктора номер три от Розали. Он сложил руку, на которой была кухонная варежка, в трубочку и поднес ее к губам. Потом он резко вдохнул, слегка присвистнув.

Результат был просто поразительный. Из ауры миссис Перрин вырвался луч серого цвета — длинный и острый, как игла дикобраза. Он вытянулся и поплыл назад, в то время как сама миссис Перрин шла вперед, и тянулся он до тех пор, пока не пересек газон, покрытый опавшими листьями, и не втянулся в трубочку, которую Ральф сделал из руки. Он почувствовал, как этот луч проникает в него, и когда он вдохнул, он как будто его проглотил. Неожиданно он почувствовал, что зажегся, как неоновая вывеска на городском кинотеатре. Взрывное ощущение силы — чувство: бабах! — пробежало по груди и желуд-

ку и опустилось по ногам до самых кончиков пальцев. И в то же самое время оно ударило ему в голову, пытаясь вырваться из черепа, как будто это была тонкая бетонная крыша стартовой ракетной шахты.

Ральф видел, как сквозь его пальцы проходят лучи света — серого, как наэлектризованный туман. Немного страшное, но радостное ощущение силы зажгло его мысли, но лишь на секунду. Вслед за ним пришли стыд и ужас.

Что ты делаешь, Ральф? Я не знаю, что это за штука, но она не твоя. Ты бы полез к ней в сумочку, если бы тебе понадобилось занять денег?

Ральф почувствовал, что у него горит лицо. Он опустил руку и закрыл рот. Когда его губы и зубы сошлись, он отчетливо услышал — и вдобавок еще и почувствовал, — как внутри что-то хрустнуло. Это был звук, который обычно бывает, когда ты откусываешь кусочек от побега свежего ревеня.

Миссис Перрин остановилась, обернулась и оглядела Харрис-авеню. *Я не хотел*, мысленно обратился он к ней. *Честное слово, я не хотел. Миссис Перрин. Я же еще ничего не знаю... я только учусь.*

— Робертс?

— Да?

— Ты ничего не слышал? Звук, похожий на выстрел.

Ральф покачал головой и почувствовал, как у него в ушах бьется горячая кровь.

— Нет... но у меня слух... сами понимаете...

— Может быть, выхлопная труба на Канзас-стрит, — сказала она, пропустив мимо ушей его жалкие попытки оправдаться. — Но у меня зашло сердце.

Она снова пошла вперед своей странной, скользящей походкой шахматной королевы, потом опять остановилась и посмотрела на Ральфа. Ее аура уже начала исчезать, но Ральф прекрасно видел ее взгляд — острый и цепкий.

— Ты совсем по-другому выглядишь, Робертс, — сказала она. — Как-то моложе, что ли.

Ральф, который ожидал совершенно другого (*Верни мне то, что ты украл, Робертс, верни немедленно*), сумел только промолвить:

— Вы думаете... это очень... я... то есть спасибо...

Она нетерпеливо подняла руку, мол, помолчи.

— Может быть, это из-за освещения. Очень тебе советую не испортить эту кофту, Робертс. Макговерн производит впечатление человека, который заботится о своих вещах.

— А вот о панаме он что-то не позаботился, — сказал Ральф.

Миссис Перрин, которая уже развернулась, чтобы уйти, опять обернулась и в недоумении уставилась на него.

— Что-что?

— Его панамы, — пояснил Ральф. — Он ее потерял.

Миссис Перрин на секунду замерла, пытаясь осмыслить услышанное, а потом снова хмыкнула.

— Иди в дом, Робертс. Если ты будешь сидеть на крыльце, ты умрешь от простуды. — Она пошла прочь. Ральф внимательно смотрел ей вслед. Видимых последствий его бездумного воровства вроде бы не наблюдалось.

Воровство? Мне кажется, это немного не то слово, Ральф. То, что ты сделал, больше похоже на...

— Вампиризм, — тихо произнес Ральф. Он отставил в сторону кастрюлю и принялся сжимать и разжимать кулаки. Ему было стыдно... он чувствовал себя виноватым... и он уже больше не брызжет энергией во все стороны.

Вместо крови ты высосал ее жизненные силы, но вампир есть вампир, Ральф.

Да, все правильно. И Ральфу вдруг показалось, что это уже не первый раз, когда он проделывает подобные вещи.

Ты совсем по-другому выглядишь, Робертс. Как-то моложе, что ли. Вот что сказала ему миссис Перрин сегодня вечером, но ему уже говорили подобные вещи... где-то с конца лета, правильно? И основная причина, почему его друзья насильно не поволокли его к доктору, заключалась в том, что он стал выглядеть лучше и больше не напоминал человека, с которым что-то не так. Он жаловался на бессонницу, но с виду выглядел здоровым и даже бодрым. Наверное, соты все-таки помогли, сказал ему Джон Лейдекер, когда они выходили из библиотеки в воскресенье. Сейчас Ральфу казалось, что это было уже так давно, еще в Каменном веке. И когда Ральф спросил

у Лейдекера, о чем это он говорит, тот пояснил, что говорит о бессоннице Ральфа. *Вы сейчас выглядите в миллиард раз лучше, чем в тот день, когда я увидел вас в первый раз.*

И Лейдекер был не единственным. Теперь Ральф вспомнил. В последнее время он себя чувствует отвратительно, не живет, а волочет себя по жизни... но люди упорно твердят ему, как хорошо он выглядит, как молодо выглядит, как он посвежел. Элен... Макговерн... даже Фэй Чапин сказал что-то похожее пару недель назад, хотя Ральф не мог точно вспомнить, что именно.

— Ну конечно, — сказал он вслух тихим убитым голосом. — Он спросил меня, не пользуюсь ли я кремом от морщин. Крем от морщин, Боже ты мой!

Неужели уже тогда он воровал жизненные силы у других людей? Крал их энергию и даже не знал об этом?

— Да, воровал, — произнес он тем же тихим убитым голосом. — Господи Иисусе, получается, я вампир.

Но верное ли это слово? Может быть, в мире аур тот, кто ворует чужие жизни, называется Центурионом?

У него перед глазами возникло бледное и безумное лицо Эда — словно призрак, который возвращается, чтобы наказать своего убийцу, — и Ральф, неожиданно испугавшись, обхватил руками колени и опустил голову.

Глава 15

1

двадцать минут восьмого ухоженный «линкольн таун кар» семидесятых годов, но в великолепии, подкатил к дому Луизы. Ральф — последний час он провел, принимая душ, бреясь и пытаясь успокоиться — стоял на крыльце и наблюдал, как Луиза выходит из машины. Все слова прощания были сказаны, и до него донесся беззаботный смех.

«Линкольн» уехал, и Луиза пошла к дому по подъездной дорожке. Где-то на половине пути она остановилась, оберну-

лась и встретила взглядом с Ральфом. Они смотрели друг на друга с разных сторон Харрис-авеню и прекрасно все видели, несмотря на сгущающиеся сумерки и на приличное расстояние в двести ярдов, которое их разделяло. Они светились в темноте друг для друга, словно потайные факелы, не видимые другим.

Луиза «прицелилась» в него пальцем. Очень похоже на тот жест, который она сделала перед тем, как «стрелять» в Доктора номер три, но это совсем не расстроило и не напугало Ральфа.

Намерения, подумал он. *Все дело в намерениях. Люди всегда совершают ошибки... но если ты знаешь, как себя вести, то их можно и избежать.*

На кончике пальца Луизы появился мерцающий сгусток серого света, который тут же превратился в луч и понесся через тени, сгущавшиеся на Харрис-авеню. Случайная машина проехала прямо сквозь этот луч. Окна автомобиля озарились мгновенной вспышкой. Коротко мигнули фары, но на этом все и закончилось.

Ральф тоже поднял руку и вытянул палец, из которого вырвался серый луч. Два луча встретились точно посередине Харрис-авеню и переплелись, как корни деревьев. Потом эта косичка из света устремилась в небо — она поднималась все выше и выше и становилась все бледнее и бледнее. Ральф убрал палец, и его половина этого любовного переплетения исчезла. Через мгновение исчезла и половина Луизы. Ральф медленно спустился с крыльца и пошел через газон. Луиза тоже направилась ему навстречу. Они встретились посередине улицы, в том самом месте, где уже встретились их лучи. Ральф обнял Луизу за талию и поцеловал.

}

Ты выглядишь по-другому, Робертс. Как-то моложе, что ли.

Эти слова продолжали крутиться у него в голове, как бесконечная магнитофонная пленка. Ральф сидел у Луизы на кухне и пил кофе. Он не мог отвести от нее глаз. Она выглядела лет на десять моложе и, кажется, сбросила килограммов десять по

сравнению с той Луизой, которую он привык видеть последние несколько лет. Интересно, сегодня утром в парке она выглядела так же молодо и свежо? Ральфу казалось, что нет; но, с другой стороны, сегодня утром она была очень расстроена и даже плакала, а слезы в общем-то никого не украшают.

И все же...

Вот именно: и все же. Маленькие морщинки в уголках ее губ исчезли. Складки на шее разгладились, кожа на руках уже не была по-старчески дряблой. Сегодня утром Луиза плакала, сегодня вечером она была счастлива и довольна, но Ральф понимал, что это не объясняет тех перемен в ее внешности, которые случились буквально за считанные часы.

— Я знаю, почему ты так смотришь, — сказал Луиза. — Это пугает, правда? То есть это, конечно, ответ на вопрос, правда ли все, что с нами происходит, но все равно страшно. Мы нашли Источник Молодости. Какая там Флорида, он все время был здесь, в Дерри.

— А мы его нашли?

Луиза пристально посмотрела на Ральфа, и вид у нее был удивленный... и немного обиженный, как будто ей показалось, что он решил над ней подшутить. Что он обращается с ней как с «нашей Луизой». Потом она потянулась через стол и взяла его за руку.

— Иди в ванную и посмотри на себя в зеркало.

— А чего мне на себя смотреть? Между прочим, я только что брился. Так что я не такой уж и страшный.

Она кивнула.

— Вовсе не страшный, и побрился ты очень даже неплохо, Ральф... но дело не в этом. Просто посмотри на себя.

— Ты серьезно?

— Да, — твердо сказала она. — Я серьезно.

Он почти дошел до двери, когда она вдруг сказала:

— Ты не только побрился, ты еще и рубашку поменял. Это хорошо. Ничего личного, но та была порванная.

— Правда? — Ральф стоял к ней спиной, так что она не могла увидеть его улыбку. — А я не заметил.

Он стоял в ванной, опершись о раковину, и изучал собственное отражение добрых минуты две. Именно столько времени ему понадобилось, чтобы поверить в то, что он действительно видит то, что видит. И тут было чему удивляться: в его седых волосах появились черные пряди цвета воронова крыла, мешки под глазами исчезли, — но больше всего его поразило то, что с губ исчезли все морщины и глубокие трещины. Вроде бы мелочь... но это было совершенно ненормально. Это были губы молодого и полного сил человека. И...

Ральф засунул палец в рот и провел по зубам. Он не был уверен на сто процентов, но ему показалось, что зубы стали длиннее, как будто бы отросли.

— Срань господня, — пробормотал Ральф и вспомнил тот день прошлым летом, когда он дрался с Эдом Дипно. Сначала Эд принял его дружелюбно, а потом сообщил ему по большому секрету, что Дерри наводнили жуткие монстры, убийцы детей. Существа, крадущие жизнь. Все линии силы сходятся здесь, в Дерри, сказал ему Эд. Я знаю, в это сложно поверить, но это правда.

На этот раз Ральфу было уже проще поверить. Теперь сложнее было поверить в то, что те слова Эда были бредом сумасшедшего.

— Если это не прекратится в ближайшее время, — сказала Луиза, появившаяся в дверном проеме, — нам придется пожениться и сбежать из города, Ральф. Симона и Мина не могли — в прямом смысле слова: не могли — оторвать от меня глаз. Мне пришлось городить какую-то чушь насчет нового макияжа, который я нашла в журнале, но они не поверили. Мужчина мог бы поверить в такое, но женщина знает, чего можно добиться с помощью макияжа, а чего нельзя, как ни старайся.

Они прошли обратно на кухню, и хотя ауры снова исчезли, одну яркую ауру Ральф все-таки видел: румянец на лице у Луизы.

— В итоге я им сказала единственное, во что они могли бы поверить.

— И что же? — спросил Ральф.

— Я им сказала, что встретила мужчину. — Она замолчала, а потом, когда кровь снова прилила к ее щекам и окрасила их в розовый цвет, она все же решилась: — И что я в него влюбилась.

Она отвернулась. Ральф взял ее за руку и развернул лицом к себе. Он смотрел на маленькую аккуратную складочку у нее на локте и думал о том, как было бы здорово дотронуться до нее губами. Или, может быть, кончиком языка. Потом он поднял глаза и посмотрел на нее:

— А это правда?

Ее взгляд лучился искренностью и надеждой.

— Мне кажется, да, — тихо проговорила она. — Но сейчас все так странно... Все, что я знаю точно: я хочу, чтобы это было правдой. Мне нужен друг. Я очень долго была несчастлива, и мне было страшно, и еще я была одинока. Одиночество — это самое худшее, что случается с человеком в старости. Не болячки и радикулит, не одышка, когда поднимаешься на один лестничный пролет, который ты просто пролетал, когда тебе было двадцать... а именно одиночество.

— Да, — сказал Ральф. — Это действительно самое худшее.

— Никто с тобой больше не разговаривает... нет, конечно, с тобой говорят, но постольку-поскольку, и это совершенно не то же самое... а большинство тебя просто не замечает. Ты когда-нибудь испытывал что-то подобное?

Ральф подумал о Дерри старых пердунов — о том городе, который не видят и не хотят видеть те, кто вечно спешит и вечно чем-то занят — и кивнул.

— Ральф, обними меня.

— С удовольствием, — сказал он и заключил ее в объятия.

4

Какое-то время спустя, запыхавшиеся и смущенные, но безумно счастливые, Ральф с Луизой уселись рядышком на кушетке в гостиной. Эта кушетка, абсолютно хоббитского размера, была больше похожа на широкое кресло, которое во всех каталогах называется «креслицем для влюбленных». Но они

вовсе не возражали против такого названия. Рука Ральфа лежала на плече у Луизы. Она распустила волосы, и он крутил в пальцах ее локоны, размышляя о том, как легко забываются ощущения. Женские волосы на ощупь совсем другие, не такие, как у мужчин. Она рассказала ему про сегодняшнюю карточную игру. Ральф слушал очень внимательно, но не сказать, чтобы он был очень удивлен.

Раз в неделю в Лудлоу-Гранж собиралось около дюжины пожилых леди, чтобы сыграть по маленькой: проиграть долларов пять или выиграть десять, — но чаще всего все ограничивалось пригоршней мелочи, хотя в их компании была пара очень сильных игроков и пара совсем уже никудышных (Луиза причисляла себя к первым). Они играли не ради денег — это был просто способ весело провести вечер в приятной компании. Женский аналог шахматных турниров старперов с Харрис-авеню.

— По идее сегодня я должна была вернуться домой абсолютно на нулях, если учесть, сколько мне задавали вопросов про то, какие витамины я принимаю, какие пластические операции я сделала и так далее. Как можно сосредоточиться на игре, когда тебе все время приходится врать, да еще следить, чтобы каждая следующая ложь не противоречила предыдущей.

— Да, наверное, тяжело. — Ральф изо всех сил старался не улыбнуться.

— Тяжко, не то слово. Очень тяжело! Но что самое интересное: вместо того чтобы проигрывать, я продолжала уходить в плюсы. И знаешь почему, Ральф?

Он знал, но все равно покачал головой, чтобы она рассказала ему. Ему нравилось ее слушать.

— Все дело в их аурах. Я не всегда знала, какие именно карты у них на руках, но все равно очень часто угадывала. И даже когда я не знала точно, все равно у меня получалось примерно прикинуть расклад. Ауры то появлялись, то исчезали, но даже когда их не было, я играла, как никогда. Нет, правда. Я в жизни так хорошо не играла. Последний час мне пришлось специально проигрывать, иначе они бы меня просто воз-

ненавидели. И знаешь что? Даже нарочно проигрывать было достаточно тяжело. — Луиза опустила глаза и принялась нервно теревить пальцами юбку. — А на обратном пути я сделала одну вещь, о которой мне даже стыдно рассказывать.

Ральф опять различал ее ауру, бледно-серую с темно-синими пятнами.

— Прежде чем ты начнешь рассказывать, послушай меня и скажи, может, тебе это тоже знакомо.

Он рассказал ей о том, что он сделал с миссис Перрин, когда она прошла мимо, когда он сидел на крыльце, ужинал и ждал возвращения Луизы. Закончив рассказ, он опустил глаза и почувствовал, что у него горят уши.

— Да, — сказала Луиза. — Я то же самое сделала... но я не хотела, Ральф... ну... то есть я думаю, что не хотела. Я сидела на заднем сиденье с Миной, и она вновь завела разговор о том, что я выгляжу по-другому, очень молодо и вообще... и я подумала... мне стыдно в этом признаться, но все же скажу, так будет лучше... Я подумала: «Сейчас я заставлю тебя замолчать, глупая ты завистливая кошечка». Потому что она действительно мне завидовала, Ральф. Я видела это по ее ауре. Большие шипы цвета кошачьего глаза. Неудивительно, что ревность и зависть называют зеленоглазым чудовищем! В общем, как бы там ни было, я показала в окно и сказала: «Ой, Мина, смотри, какой миленький маленький домик!» И когда она повернулась, чтобы посмотреть... я сделала то же самое, что и ты, Ральф. Только я даже не поднимала руку. Я просто вытянула губы... вот так... — Она продемонстрировала, как именно, и Ральфу очень захотелось ее поцеловать. Ему пришлось постараться, чтобы сдержаться. — И я вдохнула большое облако ее ауры.

— И что было потом? — спросил Ральф с любопытством и страхом.

Луиза рассмеялась.

— С ней или со мной?

— С вами обеими.

— Мина подпрыгнула на сиденье и шлепнула себя по шее. «Там жук, — сказала она. — Он меня укусил! Сними его, Лу! Пожалуйста, сними его!» Разумеется, никакого жука там не было — я была этим жуком, — но я все равно поводила рукой ей по шее, потом открыла окно и сказала, что жук улетел. Ей еще повезло, что я ей случайно мозги не вышибла, когда стряхивала этого несуществующего жука, — столько во мне было энергии. Мне казалось, что я смогла бы выскочить из машины и пробежать всю дорогу до дома.

Ральф понимающе кивнул.

— Это было чудесно... слишком чудесно. Как эти истории про наркотики по телевизору, как ты сначала возносишься на небеса, а потом низвергаешься в ад. А что, если здесь точно так же: раз уж мы начали это делать, то уже просто не сможем остановиться?

— Да, — сказал Ральф. — А что, если это причиняет им боль? Я вот все думаю о вампирах.

— Знаешь, о чем я думаю? — шепотом проговорила Луиза. — Помнишь, ты мне рассказывал, что говорил тебе Эд Дипно. Эти Центурионы... Что, если они — это мы, Ральф? Что, если они — это мы?

Он обнял ее и поцеловал в макушку. Сейчас, когда он утешал свои самые страшные мысли от кого-то другого, ему стало немного легче. И он задумался о том, что говорила ему Луиза: одиночество — самое худшее в старости.

— Я тебя понимаю, — сказал он. — Но то, что я сделал с миссис Перрин, получилось спонтанно, как бы само собой. Я не помню, чтобы я думал о том, что делаю, просто сделал и все. А у тебя было так же?

— Да. Именно так. — Она положила руку ему на плечо.

— Мы должны постараться больше так не делать, — продолжал Ральф. — Потому что это и вправду может вызвать зависимость. Все, что доставляет подобные ощущения, просто обязано вызывать привыкание, тебе не кажется? Нам надо очень следить за собой. И еще нам нужно что-то придумать, потому

что — сами того не желая — мы можем проделывать это помимо воли. Мне кажется, это так и происходит. И поэтому...

Резкий визг тормозов и скрежет шин по асфальту заставил его замолчать. Они испуганно переглянулись, а звук снаружи все не прекращался — как будто это кричала сама беда в поисках точки приложения.

Когда визг и скрежет наконец оборвались, раздался приглушенный звук удара. За ним последовал испуганный вскрик — то ли женщины, то ли ребенка, Ральф не сумел разобрать, кого именно. Кто-то другой закричал:

— Что случилось?

А потом:

— О Господи!

И топот бегущих ног.

— Сиди, не вставай, — сказал Ральф Луизе, а сам сорвался с кушетки и подлетел к окну. Когда он раздвинул шторы, Луиза уже была рядом. И Ральфу это понравилось. В подобных обстоятельствах Каролина бы сделала то же самое.

Они смотрели на сумрачный ночной мир, переливающийся странным светом и наполненный промельками движения. Ральф знал, что там, на улице, будет Билл. Он это знал. Билла сбивла машина. И теперь он лежит мертвый на тротуаре, а рядом с его безжизненно вытянутой рукой валяется соломенная панама с откушенным куском на полях. Ральф обнял Луизу за плечи, а она стиснула его руку.

Но это был вовсе не Билл Макговерн. В полукруге света от горящих фар «форда», замершего посреди проезжей части, лежала Розали. Она лежала на боку в луже крови, растекающейся по асфальту. Судя по всему, у нее был перебит позвоночник. Водитель «форда» вышел из машины и встал на колени перед сбитой собакой. Ближайший уличный фонарь безжалостно высветил его лицо. Это оказался Джо Вайзер, фармацевт из аптеки «Первая помощь». Его оранжево-желтую ауру сейчас пронизывали беспокойные завитки красного с синим. Он принялся гладить Розали по боку, и каждый раз его рука исчезала в густом черном облаке, что окружало собаку.

Ральф не спал, но у него было такое чувство, словно ему снится кошмар наяву. Ему стало страшно — так страшно, что все внутри оборвалось. По спине пробежал озноб, а яйца сужились в два тугих комочка. Он как будто перенесся в тот кошмарный июль девяносто второго года: Каролина умирала, часы смерти уже отмеряли последние дни ее жизни, и что-то странное и жуткое творилось с Эдом Дипно. Он как будто взбесился, и Ральф пытался его удержать, чтобы он не набросился с кулаками на водителя грузовичка с удобрениями. А потом — вишенка на яблочную шарлотку, как сказала бы Каролина — появился Дорранс Марстеллар. Старина Дор. И что он тогда сказал?

Я бы на твоём месте больше его не трогал... Я не вижу твоих рук.

Я не вижу твоих рук.

— О Господи, — прошептал Ральф.

Луиза пошатнулась в его объятиях, как будто на грани обморока, и это движение вернуло его к реальности.

— Луиза. — Он сжал ее руку. — Луиза, с тобой все в порядке?

— Да, наверное... но, Ральф... ты видишь?

— Да, это Розали. Она скорее всего...

— Я говорю не о ней, а о нем! — Она указала куда-то вправо.

Док номер три стоял, привалившись к багажнику «форда» Джо Вайзера. Он по-прежнему был в панаме Макговерна. Он посмотрел прямо на Ральфа с Луизой с этакой наглой ухмылочкой, а потом медленно поднял руку и показал им «нос».

— Ах ты, скотина! — закричал Ральф и в бессильной ярости ударил кулаком в стену.

Вокруг Розали собралось уже с полдюжины человек, но они ничем не могли помочь: Розали умирала. Ей оставалось жить считанные секунды. Черное облако все сгущалось. Впечатление было такое, что оно стало твердым, как испачканный са-

жей кирпич. Оно окружало Розали плотной непроницаемой оболочкой, и каждый раз, когда Вайзер гладил собаку, его рука исчезала в этой твердеющей черноте.

Теперь Док номер три поднял вверх указательный палец и склонил голову набок, как бы говоря: «А теперь, всем внимание!» Он на цыпочках прошел вперед — абсолютно излишняя предосторожность, поскольку его все равно никто не видел; но похоже, что Док номер три питал нездоровую страсть к театральным эффектам — и протянул руку к заднему карману Джо Вайзера. При этом он оглянулся на Ральфа с Луизой, как бы для того, чтобы проверить, смотрят они или нет. Потом — все так же, на цыпочках — он подошел еще ближе к Вайзеру.

— Останови его, Ральф, — простонала Луиза. — Пожалуйста, останови его.

Медленно, словно напившись каких-нибудь транквилизаторов, Ральф поднял руку и резко опустил ее вниз, как бы рубанув воздух. Луч синего света вырвался из его пальцев, но проходя сквозь стекло, свет рассеялся. Бледно-голубое марево отделилось от дома Луизы и тут же рассеялось в воздухе. Док номер три издевательски погрозил Ральфу пальцем, мол, ах ты гадкий мальчишка.

Лысый Доктор номер три потянулся вперед и что-то достал из заднего кармана Джо Вайзера, который так и стоял на коленях перед умирающей Розали. Ральф не понял, что это было, пока этот мерзкий карлик в замызганном грязном халате не снял панаму Макговерна и не сделал вид, что причесывает свою лысину. Это был черный пластмассовый гребешок, который продается в любом магазине за доллар и двадцать девять центов. Потом Док номер три высоко подпрыгнул и щелкнул в воздухе каблуками, словно злой и ехидный эльф.

Когда лысый доктор приблизился, Розали приподняла морду. Теперь же она уронила голову на асфальт и умерла. Черная аура разом исчезла — не рассеялась, а просто лопнула, как мыльный пузырь. Вайзер поднялся с колен, повернулся в какому-то мужчине, что стоял на краю тротуара, и принялся объяснять ему, что случилось, показывая жестами, как собака

неожиданно выскочила на дорогу прямо ему под колеса. Ральфу даже показалось, что он сумел прочитать у него по губам: возникла словно ниоткуда.

Потом Ральф снова взглянул на машину и увидел, что маленький лысый доктор никуда не делся. Он стоял, прислонившись спиной к вайзеровскому «форду».

Глава 16

1

Ральф все же сумел завести свой старенький ржавый «олдсмобил», но поездка до городской больницы, которая находилась в восточной стороне города, все равно заняла у него минут двадцать. Каролина, разумеется, понимала его растущее беспокойство по поводу своих водительских способностей и пыталась ему сочувствовать, но у нее всегда был нетерпеливый характер, и с годами он не изменился. И если им нужно было проехать больше полумили, она не могла удержаться от критических замечаний в его адрес. Первые минут пять она сидела молча, а потом начинала свой нескончаемый монолог. Если же ее окончательно выводил из себя их прогресс (вернее, отсутствие такового), она могла спросить Ральфа, не поможет ли ему семиведерная клизма. Она была милой и доброй женщиной, но язычок у нее был острый.

После таких замечаний Ральф всегда предлагал — и всегда очень спокойно, без злости — уступить ей место за рулем. Но Каролина всегда отвергала подобные предложения. Она считала, что вести машину — по крайней мере на короткие расстояния — это работа мужа, а работа жены — конструктивная критика в его адрес.

Сейчас он ждал, что Луиза тоже начнет отпускать замечания либо по поводу его скорости, либо по поводу его манеры

водить, которая, надо признаться, была достаточно неуклюжей (он сомневался, что сможет вспомнить хотя бы какие-то правила, даже под угрозой расстрела), но Луиза молчала — просто сидела с ним рядом на пассажирском сиденье, где обычно сидела Каролина, и держала сумочку на коленях, точно так же, как обычно держала ее Каролина. Море огней — неоновые вывески магазинов, сигналы светофора, уличные фонари — отражалось переливчатой радугой на щеках у Луизы. Взгляд ее темных глаз был отсутствующим и задумчивым. Когда умерла Розали, Луиза расплакалась — расплакалась навзрыд, и от этого настроение у Ральфа окончательно испортилось.

Вообще-то он едва не выскочил на улицу, чтобы переговорить с Джо Вайзером до того, как он уедет. Сказать ему, чтобы он был осторожен. Сказать, что, когда он сегодня вечером будет выгребать из карманов вещи, он недосчитается дешевой расчески — фигня, конечно; люди очень часто теряют расчески, — но в данном конкретном случае это была далеко не фигня, и вполне может так получиться, что в следующий раз на дороге будет лежать он, Джо Вайзер, фармацевт из «Первой помощи». *Послушай меня, Джо, и слушай внимательно. Тебе нужно быть осторожным, потому что у нас есть новости из Зоны Гиперреальности, и те новости, что про тебя, почему-то все в траурных рамках.*

Но тут могли бы возникнуть проблемы. И самая большая проблема заключалась бы в том, что Джо Вайзер, который очень сочувственно отнесся к Ральфу в тот день, когда посоветовал ему записаться к акупунктуристу, мог бы подумать, что у Ральфа поехала крыша. Кроме того, как защититься от существа, которого ты даже не видишь?!

Поэтому Ральф не стал выбегать на улицу... но прежде чем задернуть шторы, он еще раз внимательно посмотрел на Джо Вайзера. Ауры все еще были, и он увидел веревочку Джо — яркую, оранжево-желтую. Так что пока с ним было все в порядке.

Пока.

Ральф отвел Луизу на кухню и сварил ей еще одну чашку кофе — очень крепкого, с сахаром.

— Он убил ее, правда? — спросила она, поднося чашку к губам обеими руками. — Этот маленький лысый мерзавец ее убил.

— Да. Но мне кажется, что он это сделал не сейчас. На самом деле он это сделал утром.

— Но почему? Почему?

— Потому что он мог это сделать, — мрачно ответил Ральф. — По-моему, это единственная причина. Других ему просто не нужно. Он убивает, потому что может убивать.

Луиза пристально посмотрела на Ральфа, а потом у нее в глазах появился слабый намек на облегчение.

— Ты все понял, да? Я сама должна была понять в тот момент, когда увидела тебя сегодня вечером. И я бы, наверное, и поняла, если бы голова не была забита всякой ерундой.

— Все понял? Ну, до того, чтобы все понять, мне еще далеко. Но у меня есть кое-какие идеи. Луиза, ты сможешь доехать со мной до городской больницы?

— Да, наверное. Хочешь повидаться с Биллом?

— Я точно не знаю, с кем я хочу повидаться. Может быть, с Биллом, а может, и с другом Билла, Бобом Полхерстом. А может быть, даже с Джимми Вандермайером... ты его знаешь?

— Джимми Ви? Конечно, я его знаю! А еще лучше я знала его жену. На самом деле она играла с нами в покер. Когда она умерла, это было так неожиданно. Сердечный приступ... — Она вдруг запнулась и посмотрела на Ральфа. — Джимми в больнице? Боже мой, это ведь рак, я надеюсь? Неужели у него опять началось?!

— Да. Он в палате, как раз соседней с Полхерстом, который друг Билла. — Ральф рассказал ей про утренний разговор с Фэем и про записку, которую он нашел на столе для пикников. Он обратил внимание на странное расположение палат и больных — Полхерст, Джимми Ви, Каролина — и спросил у Луизы, как ей кажется: совпадение это или нет.

— Нет. Я почему-то уверена, что это не совпадение. — Она взглянула на часы. — Поехали. Там посещения до девяти тридцати. Лучше нам поторопиться, чтобы успеть.

Они въехали на стоянку больницы (ты опять забыл включить поворотники, милый, прокомментировала Каролина). Ральф взглянул на Луизу — она сидела, сложив руки на сумочке, и сейчас ее ауру было не видно — и спросил, все ли с ней в порядке.

Она кивнула.

— Да. Не то чтобы замечательно, но нормально. Не беспокойся.

Но я все равно беспокоюсь, Луиза, подумал Ральф. Очень. И кстати, ты видела, как Док номер три сляззил расческу из кармана Джо Вайзера?

Это был глупый вопрос. Разумеется, она видела. Лысый уродец хотел, чтобы она это видела. Он хотел, чтобы они оба увидели. Вопрос был в том, обратила ли она на это внимание и придала ли этому значение.

Что ты знаешь на самом деле, Луиза? Какие выводы ты уже сделала? Я почему спрашиваю... потому что это совсем не сложно — сделать определенные выводы. Мне интересно... но я боюсь спросить вслух.

Чуть дальше вперед по дороге стояло низкое кирпичное здание, Женский центр. Несколько мощных прожекторов (Ральф был в уверен, что их установили совсем недавно) хорошо освещали газон перед зданием, и Ральф увидел двоих мужчин, которые прохаживались туда-сюда в компании своих вытянутых теней... наверное, полицейские, предположил он. Очередная новая морщинка, еще одна беспомощная соломинка, подхваченная злобным ветром.

Он свернул налево (в этот раз все-таки вспомнив о поворотниках) и осторожно вывел автомобиль на дорожку, ведущую к парковочным местам. Путь преграждал оранжевый шлагбаум, рядом с ним была стойка с надписью: ПОЖАЛУЙСТА, ОСТАНОВИТЕСЬ И ВОЗЬМИТЕ ТАЛОН. Ральф еще помнил времена, когда в таких вот местах работали настоящие живые

люди. *Были дни, друг мой, были дни*, подумал он, открывая окно и забирая талон из автоматического распределителя.

— Ральф?

— Да? — Он пытался сосредоточиться на том, чтобы не «пересчитать» бамперы всех машин, припаркованных вдоль его пути. Он знал, что проходы достаточно широки, чтобы эти бамперы никак не мешали его движению — он понимал это умом, — но вот нутром чуял совсем другое. Каролина бы уже давно меня засмеяла, если бы увидела, как я тут рулю, подумал он со странной теплотой.

— Ты знаешь, что делаешь, или пытаешься действовать по наитию?

— Подожди минутку, я все-таки припаркую эту чертову машину.

Он проехал уже несколько свободных мест, где его старый «олдсмобил» поместился бы с запасом, но там было слишком мало места для маневров. На третьем уровне он наконец нашел то, что искал: три места рядом (туда вполне поместился бы небольшой танк), и поставил «олдсмобил» в среднюю ячейку. Потом Ральф заглушил мотор и повернулся к Луизе. Где-то был слышен гул двигателей, но где именно были эти машины, определить было сложно — из-за эха. Ядовито-оранжевый свет — ровное, всепроникающее мерцание, обычное для общественных многоуровневых гаражей — лежал на их лицах тонким слоем токсической краски. Луиза, не мигая, смотрела на него. Он видел у нее на лице следы слез, но сами глаза были спокойными и уверенными. Он был потрясен тем, как она изменилась с утра, когда он нашел ее на скамейке в парке, заплаканную и несчастную. *Луиза, подумал он, если бы твой сын и твоя невестка увидели бы тебя сегодня вечером, они убежали бы без оглядки, вопя во всю глотку. Не потому, что ты страшная... а потому, что той женщины, которую они хотели сдать в дом престарелых, ее больше нет.*

— Ну? — спросила она, улыбнувшись одними глазами. — Ты что-нибудь скажешь или мы так и будем сидеть и тарашиться друг на друга?

Ральф, который обычно был осмотнительным человеком и всегда тщательно подбирал слова, прежде чем что-то сказать, в этот раз брякнул первое, что пришло ему в голову:

— Знаешь, чего мне действительно хочется? Съесть тебя, как мороженое.

Она опять улыбнулась, на этот раз — по-настоящему.

— Может быть, позже мы с тобой проверим, как сильно ты любишь мороженое, Ральф. А сейчас просто скажи, зачем мы сюда приехали. И не говори мне, что ты не знаешь, потому что я все равно не поверю.

Ральф закрыл глаза, сделал глубокий вдох и снова открыл глаза.

— Мне кажется, что здесь мы найдем тех двоих лысых ребят, которые выходили из дома Мэй Лочер. Если кто-то и может объяснить, что тут происходит, то только они.

— А почему ты решил, что мы их найдем именно здесь?

— Потому что у них тут работа... два человека, Джимми Ви и друг Билла, они умирают, в соседних палатах. Мне надо было догадаться, кто такие эти лысые ребята — точнее, что они делают, — в ту же минуту, когда я увидел, как Мэй вывозят на каталке из дома, с лицом, накрытым простыней. И я бы, наверное, догадался, не будь я таким измотанным и усталым. Одних ножниц вполне бы хватило. Я думал об этом весь сегодняшний вечер, но понял только тогда, когда услышал, что сказала племянница мистера Полхерста.

— И что же она сказала?

— Что смерть очень глупая. Что акушерка, которая перерезала бы пуповину так медленно, была бы тут же уволена за профнепригодность. И тогда я подумал о древнем мифе, который прочел еще школьником. Я тогда бредил героями Трои, древнегреческими богами и богинями. Миф о трех сестрах... как-то они назывались, не помню. Сестры судьбы... но было еще и греческое название. И даже не спрашивай. Я все равно не вспомню. Я поворотники-то забываю включать... В общем, как бы там ни было, эти сестры отвечали за течение человечес-

кой жизни. Одна из них пряла нить, другая решала, какой она будет длины... ну как, Луиза, что-то знакомое в этом есть?

— Разумеется! Веревочки над головами!

Ральф кивнул.

— Да. Веревочки. Я не помню имен двух первых сестер, но имя третьей я почему-то запомнил. Атропос. И, если верить легенде, она обрезала нити человеческих жизней, которые пряли и отмеряли две другие сестры. Она была очень суровой. Ее бесполезно было умолять, ее нельзя было разжалобить. Когда она решала, что пришло время резать нить, она ее резала.

Луиза кивнула.

— Да, я помню эту легенду. Я не знаю, может быть, я ее где-то читала или кто-то рассказывал... еще в детстве. И ты считаешь, что это правда, да, Ральф? Только у нас тут Лысые Братья вместо Сестер Судьбы.

— И да, и нет. Насколько я помню легенду, там все три сестры были на одной стороне... играли в команду, если можно так выразиться. Похожее ощущение возникло у меня, когда я увидел тех двух парней, что вышли из дома Мэй Лочер: что они долгое время работают вместе и уважают друг друга. Но третий парень, которого мы с тобой видели сегодня, на них не похож. Мне кажется, что третий доктор — просто мерзавец и негодяй.

Луиза передернула плечами, и этот манерный жест сейчас смотрелся вполне естественно.

— Это точно, мерзавец и негодяй. Я его ненавижу.

— И я тебя понимаю.

Он потянулся к дверной ручке, но Луиза остановила его.

— Я видела, что он сделал.

Ральф обернулся так резко, что у него хрустнули шейные позвонки. Он уже знал, что она сейчас скажет.

— Он залез в карман того человека, который сбил Розали, — сказала Луиза. — Когда он встал на колени, этот лысый залез к нему в карман и вытащил расческу. И шляпа, шляпа, которую он носит... по-моему, я ее узнала.

Ральф смотрел на нее, очень надеясь, что на этом ее воспоминания о Докторе номер три себя исчерпают.

— Эта вещь — шляпа Билла, да? Его знаменитая панاما.

Ральф кивнул.

— Да.

Луиза закрыла глаза.

— Господи Боже.

— Ну что, Луиза? Пойдешь со мной или здесь подождешь, в машине?

— Пойду. — Она открыла дверцу со своей стороны и поставила ногу на бетонный пол стоянки. — Но давай пойдем прямо сейчас, потому что я уже начинаю нервничать.

— Прекрасно тебя понимаю, — сказал Ральф Робертс.

}

Когда они подошли к главному входу в больницу Дерри, Ральф наклонился к Луизе и прошептал:

— Ты тоже видишь?

— Да. — Ее глаза широко распахнулись. — О Господи, да. И на этот раз как-то особенно сильно, правда?

Когда они попали в поле луча камеры электронного слежения и автоматические двери разъехались перед ними, поверхность привычного мира как бы вдруг отогнулась, приоткрыв другой мир — тот, который искрился невидимыми цветами и красками, изгибался замысловатыми линиями. На стене вестибюля, на фоне большого панно, изображавшего Дерри в начале века, разбегались темно-коричневые силуэты в форме стрел. Когда они соприкасались друг с другом, они на мгновение вспыхивали темно-зеленым светом и меняли направление. Яркая серебристая воронка, похожая не то на игрушечное торнадо, не то на водоворот, поднималась по лестнице, что вела на второй этаж. Ее верхний, широкий край покачивался взад-вперед, как будто воронка шагала размеренными шагами, словно один из одушевленных героев-вещей из диснеевских мультиков, и Ральфу она показалась даже дружелюбной. Двое муж-

чин быстро поднялись по лестнице, и один из них прошел прямо сквозь эту серебристую воронку. Он что-то увлеченно рассказывал своему спутнику, но, когда он вышел с другой стороны воронки, Ральф заметил, как он безотчетно провел рукой по волосам... хотя из его аккуратной прически не выбилось ни пряди.

Воронка поднялась до конца ступенек, прошла по центру лестничного пролета, описав размашистую восьмерку, и исчезла, оставив лишь легкий розовый туман, который быстро рассеялся.

Луиза ткнула Ральфа локтем в бок и подняла было руку, чтобы указать ему на площадку за справочной стойкой. Но вокруг было полно людей, и она ограничилась тем, что показала в нужном направлении подбородком. Ральф уже один раз видел в небе нечто, похожее на птеродактиля. Теперь он увидел другое нечто — наподобие длинной переливчатой змеи. Она ползла по потолку над табличкой: РЕЗУЛЬТАТЫ АНАЛИЗА КРОВИ.

— Оно живое? — встревоженно прошептала Луиза.

Ральф присмотрелся и обнаружил, что у этой змееподобной штуки нет ни головы, ни различного хвоста. Это было всего лишь туловище. Он предполагал, что оно таки было живым — все ауры были по-своему живыми, — но все же это была ненастоящая змея, и он почему-то не сомневался в том, что она неопасна, по крайней мере для них с Луизой.

— Не обращай внимания, милая, — шепнул он Луизе, когда они подошли к стойке справочной. И в этот момент змееподобное существо исчезло, как будто впитавшись в потолок.

Ральф не знал, насколько важны эти вещи — птица из света или серебристый торнадо, — какое место они занимают в табели о рангах этого потайного мира, но он точно знал, что самое главное в этом мире — все равно люди. Вестибюль городской больницы был похож на фейерверк в День независимости, и роль «римских свечей» и «китайских фонтанов» в этом световом шоу играли именно люди.

Луиза потянула Ральфа за воротник, чтобы он наклонился к ней, и прошептала ему в ухо:

— Только ты сам говори с ней, Ральф. — Ее голос был тонким и слабым. — А то я сейчас ни на что не способна. Мне бы в штаны не надеть — уже достижение.

Человек перед ними отошел от окошка справочной, и Ральф сделал шаг вперед. И тут в голове почему-то всплыло чистое, щемяще-ностальгическое воспоминание о Джимми Ви. Они тогда были на трассе где-то в Род-Айленде — может быть, в Кингстоне, — и им вдруг ударило в голову завалиться на молитвенное собрание возрожденцев. Разумеется, они с Джимми были косыми, как две мухи, свалившиеся в бутылку с джином. Возле палатки, где проходило собрание, стояли две чистенькие дамочки и раздавали прохожим брошюры. И когда они с Джимми принялись шептаться, дыша перегаром друг другу в лицо, что вот здесь все прилично и чинно и им надо вести себя трезво, черт, просто вести себя трезво. Самое смешное, что он никак не мог вспомнить, пустили их на собрание или нет.

— Вам помочь? — спросила женщина в окошке справочной, причем таким тоном, который явно давал понять, что она оказывает Ральфу величайшую услугу уже тем, что просто нисходит до разговора. Он посмотрел на нее сквозь стекло и увидел, что ее окружает оранжевая аура, похожая на горящий куст ежевики. *Вот дама, которая читает все, что напечатано мелким шрифтом, и не терпит, когда нарушают условности,* подумал он и тут же вспомнил, что те две дамочки у входа в молитвенную палатку только взглянули на них с Джимми Ви и тут же отправили их подальше — вежливо, но твердо. Тогда им пришлось коротать ночь в каком-то притоне, и им, наверное, очень повезло, что они вообще пережили ту ночь и уехали целыми и невредимыми.

— Мистер, — нетерпеливо проговорила женщина в окошке. — Я вам могу чем-то помочь?

Ральф вернулся к реальности резким рывком, как это бывает, когда ты просыпаешься на середине сна.

— Да, мэм. Мы с женой хотели бы посетить Джимми Вандермайера, он в палате на третьем этаже, и если...

— Это отделение интенсивной терапии, — прошипела она. — Туда не пускают без специального разрешения. — Из мерцающего облака вокруг ее головы начали вырастать оранжевые шипы. Теперь ее аура напоминала колючую проволоку вокруг некоей призрачной заброшенной земли.

— Я знаю, — проговорил Ральф смиренно. — Но мой друг, Лафайетт Чапин, сказал...

— Боже мой, — перебила его женщина в окошке. — Чудесно, у всех тут друзья. Это просто великолепно. — Она театрально закатила глаза.

— Так вот, Фэй сказал, что к Джимми пускают гостей. Понимаете, у него рак, ему недолго осталось, и поэтому...

— Ладно, я проверю, — сказала женщина с мученическим выражением лица, какое бывает у человека, выполняющего заведомо бесполезное поручение. — Но сегодня компьютер работает очень медленно, так что вам придется подождать. Назовите мне свое имя, а потом посидите с женой вон там. Я позову вас, как только...

Ральф решил, что хватит уже унижаться перед этой бюрократической сторожевой собакой. Ему нужна вовсе не виза в Албанию, а всего-навсего пропуск в отделение интенсивной терапии.

Окошко было широким. Ральф просунул туда руку и взял женщину за запястье, прежде чем она успела отдернуть руку. У него появилось странное и неприятное ощущение — безболезненное, но очень четкое, — что оранжевые шипы проходят сквозь его плоть, не находя, за что зацепиться. Ральф осторожно сжал ее руку и почувствовал небольшой всплеск силы, который для него был не опаснее дробинки. И вдруг чопорно-официозная оранжевая аура отступила от ее руки, и рука стала цвета ауры Ральфа. Женщина вздрогнула и резко подалась вперед, как будто кто-то вывалил ей за шиворот целый стакан кубиков льда.

[К черту компьютер. Просто дай нам два пропуска. И поскорее.]

— Да, сэр, — быстро проговорила она, и Ральф отпустил ее запястье, так чтобы она смогла дотянуться до стола. Бирю-

зовое мерцание вокруг ее руки опять превратилось в оранжевое; изменение шло от плеча к запястью.

Но я мог бы сделать ее синей всю целиком, подумал Ральф. *Я мог бы сделать с ней все что угодно. Пустить ее бегать по залу, как заводную игрушку.*

Он вдруг вспомнил, как Эд цитировал ему Евангелие от Матфея: «Тогда Ирод, увидев себя осмеянным волхвами, весьма разгневался...» — и ему стало страшно и стыдно. Он снова подумал о вампиризме и о том знаменитом отрывке из Пого: *Мы повстречали врага, и он — это мы.* Да, наверное, он мог бы сделать все что угодно с этой оранжевой гримзой. Его батарея была заряжена на полную. Единственная проблема — и его, и Луизы — состояла в том, что источник питания для этих батарей был краденым.

Когда рука справочной дамочки вновь возникла над столом, она держала два ламинированных розовых биджики с надписью: **ИНТЕНСИВНАЯ ТЕРАПИЯ/ПОСЕТИТЕЛЬ.**

— Вот, пожалуйста, сэр. — Ее учтивый и вежливый тон был совсем не похож на ее прежнюю манеру общения. — Простите за задержку.

— Спасибо, — сказал Ральф с нажимом. Он взял биджики и сжал руку Луизы. — Пойдем, дорогая. Нам надо

[Ральф, что ты с ней СДЕЛАЛ?]

[Ничего. По-моему, с ней все в порядке.]

успеть до того, как закончатся часы посещения.

Луиза взглянула на женщину за окошком. Она уже общалась со следующим посетителем, но как-то медленно и заторможенно, как будто только что совершила какое-то важное открытие, и теперь ей надо его обдумать. Синее сияние теперь осталось только на кончиках ее пальцев, но пока Ральф с Луизой смотрели, и оно тоже исчезло.

[Да... с ней ДЕЙСТВИТЕЛЬНО все в порядке. Так что не надо себя корить.]

[А я разве корю?]

[Я думаю, да... мы снова общаемся так...]

[Я знаю.]

[Ральф...]

[Да?]

[И это чудесно, правда?]

[Да.]

Ральф попытался скрыть от Луизы окончание этой ответной мысли: когда с тобой происходит что-то чудесное, потом обычно приходится за это платить. И цена, как правило, бывает высокой. Очень высокой.

4

[Не смотри на этого ребенка, Ральф. Его мама, похоже, нервничает.]

Ральф взглянул на женщину, у которой на руках спал ребенок, и понял, что Луиза права... но ему было сложно не смотреть. Ребенок — ему было не больше трех месяцев — лежал в капсуле переливчатого желто-серого света. Эта капсула света крутилась вокруг маленького тельца с бешеной скоростью атмосферы какого-нибудь газового гиганта — Юпитера, например, или Сатурна.

[Боже, Луиза, это же повреждение мозга, правда?]

[Да. Женщина говорит, что это была автомобильная катастрофа.]

[Говорит? Ты что, с ней разговаривала?!]

[Нет. Это...]

[Я не понимаю.]

[Добро пожаловать в клуб.]

Огромный больничный лифт медленно ехал вверх. Те, кто был внутри — один человек на костылях и несколько вполне здоровых людей, которые как бы стыдились своего хорошего самочувствия, — угрюмо молчали: либо сосредоточенно изучали индикатор этажей, либо пристально вглядывались в свою обувь. Единственное исключение — женщина с ребенком, окруженным взвихренным светом. Она смотрела на Ральфа с недоверием и тревогой, как будто боялась, что он вырвет ребенка у нее из рук.

Дело не в том, что я на него смотрю, подумал Ральф. То есть, по-моему, не в этом. Она почувствовала, что я думаю про ее ребенка. Почувствовала... ощутила... услышала... в общем, что-то такое.

Лифт остановился на втором этаже, и двери открылись. Женщина с ребенком повернулась к Ральфу. Младенец зашевелился, и Ральф увидел его макушку. В маленьком черепе была глубокая трещина, и по всей ее длине шел красный шрам. Ральфу он показался похожим на тухлую воду, застоявшуюся в канаве. Уродливая серо-желтая аура, которая окружала ребенка, сочилась из этого шрама, как пар из трещины в земле. Веребочка малыша была такого же цвета, что и аура, но она была не похожа на те веревочки, которые Ральф видел раньше, — она была короткая и уродливая. Какой-то обрубок, а не веревочка.

— Ваша мать вас не учила хорошим манерам? — спросила женщина у Ральфа, и его задело не само замечание, а тон, которым оно было сделано. Похоже, он перепугал ее не на шутку.

— Мэм, уверяю вас...

— Не надо меня уверять, — резко проговорила она и вышла из кабины. Двери лифта начали закрываться. Ральф переглянулся с Луизой, и она понимающе кивнула. Она погрозила дверям пальцем, как бы осуждая их, и из кончика ее пальца вылетела серая субстанция, похожая на проволочную сетку. Двери застопорились и разъехались, как и было запрограммировано в случае появления препятствий.

[Мэм!]

Женщина остановилась и обернулась, явно смущенная. Она подозрительно оглядела лифт, пытаясь понять, кто говорит. Ее аура была темно-желтого цвета, оттенка сливочного масла, внутри мелькали редкие оранжевые искры. Ральф посмотрел ей в глаза.

[Простите, если я вас напугал. Для меня и моей подруги это все еще внове. Мы как дети на официальном приеме. Так что простите, пожалуйста.]

[-----]

Он так и не понял, что она пыталась сказать — впечатление было такое, что их разделяла звуконепроницаемая стена, — но он почувствовал ее облегчение, и странное смущение, и неловкость... какую обычно испытывает человек, когда его застают за каким-то непристойным занятием. Ее сомневающиеся глаза еще на мгновение задержались на его лице, а потом она отвернулась и быстро пошла по коридору к дверям с надписью: НЕВРОЛОГИЧЕСКОЕ ОТДЕЛЕНИЕ. Серая сетка, которую Луиза набросила на двери, уже заметно истончилась, и когда двери снова начали закрываться, они прошли сквозь нее. Кабина медленно поехала дальше вверх.

[Ральф... Ральф, по-моему, я знаю, что случилось с этим ребенком.]

Она протянула руку к его лицу ладонью вниз и провела ею между его носом и ртом, прижав большой палец к одной его скуле, а указательный — к другой. Все это было проделано так быстро и ловко, что никто из стоящих в лифте ничего не заметил, а если бы и заметил, то подумал бы, что жена, у которой пунтик по поводу чистоты, стирает со щеки мужа крем или пену для бритья.

Ральф почувствовал себя так, как будто у него в мозгах кто-то дернул большой многовольтный рычаг и включил огромные прожекторы, которые обычно используют на стадионах. И в этой секундной, но ослепительно яркой вспышке он увидел ужасную картину: руки в окружении ядовитой коричнево-лиловой ауры тянутся к колыбельке и достают ребенка. Потом его принялись трясти, от чего его маленькая головка беспомощно болталась на тонкой шейке, как головка тряпичной куклы...

А потом его бросили...

Ослепительные огни в голове погасли, и Ральф вздохнул с облегчением. Он подумал обо всех этих «Друзьях жизни», которых он видел вчера в вечерних новостях, обо всех этих людях, которые размахивали плакатами с портретами Сьюзан Дей и надписями РАЗЫСКИВАЕТСЯ ЗА УБИЙСТВО, обо всех этих

людях в одеждах Мрачного Жнеца, с большим транспарантом:
ЖИЗНЬ — КАКОЙ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫЙ ВЫБОР.

Интересно, а если бы можно было спросить мнение этого малыша, которого они только что видели... ему наверняка было бы что сказать. Ральф встретился взглядом с Луизой. Ее глаза были полны отчаяния. Он взял ее за руку.

[Это сделал его отец, да? Бросил ребенка об стену?]

[Да. Потому что маленький плакал и не давал ему спать.]

[И она это знает. Знает, но никому не сказала.]

[Нет, пока не сказала... но скажет, Ральф. Она уже думает об этом.]

[А что, если она решит дождаться следующего раза. А следующий раз может стать последним...]

И тут ему в голову пришла ужасная мысль: она пронзила его мозг, как метеор, оставляющий огненный след в ночном летнем небе. Вербочка этого ребенка была всего лишь обрубком, но здоровым обрубком. Этот ребенок может прожить еще много лет, не зная, кто он и где он и что происходит вокруг. Для него окружающий мир будет то появляться, то исчезать — как деревья в тумане...

Луиза стояла, опустив плечи и глядя в пол. Ее печаль ранила сердце Ральфа. Он протянул руку и приподнял ее голову, так чтобы она смотрела на него. У нее в глазах стояли слезы, и это его не удивило.

— Ты все еще думаешь, что это чудесно, Луиза? — спросил он тихо, но не получил ответа: ни вслух, ни безмолвно.

5

На третьем этаже, кроме Ральфа и Луизы, никто больше не вышел. Тишина здесь была густой, как слой пыли под библиотечными шкафами. В середине коридора стояли две медсестры, прижимая к белым накрахмаленным животам папки с бумагами. Глядя на них, можно было бы подумать, что они разговаривают о жизни, смерти и о том, как бороться с болезнями. Но Ральфу с Луизой стоило лишь взглянуть

на их ауры, чтобы понять, что медсестры заняты в данный момент очень сложным вопросом: куда пойти выпить, когда закончится смена.

Ральф видел все это и в то же время как будто не видел — как человек, полностью погруженный в какие-то свои мысли, выполняет правила дорожного движения и соблюдает сигналы светофора, не задумываясь о них и не особенно обращая на них внимания. Сейчас его разум был занят мертвенным ощущением дежавю, которое тут же нахлынуло на него, как только они с Луизой вышли из лифта в мир, где даже легкий стук туфель медсестры по линолеуму звучит почти так же громко, как сирены «скорой».

Четные номера по левую руку, нечетные по правую, подумал он, а 317-я, где умерла Каролина, дальше по коридору, около сестринского поста, да, теперь я вспоминаю. Теперь, когда я здесь, я вспоминаю все. Как кто-то всегда переворачивал вверх ногами табличку в кармашке у нее на двери. Как в солнечные дни свет из окна падал прямо на кровать желтым прямоугольником. Как я сидел в кресле и наблюдал за сестрой на посту, в чьи обязанности входило следить за сигналами на мониторах, отвечать на звонки и заказывать пиццу.

То же самое. Все то же самое. Ральф как бы снова вернулся в начало марта. Хмурый пасмурный день, ближе к вечеру. По окну палаты № 317 стучит снег с дождем. Ральф сидит в кресле для посетителей с книгой в руках. «Взлет и падение Третьего рейха» Ширера. Он сидит здесь с раннего утра, но так и не прочел ни строчки. Даже не открывал книгу. Он сидит и не хочет вставать, даже чтобы сходить в туалет, потому что часы смерти уже скоро должны были остановиться. Каждое их «тик-так» было как пытка, а паузы между «тик-таками» были длиной в целую жизнь; женщина, с которой он прожил всю жизнь, уже готовилась сесть на поезд, и он хотел быть на платформе, чтобы ее проводить и помахать вслед поезду. У него есть единственный шанс, чтобы сделать все правильно. Другого шанса уже не будет.

Ему было слышно, как за окном шуршит дождь со снегом, потому что в палате было совсем тихо — оборудование жизне-

обеспечения отключили. Ральф сдался в последнюю неделю февраля, Каролина, которая никогда не славалась, боролась немного дольше. Боролась до последнего. Но в тяжелом десятираундовом поединке Каролина Робертс против рака мозга победителем все-таки вышел рак, тяжеловес-чемпион всех времен и народов. Но почему? Почему?

Он сидел в кресле для посетителей, наблюдал и ждал, а ее дыхание становилось все более и более громким в глухой тишине: длинный выдох, похожий на вздох, плоская неподвижная грудь, растущая уверенность в том, что последний вздох был и вправду последним, что часы остановились, поезд прибыл на станцию, чтобы забрать единственного пассажира... а потом — еще один бессознательный глубокий вдох, когда она вновь набирает в легкие вдруг ставший враждебным воздух, она больше не дышит в общепринятом смысле слова, лишь рефлексивно перебирается от одного вдоха до другого, как пьяный, который, держась за стенку, идет к двери своей квартиры по длинному коридору — от одной двери к другой.

Тук-тук-тук, изморось стучит невидимыми пальцами по стеклу, а серый и грязный мартовский день превращается в серый и грязный мартовский вечер. Каролина продолжает сражаться, идет последний раунд. Разумеется, она уже мало что понимает и действует только на автомате; у нее больше нет мозга — настоящего, живого мозга. Вместо него появился мутант — глупая черно-серая масса, которая не может ни думать, ни чувствовать, только жрать, жрать и жрать, до тех пор, пока не сожрет себя самое.

Тук-тук-тук, и он видит, что Т-образный дыхательный аппарат у нее в носу съехал набок. Он ждет, пока она сделает очередной трудный вдох, и потом, когда она вдохнула, наклоняется и поправляет пластиковую трубочку. Тогда на пальцах осталась слизь, он хорошо это помнит, и он вытер ее салфеткой из коробки, стоявшей на тумбочке. Потом откинулся на спинку кресла в ожидании следующего вдоха, чтобы убедиться, что аппарат не выскочит, но следующего вдоха уже не было,

и он понял, что призрачное тиканье часов смерти, которое с прошлого лета не прекращалось ни на секунду, теперь затихло.

Он помнил, как ждал, а минуты скользили мимо — одна, потом три, потом шесть, — чего-то ждал и не мог поверить, что все счастливые годы и счастливые времена (несчастливые просто не в счет) закончились вот так: банально и скучно. Радио, настроенное на какую-то местную развлекательную станцию, тихо играло в углу, и он слушал «Ярмарку в Скарборо» Саймона и Гарфункела. Песня закончилась. Уэйн Ньютон запел «Данке Шен». И эта песня закончилась тоже. Дальше был прогноз погоды, но прежде чем ди-джей закончил говорить о том, какая будет погода в первый день одиночества Ральфа Робертса — какая-то чушь про облачно, с прояснениями, похолодание и северо-западный ветер, — Ральф наконец осознал: часы больше не тикают, поезд пришел, боксерский матч закончился. Все метафоры исчезли, осталась лишь женщина, которая больше не дышит. И Ральф заплакал. Потом встал, прошел в угол и выключил радио, глотая слезы. Он вспомнил то лето, когда они брали уроки рисования пальцами, и ту ночь, когда они рисовали пальцами на обнаженных телах друг друга. От этого воспоминания он расплакался еще пуше. Он подошел к окну и прижался головой к холодному стеклу. Он очень долго стоял так и плакал. Тогда ему хотелось только одного — умереть тоже. Сиделка услышала, как он плачет, и вошла в палату. Попыталась проверить пульс у Каролины. Ральф обозвал ее душой. Она подошла к нему, и ему вдруг показалось, что сейчас она будет проверять пульс и у него тоже. Но вместо этого она обняла его. Она...

[Ральф? Ральф, с тобой все в порядке?]

Он посмотрел на Луизу, открыл было рот, чтобы сказать ей, что с ним все нормально, но потом вспомнил, что в таком состоянии, когда они читают мысли друг друга, ему будет трудно скрыть от нее правду.

[Мне просто грустно. Так много воспоминаний. Нехороших воспоминаний.]

[Я понимаю... но посмотри вниз, Ральф. Посмотри на пол.]

Он взглянул вниз, и его глаза широко распахнулись от удивления. Пол был покрыт множеством разноцветных следов. Некоторые были совсем-совсем свежими, но большинство уже поблекли. Два следа сразу же выделялись на фоне остальных — как бриллианты среди горы стекляшек. Золотисто-зеленые следы с маленькими красноватыми пятнышками.

[Это следы тех, кого мы ищем, Ральф?]

[Да, доктора уже здесь.]

Ральф взял Луизу за руку — ее рука была очень холодной — и медленно повел ее по коридору.

Глава 17

1

ни не успели пройти и десяти шагов, как вдруг случилось что-то непонятное и даже слегка пугающее. На мгновение мир вокруг них взорвался ослепительным белым светом. Двери комнат, расположенных вдоль коридора, едва различимого в этой яркой белой дымке, выросли до размеров самолетных ангаров. Сам коридор как будто удлинился и одновременно стал выше. Ральф почувствовал, что его сердце уходит в пятки, как часто случалось в детстве, когда он катался на американских горках «Пыльный Дьявол» на пляже Старый Сад. Он услышал, как Луиза застонала и стиснула его руку.

Белый туман продержался всего секунду, а когда цвета снова вернулись, они стали свежее и ярче. Перспектива тоже вернулась в норму, но предметы сделались как-то четче. Ауры остались на месте, только теперь они выглядели тоньше и бледнее — легкие пастельные ореолы вместо кричащего буйства красок. Ральф вдруг осознал, что может разглядеть каждую трещинку на стене слева... и даже увидеть трубы, про-

вода и изоляцию внутри стен, если ему захочется; все, что для этого нужно, — просто смотреть.

О Боже, подумал он. Это все происходит на самом деле? По-настоящему?!

Звуки были везде: тихий звон колокольчика, подтекающий туалет, приглушенный смех. Звуки, которые человек всегда воспринимает как часть повседневной жизни и перестает их слышать. Всегда — но не теперь. Не здесь. Как и видимые предметы, звуки казались непривычными для слуха. Они были исполнены странной ласкающей чувственности — как шелест шелка по стали. Нет, даже не так: как набегающие друг на друга чешуйки из шелка и стали.

Не все звуки были привычными; среди них пробивались довольно странные. Ральф услышал, как в трубе вентиляции жужжит муха. Противный наждачный звук — медсестра подтягивает колготки в служебном туалете. Биение сердец. Кровь, текущая по венам. Мягкие периодические толчки дыхания. Каждый звук был сам по себе совершенен; сложенные все вместе, они сплетались в сложный и очень красивый аудиобалет, невидимое «Лебединое озеро» бурлящих желудков, гудящих силовых линий, ураганных фенов, шепчущих колес больничных каталок. Ральф услышал телевизор в конце коридора, рядом с постом дежурной сестры. Звук шел из 340-й палаты, где мистер Томас Рен, пациент с больными почками, смотрел «Крутого парня и красотку» с Ланой Тёрнер и Кирком Дугласом. «Если мы будем держаться вместе, малышка, мы тут весь город на уши поставим», — говорил Кирк, и Ральф понял по ауре слов, что в тот день, когда снимали эту сцену, у мистера Дугласа болел зуб. И это было еще не все — он мог проникнуть

(выше? глубже? шире?)

если бы захотел. Но он этого не хотел. Вокруг был арденнский лес, и в этих чащобах было очень легко заблудиться.

Или попасть в лапы к тиграм.

[Господи Иисусе! Это же другой уровень... совершенно другой уровень, Луиза!]

[Я знаю.]

[С тобой все в порядке?]

[Думаю, да, Ральф... а ты как?]

[Да вроде пока все нормально... но если дно снова провалится, то я даже не знаю, что тогда будет. Пойдем.]

Но прежде чем они снова пошли по зелено-золотым следам, из триста тринадцатой палаты вышли Билл Макговерн и какой-то незнакомый мужчина. Они, видимо, были увлечены разговором и не заметили Ральфа с Луизой.

Луиза повернулась к Ральфу. Ее лицо было искажено ужасом.

[О нет! Господи, нет! Ральф, ты видишь? Ты видишь?]

Ральф крепче сжал ее руку. Да, он все видел. Спутник Макговерна был окружен аурой сливового цвета. Она смотрелась не слишком здоровой, но Ральф сомневался, что этот человек серьезно болен: просто полный набор всякой хронической чепухи вроде ревматизма или песка в почках. Из верхушки его ауры торчала веревочка такого же темно-пурпурного цвета. Она колыхалась туда-сюда, как пучок водорослей в спокойном море.

А вот аура Макговерна была абсолютно черной, а вместо веревочки был жесткий обрубок. Веревочка того малыша с аурой, расцвеченной молниями, была короткой, но здоровой; тут же был явственно виден гниющий обрубок после жестокой ампутации. В голове у Ральфа возникло видение, яркое и короткое, как моментальная галлюцинация: глаза у Макговерна выкатились и с мерзким хлюпом выпали из глазниц, выдавленные копошащейся черной массой — крошечными жучками. Ему пришлось крепко зажмуриться, чтобы не закричать, а когда он открыл глаза, Луизы уже не было рядом.

2

Макговерн и его спутник шли в сторону поста дежурной сестры, может быть, к питьевому фонтанчику. Луиза бежала за ними. Ее аура вспыхивала розоватыми искрами, похожими на неоновые звездочки. Ральф бросился следом. Он не знал, что случится, когда Луиза заговорит с Макговерном, и не хо-

тел это проверять. Хотя у него было стойкое ощущение, что проверить все равно придется.

[Луиза! Луиза, не делай этого!]

Она как будто его и не слышала.

[Билл, подожди! Послушай меня! С тобой что-то не так!]

Макговерн не обращал на нее внимание; он был занят разговором о рукописи Боба Полхерста «В конце того лета».

— Лучшая книга о Первой мировой из всех, что мне довелось прочитать, — говорил он человеку со сливовой аурой. — Но когда я предложил ему ее опубликовать, он наотрез отказался. Ты представляешь?! Он мог бы получить Пулитцеровскую премию, но...

[Луиза, вернись, не подходи к нему!]

[Билл, Билл! Билл...]

Луиза догнала Макговерна прежде, чем Ральф успел ее остановить.

Она положила руку на плечо Билла. Ральф видел, как ее пальцы провалились в окружающую его тьму... и проскользнули сквозь него.

Ее аура сразу же изменилась и превратилась из серо-голубой с розоватыми вспышками в красную — яркую, как огонь. Теперь ее пронзали тонкие ленты черного, как тучи мелких роящихся насекомых. У нее на лице отразилась смесь страха и омерзения. Она поднесла руку к глазам и опять закричала, хотя Ральф ничего на ней не увидел. Узкие черные полосы медленно кольхались по контуру ее ауры, они были похожи на планетарные орбиты на карте Солнечной системы. Луиза развернулась и побежала назад. Ральф схватил ее за руку, и она больно ударила его. Казалось, она вообще его не видит.

Макговерн и его приятель продолжали свой путь к питьевому фонтанчику, по-прежнему не замечая Луизу, которая кричала и билась в объятиях Ральфа буквально в десяти шагах у них за спиной.

— Когда я спросил Боба, почему он не хочет публиковать книгу, — продолжал Макговерн, — он сказал, что уж я-то, как никто другой, должен был знать причину. А я ему говорю...

Луиза вопила почище пожарной сирены, заглушая его слова.

[!!!——!!!——!!!]

[Прекрати, Луиза! Прекрати сейчас же! Что бы с тобой ни случилось, все уже кончилось! Это кончилось, и с тобой все в порядке!]

Но Луиза продолжала вырываться, разрывая ему мозги звуком своих истошных беззвучных криков. Она пыталась заставить его понять, как это было ужасно: гниющая аура Билла. Какие-то штуки у него внутри поедают его заживо, и хотя это жутко, это еще не самое страшное. Эти штуки живые, сказала она, они очень злобные, и они знали, что она рядом.

[Луиза, я с тобой! Я с тобой, и все будет хорошо...]

Слепо отбиваясь, Луиза случайно заехала Ральфу кулаком под подбородок, и у него искры из глаз посыпались. Он понял, что они перешли на такой слой реальности, где физический контакт с другими людьми был невозможен — ведь он только что видел, как рука Луизы прошла сквозь тело Макговерна, как рука призрака, — но друг для друга они были по-прежнему реальны и ощутимы. И тому доказательство — здоровенный синяк у него на подбородке.

Он крепко обнял ее, не давая размахивать кулаками. Ее крики

[!!!——!!!——!!!]

по-прежнему не умолкали у него в голове. Он сжал ее плечи. Он чувствовал, что из него снова исходит сила — как и сегодня утром, — только на этот раз все было совсем по-другому. Синий свет окружил разбушевавшуюся черно-красную ауру Луизы, возвращая ее в нормальное состояние. Она наконец перестала вырываться. Теперь Ральф слышал ее неровное дыхание. Синий свет начал рассеиваться и гаснуть. Черные полосы исчезали из ее ауры одна за другой сверху вниз, тревожная тень нездорового красного постепенно бледнела. Она положила голову ему на плечо.

[Извини, Ральф, я снова взорвалась, да? Загрохотала, как бомба?]

[Я думаю, да, но не переживай. Теперь ты в порядке. И это самое главное.]

[Если бы ты знал, как это было ужасно... прикоснуться к нему так...]

[Ты держалась молодцом, Луиза.]

Она посмотрела в конец коридора, где приятель Макговерна пил из фонтанчика. Билл стоял, привалившись к стене, и рассказывал о том, как Единственный и Неповторимый Боб Полхерст решал кроссворды из «Санди таймс» сразу чернилами.

— Он шутил, что это не от гордыни, а от непрошибаемого оптимизма, — говорил Макговерн, и черная дымка кокона смерти медленно кружилась вокруг него, колыхалась у рта, переливалась между пальцами каждый раз, когда он жестикулировал при разговоре.

[Мы ведь не сможем ему помочь, правда, Ральф? Мы ничего не сможем сделать?]

Ральф обнял ее крепче. Он заметил, что ее аура почти вернулась в нормальное состояние.

Макговерн и его спутник пошли обратно по коридору в сторону Ральфа с Луизой. Не задумываясь о том, что он делает, Ральф отпустил Луизу и шагнул к мистеру Сливному, который слушал скорбную повесть Макговерна о трагедии старости, кивая в нужных местах.

[Ральф, не делай этого!]

[Все в порядке, не переживай.]

Но Ральф вовсе не был уверен, что все действительно в порядке. Может быть, он бы и передумал, будь у него пара лишних секунд. Но прежде чем он успел отойти в сторону, Сливиный посмотрел ему в глаза невидящим взглядом и прошел прямо сквозь него. Ощущение, которое Ральф испытал при этом, было знакомым — такое же покалывание ты чувствуешь, когда начинает оживать затекшая конечность. На мгновение его аура слилась с аурой Сливиного, и Ральф узнал о нем все, что вообще можно знать о человеке. Даже сны, которые тот видел в утробе матери.

Сливовый на секунду остановился.

— Что-то не так? — спросил Макговерн.

— Да нет, вроде бы все нормально, но... ты ничего не слышал? Как будто что-то бабахнуло... типа хлопушки или автомобильного выхлопа?

— Нет, не слышал, но слух у меня далеко не такой, как раньше. — Макговерн хихикнул. — Но если что-то и правда рвануло, я очень надеюсь, что это не в радиационных лабораториях.

— Я тоже уже ничего не слышу. Наверное, мне просто показалось.

Они свернули в палату Боба Полхерста.

Миссис Перрин сказала, что это прозвучало, как выстрел, подумал Ральф. Подружке Луизы показалось, что по ней ползет жучок. Нормальная разница в восприятии. Как разные люди по-разному воспринимают одну и ту же мелодию. Другими словами, они чувствуют, когда мы их касаемся. Они могут не знать, что это, но они чувствуют.

Луиза взяла его за руку и подвела к двери палаты № 313. Заходить они не стали. Они остались стоять в коридоре, наблюдая за тем, как Макговерн усаживается в пластиковое кресло в изножье кровати. В палате собралось по крайней мере человек восемь, поэтому Ральф не мог нормально разглядеть Боба, но он ясно видел одно: веревочка Полхерста была неповрежденной. Она была покорежена, как ржавая выхлопная труба, расслоившаяся в одних местах и треснувшая в других... но она все еще держалась. Он обернулся к Луизе.

[Вполне вероятно, что эти люди будут ждать дольше, чем они рассчитывают.]

Луиза кивнула и обратила его внимание на зелено-золотистые следы, отмечавшие путь людей в белом, маленьких лысых докторов. Они шли мимо 313-й палаты, но сворачивали к следующей, 315-й. К палате Джимми Ви.

Ральф с Луизой прошли туда и заглянули в палату. У Джимми Ви было три посетителя, хотя один из них — тот, кто сидел у кровати — считал себя единственным. Это был Фэй Чапин.

Он лениво просматривал стопку открыток с пожеланиями скорейшего выздоровления, скопившуюся на столике у кровати Джимми. Разумеется, он не видел двух маленьких лысых докторов — тех самых, которых Ральф в первый раз увидел на веранде дома Мэй Лочер. Они стояли в изножье кровати, такие тихие, торжественные в своих ослепительно белых халатах. Теперь, когда Ральф увидел их поближе, он сумел разглядеть характер в их нечетких, почти одинаковых лицах — характер, которого он не заметил, даже глядя в бинокль. Хотя, может быть, для того чтобы это увидеть, нужно было подняться на новый уровень восприятия. Больше всего Ральфа поразили их глаза — темные, без зрачков, они сверкали насыщенным золотистым светом. Эти глаза светились умом и живым сознанием. Ауры сияли вокруг них, как мантии императоров...

...или, возможно, Центурионов на торжественном параде.

Они взглянули на Ральфа с Луизой, которые стояли в дверях, как дети, заблудившиеся в заколдованном лесу, и улыбнулись им.

[Здравствуй, женщина.]

Это был Доктор номер раз. В правой руке он держал ножницы с длинными острыми лезвиями. Доктор номер два шагнул им навстречу и изобразил забавный полупоклон.

[Здравствуй, мужчина. Мы вас ждали.]

}

Ральф почувствовал, что Луиза еще крепче сжала его руку и тут же ее отпустила. Очевидно, она поняла, что прямо сейчас им не грозит никакая опасность. Она шагнула вперед, переводя взгляд с одного лысого доктора на другого.

[Кто вы?]

Док номер раз скрестил руки на груди, так что длинные лезвия ножниц легли вдоль его обтянутого белым предплечья.

[У нас нет имен, в том смысле, в котором вы, краткосрочники, их понимаете. Но вы можете называть нас в честь богинь судьбы из легенды, которую ты, человек, уже вспоминал. Это

вообще-то женские имена, но нас это не волнует, потому что мы — существа бесполое. Я буду Клото, хотя я и не пряду нить, а мой коллега и старый друг будет Лахесис, хотя он не тянет жребий и не бросает монеток. Подойдите, пожалуйста, ближе. Вы оба.]

Они осторожно прошли в палату и встали между креслом для посетителей и кроватью. Ральф почему-то был уверен, что доктора не хотят причинить им вреда — по крайней мере сейчас, — но ему все равно не хотелось подходить к ним слишком близко. Их ауры, такие яркие и необычные по сравнению с нормальными человеческими, немного его пугали. И Луизу, наверное, тоже — судя по ее широко распахнутым глазам и приоткрытым губам. Луиза почувствовала, что Ральф на нее смотрит, повернулась к нему и попыталась улыбнуться. *Моя Луиза*, подумал Ральф и приобнял ее за плечи.

Лахесис: *[Мы вам назвали наши имена — во всяком случае, те имена, по которым вы можете к нам обращаться. Может быть, вы назовете свои?]*

Луиза: *[Вы хотите сказать, что вы до сих пор их не знаете? Извините, но что-то с трудом в это верится.]*

Лахесис: *[Мы могли их узнать, но решили этого не делать. Обычно, когда это возможно, мы соблюдаем правила вежливости, принятые у краткосрочников. Нам они кажутся милыми и забавными, потому что, передаваясь из поколения в поколение, они создают вам иллюзию долгой жизни.]*

[Я не понимаю.]

Ральф тоже не понял и не был уверен, что хочет понять. Ему показалось, что тот, кто назвался Лахесисом, говорит в несколько покровительственном тоне, напоминающем тон Макговерна, когда тот изображал из себя всезнающего профессора или непогрешимого папу римского.

Лахесис: *[Это не важно. Мы были уверены, что вы придете. Мы знали, что ты, человек, наблюдал за нами тогда, в понедельник, у дома.]*

На этом месте в речи Лахесиса произошло странное совмещение. Он как будто сказал две вещи одновременно, две фра-

зы, свернутые вместе наподобие змеи, кусающей собственный хвост:

[Мэй Лочер] [женщины, которая скончалась.]

Луиза нерешительно шагнула вперед.

[Меня зовут Луиза Чесс. А это мой друг, Ральф Робертс. А теперь, когда мы представились друг другу по всем правилам, может быть, вы, ребята, нам объясните, что тут происходит?]

Лаксисис: *[Следует назвать еще одного.]*

Клото: *[Ральф Робертс уже назвал его.]*

Луиза посмотрела на Ральфа, который кивнул в ответ.

[Вы говорите о Докторе номер три, да, ребята?]

Клото с Лаксисисом кивнули и изобразили одинаковые одобренные улыбки.

Ральф подумал, что он, наверное, должен чувствовать себя польщенным, а он почему-то не чувствовал. Вместо этого он испугался и разозлился — они ловко им манипулировали, каждым его шагом. Это была не случайная встреча, все было спланировано заранее. Клото с Лаксисисом — просто парочка лысых недомерочных докторов, которым плевать на время — засели в палате у Джимми Ви и ждали прибытия краткосрочников, ха-ха три раза.

Ральф взглянул на Фэя и увидел, что тот достал из заднего кармана книжку «50 классических шахматных задач» и погрузился в чтение, задумчиво ковыряя в носу. После недолгих предварительных исследований он засунул палец достаточно глубоко и вынул большую козявку, которую рассеянно прилепил на внутреннюю поверхность прикроватного столика. Ральф смущенно отвернулся, вспомнив поговорку своей бабушки: «Не хочешь проблем — не подглядывай в замочную скважину». Он дожил почти до семидесяти, так и не уяснив этой простой мудрости, но сейчас, как ему показалось, он наконец проникся. И тут ему в голову пришел еще один очень важный вопрос:

[Почему Фэй нас не видит? Почему Билл и его друг нас не видели? И как тот человек смог пройти прямо сквозь меня? Или мне просто показалось?]

Клото улыбнулся.

[Нет, не показалось. Попробуй представить жизнь как большое высокое здание, Ральф... вы называете эти здания небоскребами.]

На самом деле образ, предложенный Клото, был не совсем верным. На мгновение Ральф поймал мысленную картинку из чужого мозга. Картинка была завораживающей и немного пугающей: огромная башня из темного закопченного камня посреди поля красных роз. Узкие длинные окна скручивались спиралью ближе к ее вершине.

Потом видение исчезло.

[Ты сам, и Луиза, и все краткосрочники живут на первых двух этажах этого сооружения. Конечно, там есть подъемники...]

Нет, подумал Ральф. Только не в этой башне, которую я увидел в твоём сознании, мой маленький лысый друг. В этом здании, если оно вообще существует, нет никаких подъемников. Только узкие лестницы, затянутые паутиной, и двери, ведущие бог знает куда.

Лаксис взглянул на него со странным, почти удивительным любопытством, но Ральф решил, что ему нет дела до переживаний этого существа. Он повернулся к Клото и сделал ему знак продолжать.

Клото: *[Как я сказал, существуют подъемники, но краткосрочникам не разрешается их использовать в обычных обстоятельствах. Вы не [готовы] [приспособлены] [— — — —]*

Последнее объяснение было самым правильным, но оно ускользнуло от Ральфа, прежде чем он успел его уловить. Он взглянул на Луизу, которая лишь тряхнула головой, и опять повернулся к Клото с Лаксисом. Он разозлился еще больше. Все эти долгие, бесконечные ночи, когда он сидел в кресле-качалке в ожидании рассвета; все эти дни, которые он провел, чувствуя себя бесприютным призраком, заключенным в собственном теле; его неспособность запомнить коротенькое предложение из книжки, пока не прочтешь его раза три; телефонные номера, которые он всегда помнил наизусть, а теперь вынужден был смотреть в записной книжке...

И вот тут пришло воспоминание, что подводило итог всему и оправдывало ярость, которая закипала в нем всякий раз, когда

он смотрел на этих лысых созданий с их темно-золотыми глазами и почти ослепительной аурой. Он вспомнил, как всматривался в глубины своего буфета в поисках пакетика с растворимым супом, который — как настаивал его усталый, перенапряженный мозг — должен был быть где-то там. Он вспомнил, как продолжал искать этот чертов пакетик, даже когда уже понял, что его там нет. Он вспомнил выражение своего лица — выражение сдержанного недоумения, которое можно было бы принять за печать дебилизма, но которое было лишь проявлением крайнего утомления. Он вспомнил, как уронил руки и просто стоял перед открытым буфетом — как будто ждал, что кубик сам к нему выползет.

Только теперь он до конца осознал и прочувствовал, какими ужасными на самом деле были эти последние месяцы. Вспоминать о них — все равно что смотреть на пустынный пейзаж, выдержанный в унылых серо-фиолетовых тонах.

[Так получается, вы нас впустили в подъемник... или, может быть, это была бы слишком большая честь для таких, как мы... и вы просто пустили нас на пожарную лестницу. Дали нам время освоиться — типа на акклиматизацию, чтобы мы совсем уже не обессилили. А до этого вы лишили нас сна, так что мы чуть не спятели. Сын и невестка Луизы хотели сдать ее в дом престарелых, вы знали об этом? А мой друг Билл Макговерн считает, что мне прямая дорога в Джунипер-Хилл. А тем временем вы, ангелочки...]

Клото выдавил из себя бледную тень своей прежней широкой улыбки.

[Мы не ангелы, Ральф.]

[Ральф, пожалуйста, не кричи на них.]

Да, он действительно кричал, и, кажется, что-то дошло даже до Фэя. Он убрал свою шахматную книгу, прекратил ковыряться в носу и выпрямился в кресле, нервно оглядывая комнату.

Ральф перевел взгляд с Клото (который отступил на шаг назад и больше не улыбался) на Лахесиса.

[Твой друг говорит, вы не ангелы. А где тогда ангелы? Играют в покер семью или восемь этажами выше? А Господь Бог, видимо, должен тогда обретаться в пентхаузе, а дьявол — подбрасывать уголь в топку в котельной.]

Ответа не было. Клото с Лахесисом с сомнением переглянулись. Луиза дернула Ральфа за рукав, но он не обратил на нее внимания.

[И что вы теперь собираетесь делать, ребята? Выследить своего мелкого лысого Ганнибала Лектера и отобрать у него скальпель? А не пошли бы вы в задницу.]

После этой тирады Ральф должен был бы развернуться и выйти (он видел достаточно фильмов и знал, что это будет достойное завершение беседы), но Луиза вдруг разразилась слезами, и это его удержало. Упрек в ее взгляде заставил его пожалеть о своей вспышке... ну хотя бы немножечко пожалеть. Он обнял Луизу за плечи и с вызовом посмотрел на лысых докторов.

Они снова переглянулись и о чем-то посоветовались на уровне, не доступном Ральфу с Луизой. Когда же Лахесис вновь повернулся к ним, он улыбался, но его глаза были серьезными.

[Я чувствую твою ярость, Ральф, но это не праведный гнев. Сейчас ты не веришь, но потом все может измениться. А пока что мы вынуждены отложить на какое-то время и ваши вопросы, и те ответы, которые мы можем дать.]

[Почему?]

[Потому что пришло время разрезать нить этого человека. Смотрите внимательно, сейчас вы узнаете кое-что новое.]

Клото встал слева от кровати, Лахесис — справа, пройдя по пути сквозь Фэя Чапина. Фэй согнулся во внезапном приступе кашля, а потом, как только ему полегчало, снова открыл свою шахматную книжку.

[Ральф, я не могу на это смотреть! Я не хочу видеть, как они это делают!]

Но Ральф почему-то не сомневался, что она все-таки сможет. Они оба смогут.

Он чувствовал ее напряжение. Когда Клото с Лахесис склонились над Джимми Ви, их взгляды были исполнены любви, заботы и нежности. Ральф тут же вспомнил одну картину Рембрандта. «Ночной дозор», кажется, так она называлась. Их ауры слились, частично наложились друг на друга над телом Джимми, и тот вдруг открыл глаза. Он посмотрел сквозь докторов рассеянным и отсутствующим взглядом, а потом взглянул на дверь и улыбнулся.

— Эй! Да вы посмотрите, кто здесь! — воскликнул Джимми Ви. Его голос звучал глухо и хрипло, но в нем все еще был слышен акцент бостонского умника, и «здесь» прозвучало как «здЭсь». Фэй подскочил на месте, уронив на пол книжку. Он взял Джимми за руку, но Джимми его не замечал — он смотрел на Ральфа с Луизой.

— Это же Ральф Робертс! И вдова Пола Чесса! Ральфи, ты помнишь тот день, когда мы пытались пройти на собрание секты возрожденцев и даже слышали, как они пели «Святая благодать»?

[Я помню, Джимми.]

Джимми попытался улыбнуться, и его глаза снова закрылись. Лахесис положил руки на щеки умирающего человека и слегка повернул его голову, как цирюльник, готовящийся брить клиента. Клото открыл ножницы и обхватил лезвиями веревочку Джимми. В тот момент, когда он шелкнул ножницами, Лахесис наклонился и поцеловал Джимми в лоб.

[Иди с миром, друг мой.]

Ножницы тихо шелкнули. Отрезанная веревочка поднялась к потолку и исчезла. Черный траурный кокон вокруг Джимми Ви на мгновение вспыхнул белым и тут же исчез, точно как у Розали. Джимми снова открыл глаза и посмотрел на Фэя. Ральфу показалось, что он пытается улыбнуться; а потом его взгляд как-то разом остекленел. Ямочки у него на щеках разгладились.

— Джимми? — Фэй потряс Джимми за плечо. При этом его рука прошла прямоком сквозь Лахесиса. — С тобой все в порядке, Джимми?.. О черт.

Фэй вскочил и бросился вон из комнаты.

Клото: *[Теперь вы понимаете, что все, что мы делаем, мы делаем с любовью и уважением? Что мы фактически просто целители последнего приюта? Это важно, Ральф и Луиза, чтобы вы это поняли. Это важно для наших с вами отношений. Вы понимаете?]*

[Да.]

[Да.]

Ральф не собирался соглашаться ни с чем из того, что они скажут, но эта фраза — целители последнего приюта — все же пробила в его затуманенный яростью разум. Это была чистая правда. Они освободили Джимми Ви от этого мира, где для него больше не было ничего, кроме боли. И они, без сомнения, были с Ральфом в тот дождливый вечер в палате № 317 почти семь месяцев назад и даровали Каролине такое же освобождение. И да, действительно: они делали свою работу с любовью и уважением — все сомнения, которые были у Ральфа на этот счет, исчезли в ту же секунду, когда Лахесис поцеловал Джимми Ви в лоб. Но вот в чем вопрос: несмотря на все их уважение и любовь, есть ли у Клото с Лахесисом право вернуть его (и Луизу тоже) в ад кошмарной бессонницы на грани безумия, а потом посылать их за неким сверхъестественным существом, которое явно съехало с катушек. Есть ли у Клото с Лахесисом право даже задумываться о том, что два обычных человека, и к тому же уже немолодых, способны справиться с такой тварью?

Лахесис: *[Давайте уйдем отсюда. Скоро здесь будет много народу, а нам нужно поговорить.]*

[А у нас есть какой-то выбор?]

Ответы:

[Да, конечно!] [Всегда есть выбор!]

Клото с Лахесисом двинулись к двери, и Ральф с Луизой отступили в сторону, чтобы дать им пройти. Их ауры на мгновение соприкоснулись с аурами лысых докторов, и Ральф почувствовал их вкус и структуру: сладкие яблоки и сухая светлая кора.

Как только они вышли, рука к руке, переговариваясь друг с другом очень серьезно и уважительно, в палату вернулся Фэй в компании двух медсестер. Вновь пришедшие прошли сквозь Клото с Лахесисом, потом и сквозь Ральфа с Луизой, не заметив никакого препятствия.

В коридоре больничная жизнь продолжалась в своем обычном приглушенном темпе. Не жужжали звонки, не мигали лампы, санитары не бегали по коридору, толкая перед собой каталки. Никто не орал через громкоговоритель. Смерть была здесь привычным гостем. Разумеется, не желанным, даже при таких обстоятельствах, когда она выступает как освобождение, — все же знакомым и даже будничным. Еще Ральф подумал, что Джимми Ви был бы доволен своим уходом с третьего этажа городской больницы — он ушел без суеты и тревоги, и ему даже не надо было предъявлять свои водительские права и страховку. Он умер с достоинством, с которым, как правило, и происходят простые, давно ожидаемые вещи. На пару секунд ты приходишь в сознание, твое восприятие расширяется, а потом — бац! — заberi мои печали и радости, черная птичка. Лети.

4

Ральф с Луизой присоединились к лысым докторам в коридоре у палаты Боба Полхерста. Сквозь открытую дверь они видели, что у смертного одра старого учителя продолжается скорбное бдение.

Луиза: *[Тот, кто стоит ближе всех к кровати, это Билл Макговерн, наш друг. С ним что-то не так. Происходит что-то ужасное. Если мы сделаем то, что вы от нас хотите, может быть, вы могли бы...]*

Но Лахесис с Клото лишь покачали головами.

Клото: *[Уже ничего нельзя изменить.]*

Да, подумал Ральф. Дорренс был прав: сделанного не воротишь. Время не повернешь вспять.

Луиза: *[Когда это должно случиться?]*

Клото: *[Ваш друг принадлежит не нам, а тому, кого Ральф называет Атропосом. Но и Атропос не знает точного часа смерти. Он даже не знает, кого он возьмет следующим. Атропос — агент Случайности, смерти наугад.]*

От этих слов сердце у Ральфа дрогнуло.

Лаксис: *[Здесь у нас не получится нормально поговорить. Идемте.]*

Лаксис взял Клото за руку, а другую руку подал Ральфу. Тем временем Лаксис приблизился к Луизе. Она нерешительно взглянула на Ральфа.

Ральф, в свою очередь, мрачно посмотрел на Лаксиса.

[Ты ее лучше не трогай.]

[Мы не сделаем вам ничего плохого, Ральф. Возьми меня за руку.]

Я чужой здесь, в рая, закончил Ральф про себя. Он молча вздохнул сквозь зубы, кивнул Луизе и взял протянутую руку Лаксиса. Его снова накрыла волна узнавания, такого же пронзительного и приятного, как неожиданная встреча со старым и добрым другом. Яблоки и древесная кора; воспоминания о фруктовых садах из детства. Он был уверен, хотя и не видел этого, что его аура изменила цвет и сделалась — пусть даже и ненадолго — такой же зелено-золотой, как у Клото с Лаксисом.

Луиза взяла Клото за руку, тихо вздохнула и нерешительно улыбнулась.

Клото: *[Замкните круг, Ральф и Луиза. Не бойтесь. Все хорошо.]*

Парень, а разве я когда-то в этом сомневался? — подумал Ральф, но когда Луиза взяла его за руку, он крепко сжал ее пальцы. Запах яблок и сухой коры разбавил еще один запах — темный и незнакомый. Ральф глубоко вдохнул этот странный аромат и улыбнулся Луизе. Она улыбнулась ему в ответ — робко и неуверенно, — и Ральф почувствовал какое-то смутное беспокойство или даже скорее смущение. Как ты можешь бояться? Как ты можешь сомневаться, когда то, что несут в себе эти странные существа, кажется таким правильным и хорошим?

Я это чувствую, Ральф, но все равно сомневаюсь, заявил внутренний голос.

[Ральф, Ральф!]

Голос Луизы звучал тревожно и возбужденно. Ральф огляделся вокруг, как раз вовремя, чтобы заметить, что верхняя часть двери палаты № 315 опускается вниз сквозь ее плечи... только это не дверь опускалась, а Луиза сама поднималась. Они все поднимались, по-прежнему стоя кружком и держась за руки.

Как только Ральф это понял, на него вдруг обрушилась темнота, словно кто-то закрыл плотные жалюзи. Сбоку промелькнули узкие трубы — наверное, часть водопроводной системы госпиталя, — окруженные ворсистыми подушками изоляции. Он посмотрел на другой конец длинного коридора. Больничная каталка ехала прямо к его голове, которая, как он только что сообразил, торчала наподобие перископа над полом четвертого этажа.

Ральф услышал крик Луизы и почувствовал, как сжалась ее рука. Он инстинктивно закрыл глаза, уже готовый к тому, что приближавшаяся каталка врежется ему в щеку.

Клото: *[Успокойтесь, пожалуйста, успокойтесь! Помните, что все это находится на другом уровне... не там, где вы сейчас!]*

Ральф открыл глаза. Каталки не было видно, но он все еще слышал шум ее удаляющихся колес. Теперь звук шел сзади. Каталка, как и друг Мактоверна, прошла сквозь него. Теперь они вчетвером медленно левитировали по коридору. Скорее всего это было детское отделение — судя по сказочным персонажам на стенах и героям диснеевских «Аладдина» и «Русалочки», нарисованным на окнах большой и светлой игровой комнаты. Мимо прошли доктор и медсестра, обсуждая какую-то историю болезни.

— ...повторные анализы все подтвердили, но если бы мы были уверены хотя бы на девяносто процентов...

Доктор прошел сквозь Ральфа, и Ральф узнал, что недавно тот снова начал украдкой курить, после пяти лет воздержания, и чувствует себя жутко виноватым по этому поводу. Ког-

да доктор с сестрой прошли дальше, Ральф глянул вниз как раз вовремя, чтобы увидеть, как его нога появляется из кафельного пола. Он повернулся к Луизе и улыбнулся.

[Это будет покруче лифта.]

Она кивнула. Ее рука была по-прежнему напряжена.

Они поднялись через пятый этаж, поравнялись с комнатой отдыха для врачей на шестом (там сидели два доктора — нормальных размеров: один смотрел телевизор, повтор какого-то старого сериала, а другой похрапывал на диване), миновали ее и оказались на крыше.

Ночь была восхитительная, ясная и безлунная. Звезды мерцали на небосклоне, как огни таинственного города. Дул сильный ветер, и Ральф вспомнил о миссис Перрин, которая сказала, что бабье лето уже закончилось. Теперь он проверил ее слова. Он слышал ветер, но не чувствовал его дуновения... хотя ему почему-то казалось, что он смог бы почувствовать, если бы захотел. Просто нужно сосредоточиться...

Как только он об этом подумал, он почувствовал, как в его теле что-то неуловимо изменилось. Всего на миг. Это изменение ощущалось как мерцающая вспышка. Его волосы вдруг отлетели со лба, и он услышал, как брючины хлопают по лодыжкам. Ему стало зябко. Миссис Перрин была права насчет того, что погода изменится. Вновь что-то мигнуло у Ральфа внутри, и он перестал ощущать давление ветра. Он посмотрел на Лахесиса.

[Могу я теперь отпустить вашу руку?]

Лахесис кивнул и разжал руку. Клото отпустил руку Луизы. Ральф посмотрел на город и увидел на западе мерцающие синие посадочные огни аэропорта. Дальше за ними светилась оранжевая решетка — Зеленый Мыс, новый район на той стороне Пустошей. И где-то среди этой россыпи огней к востоку от аэропорта была Харрис-авеню.

[Как красиво, да, Ральф?]

Он кивнул и подумал, что это стоит всех ужасов, которые случились с тех пор, как у него началась бессонница, — стоять тут на крыше и смотреть на сверкающий город, раскинувший-

ся среди тьмы. Но эта была не та мысль, которой можно было доверять.

Он повернулся к Клото с Лахесисом.

[Хорошо, теперь мы можем спокойно поговорить. Объясните, кто вы такие, кто он, ваш третий, и чего вы хотите от нас?]

Лысые доктора стояли между двумя вентиляторами, которые выбрасывали в воздух пурпурно-коричневые потоки. Они нервно переглянулись, и Лахесис почти незаметно кивнул Клото. Клото шагнул чуть вперед и оглядел Ральфа с Луизой, как бы собираясь с мыслями.

[Хорошо. Прежде всего вы должны понять, что все, что сейчас происходит — пусть это отчасти печально и неожиданно, — это вполне естественно. Мы с другом делаем то, что должны делать. Атропос делает то, что он должен делать. И вы, мои друзья-краткосрочники, будете делать то, что должны.]

Ральф одарил его кислой улыбкой.

[А как начет свободы выбора?]

Лахесис: *[То, что вы называете свободой выбора, только часть ка, великого колеса бытия.]*

Луиза: *[Мы видим мир, словно сквозь темную пелену... вы это хотите сказать?]*

Клото улыбнулся неожиданно юной улыбкой: *[Библия, да? Цитата очень к месту.]*

Ральф: *[И к тому же очень удобная для ребят вроде вас, но не будем об этом. У нас есть еще одно выражение, не из Библии, правда, но тоже хорошее: Не стоит золотить червонец золотой. Надеюсь, вы примете это к сведению.]*

Однако Ральф и сам понимал, что он слишком многого хочет.

5

Клото начал говорить, и говорил очень долго. Ральф понятия не имел, сколько именно, потому что время на этом уровне было другим — каким-то сжатым. Иногда просто не было таких слов, чтобы выразить то, о чем он говорил, тогда слова заменялись яркими образами наподобие картинок на детских

кубиках. Ральф предположил, что это была телепатия, и для него это было внове, но на таком уровне восприятия телепатия воспринималась так же естественно, как и дыхание.

Иногда не хватало ни слов, ни образов, и тогда в рассказе Клото возникали сбивчивые паузы.

[-----]

Но даже тогда Ральф обычно улавливал смысл того, что Клото пытался сказать, и ему казалось, что и Луиза тоже все понимает, причем даже лучше, чем он.

[Во-первых, вы должны знать, что в той области существования, где ваши жизни, и наши, и жизни тех, кто...

[-----]

[как бы накладываются друг на друга. Существуют только четыре константы: Жизнь, Смерть, Предопределенность и Случайность. Все эти слова что-то значат для вас, хотя ваши взгляды на Жизнь и Смерть слегка изменились в последнее время, правда?]

Луиза и Ральф нерешительно кивнули.

[Мы с Лахесисом — агенты Смерти. Вот почему нас боятся краткосрочники, даже те, кто, казалось бы, соглашается с нашим существованием и нашей задачей. Нас все равно боятся. На картинах нас обычно изображают в виде жутких скелетов или мрачных фигур в капюшонах, из-под которых не видно лица.]

Клото скрестил руки на груди и притворился, будто дрожит от страха. Пародия получилась вполне забавной, так что Ральф даже слегка усмехнулся.

[Но мы не только агенты Смерти, Ральф и Луиза. Мы также агенты Предназначения. А теперь слушайте очень внимательно, чтобы понять все правильно. Есть люди, которые верят, что все совершается по Плану; есть которые думают, что все события — дело случая или удачи. Правда в том, что жизнь подчиняется и Случайности, и Предназначению, хотя и не в равной мере. Жизнь похожа на...]

Тут Клото составил из рук окружность, как ребенок, который пытается изобразить форму земного шара, и в кольцо его рук Ральф увидел яркий и запоминающийся образ: тысячи (может быть, миллионы) игральных карт, развернутых в парящую

радугу червей, пик, бубен и трэф. В этой внушительной колоде было на удивление много джокеров; не так много, чтобы составить свою собственную масть, но пропорционально гораздо больше, чем два или три на обычную колоду. Каждый джокер криво ухмылялся, каждый был в мятой панаме с обгрызенными полями.

У каждого в руке был ржавый скальпель.

Ральф посмотрел на Клото широко распахнутыми глазами. Клото кивнул.

[Да. Я точно не знаю, что именно ты увидел, но знаю, что ты увидел то, что я пытался выразить. Луиза? А ты?]

Луиза, которая любила играть в карты, побледнела и тоже кивнула.

[Атмос — джокер в этой колоде, вот что ты хотел сказать.]

[Он — агент Случайности. Мы с Лаксисом служим другой силе, той, что управляет почти всеми событиями как в жизни отдельных людей, так и в общем потоке жизни. На вашем уровне, Ральф и Луиза, все создания — краткосрочники, и всем назначен свой срок. Я не имею в виду, что дитя появляется из утробы матери с биркой на шее: «Перерезать нить через 84 года 11 месяцев 9 дней 6 часов 4 минуты 21 секунду». Это было бы просто смешно. Но все же каждому определен свой промежуток времени, и, как вы уже поняли, одна из многих функций ауры краткосрочников — это отсчет времени.]

Луиза зашевелилась. Ральф повернулся к ней и обомлел: небо над ними уже светлело. Было, наверное, около пяти утра. Они приехали в больницу в девятом часу вечера, во вторник. А сейчас, значит, уже среда, шестое октября. Ральф, конечно, не раз слышал фразу «время летит незаметно», но это было невероятно.

Луиза: *[Ваша работа связана с тем, что мы называем естественной смертью, да?]*

Ее аура замигала смутными, незавершенными образами. Мужчина (покойный мистер Чесс, догадался Ральф) лежит на кровати в кислородной маске. Джими Ви открывает глаза за

секунду до того, как Клото перерезает его веревочку. Страница некрологов из «Дерри ньюс» с крошечными фотографиями, большинство из которых — не больше почтовой марки, недельный урожай местных больниц и домов престарелых.

Клото с Лахесисом покачали головами.

Лахесис: *[Не существует такого понятия, как естественная смерть. Наша работа — смерти целенаправленные. Да, мы забираем стариков и больных, но мы забираем не только их. Вчера, например, мы забрали молодого человека, ему было всего двадцать восемь. Плотник. Две ваши недели назад он упал с лесов и получил перелом черепа. Все эти две недели его аура была...]*

Ральф получил нечеткий образ расцвеченной молниями ауры, похожей на ауру того ребенка в лифте.

Клото: *[А потом его аура изменилась. Мы знали, что это произойдет, но не знали когда. Как только это случилось, мы пришли к нему и переправили его.]*

[Куда?]

Вопрос задала Луиза, затронув щекотливую тему жизни после смерти. Ральф мысленно подкрутил свой предохранительный клапан, почти надеясь, что в ответ он получит один из этих характерных пробелов, но их наложившиеся друг на друга ответы были на удивление ясны.

Клото: *[Везде.]*

Лахесис: *[В другие миры.]*

Ральф испытал смесь облегчения и разочарования.

[Звучит поэтично, но я думаю, что это значит — и поправьте меня, если я ошибаюсь, — что жизнь после смерти такая же тайна для вас, ребята, как и для нас.]

Лахесис, похоже, обиделся: *[Этот вопрос мы обсудим как-нибудь в другой раз, а сейчас нам есть о чем поговорить. Вы, наверное, уже заметили, что время идет быстрее на этом уровне.]*

Ральф огляделся и увидел, что уже почти рассвело.

[Прошу прощения.]

Клото улыбнулся: *[Ничего. Нам нравится, когда вы задаете вопросы, это так освежает. Любопытство, оно есть везде, где*

есть жизнь, но здесь его особенно много. Однако тому, что вы называете жизнью после смерти, нет места среди четырех констант: Жизни, Смерти, Случайности и Предопределенности, о которых сейчас идет речь.

[Приближение почти всех смертей, служащих Предназначению, весьма характерно. Ауры тех, кто умрет предназначенной смертью, становятся серыми при приближении конца. Потом серый темнеет до черного. Нас призывают, когда аура

[— — [и мы приходим, как вы это видели прошлой ночью. Мы даем облегчение страждущим, покой — испуганным, отдохновение — уставшим. Многие предназначенные смерти вполне ожидаемы, а иногда и желанны. Многие, но не все. Иногда нам приходится забирать совершенно здоровых мужчин, и женщин, и даже детей... просто их ауры внезапно меняются, и наступает время конца.]

Ральф вспомнил о юноше в вязаной безрукавке, которого он вчера вечером видел у «Красного яблока». Он был воплощением жизни и здоровья... если не считать масляной пленки, окружающей его ауру.

Ральф открыл было рот, собираясь спросить о том парне (или о его судьбе), но все-таки промолчал. Солнце уже стояло в зените, и к нему вдруг пришла странная уверенность: они с Луизой стали предметом грязных сплетен в тайном городе старых пердунов.

Кто-нибудь их видел?.. Нет?.. Думаешь, они сбежали вместе? Как влюбленная парочка?.. В их-то почтенном возрасте... а может, они и вправду любовники... Уж не знаю, остался ли у старины Ральфи порох в пороховницах, но она всегда мне казалась той еще штучкой... Да, походочка у нее что надо...

Ральф представил свой огромный, проржавелый от долгого неупотребления поршень, терпеливо ждущий своего часа, чтобы воспрять. Представил и усмехнулся. Просто не смог сдержаться. И тут ему в голову пришла одна жуткая мысль, что по его ауре можно читать мысли, и он поспешно выбросил из головы все эротические фантазии. Ему и так уже показалось, что Луиза поглядывает на него как-то уж слишком подозрительно.

Ральф снова переключился на Клото.

[Атропос служит Случайности. Конечно, не все те смерти, которые вы называете бессмысленными, ненужными или трагическими, — это его работа. Не все, но все-таки большинство. Когда дюжина старичков и старушек погибают при пожаре в доме престарелых, скорее всего это Атропос собрал сувениры и обрезал нити. Когда, казалось бы, без всяких причин умирает новорожденный ребенок, чаще всего виноват Атропос и его ржа-вый скальпель. Когда собака... да, даже собака, ведь жизни почти всех существ в вашем мире принадлежат Случайности и Предназначению... попадает под машину лишь потому, что водителю не вовремя стукнуло в голову взглянуть на часы...]

Луиза: *[Как это случилось с Розали?]*

Клото: *[Атропос — вот, что случилось с Розали. А друг Ральфа Джо Вайзер — это то, что мы называем «осуществившимся обстоятельством».]*

Лаксис: *[И Атропос — это то, что случилось с вашим другом, покойным мистером Макговерном.]*

Ральф понял, что Луиза чувствует себя точно так же, как и он сам, — она потрясена, но при этом не удивлена. Сейчас был уже поздний вечер, и прошло уже около восемнадцати человеческих часов с тех пор, как они в последний раз видели Билла, а Ральф еще прошлой ночью понял, что Биллу осталось недолго. И Луиза, которая прикоснулась к нему, тоже, наверное, поняла. Причем еще раньше, чем Ральф.

Ральф: *[Когда это случилось? Как скоро после того, как мы его видели в последний раз?]*

Лаксис: *[Достаточно скоро. Когда он выходил из больницы. Я искренне сожалею о вашей потере, а также о том, что я так нетактично сообщил вам эту печальную новость. Мы так редко разговариваем с краткосрочниками, что забываем, как это делается. Я не хотел сделать вам больно.]*

Луиза сказала, что все в порядке, что она все понимает, но по ее щекам текли слезы, и Ральф почувствовал, что у него тоже защипало в глазах. Ему было трудно смириться с мыслью, что Билл умер и что в этом виновато маленькое дерьмецо

в грязном халате. Как можно было поверить в то, что Макговерн больше уже никогда саркастически не поднимет бровь? Никогда больше не будет нудеть о том, как это ужасно — стареть? Никак невозможно поверить, никак. Повинуясь внезапному порыву, Ральф повернулся к Клото.

[Покажите нам.]

Клото почти возмущенно воскликнул: *[Я думаю, это не самая...]*

Ральф: *[Для нас, идиотов-краткосрочников, увидеть — значит поверить. Неужели вы этого не знали, ребята?]*

Луиза неожиданно поддержала его.

[Да, покажите нам. Ровно столько, чтобы мы поняли и смирились с мыслью, что его больше нет. Постарайтесь не сделать нам еще больше, чем уже есть.]

Клото с Лахесисом переглянулись, потом почти незаметно пожали плечами. Лахесис растопырил два пальца на правой руке, образовав имн конус сине-зеленого света, переливчатого, как павлиний хвост. В нем Ральф увидел маленькое, но очень четкое изображение больничного коридора. В поле зрения появилась медсестра с тележкой с лекарствами. На границе обозреваемого пространства она как бы изогнулась и исчезла из виду.

Несмотря на печальные обстоятельства, Луиза пришла в восторг: *[Это как будто смотреть кино в мыльном пузыре!]*

Макговерн и мистер Сливовый вышли из палаты Боба Полхерста. На Макговерне был старый свитер с эмблемой Старшей школы Дерри, а его приятель застегивал на ходу куртку. Наверное, они решили отложить свое бдение на следующую ночь. Макговерн шел медленно, чуть позади своего приятеля. Ральф заметил, что Билл выглядит как-то не слишком хорошо.

Он почувствовал, как Луиза вцепилась в его запястье, и накрыл ее руку ладонью.

На полпути к лифту Макговерн остановился, оперся рукой о стену и бессильно опустил голову. Как запыхавшийся бегун после изнурительного марафона. Еще какое-то время Сливовый шел

по коридору один. Ральф видел, как шевелятся его губы. Он еще не знал, что разговаривает сам с собой. Пока не знал.

Ральфу вдруг расхотелось смотреть дальше.

Внутри конуса из синего света Макговерн положил одну руку на грудь, а другую на горло и принялся его растирать. Ральф не был уверен, но ему показалось, что в глазах Билла появился страх. Он вспомнил гримасу ненависти на лице Доктора номер три, когда тот понял, что какой-то краткосрочник осмелился ему помешать. Что он тогда сказал?

[Я тебя отымею, короткий. Я буду иметь тебя долго. И твоих друзей тоже. Ты меня понял?]

Жуткая мысль пришла в голову Ральфу, когда он увидел, как Билл медленно оседает на пол.

Луиза: *[Уберите это, пожалуйста, уберите!]*

Она уткнулась лицом в плечо Ральфа. Клото с Лахесисом обменялись беспокойными взглядами, и Ральф понял, что он уже потихоньку начал пересматривать свое представление о них как о всеведущих и всемогущих существах.

Они такие же одинокие на своем пути, как и любой из нас, подумал Ральф и неожиданно для себя посочувствовал мистеру К. с мистером Л.

Конус синего света и образы в нем исчезли.

Клото, примирительным тоном: *[Вы сами просили нас показать. А мы не хотели показывать.]*

Ральф едва его слышал. Он все размышлял над этой ужасной мыслью... Как фотография проявляется в растворе, так и эта мысль все яснее проявлялась в его сознании. Он думал о шляпе Билла... О синей бандане Розали... и о пропавших сережках Луизы.

[Я отымею твоих друзей, краткосрочный... ты меня понял? Очень надеюсь, что понял. И можешь не сомневаться: все так и будет.]

Он взглянул на Клото с Лахесисом, и его сочувствие к ним испарилось, уступив место глухой ярости. Лахесис сказал, что не существует случайных смертей, а значит, это касается и Макговерна. Ральф даже не сомневался, что Атропос забрал Билла по одной простой причине: он хотел сделать больно Ральфу, наказать Ральфа за то, что тот вмешался в... как это называл Дорранс?... дела долгосрочников.

Старина Дор был прав. В дела долгосрочников лучше не вмешиваться. Но у Ральфа просто не было выбора... потому что эти два лысых недомерка буквально втянули его в это дело. То есть в каком-то смысле они виноваты и в смерти Макговерна.

Клото с Лахесисом заметили его ярость и отступили на шаг (даже не отступили, а как будто отплыли, не двигая ногами). Такими встревоженными, как сейчас, Ральф их еще не видел.

[Это вы виноваты в смерти Билла Макговерна. Вот в чем правда, так?]

Клото: *[Пожалуйста... дай нам объяснить все до конца...]*

Луиза испуганно взглянула на Ральфа.

[Ральф? Что случилось? Почему ты такой злой?]

[А ты еще не поняла? Их хитрые замыслы стоили Биллу жизни. Мы здесь потому, что Атропос или уже сделал что-то, что этим ребятам не по душе, или только собирается сделать...]

Лахесис: *[Твои выводы ни на чем не основаны, Ральф...]*

[...но у нас есть одна маленькая проблема. Он знает, что мы его видим. Атропос ЗНАЕТ, что мы его видим!]

Луиза все поняла, и ее глаза широко распахнулись от страха.

Глава 18

1

маленькая белая рука легла на плечо Ральфа легко, словно облачко дыма.

[Пожалуйста... разрешите, мы все объясним...]

Ральф почувствовал изменение — ту самую вспышку — в своем теле еще до того, как успел осознать, что он его вызывал. Он вновь почувствовал дуновение до боли холодного ветра из темноты и зябко повел плечами. Прикосновение руки Клото стало теперь лишь едва ощутимой вибрацией под кожей. Он по-прежнему видел всех троих, но теперь их силуэты были туманными и расплывчатыми. Теперь они стали призраками.

Я спустился чуть ниже. Не туда, откуда мы начинали, но по крайней мере на уровень ниже, где у нас нет физического контакта. Моя аура, моя веревочка... да, я уверен, они доступны для них, но как насчет моего физического тела, которое живет настоящей жизнью в мире краткосрочников? Без вопросов, Хосе.

Голос Луизы, далекий, как затихающее эхо: *[Ральф! Что ты делаешь?]*

Он взглянул на призрачные образы Клото и Лахесиса. Теперь они выглядели не только обеспокоенными или слегка виноватыми, но и явно напуганными. Их лица были искажены и трудно различимы, но страх читался на них совершенно явно.

Клото, его голос далекий, но внятный: *[Вернись, Ральф! Пожалуйста, вернись!]*

— А вы прекратите играть в свои дурацкие игры и будете с нами откровенны?

Лахесис, исчезающий, выцветающий: *[Да! Да!]*

Ральф вновь вызвал вспышку. Вся троица снова вернулась в фокус. В то же мгновение пространство опять обрело цвета, и время вернулось к прежней скорости. Ральф видел ушербную луну, она скользила по небу, как капля блестящей ртути. Луиза обхватила его руками за шею, и в первую секунду он даже не понял, чего она хочет — обнять его или задушить.

[Слава Богу! А я уже испугалась, что ты решил меня бросить.]

Ральф поцеловал ее, и на мгновение погрузился в букет приятных чувственных ощущений: вкус свежего меда, текстура волокнистого дерева, запах яблок. У него в голове промелькнула мысль (интересно, на что это будет похоже, если мы займемся любовью прямо здесь?), но он тут же ее отогнал. Ему нужно думать и говорить очень осторожно в следующие несколько

(минут? часов? дней?), и если задумываться о таких вещах, это будет гораздо труднее. Он повернулся и посмотрел на маленьких лысых докторов.

[Я надеюсь, что вы меня поняли. Потому что если нет, то мы прекратим эти тараканы бега прямо сейчас, и каждый пойдет своей дорогой.]

На этот раз Клото и Лахесис даже не озаботились обмениваться взглядами, просто разом кивнули. Лахесис заговорил оправдывающимся и слегка виноватым тоном. Ральф подозревал, что иметь дело с этими ребятами гораздо приятнее, чем с Атропосом, но и они тоже не привыкли, чтобы кто-то им возражал — артачился, как сказала бы матушка Ральфа.

[Все, что мы вам сказали, — правда. Мы, конечно, должны учитывать и возможность того, что Атропос имеет большее представление о ситуации, чем нам хотелось бы, но...]

Ральф: *[А что будет, если мы вообще откажемся слушать всю эту чепуху? Что, если мы сейчас просто развернемся и уйдем?]*

Ответа не было, но Ральфу показалось, что в глазах Клото с Лахесисом мелькнул испуг: они знали, что Атропос забрал сержики Луизы, и знали, что он тоже об этом знает. Единственный, кто не знал — по крайней мере Ральф очень на это надеялся, — это была сама Луиза.

Она как раз тянула его за руку.

[Не делай этого, Ральф, пожалуйста, не надо. Мы должны их выслушать.]

Он повернулся и сделал им знак продолжать.

Лахесис: *[В обычных обстоятельствах мы не вмешиваемся в дела Атропоса, а он — в наши. Мы не могли бы вмешаться в его дела даже если бы захотели: Случайность и Предопределенность — как черные и белые квадраты на шахматной доске, контрастирующие друг с другом. Но Атропос хочет вмешаться в обычный ход вещей — хотя на самом деле он был создан именно для того, чтобы вмешиваться, — и в некоторых, очень редких случаях возможность для вмешательства предоставляется сама собой. Попытки остановить его вмешательство предпринимаются очень редко...]*

Клото: *[На самом деле все немного сложнее, Ральф и Луиза. На нашей памяти еще ни разу не предпринималось попыток контролировать его действия или мешать ему.]*

Лахесис: *[...и только в том случае, если ситуация, в которую он намерен вмешаться, очень тонкая и в нее вовлечено много серьезных обстоятельств, которые уравнивают друг друга и друг*

другу противостоят. Сейчас сложилась именно такая ситуация. Атропос обрезал нить жизни, которую ему следовало бы — по хорошему — оставить в покое. И теперь это может привести к большим проблемам на всех уровнях, не говоря уже о критическом дисбалансе между Случайностью и Предопределенностью. Надо немедленно что-то делать. Мы не можем вмешаться в то, что сейчас происходит: данная ситуация далеко за пределами наших возможностей. Но мы не можем и дальше просто смотреть на это, пуская все на самотек. Но в данном случае наша неспособность вмешаться не имеет значения, потому что только краткосрочники могут противостоять Атропосу. Поэтому вы двое здесь.]

Ральф: [Вы хотите сказать, что Атропос перерезал нить кого-то, кто должен был умереть естественной смертью... или, как вы ее называете, Предназначенной смертью?]

Клото: [Не совсем так. Есть жизни — и таких очень мало, — которые не имеют определенной принадлежности. Когда Атропос прикасается к таким жизням, за этим всегда следуют неприятности. Ставки сделаны, как вы говорите. Ставки поздно изменять. Такие неопределенные жизни похожи на...]

Клото развел руки, и между ними возникла картинка — снова игральные карты. Ряд из семи карт, которые чья-то невидимая рука переворачивала по очереди. Туз, двойка, джокер, тройка, семерка, дама. Последняя карта, которую перевернула невидимая рука, оказалась пустой.

Клото: [Эта картинка помогла?]

Ральф наморщил лоб. Он не знал, помогла картинка или нет. Где-то был человек, который не был ни обычной игровой картой, ни джокером. Человек, который был совершенно чист, открыт для захвата с обеих сторон. Атропос перерезал метафизический воздушный шланг этого человека, и теперь кто-то — или что-то — объявил/объявило тайм-аут.

Луиза: [Вы говорите про Эда, да?]

Ральф обернулся и пристально посмотрел на нее, но она смотрела на Лаксиса.

[Эд Дипно — чистая карта.]

Лахесис кивнул.

[Как вы догадались, Луиза?]

[А кто еще это мог быть?]

Она не улыбалась ему, это точно, но Ральф уловил ощущение улыбки. Он повернулся обратно к Клото с Лахесисом.

[Ну вот, наконец-то мы к чему-то пришли. Так кто бьет тревогу по этому поводу? Почему-то мне кажется, что это были не вы, ребята... почему-то мне кажется, что конкретно в этой ситуации вы не более чем временные помощники.]

Они пододвинулись поближе друг к другу и принялись шептаться. Ральф увидел слабую охристую полоску, похожую на шов в том месте, где их зелено-золотистые ауры накладывались друг на друга, и понял, что он был прав. Наконец они снова повернулись к Ральфу с Луизой.

Лахесис: *[Да, тут ты прав. У тебя есть способность видеть вещи в перспективе, Ральф. У нас не было подобного разговора уже тысячи лет...]*

Клото: *[Если вообще что-то подобное было.]*

Ральф: *[Все, что вам нужно сделать, — просто сказать нам правду.]*

Лахесис, жалобно, как ребенок: *[Мы и говорим правду!]*

Ральф: *[Всю правду.]*

Лахесис: *[Хорошо: вот вся правда. Да, Атропос перерезал нить жизни Эда Дипно. Мы знаем это не потому, что мы это видели — я уже говорил, что мы потеряли способность видеть, — а потому, что это единственное логичное объяснение. Дипно не принадлежит ни Случайности, ни Предопределенности, это мы знаем точно. Должно быть, он был чем-то вроде козыря, потому что только козырь мог быть причиной всех этих волнений и беспокойств. Уже одно то, что он еще жив и живет так долго после того, как обрезали его веревочку, говорит о его силе и важности. Когда Атропос обрезал его нить, он запустил в ход цепь ужасных событий.]*

Луиза вздрогнула и подвинулась поближе к Ральфу.

Лахесис: *[Ты назвал нас временными помощниками. Ты был прав даже больше, чем думаешь. Мы в этом случае просто по-*

сланники. Наша работа состоит в том, чтобы довести до вашего с Луизой сведения, что происходит и что ждут от вас, и эта работа уже почти выполнена. А что до того, кто «забил тревогу», то на этот вопрос мы ответить не можем, потому что на самом деле и сами не знаем.]

[Я вам не верю.]

Но в его голосе не было прежней уверенности (если это был голос).

Клото: *[Не будь дураком... разумеется, ты нам веришь! Как ты думаешь, директора крупной автомобильной компании пригласят чернорабочих на совет директоров, чтобы объяснить им политику компании? Или рассказать, почему они решили закрыть одну фабрику и оставить открытой другую?]*

Лаксис: *[Наша должность, конечно, значительно выше, чем должность рабочего в сборочном цехе, но мы все равно только винтики в этой системе. Ни больше ни меньше.]*

Клото: *[Удовольствуйтесь следующим: кроме уровня краткосрочников и уровня долгосрочников, на котором существуем мы — я, Лаксис и Атропос, — есть еще и другие уровни. Они населены существами, которых мы называем внесрочниками, существами, которые вечны или настолько близки к тому, что нет практически никакой разницы. Краткосрочники и долгосрочники живут в пересекающихся сферах существования — на сообщающихся этажах одного и того же здания, если вам так больше нравится, управляемых Случайностью и Предопределенностью. На верхних этажах, недоступных для нас, но расположенных все в той же башне бытия, обитают другие существа. Есть среди них замечательные и удивительные, есть и такие, которые находятся за пределами нашей способности к осмыслению, не говоря уже о вашей. Эти существа могут зваться Высшей Предопределенностью и Высшей Случайностью... или, возможно, на тех высших уровнях не существует Случайности, мы подозреваем, что это так, но точно не знаем и знать не можем. Но вот что мы знаем точно: что-то на высших уровнях заинтересовано в Эде, а что-то другое решило нанести контрудар. Этот контрудар — вы, Ральф и Луиза.]*

Луиза испуганно взглянула на Ральфа, но он не смотрел в ее сторону. До него только сейчас дошло, что кто-то передвигает их, словно шахматные фигуры — мысль, которая в других обстоятельствах привела бы его в ярость. Он вспомнил ту ночь, когда Эд позвонил ему по телефону. «Ты сейчас заплываешь в открытое море, — сказал он тогда, — на глубину, где обитают такие твари, каких ты даже представить себе не можешь».

Твари. Сущности, силы.

Существа, слишком сложные для понимания, как говорит мистер Клото, а мистер Клото был джентльменом, который всю свою жизнь имел дело со смертью.

Пока что они тебя не заметили, сказал ему Эд той ночью, но если ты будешь и дальше валять дурака и ставить мне палки в колеса, они обязательно тебя заметят. А тебе это не нужно. Уж поверь мне на слово: не нужно.

Луиза: *[А как вы подняли нас на этот уровень? Все началось с бессонницы, да?]*

Лаксисис, осторожно: *[На самом деле да. Мы можем проделывать некоторые незначительные изменения в аурах краткосрочников. Такая корректировка и явилась причиной особой формы бессонницы, которая изменила ваш сон, а потом и восприятие мира. Корректировка аур краткосрочников — работа всегда очень тонкая и опасная. Всегда есть опасность безумия.]*

Клото: *[Временами вам могло казаться, что вы сходите с ума, но на самом деле конкретно с вами такой опасности не было. Вы гораздо крепче, чем вам кажется.]*

Эти засранцы действительно думают, что они нас успокаивают, поразился Ральф, но все-так подавил свою ярость. Сейчас у него просто не было времени на то, чтобы злиться. Может быть, позже он за все отыграется. Он очень на это надеялся. А сейчас он только похлопал Луизу по руке и опять повернулся к Клото с Лаксисисом.

[Прошлым летом, после того как Эд избил свою жену, он рассказал мне о каком-то Кровавом Царе. Это о чем-нибудь вам говорит, ребята?]

Клото с Лаксисом снова переглянулись, и в их глазах Ральфу почудилось торжество.

Клото: *[Ральф, Эд же вообще ненормальный, он вечно бредит...]*

[Так, давайте-ка с этого места поподробнее.]

[...но мы верим, что этот Кровавый Царь действительно существует в той или иной форме, и что когда Атропос перерезал нить жизни Эда, тот попал под влияние этого существа.]

Маленькие лысые доктора снова переглянулись, и Ральф понял, что выражение, которое он поначалу принял за торжество, было ужасом.

Рассвет нового дня — четверга — для Ральфа с Луизой давно миновал. Судя по всему, дело близилось уже к полудню. Ральф не был уверен, но ему казалось, что скорость, с которой время течет в мире краткосрочников, все росла; и если они не закончат эту беседу в ближайшее время, то Билл Макговерн будет не единственным их другом, которого они переживут.

Клото: *[Атропос знал, что Высшее Предназначение пришлет кого-то, чтобы исправить то, что он натворил, и теперь он знает — кого. Но вы не должны позволить ему загнать вас в тупик. Вы должны помнить, что он лишь немногим больше, чем пешка на этой доске. На самом деле ваш противник совсем не Атропос.]*

Он умолк и с сомнением посмотрел на своего коллегу. Лаксис сделал ему знак продолжать, и Клото снова заговорил, уже увереннее, но Ральф все равно чувствовал, как его сердце уходит в пятки. Он был уверен, что намерения у маленьких лысых докторов были самые что ни на есть наилучшие, но они сами были лишь инструментами в чужих руках, как и они с Луизой.

Клото: *[Вы не должны приближаться к Атропосу напрямую. Я особенно это подчеркиваю. Рядом с ним сосредоточены силы, которые гораздо сильнее его. Силы злобные и могущественные... разумные. Они не остановятся ни перед чем, чтобы остановить*

вас. Но мы думаем, что и оставаясь вдали от Атропоса, вы сможете не допустить то ужасное событие, которое должно случиться... которое на самом деле уже случается.]

Ральфа даже не слишком взбесило невысказанное предположение, что они с Луизой обязательно сделают все, чего захотят эти два чокнутых гаучо. Он, конечно, мог бы возмутиться, но сейчас было не самое подходящее время для споров.

Луиза: *[А что должно случиться? Чего вы от нас хотите? Мы что, должны пойти к Эду и отговорить его от какого-то плохого поступка?]*

Клото с Лахесисом посмотрели на нее с одинаковым испугом.

[Ты что, не слушала?..]

[...вы не должны даже думать о —]

Они оба умолкли, и Клото сделал Лахесису знак продолжать.

[Если ты не слушала нас до этого, Луиза, послушай хотя бы сейчас: держись подальше от Эда Дипно! Как и от Атропоса. Эта необычная ситуация наделила его огромной силой. Даже если вы только приблизитесь к нему, то существо, которое он называет Кровавым Царем, тоже может появиться... и кроме того, он уже не в Дерри.]

Лахесис посмотрел на город, где уже загорались огни в четверговых сумерках, и вновь повернулся к Ральфу с Луизой.

[Он отбыл в

[-----]]

Это было не слово, смысл которого Ральф мог бы уловить, а немного запах (нефть, жир, усталость, морская соль), немного ощущение, немного звук (ветер, треплющий что-то: возможно, флаг) и немного образ (огромное старое здание с огромной распахнутой дверью рядом с заброшенной железнодорожной веткой.)

[Он на побережье, да? Или собирается туда.]

Клото с Лахесисом кивнули в унисон, и по их лицам можно было предположить, что побережье, милях в восьмидесяти от Дерри, было самым что ни на есть подходящим местом для Эда Дипно.

Луиза снова коснулась его руки, и Ральф повернулся к ней.
[Ты видел здание, Ральф?]

Он кивнул.

Луиза: *[Хотя это и не Лаборатории Хоукинса, но это там недалеко. Мне даже кажется, что я знаю, что это за место.]*

Лаксисис быстро проговорил, словно желая сменить тему: *[Где он и что собирается делать, на самом деле сейчас не имеет значения. Ваше задание будет не там, а в более спокойных водах, но тем не менее вам могут понадобиться все ваши силы и способности. Тем более что это опасно.]*

Луиза нервно взглянула на Ральфа.

[Скажи им, что мы никому не причиним вреда, Ральф. Мы, может быть, и согласились бы помочь им, чем можем, но мы ни в коем случае не причиним никому вреда.]

Но Ральф не стал ничего говорить. Он думал о том, как блестяли в ушах Атропоса бриллиантовые сережки Луизы, и о том, как же ловко его — а вместе с ним и Луизу — поймали в капкан. Лично он причинил бы кому-то вред, чтобы вернуть эти серьги. Еще как причинил бы. Но как далеко он готов был зайти? Например, смог бы он убить кого-то, чтобы их вернуть?

Не желая докапываться до ответов — не желая даже смотреть на Луизу, — Ральф повернулся обратно к Клото с Лаксисисом. Он уже открыл рот, чтобы заговорить, но она его опередила:

[И еще одна вещь... я хочу это знать, прежде чем мы продолжим.]

Ответил Клото, и его голос звучал слегка удивленно и почему-то похоже на голос Билла Макговерна. Но Ральфа это уже не волновало.

[И что же это, Луиза?]

[Ральфу тоже грозит опасность? Атропос ничего не забрал у Ральфа, что нам нужно вернуть? Что-то вроде панамы Билла?]

Клото с Лаксисисом испуганно переглянулись. Ральф подумал, что Луиза этого не заметила, но он заметил. Она слишком много знает, говорил этот быстрый взгляд. Потом их лица

разглядились и успокоились, и они вновь обратили внимание на Луизу.

Лахесис: *[Нет. Атропос ничего не взял у Ральфа, потому что до теперешнего момента это ничем бы ему не помогло.]*

Ральф: *[До теперешнего момента? Как это понимать?]*

Клото: *[Ты прожил жизнь как часть Предназначения, но сейчас все изменилось.]*

Луиза: *[Когда изменилось? Когда мы обрели способность видеть ауры?]*

Они взглянули друг на друга, потом — на Луизу, потом — нервно — на Ральфа. Они ничего не сказали, и Ральф вдруг подумал, что как тот мальчик Джордж Вашингтон из легенды о вишневом дереве, Клото с Лахесисом не могли врать... и в такие моменты, как этот, они очень об этом жалели.

У них был единственный выход: держать рот на замке и надеяться, что разговор перейдет на более безопасные темы. Но Ральф решил добавить и не увести разговор в сторону — по крайней мере пока, — даже если сейчас они были в опасной близости от того, чтобы Луиза догадалась, куда делись ее сержки... если уже не догадалась, что было вполне вероятно. Ему вдруг вспомнилась старая присказка ярмарочных зазывал: Джентльмены, подходите, играть хотите — платите.

[О нет, Луиза. Перемена произошла не тогда, когда я стал видеть ауры. Я так думаю, многие люди способны увидеть мир аур и долгосрочников, и ничего плохого с ними не будет. Я думаю, что меня вышвырнули из-под теплого крылышка Предназначения в тот самый момент, когда мы вступили в беседу с этими двумя славными ребятами. Что скажете, славные ребята? Вы сделали все, но не оставили хлебных крошек, чтобы можно было вернуться назад, хотя вы прекрасно знали, что должно случиться. Я не прав?]

Они опустили глаза, а потом медленно, с неохотой подняли взгляды на Ральфа. Ответил Лахесис:

[Да, Ральф. Мы приманили тебя к себе, хотя знали, что это изменит твое ка. К несчастью, этого требовала ситуация.]

Теперь Луиза спросит про себя, подумал Ральф. Должна спросить.

Но она не спросила. Она лишь посмотрела на маленьких лысых докторов с каким-то странным выражением, совсем не похожим на ее обычный взгляд «нашей Луизы». Ральф вновь задался вопросом, о чем она знает или догадывается, и вновь удивился: ведь у нее не было ни малейшей подсказки... и эти размышления вылились в новую волну ярости.

[Вы, ребята... о Боже, вы, парни...]

Он не закончил, хотя он бы обязательно договорил, если бы рядом не было Луизы. Он бы сказал: Вы, ребята, устроили и еще кое-что, кроме неразберихи с нашим сном, правильно? Я не знаю насчет Луизы, но у меня было тепленькое местечко под крылышком Предопределенности... а это значит, что вы сознательно сделали меня исключением из тех самых правил, которых сами придерживаетесь всю жизнь. Таким образом, я превратился в такую же чистую карту, как и тот парень, которого нам надо найти. Как там Клото сказал? «Ставки сделаны». Вот где правда.

Луиза: *[Вы говорили об использовании наших способностей. Каких способностей?]*

Лахесис повернулся к ней, явно обрадованный сменой темы. Он сложил руки вместе, ладонь к ладони, а потом открыл их в каком-то замысловатом жесте. Между ладонями появились два быстро сменявшихся образа: рука Ральфа испускает стрелу холодного синего пламени, разрезающую воздух, и указательный палец Луизы выстреливает яркими серовато-синими шариками света, которые выглядят как светящиеся леденцы от кашля.

Ральф: *[Да, хорошо, у нас есть кое-какие способности, но на это нельзя полагаться. Это как будто...]*

Он сосредоточился и создал образ своих рук, открывающих заднюю крышку радиоприемника и вынимающих батарейки, покрытые сине-серой грязью. Клото с Лахесисом непонимающе уставились на него.

Луиза: *[Он пытается объяснить, что у нас не всегда получается управлять этой энергией, а когда получается, это длится недолго. Наши батарейки как бы разряжаются, понимаете?]*

На лицах маленьких докторов смешались понимание и ироническая недоверчивость.

Ральф: *[Что в этом, черт подери, смешного?]*

Клото: *[Ничего... и все. Вы даже не представляете, какими странными вы с Луизой кажетесь нам — очень мудрыми и проницательными, с одной стороны, и очень наивными — с другой. Вам вовсе не нужно перезаряжать батарейки, как вы это называете, потому что вы двое можете черпать энергию из бездонного резервуара силы. Вы уже пили из него, и поэтому должны понимать, что я имею в виду.]*

Ральф: *[Ты о чем?]*

Лахесис снова сделал тот странный жест, открыв ладони. На этот раз Ральф увидел миссис Перрин, чопорно плывущую по улице в окружении ауры цвета формы курсантов Вест-Пойнта. Увидел вспышку серого сияния, тонкого и прямого, наподобие иглы дикобраза, которая выстрелила из ее ауры.

Эта картинка наложилась на другую, изображающую тощую женщину, упакованную в мутно-коричневую ауру. Она выглядывала из окна машины. Ральф услышал голос Луизы:

— Ой, Мина, смотри, какой милый домик.

А мгновением позже он услышал мягкий, направленный внутрь свист, и узкий луч вышел из ауры женщины сзади на шею.

За этой картинкой последовал третий образ, короткий, но яркий: Ральф просовывает руку в щель в окошке информационного бюро в больнице и хватается за запястье женщины с ежевично-оранжевой аурой... и тут же аура вокруг ее левой руки теряет оранжевый оттенок. Она становится светло-бирюзовой — цвета ауры Ральфа Роберта.

Картинка поблекла. Лахесис и Клото смотрели на Ральфа с Луизой, а те потрясенно глядели на них.

Луиза: *[О нет! Нам нельзя этого делать! Это как будто...]*

Образ: два человека в полосатых тюремных робах и маленьких черных масках на цыпочках крадутся прочь от банковского

деньгохранилища, волоча за собой тяжеленные мешки с изображенным на них символом доллара.

Ральф: *[Нет, это даже хуже. Это как...]*

Образ: летучая мышь влетает в подвал через открытое окно, описывает пару кругов в серебристом свете луны и превращается в Ральфа Лугоши в цилиндре и старомодном смокинге. Он приближается к спящей женщине — не молодой и румяной девственнице, а к старенькой миссис Перрин в теплой фланелевой ночной рубашке — и склоняется над ней, чтобы высосать ее ауру.

Он взглянул на Клото с Лахесисом, и те энергично замотали головами.

Лахесис: *[Нет! Нет, нет, нет! Вы ошибаетесь! Вы никогда не задумывались, почему вы, краткосрочники, отмеряете время своей жизни десятилетиями, а не столетиями? Ваши жизни так коротки, потому что вы просто сгораєте, как костер! Когда вы забираете энергию у таких же, как вы, краткосрочников, это как...]*

Образ: ребенок на берегу моря, очаровательная маленькая девочка с золотыми кудряшками, разметавшимися по плечам, бежит по пляжу к воде — туда, где волны обрушиваются на берег. В одной руке у нее красное пластмассовое ведро. Она становится на колени и наполняет его водой из безбрежной серо-голубой Атлантики.

Клото: *[Вы как тот ребенок, Ральф и Луиза, а ваши друзья краткосрочники — как море. Теперь вы понимаете?]*

Ральф: *[То есть у человечества и в самом деле настолько много этой ментальной энергии?]*

Лахесис: *[Вы все еще не понимаете. Так много ее только в...]*

Луиза его перебила. Ее голос дрожал, но Ральф так и не смог понять, от страха или от возбуждения.

[...ее так много в каждом из нас, Ральф. В каждом человеческом существе!]

Ральф тихонько присвистнул и взглянул на Клото с Лахесисом. Они согласно кивнули.

[Так вы говорите, что мы можем черпать энергию из любого, кто окажется под рукой? И это безопасно для тех людей, у которых мы ее забираем?]

Клото: *[Да. Вы сможете им повредить не больше, чем вычерпать Атлантический океан детским ведром.]*

Ральф очень надеялся, что это правда, потому что ему казалось, что они с Луизой бессознательно забирали энергию у других и забирали ее немало — это единственное объяснение всем комплиментам в их адрес. В последнее время он только и слышит о том, как он замечательно выглядит. Очень многие ему говорили, что он, наверное, вылечился от своей бессонницы, потому что выглядит свежим и отдохнувшим. Что он выглядит моложе.

Черт, подумал он. Да, я действительно стал моложе.

Снова возшла луна, и Ральф понял, что скоро настанет утро пятницы. Пора бы уже возвращаться к главной теме их разговора.

[Давайте заканчивать с болтовней, ребята. Почему вы вообще занимаетесь этой проблемой? И что это такое, что мы должны остановить?]

И тут он все понял. Это было как озарение — яркая вспышка в мозгу.

[Это Сьюзан Дей, так? Он хочет убить Сьюзан Дей? Устранить ее.]

Клото: *[Да, но...]*

Лаксис: *[...но это не главное...]*

Ральф: *[Давайте, ребята, вам не кажется, что пора открыть карты?]*

Лаксис: *[Да, Ральф. Время действительно пришло.]*

Они почти не касались друг друга с тех пор, как поднялись на крышу сквозь этажи больницы, но теперь Лаксис положил руку Ральфу на плечо, а Клото взял Луизу за руку, как джентльмен давних времен, ведущий леди в неспешном танце.

Запах яблок, вкус меда, текстура шерсти... но в этот раз восхищение этим смешением ощущений не смогло подавить то глубокое беспокойство, которое почувствовал Ральф, когда Лаксис подвел его к самому краю больничной крыши.

Как и многие большие города, Дерри, казалось, был построен в самом неподходящем месте, которое только смогли отыс-

кать первые поселенцы. Центр располагался на крутом склоне долины, река Кендускег лениво текла сквозь разросшийся клубок улиц Пустоши, расположенной в самой низине... Отсюда, с крыши больницы, Дерри казался городом с сердцем, пронзенным узким зеленым кинжалом... только сейчас, в темноте, кинжал был черен.

Одна сторона долины называлась Старый Мыс — район обветшавшей послевоенной застройки и новенького лощеного и блестящего завода. На другой стороне был центр. Центр располагался вокруг Большого холма. Витчам-стрит круто взбиралась прямо на холм, где расходилась клубком улиц (в том числе и Харрис-авеню), которые образовывали западную часть города. Главная улица отходила от Витчам на полпути к Холму и шла на юго-запад вдоль пологого склона долины. Этот район города назывался Холмом Главной улицы или Бэсси-парком. И у самой верхней точки Главной улицы...

Луиза, почти со стоном: *[Боже милостивый, что это?]*

Ральф попытался сказать что-нибудь успокаивающее, но из горла вырвался только тихий хрип. У вершины Холма Главной улицы над землей распростерлась огромная зонтообразная клякса, стиравшая звезды, которые уже начали блекнуть — дело близилось к утру. Сначала Ральф попытался убедить себя, что это всего лишь дым, что загорелся один из складов, которые расположены там поблизости... может быть, даже заброшенное железнодорожное депо в конце Нейболт-стрит. Но склады были дальше на юг, депо — дальше на запад, и если эта ужасающая поганка и вправду была дымом, разгулявшийся ветер давно бы разнес ее в клочья. Но вместо того чтобы рассеиваться на ветру, эта клякса просто висела на небе — темнее, чем сама темнота.

И никто ее не видит, подумал Ральф. *Никто, кроме меня... и Луизы... и лысых докторишек. Чертовых лысых докторишек.*

Он прищурился, чтобы рассмотреть, что оказалось накрыто гигантским саваном черноты, хотя в этом не было необходимости — он прожил в Дерри большую часть своей жизни и мог пройти по всему городу с закрытыми глазами. Так что он с

легкостью вычислил здание внутри савана, тем более что на горизонте уже разгоралась заря. Плоская круглая крыша стеклокирпичного здания подсказала ему ответ. Это было то самое здание, спроектированное Бенджамином Хэнсоном, знаменитым архитектором, одно время жившим в Дерри. Новый Общественный центр Дерри, построенный взамен уничтоженного наводнением в 85-м году.

Клото повернул Ральфа лицом к себе.

[Ты видишь, Ральф, ты был прав: он хочет убить Сьюзан Дей... но не только Сьюзан Дей.]

Он умолк, взглянул на Луизу и опять повернулся к Ральфу. Он был серьезен и мрачен.

[Это облако, которое ты довольно точно назвал саваном, означает, что в каком-то смысле он уже сделал то, что Атропос послал его сделать. Сегодня вечером там соберется больше двух тысяч людей... и Эд Дипно хочет их всех убить. И если не изменить ход событий, он их убьет.]

Лаксис подошел к Клото.

[И вы двое, Луиза и Ральф, единственные, кто может его остановить.]

}

Ральф вспомнил плакат с портретом Сьюзан Дей, который висел в пустой витрине между аптекой «Первая помощь» и кафешкой с забавным названием «Перерыв на обед, солнце пошло на посадку». Он вспомнил слова, написанные на пыльном окне: УБИТЬ ЭТУ СУКУ. И убийство действительно может случиться в Дерри, вот в чем дело. Дерри не похож на другие города. Ральфу казалось, что атмосфера в городе намного улучшилась после наводнения восемь лет назад. Но в Дерри была какая-то подлая жилка, и когда его жители находились во взвинченном состоянии, они творили по-настоящему отвратительные дела.

Он вытер рот, и на мгновение его отвлекло непривычное ощущение собственной руки на губах — оно было мягким, как

будто шелковым. Ему по-прежнему разными способами напоминали, что форма его существования радикально изменилась.

Луиза, испуганно: *[И как, по-вашему, мы это сделаем? Если нам нельзя приблизиться к Эду и Атропосу, как мы сможем их остановить?]*

Ральф понял, что он очень четко различает лицо; день разгорался со скоростью смены кадров в старом диснеевском мультике.

[Мы позвоним туда и скажем, что в здании заложена бомба. Это должно сработать.]

Клото испуганно посмотрел на него, Лахесис же щелкнул себя по лбу костяшками пальцев и поднял глаза на стремительно светлеющее небо. Когда он снова перевел взгляд на Ральфа, на его маленьком личике читалось что-то очень похожее на тщательно скрываемую панику.

[Это не работает, Ральф. Теперь послушайте меня, оба. И послушайте очень внимательно: что бы вы ни делали в ближайшие четырнадцать часов или около того, вы не должны недооценивать силы, которые высвободил Атропос, когда нашел Эда и перерезал нить его жизни.]

Ральф: *[Почему же это не работает?]*

Лахесис, одновременно зло и испуганно: *[Мы не можем сейчас тратить время и отвечать на твои вопросы, Ральф. С этого момента вам придется принимать некоторые вещи на веру. Вы уже поняли, как быстро идет время на этом уровне, если мы так и будем стоять тут и разговаривать, вы не успеете остановить то, что может случиться сегодня вечером в Общественном центре. Вы с Луизой должны сейчас же спуститься. Сейчас же!]*

Клото взял своего коллегу за руку и повернулся к Луизе с Ральфом.

[Я отвечу на один последний вопрос, хотя я уверен, что если бы вы немного подумали, то и сами бы нашли ответ. Перед сегодняшним выступлением Съюзан Дей было уже двадцать три предупреждения о бомбах. Сейчас в Общественном центре полно полицейских с собаками, в последние сорок восемь часов они только и делают, что просвечивают рентгеном все посылки и письма,

которые приходят в здание. Они обыскали все до последней щелки, они производят личный досмотр. Они ожидали угроз взрыва и воспринимают их очень серьезно, но они ожидают угроз только от сторонников запрета аборт, которые не хотят, чтобы мисс Дей выступала с речью.]

Луиза, глухо: *[О Боже... это как в сказке про мальчика, который кричал: «Волки, волки».]*

Клото: *[Правильно, Луиза.]*

Ральф: *[Он действительно подложил бомбу, да?]*

Яркий белый свет омыл крышу, тени от вентиляторов растянулись, как ириски-тянучки. Клото с Лаксисом с одинаковым выражением беспокойства посмотрели на тени, потом — на восток, где верхний краешек солнца уже показался над горизонтом.

Лаксис: *[Мы не знаем, да это сейчас и не важно. Вы должны сделать так, чтобы Сьюзан Дей вообще не выступила с речью, и есть только единственный способ, как это сделать, — уговорить женщину, которая за все это отвечает, отменить приезд Сьюзан Дей. Вы меня поняли? Она не должна появиться в Общественном центре сегодня вечером. Вы не можете остановить Эда, вы не должны приближаться к Атропосу, так что вам нужно остановить Сьюзан Дей.]*

Ральф: *[Но...]*

Он умолк, так и не договорив. И вовсе не лучи восходящего солнца заткнули ему рот и даже не выражение ужаса на лицах маленьких докторов, а Луиза. Она погладила его по щеке и почти незаметно, но решительно покачала головой.

[Хватит. Нам нужно спуститься, Ральф. Сейчас же.]

Вопросы роились у него в голове, как надоедливые комары, но если Луиза сказала, что времени больше нет, значит, времени больше нет. Он взглянул на солнце, увидел, что оно уже поднялось над горизонтом, и кивнул. Она положила его руку себе на талию.

Клото, тревожно: *[Не подведите нас, Ральф и Луиза.]*

Ральф: *[Нас не надо подбадривать. Это вам не футбол.]*

И прежде чем кто-то из них успел ответить, Ральф закрыл глаза и сосредоточился на том, чтобы спуститься в мир краткосрочников.

Глава 19

1

го снова пронзило мгновенное ощущение вспышки, и вот уже прохладный утренний ветерок обдувает его щеки. Ральф открыл глаза и посмотрел на женщину рядом с ним. Всего мгновение он видел ее ауру, развевавшуюся у нее за спиной, словно газовая накидка, а теперь это была просто Луиза... только выглядела она лет на двадцать моложе, чем неделю назад... и смотрелась совершенно не к месту на гудроновой крыше больницы в своем легком осеннем пальто и строгом платье, которое она надела специально для визита к больному.

Она дрожала, и Ральф обнял ее покрепче, чтобы согреть и успокоить. Клото с Лахесисом поблизости не было.

Хотя их, наверное, просто не видно. Они наверняка еще здесь, стоят прямо у нас за спиной, подумал Ральф. Да, скорее всего так и есть.

Ему опять вспомнились строчки старого ярмарочного зазывалы, те, в которых говорилось, что надо платить, если хочешь играть, так что подходите, джентльмены, и выкладывайте денежки. Но чаще бывает, что это не вы играете, а вами играют. Разыгрывают, как идиотов. И сейчас Ральф себя чувствовал именно таким идиотом. С чего бы?

Потому что есть куча вещей, которые ты никогда не поймешь, сказала Каролина у него в голове. Они отвели вам второстепенные роли и держали подальше от главных событий до тех пор, пока не стало уже слишком поздно задавать вопросы, на которые им не хотелось отвечать... и мне почему-то кажется, что такое не могло получиться случайно, а ты как думаешь?

Точно так же.

Ощущение, будто невидимые руки толкают тебя в темный тоннель, где может таиться все что угодно, стало сильнее.

Ощущение, что тобой манипулируют. Он чувствовал себя таким маленьким... и растерянным... и ранимым.

— Н-ну в-вот мы и в-вернулись, — сказала Луиза, стуча зубами. — Сколько сейчас времени, как ты думаешь?

Ральфу казалось, что уже часов шесть, но когда он посмотрел на часы, оказалось, что они остановились. Почему-то он вовсе не удивился. Он даже не помнил, когда последний раз их заводил. Наверное, утром во вторник.

Он посмотрел в юго-западном направлении — на Общественный центр, что возвышался, как остров над морем автостоянки. Ранние солнечные лучи отражались веселыми бликами от кривых берегов его окон; при таком освещении он выглядел как увеличенная копия офисного здания, в котором работал Джордж Джетсон. Черный саван, окружавший здание всего несколько мгновений назад, теперь исчез.

Нет, он не исчез. Не обманывай себя, дружок. Сейчас его просто не видно, но он никуда не делся. Он по-прежнему тут.

— Еще рано, — сказал он, покрепче прижимая Луизу к себе, потому что промозглый ветер свирепствовал не на шутку, сдувая волосы — в которых теперь было столько же черных прядей, сколько и белых — у него со лба. — Но скоро будет поздно, мне кажется.

Она согласно кивнула.

— А где Л-л-Лаксис и К-к...

— На уровне, где нет ветра, который норовит слуть твою задницу с крыши. Пойдем. Давай найдем дверь и поскорее уйдем с этой чертовой крыши.

Однако она задержалась на месте, дрожа всем телом и глядя на город.

— Что он сделал? — тихо спросила она — Если он не подложил туда бомбу, то что он мог сделать?

Может быть, он таки подложил туда бомбу, а собаки с их тренированными носами просто еще не сумели ее найти? Или, может быть, это какое-то взрывчатое вещество, которое собаки просто не обучены находить? Канистра, припрятанная на крыше, какая-нибудь особенная взрывчатка, спрятанная в ту-

алетный бачок. В конце концов Эдди зарабатывал на жизнь, работая с химическими веществами... пока не оставил работу и не заделался психом на полный рабочий день. Может быть, он планирует отравить их всех газом, как крыс.

— О Боже, Ральф! — Луиза положила руку на грудь и посмотрела на него широко открытыми испуганными глазами.

— Давай, Луиза. Давай уйдем с этой чертовой крыши.

В этот раз она пошла почти добровольно. Ральф повел ее к двери с крыши... которая, как он надеялся, не заперта.

— Две тысячи людей, — почти простонала она, когда они подошли к двери. Ральф вздохнул с облегчением, когда ручка повернулась под его рукой, но Луиза обхватила его запястье холодными пальцами, не давая ему открыть дверь. Ее взгляд был полон безумной надежды.

— Может быть, эти коротышки врут, Ральф? Может быть, они сами что-нибудь замышляют, что-то такое, чего нам не понять, и они лгут?

— Мне кажется, что они вообще не могут лгать, — медленно проговорил Ральф. — Вот где самая задница, Луиза: мне кажется, что они не могут. И к тому же не забывай про это. — Он показал на Общественный центр, на грязную пленку, которую они сейчас не видели, но о которой оба знали, что она все еще там. Он накрыл ее холодную руку своей, открыл дверь с крыши и пошел вниз по лестнице.

2

Ральф открыл дверь внизу лестницы, выглянул в коридор шестого этажа, увидел, что там никого нет, и вытащил Луизу с лестничной клетки. Они направились к лифту, но по дороге остановились у открытой двери с табличкой «Комната отдыха докторов», напечатанной красными буквами. Это была та самая комната, которую они видели по пути на крышу с Клото и Лахесисом — отвратительная современная мебель, на стенах висят репродукции Винслоу Хоумера, чайник стоит на плите. Сейчас в комнате не было никого, но телевизор, подвешен-

ный на стене, все равно работал, и их старая приятельница Лизетт Бэнсон вела утренние новости. Ральф вспомнил тот день, когда они с Луизой и Биллом сидели в гостиной Луизы, ели макароны с сыром и смотрели репортаж Лизетт Бэнсон о том, как Женский центр забросали куклами. Это было меньше месяца назад. Он вдруг вспомнил, что Билл Макговерн никогда больше не увидит Лизетт Бэнсон и не забудет запереть входную дверь, и его захлестнуло ощущение потери — ужасное, как ноябрьская буря. *Ему до сих пор не верилось, что Билла больше нет. Как он мог умереть так быстро и так просто? Ему самому это все показалось бы отвратительным, подумал Ральф, и не только потому, что он посчитал бы смерть от инфаркта в больничном коридоре дурным вкусом. Он посчитал бы, что это дешевая театральщина.*

Но он видел, как это случилось, а Луиза почувствовала существ, которые пожирали Билла изнутри. Это заставило Ральфа вспомнить о черном саване вокруг Общественного центра и о том, что может случиться, если они с Луизой не придумают, как остановить Сьюзан Дей. Он снова двинулся к лифту, но Луиза потянула его назад, не отрывая взгляда от телевизора.

— ...почувствует глубочайшее облегчение, когда сегодняшняя речь Сьюзан Дей, известной феминистки, борющейся за право женщин на аборт, уйдет в историю, — говорила Лизетт Бэнсон, — и так считает не только полиция. Организации, ратующие за запрещение и разрешение аборт, сейчас пребывают на грани открытой войны. Джон Киркленд сейчас находится в Общественном центре Дерри, и у него есть кое-какие соображения по этому поводу. Джон?

Рядом с Кирклендом стоял бледный и неулыбчивый человек. Дэн Далтон. Значок у него на рубашке изображал скальпель, направленный на младенца, лежащего в позе эмбриона, все это было обведено красным кругом, перечеркнутым красной же линией. На заднем плане Ральф увидел полдюжины полицейских машин и два фургончика служб новостей, один из них был с эмблемой Эн-би-си на боку. Какой-то полицейский в форме шел

прямо по газону, ведя на поводке двух собак — бладхаунда и немецкую овчарку.

— Правильно, Лизетт, я сейчас в Общественном центре, и настроение тут можно описать, как смесь беспокойства и тихой решительности. Со мной Дэн Далтон, президент общества «Друзей жизни», которое страстно протестует против выступления мисс Дей. Мистер Далтон, вы согласны с такой оценкой ситуации?

— С тем, что в воздухе витают беспокойство и решительность? — переспросил Далтон. Ральфу его улыбка показалась одновременно нервной и презрительной. — Да, я полагаю, можно сказать и так. Мы обеспокоены тем, что Сьюзан Дей, одна из величайших преступниц страны, добьется своих целей здесь, в Дерри — убийства беспомощных нерожденных детей.

— Но, мистер Далтон...

— И, — оборвал его Далтон, — мы настроены очень решительно, чтобы показать нашим гражданам, что мы вовсе не нацисты, как нас пытаются представить, но мы не оболванены этой новой религией нашего времени — политкорректностью дерьмовых политиканов.

— Мистер Далтон...

— Мы также настроены очень решительно, чтобы показать нашим гражданам, что мы способны бороться за наши убеждения, и опять же полны решимости исполнить священную обязанность, которую наш милостивый Господь...

— Мистер Далтон, «Друзья жизни» планируют какие-нибудь акты насилия в знак протеста?

Это заткнуло Далтона на мгновение и — по крайней мере на время — согнало с его лица деланную энергичность. И когда она исчезла, Ральф заметил одну страшную вещь: за всем напором и жаром Далтона прятался смертельный испуг.

— Насилие? — наконец выдал он. Он произнес это слово так осторожно, словно оно могло поранить ему рот при неправильном обращении. — О Господи, нет. «Друзья жизни» отвергают саму идею, что злом можно принести добро. Мы планируем устроить массовую демонстрацию — мы хотим вклю-

чить в эту борьбу защитников жизни из Огасты, Портленда, Портсмута и даже Бостона, — но никакого насилия не будет.

— А что с Эдом Дипно? Вы можете говорить за него?

Губы Далтона, и без того похожие на шрам, теперь сжались в почти невидимую линию.

— Мистер Дипно больше не состоит «Друзьях жизни», — сказал он. Ральфу показалось, что в голосе Далтона он слышит одновременно и ярость, и страх. — Как и Фрэнк Фелтон, Сандра МакКей и Чарльз Пикеринг.

Взгляд Джона Киркланда в камеру был кратким, но выразительным. Он говорил, что Дэн Далтон такой же чокнутый, как взбесившийся енот.

— Так вы говорите, что Эд Дипно и эти другие люди — извините, я не знаю, кто они такие — организовали свою собственную группу борцов против абортот? Нечто вроде филиала?

— Мы не борцы против абортот, мы защитники жизни! — закричал Далтон. — Тут есть большая разница, только вы, репортеры, почему-то никак не хотите этого понять!

— То есть вы ничего не знаете о местонахождении Эда Дипно и о его планах, если, конечно, он что-то планирует?

— Я не знаю, где он, мне дела нет до того, где он, и мне нет дела до его... филиала тоже.

Ты боишься, подумал Ральф. И если такая самодовольная сволочь, как ты, чего-то боится, то я просто в ужасе.

Далтон пошел прочь. Кирклэнд, решив, очевидно, что он еще не все выжал из Далтона, рванулся за ним, потрясая микрофоном.

— Но разве это не правда, мистер Далтон, что, когда Эд Дипно состоял в «Друзьях жизни», он спровоцировал несколько насильственных протестов, включая инцидент в прошлом месяце, когда куклы, наполненные искусственной кровью, бросали...

— Вы снова о том же? — нахмурился Дэн Далтон. — Я буду молиться за вас, друг мой.

И он пошел прочь.

Кирклэнд растерянно посмотрел ему вслед, потом повернулся обратно к камере.

— Мы пытались связаться с оппонентом мистера Далтона, с Гретхен Тилбери, которая приложила титанические усилия, чтобы устроить это мероприятие, но она недоступна для журналистов. Мы слышали, что мисс Тилбери сейчас в Хай-Ридже, женском приюте и общежитии, который содержит городской Женский центр. Возможно, она со своими помощницами сейчас вносит последние, завершающие штрихи в план того, что, как они очень надеются, будет безопасной, свободной от насилия встречей в Общественном центре сегодня вечером.

Ральф взглянул на Луизу и сказал:

— Хорошо. Теперь мы хотя бы знаем, куда нужно ехать.

Кадр переключился на Лизетт Бэнсон.

— Джон, есть ли какие-нибудь признаки готовящегося насилия в Общественном центре?

Кирклэнд уже вернулся на свое первоначальное место возле полицейских машин. Он держал в руках маленький белый прямоугольник, на котором было что-то написано, направляя его на камеру.

— Вот, сегодня утром частная служба безопасности нашла тысячи таких карточек, разбросанных на лужайке перед Общественным центром. Один из охранников утверждает, что видел автомобиль, из которого их выбросили. Он говорит, что это был «кадиллак» выпуска конца шестидесятых, черный или коричневый. Он не рассмотрел номер, но говорит, что на бампере была наклейка с надписью: «АБОРТ — ЭТО УБИЙСТВО, А НЕ ВЫБОР».

Снова в студию, где Лизетт Бэнсон заинтересованно спрашивает:

— И что же написано на этих карточках, Джон?

Снова к Кирклэнду.

— Нечто вроде загадки. — Он посмотрел на карточку и прочитал. — Если ваш пистолет заряжен лишь двумя пулями и вы находитесь в комнате с Гитлером, Сталиным и врачом, делаю-

шим аборт, что вы сделаете? — Киркленд опять смотрел в камеру. — Всажу обе пули во врача.

— Это Джон Киркленд, в прямом эфире из Общественного центра Дерри.

}

— Есть хочу — умираю, — сказала Луиза, когда Ральф выводил «олдсмобил» вниз по пандусу стоянки, ведущему наружу... если только он не пропустил знак выезда. — И если я и преувеличиваю, то совсем немножко.

— Я тоже, — сказал Ральф. — И если вспомнить, что мы ничего не ели со вторника, то, по-моему, это вполне нормально. Мы обязательно заедем куда-нибудь позавтракать по пути в Хай-Ридж.

— А у нас есть на это время?

— Ну, мы сделаем так, чтобы оно у нас было. В конце концов сила бойца в его желудке.

— Согласна, только, по-моему, я не очень похожа на бойца. Ты знаешь, где...

— Помолчи секундочку, Луиза.

Он резко тормознул машину, поставил переключатель передач на нейтралку и прислушался. Из-под капота раздавался какой-то стук, который ему очень не нравился. Конечно, цементные стены в таких гаражах усиливают звуки, но все же...

— Ральф? — обеспокоенно спросила Луиза. — Только не говори, что с машиной что-то не так, хорошо?

— Я думаю, все в порядке, — сказал он и снова поехал вперед. — Просто с тех пор, как умерла Каролина, я немного забросил «старушку Нелли». Забыл, как она урчит. Ты хотела о чем-то спросить?

— Насчет этого приюта, Хай-Риджа. Ты знаешь, где это?

Ральф покачал головой.

— Где-то рядом с Ньюпортом. Вот все, что я знаю. Я думаю, им бы не слишком хотелось, чтобы мужчины знали, где это находится. Я вообще-то надеялся, что ты знаешь.

Луиза тоже покачала головой.

— Слава Богу, у меня никогда не было необходимости обращаться в подобные организации. Нам надо ей позвонить. Этой женщине, Тилбери. Ты встречался с ней у Элен, значит, можешь с ней поговорить. Она тебя выслушает.

Ее взгляд согрел его сердце. Любой человек, обладающий хотя бы каплей здравого смысла, выслушал бы тебя, Ральф, говорил этот взгляд, но Ральф покачал головой.

— Спорим, что сегодня она отвечает только на звонки из Общественного центра или от Сьюзан Дей. — Он внимательно посмотрел на нее. — Знаешь, эта женщина очень смелая, если решится приехать сюда... очень смелая или очень глупая.

— Возможно, всего понемногу. Если Гретхен Тилбери не ответит на звонок, тот как же мы с ней свяжемся?

— Ну хорошо, я скажу тебе как. В конце концов я проработал коммивояжером большую часть того времени, которое Фэй Чапин назвал бы моей настоящей жизнью, и я до сих пор еще не утратил какие-то навыки и могу быть довольно изобретательным, когда надо. — Он усмехнулся, вспомнил о девушке из справочной в больнице. — И весьма убедительным, смею надеяться.

— Ральф? — тихонько сказала она.

— Что, Луиза?

— А мне вот это все кажется настоящей жизнью.

Он похлопал ее по руке.

— Я понимаю, о чем ты.

4

Из будочки пропускного пункта больничного гаража высунулась знакомая тощая физиономия, на которой сияла знакомая усмешка — одна из тех, где не хватает почти половины зубов.

— Эй, Ральф, это ты, что ль? Черт меня задери, если нет! Просто класс! Ну, ваще!

— Триггер? — медленно спросил Ральф. — Триггер Вашон?

— Ну не жопа же! — Триггер отбросил волосы со лба, чтобы получше рассмотреть Луизу. — А что это за цветочек с тобой? Я ее вроде бы знаю, черт меня раздери, если вру!

— Луиза Чесс, — сказал Ральф, вытаскивая из бардачка свой парковочный талон. — Ты мог знать ее мужа, Пола...

— Черт подери, а ведь точно! — закричал Триггер. — Когда-то мы славно с ним зажигали на выходные, в семьдесят-том, а мож, в семьстпервом! Точно-точно, в кафешке у Нан, которая сейчас закрыта, и не однажды! Эх мои старые косточки! И как Пол там сейчас, мэм?

— Мистер Чесс уже два года как умер, — сказала Луиза.

— Ох, проклятие! Жалко-то как. Он был классный парень, Пол Чесс. Лучший в округе. Все его любили. — Триггер выглядел таким расстроенным, как будто Пол умер сегодня утром.

— Спасибо, мистер Вашон. — Луиза выразительно посмотрела на часы, потом на Ральфа. Ее желудок громко заурчал, что послужило последним аргументом.

Ральф протянул парковочный талон через открытое окно машины и только тогда до него дошло, что по времени на штампе видно, что они с Луизой пробыли здесь со вторника. Почти шестьдесят часов.

— А что случилось с вашей автомойкой, Триг? — поспешно спросил он.

— Ай, да меня уволили, — сказал Триггер. — Я тебе разве не говорил? Почти всех уволили. Я сначала очень расстроен был, но в апреле пристроился вот сюда, и... а-ай! Мне туточки больше нравится. Тут у меня есть свой маленький телик, душевно можно сидеть и смотреть, когда тут потише бывает и никто не библикает на меня своими дуделками, если я не срываюсь места, как загорится зеленый. Все куда-то торопятся, кроме меня. И вообще здесь классно. Тепло. А то тот проклятый вагончик был холоднее, чем титьки злой ведьмы зимой. Прошу прощения, мэм.

Луиза промолчала. Она, казалось, с неподдельным интересом изучала свои ладошки. Ральф с облегчением наблюдал

за тем, как Триггер комкает талон и кидает его в мусорную корзину, даже и не взглянув на дату и время. Он тюкнул по какой-то кнопке на кассовом аппарате, и на табло в окошке выскочило \$00.00.

— Боже, Триг, спасибо тебе большое, — сказал Ральф.

— Эй, не стоит оно того, — сказал Триггер и величаво нажал на другую кнопку. Шлагбаум перед будкой поднялся. — Рад был тебя повидать. Слушай, ты помнишь тот день, возле аэропорта? Черт подери! Жарко, как в аду, а еще эти два парня чуть насмерть не передрались? А потом полило черт-те как. И град еще был! Ты шел пешком, и я подбросил тебя до дома. Так с тех пор я тебя видел всего-то раз или два. — Он повнимательнее присмотрелся на Ральфа. — Ты выглядишь лучше, чем тогда, Ральфи, вот что я тебе скажу. Черт, да тебе ни за что не дашь больше пятидесяти пяти. Красота!

В желудке у Луизы вновь заурчало, и на этот раз еще громче. Она продолжала сосредоточенно изучать свои ладони.

— Зато чувствую я себя чуть постарше, — сказал Ральф. — Послушай, Триг, я рад был тебя увидеть, но нам нужно...

— Черт, — с отсутствующим видом проговорил Триггер. — Я ведь хотел тебе что-то сказать... что-то важное. О том дне. Черт, тупая я голова!

Ральф подождал еще немного, разрываемый самыми противоречивыми чувствами, нетерпением и любопытством.

— Да ладно, не беспокойся, Триг. Это давно уже было.

— Какого черта? — проговорил Триггер, обращаясь к себе. Он уставился в потолок своей будки, как будто ответ был написан там.

— Ральф, нам надо ехать, — сказала Луиза. — И не только потому, что я хочу есть.

— Да. Ты права. — Он снова завел «олдсмобил». — Если ты что-нибудь вспомнишь, Триг, позвони мне домой. Мой телефон есть в справочнике. Рад был тебя повидать.

Триггер Вашон, казалось, вообще забыл о существовании Ральфа.

— Это что-то, что мы видели? — спросил он у потолка. — Или что-то, что мы делали? Черт!

Он все еще смотрел в потолок, почесывая затылок, когда Ральф вывел машину из гаража и поехал по Хоспитал-драйв к низкому кирпичному зданию, в котором располагался Женский центр.

5

Теперь на улице было светло, у входа сидел только один охранник, и никаких демонстрантов поблизости не наблюдалось. Их отсутствие заставило Ральфа вспомнить все фильмы про джунгли, которые он смотрел в молодости, и особенно тот момент, когда туземные тамтамы вдруг замолкают, и герой — Джон Холл или Фрэнк Бак — поворачивается к главному носильщику или проводнику и говорит, что ему это очень не нравится. Как-то тут слишком тихо. Охранник открыл блокнот, который лежал перед ним на столе, взглянул на Ральфову машину и что-то записал — наверное, номер. Потом встал и подошел к ним по усеянной листьями дорожке.

В этот ранний утренний час машин на стоянке у Женского центра почти не было, и у Ральфа был выбор, где припарковаться. Он заглушил двигатель, вылез из машины и обошел ее, чтобы открыть дверцу Луизе.

— У тебя есть какие-то мысли, как все это проверить? — спросила она, когда он подал ей руку, чтобы помочь выбраться из машины.

— Ну, нам придется немного схитрить, но ведь главное, чтобы нас просто не выкинули отсюда, правильно?

— Правильно. — Она убрала нервно подрагивающую руку в карман пальто, а когда они поравнялись с охранником, она одарила его своей самой лучезарной улыбкой.

— Доброе утро, офицер.

— Доброе. — Он посмотрел на часы. — Я думаю, что здесь еще никого нет, кроме уборщицы и служащей в приемной.

— Так она-то нам и нужна, — вдруг обрадовалась Луиза. Для Ральфа это было новостью. — Барби Ричардс. Ее тетя Симона просила передать ей записку. Очень важную. Просто скажите, что к ней пришла Луиза Чесс.

Охранник на секунду задумался, а потом указал на дверь.

— В этом нет необходимости. Проходите, мэм. Как войдете, идите прямо.

Улыбка Луизы стала еще лучезарнее:

— Мы там и двух секунд не задержимся, правда, Нортон?

— Ну, скорее всего полторы, — согласился Ральф. Когда они подошли к входным дверям и охранник остался у них за спиной, он наклонился к Луизе и прошептал: — Нортон? Боже, Луиза, почему Нортон?

— Ну, это первое, что пришло мне в голову, — сказала она. — Наверное, мне просто вспомнился фильм «Новобрачные». Ральф и Нортон, помнишь?

— Да, — сказал он. — В те дни, Алиса... пуф-ф! И прямо на Луну.

Две из трех дверей оказались заперты, но крайняя слева открылась, и они вошли. Ральф легонько сжал руку Луизы и ощутил ответное пожатие. Он сосредоточился, собрал в кулак волю и разум. Казалось, что мир вокруг вдруг мигнул, как огромный глаз, а потом широко распахнулся.

Обстановка в приемной была нарочито простой. Плакаты на стенах были из тех, которые в турагентствах продаются по цене открыток. Единственным исключением была большая черно-белая фотография, висевшая над столом: девушка в платье для беременных сидит у барной стойки с бокалом martinis в руке. КОГДА ТЫ БЕРЕМЕННАЯ, ТЫ ПЬЕШЬ НЕ ОДНА, гласила подпись под фотографией. Не было никаких признаков того, что в этой комнате или в комнатах позади этой — такой милой и типично деловой — делают аборт.

Да, подумал Ральф, а чего ты ожидал? Красочной рекламы? Плаката с вытравленным плодом в цинковом мусорном ведре, висящего между островом Капри и итальянскими Альпами? Будь реалистом, Ральф.

Полная женщина лет пятидесяти вытирала кофейный столик слева от двери, рядом с ней стояла тележка с разными приспособлениями для уборки. Ее аура была темно-синей, испещренной нездоровыми черными точками, которые, словно какие-то насекомые, копошились в районе сердца и легких. Она взглянула на Ральфа с Луизой с нескрываемым подозрением.

Прямо перед ними сидела другая женщина, которая внимательно смотрела на них, хотя и без подозрения, скользившего во взгляде уборщицы. Ральф вспомнил, что видел ее в теленовостях в тот день, когда случился инцидент с куклами. Племянница Симоны Кастонгвай была миловидной брюнеткой лет тридцати пяти, и выглядела она замечательно, несмотря на столь ранний час. Она сидела за строгим металлическим столом, который замечательно оттенял ее внешность, и внутри травянисто-зеленой ауры, которая выглядела гораздо более здоровой, чем у уборщицы. На столе стояла ваза *граненого стекла* с осенними цветами.

Она улыбнулась им дежурной улыбкой, не узнав Луизу, потом показала пальцем на часы на стене.

— Мы открываемся в восемь, — сказала она. — И в любом случае мы не можем помочь вам сегодня. Докторов сейчас нет... я имею в виду, доктор Гамильтон, конечно, дежурит, но я сомневаюсь, что вы сможете к ней попасть. Так много всего происходит — сегодня у нас большой день.

— Я знаю, — сказала Луиза и сжала руку Ральфа перед тем, как ее отпустить. Он услышал в голове ее голос — слабый, как при международном телефонном звонке, но вполне различимый:

[Стой, где стоишь, Ральф. У нее там...]

Луиза послала ему картинку, которая была еще слабее, чем мысль, и ушла сразу, как только Ральф ее принял. На этом — нормальном — уровне такой вид общения давался гораздо труднее, чем на верхних уровнях, но суть Ральф ухватил. Рука, которой Барбара Ричардс показывала на часы, теперь лежала на столе, но другую руку она держала под столом, где рядом с

ее коленом была маленькая белая кнопочка. Если они поведут себя подозрительно, она нажмет кнопку, вызовет охранника с поста у входа, а потом и команду поддержки из частной службы безопасности.

А меня она подозревает больше, потому что я мужчина, подумал Ральф.

Когда Луиза шагнула к столу, Ральфа посетила непрошенная мысль: такой вид половой дискриминации при той ситуации, что сложилась в Дерри — неосознанный, но тем не менее вполне реальный, — может стать причиной того, что эта симпатичная темноволосая женщина будет ранена... может быть, даже убита. Он вспомнил, как Лейдекер говорил ему, что один из сообщников Эда — женщина. Полная, с прыщавым лицом и в очках с такими толстыми стеклами, что ее глаза похожи на варенные яйца, сказал он. Сандра как-то там, так ее звали. И если бы Сандра Как-ее-там подошла к столу мисс Ричардс, как подходит сейчас Луиза, открывая сумочку с явным намерением что-то оттуда достать, интересно, нажала бы эта женщина с зеленой аурой свою потайную кнопку?

— Ты, наверное, не помнишь меня, Барбара, — сказала Луиза, — потому что в последний раз я тебя видела, когда ты училась в колледже, ты тогда еще гуляла с сыном Спаркмейеров...

— О Боже, Ленни Спаркмейер, я о нем сто лет уже не вспоминала. — Барбара Ричардс удивленно хихикнула. — Но я вас помню. Луиза Делэнси. Партнерша по покеру тети Симоны. Вы все еще играете?

— Чесс, а не Делэнси, и да, мы все еще играем. — Судя по голосу, Луиза была очень довольна тем, что Барбара ее вспомнила, и Ральф надеялся, что она не забудет, зачем они здесь. Но ему не стоило беспокоиться. — В общем, Симона послала меня сюда с запиской для Гретхен Тилбери.

Она вынула из сумки листок бумаги.

— Ты не могла бы ей передать?

— Я сомневаюсь, что сегодня смогу хотя бы поговорить с ней по телефону, — сказала Ричардс. — Она очень занята, как и все мы. Даже еще больше.

— Да уж, я думаю. — Луиза очень натурально хихикнула. — Но я думаю, с этим особенной спешки нет. У Гретхен есть племянница, она получила стипендию в Нью-Гемпширском университете. Ты никогда не замечала, насколько труднее связаться с человеком, если хочешь ему передать хорошие новости? Странно, правда?

— Наверное, — сказала Ричардс, протягивая руку к стопке бумаги. — Но в любом случае я положу это...

Луиза схватила ее за запястье, и вспышка серого цвета — такая яркая, что Ральфу пришлось прикрыть глаза ладонью, чтобы не ослепнуть — пробежала по руке женщины, потом по ее плечу и по шее. Потом она обернулась вокруг ее головы наподобие нимба и исчезла.

Нет, мысленно поправил себя Ральф, она не исчезла, а просто впиталась.

— Что это было? — подозрительно спросила уборщица. — Что за звук?

— Выхлоп машины, — сказал Ральф. — На улице.

— Фуф, — сказала она. — Господи, и почему мужики так уверены, что они все знают. Ты тоже слышала, Барби?

— Да, — сказала Ричардс. Ее голос звучал вполне нормально, и Ральф знал, что уборщица не видит жемчужно-серый туман, заполнивший ее глаза. — По-моему, он прав, но, может, спросишь у Питера на всякий случай? Нам надо быть бдительными.

— Да, тут ты права, — сказала уборщица. Она поставила бутылку с моющим средством на передвижной столик и пошла к двери (одарив Ральфа на прощание мрачным взглядом, означавшим: «Ты старик, да, но черт возьми, твой член все еще при тебе»).

Как только она ушла, Ральф подошел к столу.

— Барбара, нам с моим другом надо поговорить с Гретхен как можно скорее, — сказала она. — С глазу на глаз.

— Она не здесь. Она в Хай-Ридже.

— Расскажи нам, как туда добраться.

Ричардс посмотрела на Ральфа. Ее серые кукольные глаза казались крайне встревоженными. Она вся была, как ожившая греческая статуя. Ее темно-зеленая аура заметно побледнела.

Нет, — подумал он. Просто на нее временно наложилась серая аура Луизы, вот и все.

Луиза тоже посмотрела на Ральфа, потом перевела взгляд обратно на Барбару.

— Да, он мужчина, но в этом случае все в порядке. Я обещаю. Никто из нас не желает зла Гретхен Тилбери или кому-то из женщин в Хай-Ридже, но нам надо с ней поговорить, так что расскажи нам, как туда добраться.

Она снова дотронулась до руки Барбары, и в руку Ричардс влилось еще больше серого.

— Только не навреди ей, — сказал Ральф.

— Но нам же нужно, чтобы она заговорила. — Она наклонилась поближе к Ричардс. — Где это? Давай, Барбара.

— Выезжаете из Дерри по шоссе № 33, — сказала Барбара. — По старой ньюпортской дороге. Когда проедете десять миль, там слева будет большой красный фермерский дом. За ним два амбара. Там повернете налево...

Вошла уборщица.

— Питер ничего не слышал...

Она внезапно умолкла; наверное, ей не понравилось, как Луиза склонилась над столом Барбары, а может быть, и ее пустой взгляд.

— Барбара? Все в поря...

— Тише, — тихо сказал Ральф. — Они разговаривают. — Он взял уборщицу за локоть, чувствуя при этом сильный импульс энергии. Мир стал еще четче и ярче. Уборщицу звали Рэйчел Андерсон. Когда-то она была замужем, муж бил ее смертным боем, а потом вдруг исчез — восемь лет назад. Теперь у нее есть собака и друзья в Женском центре, и ей этого вполне достаточно.

— Да, конечно, — сказала Рэйчел сонным бессмысленным голосом. — Они разговаривают, и Питер говорит, что все в порядке, так что мне лучше помолчать.

— Хорошая мысль, — сказал Ральф, все еще легонько придерживая ее за локоть.

Луиза оглянулась, чтобы удостовериться, что Ральф взял ситуацию под контроль, потом опять повернулась к Барбаре Ричардс.

— Поворачиваем налево за красным фермерским домом с двумя амбарами. А куда дальше?

— Там будет грунтовая дорога. Она поднимается на холм, милю или полторы, и заканчивается у белого фермерского дома. Это и есть Хай-Ридж. Замечательный вид...

— Конечно, — согласилась Луиза. — Барбара, я была рада тебя увидеть. Теперь мы с моим другом...

— Я тоже рада была увидеться, Луиза, — сказала Ричардс отсутствующим, безжизненным голосом.

— Теперь мы с моим другом уходим. Все в порядке.

— Да, хорошо.

— И вам лучше забыть, что мы здесь вообще были, — сказала Луиза.

— Конечно.

Луиза уже повернулась, чтобы уйти, но потом обернулась обратно и взяла листок бумаги, который достала из сумочки. Он упал на стол, когда она схватила Барбару за запястье.

— Почему бы тебе не вернуться к работе, Рэйчел? — спросил Ральф уборщицу. Он осторожно отпустил ее руку, готовый вновь схватить ее, если окажется, что нужно закрепить приказ.

— Да, мне лучше вернуться к работе, — сказала она гораздо более дружелюбно. — Хочу закончить все к полудню, чтобы потом поехать в Хай-Ридж и помочь им там.

Луиза подошла к Ральфу, когда Рэйчел вернулась к своей тележке. Вид у Луизы был одновременно изумленный и испуганный.

— С ними все будет в порядке, да, Ральф?

— Да, конечно. Я уверен, что все будет хорошо. А как с тобой? Все хорошо? Не собираешься падать в обморок или что-нибудь в этом роде?

— Да нет, все нормально. А ты запомнил дорогу?

— Конечно, она говорила про то место, которое раньше называлось Сады Баррета. Мы с Каролиной ездили туда каждую осень собирать яблоки и покупать сидр, пока в начале восьмидесятых ферму не продали. Подумать только, это и есть Хай-Ридж.

— Удивляться будешь потом, Ральф. Я правда умираю с голоду.

— Хорошо. Да, кстати, что это была за записка? Про племянницу, которая поступила в Нью-Гемпширский университет?

Луиза улыбнулась и протянула ему записку. Это был ее сентябрьский счет за свет.

6

— Ну как, удалось вам оставить свое сообщение? — спросил охранник, когда они вышли из Женского центра и направились к машине.

— Да, спасибо, — сказала Луиза, вновь одарив его лучезарной улыбкой. Она шла, крепко держа Ральфа за руку. Он понимал, что она сейчас чувствует. У него тоже не было ни малейшего представления, сколько продержится их внушение женщинам.

— Черт, — сказал охранник, который решил проводить их до автомобиля. — Сегодня будет долгий день. Я буду счастлив, когда он закончится. Вы знаете, сколько здесь будет охранников от полудня до полуночи? Дюжина. И это только здесь. А в Общественном центре — сорок, и это не считая полицейских.

И черт подери, все это абсолютно бесполезно, подумал Ральф.

— А все для чего? Чтобы какая-то блондиночка встала в позу и чего-то там наболтала. — Он взглянул на Луизу, как будто ожидая, что она обвинит его в злобном сексизме, но Луиза только улыбнулась.

— Я надеюсь, для вас все пройдет нормально, офицер, — сказал Ральф и повел Луизу к машине. Он завел «олдсмобил»

и осторожно вырулил на дорогу, все еще ожидая, что Барбара Ричардс и Рэйчел Андерсон — или сразу обе — выбегут из дверей с дикими глазами и обвиняющими указующими перстами. Он наконец развернул машину в нужном направлении и только тогда откинулся на спинку сиденья с видимым облегчением. Луиза взглянула на него и сочувственно кивнула.

— Я думал, что я хороший коммивояжер, — сказал Ральф, — но Боже, я в жизни не видел такой потрясающей работы.

Луиза скромно улыбнулась и сложила руки на коленях.

Когда они проезжали мимо больничного гаража, Триггер выскочил из своей будки, размахивая руками. Первая мысль, мелькнувшая у Ральфа, была о том, что им все-таки не удалось уйти тихо — охранник с блокнотом заметил что-то подозрительное и позвонил Тригу, чтобы тот их остановил. Потом он заметил, что Триггер выглядит запыхавшимся, но счастливым. А в правой руке он держит старый, потрепанный черный бумажник. Он открывался и закрывался, как беззубая пасть, с каждым взмахом руки.

— Не беспокойся, — сказал Ральф Луизе, останавливая машину. — Я не знаю, чего он хочет, абсолютно уверен, что ничего плохого.

— А меня не волнует, что он хочет. Все, чего хочу я, — это выбраться отсюда и немного поесть. Если он вдруг затеет показывать тебе фотографии с последней рыбалки, я сама нажму на газ.

— Аминь, — сказал Ральф, прекрасно зная, что Триггер имеет в виду нечто совершенно иное. Ральф еще не во всем разобрался, но он знал совершенно точно: ничего не происходит случайно. Больше не происходит. Это Предопределенность на тропе войны. Он затормозил перед Триггером и открыл окно. Стекло опустилось с жалобным стоном.

— Эй, Ральф! — кричал Триггер. — Я думал, что упустил тебя!

— Что случилось, Триг? Мы вообще-то торопимся...

— Да, да, только дай мне секундочку. У меня оно здесь? Черт, да у меня все бумаги здесь.

Он раскрыл свой старый бумажник, выставив на обозрение несколько мятых счетов, несколько фотографий (и черт возьми, если Ральф не заметил на одной из них самого Триггера с бас-гитарой) и штук сорок визитных карточек, уже мятых и мягких от возраста. Триггер начал просматривать все это со скоростью банковского клерка-ветерана, пересчитывающего валюту.

— Я никогда ничего не выбрасываю, вот черт, — пробубнил Триггер. — Я тут все нужное записываю. Гораздо удобнее, чем в блокноте. Секундочку... еще только одну секундочку, черт, да где же ты?

Луиза обеспокоенно и нетерпеливо посмотрела на Ральфа и указала на дорогу. Ральф сделал вид, что не заметил ее взгляда и жеста. Он почувствовал странный трепет в груди. Перед мысленным взором встала картинка: он сидит в фургончике у Триггера и рисует фигуру на запотевшем стекле — холодный дождь в жаркий день пятнадцать месяцев назад.

— Ральф, ты помнишь шарф, который был на Дипно в тот день? Белый, с какими-то красными значками на нем?

— Да, помню, — сказал Ральф. Сучий потрох, сказал Эд тому грузному парню. Я имел твою мать во все дыры. И да, он помнил шарф — разумеется, помнил. И красные штучки на нем не были просто пятнами, или линиями, или бессмысленными узорами, это были иероглифы. У Ральфа засосало под ложечкой, и он подумал, что Триг мог бы уже не копать в своих визитках. Ральф и так знал, что тот хочет сказать. Знал.

— Ты был на войне, Ральф? — спросил Триггер. — На большой, которая Вторая?

— В каком-то смысле. Я большей частью в Техасе воевал. А за океан попал только в начале сорок пятого, но все время в тылу провел.

Триггер кивнул.

— Значит, в Европе. На Тихом океане не было тыла, во всяком случае, в конце.

— Англия, — подтвердил Ральф. — Потом Германия.

Триггер довольно кивнул.

— А если б ты был на Тихом океане, то ты бы знал, что иероглифы на шарфе не китайские.

— Они были японские, да? Да, Триг?

Триггер кивнул. В одной руке он держал визитку, которую выкопал-таки среди остальных. На ее чистой стороне Ральф увидел примерное изображение того символа, который был на шарфе Эда. Двойной иероглиф, который он сам нарисовал на запотевшем стекле.

— О чем вы говорите? — спросила Луиза, уже не нетерпеливым, а слегка обеспокоенным тоном.

— Я должен был знать. — Ральф сам не узнал свой голос, таким он был слабым и испуганным. — Просто обязан был знать.

— Знать что? — Она схватила его за плечо и легонько встряхнула. — Что знать?

Он не ответил. Медленно, словно во сне, он протянул руку и взял у Триггера карточку. Триг уже не улыбался, его темные глаза смотрели на Ральфа с угрюмо-похоронным выражением.

— Я скопировал его, пока он не стек со стекла, — сказал Триггер, — потому что вспомнил, что вроде бы видел такое раньше, и когда я той ночью добрался до дому, я уже знал где. Мой старший брат, Марсель, последний год воевал на Тихом океане. И среди вещей, которые он привез с собой, был точно такой же шарф, с такими же двумя значками на нем. Я его попросил, чтобы он записал мне на карточке перевод, просто на всякий случай. — Триггер указал Ральфу на карточку, которую тот держал в руке. — Я собирался тебе сказать, как только снова тебя увижу, но все забывал до сегодняшнего дня. Я был так рад, что в конце концов вспомнил... но мне кажется, лучше бы я не вспоминал.

— Да нет, все в порядке.

Луиза забрала у него карточку.

— Что это? Что все это значит?

— Я тебе потом расскажу. — Ральф коснулся переключателя передач. На сердце было тяжело. Луиза рассматривала значки на чистой стороне визитки, так что Ральф мог видеть, что было написано на другой стороне.

Р.Х. ФОСТЕР, КОЛОДЦЫ И СУХАЯ КЛАДКА, вот что там было написано. А ниже брат Триггера написал одно-единственное слово большими прописными буквами.

КАМИКАДЗЕ.

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ КРОВАВЫЙ ЦАРЬ

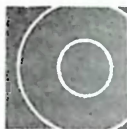
*Мы — ветераны
И все с грязной бритвой наперевес.*

Роберт Лоуэлл. «Гуляя по небу»

Глава 20

1

ни обменялись лишь парой фраз, пока «олдсмоби́л» ехал по Хоспитал-драйв.

— Ральф?

Он быстро взглянул на Луизу и снова устылся на дорогу. Под капотом снова раздался какой-то клацающий звук, но Луиза его не заметила. И Ральф очень надеялся, что не скоро заметит.

— Мне кажется, я знаю, где он. Эд, в смысле. Я еще тогда, на крыше, была почти уверена, что узнала то старое здание, которое нам показали.

— И что же это? А главное, где?

— Это гараж для самолетов. Как там оно называется... Ангар.

— О Боже, — выдохнул Ральф. — Береговые авиалинии на старой портовой дороге?

Луиза кивнула.

— Они занимаются чартерными рейсами, круизами на гидросамолетах и всякими такими вещами. Как-то в субботу мой мистер Чесс поехал туда и спросил, сколько будет стоить посмотреть острова с воздуха. Там сказали, что сорок долларов, но мы не могли себе позволить потратить столько на подобные развлечения. Летом, я думаю, у них не бывает скидок, но

дело было в апреле, так что мистер Чесс сбил цену до двадцати. Хотя я считала, что все равно это слишком много за такую прогулку, которая и часу-то не заняла, но я рада, что мы тогда полетели. Сначала я испугалась, но это было замечательно.

— Как ауры, — проговорил Ральф.

— Да, как... — Ее голос дрогнул. Ральф посмотрел на нее и увидел, что у нее по щекам текут слезы. — ...как ауры.

— Не плачь, Луиза.

Она нашла в сумочке салфетку и вытерла глаза.

— Я просто ничего не могу с собой сделать. Ведь то японское слово на визитке значит «камикадзе», да, Ральф? Божественный ветер. — Она примолкла, губы ее дрожали. — Пилот-самоубийца.

Ральф кивнул. Он судорожно вцепился в руль.

— Да, — сказал он. — Именно это оно и значит. Пилот-самоубийца.

Шоссе № 33, известное в городе как ньюпортская дорога, проходило в четырех кварталах от Харрис-авеню, но Ральф не хотел туда ехать. Причина была настолько же простой, насколько и неразрешимой: они с Луизой не могли себе позволить показаться старым друзьям — сейчас, когда они выглядят лет на пятнадцать—двадцать моложе по сравнению с понедельником.

Интересно, а вдруг кто-нибудь из этих самых старых друзей уже заявил в полицию об их пропаже? Ральф понимал, что такое возможно, но вполне обоснованно надеялся, что они с Луизой все же избегнут излишнего внимания со стороны старых приятелей. Ведь Фэй и все остальные, кто обычно зависает на площадке для пикника, сейчас слишком удручены потерей даже не одного, а двоих коллег по «Клубу старперов», и у них просто нет времени волноваться о том, куда это Ральф Робертс задевал свою тощую старую задницу.

А ведь и Билла, и Джимми, наверное, уже отпели, похоронили и помянули, подумал Ральф.

— Если у нас есть время, чтобы позавтракать, Ральф, то найди побыстрее какое-нибудь кафе... а то я так проголодалась, что могла бы съесть лошадь прямо со шкурой!

Они отъехали почти милю на восток от больницы — достаточно далеко, чтобы Ральф мог чувствовать себя в безопасности, — и впереди как раз была закусочная. Сворачивая на стоянку, Ральф вдруг понял, что не был здесь с тех самых пор, как заболела Каролина... год, если не больше.

— Ну, вот и все, — улыбнулся он Луизе. — И мы не просто с тобой поедим, мы съедим все, что в нас влезет. Потому что сегодня у нас может уже не быть другой возможности подкрепиться.

Она улыбнулась, как школьница.

— Я думаю, что в уничтожении еды мы проявим грандиозные способности. — Она поерзала на сиденье. — И грохнем на это все деньги, какие есть с собой.

Ральф кивнул. Они не ели со вторника, и в душе тоже не были. Луиза может потратить все свои деньги на еду, а он лично намеревался засесть в мужской комнате и спустить пару долларов на туалетные принадлежности.

— Пойдем, — сказал он, выключая мотор и заодно затыкая то самое неприятное клацанье под капотом. — Сначала помыться, а кушать потом.

Пока они шли к двери, Луиза успела сказать ему (на его взгляд, излишне легкомысленным тоном), что ни Мина, ни Симона еще не должны были сообщить о ее пропаже. Когда он обернулся, чтобы спросить почему, то удивился и тихо порывался про себя, увидев, что она вся зарделась.

— Они обе знают, что я в тебя влюблена уже много лет.

— Ты шутишь?

— Конечно, нет, — сказала Луиза немного смущенно. — И Каролина, кстати, тоже знала. Кто-то, может быть, и напргя бы по этому поводу, но она понимала, что мое чувство вполне невинно. Она была такая хорошая, Ральф.

— Да.

— Короче, они, наверное, решили, что мы... ну, ты понимаешь...

— Решили устроить себе отпуск по-французски?

Луиза засмеялась.

— Ну что-то в этом роде.

— А ты бы хотела устроить отпуск по-французски, Луиза?

Она встала на цыпочки и быстро прошептала ему на ухо:

— Спроси об этом потом... если мы выберемся живыми из всего этого приключения.

Он поцеловал ее в уголок рта и открыл перед ней дверь.

— Можете не сомневаться, леди. Спрошу обязательно.

Они разошлись по туалетным комнатам, и когда Ральф присоединился к Луизе за столиком, вид у нее был одновременно задумчивый и немного испуганный.

— Я никак не могу поверить, что это я, — тихо сказала она. — Я имею в виду, я сейчас минут пять разглядывала себя в зеркале и все еще не могу поверить, что это я. Морщинки вокруг глаз исчезли и, Ральф... мои волосы...

Ее темные испанские глаза сияли изумлением.

— А ты! О Боже, прости, конечно, но я сомневаюсь, что ты и в сорок лет выглядел так хорошо, как сейчас.

— Нет, но ты бы меня видела, когда мне было тридцать. Я был настоящим животным.

Она рассмеялась.

— Иди сюда, дурачок, садись и давай истребим много-много калорий.

}

— Луиза?

Она оторвалась от меню, которое вытащила из пачки, засунутой между солонкой и перечницей.

— Когда я был в туалете, я попытался вернуть ауры. И на этот раз не сумел.

— А зачем ты вообще пытался?

Он пожал плечами, не желая рассказывать о паранойе, которая накатила на него, когда он мыл руки в маленькой туалетной комнате и смотрел на свое непривычно молодое лицо в

забрызганном водой зеркале. Его вдруг прошибла мысль, что он может быть здесь не один. И что еще хуже — Луиза могла быть сейчас не одна в женской комнате. А вдруг Атропос подкрался к ней, невидимый, с бриллиантовыми сережками в ушах... с занесенным скальпелем...

А потом, вместо сережек Луизы или макговернской панамы, ему представилась скакалка, через которую прыгал Атропос, когда Ральф впервые его увидел

(три, шесть, девять, сто одно — гусь с гусыней пил вино)

на пустыре между пекарней и кожаной мастерской, скакалка, которую когда-то подарили маленькой девочке — той, что однажды во время игры в догонялки выпала из окна второго этажа и сломала шею. Она умерла (какое несчастье, у нее вся жизнь была впереди, если Бог есть, то почему Он допускает такое, и так далее, и тому подобное, бла-бла-бла).

Он приказал себе перестать; все и так было плохо, даже если не приплетать сюда Атропоса. Эти ужасные мысли о том, как он перерезает веревочку Луизы... Но Ральф не мог перестать думать об этом... потому что он знал, что Атропос на самом деле может быть здесь, в этой самой закуской, и он может сделать с ними все что угодно. Все что угодно.

Луиза дотронулась до его руки.

— Не волнуйся. Они вернутся. Они всегда возвращаются.

— Надеюсь. — Он взял себе меню, открыл и пробежал взглядом цены. Ему показалось, что ему хочется заказать все, что есть.

— В первый раз, когда ты заметил, что Эд ведет себя странно, он выехал из аэропорта, — сказала Луиза. — И теперь мы знаем почему. Он учился управлять самолетом, правильно?

— Конечно. Когда Триг подвозил меня домой, он даже упомянул, что нужен специальный пропуск, чтобы там пройти, через служебный выход. Он спросил меня, не в курсе ли я, случайно, есть ли у Эда пропуск, а я сказал, что не знаю. Зато теперь вот узнал. Они, наверное, выдают пропуска всем, кто учится летать.

— Как ты думаешь, Элен знала о его хобби? — спросила Луиза. — Наверное, нет.

— Я уверен, что не знала. И спорим, он перешел на курсы Прибрежных авиалиний после того, как избил того парня из Вест-Сайдских садовников. Этот случай убедил его, что он теряет контроль над собой и что лучше бы перенести занятия подальше от дома.

— Или, может быть, это Атропос его убедил, — уныло сказала Луиза. — Атропос или кто-то повыше его.

Ральфу очень не понравилась эта мысль, но он и сам уже думал об этом. Сущность, подумал он и задрожал. Кровавый Царь.

— Они ведь водят его на веревочке, как марионетку, да? — спросила Луиза.

— Ты имеешь в виду Атропоса?

— Нет. Атропос — просто маленький мерзкий педик, но с другой стороны, он не слишком отличается от мистера Лахесиса или мистера Клото. Просто помощник, рангом чуть выше неквалифицированного чернорабочего в великой системе бытия.

— Типа дворник.

— Да, может быть, — согласилась Луиза. — Дворник или мальчик на побегушках. Атропос, возможно, проделал большую часть работы над Эдом, и спорю на печеньице, что эта работа ему очень нравится. И спорю на мой дом, что приказы идут свыше. Это логично, тебе не кажется?

— Да. Мы, наверное, уже никогда не узнаем, насколько чокнутым он был до того, как все это началось, или до того, как Атропос обрезал его веревочку, но меня сейчас больше всего интересует другое. Очень хотелось бы знать, откуда у него деньги, чтобы заплатить залог за Чарли Пикеринга и чтобы оплатить пилотские курсы.

Прежде чем Луиза успела ответить, к ним подошла официантка.

— Что будем заказывать? — Она достала из кармана фартука записную книжку и шариковую ручку.

- Мне омлет с сыром и грибами, — сказал Ральф.
- Ага. — Она перекатила во рту жвачку. — Из двух яиц или из трех, милоч?
- Из четырех, если вам не трудно.
- Официантка подняла бровь и записала заказ в блокноте.
- Мне-то не трудно, а вот вам... Еще что-нибудь?
- Да, пожалуйста. Стакан апельсинового сока, порцию бекона, порцию сосисок и порцию жареной картошки. Нет, лучше двойную порцию картошки. — Он подумал еще, потом ухмыльнулся. — Да, а пирожки еще остались?
- Ну, думаю, что найду один с сыром и один с яблоками. — Официантка посмотрела на Ральфа сверху вниз. — А ты, как я вижу, немного проголодался, да, милоч?
- Да, я как будто неделю не ел, — сказал он. — Мне пирожок с сыром. И кофе для начала. Много черного кофе. Вы все записали?
- Луиза мило улыбнулась.
- Мне то же, что и ему. Милочка.

4

Ральф посмотрел вслед удаляющейся официантке, а потом поднял взгляд на часы на стене. Было только десять минут восьмого, что очень радовало. Они смогут выехать в Сады Баррета уже через полчаса или даже минут через двадцать, и, используя свои ментальные лазеры, они, возможно, сумеют убедить Гретхен Тилбери отменить — абортировать, если угодно — речь Сьюзан Дей. Если им повезет, все закончится часам к девяти утра. Но пока что вместо облегчения Ральф чувствовал беспрестанно нарастающую тревогу. Ощущение было похоже на то, когда спина чешется там, куда рукой не достать.

— Ну хорошо, — сказал он. — Что мы имеем? Давай обобщим. Мне кажется, Эд достаточно долго интересовался абортами и состоял в этих «Друзьях жизни» не один год. И вот в какой-то момент он теряет сон... начинает слышать голоса...

— ...видеть лысых коротышек...

— Да, и в частности, одного совершенно конкретного лысого коротышку, — согласился Ральф. — Атропос становится его гуру, впаривает ему идеи о Кровавом Царе, Центурионах и о пяти миллионах китайцев. Когда Эд рассказывал мне о царе Ироде...

— ...он думал о Сьюзан Дей, — закончила за него Луиза. — Атропос... как это говорят по телевизору?... его накручивал. И постепенно превращал его в марионетку. Как ты думаешь, где Эд достал тот шарф?

— Атропос ему подарил, — сказал Ральф. — Я думаю, у Атропоса немало подобных штучек.

— А что, как ты думаешь, будет в том самолете, на котором он полетит сегодня вечером? — Голос Луизы дрожал. — Бомбы или ядовитый газ?

— Бомбы — это более вероятно, если он действительно хочет убить их всех. Потому что из-за сильного ветра с газом может не получиться. — Ральф глотнул воды и с удивлением заметил, что его рука подрагивает. — С другой стороны, мы не знаем, что он мог сотворить в своей лаборатории, так?

— Так, — слабым голосом подтвердила Луиза.

Ральф поставил стакан на стол.

— На самом деле не так уж и важно, что он планирует использовать.

— А что важно?

Официантка вернулась со свежим кофе, его запах защекотал у Ральфа в носу. Они с Луизой схватили свои чашки и жадно приникли к ним, как только официантка ушла. Кофе был крепкий и достаточно горячий — он обжигал рот, — но все равно это было блаженство. Когда Ральф поставил чашку обратно на блюдце, она была полупустой, а у него внутри было тепло, как будто он проглотил тлеющий уголек. Луиза мрачно взглянула на него поверх своей чашки.

— Что меня действительно интересует, — сказал Ральф, — так это мы. Ты говорила, что Атропос превратил Эда в марионетку. Правильно. Камикадзе во время Второй мировой таки-

ми и были. У Гитлера были Фау-2* а у Хирохито — Божественный ветер. Что меня бесит, так это то, что Клото с Лакхесисом сделали то же самое с нами. Нас вооружили какими-то сверхъестественными способностями и запрограммировали на полет в Хай-Ридж на моем «олдсмобиле», чтобы мы остановили Сьюзан Дей. Мне бы хотелось знать почему.

— Но мы знаем, — сказала она. — Если мы не вмешаемся, то сегодня вечером Эд Дипно совершит самоубийство и заберет с собой за компанию пару тысяч человек.

— Да, — согласился Ральф, — и мы сделаем все, чтобы его остановить. Об этом не беспокойся, Луиза. — Он прикончил свой кофе и отставил чашку. Его желудок теперь полностью ожил и требовал еды. — Я не могу оставаться в стороне, точно так же, как не смог бы специально пропустить мяч на бейсбольной площадке. Дело в том, что нам не дали прочитать те пункты в конце контракта, которые напечатаны мелким шрифтом. — Он на секунду умолк. — И это меня бесит.

— О чем ты? — не поняла Луиза.

— О том, что из нас делают идиотов. Мы знаем, что должны ехать, чтобы отменить речь Сьюзан Дей, потому что не можем допустить, чтобы этот псих убил две тысячи невинных людей. Но мы не знаем, почему они хотят, чтобы мы это сделали. И это меня пугает.

— Мы можем спасти две тысячи жизней, — сказала она. — Ты хочешь сказать, что этого достаточно для нас, но не для них?

— Именно это я и пытаюсь сказать. Я не думаю, что для них эти жизни хоть сколько-нибудь важны. Они вырезают нас не десятками, не сотнями и даже не тысячами, а миллионами. И они привыкли наблюдать, как Случайность и Предопределенность берут нас в оборот.

— Катастрофы, как тот пожар в Какаовой Роше или наводнение в Дерри восемь лет назад.

— Да, но даже это в общем-то ерунда по сравнению с тем, что каждый день происходит в мире. При наводнении 85-го

* Немецкая баллистическая ракета времен Второй мировой войны. — *Примеч. пер.*

года в Дерри погибло около двухсот человек, но этой весной при наводнении в Пакистане погибло тридцать пять сотен, а последнее землетрясение в Турции погубило больше четырех тысяч. А взрыв ядерного реактора в России? Я где-то читал, что пострадало около семидесяти тысяч человек. Это много панамок, скакалок и пар... очков.

Он ужаснулся, потому что чуть не сказал «пар сережек».

— Не надо, — сказала она, вздрогнув.

— Да. Мне тоже не нравится об этом думать, — добавил он, — но мы должны... хотя бы потому, что эти два чертовых коротышки хотят нас от этого удержать. Ты понимаешь, к чему я веду? Трагедии и катастрофы всегда происходили по вине Случайности. Чем же конкретно эта отличается от остальных?

— Я не знаю, — сказала Луиза, — но для них это действительно важно, раз уж они обратились за помощью к нам. И мне кажется, что для них это был очень решительный шаг.

Ральф кивнул. Он чувствовал, что кофеин начинает действовать — ударяет в голову, заставляет дрожать кончики пальцев.

— Я уверен, что так и есть. Подумай о том разговоре на крыше. Ты когда-нибудь слышала, чтобы кто-то так много чего объяснял, не объясняя, в сущности, ничего?

— Я не понимаю, что ты имеешь в виду, — сказала Луиза, но по ее лицу было видно, что она и не хотела понимать.

— То, что я пытаюсь сказать, имеет отношение к моей главной догадке: они не могут лгать. Допустим, я прав. Если у тебя есть какая-то информация, которой ты не хочешь делиться, но при этом не можешь солгать, что ты будешь делать?

— Я попробую держаться подальше от опасной темы, — сказала Луиза.

— Ответ засчитан. А тебе не кажется, что они именно это и делали?

— Ну, — сказала она, — я думаю, что в том танце по большей части вел ты, Ральф. Меня впечатлили вопросы, которые ты задавал. Большую часть этого разговора я пыталась себя убедить, что мне это все не снится.

— Конечно, я задавал вопросы, много вопросов, но... — Он замолчал, пытаясь сформулировать свою мысль, которая казалась ему одновременно и сложной, и по-детски простой. Он попытался вызвать то ощущение вспышки в голове. Ему хотелось передать Луизе картинку, которая сделала бы все кристально ясным. Но у него ничего не вышло, и он раздраженно забарабанил пальцами по столу.

— Я тоже был удивлен, как и ты, — наконец сказал он. — И если мое удивление выражалось в вопросах, то это лишь потому, что мужчины моего поколения приучены к тому, что охи и ахи — это дурной тон. Охи и ахи — оно для кисейных барышень.

— Злобный сексист. — При этом Луиза улыбнулась, но Ральф улыбнуться не смог. Он вспоминал Барби Ричардс. Если бы он сделал попытку подойти к ней, она бы почти наверняка нажала ту кнопчку под столом. Но когда к ней шагнула Луиза, она не стала бить тревогу, потому что проглотила слишком много бак о пресловутой женской солидарности.

— Да, — тихо сказал он, — я злобный сексист. Я старомодный, и иногда это выходит мне боком.

— Ральф, я совсем не имела в виду...

— Я знаю, что ты имела в виду, и это нормально. Я просто пытаюсь тебе объяснить, что я тоже был удивлен... точно так же, как ты... так же выбит из колеи, как и ты. Да, я задавал вопросы, ну и что с того? Разве это были правильные вопросы?

— Я думаю, нет.

— Ну, может быть, начал я не так уж и плохо. Как мне помнится, первый вопрос, который я задал, когда мы выбрали на крышу, был о том, кто они такие и чего хотят. Они, конечно, вывалили в ответ кучу философской чепухи, но мне все-таки кажется, что я заставил их немного попотеть. Потом нам впарили всю эту лабуду насчет Случайности и Предопределенности. Впечатляет, конечно, но мы не узнали ничего такого, что помогло бы нам убедить Гретхен Тилбери отменить встречу с Сьюзан Дей. Лучше бы мы спросили у них дорогу в Хай-

Ридж, которую в конце концов пришлось узнавать у Симониной племянницы.

Луиза удивленно взглянула на него.

— А ведь и вправду.

— Вот и я о том же. И все то время, пока мы говорили, время просто летело там, на верхних уровнях. И они наблюдали за тем, как время уходит, можешь даже не сомневаться. Они так рассчитали время, что успели рассказать нам то, что нам действительно нужно было знать, но у нас не осталось времени на вопросы, на которые они не хотели отвечать. Я думаю, они хотели внушить нам, что все это — во благо общества, ради спасения множества жизней... но прямо об этом сказать не могли, потому что...

— Потому что это было бы ложью, а лгать они, по-моему, не могут.

— Точно. По-моему, они лгать не могут.

— Так чего они хотят на самом деле?

Ральф покачал головой.

— Понятия не имею.

Она прикончила свой кофе, осторожно поставила чашку на блюдце, оглядела свои пальцы и опять подняла глаза на Ральфа. Он снова был поражен ее красотой, буквально придавлен ее красотой.

— Они были хорошими, — сказала она. — Да они и сейчас хорошие. Я это чувствовала очень ясно. А ты разве нет?

— Да, — сказал он почти против воли. Конечно, он это чувствовал. В них было все, чего не было в Атропосе.

— И ты, несмотря ни на что, собираешься остановить Эда. Ты сам сказал, что не можешь держаться в стороне, точно так же, как не смог бы специально упустить мяч на бейсбольной площадке. Правильно?

— Да, — сказал он по-прежнему с неохотой.

— Тогда ты должен принять все как есть, — сказала она тихо, пытаясь поймать его взгляд. — Ты зря беспокоишься. Нам сейчас ни к чему лишняя суета.

Он знал, что она права, но не думал, что сможет просто щелкнуть пальцами и разом избавиться от всех сомнений. Может быть, надо дожить до семидесяти, чтобы понять, как трудно переступить через свое воспитание. Он был мужчиной, которого учили быть мужчиной еще до того, как Адольф Гитлер пришел к власти, и он был человеком того поколения, которое слушало по радио Х.В. Кальтенборна и сестер Эндрюс — поколения людей, верящих в «коктейль из лунного света» и «прогулки за Кэмелом». Такое воспитание не предполагало сидеть-разбираться, кто тут хорошие парни, а кто плохие, оно просто требовало не ударить в грязь лицом и не допустить, чтобы тебя водили за нос.

А так ли это? — спросила Каролина слегка удивленно. Как интересно. Знаешь, Ральф, я открою тебе один маленький секрет: это все чепуха. Это было ерундой еще до того, как исчез за горизонтом Гленн Миллер, и сейчас это такая же ерунда. Мужчина должен делать лишь то, что должен делать мужчина... теперь в этом немного смысла, в наше-то время. Долог и труден обратный путь в Рай, правда, милый?

Да. Долог и труден обратный путь в Рай.

— Чему ты улыбаешься, Ральф?

Подошла официантка с огромным подносом с едой и избавила его от необходимости отвечать. Он только сейчас заметил, что у нее на фартуке был приколот значок с надписью: **ЖИЗНЬ — ЭТО НЕ ВЫБОР.**

— Вы собираетесь сегодня в Общественный центр? — спросил ее Ральф.

— Да, собираюсь, — сказала она, поставив поднос на соседний столик, чтобы освободить руки. — Только я буду снаружи. Держать плакат. Ходить туда-сюда.

— Вы из «Друзей жизни»? — спросила Луиза, когда официантка принялась расставлять перед ними тарелки.

— Я живая? — поинтересовалась женщина.

— Ну, определенно похожи, — вежливо ответила Луиза.

— Ну а раз я живая, то я уже по определению друг жизни, правильно? Убивать кого-то, кто мог бы стать великим поэтом

или изобрести лекарство от СПИДа или рака... на мой взгляд, это совсем неправильно. Так что я буду вечером у центра. Буду стоять там с плакатом, чтобы феминистки Нормы Камали и все эти либералы увидели, что на нем будет написано. А написано будет: УБИЙСТВО. Они ненавидят этот мир. Он им не нужен на их вечеринках с коктейлями и благотворительных обедах. Ребята, вам кетчуп надо?

— Нет, — сказал Ральф. Он смотрел на нее, не в силах отвести взгляд. Вокруг женщины начало распространяться тусклое зеленое сияние. Оно, казалось, вытекает у нее из пор. Ауры возвращались во всем своем великолепии.

— Боже мой, у меня что, вторая голова, что ли, выросла, что вы так на меня уставились? — Официантка выдула пузырь из своей жвачки и перекатила ее на другую сторону рта.

— А я уставился? — спросил Ральф. Он слышал, как течет кровь в ее венах. — Извините.

Официантка пожала плечами, отчего верхняя часть ее ауры пришла в ленивое, заворачивающее движение.

— Знаете, чтобы я стараюсь не слишком влезать во все это. Я просто работаю каждый день и держу рот на замке. Но я все-таки не трусиха. Знаете, сколько времени я провела возле этой бойни? Дней таких жарких, что можно поджарить задницу, и ночей таких холодных, что можно ее отморозить?

Ральф и Луиза покачали головами.

— С 1984-го. Девять долгих лет. Знаете, что меня больше всего раздражает в этих борцах за право выбора?

— И что же? — тихо спросила Луиза.

— Это те же самые люди, которые хотят поставить оружие вне закона, чтобы люди не могли убивать друг друга, а газовые камеры объявить не соответствующими духу конституции, потому что это, видите ли, слишком жестокое наказание для несчастных преступников. И в то же самое время поддерживают законы, которые позволяют врачам — врачам! — пихать женщинам внутрь вакуумные насосы и извлекать их нерожденных детей. Вот что меня больше всего раздражает.

Официантка произнесла все это — и у Ральфа возникло стойкое ощущение, что это была хорошо отрепетированная речь, —

не повышая голоса и без малейшего признака злости. Ральф слушал ее вполуха; его внимание было приковано к бледно-зеленой ауре, окружавшей женщину. Она была бледно-зеленой не полностью. Желтовато-черная клякса, как грязное колесо, вертелась внизу справа на животе.

Это печень, подумал Ральф. У нее что-то не так с печенью.

— Вы ведь не хотите, чтобы что-нибудь случилось со Сьюзан Дей, правда? — обеспокоенно спросила Луиза. — Вы мне кажетесь очень хорошей и доброй девушкой, и я уверена, что вы не хотите ей ничего плохого.

Официантка резко выдохнула через нос, выпустив два ручейка зеленого тумана.

— Не такая уж я и хорошая, какой кажусь, милочка. Если бы Господь решил сделать с ней что-нибудь нехорошее, я бы первая запрыгала от радости с воплем: «Да будет так», — уж поверьте мне. Но если вы говорите о каких-то психопатах, которые хотят ей навредить, то это совсем другое. Это опустило бы нас на уровень тех людей, которых мы пытаемся остановить. А психопаты не хотят этого понимать. Они как джокеры в колоде.

— Да, — согласился Ральф. — Точно. Джокеры. Так оно и есть.

— Вообще-то я действительно не хочу, чтобы с ней что-то случилось, с этой женщиной, — сказала официантка. — Но оно может случиться. На самом деле может. И, по-моему, если что-то и вправду случится, то ей некого будет винить, кроме себя. Она играет с огнем, и пусть потом не удивляется, если ее обожжет.

5

Ральф не был уверен, что ему захочется есть после этого разговора, но его аппетит благополучно пережил откровения официантки об абортах и Сьюзан Дей. Помогли ауры. Еда никогда не казалась ему такой вкусной — даже в детстве, когда он ел по шесть-семь раз на дню, если было что есть.

Луиза если и отставала от него, то ненамного. Наконец она оставила остатки своей жареной картошки и два последних кусочка бекона. Ральф храбро вздохнул и расправился со своим заказом уже в одиночестве. Он положил последнюю сосиску на последний тост, запихнул все это в рот, разжевал, проглотил и откинулся на спинку кресла.

— Твоя аура потемнела тона на два, Ральф. Я только не знаю, это значит, что ты наконец наелся или что ты сейчас умрешь от обжорства?

— Наверное, и то, и другое. А ты тоже снова их видишь?

Она кивнула.

— Знаешь что? — мечтательно пробормотал Ральф. — Я бы сейчас душу продал за возможность немного поспать. — И действительно. Сейчас, когда он был сыт и согрет, ему казалось, что четыре месяца бессонницы куда-то исчезли. Ему казалось, что он может проспать несколько суток кряду. Глаза закрывались сами собой.

— Мне кажется, что прямо сейчас это не слишком удачная мысль. — В голосе Луизы звучало искреннее беспокойство. — Очень неудачная мысль.

— Согласен.

Луиза для проверки подняла руку и сразу же опустила ее на стол.

— А может быть, позвонишь своему другу, который полицейский? Лейдекер, так, кажется, его зовут. А вдруг он сможет нам чем-то помочь? Вот только захочет ли?

Ральф обдумал это настолько тщательно, насколько вообще позволяли его затуманенные мозги, потом покачал головой.

— Нет. Не стоит ему звонить. Что мы ему скажем, чтобы не выдать наше участие в этом деле? И это — не единственная проблема. Если мы его привлечем... но что-то пойдет не так... он может все только испортить.

— Ладно. — Луиза помахала рукой официантке. — Когда поедем отсюда, откроем все окна и обязательно остановимся в «Данкин Донатс», за Старым Мысом, и возьмем пару больших чашек кофе. Я угощаю.

Ральф улыбнулся. Улыбка казалась слишком уж радостной и в то же время вялой и никак не связанной с остальным лицом — почти что пьяная улыбка.

— Есть, мэ.м.

Когда официантка принесла счет, Ральф заметил, что она сняла значок «ЖИЗНЬ — ЭТО НЕ ВЫБОР».

— Послушайте, ребята, — сказала она с серьезностью, которая показалась Ральфу почти что трогательной. — Простите, что я вас так загрузила. Вы пришли сюда завтракать, а не лекции слушать.

— Ты нас вовсе не загрузила, — возразил Ральф. Он взглянул на Луизу, и та согласно кивнула.

Официантка улыбнулась.

— Спасибо, что вы это сказали, но я, правда, так на вас налетела. В другой день я бы не завела этого разговора, просто сегодня у нас свой митинг, и я буду представлять мистера Далтона. Мне сказали, что на выступление отводится три минуты, и мне кажется, что примерно столько я перед вами и распиналась.

— Все в порядке, — сказала Луиза и похлопала ее по руке. — В самом деле.

Улыбка официантки в этот раз была теплее и искреннее, но когда она отвернулась, Ральф увидел, что доброжелательное выражение исчезло с лица Луизы. Она смотрела на черно-желтую кляксу над правым бедром женщины.

Ральф вытащил из нагрудного кармана ручку, развернул бумажную салфетку и написал на ней пару слов. Потом он достал бумажник и положил пять долларов рядом с запиской. Когда официантка будет брать деньги, она точно увидит записку.

Она взял чек и передал его Луизе.

— Наше первое настоящее свидание, но нам придется платить пополам. У меня только пятерка, и три бакса сдачи для меня вовсе не лишние. И не вздумай сказать, что ты тоже на мели.

— Кто, я?! Королева покера в Лудлоу? Ты, дорогуша, наверное, бредишь. — Она открыла свой кошелек и протянула Ральфу пачку банкнот. Пока он искал среди них то, что надо, она прочитала, что он написал на салфетке:

*Мадам.
У Вас печеночная недостаточность, и Вам надо немедленно показаться врачу. И еще: я настоятельно Вам советую держаться подальше от Общественного центра сегодня вечером.*

— Глупо, я знаю, — смутился Ральф.

Она поцеловала его в кончик носа.

— Пытаться помочь другим людям — это вовсе не глупо.

— Спасибо. Мне кажется, она все равно не поверит. Она решит, что мы ушли из-за ее значка и ее пламенной речи, хотя мы ей и сказали, что все нормально. И что моя записка — просто такой странный способ «загрузить» ее в ответ.

— Может быть, есть другой способ ее убедить?

Луиза сосредоточенно уставилась на официантку, которая стояла в дверях кухни, болтая с поваром и попивая кофе. Ральф заметил, что обычный синевато-серый цвет Луизиной ауры стал более насыщенным и как бы уплотнился, образовав капсулу света вокруг ее тела.

Он не совсем понимал, что происходит... но он это чувствовал. Волоски у него на затылке встали дыбом, а руки покрылись гусиной кожей. *Она оперирует силами, подумал он, поворачивает все выключатели, запускает все турбины и делает это для женщины, которую видит в первый раз в жизни и скорее всего больше уже никогда не увидит.*

Официантка тоже что-то почувствовала. Она повернулась к ним, как будто они окликнули ее по имени. Луиза улыбнулась ей и помахала рукой, но когда она обратилась к Ральфу, ее голос дрожал от напряжения:

— Я почти... почти добралась.

— Почти добралась до чего?

— Я не знаю. До того, что мне нужно. Это случилось в одно мгновение. Ее зовут Зоё, с двумя точками над «е». Пойди оплати счет. Отвлеки ее. Постарайся сделать так, чтобы она на меня не смотрела. Тогда будет проще.

Он сделал то, что она попросила, и вполне в этом преуспел, несмотря на то что Зоё все время пыталась посмотреть на Луизу поверх его плеча. Она пробила чек и получила сумму в \$234.20. Она сбросила цифру нетерпеливым нажатием пальца. Когда она снова подняла глаза на Ральфа, он увидел, что она побледнела и выглядит расстроенной.

— Что я сделала вашей жене? — спросила она. — Я ведь извинилась, так? Тогда почему она на меня так смотрит?

Ральф знал, что Зоё не могла видеть Луизу, потому что он все время старался ее загораживать, но он знал и то, что она права: Луиза действительно на нее смотрит.

Он попытался улыбнуться.

— Я не знаю, что...

Официантка подпрыгнула и кинула испуганный, раздраженный взгляд через плечо.

— Может быть, хватит греметь кастрюлями! — прокричала она, хотя на кухне никто кастрюлями не гремел. Там вообще было тихо, только играло радио. Зоё взглянула на Ральфа.

— Боже, гремит, как при бомбежках во Вьетнаме. А вы все же скажите своей жене, что это невежливо — так...

— Смотреть? Так она и не смотрит. На самом деле не смотрит. — Ральф отступил в сторону. Луиза уже шла к выходу и смотрела на улицу. — Видите?

Зоё пару секунд молчала, внимательно глядя Луизе в спину. Потом она снова взглянула на Ральфа.

— Конечно, вижу. А теперь, почему бы вам обоим не убраться отсюда по-быстрому?

— Хорошо. Мы по-прежнему друзья?

— Как хотите, — сказала Зоё, избегая его взгляда.

Когда Ральф догнал Луизу, он увидел, что ее аура вернулась к своему обычному рассеянному виду, но стала гораздо ярче, чем раньше.

- Ты не устала? — спросил Ральф.
- Нет. Как ни странно, я себя чувствую просто отлично. Он уже открывал перед ней дверь, как вдруг замер на месте.
- Ты забрала мою ручку?
- Черт, нет. Забыла.

Ральф вернулся к столику, чтобы забрать ручку. Под его запиской Луиза добавила постскрипtum своим аккуратным каллиграфическим почерком.

В 1989 году у вас родился ребенок и вы отдали его на усыновление. В приют Святой Анны в Провиденсе, Род-Айленд. Сходите к врачу, пока еще не поздно, Зоэ. Без шуток. Без обмана. Мы знаем о чем говорим.

— О черт, — сказал Ральф, присоединившись к Луизе. — Она же до смерти перепугается.

— Если она все-таки ходит к врачу, пока ее печень окончательно не убила, меня это не волнует.

Он кивнул, и они вышли на улицу.

— Ты узнала про ребенка, когда погрузилась в ее ауру? — спросил Ральф, когда они шли к машине по засыпанной листьями дорожке.

Луиза кивнула. Вся восточная часть Дерри переливалась ярким, разноцветным светом. Теперь тайные краски возвращались труднее. Ральф положил руку на капот автомобиля. Прикасаться к нему было как будто сосать гладкий лакричный леденец от кашля.

— Я взяла совсем чуть-чуть ее... ее силы, — сказала Луиза, — но ощущение такое, как будто я всю ее проглотила.

Ральф вспомнил одну статью, которую он когда-то прочел в научном журнале.

— Если каждая клеточка нашего тела несет всю генетическую информацию о нас, тогда, может быть, и каждая частица ауры содержит наш отпечаток?

— Звучит не очень научно, Ральф.

— Да, наверное.

Она улыбнулась ему и взяла его за руку.

— Но зато вполне правдоподобно.

Он улыбнулся в ответ.

— Тебе тоже нужно немного взять. Хотя это по-прежнему кажется мне неправильным... как воровство... но если ты этого не сделаешь, то можешь просто свалиться с ног.

— Ну, как только смогу. А сейчас я хочу лишь одного: поскорее приехать в Хай-Ридж. — Он сел за руль и уже потянулся к замку зажигания, но вдруг замер и резко отдернул руку.

— Ральф? Что случилось?

— Ничего... то есть все. Я не могу вести машину в таком состоянии. Я врежусь в первый же телеграфный столб или въеду к кому-нибудь прямо в гостиную.

Он взглянул на небо и увидел одну из тех огромных прозрачных птиц. Она сидела на телеантенне на крыше дома через дорогу. Прозрачная лимонная дымка стекала с ее распростертых кожистых крыльев.

Ты действительно видишь ее? — с сомнением спросила какая-то часть его разума. *Ты уверен, Ральф? Ты правда-правда в этом уверен?*

Он сосредоточился, и снова в глубинах его существа произошла вспышка. Птица растаяла, как картинка на телеэкране. Сияющие утренние краски прекратили дрожать. Но Ральф еще продолжал видеть реальность на этом уровне и успел заметить, как цвета переливаются один в другой, создавая яркую серо-голубую дымку, которую он впервые увидел в тот день, когда пил кофе в баре «Перерыв на обед, солнце пошло на посадку», а потом она исчезла. Ральфу хотелось свернуться калачиком, положить голову на руку и немного поспать. Вместо этого он проделал несколько долгих, глубоких вдохов, а потом все-таки повернул ключ зажигания. Мотор заурчал, под капотом возобновилось странное постукивание. Теперь оно было громче.

— Что это? — спросила Луиза.

— Не знаю, — сказал Ральф, хотя вообще-то ему казалось, что он знает: либо сцепление, либо клапан. Но что бы там ни было, если оно сломается, это будет совсем невесело. Наконец звук затих, и Ральф тронул машину с места.

— Только толкни меня посильнее, если увидишь, что я начинаю клевать носом, — сказал он.

— Можешь не сомневаться, — отозвалась Луиза. — Поехали.

Глава 21

1

анкин Донатс» — розовый жизнерадостный храм сладкоежек — располагался в мрачном соседстве придорожных домов. Большинство из них было построено в 1946 году и теперь уже потихоньку разваливалось. Это был Старый Мыс, где потрепанные машины с подвязанными проволокой глушителями и побитыми стеклами украшены наклейками с надписями типа НЕ ВИНИТЕ МЕНЯ ЗА ТО, ЧТО Я ГОЛОСОВАЛ ЗА ПЕРО или ВСЮ ЖИЗНЬ С NRA, где не было дома без обязательного трехколесного велосипеда, стоящего на голой лужайке, где девочки в шестнадцать лет были как динамит, а уже к двадцати четырем превращались в толстозадых и пустоглазых многодетных матерей.

Двое мальчишек на ярких велосипедах с необычно загнутыми вверх рулями выписывали кренделя на автостоянке с мастерством, выдававшим солидный опыт игры в видеоигры и, возможно, сулившим высокооплачиваемую работу авиадиспетчера в будущем... если только они не пристрастятся к наркотикам или не погибнут в автокатастрофе. Оба были в бейсболках, надетых козырьками назад. Ральф задумался, почему это они не в школе в пятницу утром — и явно в школу не собира-

ются, — а потом решил, что его это, в сущности, не волнует. И их, видимо, тоже.

И вдруг два велосипеда, которые до этого с легкостью избегали друг друга, столкнулись. Оба мальчишки упали на асфальт, но почти сразу же встали на ноги. Ральф с облегчением понял, что ни тот, ни другой не поранились, их ауры даже не мигнули.

— Урод в жопе ноги! — возмущенно заорал тот, что в футболке с «Нирваной», на своего приятеля. На вид им обоим было лет одиннадцать-двенадцать. — Какого черта с тобой случилось? Ты на велике ездешь, как старикашки трахаются!

— Мне что-то такое послышалось, — сказал второй, поправляя бейсболку на сальных светлых волосах. — Жуткий грохот. Ты что, скажешь, не слышал? Да?

— Не слышал я ничего, ты, придурок, — сказал мальчик с «Нирваной». Он растопырил пальцы, которые теперь были грязными (или просто стали еще грязнее) и сочились кровью из двух-трех царапинок. — Вот посмотри, это все из-за тебя, гонщик гребаный!

— Ничего, не умрешь, — ответил его приятель.

— Да, но... — «Нирвановый» мальчик заметил Ральфа, который стоял, прислонившись к ржавой громаде своего «олдсмобиля», засунув руки в карманы и наблюдая за ними. — На какой хер ты уставился?

— На тебя и твоего приятеля, — ответил Ральф. — Вот и все.

— Вот и все, да?

— Ага... вот и вся история.

«Нирвановый» мальчик оглянулся на своего приятеля, потом опять посмотрел на Ральфа. В его глазах загорелась ничем не прикрытая подозрительность, которая, исходя из Ральфова опыта, встречалась только здесь, в Старом Мысе.

— Какие-то проблемы?

— Никаких проблем, — усмехнулся Ральф. Он только что втянул немалую долю красновато-коричневой ауры «нирванового» мальчика и чувствовал себя почти как Супермен на сверхсветовой скорости. И еще он чувствовал себя как совратитель

малолетних. — Я просто подумал, что мы так не разговаривали, как ты и твой друг, когда я был в вашем возрасте.

«Нирвановый» мальчик нахально уставился на него:

— Да? И как же вы разговаривали?

— Я уже точно не помню, — ответил Ральф, — но мне кажется, что мы все-таки разговаривали не как полные идиоты. — Он отвернулся от них на звук хлопнувшей двери. Луиза вышла из «Данкин Донатса» с двумя большими стаканами кофе — по одному в каждой руке. Мальчишки тем временем вскочили на свои яркие велики и умчались прочь, а «нирвановый» мальчик кинул на Ральфа еще один недоверчивый взгляд через плечо.

— Ты можешь пить и одновременно вести машину? — спросила Луиза, протягивая Ральфу кофе.

— Постараюсь, — сказал Ральф. — Но на самом деле мне уже и не очень-то нужен кофе. Я вроде взбодрился, Луиза.

Она задумчиво посмотрела вслед мальчишкам, потом кивнула.

— Поехали.

Мир сверкал и искрился вокруг, пока они ехали по шоссе № 33 по направлению к бывшим Садам Баррета, и даже им не нужно было подниматься на более высокий уровень восприятия, чтобы это увидеть. Они оставили позади город и теперь катили среди лесов, объятых буйством осенних красок. Небо казалось голубым куполом над дорогой, и тень автомобиля бежала за ними, прыгая по листьям и ветвям.

— Господи, как красиво, — воскликнула Луиза. — Очень красиво, да, Ральф?

— Да.

— Ты знаешь, чего мне сейчас хочется? Больше всего на свете?

Он покачал головой.

— Свернуть с дороги, остановить машину и уйти на просеку, просто погулять. Найти поляну, сесть на солнышке и смот-

реть на облака. Ты бы сказал: «Посмотри вон на то, Луиза, оно похоже на лошадь». А я бы сказала: «Посмотри на то, Ральф, это дворник с метлой». Правда, было бы здорово?

— Да, — согласился Ральф. Слева показалась узкая выруб-ка. Столбы уходили вниз под откос, выстроившись в ряд, как солдаты. Провода линий высоковольтного напряжения, сияв-шие серебром в лучах утреннего солнца, напоминали паутину. Основания столбов скрывались в зарослях красного сумаха, и когда Ральф посмотрел вверх, он увидел ястреба в вышине, которого, как и ауры, было не видно обычным зрением. — Да, — повторил он. — Это было бы здорово. Может, когда-нибудь мы так и сделаем. Но...

— Но что?

— «Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть сде-лать что-то еще», — процитировал Ральф.

Она взглянула на него удивленно и даже немного испуганно.

— Какая жуткая мысль.

— Ага. Мне кажется, что все правильные мысли так или иначе жутковаты. Это из сборника стихов, называется «Клад-бищенские ночи». Мне его подарил Дорренс Марстеллар — в тот день, когда заходил ко мне и положил мне в карман пид-жака газовый баллончик.

Он посмотрел в зеркало заднего вида и увидел черную по-лосу шоссе посреди пламенеющего леса. Отблески солнца на металле. Машина. Может быть, две или три. И на первый взгляд едут довольно быстро.

— Старина Дор, — прошептала Луиза.

— Да. И ты знаешь, Луиза, мне кажется, что он тоже в этом замешан. В этом во всем.

— Может, и так, — согласилась она. — Если Эд — это особый случай, то, может, и Дорренс тоже?

— Да, я уже думал об этом. И что самое интересное — я про Дора, не про Эда, — мне кажется, что Клото с Лахесисом о нем не знают. Как будто он вообще из другого измерения.

— Что ты имеешь в виду?

— Я пока сам не уверен. Но мистер Клото и мистер Лахесис ни разу даже не упомянули его, и это... это кажется...

Он опять посмотрел в зеркало заднего вида. Сзади на шоссе появилась четвертая машина, она быстро догоняла первые три. Ральф увидел над ней голубые вспышки. Полицейская машина. Едет в Ньюпорт? Нет, возможно, в какой-то другой городок, поменьше.

А может быть, они едут за нами, вдруг подумалось Ральфу. Может быть, Луиза ошиблась, и Ричардс ничего не забыла.

Но неужели в полиции додумаются послать четыре патрульные машины за двумя пожилыми людьми в ржавом драндулете? Ральф был уверен, что вряд ли. И тут перед его мысленным взором возникло лицо Элен. Он резко свернул на обочину, чувствуя, что у него сердце уходит в пятки.

— Ральф? Что...

Но тут Луиза услышала вой сирен, обернулась и в ужасе распахнула глаза. Первые три полицейские машины пронеслись мимо на скорости не меньше восьмидесяти миль в час, забрасывая «олдсмобил» гравием и взвивая хрустящие палые листья в пляшущие вихри.

— Ральф! — закричала Луиза. — Что, если что-то случилось в Хай-Ридже?! Там же Элен, Элен с ребенком!

— Я знаю, — сказал он, и когда четвертая машина просвистела мимо, едва не снеся их в кювет, он почувствовал, что в голове снова что-то как будто сдвинулось, озаренное яркой вспышкой. Он потянулся к коробке передач, но рука застыла на полпути. Взгляд задержался на горизонте. Черная клякса была не такой четкой, как тот темный зонт, раскрывшийся над Общественным центром, но сомнений не оставалось: это был тот же самый саван смерти.

}

— Быстрее, — закричала Луиза. — Быстрее, Ральф!

— Я не могу быстрее, — ответил он. Он сидел, крепко сжав зубы, и слова, казалось, с трудом проходят сквозь них. — Я слишком взвинчен.

А к тому же, мог бы добавить он, я уже тридцать лет так не гонял, и плюс еще и напуган до смерти.

Стрелка спидометра застыла на волосок от отметки «80», деревья слились в сплошную желто-красно-лиловую стену, под капотом уже не просто клацало, а грохотало что твой отбойный молоток. Но, несмотря на это, еще одна тройка полицейских машин, что показалась в зеркале заднего вида, с легкостью их нагоняла.

Впереди дорога круто заворачивала вправо. Заглушая голос инстинкта самосохранения, Ральф не стал нажимать на тормоз. Он убрал ногу с педали газа, только когда они повернули... и почувствовал, что машину заносит. Он мертвой хваткой вцепился в руль, прикусив верхнюю губу, его глаза вылезли из орбит. Задние колеса «седана» застонали, и Луиза упала на Ральфа. Вцепившись в спинку кресла, она пыталась удерживать равновесие. Ральф еще крепче вцепился в руль потными пальцами, всерьез опасаясь, что машина сейчас перевернется. Его «олдсмобил» был одним из последних детройтских монстров — широкий, тяжелый и низкий. Он вписался в поворот, и впереди Ральф увидел красный фермерский дом с двумя амбарами позади.

— Ральф, вон поворот!

— Я вижу.

Новая партия полицейских машин уже нагоняла их, и Ральф свернул на обочину, молясь про себя, чтобы они не зацепили его на такой скорости. Все обошлось, они проехали в сантиметре от него, свернули налево и направились к холму, на котором располагался Хай-Ридж.

— Держись, Луиза.

— Пытаюсь, — пробормотала она.

Ральф едва не соскользнул в кювет, сворачивая на проселок, который они с Каролиной всегда называли Садовой дорогой. Если бы дорога была гудроновая, машина бы точно перевернулась, как это любят показывать в голливудских боевиках. Но слава Богу, этого не произошло, и вместо того чтобы лежать на крыше колесами вверх, машина понеслась дальше в густых клубах пыли. Луиза тонко вскрикнула, и Ральф быстро взглянул на нее.

— Езжай! — Она нетерпеливо указала рукой на дорогу и на мгновение стала так похожа на Каролину, что Ральфу даже показалось, будто он увидел призрак. Он подумал, интересно, а что бы устроила Каролина, которая в последние пять лет, похоже, считала своим святым долгом поторапливать Ральфа везде и всегда, из этой маленькой загородной прогулки. — Не обращай на меня внимания, лучше смотри на дорогу!

Еще несколько полицейских машин сворачивало с шоссе на Садовую дорогу. Сколько же их было всего?! Ральф уже потерял счет. Может быть, дюжина. Может быть, больше. Ральф прижал машину к краю дороги, так что два правых колеса чиркнули по краю грязной канавы, а подкрепление — еще три машины с надписью «ПОЛИЦИЯ ДЕРРИ» на боку и две машины федеральной полиции — пронеслось мимо, обдав «олдсмоби́л» душем из грязи и гравия. Ральф еще успел заметить, как какой-то полицейский, высунувшийся из полицейской машины Дерри, помахал ему рукой, а потом «олдсмоби́л» погрузился в облако желтой пыли. Ральф едва удержался, чтобы не надавить на тормоз, и не надавил только потому, что вспомнил об Элен и Нат. Через минуту пыль немного осела, и он смог опять различать дорогу. Последняя порция полицейских машин была уже на полпути к вершине холма.

— Тот полицейский тебе махал, чтобы ты туда не ехал, да? — спросила Луиза.

— Похоже на то.

— Они нас и близко туда не подпустят. — Она глядела на черную кляксу на вершине холма широко распахнутыми, испуганными глазами.

— Мы подъедем, куда нам нужно. — Ральф взглянул в зеркало заднего вида, готовый к тому, что там будут еще машины, но не увидел ничего, кроме облаков желтой пыли.

— Ральф?

— Что?

— Ты видишь цвета?

Он коротко взглянул на нее. Она по-прежнему казалась ему прекрасной и удивительно молодой, но ее ауры он не видел.

— Нет, — признался он. — А ты?

— И я нет. Но я все еще вижу это. — Она показала на черный туманный зонтик над вершиной холма. — Что случилось? Это не саван, правда?

Он открыл рот, чтобы сказать ей, что это дым, а там только одно строение, которое может гореть, но прежде чем он успел произнести хоть слово, из-под капота раздался оглушительный грохот. Крышка подпрыгнула и в одном месте даже помялась, как будто кто-то огромный и злобный колотил кулаком изнутри. Машина совершила еще один судорожный рывок, потом на панели управления загорелись красные лампочки, и мотор сдох.

Ральф направил машину к обочине, а когда съехал правой стороной в кювет, у него возникло сильное и ясное предчувствие, что он завершил свой последний рейс в качестве водителя. И эта мысль не вызвала в нем ни капли сожаления.

— Что случилось?! — Луиза почти кричала.

— Приехали, — спокойно ответил Ральф. — Похоже на то, что остаток пути нам придется протопать ножками. Вылезай с моей стороны, чтобы не наступать в грязь.

4

Ветер дул с запада, и как только они вылезли из машины, они сразу почувствовали сильный запах дыма. Еще четверть мили они прошли молча, держась за руки и шагая довольно быстро. Когда они увидели на дороге первую патрульную машину, дым уже заволок все пространство между деревьями и Луиза начала задыхаться.

— Луиза, так нормально?

— Нормально, — прокашляла она. — Просто я слишком...

Крэк-крэк-крэк: пистолетные выстрелы со стороны машины, блокирующей дорогу. Потом прозвучал быстрый кашляющий звук, который был знаком Ральфу по теленовостям о гражданский войнах в странах третьего мира или гангстерских перестрелках в третьесортных американских городишках, — гро-

хот очереди автоматического стрелкового оружия. Опять пистолетные выстрелы и в ответ — автомат, только на этот раз громче, жестче. Далее последовал душераздирающий крик боли, от которого Ральф содрогнулся и едва не закрыл уши руками. Ему показалось, что кричит женщина, и ему вдруг вспомнилась одна вещь, которая прежде от него ускользала, — фамилия женщины, о которой упоминал Джон Лейдекер. МакКей. Сандра МакКей.

Эта мысль почему-то наполнила его беспричинным ужасом. Он постарался убедить себя, что кричать мог кто угодно, даже мужчина — иногда мужики кричат, как женщины, если они сильно ранены, — но он знал. Это была она. Это они. Эдовы чокнутые придурки. Они устроили нападение на Хай-Ридж.

Сзади зазвучали еще сирены. Запах дыма стал сильнее. Луиза, которая все еще задыхалась, испуганно посмотрела на Ральфа. Ральф взглянул на вершину холма и увидел серебристый почтовый ящик, стоявший чуть в стороне от дороги. На нем, естественно, не было ничего написано; женщины, которые управляли Хай-Риджем, делали все возможное, чтобы не разглашать информацию о себе и соблюдать анонимность; правда, сегодня это не уберегло их от несчастья. Флажок над почтовым ящиком был поднят. Значит, кто-то оставил там письмо для почтальона. Это заставило Ральфа вспомнить о письме, которое Элен написала ему из Хай-Риджа. Осторожное письмо, но полное искренней заботы.

Снова выстрелы. Стон рикошета. Звон разбитого стекла. Вопль ярости или скорее боли. Голодный треск пламени, пожирившего сухое дерево. Вой сирен. Темные испуганные глаза Луизы, прикованные к нему, потому что он — мужчина, а она привыкла, что мужчины знают, как поступать в таких ситуациях.

Тогда сделай что-нибудь! — мысленно выкрикнул он. *Христа ради, сделай хоть что-нибудь!*

Но что? Что?!

— **ПИКЕРИНГ!** — Голос, усиленный мегафоном, доносился из-за поворота дороги, скрытого рошей молоденьких ело-

чек. Ральф уже видел красные языки пламени в дыму над деревьями. — **ПИКЕРИНГ, ЗДЕСЬ ВНУТРИ ЖЕНЩИНЫ! ПОЗВОЛЬ НАМ СПАСТИ ЖЕНЩИН!**

— Он знает, что там женщины, — прошептала Луиза. — Неужели они не понимают, что он прекрасно об этом знает?! Они что, все сдурели, что ли?!

Странный, прерывистый крик ответил полицейскому с мегафоном, и лишь спустя пару секунд Ральф понял, что это был взрыв хохота. Еще одна автоматная очередь. Пистолетные выстрелы в ответ.

Луиза стиснула его руку ледяными пальцами.

— Что нам делать, Ральф? Что нам теперь делать?

Он посмотрел на черный дым, клубящийся над деревьями, потом — на полицейские машины, которые поднимались на холм (не меньше полдюжины на этот раз), и вновь перевел взгляд на бледное застывшее лицо Луизы. У него в голове немного прояснилось — не слишком, но хотя бы настолько, чтобы он понял, что на этот вопрос есть только один ответ.

— Подниматься.

5

Вспышка! И языки пламени, видневшиеся над верхушками деревьев, превратились из алых в зеленые. Голодный треск огня сменился глухим бормотанием. Крепко держа Луизу за руку, Ральф повел ее мимо полицейской машины, которая блокировала дорогу.

Подъехавшие машины сгрудились перед этим препятствием. Люди в синей униформе выпрыгивали из машин чуть ли не на ходу. У некоторых были автоматы, и почти все были в бронежилетах. Один из них пронесся сквозь Ральфа, как порыв теплого ветра, прежде чем Ральф успел отступить в сторону. Этого молодого человека звали Дэвид Уилберт, и он был уверен, что у его жены роман с боссом. Но мысли о жене отошли на второй план (по крайней мере пока), потому что ему жутко хотелось в туалет, и он испуганно твердил себе:

[Ты не опозоришься, не опозоришься, нет, нет, нет.]

— **ПИКЕРИНГ!** — взвыл мегафон, и Ральфу показалось, что он может попробовать слова на вкус, словно маленькие серебристые леденцы. — **ТВОИ ПРИЯТЕЛИ МЕРТВЫ, ПИКЕРИНГ! БРОСЬ ОРУЖИЕ И ВЫЙДИ ВО ДВОР! ДАЙ НАМ СПАСТИ ЖЕНЩИН!**

Ральф и Луиза завернули за угол, невидимые для окружающих. Площадка перед домом, окруженная пышными клумбами, была вся заставлена полицейскими машинами.

Вот что значит заботливая женская рука, подумал Ральф совершенно невпопад.

Дорога выводила во двор белого фермерского дома, которому было никак не меньше семидесяти лет. Он был трехэтажным, с двумя пристройками и длинной террасой, которая опоясывала все здание и с которой открывался замечательный вид на заснеженные горы в полуденном свете. Этот дом, такой мирный с виду, раньше принадлежал семье Барретов, которые выращивали и продавали яблоки, а теперь он служил приютом для измученных и напуганных. Но Ральфу с первого же взгляда стало ясно, что больше этот дом никому не послужит. Южное крыло было объято огнем, языки пламени вырывались из окон на террасу, похотливо облизывали карниз и уже нацеливались на покрытую дранкой крышу. В дальнем конце террасы догорало плетеное кресло. Недовязанный шарф висел на его ручке. Спицы, торчавшие из вязания, уже раскалились добела. Где-то тоненький колокольчик вызванивал свою безумную повторяющуюся мелодию.

Мертвая женщина в защитного цвета комбинезоне и куртке лежала вниз головой на ступеньках крыльца, слепо уставившись в небо сквозь запачканные кровью очки. В ее волосах была грязь, в руках — пистолет, а в груди — рваная черная дырка. На перилах террасы обвис мужчина, упираясь ботинком в газонокосилку. Он тоже был одет в комбинезон и куртку. Неподалеку на газоне валялся автомат. Кровь текла по рукам мужчины и капала с ногтей. Для расширенного восприятия Ральфа эти капли казались черными.

Фелтон, подумал он. Если полиция все еще разговаривает с Чарли Пикерингом — если Пикеринг внутри, — то это, должно быть, Фрэнк Фелтон. А что насчет Сьюзан Дей? Эд сейчас где-то на побережье, Луиза вроде бы в этом уверена, но что, если Сьюзан Дей здесь? Боже, неужели это возможно?

Он считал, что возможно, но возможности и вероятности не имели сейчас никакого значения. Элен с Натали практически наверняка были здесь, вместе с другими беспомощными и запуганными женщинами — и только это имело значение.

Со стороны дома донесся звон разбитого стекла, потом раздался негромкий взрыв, стало трудно дышать. Ральф увидел новые очаги пламени у передней двери.

Коктейль Молотова подумал он. Чарли Пикеринг наконец получил возможность кинуть парочку бутылок. Как говорится, вот и счастье.

Ральф не знал, сколько полицейских прячется за машинами во дворе — человек тридцать по меньшей мере, — но он заметил двоих знакомых. Тех, которые приходили арестовывать Эда Дипно. Крис Нелл выглядывал из-за ближайшей к дому машины, а Джон Лейдекер стоял на коленях у него за спиной. Нелл держал мегафон, и как раз когда Луиза с Ральфом приблизились к машине, обернулся к Лейдекеру. Лейдекер кивнул, указал на дом, потом хлопнул Нелла о плечу, мол, будь осторожен, как понял Ральф. По ауре Нелла он видел, что молодой человек был слишком взволнован, чтобы быть осторожным. Слишком взвинчен. И поэтому, точно как Ральф и боялся, аура Нелла начала менять цвет. Она чернела с пугающей скоростью.

— СДАВАЙСЯ, ПИКЕРИНГ! — кричал Нелл, не зная, что он уже живой труп.

Раздался звон разбитого стекла. Пикеринг высадил изнутри окно на первом этаже прикладом автомата. В ту же секунду взорвалось еще одно окно — над центральной дверью, — засыпав веранду дождем осколков. Из дыры вырвались языки пламени. Секундой позже сама дверь открылась, будто распахну-

тая невидимой рукой. Нелл высунулся из-за машины, наверное, решив, что стрелок наконец решил сдаться.

Ральф, срываясь на крик: *[Затащи его обратно, Джонни, ЗАТАЩИ ЕГО ОБРАТНО!]*

Автомат вновь показался в окне, только на этот раз стволом вперед.

Лейдекер потянул Нелла за воротник, но недостаточно быстро. Автоматная очередь надрывалась в кашле, и Ральф слышал металлической скрежет — *пэнк! пэнк! пэнк!* — пуль, прошивающих тонкую сталь полицейской машины. Аура Криса Нелла стала совсем-совсем черной — теперь это был саван смерти. Он пошатнулся, когда одна из пуль попала ему в шею, и повалился на землю, судорожно дернув ногой. Мегафон выпал у него из руки. Полицейский, сидевший за соседней машиной, в ужасе закричал. Но Луиза кричала громче.

Еще несколько пуль попало в Нелла, оставив маленькие черные дырки на его синей форме. Сквозь клубящуюся пелену черноты Ральф смутно видел молодого полицейского внутри обволакивающего его савана; Нелл пытался перевернуться и встать на ноги. Ральфу было страшно смотреть на его метания — как будто наблюдаешь за животным, попавшим в капкан.

Лейдекер потянулся, и когда его рука скрылась в черной мембране, окружавшей Нелла, Ральфу вспомнились слова старины Дора: *Я бы на твоём месте его не трогал, Ральф. Я твоих рук не вижу.*

Луиза: *[Не надо! Не делай этого, он мёртв, он уже мёртв!]*

Ствол, выглядывавший из окна, сдвинулся вправо. Теперь он смотрел прямо в спину Лейдекеру. Парень с автоматом, по всей видимости, не был ранен. Ральф поднял правую руку и резко бросил ее вниз рубящим приемом карате, но вместо голубого света из его пальцев вылетело нечто, похожее на гигантские капли чая. Они обволокли лимонного цвета ауру Лейдекера, как щит от пуль, летящих из окна. Ральф видел, как две пули впились в дерево справа от Лейдекера, отколов шепки от

желтоватой коры. Третья пуля ударила в «щит», обволакивающий ауру Лейдекера, и Ральф увидел красную искорку у его виска, но пуля отскочила от щита, словно камешек, пущенный по поверхности воды.

Лейдекер затащил Нелла за машину, осмотрел его, потом открыл дверь со стороны водителя и залез на переднее сиденье. Ральф больше не мог его видеть, но слышал, как он кричит что-то по радию. Кажется: «Где эти гребаные врачи?!»

Снова звон разбитого стекла. Луиза еще крепче вцепилась в руку Ральфа, указывая на какую-то штуку... кирпич, летевший в воздухе. Его швырнули из низкого широкого окна на первом этаже северного крыла. Эти окна были почти скрыты клумбами, которые окружали дом.

— Помогите! — раздался крик из открытого окна, а человек с автоматом — Пикеринг — машинально пальнул по летящему кирпичу. Кирпич раскололся на три части в фонтанчиках красной пыли. Ральф с Луизой сразу узнали этот голос, хотя раньше ни разу не слышали, как кричит Элен Дипно. — Помогите, пожалуйста! Мы тут, в подвале! С нами дети! Пожалуйста, не сжигайте нас насмерть, С НАМИ ДЕТИ!

Ральф и Луиза переглянулись и побежали к дому.

6

Две фигуры в форме, больше похожие на футбольных вратарей в своих массивных бронежилетах, выскочили из-за машины и рванулись к террасе с автоматами наготове. Когда они пересекали двор, Чарли Пикеринг выглянул из своего окна и вновь разразился безумным хохотом. Его всклокоченные серые волосы были в еще большем беспорядке, чем обычно.

На него обрушился шквал огня, окатив его душем из щепок, отколотых пулями от оконной рамы и застучавших по ржавому водостоку у него над головой. Водосток с грохотом упал, но ни единая пуля не задела Чарли.

Почему пули его не берут? — подумал Ральф, когда они с Луизой поднялись на крыльцо и шагнули к пламени цвета лайма, которое было теперь из открытой двери. Черт побери, почему они не могут попасть в окно с такого-то расстояния?!

Но он знал почему. Клото сказал им, что и Атропос, и Эд Дипно находятся под покровительством сил, которые их защищают. И вполне резонно было бы предположить, что теперь эти же силы «взяли шефство» и над Чарли Пикерингом, точно так же, как сам Ральф защитил Лейдекера, когда тот высунулся из-под защиты машины, чтобы затащить своего умирающего коллегу в безопасное место.

Пикеринг открыл огонь по приближающимся федералам. Он целился в ноги, чтобы бронежилеты не смогли их защитить. Один из них молча упал и уже не поднялся; второй вернулся ползком туда, откуда пришел, крича, что он ранен, он ранен, блядь, очень серьезно ранен.

— Барбекю! — хохоча кричал Пикеринг из окна. — Барбекю! Барбекю! Святое возмездие! Поджарить сук! Божественный огонь! Священный божественный огонь!

Ральф услышал крики, исходившие откуда-то снизу и справа. Он нагнулся и увидел страшную картину: цветной туман просачивался между досками крыльца, разнообразие оттенков аур приглушалось кроваво-алым сиянием, которое поднималось над ними... окружало их... Этот кровавый туман был совсем не таким, как тот, который нависал над сценой драки между оранжевым и зеленым мальчиками возле «Красного яблока», но Ральф знал, что они чем-то похожи. Самая главная разница между ними заключалась в том, что этот родился из страха, а не из ярости и агрессии.

— Барбекю! — кричал Чарли Пикеринг и еще что-то о том, что прибьет этих чертовых шлюх. Внезапно Ральф возненавидел его так, как никогда никого.

[Давай, Луиза... пойдём заткнем эту скотину.]

Он взял ее за руку и потянул за собой в горящий дом.

Глава 22

1

верь веранды открывалась в длинный коридор, который пронизывал дом насквозь. Когда они вошли, стало ясно, что он уже весь в огне. Языки пламени виделись Ральфу ярко-зелеными, и когда они с Луизой прошли сквозь них, они были прохладными — словно ментоловый туман. Треск горящего дома был как-то странно приглушен; грохот выстрелов теперь казался таким же далеким и незначительным, каким должен казаться треск молнии человеку, плывущему под водой... да, ощущения были очень похожи, подумал Ральф, как будто плывешь под водой. Они с Луизой сейчас превратились в невидимые существа, плывущие через реку пламени.

Он подошел к двери справа и вопросительно взглянул на Луизу. Она кивнула. Он коснулся дверной ручки и с отвращением посмотрел на свои пальцы, которые прошли сквозь нее. Оно и к лучшему, конечно; если бы он действительно ухватился за эту чертову штуку, то оставил бы пару лоскутов кожи на раскаленном металле.

[Нам нужно войти туда, Ральф!]

Он посмотрел на нее, увидел в ее глазах беспокойство и страх, но ни капельки паники, и кивнул. Они вместе прошли сквозь дверь в тот самый момент, когда тяжелая люстра, что висела в центре прихожей, упала на пол с кошмарным грохотом разбившихся стеклянных подвесок и дребезжащей железной цепи.

За дверью была гостиная, и то, что они там увидели, заставило сердце Ральфа сжаться от ужаса. К стене под огромным плакатом с портретом Сьюзан Дей в джинсах и футболке (НЕ ПОЗВОЛЯЙ ЕМУ ЗВАТЬ ТЕБЯ ДЕТКОЙ, ЕСЛИ НЕ ХОЧЕШЬ, ЧТОБЫ ОН ТАК К ТЕБЕ ОТНОСИЛСЯ, было на-

писано под фотографией) привалились две женщины. Обе были мертвы — застрелены в голову. Похоже, стреляли в упор. Мозги, обрывки волос и кусочки костей разметались по цветному плакату и ковбойским сапожкам Сьюзан Дей. Одна из женщин была беременна. А другая была Гретхен Тилбери.

Ральф вспомнил тот день, когда она вместе с Элен пришла к нему, чтобы предостеречь его и дать баллончик с газом под названием «Телохраниль»; тогда он подумал, что она — настоящая красавица... но, конечно, в тот день ее хорошенькая головка была цела, а мозги не были разбрызганы по стенам. По прошествии пятнадцати лет после того, как она едва избежала смерти от рук своего изувера-мужа, другой мужчина представил пистолет ей к виску и отправил ее прямиком в мир иной. Теперь она уже никому никогда не расскажет, откуда у нее этот шрам на левом бедре.

На мгновение Ральфу показалось, что он сейчас грохнется в обморок. Это было ужасно. Но он все-таки взял себя в руки и буквально вытащил себя из этого состояния, думая о Луизе. Ее аура стала темной, потрясенно-красной. Ее пронзали зубчатые черные линии, похожие на кардиограмму человека, перенесшего сердечный приступ.

[Ральф! Ральф, о Господи!]

Что-то взорвалось в южном крыле дома, причем с такой силой, что взрывная волна выбила дверь, через которую они только что вошли. Ральф подумал, что это, должно быть, баллон пропана... или баллоны пропана... что, в сущности, было сейчас абсолютно не важно. Горящие клочья обоев залетели в комнату из коридора, и Ральф заметил, что легкие занавески на окнах и волосы, которые еще оставались на голове Гретхен Тилбери, заколыхались по направлению к двери в коридор — пламя требовало кислорода, чтобы питать себя. Сколько еще времени остается, пока огонь не превратит женщин и детей в подвале в обугленные головешки? Ральф не знал, но подозревал, что люди, запертые в подвале, задохнутся в дыму задолго до того, как до них доберется пламя.

Луиза в ужасе смотрела на мертвых женщин. Слезы текли у нее по щекам. И от их влажных дорожек поднимался размытый серый свет, похожий на дым, который обычно стоит над сухим льдом. Ральф провел ее через гостиную к закрытым дверям на противоположной от входной двери стене. Он остановился перед теми вторыми дверями, только чтобы глубоко вдохнуть, и шагнул сквозь дерево, крепко держа Луизу за руку.

На мгновение их окутала темнота, в которой Ральф не только носом, но и всем своим телом почувствовал сладкий аромат опилок, а потом они вышли в другую комнату, самую северную комнату в здании. Когда-то это, наверное, была студия, но потом ее переоборудовали в комнату для сеансов групповой терапии. В центре кругом стояло около дюжины кресел с откидными спинками. Стены были увешаны плакатами с надписями вроде: «НЕЛЬЗЯ ТРЕБОВАТЬ, ЧТОБЫ ТЕБЯ УВАЖАЛИ, ЕСЛИ ТЫ САМА СЕБЯ НЕ УВАЖАЕШЬ». На доске в другом конце комнаты кто-то написал печатными буквами: «МЫ ВСЕ — СЕМЬЯ, И ВСЕ МОИ СЕСТРЫ СО МНОЙ». Перед одним из окон, что выходили на крыльцо, скорчился Чарли Пикеринг в бронежилете поверх дурацкой футболки с песиком Снупи, которую Ральф узнал бы везде.

— Я шашлык сделаю из всех этих безбожниц! — орал Пикеринг. Пуля просвистела у него над плечом, вторая попала в оконную раму справа от него и отколола щепку как раз на уровне его глаз в очках в роговой оправе. Догадка Ральфа о том, что у него есть защита, теперь превратилась в уверенность. — Лесбийские сучки! Я им покажу, на что это похоже! На собственной шкуре пусть испытают!

[Стой тут, Луиза... вот здесь, где стоишь.]

[Что ты собрался делать?]

[Позаботиться вот о нем.]

[Не убивай его, Ральф! Пожалуйста, не убивай!]

Почему нет? — желчно подумал Ральф. Этим я лишь окажу всем услугу. Сам он в этом нисколько не сомневался, но у него не было времени спорить.

[Хорошо, я не буду его убивать! Только ты оставайся здесь... слишком много проклятых пуль, так что тебе лучше не рисковать. Я спущусь один.]

Прежде чем Луиза успела ответить, Ральф сосредоточился, вызвал вспышку и спустился обратно на уровень краткосрочников. На этот раз это произошло так быстро, что он чуть не задохнулся от неожиданности — как будто спрыгнул из окна второго этажа на бетонную мостовую. Ауры исчезли, зато появились звуки: треск пламени, уже не приглушенный, а ясный и близкий; грохот автоматной очереди. В воздухе пахло гарью, в комнате было невозможно дышать из-за жары. Возле Ральфова уха прожужжало что-то вроде невидимого насекомого. Жучок сорок пятого калибра.

Лучше поторопись, милый, — посоветовала Каролина. Если на этом уровне в тебя попадет пуля, она убьет тебя, помнишь?

Он помнил.

Он направился к Пикерингу. У него под ногами хрустели осколки стекла и щепки, но Пикеринг не обернулся. Вдобавок к автомату в руках у него на бедре висел револьвер, а у левой ноги валялся небольшой вещмешок. Он был расстегнут, и внутри Ральф заметил несколько винных бутылок. Их раскрытые горлышки ощерились влажными тряпками.

— Убить этих сук! — орал Пикеринг, поливая двор очередной автоматной очередью. Он отбросил пустую обойму, задрагал футболку, и стало видно, что у него за ремень заткнуто еще штуки три-четыре. Ральф достал из вещмешка одну из бутылок с зажигательной смесью, ухватил ее за горлышко и обрушил на голову Пикеринга. И тут же понял, почему тот не услышал его приближения: у него в ушах были стрелковые затyczки. Прежде чем Ральф успел оценить иронию ситуации — человек, который отправился выполнять самоубийственную миссию, позаботился о своем слухе, — бутылка разбилась о висок Пикеринга, окатив его потоком янтарной жидкости и фонтаном зеленых осколков. Пикеринг покачнулся, рука потянулась к раненой голове. Кровь текла сквозь его длинные

пальцы — пальцы пианиста или художника, рассеянно подумал Ральф, — стекая по шее. Он оглянулся, его глаза за грязными стеклами очков удивленно распахнулись, волосы встали дыбом, отчего он стал похожим на мультяшного героя, в которого только что всадили нефиговый электрический разряд.

— Ты?! — заорал он. — Дьявольский Центурион! Детоубийца, безбожник!

Ральф вспомнил о двух мертвых женщинах в соседней комнате и опять пришел в ярость... хотя ярость — это еще мягко сказано. Очень мягко. Ему казалось, что его нервы превратились в раскаленную проволоку под кожей. В голове колотилась мысль: *Одна из них была беременна, так кто из нас детоубийца, одна из них была беременна, так кто из нас детоубийца.*

Пуля вновь просвистела мимо его головы. Ральф этого не заметил. Пикеринг пытался поднять автомат, из которого он застрелил Гретхен Тилбери и ее беременную подругу. Ральф вырвал его из рук Чарли и навел на него. Тот завизжал от ужаса. От этого Ральф взбесился еще больше и забыл об обещании, данном Луизе. Он взвел курок, намереваясь разрядить всю обойму в этого человека, который сейчас жалко скорчился у стены (в этот момент никому из них не пришло в голову, что в обойме не было патронов), но прежде чем он нажал на курок, его отвлекло сияние в воздухе у него за спиной. Сначала оно было бесформенным, просто искрящимся калейдоскопом красок, а потом приняло очертания женщины с мерцающим серым шлейфом, который поднимался из ее головы.

[Не убивай его.]

— Ральф, пожалуйста, не убивай его!

Какое-то мгновение он еще видел доску и написанную на ней цитату прямо сквозь нее, а потом краски стали ее одеждой, ее волосами, ее кожей, и она спустилась на один с ним уровень. Пикеринг в ужасе уставился на нее. Он опять завизжал, и его армейский комбинезон потемнел в области паха. Он прижал руки ко рту, причем прижал слишком сильно, судя по звукам, которые издавал:

— Пппприжрак! — прохрипел он сквозь пальцы. — Прижрак Шентуриона!

Луиза, не удостоив его вниманием, схватила ствол автомата.

— Не убивай его, Ральф! Не надо!

Ральфа тоже напугало ее внезапное появление.

— Разве ты не понимаешь, Луиза? Ты что, действительно не понимаешь?! Он знал, что делает! Может быть, и не слишком осознанно, но он знал — я это видел по его чертовой ауре!

— Это не важно, — возразила она, все еще придерживая ствол автомата так, чтобы он был направлен в пол. — Это не важно, знал он или нет. Нам нельзя уподобляться им. Нам нельзя быть такими, как они.

— Но...

— Ральф, я хочу отпустить этот ствол. Он горячий. Он обжигает мне пальцы.

— Хорошо, — сказал он и отпустил автомат одновременно с Луизой. Автомат упал на пол между ними, и Пикеринг, который в этот момент все еще сползал по стенке, прижав пальцы ко рту и уставившись на Луизу блестящими, остекленевшими глазами, кинулся к нему со скоростью атакующей кобры.

То, что Ральф сделал потом, он сделал без всякой задней мысли, и тем более без всякой ярости — он действовал, подчиняясь инстинкту. Он обхватил обеими руками голову Пикеринга. Что-то сверкнуло у него в голове; что-то, что показалось ему волшебным увеличительным стеклом. Он помчался вверх по уровням, за секунду забравшись на такую высоту, где он еще не был ни разу. На вершине подъема он почувствовал мощную вспышку у себя в голове и взрыв в руках. Потом, уже опустившись вниз, он услышал какой-то грохот, глухой, но различимый звук, совершенно отличный от выстрелов снаружи.

Тело Пикеринга дернулось, словно в судороге, ноги отлетели вперед с такой силой, что один ботинок слетел. Его яго-

дицы подскочили и снова упали. Зубы прикусили нижнюю губу, и изо рта потекла кровь. На секунду Ральфу показалось, что он видит крошечные синие искры, что стекали с кончиков его волос. Потом видение исчезло, и Пикеринг как-то разом обмяк и привалился к стене. Он смотрел на Луизу и Ральфа совершенно остекленевшими глазами, из которых исчезло всякое выражение.

Луиза закричала. Сначала Ральф подумал, что она кричит из-за того, что он сделал с Пикерингом, а потом увидел, как она бьет себя по голове. Кусок горящих обоев упал ей на затылок, и волосы уже вспыхнули.

Он подскочил к ней и сам сбил пламя. Потом закрыл ее своим телом от оружейных залпов, бьющих в северное крыло. Другой рукой он опирался о стену; и увидел пулю, попавшую между указательным и большим пальцами, как будто в каком-то забавном фокусе.

— Поднимаемся, Луиза! Поднимаемся

[прямо сейчас!]

Они поднялись одновременно. Превратились в цветной туман... и исчезли на глазах у Чарли Пикеринга, который уже ничего не видел.

}

*[Что ты с ним сделал, Ральф? На секунду вы пропали... под-
нялись... а потом... потом он... что ты с ним сделал?]*

Она смотрела на Чарли Пикеринга, оглушенная ужасом. Пикеринг сидел у стены точно в такой же позе, как и мертвые женщины в соседней комнате. Ральф увидел, как розоватый слюнявый пузырь появился между его губами, надулся и лопнул.

Он повернулся к Луизе, взял ее за руки чуть выше запястий и передал ей мысленный образ: электрический щиток в подвале у него дома на Харрис-авеню. Рука открывает коробку и поворачивает все выключатели. Он не был уверен, что прав —

все случилось слишком быстро, чтобы быть в чем-то уверенным, — но думал, что он близок к истине.

Луиза широко распахнула глаза и кивнула. Она посмотрела на Пикеринга, потом — на Ральфа.

[Он сам это сделал с собой? Ты не специально, правда?]

Ральф кивнул и снова услышал крики — крики, идущие снизу, которые он вряд ли расслышал бы на обычном уровне.

[Луиза?]

[Да, Ральф. Давай. Прямо сейчас.]

Он взял ее руки в свои, как тогда, когда они стояли в кругу вчетвером в госпитале. Только теперь они не поднимались, а опускались — уходили под пол, как под воду. Ральф едва успел испугаться темноты, отрезавшей, как ножом, видимый мир, и они уже были в подвале, медленно опускаясь на грязный цементный пол. Он увидел пыльные отопительные трубы, газонокосилку, покрытую грязным полиэтиленом, садовые инструменты, прислоненные к странному металлическому цилиндру, наверное, паровому котлу, картонные коробки, сдвинутые к кирпичной стене — из-под сухих супов, бобов, спагетти, кофе, мусорных мешков и туалетной бумаги. Все это выглядело нереальным, нездешним, и Ральф поначалу решил, что это новый побочный эффект от перехода на другой уровень. Но потом понял, что это просто дым — подвал быстро наполнялся дымом.

Здесь было восемнадцать—двадцать человек, сгрудившихся в одном конце длинной темной комнаты, большинство — женщины. Еще Ральф увидел мальчика лет четырех, цеплявшегося за колени матери (ее лицо было все в синяках, которые уже сходили, но были еще заметны), маленькую девочку годом-двумя постарше, уткнувшуюся лицом в материнский живот... и Элен. Она держала Натали на руках и дула на лицо девочки, словно стараясь сохранить воздух вокруг нее чистым. Натали страшно, надрывно кашляла, задыхаясь. За женщинами и детьми Ральф заметил лестницу, уходящую в темноту.

[Ральф? Теперь нам нужно спуститься, да?]

Он кивнул, поймал внутреннюю вспышку, и тут же закашлялся, выталкивая ядовитый дым из легких. Они возникли из воздуха прямо перед группой женщин и детей у подножия лестницы, но их появление заметил только маленький мальчик, который держался за колени матери. Ральф вдруг понял, что он уже где-то видел этого мальчика, но никак не мог вспомнить где — ему и в голову не пришло подумать про тот день в конце лета, когда он видел этого мальчика в Строуфорд-парке, малыша, игравшего с мамой в мячик.

— Смотри, мама! — воскликнул мальчик, показывая на них пальчиком и надрывно кашляя. — Ангелы!

Ральфу вспомнились слова Клото: «Мы не ангелы, Ральф», — и он бросился к Элен сквозь клубящийся дым, все еще держа Луизу за руку. Глаза уже шипало, слезы текли в три ручья, и он слышал, как кашляет Луиза. Элен оцепенело смотрела на него, не узнавая — как в тот августовский день, когда Эд так страшно ее избил.

— Элен!

— Ральф?

— Эта лестница, Элен... куда она ведет?

— Что ты тут делаешь, Ральф? Как ты сюда по...

Ее скрутило в приступе кашля. Натали почти выпала у нее из рук, так что Луиза еле успела подхватить кричащего ребенка.

Ральф взглянул на женщину слева от Элен, понял, что она еще хуже осознает, что происходит, схватил Элен за плечи и потряс ее.

— Куда ведет лестница?

Она оглянулась через плечо.

— Это выход из подвала. Люк, — словно через силу сказала она. — Но нам это не поможет. Он...

Она зашлась в сухом кашле. Звук был похож на автоматную очередь.

— Он заперт, — закончила Элен, откашлявшись. — Эта толстая женщина его заперла. У нее был замок в кармане. Я

видела, как она его вешала. Зачем она это сделала, Ральф? Откуда она узнала, что мы спустились сюда?

«А куда же вам было еще идти?» — мрачно подумал Ральф, потом повернулся к Луизе.

— Посмотри, что можно сделать, ладно?

— Хорошо. — Она протянула ему кричащего, кашляющего ребенка и растолкала маленькую толпу женщин. Насколько Ральф видел, Сьюзан Дей среди них не было. В дальнем конце подвала на пол выплеснулся фонтан искр и волна удушливой жары. Девочка, прятавшая лицо на животе матери, начала тонко кричать.

Луиза взобралась по ступенькам, потом подняла руки, как священник, дающий благословение. В свете кружащихся искр Ральф разглядел только косую тень — наверное, это и был люк. Луиза уперлась руками в крышку люка. Сначала ничего не происходило, а потом она выпала из этого слоя реальности в радужный водоворот красок. Ральф услышал громкий звук, похожий на взрыв аэрозольного баллончика в костре, а потом Луиза вернулась. В тот же миг он увидел столб белого света, исходящий из ее головы.

— Что это было, мама? — спросил мальчик, который называл Ральфа с Луизой ангелами. — Что случилось? — Но прежде чем она успела ответить, стопка занавесок на столе шагах в двадцати от них вспыхнула, окрасив лица женщин в черный и оранжевый, как на Хэллоуин.

— Ральф! — прокричала Луиза. — Помоги мне!

Он протолкался сквозь тесную кучку изумленных женщин и поднялся по лестнице.

— Что? — Горло, казалось, облили керосином. — Не справляешься?

— Я справилась, я почувствовала, что замок сломан... во всяком случае, мне показалось, что сломан... но сам люк слишком тяжелый. Так что теперь твоя очередь. Дай мне ребенка.

Он отдал ей Натали, потом подошел и попробовал люк. Он был тяжелый, да, но у Ральфа в крови бурлил адреналин,

так что как только он приналег плечом, люк сразу открылся. В подвал ворвался поток яркого света и свежего воздуха. В фильмах такие моменты обычно сопровождаются возгласами торжества и облегчения, но поначалу никто из женщин, столпившихся внизу, не издал ни звука. Они просто стояли с застывшими лицами и смотрели на кусок голубого неба, открывшийся в потолке комнаты, которую они уже считали своей могилой.

А что они скажут потом? — подумал он. Если они действительно переживут все это, что они скажут потом? Что какой-то тощий мужик с густыми бровями и смелая леди с прекрасными испанскими глазами появились в подвале, непонятно откуда, сломали замок на люке и выпустили их наружу?

Он взглянул вниз и увидел, что странно знакомый мальчик смотрит на него огромными серьезными глазами. На переносице у мальчика был кривой шрам в форме крючка. Ральф подумал, что этот мальчик — единственный, кто видел их по-настоящему, даже когда они опустились обратно на уровень краткосрочников, и Ральф прекрасно знал, что он скажет: пришли ангелы, ангел-мужчина и ангел-женщина, и освободили их. В сегодняшних новостях будет забавный сюжет, подумал Ральф. Да, конечно. Лизетт Бэнсон и Джону Киркленду должно понравиться.

Луиза помахала рукой одному из полицейских.

— Идите сюда, ребята, быстрее, пока огонь не добрался до канистр с керосином!

Женщина с маленькой девочкой очнулась первой. Она подняла плачущего ребенка на руки и пошла вверх по лестнице, кашляя и рыдая. Остальные двинулись следом. Мальчик с восхищением посмотрел на Ральфа, когда мать провела его мимо.

— Круто, дядь, — выпалил он.

Ральф усмехнулся — просто не мог сдержаться, — потом обернулся к Луизе и указал на люк.

— Если я все правильно понимаю, эта лестница выходит за домом. Проследи, чтобы они не обходили дом. Полиция по-

ловину их перестреляет, пока поймет, что это те люди, которых они приехали спасать.

— Хорошо, — сказала Луиза. Ни единого вопроса, больше ни слова. За это Ральф ее и любил. Она пошла вверх по ступенькам, остановившись только, чтобы поудобнее перехватить Натали и поддержать за локоть женщину, которая споткнулась.

В подвале остались только Ральф и Элен Дипно.

— Это была Луиза? — спросила она его.

— Да.

— Натали у нее?

— Да.

Провалился еще кусок крыши; вновь закружились искры, и языки пламени побежали по балкам возле отопительных труб.

— Ты уверен? — Она вцепилась в его рубашку и уставилась на него огромными безумными глазами. — Ты уверен, что Натали у нее?

— Конечно. Пойдем.

Элен огляделась, как будто что-то прикидывая в уме. Вид у нее был встревоженный.

— Гретхен! — воскликнула она. — И Мерил! Мы должны забрать Мерил! Она на восьмом месяце!

— Она там, наверху, — сказал Ральф, хватая ее за руку, когда она вознамерилась вернуться в горящий подвал. — Она и Гретхен, они обе там. Это все? Больше никого нет?

— Да, кажется.

— Хорошо. Пойдем. Надо скорее выбираться отсюда.

}

Ральф и Элен вылезли из люка в облаке темно-серого дыма, словно помощники в лучшем фокусе хорошего иллюзиониста. Они действительно оказались за домом, на заднем дворе с бельевыми веревками. Платья, брюки, нижнее и постельное белье хлопало на ветру. Огонь добрался и до них, что-то уже горело. Языки пламени вырывались из окон кухни. Жара стояла невыносимая.

Элен обвисла у него на руках, не потеряв сознание, а просто обессилев. Ральфу пришлось обнять ее за талию, чтобы она не упала. Она обхватила его за шею и попыталась спросить что-то про Натали. Потом она увидела девочку на руках у Луизы и немного расслабилась. Ральф перехватил ее поудобнее и полувынес-полувыволок из люка. И тут он увидел на земле обломки того, что еще недавно было навесным замком. Он был разорван надвое и странно скручен, как будто необычайно сильные руки просто сорвали его с двери.

Женщины были уже шагах в сорока от них — стояли, сгрудившись на углу дома. Луиза что-то им говорила; видимо, уговаривала не ходить дальше. Ральфу подумалось, что при удачном стечении обстоятельств они могут остаться целы, даже если пойдут туда — стрельба из полицейских укреплений хоть и не прекратилась, но заметно ослабла.

— ПИКЕРИНГ! — Голос был похож на лейдекеровский, хотя из-за искажений, которые давал мегафон, нельзя было сказать наверняка. — ПОЧЕМУ БЫ ТЕБЕ НЕ ПОБЫТЬ УМНИЦЕЙ ХОТЬ РАЗ В ЖИЗНИ И НЕ ВЫЙТИ ОТТУДА, ПОКА ЕЩЕ МОЖЕШЬ?

Где-то поблизости выли сирены. Они приближались. На этот раз среди них были явно слышны и надрывные завывания «скорой помощи». Ральф подвел Элен к остальным. Луиза передала ей Натали, повернулась в направлении мегафонного голоса, сложила руки рупором и приставила их ко рту.

— Эй! — прокричала она. — Эй вы там, вы не можете...

Она умолкла, зайдясь в страшном кашле, почти рвотном приступе; из покрасневших опухших глаз хлынули слезы.

— Луиза, с тобой все в порядке? — Уголком глаза Ральф заметил, что Элен покрывает лихорадочными поцелуями личико своей любимой и единственной малышки.

— Ага, — глухо ответила она, вытирая лицо руками. — Этот чертов дым, вот и все. — Она опять поднесла руки ко рту, сложив их рупором: — Вы меня слышите?

Оружейная пальба распалась на несколько одиноких хлопков. Ральф подумал, что даже одного из этих хлопков было

бы вполне достаточно, чтобы случайно убить кого-то из этих женщин.

— Лейдекер! — завопил он, тоже сложив руки рупором у рта. — Джон Лейдекер!

Пауза. Потом мегафонный голос подал команду, несказанно обрадовавшую Ральфа:

— ПРЕКРАТИТЬ ОГОНЬ!

Еще один хлопок, и воцарилась тишина, которую нарушал только треск горящего дома.

— КТО СО МНОЙ ГОВОРИТ? НАЗОВИТЕ СЕБЯ!

Но Ральф подумал, что у него и так хватает проблем, чтобы примешивать еще и это.

— Тут, за домом, женщины! — прокричал он, теперь сам борясь с приступом кашля. — Я посылаю их к вам.

— НЕТ, НЕ НАДО! — ответил Лейдекер. — ТУТ ЧЕЛОВЕК С АВТОМАТОМ В ДОМЕ! ОН УЖЕ НЕСКОЛЬКО ЧЕЛОВЕК ЗАСТРЕЛИЛ!

Одна из женщин при этих словах застонала и закрыла руками лицо.

Ральф прочистил свою пылающую глотку — сейчас он отдал бы все свои сбережения за баночку ледяной колы — и закричал:

— Не волнуйтесь о Пикеринге. Пикеринг...

А что с ним было-то, с Пикерингом, на самом деле? Черт, хороший вопрос.

— Мистер Пикеринг без сознания! Поэтому он больше не стреляет! — прокричала Луиза. Ральф подумал, что «без сознания» — не слишком точное описание состояния мистера Пикеринга, но ничего, сойдет. — Женщины сейчас выйдут из-за угла, с поднятыми руками! Не стреляйте!

Молчание. Потом:

— МЫ-ТО НЕ БУДЕМ, НО, НАДЕЮСЬ, ВЫ ЗНАЕТЕ, О ЧЕМ ГОВОРИТЕ, ЛЕДИ!

Ральф кивнул женщине с маленьким мальчиком.

— Давайте идите. Вы двое возглавляете парад.

— Вы уверены, что они не причинят нам вреда? — Поджимающие синяки на лице женщины (которое казалось Ральфу смутно знакомым) лишний раз подтверждали, что для нее это действительно важный вопрос: причинят ей вред или нет. Ей и ее сыну. — Вы уверены?

— Да, — успокоила ее Луиза, все еще кашляя и потирая опухшие глаза. — Только поднимите руки вверх. Ты ведь сумеешь поднять руки, правда, ковбой?

Мальчуган поднял руки вверх с энтузиазмом ветерана из полицейских сериалов, но его сияющие глаза все еще смотрели на Ральфа.

Розовые розы, подумал Ральф. Если бы я сейчас видел его ауру, она была бы такого цвета. Он не мог понять, была это память или интуиция, но он был уверен, что это так.

— А те, кто внутри? — спросила одна из женщин. — А если они будут стрелять?! У них были пушки... а если они будут стрелять?!

— Из дома больше никто не будет стрелять, — успокоил ее Ральф. — Давайте идите туда.

Мать мальчика с сомнением взглянула на Ральфа, потом обернулась к сыну.

— Готов, Пат?

— Да! — выпалил Пат и улыбнулся.

Его мама кивнула и подняла одну руку. Другой она обняла сына за плечи, будто защищая. Это почему-то до слез тронуло Ральфа. Они зашли за угол.

— Не стреляйте! — закричала она. — Видите, мы подняли руки, и со мной маленький сын, не стреляйте!

Остальные подождали еще немного, и следующей пошла женщина, которая закрывала руками лицо. К ней присоединилась та, что с маленькой девочкой (теперь ребенок был у нее на руках, и девочка тоже подняла ручки). За ними последовали остальные — кашляя, с поднятыми вверх руками. Когда Элен пристроилась в хвост этой процессии, Ральф дотронулся до ее плеча. Она обернулась к нему, ее воспаленные глаза смотрели спокойно и чуть удивленно.

— Ты уже второй раз появился, когда был нужен нам с Натали, — тихо сказала она. — Ты наш ангел-хранитель, Ральф?

— Может быть, — улыбнулся он. — Может, и так. Послушай, Элен... у меня мало времени. Гретхен мертва.

Она кивнула и заплакала.

— Я так и знала. Лучше бы, конечно, не знать, но я знаю.

— Мне очень жаль.

— Нам было так здорово, когда они приехали, то есть мы все нервничали, но все равно смеялись и болтали. Мы собирались весь день готовиться к ее выступлению сегодня вечером. К выступлению Сьюзан Дей.

— Как раз об этом я и хотел с тобой поговорить, — сказал Ральф. — Как ты думаешь, они все еще...

— Мы готовили завтрак, когда они приехали. — Она говорила, как будто не слыша его, и Ральф подумал, что так оно и есть. Натали прижалась к ее плечу, и хотя она все еще кашляла, но зато перестала плакать. Теперь, в безопасности в материнских объятиях, она с живым любопытством разглядывала Ральфа с Луизой.

— Элен... — начала Луиза.

— Смотрите! Вы видите? — Элен указала на коричневый «кадиллак», припаркованный за ветхим сараем, в котором раньше стоял пресс для приготовления сидра; когда-то Ральф с Каролиной случайно туда зашли, поэтому он знал об этом. А сейчас там, наверное, был гараж. Машина была не в лучшей форме: стекла разбиты, дверцы помяты, одна фара заклеена синей изолентой. На бампере — сплошь наклейки с лозунгами защитников жизни.

— Это машина, на которой они приехали. Они зарулили за дом, будто собирались поставить ее в гараж. Я думаю, это нас и одурачило. Они поехали к гаражу, как будто они тут свои. — Она задумчиво посмотрела на машину, потом перевела свои воспаленные от дыма глаза на Ральфа с Луизой. — И никто не заметил эти наклейки на бампере, хотя должны были заметить.

Ральф вдруг вспомнил Барбару Ричардс из общества защиты женщин — Барби Ричардс, которая не испугалась, когда

Луиза шагнула к ее столу. Не важно, что Луиза искала что-то в сумочке; важно, что Луиза была женщиной. «Кадиллак» вела Сандра МакКей. Ральфу не нужно было спрашивать у Элен, чтобы это узнать. Они увидели за рулем женщину и не обратили внимания на наклейки на бампере. Мы все одна семья, и все мои сестры со мной.

— Когда Дини сказала, что люди, которые вылезли из машины, одеты в армейские комбинезоны и что у них оружие, мы подумали, что это шутка. Все, кроме Гретхен. Она нам велела спуститься вниз и как можно быстрее. Потом она пошла в гостиную. Чтобы вызвать полицию, я думаю. Я должна была остаться с ней.

— Нет. — Луиза пропустила сквозь пальцы локон волос Натали. — Прежде всего ты должна заботиться о ней, правильно? И ты правильно сделала, что не осталась в доме.

— Наверное, — безразлично сказала Элен. — Наверное, так. Но она была моей подругой, Луиза. Подругой.

— Я знаю, милая.

Лицо Элен сморщилось, и она расплакалась. Натали посмотрела на мать с выражением комического изумления и тоже заплакала.

— Элен, — сказал Ральф. — Элен, послушай меня. Мне нужно тебя кое о чем спросить. Это очень важно. Ты меня слушаешь?

Элен кивнула, но продолжала рыдать. Ральф понятия не имел, слышит она его или нет. Он посмотрел на угол здания, гадая, сколько еще пройдет времени, прежде чем полиция появится здесь, и глубоко вздохнул.

— Как ты думаешь, они все-таки проведут это сегодняшнее выступление? Ты была ближе всех к Гретхен, ты должна знать. Скажи, что ты об этом думаешь.

Элен перестала плакать и посмотрела на него широко распахнутыми глазами, словно не веря тому, что услышала. Сейчас у нее в глазах была ярость.

— Как ты можешь такое спрашивать?! Как ты можешь?!

— Ну... потому что... — Он замолчал, не в силах продолжать. Он был растерян и обескуражен. Ярость — это последнее, чего он ожидал.

— Если они нас сейчас остановят, значит, они победили, — сказала Элен. — Неужели ты этого не понимаешь?! Гретхен умерла, Мерил умерла, Хай-Ридж сгорит до основания вместе со всем, что у нас есть, и если они остановят нас сейчас — они выиграли.

Какая-то часть разума Ральфа — глубоко внутри — провела ужасную параллель. Другая часть, которая любила Элен, попыталась остановить первую, но было уже поздно. Ее глаза были точно такими же, как у Чарли Пикеринга, когда Пикеринг сидел напротив него в библиотеке, и этому взгляду не было разумного объяснения.

— Если они остановят нас сейчас, они выиграют! — закричала она. Натали у нее на руках заплакала еще громче. — Ты что, не понимаешь?! Неужели так трудно понять?! Мы никогда этого не допустим! Никогда! Никогда! Никогда! Никогда!

Она резко подняла свободную руку и пошла к углу дома. Ральф потянулся за ней, но его рука только скользнула по ее блузке. Это был конец.

— Не стреляйте! — крикнула Элен полицейским на другой стороне. — Не стреляйте, я тоже с этими женщинами! Я тоже с этими женщинами!

Ральф рванулся было за ней, но Луиза ухватила его за ремень.

— Лучше не ходи туда, Ральф. Ты — мужчина, и они могут подумать...

— Привет, Ральф! Привет, Луиза!

Они обернулись на этот голос. Ральф узнал его сразу и одновременно и удивился, и не удивился. За бельевыми веревками, которые уже горели вовсю, стоял Дорренс Марстеллар — в своих старых фланелевых брюках и тяжелых ботинках, подвязанных куском электропровода. Его волосы, такие же мягкие, как у Натали (но седые вместо каштанов-

вых), развевало октябрьским ветром. Как обычно, в одной руке у него была книга.

— Пойдемте, вы двое, — сказал он, улыбаясь, и направился к ним. — Надо поторопиться. У нас мало времени.

4

Он привел их к заросшей, заброшенной тропинке, что петляла по склону холма, уводя в восточном направлении от дома. Сначала они прошли через большой огород. Весь урожай был уже убран, кроме тыкв и кабачков. Потом был фруктовый сад, где наливались яблоки, потом — густые заросли ежевики, где было много колючек, зверски цеплявшихся за одежду. Когда из ежевичной чаши они вышли в рощу старых сосен и елей, Ральф сообразил, что они, должно быть, идут в сторону Нью-порта.

Дорренс шел довольно быстро для человека его лет, и безмятежная улыбка не сходила с его лица. Книга у него в руках называлась «О любви. Стихи 1950—1960», автор — некто Роберт Крили. Ральф никогда о нем не слышал, но мистер Крили наверняка тоже не слышал об Элморе Леонарде, Эрнесте Хейкоксе или Луисе Л'Амуре. Он только раз попытался заговорить со стариной Дором — когда они наконец дошли до подножия холма, усыпанного сосновыми иголками. Прямо перед ними весело пенился ручеек.

— Дорренс, что ты здесь делаешь? Как ты сюда попал, между прочим? И куда, черт подери, мы идем?

— О, я теперь редко отвечаю на вопросы, — сказал Дор, широко улыбаясь. Он подошел к ручейку и указал пальцем на воду. В воздух выпрыгнула маленькая форелька, взбила хвостом блестящие брызги и упала обратно в воду. Ральф с Луизой переглянулись с одинаковым выражением лиц, означавшим: Я правда видел(а) это или мне показалось?

— Нет, нет, — продолжал Дор, становясь на влажный камень. — Едва ли. Слишком все сложно. Слишком много

возможностей. Слишком много уровней... а, Ральф? В мире множество уровней, да, Луиза? Ты как, кстати?

— Нормально, — с отсутствующим видом проговорила она, наблюдая за тем, как Дор перебирается через ручей по удобно расположенным камням. Он шел, расставив руки в стороны, как заправский акробат. Когда он добрался до противоположного берега, далеко позади раздался приглушенный расстоянием грохот, отдаленно напоминающий взрыв.

А вот и канистры с керосином, подумал Ральф.

Дор обернулся к ним, улыбаясь своей безмятежной улыбкой Будды. Ральф поднялся, на этот раз — сам того не желая и без ощущения внутренней вспышки. Цвета ворвались в мир, но он их сейчас не замечал, все его внимание было приковано к Дорренсу. Он увидел такое, что у него даже перехватило дыхание.

За этот месяц Ральф повидал ауры многих оттенков, но ни одна из них даже отдаленно не приближалась к этой замечательной оболочке, обладателя которой старик Дон Визи однажды описал так: «Вообще-то приятный парень, но на самом деле — дурак». Аура Дорренса была как будто пропущена через призму... или просто похожа на радугу. Цвета ласкали глаз яркими переливами — синий за лиловым, лиловый — за красным, красный — за розовым, розовый — за бежевым.

Он почувствовал, что рука Луизы ищет его руку, и сжал ее крепко-крепко.

[Боже мой, Ральф, ты видишь? Ты видишь, как это прекрасно?]

[Конечно.]

[Кто он? Он вообще человек?]

[Я не знаю...]

[Прекратите, вы оба. Спускайтесь обратно.]

Дорранс все еще улыбался, но голос, который они услышали, гремел командными нотками. И прежде чем Ральф успел спуститься сам, он почувствовал резкий толчок. Цвета разом исчезли.

— Сейчас на это нет времени, — сказал Дор. — Так, уже полдень.

— Полдень? — искренне удивилась Луиза. — Не может быть! Когда мы сюда приехали, еще не было девяти, а с тех пор и получаса не прошло!

— Время бежит быстрее, когда ты наверху, — сказал старина Дор. Он говорил очень серьезно, в то же время по-свойски подмигивал им. — Спросите об этом кого-нибудь, кто пьет пиво и слушает кантри субботним вечером. Пойдемте. Быстрее! Часики тикают! Перебирайтесь через ручей!

Луиза пошла первой, осторожно переступая с камня на камень и раскинув руки в стороны, как делал Дорренс. Ральф пошел за ней, держа руки у ее бедер, готовый поймать ее, если она поскользнется, но именно он чуть не свалился в воду. Он сумел удержать равновесие, но только ценой промоченного ботинка. Ему казалось, что где-то в укромном уголке его сознания весело смеется Каролина.

— Дорренс, ты не мог бы нам кое-что объяснить? — спросил он, добравшись до берега. — Мы тут совсем запутались. — И не только мысленно или духовно, подумал он. Он никогда в жизни не был в таком лесу, даже на охоте в молодости. Что будет, если тропинка вдруг пропадет или если старина Дор бросит их здесь, что тогда?

— Да, — тут же ответил Дор. — Кое-что я вам могу объяснить совершенно точно.

— Что?

— Это лучшие из стихов Роберта Крили, — сказал Дор, демонстрируя им свою книгу «О любви», и, прежде чем кто-то из них успел хоть что-то на это сказать, развернулся и продолжил свой путь по лесу.

Ральф с Луизой переглянулись, разочарованные. Луиза пожала плечами.

— Пойдем, приятель, — улыбнулась она. — Лучше нам от него не отставать. Я забыла хлебные крошки.

Они взобрались на следующий холм, и с его вершины Ральф увидел, что тропинка, по которой они шли, обрывается у заросшего сорняками карьера футов пятидесяти в длину. У края карьера стояла машина, последняя модель «форда», которая казалась почему-то Ральфу знакомой. Когда дверца открылась и из машины вылез водитель, все сразу встало на свои места. В последний раз они видели эту машину из окна гостиной Луизы во вторник вечером. Тогда она застыла на середине Харрис-авеню, а водитель стоял на коленях в свете фар... перед собакой, которую он сбил. Джо Вайзер услышал, что они идут, поднял голову и помахал им рукой.

Глава 23

1

н сказал, чтобы я вас подвез, — сказал Вайзер, аккуратно разворачивая машину.

— Куда? — спросила Луиза. Она сидела на заднем сиденье вместе с Дорренсом. Ральф сидел впереди, рядом с Джо Вайзером, который, казалось, не вполне понимает, где он и даже кто он такой. Ральф приподнялся над обычным уровнем восприятия — совсем чуть-чуть, — когда пожимал руку Джо, чтобы посмотреть на его ауру. И с аурой, и с веревочкой все было в порядке, они выглядели совершенно здоровыми... но их яркий желто-оранжевый цвет был как будто приглушен. Ральф решил, что это, должно быть, влияние старины Дора.

— Хороший вопрос, — смущенно усмехнулся Вайзер. — Я понятия не имею, правда. Это был самый странный день в моей жизни. Вот уж точно.

Просека закончилась Т-образным перекрестком — пересечением с проселочной дорогой. Вайзер остановился, посмотрел, нет ли машин, и повернул налево. Они проехали указатель на съезд на шоссе № 95, и Ральф догадался, что Вайзер повернет на север, как только они доберутся до магистрали. Он знал, где они сейчас — примерно в двух милях к югу от шоссе № 33. Отсюда до Дерри было полчаса езды, и именно туда они, без сомнения, и направлялись.

Он вдруг рассмеялся.

— А вот и мы, — хохоча, выпалил он. — Трое счастливых и беззаботных на полуденной прогулке. То есть нас уже четверо. Добро пожаловать в гиперреальность, Джо.

Джо внимательно посмотрел на него и вдруг расплылся в улыбке.

— Так вот что это, гиперреальность. — И прежде чем Ральф или Луиза успели ответить, сказал: — Да, наверное.

— Ты читал это стихотворение? — спросил Дорренс с заднего сиденья. — Оно начинается: «Я делаю все, что я делаю, в спешке, чтобы успеть сделать что-то еще».

Ральф повернулся к Дорренсу и увидел, что тот по-прежнему улыбается своей безмятежной широкой улыбкой.

— Да, я читал. Дор...

— Разве это не шедевр? Потрясающее стихотворение. Стивен Добинс напоминает мне Харта Крэйна, только без претензий. Или, может быть, я имел в виду Стивена Крэйна, хотя вряд ли... Конечно, ему не хватает мелодичности Дилана Томаса, но разве это так уж плохо? Наверное, нет. Современная поэзия не музыкальна. Она энергична... все дело в напоре, а он либо есть, либо нет.

— О черт, — прошептала Луиза, закатив глаза.

— Ты мог бы сказать нам все, что нам надо знать, если бы мы поднялись на несколько уровней, — сказал Ральф. — Но ты не хочешь этого делать, да, Дор? Потому что там, наверху, время идет быстрее.

— В самую точку, — ответил Дор. Впереди показались синие указатели на южный и северный въезды на магистраль. —

Мне кажется, вам сегодня еще предстоит подниматься, и тебе, и Луизе, так что лучше вам сэкономить как можно больше времени. Экономить... время. — Он сделал странно знакомый жест: поднял вверх скрюченный указательный и большой пальцы и соединил их, изображая сужающийся проход.

Джо Вайзер включил поворотник и повернул налево на съезд на шоссе в сторону Дерри.

— А ты-то как оказался замешанным во все это, Джо? — спросил его Ральф. — Почему Дорренс выбрал своим шофером именно тебя?

Вайзер покачал головой, он как раз выехал на шоссе, и машину снесло на встречную полосу. Ральф молниеносно потянулся к рулю и выправил курс, напомнив себе, что Джо, наверное, тоже почти не спал в последнее время. Хорошо еще, что на дороге не было машин, по крайней мере так далеко от города. Лишние волнения им ни к чему. Сегодня им еще предстоит поволноваться, Господь свидетель.

— Мы все связаны вместе узами Предопределенности, — неожиданно проговорил Дорренс. — Это *ка-тет*, что значит: одно, образованное из многих. Как разные рифмы образуют одно стихотворение, понимаете?

— Нет. — Ральф, Луиза и Джо ответили одновременно слаженным, хоть и не отрететированным хором и хором же нервно рассмеялись. «Три Бессонника Апокалипсиса, — подумал Ральф. — Боже, спаси нас и сохрани».

— Это нормально, — успокоил их старина Дор, улыбаясь своей широченной улыбкой. — Просто поверьте мне на слово. Ты и Луиза... Элен и ее дочка... Билл... Фэй Чапин... Триггер Вашон... и я! Все мы — части Предопределенности.

— Ну, это все замечательно, Дор, — сказала Луиза, — но куда эта Предопределенность ведет нас сейчас? И что нам нужно будет сделать, когда мы туда доберемся?

Дорренс наклонился вперед и что-то зашептал на ухо Джо Вайзеру, прикрыв рот отекавшей, покрытой старческими пятнами рукой. Потом он снова откинулся на спинку сиденья, явно довольный собой.

— Он говорит, что мы едем в Общественный центр, — сказал Джо.

— Общественный центр! — воскликнула Луиза встревоженно. — Нет, это неправильно! Те два коротышки сказали...

— Теперь это не важно, — перебил ее Дорренс. — Просто запомните: энергия и напор. У кого они есть, а у кого нет.

}

Они все замолчали и молчали примерно на протяжении мили. Дорренс открыл свой сборник стихов Роберта Крили и погрузился в чтение, отмечая свой путь от строки к строке желтым ногтем на узловатом пальце. Ральф вспомнил игру, в которую они играли мальчишками, — не слишком приличную. «Утиная охота», так она называлась. Ребята постарше находят детишек помладше и подговорившее, впаривают им истории о каких-то мифических птицах, потом дают им силки и отправляют на болота — проводить активный досуг в поисках несуществующих птиц. По-другому эта игра называлась «Погоня за дикими утками», и у Ральфа вдруг появилось стойкое ощущение, что Клото с Лаксисом сыграли с ними в эту игру на больничной крыше. Причем понятно, кто выступил в роли доверчивых ребятишек.

Он обернулся к старине Дору. Дорренс поглядел на него поверх книги, закрыл ее и снова поднял глаза на Ральфа с вежливым интересом.

— Они нам сказали, чтобы мы даже близко не подходили ни к Эду Дипно, ни к Доктору номер три, — сказал Ральф. Он говорил нарочито медленно и с расстановкой. — Они особенно подчеркнули, чтобы мы даже не думали к ним приближаться, потому что сейчас они оба получили огромную силу, и нас просто прихлопнут как мух. На самом деле Лаксис сказал, что если мы попытаемся остановить Эда или Атропоса, то все закончится тем, что появится какой-то там монстр с верхних уровней... которого Эд называет Кровавым Царем. По всем отзывам, не самый приятный парень.

— Да, — слабым голосом подтвердила Луиза. — Так они нам и сказали там, на больничной крыше. Они сказали, что мы должны убедить женщину, ответственную за выступление Сьюзан Дей, отменить это мероприятие. Поэтому мы и поехали в Хай-Ридж.

— И как, вы ее убедили? — спросил Вайзер.

— Нет. Психбольные приятели Эда появились там раньше нас. Они подожгли дом и убили по крайней мере двух женщин. Застрелили. И как раз с одной из этих женщин мы и хотели поговорить.

— Гретхен Тилбери, — уточнил Ральф.

— Да, — сказала Луиза. — Но я уверена, что нам больше и не понадобится ничего делать. После всего, что случилось, они просто обязаны отменить выступление. Я хочу сказать, разве можно... Бог мой, убиты четверо по крайней мере! А может, и больше! Они должны отменить ее речь или по крайней мере перенести на потом. Правильно?

Ни Дорренс, ни Джо не ответили. Ральф тоже молчал — он вспоминал бешеные глаза Элен. «Как ты можешь такое спрашивать? — сказала она. — Если они остановят нас сейчас, значит, они победили».

Если они остановят нас сейчас, значит, они победили.

Есть ли какой-нибудь законный способ, которым полиция может их остановить? Или Городской совет? Может быть. Может быть, они могли бы созвать экстренное заседание и отменить разрешение на это выступление. Но пойдут ли они на это? Если две тысячи озлобленных, убитых горем женщин выйдут на демонстрацию у здания муниципалитета с криками «Если они остановят нас сейчас, значит, они победили», отзовет ли совет разрешение?

Ральф почувствовал, что у него засосало под ложечкой.

Элен ясно дала понять, что считает сегодняшнюю встречу крайне важным событием, и она не единственная. Дело было уже не в том, кому решать, что женщина может делать с собственным телом, теперь речь шла о вещах таких важных, что за

них было не жалко умереть. А кое-кто уже умер. Теперь это выступление будет восприниматься не только как общественное или политическое событие, но и как мирской реквием по невинно убиенным за правое дело.

Луиза схватила его за плечо и потрясла. Ральф вернулся к реальности, но медленно, как человек, которого разбудили посреди ночи.

— Они отменяют выступление, да, Ральф? Но даже если они его не отменяют, даже если по какой-то непонятной причине они его не отменяют, то большинство из тех, кто хотел туда пойти, теперь уже не пойдут, правда? После того, что случилось в Хай-Ридже, они побоятся прийти!

Ральф подумал и покачал головой.

— Большинство решит, что опасность миновала. Репортеры сообщат, что два экстремиста, которые напали на Хай-Ридж, мертвы, а третий в коме, или что-нибудь в этом роде.

— Но Эд! Как насчет Эда?! — Она буквально кричала. — Ведь это он их подбил на это, ради всего святого! Это он во всем виноват, в первую очередь — он!

— Может быть, даже наверняка. Но как мы это докажем? Ты знаешь, мне почему-то кажется, что полицейские найдут у Чарли Пикеринга записку, что все это — его идея. Записку, которая полностью оправдает Эда, может быть, даже в форме обвинения... что-то типа того, что Эд отступился от принципов и дезертировал в самый ответственный момент. А если они не найдут такой записки в комнате Чарли, ее найдут у Фрэнка Фелтона. Или у Сандры МакКей.

— Но это же... это... — Луиза замолчала, прикусив нижнюю губу. Потом с надеждой посмотрела на Вайзера. — А как насчет Сьюзан Дей? Где она? Кто-нибудь знает? Может, ты знаешь? Мы с Ральфом позвоним ей и...

— Она уже в Дерри, — сказал Вайзер, — но я сомневаюсь, что даже полиция точно знает, где она. Но я слышал в новостях, что выступление состоится сегодня вечером... предположительно, это была информация с ее слов.

Конечно, подумал Ральф. Конечно, так оно и есть. Представление продолжается, представление должно продолжаться, и она прекрасно об этом знает. Она сколько лет уже в женском движении... черт, да с Чикагской конференции в 68-м... она различает, когда приближается переломный момент. Она оценила риск и нашла его приемлемым. Или она прикинула ситуацию и решила, что риск не стоит потери доверия в случае ее отъезда. А может, и то и другое. В любом случае она такая же жертва обстоятельств — ка-тета, — как и все остальные.

Они уже подъезжали к Дерри. Ральф уже видел Общественный центр.

Теперь Луиза повернулась к старине Дору.

— Где она? Ты знаешь? Это не важно, сколько вокруг нее охраны, мы с Ральфом можем становиться невидимыми. И у нас хорошо получается убеждать людей.

— О, даже если вы убедите Сьюзан Дей не выступать, это уже ничего не изменит, — сказал Дор. Он все еще улыбался своей широкой, безумной улыбкой. — Они в любом случае придут сегодня в Общественный центр. И если они придут и увидят закрытые двери, они просто их выломают, и все равно войдут, и проведут собрание. Чтобы показать, что они не боятся.

— Сделанного не воротишь, — пробормотал Ральф себе под нос.

— Правильно, Ральф. Молодец! — весело провозгласил Дор и похлопал его по руке.

}

Минут через пять Джо проехал мимо уродливого памятника Полу Буньяну, который стоял у Общественного центра, и повернул за щитом с указателем и надписью: «ВСЕГДА БЕСПЛАТНАЯ ПАРКОВКА У ОБЩЕСТВЕННОГО ЦЕНТРА!»

Сама парковка располагалась между Общественным центром и беговыми дорожками Бэсси-парка. Если бы событие,

которое должно состояться сегодня вечером, было рок-концертом, или каким-нибудь представлением, или соревнованием по борьбе, то в такой ранний час на стоянке еще не было бы ни одной машины, но сегодняшнее событие было позначимее, чем открытие баскетбольного сезона или шоу механических монстров. На стоянке было уже около шестидесяти машин, и люди уже собирались у здания, поглядывая на двери. Женщин было, конечно же, большинство. У кого-то были с собой корзинки для пикников, кто-то плакал, и у всех на руках были черные траурные повязки. Ральф увидел женщину средних лет с изнуренным интеллигентным лицом и сединой в рыжих густых волосах. На ней была футболка с портретом Сьюзан Дей и надписью: МЫ ПОБЕДИМ.

Проезд ко входу в Общественный центр был забит даже больше, чем стоянка. Здесь стояло по крайней мере шесть телефургончиков. Корреспонденты и операторы стояли под треугольным навесом, разбившись на группки, и обсуждали, как лучше преподнести сегодняшнее событие. И судя по огромному транспаранту, который свисал с навеса, покачиваясь на ветру, событие должно состояться. **ВЫСТУПЛЕНИЕ СОСТОИТСЯ**, было написано огромными смазанными буквами. В 8 ЧАСОВ ВЕЧЕРА. ПРИХОДИТЕ, ЧТОБЫ ПОКАЗАТЬ СВОЮ СОЛИДАРНОСТЬ, ВЫРАЗИТЬ СВОЙ ГНЕВ И УТЕШИТЬ СВОИХ СЕСТЕР.

Джо поставил машину, заглушил двигатель и обернулся к старине Дору, вопросительно подняв брови. Дор кивнул, и Джо повернулся к Ральфу.

— Здесь вы с Луизой выходите, Ральф. Удачи. Я бы тоже пошел с вами... я даже просил его, чтобы он мне разрешил пойти... но он считает, что я еще недостаточно «экипирован».

— Так и есть, — сказал Ральф. — Ты и так уже много сделал для нас, и мы очень тебе благодарны, да, Луиза?

— Конечно, — сказала Луиза.

Ральф взялся за ручку дверцы, но потом отпустил ее и повернулся к Дорренсу.

— Так в чем же дело? По-настоящему, я имею в виду. Дело ведь не в спасении двух тысяч жизней, я в этом уверен. Для тех вечных существ, о которых нам говорили Клото с Лахесисом, две тысячи жизней — это, наверное, не больше, чем грязь на подошвах. Так в чем же дело, Дор? Зачем мы здесь?

Улыбка Дорренса вмиг потускнела, и без нее он вдруг казался моложе и как бы внушительнее.

— Иов задавал Господу тот же самый вопрос, — сказал он, — и не получил ответа. И вам ответа не светит, но кое-что я вам скажу: вы стали опорной точкой для великих событий и мощных сил. Работа высших сил чуть не застопорилась, когда Случайность и Предопределенность взялись оценить ваши свершения.

— Здорово, только я ничего не понял, — пробормотал Ральф, но не раздраженно, а как-то устало.

— Я тоже, но для меня двух тысяч жизней вполне достаточно, — тихо добавила Луиза. — Я себя никогда не прошу, если по крайней мере не попытаюсь остановить то, что может случиться здесь. Иначе мне до конца моих дней будет сниться в кошмарах этот саван над центром. Даже если я буду спать всего час, все равно он мне будет сниться.

Ральф представил, каково это будет, и кивнул. Он открыл дверцу и поставил одну ногу на асфальт.

— Весомый аргумент. К тому же там будет Элен. И может, она возьмет с собой и Натали. Этого более чем достаточно для незначительных маленьких краткосрочников вроде нас.

И еще, может быть, я хочу взять реванш от Доктора номер три, добавил он про себя.

Ох, Ральф, запричитала Каролина. Клинт Иствуд? Опять?

Нет, не Клинт Иствуд. Не Сильвестр Сталлоне и не Арнольд Шварценеггер. Даже не Джон Уэйн. Он не супергерой и не кинозвезда, он просто старый Ральф Робертс с Харрисавеню. Но это не умаляло его яростной злости на мелкого лысого докторишку со ржавым скальпелем. И теперь эту злость и ярость питала не только боль от смерти бездомной собаки или

учителя истории на пенсии, который был его другом, а последние десять лет еще и соседом по дому. Ральф не забыл о Хай-Ридже и о женщинах у стены под плакатом со Сьюзан Дей. И прежде всего ему вспоминался не живот беременной Мерил, а волосы Гретхен Тилбери — ее прекрасные светлые волосы, которые почти целиком сгорели от того выстрела в упор, который отнял ее жизнь. Чарли Пикеринг спустил курок, а Эд Дипно, вполне вероятно, вложил оружие ему в руки, но Ральф винил только Атропоса, крадущего кукол, крадущего шляпы, крадущего расчески...

Крадущего серьги.

— Пойдем, Луиза, — сказал он.

Но она накрыла его руку своей рукой и покачала головой.

— Нет, еще не время... залезай обратно и закрой дверь.

Он внимательно посмотрел на нее и сделал так, как она сказала. Она помолчала, приводя мысли в порядок, а потом обратилась к старине Дору:

— Я не понимаю, почему нас послали в Хай-Ридж, — сказала она. — Они не сказали нам прямо, что мы должны делать, но мы сразу поняли... правда, Ральф?.. что это именно то, чего они хотели от нас. И теперь я хочу понять. Если нам нужно быть здесь, то зачем нас послали туда? Я имею в виду, да, мы спасли людям жизнь, и я очень этому рада, но я думаю, что Ральф прав: для тех, кто заправляет этим шоу, несколько человеческих жизней — это вообще ничто.

На секунду повисло молчание, а потом Дорренс ответил:

— Вы что, действительно посчитали Клото с Лахесисом всезнающими и всемогущими?

— Ну... они умные, но я не думаю, что они какие-то там выдающиеся и гениальные, — сказала она, немного подумав. — А сами они себя называют просто рабочими лошадками, которые в иерархической лестнице сил стоят далеко от совета директоров, который на самом деле принимает решения.

Старина Дор кивнул и улынулся.

— Клото с Лахесисом и сами почти краткосрочники в великой схеме бытия. У них есть свои страхи и свои слабости. Они тоже могут принять неправильное решение... но в конце концов это не важно, потому что они служат Предопределенности. И *ка-тету*.

— Они считают, что мы проиграем, если столкнемся с Атропосом лицом к лицу? — спросил Ральф. — Поэтому они уверили себя в том, что у нас может все получиться, если мы, образно выражаясь, пройдем через черный ход... то есть Хай-Ридж.

— Да, — сказал Дор. — Точно.

— Здорово, — восхитился Ральф. — Люблю вотум доверия. Особенно когда...

— Нет, — перебил его Дор. — Это не так.

Ральф с Луизой были совсем уже сбиты с толку.

— Может быть, объяснишь?

— Это и то, и другое. Одновременно. Так часто случается вне Предопределенности. Понимаете... ну... — Старина Дор тяжело вздохнул. — Я ненавижу все эти вопросы. Я почти никогда не отвечаю на вопросы, я вам об этом не говорил?

— Да, — сказала Луиза. — Говорил.

— Ну вот. А теперь — бац! И все эти вопросы. Противные! И бесполезные!

Ральф с Луизой переглянулись. Если старина Дор думал, что они молча выйдут из машины и оставят его в покое, то он очень сильно ошибся.

Дор опять тяжело вздохнул.

— Ну ладно... но это последнее, что я скажу, так что слушайте очень внимательно. Клото с Лахесисом могли послать вас в Хай-Ридж, руководствуясь ошибочными причинами, но Предопределенность не ошиблась. Вы исполнили там свою миссию.

— Мы спасли женщин, — сказала Луиза.

Но Дорренс покачал головой.

— Тогда что мы сделали? — Она снова почти кричала. — Что?! Кажется, у нас есть права знать, какую часть этой самой Предопределенности мы осуществили.

— Нет, — сказал Дорренс. — По крайней мере пока что. Потому что вам предстоит сделать это еще раз.

— Это безумие, — сказал Ральф.

— На самом деле нет. — Дорренс нежно прижимал томик стихов к груди, то открывая, то закрывая книжку, и серьезно смотрел на Ральфа. — Случайность безумна. Предопределенность — в здравом уме.

Хорошо, рассуждал про себя Ральф, что мы сделали в Хай-Ридже, кроме того, что спасли женщин? И еще Джона Лейдекера. Если бы я не вмешался, Пикеринг наверняка бы его убил. Как Криса Нелла. Может быть, дело в Лейдекере?

Он решил, что такое не исключено, но полной уверенности не было.

— Дорренс, — сказал он, — ты не мог бы немного поинформативнее? Я имею в виду...

— Нет, — недобро проговорил Дор. — Никаких больше вопросов, времени уже нет. Мы хорошо пообедаем вместе после того, как все это кончится... если, конечно, все еще будем здесь, так-то вот.

— Ты знаешь, как подбодрить в трудный час, Дор. — Ральф открыл дверцу. Луиза сделала то же самое, и они оба вышли из машины. Ральф наклонился и посмотрел на Джо Вайзера. — Есть еще что-нибудь? Что-то, что мы должны знать?

— Нет, не думаю...

Дор наклонился к Джо и принялся что-то шептать ему на ухо. Вайзер слушал, нахмутив брови.

— Ну? — спросил Ральф, когда Дорренс закончил. — Что он сказал?

— Он сказал, чтобы я не забыл расческу, — ответил Джо. — Понятия не имею, о чем он говорит, но разве это первый раз?

— Все в порядке, — улыбнулся Ральф. — Хотя бы это я понял. Пойдем, Луиза, вольемся в толпу. Посмотрим, с людьми пообщаемся.

На полпути к выходу со стоянки она так сильно пихнула его локтем, что он чуть не упал.

— Смотри! — прошептала она. — Вон там! Это же Конни Чанг!

Ральф посмотрел. Да, женщина в бежевом пальто, стоявшая между двумя техниками со значками CBS на пиджаках, была очень похожа на Конни Чанг, симпатичным и тонким лицом которой, равно как и ее приятной улыбкой, Ральф всегда искренне восхищался за просмотром вечерних новостей.

— Или ее сестра-близняшка, — сказал он.

Луиза, казалось, напрочь забыла про старину Дора, и про Хай-Ридж, и про лысых докторов; сейчас она вновь стала той женщиной, которую Билл Макговерн называл «наша Луиза».

— Будь я проклята! Что она-то здесь делает?!

— Ну... — начал Ральф и прикрыл рот, чтобы скрыть зевок, — есть у меня подозрение, что Дерри сегодня покажут в национальных новостях. А она будет делать прямой эфир от здания Общественного центра. В любом случае...

Внезапно, без всякого перехода, вернулись ауры. Ральф задохнулся.

— Господи Иисусе! Луиза, ты видишь?!

Но, похоже, она не видела. Если бы она видела, то Конни Чанг вряд ли бы удостоилась даже упоминания. Это было так страшно, и Ральф в первый раз понял, что даже у яркого мира аур есть своя темная сторона, причем такая, что простой человек мог бы упасть на колени и возблагодарить Господа за свои ограниченные возможности.

А ведь я даже не поднимался, подумал он. По крайней мере мне так не кажется. Я просто смотрю на мир аур, как будто смотрю из окна. Как бы со стороны. Я не там.

Но ему меньше всего хотелось быть там. Даже просто смотреть — этого было вполне достаточно, чтобы захотеть ослепнуть.

Луиза мрачно взглянула на него.

— Что, цвета? Нет, не вижу. Мне попробовать? С ними что-то не так?

Он попытался ответить, но не смог выдавить из себя ни слова. А потом он почувствовал, как ее рука до боли сжала его запястье, и понял, что объяснений больше не требуется. К добру ли, к худу, но Луиза увидела все сама.

— О Боже, — прошептала она трясущимися губами. — Господи, Господи, черт подери.

С крыши больницы аура, нависшая над Общественным центром, казалась огромным мятым зонтом — наподобие логотипа компании страхования туристов, раскрашенного черным мелком. Теперь Ральф видел ее как огромную и неопишимо отвратительную москитную сетку, старую и неухоженную, поросшую черновато-зеленой плесенью. Яркое октябрьское солнце съежилось до размеров мутного серебристого пятка. Воздух стал мрачной туманной массой, которая напоминала смог на картинах, изображающих Лондон конца XIX века. Теперь Ральф с Луизой не просто смотрели на саван смерти, покрывающий Общественный центр, они были заживо в нем похоронены. Ральф чувствовал его давление, как будто этот черный саван был наделен сознанием и пытался ввергнуть его в пучину отчаяния, убедить в своем бессилии и потерянности.

Зачем волноваться? — сказал он себе, апатично наблюдая за тем, как «форд» Джо Вайзера с Дором на заднем сиденье выезжает со стоянки. *Я имею в виду, а какая от этого, собственно, польза? Мы ничего изменить не сможем, просто не сможем и все. Может, нам и удалось что-то сделать в Хай-Ридже, но разница между тут и там — как между кляксой и черной дырой. Если мы попытаемся в это вмешаться, нас просто прихлопнут, как мух.*

Он услышал надрывный стон и понял, что Луиза плачет. Взяв себя в руки, он обнял ее за плечи.

— Держись, Луиза, — прошептал он. — Мы сможем, мы выдержим. — Но, если честно, он сам сомневался.

— Мы этим дышим! — всхлипнула она. — Это как всасывать в себя смерть! Ральф, давай уйдем отсюда! Пожалуйста, давай просто уйдем!

Идея была заманчива — наверное, именно так звук текущей воды манит умирающего от жажды, — но он покачал головой.

— Если мы ничего не сделаем, погибнут люди. Две тысячи человек. Я сомневаюсь насчет всего остального, что касается этого дела, но за это могу поручиться.

— Хорошо, — прошептала она. — Только не отпускай мою руку и не давай мне упасть, чтобы я не ударилась головой, если вдруг хлопнусь в обморок.

Ральф оценил иронию ситуации: теперь у них были тела и лица здоровых людей средних лет, но они шли через стоянку, словно парочка древних стариков с провисшими веревками вместо мышц и стекляшками вместо костей. Он слышал, как дышит Луиза — быстро и тяжело, как будто ее только что сильно ранили.

— Если хочешь, я отведу тебя обратно, — сказал Ральф. И он мог бы ее увести. Он отвел бы ее обратно на стоянку и усадил бы на оранжевую скамейку на автобусной остановке, которую было видно отсюда. А потом он бы посадил ее на автобус и отправил на Харрис-авеню. Это было бы очень просто. Проще всего на свете.

Он чувствовал убийственную ауру этого места, она давила на него, пыталась смять его, как полиэтиленовый пакет, и он вдруг вспомнил слова Макговерна об эмфиземе Мэй Лочер — что это болезнь из тех, которые не лечатся. И теперь ему казалось, что он представляет, как Мэй Лочер чувствовала себя последние несколько лет. Пусть даже он и старался дышать неглубоко: скупно втягивал черный воздух и выдыхал его весь, — это не помогало. Сердце «зашкаливало», а голова раскалывалась, как при тягчайшем похмелье.

Он открыл было рот, чтобы повторить, что сейчас он ее уведет отсюда, но она его опередила:

— Я думаю, что смогу... — Она задохнулась. — Но, надеюсь... это все не затянется слишком надолго. Ральф, почему

мы с тобой чувствуем эту гадость, даже не видя цветов, а они ничего не чувствуют? — Она указала на телевизионщиков, толкущихся вокруг Общественного центра. — Неужели мы, краткосрочники, такие невосприимчивые? Мне неприятно об этом думать.

Он покачал головой, мол, не знаю, но ему казалось, что техники-телевизионщики, журналисты и охранники, стоявшие возле входа и под транспарантом, свисающим с козырька, что-то все-таки чувствовали. У многих в руках были пластиковые стаканчики с кофе, но Ральф не видел, чтобы хоть кто-то его пил. На крыше одного из фургонов стояла коробка пончиков, но единственный пончик, который оттуда взяли, валялся на земле завернутый в салфетку, почти не надкусанный. Ральф пробежал взглядом по лицам и ни на одном не заметил улыбки. Телевизионщики занимались своими делами: настраивали камеры, размечали места для дикторов, протягивали провода — но делали это без всякого энтузиазма, который можно было бы предположить перед таким событием.

Конни Чанг вышла из-под навеса вместе с бородатым представителем оператором — МАЙКЛ РОЗЕНБЕРГ, сообщал его сибизсовский значок — и подняла руку, показывая ему, какая часть транспаранта должна попасть в кадр. Розенберг кивнул. Лицо Конни было серьезным и бледным, и Ральф заметил, что, беседуя с оператором, она то и дело подносит руку к виску, будто потеряв нить рассуждений или почувствовав слабость.

Была какая-то глубинная одинаковость во всех выражениях лиц, и Ральфу казалось, он понимает, что это. Во времена его детства это называлось меланхолией, а меланхолия — это просто красивое название для тоски.

Ральф вдруг поймал себя на том, что вспоминает случаи из своей жизни, когда он впадал в состояние, которое можно назвать эмоциональным эквивалентом воздушной ямы. Ты занимался своими обычными, повседневными делами, иногда чувствовал себя замечательно, иногда — просто хорошо, но все больше и больше погружался в одиночество... и потом, без

всякой видимой причины, впадал в состояние невыносимой тоски. Тебя одолевали сомнения (На кой черт все это нужно?) — совершенно не связанные с какими-то событиями из жизни, но все равно очень сильные, — и все становилось не в радость, хотелось просто броситься на кровать и закрыть голову подушкой.

Может быть, именно в этом была причина, подумал он. Может быть, я тогда вляпывался во что-то наподобие этой кошмарной сетки — в паутину смерти или тоски, паутину, сотканную страданиями и слезами. Внизу, на уровне краткосрочников, мы этого просто не видим, но мы это чувствуем. О да, мы чувствуем. А сейчас...

Сейчас оно пыталось высосать их досуха. Может, они с Луизой и не были энергетическими вампирами, как опасались, но эта штука точно была. У черного савана была своя, пусть вялая и полусознанная, но все-таки жизнь, и она выпила бы их до дна, если бы могла. Если бы они позволили.

Луиза споткнулась, и Ральф сделал все от него зависящее, чтобы не дать им обоим растянуться на мостовой. Потом она подняла голову (медленно, как будто ее волосы попали в застывающий цемент), приставила согнутую ладонь ко рту и затаилась. В это мгновение она замерцала. В других обстоятельствах Ральф бы принял это мерцание за обман зрения. Но не сейчас. Он немного поднялся. Совсем немного. Чтобы подпитаться.

Он не видел, как Луиза скользнула в ауру той официантки в закускойной, но сейчас он все видел. Ауры телевизионщиков были как японские фонарики, маленькие, но яркие, горящие в огромной и мрачной пещере. Тонкий луч фиолетового света протянулся от одного из них — от Майкла Розенберга, бородастого оператора Конни Чанг. Примерно в двух дюймах от лица Луизы луч разделялся надвое. Верхняя половина еще раз разделялась надвое и уходила ей в уши. Нижняя половина вливалась ей в рот, между чуть приоткрытыми губами. Ральф видел, как светятся изнутри ее щеки, словно тыква на Хэллоуине с горящей внутри свечой.

Луиза отпустила его руку. В следующий миг фиолетовый луч исчез. Она обернулась к нему. Ее свинцово-серые щеки стали немного порозовее — очень немного, но все-таки.

— Так лучше... гораздо лучше. Теперь ты, Ральф!

Ему не хотелось этого делать — он до сих пор не мог расстаться с ощущением, что это воровство, — но так было нужно, если он не хотел рассыпаться прямо здесь; он чувствовал, как последняя порция энергии, одолженная у «нирванового» мальчика, вытекает сквозь поры со страшной скоростью. Он поднес ко рту ладонь, сложенную трубочкой, как на стоянке у «Данкин Донатса» сегодня утром — хотя на самом деле казалось, что прошло уже несколько дней, — и огляделся в поисках цели. Конни Чанг подошла на пару шагов ближе. Она все еще смотрела на транспарант, свисавший с козырька, и что-то втолковывала Розенбергу (который после манипуляций Луизы выглядел ничуть не хуже, чем раньше). Без дальнейших раздумий Ральф затянулся сквозь руку, сложенную трубочкой.

Аура Конни была того же приятного оттенка слоновой кости, как ауры Элен и Натали в тот день, когда они вместе с Гретхен Тилбери пришли к нему в гости. Вместо луча света из ауры Чанг вылетела длинная и прямая лента. Ральф почти сразу почувствовал, как в него вливается сила, прогоняя усталость из суставов и мышц. К нему вернулась ясность мысли — большая грязная клякса у него в голове была смыта волной энергии.

Конни Чанг на мгновение замерла, глядя в небо, а потом вернулась к разговору с оператором. Луиза встревоженно посмотрела на Ральфа.

— Ну как, получше? — прошептала она.

— Просто отлично, — ответил он. — Но все равно это не слишком честно.

— Мне кажется... — начала было Луиза, но умолкла на полуслове, уставившись на что-то слева от дверей центра. Она закричала и спряталась за Ральфа, а ее глаза распахнулись так

широко, что казалось, они сейчас выпрыгнут из глазниц. Ральф проследил за ее взглядом, и у него перехватило дыхание. Архитекторы попытались смягчить унылую серость каменного здания зелеными насаждениями вдоль фасада. Кусты либо запустили, либо специально дали им разрастись, так что они сплелись в единую зеленую стену, и узкая полоса травы между бетонной дорожкой и проезжей частью стала совсем не видна.

Среди этих вечнозеленых кустов извивались гигантские жуки, похожие на доисторических трилобитов — сбивались в стаи, сталкивались головами, заползали друг на друга, иногда становились на задние лапы и толкались рогами, как олени во время брачного сезона. Они не были прозрачными, как птицы на антеннах, но в них было что-то такое же призрачное, нереальное. Их ауры лихорадочно мерцали (лихорадочно и безмозгло, подумал Ральф) в общем спектре цветов, они были такими яркими и в то же время такими эфемерными, что казались сверхъестественными светлячками.

Но это не то, что они собой представляют на самом деле. Ты знаешь, что это такое.

— Эй. — Это был Розенберг, оператор Конни Чанг, он единственный обратился к ним с Луизой, хотя многие из тех, кто стоял на крыльце, смотрели в их сторону. — С ней все в порядке, приятель?

— Да, — сказал Ральф, который все еще держал у рта руку, согнутую трубочкой. Он быстро ее опустил, чувствуя себя идиотом. — Она просто...

— Я увидела мышь! — Луиза улыбнулась растерянной и сумасбродной улыбкой «нашей Луизы». Ральф был очень горд за нее. Она показала пальцем на кусты слева от входа. — Она была прямо там. Ужас, какая жирная! Ты видел, Нортон?

— Нет, Элис.

— Подождите до вечера, леди, — усмехнулся Майкл Розенберг, — и вам представится случай понаблюдать за разнообразием дикой фауны. — Раздалось несколько приглушенных, будто бы вынужденных смешков, и все вернулись к своим занятиям.

— Господи, Ральф! — прошептала Луиза. — Это... Это...

Он похлопал ее по руке.

— Спокойно, Луиза.

— Они знают, да? Именно поэтому они тут? Они как стервятники.

Ральф кивнул. Он наблюдал за тем, как несколько жуков даже не перелетели, а как бы перетекли с верхушек кустов на стену. Они ползли по стене с оцепенелой медлительностью, словно сонные осенние мухи, и за ними тянулись липкие следы ауры. Другие жуки выползли из кустов на узкую полосу лужайки.

Один из местных телевизионщиков пошел к тем кустам, занятым насекомыми, и когда он обернулся, Ральф увидел, что это Джон Кирклэнд. Он разговаривал с симпатичной женщиной в стильном, но строгом костюме «деловой дамочки», которых Ральф считал — при нормальных обстоятельствах, разумеется — очень даже сексуальными. Он решил, что это продюсер Кирклэнда, и подумал, а не зеленеет ли аура Лизетт Бэнсон, когда эта женщина рядом?

— Они идут туда, где жуки! — испуганно прошептала Луиза. — Надо их остановить. Ральф, надо их...

— Не будем мы никого останавливать.

— Но...

— Луиза, мы не можем рассказывать им о жуках, которых никто, кроме нас, не видит. Они решат, что мы бредим, и мы закончим в психушке. И потом, может быть, им они не повредят, жуки. — Он замолчал и добавил: — Надеюсь.

Они наблюдали за тем, как Кирклэнд и его симпатичная коллега ступают на лужайку... прямо в желеобразную массу копошащихся трилобитов. Один жук прополз по блестящему ботинку Кирклэнда, остановился на пару секунд и пополз вверх по брючине.

— Да мне плевать на эту Сьюзан Дей, — говорил Кирклэнд. — Центр помощи женщинам, вот что важно... все эти детишки в слезах, с траурными повязками.

— Осторожнее, Джон, — сухо сказала женщина. — Ты становишься слишком чувствительным.

— Да? Вот черт. — Жук на брюках Киркланда дополз до промежности. Ральф подумал, что Джон бы точно свихнулся, если бы смог увидеть, что сейчас ползает по его яйцам.

— Ладно, только обязательно поговори с женщиной, которая руководит здешним филиалом, — сказала продюсер. — Теперь, когда Тилбери умерла, тут заправляют Мэгги Петровски, Барбара Ричардс и доктор Роберта Харпер. Харпер сегодня представит Верховную Жрицу... или, может быть, в данном случае просто главную жричку. — Женщина наступила на одного из жуков, он всхлюпнул под ее тонким каблуком, и из раздавленного тела вывалились вязкие внутренности и какая-то беловатая масса наподобие картофельного пюре. Ральф подумал, что эта белая штука, наверное, яйца.

Луиза уткнулась носом ему в плечо.

— И еще обрати внимание на даму по имени Элен Дипно, — сказала продюсер. Жук прилип к ее каблуку и хлюпал при каждом шаге.

— Дипно, — пробормотал Кирклэнд и потер пальцами висок. — Как будто внутри колокольчик звенит.

— Ха, наверное, это звенит единственная извилина у тебя в черепушке, — усмехнулась продюсер. — Это жена Эда Дипно. Они разошлись. Если хочешь слез и соплей, она — беспроектный вариант. Они с Тилбери были близкими подругами. Может быть, даже очень близкими... ну ты понимаешь, о чем я.

Кирклэнд плотоядно ощерился — это выражение казалось настолько чуждым его экранному имиджу, что Ральф даже немного опешил. Тем временем один из жуков заполз на туфлю женщины-продюсера и теперь карабкался вверх по ее ноге. Как замороженный, Ральф наблюдал, как он исчезает у нее под юбкой. Он шевелился под тканью, словно котенок под полотенцем. И снова Ральфу показалось, что коллега Киркланда

что-то почувствовала: продолжая давать указания об интервью после речи Дей, она опустила руку вниз и рассеянно почесала бугор под юбкой, который теперь добрался до ее бедра. Ральф не слышал влажного хруста, когда жук лопнул, но очень живо его представил. И еще он представил, как липкие внутренности жука стекают, как гной, по ее обтянутой нейлоном ноге. Они останутся там по крайней мере до вечернего душа, а она их не увидит и ничего не почувствует.

Теперь эти двое обсуждали, как осветить сегодняшнее выступление защитников жизни... если таковое вообще состоится. Женщина считала, что даже «Друзья жизни» не могут быть настолько непробиваемыми идиотами, чтобы явиться сегодня к Общественному центру — после того, что случилось в Хай-Ридже. Кирклэнд доказывал ей, что не стоит недооценивать степень идиотизма этих фанатиков; они — сила, с которой необходимо считаться. И все время, пока они говорили, обмениваясь шутками, мыслями и слухами, жирные разноцветные жуки деловито карабкались по их ногам и телам. Один пионер даже добрался до красного галстука Кирклэнда и, несомненно, нацеливался на его лицо.

Ральф краем глаза заметил движение справа. Он обернулся к дверям как раз вовремя, чтобы заметить, как один из телевизионщиков пихает локтями своих коллег и показывает на них с Луизой. Только теперь до него дошло, как это выглядит со стороны: два человека, у которых вроде бы нет причин находиться здесь (они не носили траурных повязок и точно были не из прессы), торчат на краю стоянки. И леди, которая уже один раз кричала, зарылась лицом в плечо джентльмена... а джентльмен, кстати, тарашится, как идиот, непонятно на что. Ральф проговорил, не разжимая губ, как заключенный, готовящийся побег из тюрьмы в каком-нибудь старом полицейском боевике:

— Подними голову. Мы привлекаем слишком много внимания.

На мгновение он не верил, что она сможет... но она все же справилась с собой и подняла голову. Она в последний раз

посмотрела на кусты у стены — невольный быстрый взгляд — и потом уже смотрела только на Ральфа.

— Ты ничего не заметил, Ральф, никаких признаков, что Атропос где-то поблизости? Ведь мы за этим сюда и приехали, правильно... найти его следы?

— Может быть. Да, наверное. Если по правде, то я даже и не смотрел — слишком много всего происходит. Мне кажется, надо бы подойти ближе к зданию. — Ему не хотелось этого делать, но казалось важным хоть что-то делать. — Он буквально физически ощущал черный саван смерти, темное, давящее присутствие, которое пассивно сопротивлялось любому движению. И именно с этим им надо было бороться.

— Хорошо, — согласилась Луиза. — Я попрошу автограф у Конни Чанг и буду изображать из себя восторженную дурочку. Ты это выдержишь?

— Постараюсь.

— Хорошо. Так я отвлеку их внимание на себя.

— Хорошая мысль.

Ральф бросил последний взгляд на Джона Киркланда и женщину-продюсера. Теперь они обсуждали, какие события могут помешать им провести сегодняшний прямой эфир, совершенно не чувствуя жуков, копошащихся у них на лицах. Один из них как раз заползал Киркланду в рот.

Ральф поспешно отвернулся и позволил Луизе подтащить себя к тому месту, где стояла Конни Чанг со своим бородатым оператором. Он заметил, как они посмотрели на Луизу и понимающе переглянулись. А вот и снова одна из этих — говорил этот взгляд, в котором сквозило сдержанное раздражение и предчувствие давно надоевшей забавы. Луиза легонько сжала руку Ральфа, что означало: Главное — не возражай мне, Ральф. Я займусь своей частью, а ты занимайся своей.

— Простите, но вы ведь Конни Чанг? — спросила Луиза «пулеметным» голосом из серии успеи-сказать-как-можно-больше-пока-тебя-не-заткнули. — Я вас увидела еще оттуда, и сначала сказала Нортону: «Это ведь та ведущая, которая с Дэном Ратером, или, может, я сплю». И тогда...

— Да, я действительно Конни Чанг, и я очень рада с вами познакомиться, но сейчас мы готовимся к вечернему репортажу, так что простите меня...

— Да, конечно, я совсем не хотела вас беспокоить, я только хотела попросить автограф... просто какие-нибудь каракули, все, что угодно... потому что я самая верная ваша поклонница, по крайней мере в штате Мэн.

Мисс Чанг посмотрела на Розенберга. Он уже держал в руке ручку, как хорошая медсестра, которая заранее достает инструмент, который понадобится доктору в следующую секунду. Ральф переключил внимание на площадку перед Общественным центром и поднялся немного наверх, на следующий уровень восприятия.

Он увидел у входа в центр какую-то непонятную полупрозрачную черноватую субстанцию. Она была примерно двух дюймов толщиной и выглядела как какое-то геологическое образование. Но ведь это не может быть... или все-таки может? Если бы эта штука была реальной (ну, насколько вообще все реально в мире краткосрочников), то она заблокировала бы двери, не давая их открыть, но двери нормально открывались. Ральф видел, как телевизионщики шли, погрузившись по лодыжки в эту субстанцию; шли без всяких затруднений, как будто это был всего лишь низко стелющийся туман.

Ральф вспомнил астральные следы — те самые, которые были похожи на схемы танцевальных па из учебника Артура Миллера, — и ему показалось, что он все понял. Дорожки следов, поначалу такие яркие, постепенно растворялись, как табачный дым... ну, если забыть о том, что на самом деле табачный дым не растворяется, а оседает на стенах, на окнах и в легких. Наверное, ауры тоже оставляют осадок. Может быть, мало следов одного-двух людей, чтобы этот осадок заметить, но Общественный центр — самое вместительное помещение в четвертом по величине городе штата Мэн. Ральф подумал обо всех людях, которые прошли через эти двери со дня открытия центра — банкеты, конференции, концерты, баскетбольные

матчи, — и понял, что собой представляет этот полупрозрачный шлак. Это как те углубления, которые появляются на старых, истертых лестницах.

Сейчас это не важно, милый, думай лучше о деле.

Тем временем Конни Чанг нацарапала свое имя на оборотной стороне сентябрьского счета за свет, который протянула ей Луиза. Ральф смотрел на полупрозрачный осадок на асфальтовом пятчке у дверей, выискивая след Атропоса — скорее запах, чем видимый след, отвратительный мясной дух, наподобие того, что стоял в лавке мясника, мистера Хьюстона, когда Ральф был маленьким.

— Спасибо, — проворковала Луиза. — Я сказала Нортону: «Она выглядит точно так же, как по телевизору, как маленькая китайская кукла». Вот точно так и сказала.

— Не за что, — ответила Конни, — но мне действительно нужно работать.

— Конечно-конечно. Передайте привет от меня Дэну Ратеру. Передайте ему, что я сказала: «Мужайся!»

— Обязательно передам. — Конни улыбнулась и вернула ручку Розенбергу. — А теперь, если вы нас извините...

Если здесь что-то и есть, то оно выше, чем я сейчас, подумал Ральф. Надо подняться немного повыше.

Да, но надо быть осторожным, и не только потому, что время на верхних уровнях идет быстрее, а время сейчас — на вес золота. Просто если мы поднимемся слишком высоко, мы исчезаем из мира краткосрочников, а это такое событие, которое может отвлечь всех этих телевизионщиков даже от сегодняшнего выступления... по крайней мере на первое время.

Ральф сосредоточился, и на этот раз вместо вспышки был безболезненный спазм, как бы рывок в голове. Цвета бесшумно ворвались в мир, все осветилось ярким сиянием. Но самым ярким, угнетающим лейтмотивом был черный цвет савана смерти, и он гасил все остальные краски. Ральфа вновь охватила тоска и чувство необоримой слабости, сжав его сердце невидимыми клещами. Он понял, что нужно как можно быстрее все

сделать и вернуться на уровень краткосрочников, иначе из него выпьют всю жизненную силу.

Он посмотрел на двери. В первый момент он не увидел вообще ничего, кроме блекнувших аур краткосрочников... а потом ему вдруг стало ясно... понимание проявилось, как проявляются буквы, написанные лимонным соком, если подержать письмо-невидимку над огнем.

Он ожидал чего-то противного, чего-то, что пахнет, как гниющие потроха в мусорных баках за лавкой мистера Хьюстона, но на самом деле все было гораздо хуже — наверное, потому, что неожиданно. Комки кровавой слизи налипли на дверь — может быть, отпечатки неугомонных пальцев Атропоса, — а на асфальтовом пятчке у входа натекла большая лужа той же мутно-красной субстанции. В этой слизи было что-то насколько ужасное — настолько чужое, — что по сравнению с ней трилобитовые жуки казались почти нормальными. Это было похоже на лужу блевотины, оставленную собакой, страдающей от какого-то неизученного вида бешенства. Следы этой субстанции тянулись от лужи сначала подсыхающими кляксами, а потом — мелкими каплями, как от разлитой краски.

Ну конечно, подумал Ральф. Вот почему нам нужно было приехать сюда. С учетом того, что готовится, маленький ублюдок просто не может не посетить сегодняшнее мероприятие. Для него это как кокаин для старого наркомана.

Он представил, как Атропос стоит прямо здесь, на этом самом месте. Стоит, смотрит... и ухмыляется... а потом подходит и кладет руки на дверь. Гладит их. Оставляет грязные слизистые следы. Пьет энергию из этой самой черноты, которая забирает силу у Ральфа.

Конечно, у него есть и другие дела... у сверхъестественного существа вроде Атропоса не бывает не занятых дней... но здесь ему словно медом намазано. Он должен быть здесь, как бы он ни был занят. Его сюда тянет неодолимо. Как большой член — распаленную нимфоманку.

Луиза подергала его за рукав, и он повернулся к ней. Она все еще улыбалась, но лихорадочный блеск у нее в глазах делал эту улыбку больше похожей на беззвучный крик. У нее за спиной Конни Чанг и Майкл Розенберг возвращались ко входу в центр.

— Уведи меня отсюда, — прошептала Луиза. — Я больше не выдержу. Я чувствую, что схожу с ума.

[Хорошо, нет проблем.]

— Я не слышу тебя, Ральф, и потом, сквозь тебя, кажется, солнце просвечивает. Боже мой, точно!

[Ой... подожди...]

Он сосредоточился и опустил вниз. Цвета сразу поблекли, аура Луизы как будто втянулась в кожу.

— Так лучше?

— Да уж. Поплотнее в любом случае.

Он слабо улыбнулся.

— Ладно, пойдем.

Он взял ее за руку и повел к тому месту, где их высадил Джо Вайзер. В том же самом направлении, куда вели кровавые кляксы.

— Ты нашел, что искал?

— Да.

Она вмиг просияла.

— Здорово! Я видела, как ты поднимался. Знаешь, это было странно — видеть, как ты бледнеешь, словно старая фотография, а потом... когда сквозь тебя стало просвечивать солнце... это было уже совсем странно. — Она строго посмотрела на него.

— Страшно, да?

— Нет... на самом деле не страшно. Просто странно. Вот жуки... они действительно страшные. Уф!

— Я понимаю, о чем ты. Но они все остались там.

— Да, но это еще далеко не конец. Нам еще столько всего надо сделать...

— Да... долг и труден обратный путь в Рай, как сказала бы Каролина.

— Просто будь рядом, Ральф Робертс, и не вздумай теряться.

— Ральф Робертс? Какой еще Ральф Робертс?! Меня зовут Нортон.

И к его несказанной радости, Луиза рассмеялась.

Глава 24

1

ни медленно прошли через заасфальтированную стоянку, расчерченную на ячейки желтыми линиями. Сегодня, подумал Ральф, все эти ячейки будут заняты. Прийти, посмотреть, послушать, показаться здесь... и самое главное, показать всему городу и всей стране, что тебя не запугают и все чарли пикеринги в мире. Даже то меньшинство, которое, испугавшись, все-таки не придет, заменят просто любопытные, которых всегда хватает.

Приблизившись к беговой дорожке, они приблизились и к краю савана смерти. Здесь он был толще, и теперь Ральф различал медленное, вращающееся движение, как будто саван состоял из мелких частиц какого-то обугленного вещества. Это напоминало воздух над открытой печью мусоросжигателя, подернутый рябью от жара и мерцающий кусочками горелой бумаги.

И еще он услышал два звука, которые как бы накладывались друг на друга. Более высокий был похож на сокрушенный вздох. Так мог бы звучать ветер, подумал Ральф, если бы он решил научиться плакать. От этого звука бросало в дрожь, но тот, что пониже, был еще неприятнее — влажный чмокающий хлюп, как будто огромный беззубый рот жадно заглатывал большие порции какой-то мягкой кашеобразной пищи.

Когда они приблизились к этой пульсирующей черноте, Луиза остановилась, посмотрела на Ральфа извиняющимся взглядом и проговорила голосом испуганной маленькой девочки:

— Кажется, я не смогу там пройти, сквозь это. — Она замолчала в нерешительности, а потом выпалила: — Она живая, понимаешь? Вся эта штука. Она видит их... — Луиза показала рукой на людей на стоянке и на телевизионщиков у входа в центр. — Это само по себе уже плохо, но еще хуже то, что она и нас тоже видит... и она знает, что мы ее видим. И даже скорее не видим, а чувствуем...

Ральфу казалось, что тот, второй, более низкий звук — чавкающий и глотающий — теперь выговаривает слова, и чем дольше он слушал, тем вернее убеждался, что так оно и есть.

[Убирайтесь. К черту. Кебенойматери.]

— Ральф, — прошептала Луиза. — Ты это слышишь?

[Ненавижу вас. Убью вас. Всехубью.]

Он кивнул и снова взял ее за руку.

— Пойдем, Луиза.

— Куда?!

— Вниз. До конца.

В первый миг она озадаченно уставилась на него, не понимая, а потом ее лицо прояснилось, и она кивнула. Ральф почувствовал вспышку внутри — именно вспышку, а не давешнее мерцание, — и все вокруг просветлело. Колышущийся дымный барьер черноты растаял. Но они все равно закрыли глаза и задержали дыхание, приблизившись к месту, где, как они знали, был край савана. Ральф почувствовал, как дрожала рука Луизы, когда она проходила сквозь невидимый барьер, а когда он вошел туда сам, его накрыла волна мрачных воспоминаний — медленное умирание жены, потеря любимой собачки в детстве, Билл Макговерн, который падает на пол, судорожно схватившись за сердце, — казалось, сначала они незаметно пробрались в его сознание, а потом бес-

церемонно прижали к земле жестокой рукой. В ушах звенел тонкий хнычущий звук, неистребимый и жутко бессмысленный, как вой несчастного идиота.

А потом они вышли с той стороны барьера.

2

Они прошли под деревянной аркой на дальнем конце стоянки (по арке дугой шла надпись: ВСЕ НА ГОНКИ В БЭССИ-ПАРК!); Ральф подвел Луизу к скамейке и заставил сесть, хотя она и говорила, что с ней все в порядке.

— Ладно, но мне нужно пару минут, чтобы прийти в себя.

Она откинула прядь волос с его лба и нежно поцеловала в щеку.

— Сколько угодно, милый.

Пара минут превратилась в пять. Когда Ральф почувствовал себя в состоянии подняться, так чтобы не задрожали колени, он снова взял ее за руку, и они встали вместе.

— Ты нашел, Ральф? Его следы?

Он кивнул.

— Пришлось на два уровня подниматься. Я сначала попытался найти их на уровне, где видны ауры, потому что там время вроде бы не ускоряется, но у меня ничего не вышло. Надо подняться чуть выше.

— Хорошо.

— Нам надо быть осторожнее. Потому что, когда мы видим...

— Нас тоже могут увидеть. Да. И потом, нам нельзя терять времени.

— Это да. Ты готова?

— Почти. Но сначала ты меня поцелуешь. Хотя бы немножко. Он улыбнулся и поцеловал ее.

— Вот теперь я готова.

— Ладно, поехали.

Вспышка!

Красноватые кляксы слизи вели через площадку слежавшейся утрамбованной грязи, где во время Недели Кантри разбивают ярмарку, на беговую дорожку, где с мая по сентябрь упражняются бегуны. Луиза на секунду остановилась у дощатого забора высотой по грудь, осмотрелась, чтобы удостовериться, что вокруг никого нет, и подтянулась, опершись руками. Она двигалась с легкостью молоденькой девушки, но когда перекинула ногу через забор и села на него верхом, то вдруг испуганно замерла. На ее лице застыло неподдельное удивление, смешанное с неподдельным же ужасом.

[Луиза, с тобой все в порядке?]

[Да, все нормально. Вот только чертово нижнее белье... Кажется, я похудела, и оно с меня падает! Вот ведь зараза!]

Ральф понял, что видит не только кружевной край Луизиной нижней юбки, но и четыре-пять дюймов розового нейлона. Он старательно сдерживал улыбку, пока Луиза сидела, растопырив ноги, на широкой верхушке забора и пыталась одернуть юбку. Он хотел ей сказать, что она выглядит очень даже аппетитно, но по здравом размышлении передумал.

[Отвернись, пока я не поправлю эту чертову юбку, Ральф. И перестань ухмыляться.]

Он отвернулся и стал разглядывать Общественный центр. Если он и ухмылялся (хотя ему самому казалось, что он вовсе не ухмылялся, а просто она прочла его мысли по его ауре), то при виде этого темного, клубящегося савана его улыбка быстро погасла.

[Луиза, по-моему, было бы проще, если бы ты просто ее сняла.]

[Простите меня, уважаемый Ральф Робертс, но я немного не так воспитана, чтобы снимать нижнее белье на улице и оставлять его на беговой дорожке, и если у вас были знакомые девушки, которые делали что-то подобное, надеюсь, это было

еще до того, как вы встретили Каролину. Что мне сейчас нужно, так это...]

Смутный образ блестящей английской булавки.

[Но у тебя нет ни одной, если я правильно понимаю, Ральф?]

Он покачал головой и послал ей ответный образ: песок в песочных часах быстро сыпается вниз.

[Хорошо, хорошо, поняла. Кажется, я ее зацепила... еще немного продержится. Можешь поворачиваться.]

И он повернулся. Она уже спускалась с другой стороны широкой изгороди и двигалась довольно уверенно, но ее аура значительно побледнела, и Ральф снова заметил темные круги у нее под глазами.

Он подтянулся, перекинул ногу через забор и прыгнул с другой стороны. Ему понравилось это ощущение — он давно так легко не двигался.

[Нам снова нужна подпитка, Луиза.]

Луиза устало кивнула.

[Я знаю. Пойдем.]

4

След протянулся по беговой дорожке, вскарабкался на другой забор, потом спустился по заросшему кустарником склону к Нейболт-стрит. Ральф заметил, что Луиза придерживает нижнюю юбку через юбку верхнюю, и снова подумал о том, чтобы спросить, не лучше ли будет зайти куда-нибудь в укромное место и снять эту штуку, но снова решил не соваться со своими рационализаторскими предложениями. Если эта штуковина и вправду начнет ей мешать, она ее снимет и без его совета.

Ральф больше всего беспокоился, не пропадет ли след Атропоса, и его самые мрачные опасения подтвердились. След оборвался. Тусклые розоватые кляксы привели их на потрескавшуюся мостовую Нейболт-стрит, мрачноватую улицу из бесцветных бетонных коробок, которые надо было снести еще несколько лет назад. Потертое белье хлопало на провисших ве-

ревках, грязные дети с сопливыми носами таращились на Ральфа с Луизой из пыльных дворики. Симпатичный взъерошенный мальчик лет трех подозрительно посмотрел на них, схватился одной рукой за ширинку, а другой сделал неприличный жест.

Нейболт-стрит заканчивалась тупиком, упираясь в старое трамвайное депо, и здесь они потеряли след. Они встали у козел, прикрывающих вход в старый подвал — все, что осталось от пассажирского депо, — и оглядели полукруглый пустырь. Ржавые рельсы выглядывали из густых зарослей подсолнухов и репейника, осколки разбитых бутылок поблескивали на солнце. Ярко-розовые буквы на растрескавшейся стене ангара сообщали, что «СЮЗИ СОСАЛИА МОЕГО ТОЛСТЯЧКА». Это трогательное заявление располагалось внутри орнамента из танцующих свастики.

Ральф: *[И куда, черт подери, он девался?]*

[Вон туда, Ральф, видишь?]

Она указывала на то, что было главной линией до 1963 года, единственной — до 1983-го, а теперь превратилось в заросшие ржавые рельсы, ведущие в никуда. Даже шпал почти не осталось — их сожгли в полуночных кострах либо местные бомжи, либо бродяги по пути к картофельным полям округа Арустук или яблочным садам и рыбным угодьям Мэритайма. На одной из немногих уцелевших шпал Ральф разглядел брызги розовой слизи. Они выглядели свежее, чем те, по которым они вышли на Нейболт-стрит.

Он посмотрел на следы, терявшиеся в сорняках, и попытался прикинуть маршрут. Если ему не изменяла память, эта линия огибала муниципальную площадку для гольфа по пути к... ну, в общем, в западную часть города. Ральф подумал, что эта линия должна проходить возле аэропорта, где на площадке для пикников Фэй Чапин, может быть, прямо сейчас размышлял над сеткой грядущего шахматного турнира.

Это одна большая петля, подумал он. Она затягивает нас уже три дня, но мне кажется, что в конце мы вернемся туда, откуда все началось... не в Рай, а на Харрис-авеню.

— Эй вы, ребята? Как делишки, а?

Ральфу показалось, что он узнал этот голос — то есть не то чтобы это был кто-то знакомый, но этот голос он слышал раньше, причем недавно. И этого мужика он уже где-то видел. Он стоял у них за спиной, в том месте, где Нейболт-стрит вливалась в площадку перед депо. На вид ему было лет пятьдесят, но Ральфу казалось, что на самом деле он лет на семь—десять моложе. Он был в мягкой рубашке и старых потрепанных джинсах. Его аура была зеленой, как бутылка пива «Святой Патрик». И тут Ральф вспомнил: это тот самый пьянчужка, который приставал к ним с Биллом в парке в тот день, когда Макговерн горевал о Бобе Полхерсте... который, как оказалось, пережил его. Иногда жизнь бывает забавнее, чем шуточки Гаучо Маркса.

На Ральфа вдруг накатило странное ощущение неотвратимости и вместе с ним — интуитивное понимание тех сил, которые их теперь окружали. Ральф вполне мог бы без них обойтись. И не важно, что это были за силы — добрые или злые, Предопределенность или Случайность; они были неодолимы, и только это имело значение, и все, что Клото с Лахесисом им говорили о свободе выбора, перед лицом этих сил превращалось в насмешку. Ральф чувствовал себя так, как будто они с Луизой были привязаны к спицам гигантского колеса — колеса, которое вновь и вновь возвращало их назад, хотя при этом неотвратимо несло их все дальше и дальше в глубь этого кошмарного тоннеля.

— У вас нет лишней мелочи, мистер?

Ральф немного спустился, чтобы быть уверенным, что пьянчужка его услышит.

— Дай я угадаю. Тебе опять звонил дядя из Декстера, — сказал Ральф. — Сказал, что ты можешь вернуться на свою старую работу на мельнице... но только если ты доберешься туда сегодня. Я все правильно излагаю?

Пьянчуга удивленно заморгал.

— Ну... да. Штот вроде того. — Он на мгновение сбился, но это была его самая отработанная и любимая история — может быть, он и сам в нее верил, — и он быстро нащупал пре-

рванную было нить. — Эт хорошая работа, понимаешь? И я снова могу ее получить. В два часа есть автобус на Арнстук, ток он стоит пять пеесят, а у меня ток четвертак...

— У тебя есть семьдесят шесть центов, — сказала Луиза. — Два четвертака, две десятки, один пятак и одна единичка. И если посмотреть, сколько ты пьешь, то аура у тебя очень даже здоровая, вот что я тебе скажу. Ты силен, как бык.

Пьянчужка озадаченно посмотрел на нее, потом отступил на шаг и вытер нос рукавом.

— Не волнуйся, — успокоил его Ральф. — Моей жене всюду видятся ауры. Она очень возвышенный человек.

— Да ну?

— Угу. Она к тому же еще и щедрая, и я думаю, что она даст тебе денежку. Правда, Элис?

— Он все пропьет, — возразила она. — Нет у него в Декстере никакой работы.

— Вполне вероятно, — сказал Ральф, сверля ее взглядом. — Но его аура выглядит очень здоровой. На удивление.

— А вы, мистер, тоже немного того... возвышенный, — пробормотал пьянчужка, переводя настороженный взгляд с Луизы на Ральфа. Но теперь у него в глазах появилась надежда.

— Ты даже не представляешь, насколько ты прав, — согласился Ральф. — И в последнее время оно проявилось в полную силу. — Он поджал губы, как будто обдумывая интересную мысль, которая вдруг пришла ему в голову, и затянулся. Яркий зеленый луч выбился из ауры попрошайки, пересек десять футов, отделявших бродягу от Ральфа, и влился Ральфу в рот. Вкус был чистый и вполне узнаваемый: яблочное вино с фермы Буна, — резковатый и терпкий, но в чем-то приятный. Простая, без всяких затей, жизненная энергия. К Ральфу сразу вернулось ощущение силы, и, самое главное, ясность мыслей.

Луиза достала из кошелька двадцатидолларовую бумажку. Пьянчуга не сразу это увидел; он смотрел в небо. Тем временем еще один ярко-зеленый луч вырвался из его ауры. Свер-

кающей молнией он пролетел через заросший сорняками пустырь и вошел в рот и ноздри Луизы. Банкнота дрогнула у нее в руке.

[О Боже, как здорово!]

— Чертовы самолеты с енттой чертовой чарлстонской базы! Военно-воздушные силы, мать их етить! — с неодобрением воскликнул пьяница. — Им же нельзя переходить звуковой барьер, пока до моря не долетят! Я чуть в штаны не наделал... — Его взгляд упал на банкноту в руке у Луизы, и он помрачнел еще больше: — Че за шутки у вас, ребята? Я не дурак, так и знайте. Может быть, я иногда и выпиваю, но мозги я еще не пропил.

Это ненадолго, подумал Ральф. Уже скоро пропьешь.

— Никто и не думает, что вы дурак, — успокоила его Луиза. — И мы вовсе не шутим. Возьмите деньги, сэр.

Бездельник подозрительно зыркнул на Ральфа, потом внимательно посмотрел на Луизу (потом снова, мельком, на Ральфа), и его настороженный взгляд сменился широкой довольной улыбкой. Он шагнул к Луизе, протянув руку, чтобы взять деньги, которые он заработал, сам об этом не зная.

Луиза отвела руку, не давая ему взять банкноту.

— Только купи себе что-нибудь и поешь тоже, а не одну только выпивку, хорошо? И задай себе вопрос: счастлив ли ты, живя такой жизнью?

— Вы абсолютно правы! — с энтузиазмом воскликнул пьяница. Его взгляд не отрывался от банкноты в руке у Луизы. — Абсолютно, мадам! У них там есть программа, ну, в этом центре на том берегу... детоксикация называется, и еще эта... реабилитация... ну, вы знаете. Я об этом подумываю. Правда-правда. Каждый день только об этом и думаю. — Он по-прежнему не сводил взгляд с двадцатки и уже, кажется, истекал слюной. Луиза с сомнением взглянула на Ральфа, потом пожала плечами и отдала деньги пьянчуге. — Спасибо! Спасибо, леди! — Он оглянулся на Ральфа. — Эта леди — настоящая принцесса! Надеюсь, ты эт знаешь!

Ральф нежно посмотрел на Луизу.

— Конечно.

Прошло полчаса. Ральф с Луизой шагали по ржавым рельсам, которые огибали муниципальную площадку для гольфа... но после встречи с пьянчужкой они приподнялись еще чуть-чуть выше над миром краткосрочников (может быть, потому, что он сам был в приподнятом состоянии духа из-за спиртных паров), и «шагали» — не совсем точное слово. Они не прикладывали почти никаких усилий, чтобы делать шаги, но их ноги все-таки двигались, и Ральфу казалось, что они скорее скользят, чем идут. Он не был уверен, видят их сейчас или нет на уровне краткосрочников; белки равнодушно шныряли прямо у них под ногами, собирая припасы на зиму, а один раз Луиза нагнулась, когда какая-то маленькая птичка едва не врезалась ей в голову. Птица резко изменила курс, уходя вправо вверх, как будто только сейчас она сообразила, что у нее на пути был человек. Игроки в гольф тоже их не замечали. Впрочем, в этом как раз не было ничего удивительного. Игроки были полностью поглощены игрой и не замечали вообще ничего вокруг. Ральф задумался: а что бы подумал он, если бы ему случилось увидеть парочку опрятно одетых пожилых людей, шагающих по старому трамвайному пути? Наверное, мне было бы особенно любопытно, почему леди все время твердит: «Оставайся на месте, тебе говорю», — и постоянно одергивает свою юбку, подумал Ральф и усмехнулся. Но игроки в гольф так и не обратили на них никакого внимания, хотя игра на девятой лунке проходила достаточно близко к старым путям, так что Ральф даже расслышал сокрушенные рассуждения об ослаблении спроса на фондовом рынке. Догадка о том, что они с Луизой снова стали невидимыми или по крайней мере слишком тусклыми для обычного восприятия, казалась все более и более правдоподобной. Правдоподобной... и неприятной. Время идет быстрее, когда ты наверху, говорил старина Дор.

По мере их продвижения за запад следы Атропоса становились все свежее, и Ральфу все меньше и меньше нравились подте-

ки и брызги, из которых эти следы состояли. Там, где капли попадали на стальные рельсы, они разъедали их, как кислота. Растения, на которые попали брызги, почернели и умерли — даже самые живучие сорняки. Когда они прошли третью площадку и забрели в рошу чахлах деревьев, переплетенных с густым подлеском, Луиза потянула его за рукав и показала пальцем куда-то вперед. Большие плюхи Атропосовой слизи тошнотно блестели на стволах деревьев вдоль рельсов, и в углублениях между рельсами тоже были вязкие лужицы — наверное, в тех местах, где раньше были шпалы.

[Кажется, мы приближаемся к его логову, Ральф.]

[Да.]

[А если он вернется, пока мы там, что будем делать?]

Ральф пожал плечами. Он не знал и к тому же не был уверен, что ему стоит над этим задумываться. Пусть об этом задумываются те силы, которые передвигают их, словно шахматные фигурки, — силы, которые мистер Лахесис и мистер Клото называли Высшей Предопределенностью. Если Атропос покажется, Ральф попытается вырвать у этого пидорастического недоростка язык и забить его ему в глотку. И если это расстроит чьи-то планы... что ж, это их проблемы. Он не может брать на себя ответственность за великие планы и дела долгосрочников, его работа — присмотреть за Луизой, которую зачем-то втянули в это рискованное мероприятие, и постараться предотвратить трагедию, которая может случиться сегодня вечером. И кто знает, может быть, ему удастся выкроить немного времени и попытаться спасти свою — несколько омолодившуюся — шкуру. А если это не согласуется с планами больших мальчиков, то пошли они к черту.

Луиза прочла все это по его ауре — он понял это по ее ауре. Она взяла его за руку, и он обернулся к ней.

[Что это значит, Ральф? Что ты попытаешься его убить, если он встанет на нашем пути?]

Он обдумал ее слова и кивнул.

[Да, именно это оно и значит.]

Она тоже задумалась и кивнула в ответ.

[Ральф?]

Он посмотрел на нее, подняв брови.

[Если так будет нужно, я тебе помогу.]

Ее слова тронули его почти до слез... и он попытался спрятать от нее другие мысли: что она до сих пор ходит с ним лишь потому, что так он мог вернее ее защитить. Он опять вспомнил о ее сережках и поспешил выбросить это воспоминание из головы, не желая, чтобы она увидела его — или хотя бы что-то заподозрила — по его ауре.

Тем временем мысли Луизы текли в другом — более безопасном — направлении.

[Если даже мы успеем уйти до того, как он вернется, он все равно узнает, что там кто-то был, правильно? И наверняка поймет кто.]

Ральф не стал этого отрицать, но ему казалось, что это не так уж и важно; потому что других вариантов у них пока не было. Им оставалось лишь делать свое дело, надеясь, что они все же увидят завтрашний рассвет. *Хотя, если бы у меня был выбор, я бы лучше его проспал,* подумал Ральф и улыбнулся уголком рта. *Господи, я как будто сто лет не спал.* Его мысли перескочили на любимую сказку Каролины о долгой и трудной дороге обратно в Рай. Теперь ему казалось, что рай — это когда можно спокойно поспать до обеда... и еще чуть-чуть после.

Он взял Луизу за руку, и они снова двинулись по следу Атропоса.

6

Футах в сорока от ограждения на краю летного поля ржавые рельсы оборвались. Следы Атропоса тянулись дальше, но тоже недолго. Ральф был почти уверен, что видит место, где они заканчиваются, и еще — смутный образ их с Луизой, прикрученных к спицам огромного колеса. И если Ральф не ошибался, логово Атропоса располагалось неподалеку от того места,

где Эд врезался в грузовичок того здоровенного толстяка с бочками удобрений в кузове.

Поднялся ветер, и до них донесся какой-то противный гниlostный запах и голос Чапина, разглагольствующего на свою любимую тему:

— ...а что я всегда говорил! Маджонг — как шахматы, шахматы — как жизнь... так что если ты умеешь играть в какую-то из этих игр...

Ветер снова переменялся. Ральф все еще слышал голос Фэя, но слов уже не разбирал. Хотя, наверное, оно и к лучшему, потому что эту лекцию он слышал уже столько раз, что знал ее почти наизусть.

[Ральф, эта ужасная вонь... Это он, да?]

Он кивнул, хотя и не думал, что Луиза это увидит. Она держала его за руку, а смотрела прямо перед собой широко распахнутыми глазами. Дорожка из пятен кровавой слизи, которая начиналась у входа в Общественный центр, заканчивалась у основания покосившегося мертвого дуба в двух-трех сотнях футов впереди. Причина смерти могучего дерева была очевидна: кора почтенного ветерана была вся счищена — наподобие банановой кожуры — ударом молнии. Трещины и зазубрины на его сером стволе принимали очертания лиц, застывших в страшном немоном крике, а распростертые голые ветви на фоне неба казались зловещими иероглифами... и одна из них — по крайней мере в воображении Ральфа — вычерчивала приблизительное изображение японского иероглифа, означавшего камикадзе. Молния, убившая дерево, не смогла его повалить, но, как видно, очень старалась. Корни с одной стороны — со стороны аэропорта — были вырваны из земли. Мощные корни приподняли снизу сетчатое ограждение, и глядя на это, Ральф почему-то вспомнил о своем детском приятеле, Чарли Энгстроме.

— Не водись с Чаки, — говорила ему мать. — Он грязный мальчишка. — Ральф не знал, был ли Чаки грязным мальчишкой, но вот крепким орешком он точно был. Чарли любил прятаться за большим деревом около его дома с длинной

палкой в руке, которую он называл Всевидящим Жезлом. И когда мимо проходила женщина в пышной юбке, Чарли на цыпочках шел за ней следом, потихоньку засовывал палку под юбку и приподнимал. Достаточно часто ему удавалось увидеть, какого цвета белье у женщины (цвет женского нижнего белья приводил Чарли в экстаз), прежде чем она замечала, что происходит, и гналась за дико хохочущим мальчишкой до самого дома, грозясь рассказать обо всем его матери. Ограждение аэропорта, приподнятое корнями дуба, напомнило Ральфу о юбках жертв Чаки, когда он поднимал их Всевидящим Жезлом.

[Ральф?]

Он посмотрел на Луизу.

[Кто такой этот Всевидящий Жезл? Имя какое-то неприличное... Это какой-то индеец? И почему ты сейчас о нем думаешь?]

Ральф расхохотался.

[Ты прочитала это по моей ауре?]

[Ну, наверное... я уже ничего не знаю. А кто это все-таки?]

[Расскажу в другой раз. Пойдем.]

Он взял ее за руку, и они медленно подошли к старому дубу, у которого след Атропоса обрывался; вступили в облако тошнотворной гнилой вонючки, которая была его запахом.

Глава 25

1

они остановились под дубом и посмотрели вниз. Луиза закусил нижнюю губу.

[Нам действительно нужно спуститься туда, Ральф? Действительно нужно?]

[Да.]

[Но почему? Что нам там делать? Забрать что-то, что он украл? Убить его? Что?]

Да, забрать. И не только расческу Джо Вайзера и серьги Луизы. Что-то еще... Пока Ральф не знал, что именно. Но он был уверен, что узнает — они оба узнают, — когда придет время.

[Пойдем, Луиза, нельзя терять время.]

Молния, ударившая в дуб, была как сильная яростная рука. Она потрянула дерево, так что оно накренилось, и у корней на западной стороне открылась большая дыра. Для человека с ограниченным зрением краткосрочника она была темной и, может быть, даже слегка страшноватой: осыпающиеся края, корни, похожие на змей, что таятся в тени, готовые укусить, — но в принципе ничего сверхъестественного. Дыра как дыра.

Ребенок с богатой фантазией мог бы увидеть больше, подумал Ральф. Эта темная дыра у подножия старого дуба навела бы его на мысли о пиратских сокровищах... логове лесных разбойников... норе троллей.

Но Ральф сомневался, что ребенок-краткосрочник, даже с очень хорошим и развитым воображением, смог бы увидеть тусклое красное сияние, которое сочилось откуда-то снизу, или понять, что эти изогнутые корни на самом деле — грубо сработанные ступени, ведущие в некое странное (и без сомнения, неприятное) место.

Нет... даже ребенок с богатой фантазией не увидел бы этого... но он смог бы это почувствовать.

Правильно. И после этого всякий, у кого есть мозги, развернулся бы и убежал отсюда без оглядки. Так поступили бы и они с Луизой, если бы не... Этих «если бы» было несколько. Если бы не сережки Луизы. Если бы не расческа Джо Вайзера. Если бы не его собственное утраченное место в Предопределенности. И конечно, если бы не Элен (и возможно, Нат) и еще две тысячи людей, которые собирались сегодня вечером в Общественном центре. Луиза права. Они должны сделать хоть что-то, и если они отступят сейчас, то потом уже ничего не поправишь. Сделанного не воротишь. Но и несделанного не воротишь тоже.

А это веревки и путы, подумал он. Вережки и путы, которыми силы, рвущиеся в наш мир, крепко привяжут нас, бедных запутавшихся краткосрочников, к своему колесу.

Теперь Клото с Лахесисом виделись Ральфу через яркую призму ненависти. Он подумал, что если бы эти двое сейчас оказались здесь и увидели бы его, они бы озабоченно переглянулись и отошли бы на пару шагов.

И были бы правы, подумал он. Абсолютно правы.

[Ральф? Что такое? Почему ты так злишься?]

Он поднес ее руку к губам и поцеловал ее.

[Ничего. Пойдем. Пойдем, пока у нас еще есть решимость идти.]

Она пристально на него посмотрела и молча кивнула, и когда Ральф сел и спустил ноги в дыру у подножия дерева, она была рядом.

Ральф соскользнул в дыру на спине, прикрыв свободной рукой лицо, чтобы осыпающаяся земля не попала в глаза. Он пытался не дергаться, когда корни царапали ему затылок и шею. Запах под деревом был сравним разве что с «ароматом» давно не чищенного обезьянника. Ральфа сразу же начало мутить. Он попытался было пошутить про себя, что пока они будут спускаться под этот дуб, он успеет привыкнуть даже к такому, но потом ему стало не до шуток. Он приподнялся на локте, чувствуя, как мелкие корни пытаются снять с него скальп, а болтающиеся ошметки коры щекочут его щеки, и исторг из себя остатки завтрака. Он слышал, что и с Луизой, которая находилась слева от него, творится то же самое.

Ужасная, тошнотворная слабость прокатилась сквозь его мозг, как волна. Голова закружилась. Вонь была такой густой, что ее можно было бы есть ложками, вот только есть эту гадость не было ни малейшего желания; и в довершение ко всем радостям красная масса, что привела их в это кошмарное место под деревом, теперь облепила руки и плечи Ральфа. Просто

смотреть на эту штуку уже было опасно, а сейчас он чуть ли не купался в ней. Бр-р-р.

Что-то вцепилось ему в руку, и он чуть было не закричал, но вовремя понял, что это Луиза. Он взял ее за руку.

[Ральф, приподнимись немного! Так лучше! Так можно дышать.]

Он сразу понял, что она имеет в виду, но ему пришлось постараться и сдержаться, чтобы не вылететь за пределы восприятия подобно стартующей ракете.

Мир пошел рябью, и Ральфу вдруг показалось, что в этой вонючей дыре стало чуть больше света... и чуть больше места. Запах не исчез, но выносить его стало проще. Теперь это было похоже, как если бы ты оказался в маленькой душной комнатке, забитой людьми с грязными ногами и потными подмышками — тоже не очень приятно, но пережить можно, по крайней мере какое-то время.

Ему вдруг представился циферблат карманных часов со стрелками, которые движутся чуть быстрее, чем обычно. Конечно, без вони, которая набивалась в горло и выворачивала наизнанку, было гораздо лучше, но все равно это было опасное место... а что, если они выберутся отсюда только к завтрашнему утру, когда от Общественного центра останется только дымящаяся воронка? А это вовсе не исключено. Следить здесь за временем — долгим или коротким — было невозможно. Он взглянул на часы, но без толку. Надо было подвести их раньше, а он забыл.

Хватит, Ральф... все равно ничего не сделаешь, поэтому не забивай себе голову... просто забей.

Он попытался последовать этому мудрому совету. Теперь ему начало казаться, что старина Дор был на сто процентов прав — в тот день, когда Эд врезался в грузовик садовника из Вест-Сайда. В дела долгосрочников лучше не вмешиваться. И все же они вмешались: самый старый на свете Питер Пэн и самая старая в мире Венди. Они скользят под волшебное дерево в какой-то мерзкий подземный мир, где им вовсе не хочется побывать.

Луиза смотрела на него. Ее бледное лицо было освещено этим густым красным мерцанием, в ее выразительных глазах стоял неподдельный страх. Он увидел темные разводы у нее на подбородке и понял, что это кровь. Она опять закусила губу.

[Ральф, с тобой все в порядке?]

[У меня есть замечательная возможность совершить романтическое путешествие под старый дуб с прекраснейшей из женщин, и она еще спрашивает, в порядке ли я. Разумеется, я в порядке, Луиза. Но я думаю, нам стоит поторопиться.]

[Хорошо.]

Он осторожно прощупал, что находится прямо под ним, и поставил ногу на выпирающий из земли корень. Корень держал его вес, и Ральф снова начал спускаться вниз, хватаясь за корни и придерживая Луизу за талию. Ее юбка задралась и Ральф опять мельком вспомнил о Чаки Энгстроме и его волшебной палочке. Его позабавило и умилило, что Луиза пыталась одернуть юбку.

[Я знаю, что настоящая леди пытается сохранить лицо в любой ситуации, но может быть, это не касается тех случаев, когда леди спускается по тролльским ступенькам под старым деревом?]

В ответ он получил слабую испуганную улыбку.

[Если бы я знала, куда нам придется отправиться и что нам придется делать, я бы надела брюки. Я же думала, что мы просто едем в больницу.]

Если бы я знал, куда нам придется отправиться и что нам придется делать, я бы поскреб по сусекам, собрал бы все свои сбережения и купил бы нам два билета до Рио, милая.

Он снова пощупал ногой внизу, потому как если они упадут вниз, Служба спасения Дерри вряд ли до них доберется. На уровне его глаз из земли вылез красный червяк, роняя грязь Ральфу на лоб.

Долгое время, показавшееся Ральфу вечностью, он не чувствовал вообще ничего, а потом его ноги нащупали гладкое дерево — на этот раз уже не корень, а что-то похожее на настоящую ступеньку. Он соскользнул вниз, все еще держа Луизу

за талию, и подождал, не сломается ли ступенька под их общим весом.

Ступенька выдержала и даже оказалась достаточно широкой для них обоих. Ральф глянул вниз и увидел, что это действительно ступенька — верхняя ступенька узкой лестницы, уводящей в мерцающую красную темноту. Она была сделана для существ, которые были значительно ниже ростом обычного взрослого человека, так что Ральфу с Луизой пришлось пригнуться, но все равно это было значительно лучше, чем предыдущий кошмарный спуск по корням.

Ральф посмотрел на далекое пятнышко дневного света высоко-высоко над ними. Его лицо было покрыто грязью и потом, а глаза смотрели с немой неизбывной тоской. Никогда еще дневной свет не был настолько далеким и настолько желанным. Он повернулся к Луизе и ободряюще ей кивнул. Она стиснула его руку и кивнула в ответ. Пригибаясь и вздрагивая каждый раз, когда склизкие корни касались их шей или спин, они начали спускаться по лестнице.

}

Спуск казался бесконечным. Красный свет сделался ярче, вонь Атропоса стала сильнее, и Ральф боялся, что они с Луизой оба «вознесутся», пока будут спускаться, или, может быть, запах утробит их раньше. Он продолжал убеждать себя в том, что они делают то, что должны делать, и что должен быть некий хранитель времени, ответственный за эту операцию, кто обязательно даст ему ощутимого пинка, если они не будут укладываться в расписание. Да, наверное, так и есть. Но он все равно волновался. Потому что хранителя времени могло и не быть, так же как и третейских судей, так же как и арбитров в полосатых шортах. Ставки сделаны, сказал Клото.

И когда Ральф уже начал задумываться, не ведут ли эти ступеньки прямехонько в ад, они вдруг закончились. Короткий каменный коридор — не больше сорока дюймов в высоту и двадцати футов в длину — вел к арке, за которой красное све-

чение пульсировало и мерцало, как отраженный свет из открытой печи.

[Пойдем, Луиза. Но будь готова ко всему. Будь готова ко встрече с ним.]

Она кивнула, снова одернув непокорную юбку, и пошла следом за ним по узкому проходу. Ральф задел ногой что-то, что было явно не камнем, наклонился и поднял эту штуковину. Красный пластиковый цилиндр, расширяющийся с одного конца. Через пару секунд Ральф сообразил, что это такое: ручка от скакалки. *Три-шесть-девять-сто одно, гусь с гусыней пил вино.*

Не вмешивайся в дела, что тебя не касаются, краткосрочник, сказал Атропос, но он уже вмешался, и не только из-за того, что маленькие лысые доктора называли *ка*. Он вмешался, потому что то, что затеял Атропос, очень даже его касалось. Дерри был его городом, Луиза Чесс была его другом, и Ральф обнаружил в себе жгучее желание заставить Доктора номер три пожалеть о том, что он вообще увидел сережки Луизы, не говоря уже о том, чтобы взять их себе.

Он выбросил ручку от скакалки и снова пошел вперед. Мгновение спустя они прошли сквозь арку и остановились, зачарованно глядя на подземное обиталище Атропоса. Они стояли, взявшись за руки, как дети, и напоминали героев сказки — только не Питера Пэна и Венди, скорее Гензеля и Гретель, которые вышли к дому злой ведьмы после того, как долго блуждали по лесу.

4

[Ральф. О Господи, Ральф... ты видишь?]

[Тише, Луиза. Тише.]

Они вышли к маленькой мерзкой каморке, которая представляла собой нечто среднее между кухней и спальней. Комнатушка была одновременно убогой и жуткой. В центре стоял низкий круглый стол; Ральфу показалось, что это была отрезанная часть бочонка. На столе — остатки пищи: какая-то се-

рая тошнотворная масса, похожая на жидкие мозги в шербатой супнице. У стола — грязное откидное кресло. Справа — примитивный толчок, сделанный из ржавого стального ящика, на верхушке которого чудом держалось сиденье от унитаза. Запах, поднимающийся из ящика, говорил сам за себя. Единственным украшением комнаты было огромное, отделанное латунию зеркало на стене. Его поверхность была такой темной, что отражение Ральфа с Луизой смотрелось так, как будто они находились под толщей воды.

Слева от зеркала стояла спартанская койка, то есть даже не койка, а грязный матрас, накрытый холстиной, из которой торчали перья и солома. И подушка, и матрас светились неистовым красным светом — ночным потом существа, которое там спало. *Сны в этой подушке наверняка свели бы меня с ума*, подумал Ральф.

Где-то глубоко под землей гулко сочилась вода.

В дальнем углу комнатухи была еще одна арка, повыше, сквозь которую виднелось сюрреалистичное скопление различного хлама. Ральф пару раз моргнул, чтобы убедиться, что он действительно видит то, что видит.

Это именно то место, подумал он. *Я еще не знаю, что нам нужно найти, но оно точно находится здесь.*

Луиза пошла ко второй арке, словно загипнотизированная. У нее дрожали губы, но в глазах можно было прочесть какое-то беспомощное любопытство; наверное, такое же выражение было на лице у последней жены Синей Бороды, когда она открыла запретную комнату. Ральфу вдруг показалось, что Атропос прячется в арке с ржавым скальпелем наготове. Он поспешил вслед за Луизой и остановил ее как раз в тот момент, когда она собиралась войти в арку. Он взял ее за локоть, и прежде чем она успела хоть что-то сказать, приложил палец к губам и покачал головой.

Он присел и уперся одной рукой в пол, словно спринтер в ожидании стартового выстрела. Потом он пробежал через арку (даже сейчас наслаждаясь тем, как действует его помолодевшее тело), приземлился на плечо и прокатился по полу. Он заце-

пился ногой за картонную коробку, и оттуда вывалилась всякая всячина: непарные носки и перчатки, несколько старых книжек в бумажной обложке, шорты-бермуды, отвертка со следами какой-то багровой жидкости — не то краски, не то крови.

Ральф встал на колени, обернулся и посмотрел на Луизу, которая стояла в проходе и смотрела на него, сложив руки под подбородком. С этой стороны арки никого не было, да тут и места-то не было ни для кого. Везде стояли коробки. С каким-то странным интересом Ральф принялся читать надписи: Джек Дэниэлз, Гилбис, Смирнофф, J&B. Видимо, Атропосу очень нравились коробки из-под спиртного, куда можно было сложить все то, что не нужно, а выбросить жалко.

[Ральф? А это не опасно?]

Это вполне могло бы сойти за шутку, но он серьезно кивнул головой и протянул руку. Она поспешила к нему, ее юбка снова слегка задралась. Она с изумлением огляделась по сторонам.

С той стороны арки, в мрачном маленьком обиталище Атропоса, эта кладовка казалась огромной. Теперь, когда они оказались внутри, Ральф понял, что все еще интереснее: такие здоровые помещения называются складами. Между кучамихлама были проходы. Вещи были более или менее упакованы только у двери, все остальное было разбросано как попало. На две трети это был лабиринт, и еще на одну — ловушка. Ральф решил, что даже для склада помещение было уж слишком большим. Это была подземная трущоба, и Атропос мог прятаться где угодно... и если он был сейчас здесь, то скорее всего он наблюдал за ними.

Луиза не спросила, что они ищут; Ральф понял по ее лицу, что она и так это знает... Когда она заговорила, от ее отсутствующего тона у Ральфа по спине побежали мурашки.

[Он, наверное, такой старый, Ральф.]

Да. Такой старый.

В двадцати ярдах от них лежало большое колесо со спицами, залитое тем же зловещим красным свечением. Оно лежало

в плетеном кресле, которое, в свою очередь, покоилось поверх сломанного пресса. Вид этого колеса почему-то нагонял ужас: это было зримое воплощение той самой метафоры, которую сознание Ральфа подобрало для понимания концепции *ка*. Потом он заметил длинный ржавый прут, который торчал из колеса, и понял, что скорее всего это было велосипедное колесо. Такие велосипеды назывались «Беспечные девяностые» и были похожи на переросшие трехколесные детские.

Стало быть, это колесо от велосипеда, и ему уже лет сто, не меньше, подумал Ральф. Ему было очень интересно, сколько людей — сколько тысяч или десятков тысяч — умерло в Дерри с тех пор, как Атропос перетащил сюда свое колесо. И сколько из этих тысяч умерли случайной смертью?

И сколько он занимается этим? Сколько сотен лет?

Разумеется, он не знал ответа. Может быть, с самого начала, с чего бы все это ни начиналось. И все это время он забирал что-то у тех, кого он убивал... и это все здесь.

Это все здесь.

[Ральф!]

Он обернулся. Луиза протянула к нему обе руки. В одной была соломенная панамы с откушенным куском на полях, в другой — черная пластмассовая расческа, из тех, что продаются в любом супермаркете за доллар двадцать девять центов. Она все еще светилась призрачным оранжево-желтым сиянием, что совершенно не удивило Ральфа. Каждый раз, когда владелец этой расчески причесывал волосы, она собирала сияние из его ауры и его веревочки. Его также не удивило, что расческа нашлась рядом с панамой; в последний раз, когда он видел эти две вещи, они тоже были вместе. Он помнил язвительную усмешку Атропоса в тот момент, когда он снял с головы панаму и притворился, что причесывает свою лысую голову.

А потом он подпрыгнул и прищелкнул каблуками.

Луиза показала ему на старое кресло-качалку со сломанным полозом.

[Шляпа была там, на сиденье. А расческа лежала под ней. Это расческа Джо Вайзера, да?]

[Да.]

Она тут же отдала расческу ему.

[Возьми. Я не настолько рассеянная, как думает Билл, но иногда я теряю вещи. А если я ее потеряю, я себе этого не прощу.]

Он взял расческу и машинально сунул ее в задний карман, но потом вспомнил, с какой легкостью Атропос вытащил ее из другого заднего кармана. Как два пальца об асфальт. Поэтому он положил расческу в передний карман брюк и снова взглянул на Луизу, которая смотрела на обкусанную панаму Билла с тем выражением, с которым Гамлет, должно быть, смотрел на череп бедного Йорика. Когда она подняла глаза, Ральф увидел в них слезы.

[Он любил эту шляпу. Считал, что в ней он смотрится очень модно и стильно. Разумеется, он не смотрелся ни модно, ни стильно — это был все тот же старина Билл, — но он думал, что выглядит хорошо, вот что важно. Тебе так не кажется, Ральф?]

[Да, наверное.]

Она положила шляпу обратно на сиденье кресла-качалки и повернулась, чтобы исследовать коробку, забитую какими-то тряпками, похожими на подержанную одежду с дешевой распродажи. Как только она отвернулась, Ральф наклонился вперед и принялся шарить под креслом, надеясь разглядеть в темноте блеск пары сережек. Если шляпа Билла и расческа Джо здесь, то, может быть, и сережки Луизы...

Но под креслом не оказалось ничего, кроме пыли и розового детского башмачка.

Мне бы следовало догадаться, что это было бы слишком просто, подумал Ральф, поднимаясь на ноги. Неожиданно он почувствовал себя полностью истощенным. Они без проблем нашли расческу Джо, и это хорошо, просто замечательно, но Ральфу казалось, что это может оказаться еще одним подтверждением поговороки: «Новичкам всегда везет». Им еще нужно найти серьги Луизы... а еще им надо было сделать то, за чем их

послали сюда. Вот только — что? Ральф понятия не имел. Если кто-то сверху и дал инструкцию, он ее не получил.

[Луиза, у тебя есть какие-то мысли по поводу...]

[Тише!]

[Что такое? Луиза, это он?]

[Нет! Тише, Ральф! Помолчи и послушай!]

Он прислушался. Сначала он ничего не услышал, а потом снова возникло это шемящее чувство — в голове словно вспыхнул свет. Только на этот раз — очень медленно и осторожно. Он поднялся еще чуть-чуть вверх, аккуратно, как перышко на ветру. И тогда он услышал протяжный и низкий звук, напоминающий стон или скрип несмазанной двери. В этом звуке было что-то очень знакомое... даже не в самом звуке, а в ассоциациях, которые он вызывает. Как будто...

...сигнализация от грабителей или, может, детектор дыма. Оно сообщает нам, где оно. Оно нас зовет.

Луиза вцепилась ему в руку. Ее пальцы были холодны как лед.

[Это оно, Ральф... то, что мы ищем. Ты его слышишь?]

Разумеется, он все слышал. Но чем бы ни был этот звук, он не имел отношения к сережкам Луизы... а без ее сережек он отсюда не уйдет.

[Пойдем, Ральф! Пойдем! Нам нужно его найти!]

Он пошел следом за ней еще дальше в глубь захлавленной комнаты. Теперь горы сувениров Атропоса возвышались над их головами фута на три, если не больше. Как ему удалось проделать этот трюк, непонятно — может быть, с помощью левитации, — но в результате они почти сразу же потеряли чувство направления и, похоже, дали кругалю. Ральф уже ничего не понимал. Он знал только одно: этот стонущий звук нарастал, становился все громче, — а когда они приблизились к его источнику, он стал похож на жужжание роя насекомых, которое показалось Ральфу очень и очень неприятным. Ему представлялось, как они заворачивают за угол и видят огромную саранчу, которая смотрит на них пустыми глазами, огромными, как грейпфруты.

Хотя ауры отдельных предметов из этого невообразимого хранилища растаяли, словно запах цветов, засушенных в книге, они все-таки были здесь, за пеленой вони Атропоса. На этом уровне восприятия, на котором сейчас находились Ральф с Луизой, когда все их чувства были максимально обострены, было никак невозможно не чувствовать эти ауры и не поддаваться их влиянию. Эти молчаливые напоминания о тех, кто умер случайной смертью — смертью наугад, — были одновременно ужасными и печальными. Ральф вдруг понял, на что похоже это место: на музей или на братскую могилу. Это была нечестивая церковь, где Атропос создал собственную версию Причащения — печаль вместо хлеба, горе вместо вина.

Их странный путь по зигзагообразным проходам был утомительным и кошмарным. За каждым новым поворотом обнаруживалась еще сотня предметов, которые Ральфу не хотелось ни видеть, ни помнить; и каждый из этих предметов буквально кричал от боли. Ральф не стал спрашивать у Луизы, чувствует ли она то же самое. Он все понял и так по ее тихим всхлипам у него за спиной.

Вот, например, детский самолетик с веревочкой, все еще привязанной к нему. Мальчик, чей это был самолетик, умер от судорог морозным январским днем в 1953 году.

Вот жезл участницы военного парада, оббитый лиловыми и белыми лентами. Осенью 1967-го эту девушку изнасиловали и забили до смерти камнем. Ее убийца, которого так и не поймали, спрятал тело в маленькую пещеру, где ее кости — как и кости еще двух жертв — лежат по сей день.

Вот брошь в виде камней, принадлежавшая женщине, на которую упал кирпич на Главной улице, когда она вышла купить новый номер «Вог»; если бы она вышла из дома на полминуты раньше или позже, все было бы в порядке.

Вот охотничий нож мужчины, который случайно погиб на охоте в 1937-м.

Компас мальчика-скаута, который катался на велосипеде на горе Катахдин, упал и сломал себе шею.

Кроссовка мальчика по имени Гейдж Грин, которого сбил грузовик на шоссе № 15 в Лудлоу.

Кольца и журналы, брелоки и зонтики, шляпы и очки, погремушки и радиоприемники. Самые разные вещи, но Ральф знал, что на самом деле это все одно и то же: слабые и печальные голоса людей, которые вдруг обнаружили, что их вычеркнули из пьесы во втором акте, в тот самый момент, когда они разучивали свои роли для третьего, — людей, которых бесцеремонно выкинули из жизни до того, как они успели выполнить свою работу или какие-то обязательства, людей, единственная вина которых состояла в том, что в их жизнь вмешался слепой случай... и они попались на глаза маньяку со ржавым скальпелем.

Луиза всхлипнула.

[Я его ненавижу! Как я его ненавижу!]

Ральф сразу понял, кого она имеет в виду. Одно дело — слушать Клото с Лахесисом, что, мол, Атропос — это тоже часть общей картины, что он, может быть, служит какой-то более Высокой Предопределенности; и совершенно другое — своими глазами увидеть кепку «Бостон Брюинс», кепку маленького мальчика, который упал в подвал и умер один, в темноте, умер в безумной боли, и под конец у него уже не осталось голоса, потому что он шесть часов звал свою маму.

Ральф протянул руку и осторожно дотронулся до кепки. Ее владельца звали Билли Везерби. Его последняя мысль была о мороженом.

Ральф сжал руку Луизы.

[Ральф, что такое? Я слышу, что ты думаешь... уверена, что слышу... но у меня такое впечатление, что ты бормочешь себе под нос. Я не понимаю ни слова.]

[Я думал, что хочу уничтожить этого маленького ублюдка. Может быть, мы сумеем ему показать, что это такое — лежать ночью без сна. Как ты думаешь?]

Она кивнула, сжав его руку.

Они дошли до развилки, где узкий проход разделялся на несколько коридоров. Низкое монотонное жужжание шло из левого прохода, и, судя по звуку, его источник был где-то близко. Теперь они уже не могли идти рядом, и Ральф пошел первым. Проход постепенно сужался, и в конце концов Ральфу пришлось идти боком.

Красные выделения Атропоса лежали здесь сплошным толстым слоем. Насыщенное алое свечение стекало по сваленным в кучи страшным сувенирам и скапливалось на полу в небольшие лужицы. Луиза так крепко вцепилась Ральфу в руку, что ему стало больно, но он не жаловался.

[Это как Общественный центр, Ральф... он проводит здесь много времени.]

Ральф кивнул. Вопрос в том, что именно связывает мистера А. с этим местом? Они дошли до конца коридора, который был перекрыт большой кучей хлама, а Ральф так и не понял, что издает этот странный жужжащий звук. Этот звук потихоньку сводил его с ума, как будто у него в голове застрял огромный слепень. Теперь он уверился в том, что то, что они ищут, находится с той стороны, за кучей хлама, которая загораживала проход — им надо либо пройти другим путем, либо попробовать пробиться сквозь эту кучу. Но у них не было времени ни на то, ни на другое. Ральф почувствовал, как его снова накрывает волна отчаяния.

Но коридор не закончился тупиком. Слева был лаз, спрятанный за столом, заваленным грязными тарелками, зеленой бумагой и...

Зеленая бумага? Нет, не бумага, а кучи купюр. Десятки, двадцатки и полтинники были разбросаны по тарелкам. В соуснице лежали несколько сотенных, а скатанная пятисотенная бумажка высывалась из графина.

[Ральф, бог ты мой, это же целое состояние!]

Однако Луиза смотрела не на стол, а на стену с другой стороны прохода. Последние пять футов этой стены были сложены из спрессованных в подобие кирпичей купюр. Они находились в денежной аллее, причем в прямом смысле этого слова, и Ральф понял, что теперь он в состоянии ответить еще на один вопрос, который его беспокоил: откуда Эд брал деньги. Его спонсировал Атропос...

Он опустился на колени, чтобы получше рассмотреть лаз под столом. Кажется, с другой стороны была еще одна комната, но очень маленькая. Красное мерцание билось и пульсировало внутри, напоминая биение сердца. У Ральфа на туфлях мелькали блики.

Ральф показал на лаз и вопросительно посмотрел на Луизу. Она кивнула. Он встал на колени и пролез под денежным столом в святилище, которое Атропос создал вокруг вещи, что лежала на полу в центре комнаты. Это было именно то, за чем их сюда послали, теперь Ральф в этом не сомневался, но он все еще не мог понять, что это такое. Какая-то штука не больше мраморного шарика, в который играют ребяташки, лежала в темном коконе смерти, непроницаемом, как черная дыра.

Ну замечательно, просто отлично. И что теперь?

[Ральф! Ты слышишь пение? Оно очень тихое.]

Он удивленно взглянул на нее, а потом огляделся по сторонам. Он уже ненавидел эту чертову дыру, и хотя у него никогда не было клаустрофобии, сейчас ему захотелось бежать отсюда со всех ног. У него в голове зазвучал четкий и явственный голос: Это не просто, чего мне хочется, Ральф; мне это необходимо. *Я сделаю все, что смогу, чтобы остаться с тобой, но если ты не закончишь в ближайшее время — что бы ты там ни собирался заканчивать, — наши желания уже не будут иметь никакого значения. Я просто развернусь и сбегу отсюда.*

Ужас, сквозивший в этом голосе, вовсе не удивил Ральфа, потому что это и вправду было ужасное место. Не подземная комната, а дно какой-то глубокой шахты, стены которой были сложены все из того же краденого хлама: тостеры, скамеечки

для ног, часы со встроенным радио, фотоаппараты, книги, шкапулки и ящички, туфли, расчески. Прямо перед лицом у Ральфа болтался, подвешенный на тесемке, старый саксофон с надписью ДЖЕЙК, выгравированной на тусклой поверхности. Ральф протянул было руку, чтобы убрать эту проклятую штуку от лица, но потом представил, что это может вызвать обвал, и все эти вещи погребут их тут заживо. В то же время он открыл разум и чувства и попытался услышать хоть что-то. В какой-то момент он вроде бы уловил звук, похожий на вздох, шум моря в раковине, но потом звук исчез.

[Если даже здесь есть какие-то голоса, я их не слышу, Луиза... эта чертова штука глушит все звуки.]

Он указал на предмет в середине круга — чернота, доселе неизвестная науке, мешок смерти, который был апофеозом всех мешков смерти, которые Ральф видел в жизни. Но Луиза покачала головой.

[Нет, оно их не глушит. Оно их высасывает.]

Она смотрела на вопящий черный предмет с ужасом и отвращением.

[Эта штука высасывает жизнь из всего, что здесь есть... и сейчас она пытается высосать жизнь и из нас.]

Да, разумеется, так все и было. Теперь, когда Луиза произнесла это вслух, Ральф чувствовал, что мешок смерти — или предмет внутри — тянул что-то у него в голове, крутил, дергал... пытался вытащить это что-то, как зуб из десны.

Пытается высосать из них жизнь? Близко, но не то. Ральф сомневался, что этой штуковине в мешке смерти действительно нужны их жизни или души... Ей нужна их жизненная сила. Их *ка*.

Когда Луиза услышала эту мысль, ее глаза широко распахнулись... а потом ее взгляд уперся во что-то за правым плечом у Ральфа. Она наклонилась вперед и протянула руку.

[Луиза, на твоём месте я бы не стал этого делать... все это может обрушиться прямо на нас...] из кучи хлама извлекла какую-то белую штуку, посмотрела на нее с ужасом и пониманием, а потом протянула ему.

[Оно все еще живо — все, что находится здесь, еще живо. Я не знаю, как это может быть, но так оно и есть... не знаю... Но они очень слабые. Почему они такие слабые?]

Она держала в руке маленький белый тапочек, который раньше принадлежал либо миниатюрной женщине, либо ребенку. Когда Ральф взял его в руки, он услышал, как тот тихо поет слабым голосом, который доносился как будто издалека. Звук был одиноким, как ноябрьский ветер пасмурным днем, но очень приятным — в противовес тому мерзкому звуку, что издавал предмет на полу.

И Ральф знал этот голос. В этом он был уверен.

На носке тапочка было маленькое темное пятнышко. Сначала Ральф подумал, что это шоколадное молоко, а потом понял, что это такое на самом деле: засохшая кровь. И тут же он мысленно перенесся в тот кошмарный день, когда он увидел Элен перед «Красным яблоком» и подхватил Натали за секунду до того, как Элен ее уронит. Он вспомнил, как у Элен заплетались ноги, как она прислонилась к двери магазина, будто пьяница — к столбу. Как она протянула к нему руки. *Отда мне моя малышка... отда мне На-ли.*

Он знал этот голос, потому что это был голос Элен. Этот тапочек был у нее на ноге в тот день, и кровь сочилась не то из разбитого носа, не то из ободранной щеки.

Он пел и пел, его голос еще не совсем утонул в жужжании предмета в черном мешке смерти, и теперь уши Ральфа — или то, что заменяет уши в мире аур — были полностью открыты, и он слышал голоса всех остальных предметов. Они пели, как потерянный хор.

Живые. Поют.

Они могли петь, все вещи, спрессованные в этих стенах, еще могли петь, потому что могли петь и их владельцы.

Их владельцы все еще живы.

Ральф снова взглянул вверх и только теперь заметил, что хотя некоторые вещи были достаточно старыми — как, например, саксофон, — большинство из них были новыми. Три пары часов со встроенным радио, все — цифровые. Бритвенный ста-

нок, которым вряд ли пользовались хоть раз. Губная помада с ценником аптеки «Первая помощь».

[Луиза, Атропос забрал эти вещи у тех, кто будет сегодня в Общественном центре. Да?]

[Да, я уверена, что да.]

Он показал ей на черный кокон, который кричал на полу, заглушая почти все песни вокруг... всасывая их в себя, кормясь ими.

[И что бы там ни лежало в этом мешке, оно имеет какое-то отношение к тому, что Клото и Лахесис называли мастер-связью. Это то, что связывает все остальные предметы — все остальные жизни — вместе.]

[Связывает их в ка-тет. Да, наверное, так.]

Ральф отдал тапочек Луизе.

[Возьмем с собой, когда будем уходить. Это вещь Элен.]

[Я знаю.]

И тут Луиза сделала одну вещь, которую Ральф посчитал очень мудрой: она расшнуровала тапочек до середины и привязала его к своему запястью наподобие браслета.

Ральф подполз ближе к маленькому мешку смерти и склонился над ним. Просто подобраться к нему поближе было достаточно тяжело, а быть рядом с ним было вообще кошмарно — как если бы ты сидел рядом с работающей дрелью или смотрел на солнце в ясный полдень. На этот раз он сумел различить слова за монотонным жужжанием, те же самые слова, которые они с Луизой слышали, когда подошли к краю кокона смерти вокруг Общественного центра: *Убиййся, Отъебись, Отвали.*

Ральф на мгновение прижал руки к ушам, но, разумеется, это не помогло. Звук шел не снаружи... то есть не совсем снаружи. Он опустил руки и посмотрел на Луизу.

[Есть идеи, что делать дальше?]

Он точно не знал, что ожидает услышать, но уж никак не быстрого и точного ответа.

[Открыть этот мешок и забрать то, что лежит внутри... а потом делать ноги. Эта штука может позвать Атропоса, об

этом ты не подумал? Как курица в сказке про Джека и волшебные бобы.]

На самом деле Ральф об этом подумал, но не в таких ярких сравнениях. *Ладно, подумал он. Открыть и забрать наш приз. Только — как!*

Он вспомнил луч света, который послал в Атропоса, когда этот маленький лысый урод пытался поймать Розали. Хороший трюк, но в данном случае это может принести больше вреда, чем пользы... что, если он переборшит и уничтожит вещь, которую нужно забрать?

Что-то я сомневаюсь, что у тебя хватит на это силенок.

Ну да, достаточно честно. Он и сам в общем-то не уверен, что у него хватит на это сил... но если тебя окружают вещи людей, которые, может быть, завтра умрут, рисковать — не самая лучшая мысль. Просто безумная мысль.

Вообще-то сейчас мне нужны не громы и молнии, а хорошая пара ножниц, как у Клото с Лахесисом...

Он посмотрел на Луизу, завороченной четкостью этой мысленной картинки.

[Я не знаю, что ты придумал, но делай это побыстрее.]

6

Ральф взглянул на свою правую руку — руку, из которой исчезли все признаки начинающегося артрита и все старческие морщины, руку, которую сейчас окружала яркая голубая сфера. Чувствуя себя немного глупо, он прижал мизинец, безымянный и большой пальцы к ладони и вытянул указательный и средний, вспомнив игру, в которую они играли в детстве, — камень ломает ножницы, ножницы режут бумагу, бумага оборачивает камень.

Превратись в ножницы, мысленно попросил он. Мне нужна пара ножниц. Помоги мне.

Ничего. Он взглянул на Луизу и увидел, что она смотрит на него с безмятежным спокойствием и безграничным доверием, от которого ему стало не по себе. Луиза, милая, если бы ты

только знала, подумал он, но тут же выкинул из головы все посторонние мысли. Потому что он что-то почувствовал, правильно? Да. Он что-то почувствовал.

На этот раз у него в голове возникли уже не слова, а образ: ножницы — но не те ножницы, которыми Клото резал веревочку Джимми Ви, а другие, из нержавеющей стали, ножницы его мамы, которые она хранила в корзине для шитья, — их длинные сверкающие лезвия были почти такими же острыми, как хорошо заточенные ножи. И когда он сосредоточился, он сумел прочесть два слова, выгравированных на металле мелкими буквами: ШЕФФИЛДСКАЯ СТАЛЬ. У него в сознании снова творилось нечто, только теперь это была не вспышка, а сила — сила очень могущественная, — которая медленно наполняла его. Он посмотрел на свои пальцы и заставил ножницы у себя в голове открыться и закрыться. Одновременно он медленно развел и свел пальцы, изобразив что-то вроде буквы V, которая расширяется и сужается.

Аура, что окружала его вытянутые пальцы, стала сгущаться... и удлиняться, принимая форму узких концов ножниц. Ральф подождал, пока они вытянутся примерно на пять дюймов, и снова развел и свел пальцы. Лезвия открылись и закрылись.

[Давай, Ральф! Давай!]

Да, пора делать дело. Сейчас он не мог позволить себе роскошь выжидать и экспериментировать. Он чувствовал себя как-то странно — наверное, так же чувствует себя машина, в которую поставили слишком мощный мотор. Он чувствовал, как вся энергия — та, что он взял у других, и его собственная — концентрируется на его правой руке, на ножницах. Так не могло продолжаться долго. Надо поторопиться.

Он наклонился вперед, плотно сжав пальцы, и воткнул кончики ножниц в черный мешок смерти. Он весь сосредоточился на том, чтобы создать эти ножницы и заставить их работать, сосредоточился настолько, что перестал слышать это назойливое гудение — по крайней мере на сознательном уровне, — но когда кончики ножниц воткнулись в черную кожу мешка, он неожиданно

разразился пронзительным воплем сгушенной боли и тревоги. Ральф увидел капли густой темной жидкости, которые потекли из мешка на пол. Они были похожи на вязкие сопли. Он почувствовал, как давление у него внутри увеличилось. Он вдруг понял, что видит, как его аура течет вниз по его правой руке медленными судорожными волнами. И он чувствовал, как эти волны проходят через его тело, потому что его внутренняя защита значительно истончилась.

[Быстрее, Ральф! Быстрее!]

Он сделал над собой усилие и заставил пальцы открыться. Сверкающие синие лезвия тоже открылись и сделали небольшой надрез в черном яйце. Оно пронзительно завопило, и по его поверхности пробежали две яркие неровные вспышки. Ральф свел пальцы вместе и увидел, как лезвия, растущие из кончиков его пальцев, захлопнулись, прорезая черную массу, которая была наполовину раковиной, наполовину плотью. Он закричал, как от боли. Только это была не боль, а скорее чувство кошмарной усталости. Вот что значит истечь кровью на смерть, подумал он.

Что-то внутри мешка светилось ярким золотистым светом.

Ральф собрал все силы и попытался развести пальцы для еще одного надреза. Сначала ему показалось, что он просто не сможет этого сделать — пальцы как будто склеили суперклеем, — но потом они все-таки разошлись в стороны, расширяя надрез. Теперь он почти видел предмет внутри: что-то маленькое, круглое и светящееся. Это может быть только одно, подумал он, и сердце бешено заколотилось в груди. Синие лезвия стали неровно мерцать.

[Луиза! Помоги мне!]

Она схватила его за запястье. Он зачарованно наблюдал за тем, как лезвия снова становятся плотными. Только теперь одно из них было синим. Другое — жемчужно-серым.

Луиза кричала у него в голове:

[Режь! Режь немедленно!]

Он снова свел пальцы вместе, и на этот раз лезвия вскрыли мешок. Он издал последний пронзительный крик, на миг

сделался абсолютно красным и вдруг исчез. Как и лезвия, растущие из пальцев Ральфа. Он на мгновение закрыл глаза и только тогда понял, что крупные капли пота стекают по его щекам, как слезы. В темном пространстве за закрытыми веками мелькали остаточные изображения, которые были похожи на пляшущие лезвия ножниц.

[Луиза? Ты как, нормально?]

[Да, но меня как будто выжали. Понятия не имею, как я буду подниматься обратно по этим ступенькам под деревом, не говоря уже о том, чтобы карабкаться вверх по корням. Я не уверена, что смогу сейчас встать.]

Ральф открыл глаза и снова наклонился вперед. На полу, где раньше был мешок смерти, лежало мужское обручальное кольцо. Он легко прочел надпись, выгравированную на его поверхности. ЭД — ЭД 8-5-87.

Элен Дипно и Эдвард Дипно. Поженились пятого августа 1987 года.

Это и было то, за чем они с Луизой пришли сюда. Символ Эда, его опознавательный знак. Теперь надо было поднять его... положить в карман... найти серьги Луизы... и убираться отсюда к едрене фене.

7

Когда Ральф потянулся к кольцу, у него в голове снова возникли стихи — на этот раз не Стивен Добинс, а Д.Р.Р. Толкиен, придумавший хоббитов, о которых Ральф всегда вспоминал в уютной квартирке Луизы. Прошло почти тридцать лет с тех пор, как он прочел «Властелина Колец», историю о Фродо и Гэндальфе и Сауроне, Темном Властелине — историю, в которой тоже был символ-кольцо, — но стихи вспомнились слово в слово. Они буквально горели у него перед глазами, как лезвия ножниц из света за минуту до этого:

Три — эльфийским владыкам в подзвездный предел,
Семь — для гномов, царящих в подгорном просторе;
Девять — смертным, чей выверен срок и удел.
И одно — Властелину на черном престоле

В Мордоре, где вековая тьма...
Чтобы всех отыскать, воедино созвать
И единою черною волей сковать
В Мордоре, где вековая тьма*.

Я не смогу его взять, подумал он. Оно так же прочно привязано к колесу ка, как и мы с Луизой, и я не смогу его взять. Просто не сумею поднять, или меня шибанет чем-то вроде разряда высокого напряжения, и я буду мертвым раньше, чем успею сообразить, что это было.

Только он почему-то не верил, что такое случится. Если кольцо нельзя взять, зачем было его защищать мешком смерти?! Если его нельзя взять, тогда зачем силы, что стояли за Клото с Лахесисом — и Доррансом, как он мог забыть про Дорранса, — послали их с Луизой сюда?!

Чтобы всех отыскать, воедино созвать, подумал Ральф и обхватил пальцами обручальное кольцо Эда. На мгновение его пронзила острая стеклянная боль, она прошла по ладони, запястью и локтю, и в эту секунду мягкое пение голосов всех вещей со страшного склада Атропоса переросло в громкий, но гармоничный крик.

Ральф издал непонятный звук — не то крик, не то стон — и поднял кольцо, крепко зажав его в правой руке. Пьянящее чувство победы пело у него в крови, как вино или как...

[Ральф.]

Он проследил глазами за взглядом Луизы, которая смотрела на пол со смесью страха и удивления.

Она смотрела туда, где раньше лежало кольцо Эда; туда, где оно все еще лежало. Золотое обручальное кольцо с надписью ЭД—ЭД 8-5-87, выгравированной на внутренней стороне.

У Ральфа закружилась голова от тошнотворного ощущения полной дезориентации в пространстве и времени. Он попытался взять себя в руки. Он разжал ладонь, почти уверенный, что кольцо оттуда исчезло, несмотря на то что говорили ему его чувства, но оно все еще лежало у него на ладони, на пересече-

* Перевод И. Гришпуна. Толкиен. «Властелин колец» в переводе Н.В. Григорьевой и В.И. Грушецкого. — *Примеч. пер.*

нии линии любви с линией жизни, и густой красный свет, которым было пропитано это кошмарное место, отражался от его гладкой поверхности. ЭД — ЭД 8-5-87.

Два кольца были полностью идентичными.

8

Одно у Ральфа в руке; другое на полу. Совершенно одинаковые. По крайней мере Ральф не заметил никакой разницы.

Луиза потянулась к кольцу на полу, секунду подумала и подняла его, крепко зажав в руке. И в тот же миг — буквально у них на глазах — на полу возникло золотистое сияние, которое вскоре сгустилось и стало третьим обручальным кольцом. Как и на двух предыдущих, на нем была гравировка: ЭД — ЭД 8-5-87.

Ральф поймал себя на том, что думает о совсем другой истории — не о «Властелине колец», а о коротком рассказе доктора Сьюса, который он читал какому-то из детей одной из сестер Каролины. Давно, еще в пятидесятые годы. Он так и не смог забыть этот рассказ, который был куда интереснее и мрачнее, чем обычная ерунда доктора Сьюса про крыс, летучих мышей и котов. Рассказ назывался «Пять сотен шляп Бартоломью Куббинса», и Ральф подумал, что в том, что он вспомнил этот рассказ, нет ничего удивительного.

Бедняга Бартоломью был деревенским дурачком, которому не повезло: он оказался в городе в то время, когда мимо проезжал Король. В присутствии августейшей особы полагалось снимать шляпу, и Бартоломью, разумеется, так и поступил, но вот незадача — каждый раз, когда он снимал шляпу, у него на голове появлялась другая, точно такая же.

[Ральф, что происходит? Что это значит?]

Он не знал, что ответить. Он лишь покачал головой, глядя то на кольцо у себя на ладони, то на кольцо, которое взяла Луиза, то на кольцо, что лежало на полу. Три кольца, абсолютно одинаковые, как шляпы Бартоломью Куббинса. Бедный парень лишился жизни, пытаясь доказать свое уважение к

Королю, Ральф это помнил, и даже когда палач вел его на эшафот, он продолжал снимать шляпу... но у него на голове появлялась точно такая же. И еще, и еще.

То есть даже не так. Сначала новые шляпы были таким же, как и первая, а потом они начали становиться все более вычурными и причудливыми, они стали меняться.

А кольца действительно те же самые, Ральф? Ты уверен?

Нет, наверное, не совсем те же самые. Когда он взял первое кольцо, резкая моментальная боль пронзила его руку, как острый приступ ревматизма, а Луизе вроде бы не было больно, когда она подняла с пола второе кольцо.

И голоса... я не слышал, чтобы они кричали, когда она поднимала кольцо.

Ральф наклонился и поднял третье кольцо. Не было ни боли, ни криков вещей, из которых были построены стены этой ужасной комнаты; они продолжали тихонько петь. Между тем на месте предыдущих трех колец появилось четвертое — точно как шляпа на голове беспомощного Бартоломью Куббинса, — но Ральф даже не взглянул на него. Он смотрел на первое кольцо, которое лежало у него на ладони на пересечении линии жизни и линии любви.

Чтобы всех отыскать, воедино созвать и единою черною волей связать, снова подумал он. Мне кажется, это именно ты, моя прелессть. Мне кажется, что другие — это всего лишь искусная подделка.

Вероятно, это даже можно проверить. Ральф прижал оба кольца к ушам. То, что было в левой руке, молчало; в том, что было в правой руке, в том, что лежало в черном мешке смерти, еще звучало эхо последнего крика кокона смерти.

Кольцо в правой руке было живым.

[Ральф?]

Луиза прикоснулась к его локтю. Ее рука была холодной и настороженной. Ральф посмотрел на нее, потом выбросил кольцо, которое держал в левой руке. Потом поднял второе кольцо и посмотрел сквозь него на напряженное, невероятно молодое лицо Луизы.

[Это то, которое нужно. Остальные — просто замена. Как нули в длинной и сложной математической задаче.]

[Думаешь, они не имеют значения?]

Он задумался, не зная, что ответить... потому что эти кольца имели значение, вот в чем дело. Он просто не знал, как передать это интуитивное знание словами. Пока кольца появлялись на полу в этой комнате, как шляпы на голове Бартоломео Куббинса, будущее, заключенное в мешок смерти вокруг Общественного центра, оставалось единственным и настоящим будущим. Но первое кольцо — то, которое Атропос украл с пальца Эда (возможно, когда Эд спокойно спал, обняв Элен, в их аккуратном маленьком домике, который сейчас пустовал) — могло изменить все.

Подделки были лишь знаками, они сохраняли форму *ка*, так же как спицы сохраняют форму колеса. А оригинал...

Ральф подумал, что первое кольцо — это ось колеса. Чтобы всех отыскать, воедино созвать и единою черною волей связать.

Он крепко сжал кольцо в руке, чувствуя, как оно больно впивается в ладонь и пальцы. Потом опустил его в карман.

Они нам кое-что не сказали про ка, подумал он. Что оно скользкое. Скользкое, как старая рыба, которая уже не сорвется с крючка, но продолжает биться у тебя в руках.

Это было похоже на то, как если бы ты карабкался по песчаной дюне — два шага вперед и соскальзываешь на шаг назад. Они поехали в Хай-Ридж и что-то такое там сделали — Ральф так и не понял, что именно, но Дорранс уверил их, что они действительно это сделали, выполнили свое задание. А теперь они пришли сюда и забрали знак Эда, но и этого было еще недостаточно, а почему? Потому что *ка* — как рыба, *ка* — как песчаная дюна, *ка* — как колесо, которое не желает остановиться и продолжает крутиться, сметая все на своем пути. Колесо со многими спицами.

Но больше всего *ка* похоже на кольцо.

На обручальное кольцо.

Ральф вдруг понял одну важную вещь, которую не смогли донести до него все разговоры в больнице и попытки Дорранса

объяснить, в чем дело: Эд приобрел свое положение непреднамеренно — это Атропос нашел растерянного и смущенного человека и наделил его огромной силой. Дверь открылась, и демон по имени Кровавый Царь прошел сквозь нее — демон, который был куда сильнее Клото, Лахесиса и Атропоса вместе взятых. И вряд ли его остановит какой-то там старый пердун из Дерри по имени Ральф Робертс.

[Ральф?]

[Чтобы всех отыскать, воедино созвать, Луиза... и единою черною волей связать.]

[О чем ты? Я не понимаю.]

Он сунул руку в карман и показал ей кольцо Эда. Потом обнял ее за плечи.

[Заменители, подделки — это спицы колеса, но это кольцо — центральная ось. Без которой колесо не сможет крутиться.]

[Ты уверен?]

Да, он уверен. Он просто не знает, как это сделать.

[Да. А теперь пойдём... нам надо убраться отсюда, пока не поздно.]

Он слегка подтолкнул Луизу, чтобы она первой вылезла из-под стола. Потом он опустился на колени и пополз следом за ней. На полпути он оглянулся и увидел странную и ужасную вещь. Хотя кошмарного жужжания больше не было, вокруг кольца на полу снова начал сгущаться черный мешок смерти. Яркий золотой блеск уже стал призрачно-тусклым.

Ральф смотрел как замороженный, не в силах оторвать взгляд, но потом все же отвел глаза и пополз вслед за Луизой.

9

Ральф боялся, что они потеряют драгоценное время, пытаясь найти путь обратно в лабиринте проходов, которые разбегались по этой жуткой камере хранения потерянных вещей, собранных Атропосом, но оказалось, что это совсем не сложно. Их же собственные следы, все еще видимые на полу, вели их уверенно, как путеводная нить.

Когда ужасная комнатка осталась позади, Ральф почувствовал себя увереннее, но его волновала Луиза. Когда они дошли до арки между хранилищем и мерзкой квартирой Атропоса, она уже почти висела на нем. Он спросил, все ли в порядке. Луиза даже умудрилась улыбнуться.

[Мне нужно скорее выбраться отсюда. Не важно, как высоко мы поднялись, здесь по-прежнему мерзко, и мне очень не нравится это место. Как только мы выйдем на свежий воздух, мне сразу же станет легче. Я думаю, что все будет в порядке. Честно.]

Ральф очень надеялся, что она окажется права. Когда они проходили под аркой в квартиру Атропоса, он пытался придумать предлог, чтобы послать Луизу вперед. Это дало бы ему возможность скоренько обыскать хранилище. И если он не найдет здесь сережки, значит, Атропос все еще носит их.

Он заметил, что у нее из-под платья опять торчит нижняя юбка, и открыл было рот, чтобы сказать ей об этом, но тут краем глаза заметил движение где-то в углу. И только тогда до него дошло, что, возвращаясь обратно, они не смотрели по сторонам — отчасти потому, что были жутко измотаны — и теперь им придется заплатить за это, и заплатить очень дорого.

[Луиза, берегись!]

Слишком поздно. Ральф почувствовал, как ее рука вырывается из его рук, когда рычащее существо в грязном халате обхватило ее за талию и потащило назад. Голова Атропоса была ровно на уровне ее подмышек, но он все равно исхитрился занести над ней свой ржавый скальпель. Когда Ральф инстинктивно дернулся в его сторону, Атропос начал опускать лезвие, пока оно не коснулось жемчужно-серой веревочки над головой у Луизы. Он оскалится в ужасающей ухмылке.

[Больше ни шагу, краткосрочник... ни шагу!]

Ладно, по крайней мере ему больше не надо переживать о потерянных серьгах Луизы. Вот они — переливаются темно-красным светом в ушах у Атропоса. И Ральфа остановил не крик, а именно этот блеск.

Скальпель чуть-чуть отодвинулся... но только чуть-чуть.

[Теперь вот что, краткосрочник. Ты кое-что взял у меня, ага? Не пытайся отрицать; я знаю. Так вот, гони эту штуку обратно.]

Атрос провел тупой стороной скальпеля по веревочке Луизы.

[Отдай мне это обратно или твоя сучка умрет прямо здесь, у тебя на глазах. А ты будешь стоять и смотреть, как ее мешок станет черным. Что скажешь, краткосрочник? Будем меняться?]

Глава 26

I

лыбка Атропоса сияла, как начищенная тарелка; в ней был триумф, но в ней был и...

Страх. Он застал тебя врасплох, он держит Луизу за горло, он готов перерезать ее веревочку... но он напуган до смерти. Почему?

[Ну, давай же! Не хрен тянуть время! Отдай мне кольцо!]

Ральф медленно опустил руку в карман и взял кольцо, размышляя о том, почему Атропос до сих пор не убил Луизу. Ведь он не собирался выпускать ее — а точнее, их обоих — отсюда. Совершенно точно не собирался.

Он боится, что я ударю его каким-нибудь очередным приемом этого телепатического карате. И это еще не все. Мне кажется, он боится облажаться. Очень боится. И еще он боится того — той сущности, — что следит за ним. Он боится Кровавого Царя. Боись своего босса, да, мой мерзкий маленький друг?

Он зажал кольцо между большим и указательным пальцем правой руки и посмотрел на Атропоса сквозь него.

[А ты сам возьми. Что, слабо? Ты подходи, не стесняйся!]

Лицо Атропоса исказила гримаса ярости. Она превратила его нервную, злорадную ухмылку в злобную мультяшную рожу.

[Я убью ее, краткосрочник, ты что, не понял? Ты этого хочешь?]

Ральф, не торопясь, поднял левую руку. Потом махнул рукой, как будто собирался что-то разрубить, и был очень доволен, увидев, что Атропос вздрогнул, когда ладонь Ральфа повернулась в его сторону.

[Если ты хотя бы дотронешься до нее этим скальпелем, я так тебе вмажу, что будешь зубы из стены ножиком выковыривать, перочинным. Это я тебе гарантирую.]

[Просто отдай мне кольцо, краткосрочник.]

Они не могут врать, вдруг подумал Ральф. Я не помню, мне говорили об этом или я просто почувствовал, но я уверен, что прав: они не могут врать, а вот я могу.

[Знаешь что, мистер Атропос... обещаю тебе, что все будет именно так, и я отдам тебе кольцо.]

Атропос внимательно посмотрел на него, в его взгляде было сомнение и недоверие.

[Как — так? Что значит «именно так»?]

[Ральф, нет!]

Он посмотрел на Луизу, потом опять на Атропоса. Потом поднял левую руку, чтобы почесать щеку, не задумываясь о том, как воспримет этот жест маленький лысый доктор. Тот вновь прижал скальпель к веревочке Луизы и на этот раз — достаточно сильно. Там, где скальпель прикасался к ауре Луизы, появилось темное пятно. Оно было похоже на кровавый нарыв. На лбу Атропоса выступили крупные капли пота, и когда он заговорил, его голос то и дело срывался на крик.

[Даже и не пытайся бросаться своими молниями! Если ты попытаешься это сделать, женщина умрет.]

Ральф быстро опустил руку и убрал обе руки за спину, как напавший ребенок. Обручальное кольцо Эда все еще было у него в руке, и он почти машинально убрал его в задний карман брюк. И только тогда окончательно понял, что не собирается отдавать кольцо. Даже если это будет стоить Луизе жизни — или им обоим, — он не собирается отдавать кольцо.

Но, может статься, до этого и не дойдет.

[Это сделка, мистер Атропос, и это значит, что мы с Луизой спокойно уйдем отсюда: я отдаю кольцо, ты отдаешь мне мою подругу. Тебе надо лишь пообещать не причинять ей вреда. Что скажешь?]

[Нет, Ральф, нет!]

Атропос ничего не сказал. В его взгляде были и страх, и беспомощность, но больше всего ненависти. Если за всю его жизнь ему когда-то хотелось соврать, то сейчас был именно такой случай, подумал Ральф. Ему всего-то и нужно было, что сказать: «Ладно, договорились», — и тогда мяч был бы в воротах. Но он не мог этого сделать, потому что не мог согласить.

Он знает, что его загнали в угол, подумал Ральф. И не важно, отпустит он Луизу или перережет ее веревочку, он уверен, что я поджарю его в любом случае, и он не ошибается.

Да, а ты не подумал о том, что ты сможешь сделать на самом деле, дорогой? — с сомнением в голосе спросила его Каролина откуда-то из глубин сознания. Сколько сил у тебя осталось после того, как ты открыл мешок смерти вокруг кольца?

Ответ, к сожалению, был неутешительным. Возможно, этих сил хватит на то, чтобы подпалить лысую черепушку Атропоса, но их точно не хватит на то, чтобы ее поджарить. И...

А потом Ральф заметил одну вещь, которая очень ему не понравилась: паника во взгляде Атропоса сменилась какой-то настороженной уверенностью. И он почувствовал, как безумные глаза мистера Атропоса жадно впились в него — в его лицо, его тело, но в основном в его ауру. Ральф вдруг представил себе механика, который использует измерительный стержень, чтобы узнать, сколько масла осталось в картере.

Сделай что-нибудь, — читалось во взгляде Луизы. Пожалуйста, Ральф.

Но он понятия не имел, что можно сделать. Идеи кончились, совсем.

Улыбка Атропоса опять поползла к ушам.

[Ты не заряжен, короткий, я прав? Боже мой, как это грустно.]

[Только сделай с ней что-нибудь, и ты узнаешь, дерьмище.]

Ухмылка Атропоса становилась все шире.

[Ты и крысу-то не убьешь с тем, что у тебя осталось. Почему бы тебе не побыть примерным ребенком и не отдать мне кольцо, пока...]

[Ах ты, ублюдок!]

Это был голос Луизы. Она больше не смотрела на Ральфа, она смотрела через комнату — в зеркало, перед которым Атропос, наверное, примерял свои последние обновки: бандану Розали и, может, панаму Билла Макговерна. В широко открытых глазах Луизы не было ничего, кроме ярости, и Ральф понял, что она увидела.

[Это МОЕ, ты, гнилой мелкий ворюга!]

Она яростно дернулась вперед, используя весь свой вес, чтобы ударить Атропоса об арку. Это сработало, рука со скальпелем дернулась назад, и лезвие царапнуло по стене, выбивая оттуда сухие комочки грязи. Луиза повернулась к нему, ее лицо было искажено гневом — и в этот момент она была меньше всего похожа на ту, «нашу Луизу»; у Макговерна наверняка случился бы культурный шок, если бы он увидел ее сейчас. Ее руки потянулись к ушам Атропоса, один палец оставил на щеке глубокую царапину. Атропос взвизгнул, как собака, которой наступили на лапу, а потом вновь обхватил Луизу и развернул.

Он повернул скальпель лезвием вовнутрь и приготовился нанести удар. Ральф взмахнул рукой, у него из пальца вырвалась такая бледная вспышка света, что ее почти не было видно. Единственное, чего смог добиться Ральф, это ударить светом по скальпелю Атропоса и отвести его от веревочки Луизы. Ральф почувствовал, что он полностью иссяк.

Атропос скалился из-за плеча Луизы, а она дергалась и вертелась, пытаясь освободиться. Но она не собиралась убежать; она собиралась развернуться и напасть. Ее ноги дернулись вперед, когда она попыталась придавить своим весом Атропоса и ударить его об стену. Ральф вдруг упал на колени и протянул руки вперед, совершенно не осознавая, что он делает и зачем. В этот момент он был похож на маньячного жениха, который

собирается сделать предложение своей подруге, и одна из брыкающихся ног Луизы чуть не ударила его по горлу. Он дернул за край ее нижней юбки, и у него в руках оказался скользкий кусок розового нейлона. А Луиза все кричала:

[Убожество! Мелкий ворюга! Получай! Ну что, нравится!]

Атропос завопил, и когда Ральф посмотрел на него, он увидел, что Луиза схватила его зубами за правое запястье. Он слепо размахивал левой рукой, пытаясь попасть по веревочке Луизы. Скальпель прошел в сантиметре от цели. Ральф вскочил на ноги и — опять не совсем понимая, что он делает и зачем — натянул кусок нижней юбки Луизы на машущую руку Атропоса... и ему на голову.

[Луиза, беги! Беги!]

Она отшвырнула маленькую белую руку и побежала к столу в центре комнаты, выплевывая кровь Атропоса с каким-то животным рычанием. Ее лицо все еще было искажено яростью. Сам Атропос, который теперь являл собой непонятное рычащее существо под розовым нейлоном, потянулся за ней свободной рукой. Ральф отшвырнул его руку и прижал его к стене.

[Не стоит, друг мой, я тебя уверяю.]

[Отпусти меня! Отпусти меня, ублюдок! Ты не можешь этого сделать.]

Самое странное, что он и правда в это верит, подумал Ральф. Он сам делал это так долго, что совершенно забыл о способностях краткосрочников. Ну ладно, я помогу вспомнить.

Ральф вспомнил, как Атропос обрезал веревочку Розали, когда собака лизнула его руку, и его ненависть к этому злобному, самодовольному и абсолютно безумному существу взорвалась в голове ослепительной вспышкой. Он схватил юбку Луизы и намотал ее на руку, так что лицо Атропоса, обтянутое розовым нейлоном, стало похоже на посмертную маску.

А потом, когда лезвие скальпеля начало резать ткань, Ральф раскрутил Атропоса, используя юбку как прашу, и зашвырнул его сквозь арку. Атропосу было бы лучше просто упасть, но он не упал, его ноги ударились друг о друга, но все-таки он усто-

ял. Он ощутимо приложился о камень рядом с аркой и упал на колени, издав приглушенный крик боли. Пятна крови расцветали на юбке Луизы, как цветы. Скальпель исчез в той самой дыре, которую Атропос проделал в ткани. Ральф рванулся к Атропосу в тот самый момент, когда тот пытался расширить дыру, и сквозь нее уже было видно удивленное лицо лысого существа. Из носа у него шла кровь, кровь была на лбу и правом виске. И прежде чем он сумел подняться на ноги, Ральф схватил скользкие розовые выпуклости, которые были плечами Атропоса.

[Прекрати, я тебя предупредил, краткосрочник! Ты пожалеешь, что ты вообще...]

Ральф пропустил мимо ушей эту угрозу и сильно толкнул Атропоса вперед. Его руки все еще были под юбкой, поэтому об пол он ударился сразу лицом. Его крик был отчасти удивленным, но скорее всего это была просто боль. Невероятно, но какой-то частью сознания Ральф слышал Луизу, она говорила ему, чтобы он не перестарался, что хватит уже, что не стоит слишком сильно калечить этого мелкого психа, который только что пытался ее убить. Атропос попытался откатиться в сторону. Ральф встал коленями ему на спину и снова ударил его об пол.

[Не двигайся, друг мой. Мне нравится твоя нынешняя позиция.]

Он посмотрел на Луизу и увидел, что ее удивительная ненависть исчезла так же неожиданно, как и появилась — как странный каприз природы. Торнадо, к примеру; торнадо, который обрушивается с ясного синего неба, срывает крыши с домов и опять исчезает. Она показывала на Атропоса.

[У него мои сережки, Ральф. Этот грязный мелкий ворюга украл мои сережки. Он их носит.]

[Я знаю. Я видел.]

Из разреза в нейлоне показалась половина лица Атропоса, как лицо самого уродливого в мире младенца в момент рождения. Ральф почувствовал, как напрягаются мышцы маленького существа у него под коленом, и вдруг вспомнил одну старую поговорку, которую он где-то прочитал... может быть, на яр-

лычке чайного пакетика «Салата»: Тот, кто схватил тигра за хвост, не должен его отпускать. Теперь, в этой невероятной подземной пещере, чувствуя себя персонажем сказки, придуманной пациентом клиники для душевнобольных, Ральф подумал, что он постиг божественную суть этой пословицы. С помощью комбинации неожиданной ярости Луизы и везения он смог, хотя бы временно, оказаться сильнее этого мелкого и уродливого мудилы. Вопрос в том — и вопрос неприятный, надо заметить, — что делать дальше.

Рука со скальпелем дернулась вперед, но удар получился вялым и невнятным. Ральф с легкостью уклонился. Сопя и матерясь, не задумываясь о точности, полный бессильной ярости, Атропос продолжал размахивать скальпелем.

[Отпусти меня ты, ублюдок-переросток! Тупой старик! Уродливая старая черепаха!]

[А я выгляжу немного лучше, чем раньше, и уж точно лучше, чем ты, неужели не замечаешь?]

[Скотина! Глупая краткосрочная скотина! Ты пожалеешь! Ты очень сильно пожалеешь!]

Ну, подумал Ральф, по крайней мере он не умоляет. А то я почти не сомневался, что он будет молить меня о пощаде.

Атропос продолжал слабо размахивать скальпелем. Ральф опять уклонился от этих ударов и схватил существо, лежащее на полу, за горло.

[Нет, Ральф! Не надо!]

Он помотал головой, не зная, что он пытается выразить этим жестом: то, что его раздражают ее истошные вопли, или то, что он не знает, что делать, или и то, и другое. Он дотронулся до кожи Атропоса и почувствовал, что тот дрожит. Маленький доктор вскрикнул, и Ральф ощутил, что он чувствует. Это было противно и тошнотворно, но Ральф не убрал руку. Вместо этого он попытался поплотнее обхватить горло Атропоса и не был особенно удивлен, когда понял, что не может этого сделать. Разве Лахесис не говорил, что только краткосрочники могут противостоять воле Атропоса? Что-то такое он помнил. Вопрос только: как?

Атропос мерзко рассмеялся.

[Пожалуйста, Ральф! Просто возьми мои сережки, и мы пойдем!]

Атропос скосил на нее глаза, а потом снова уставился на Ральфа.

[Ты что, думал, что сможешь убить меня, краткосрочник?]

Нет, он так не думал, но надо было удостовериться.

[Жизнь — такая сука, правда, краткосрочник? Может, просто отдашь мне колечко? Я ведь так или иначе его получу. Можешь не сомневаться.]

[Да иди ты на хер, мелкая тварь!]

Круто сказано, но это только слова. Самый важный вопрос так и остался нерешенным. Что ему, черт подери, теперь делать с этим чудовищем?

Что бы то ни было, этого нельзя делать, когда рядом стоит Луиза и смотрит на тебя, сказал ему внутренний голос, холодный и незнакомый, совсем не похожий на голос Каролины. Все было в порядке, когда она была в ярости, но сейчас-то она не в том состоянии. Она слишком добрая для того, что будет дальше, Ральф. Ее надо отсюда убрать.

Он повернулся к Луизе. Ее глаза были прикрыты. И вид у нее был такой, как будто она вот-вот упадет и уснет прямо здесь, в арочном проеме.

[Луиза, я хочу, чтобы ты ушла отсюда. Сейчас же. Поднимайся наверх и жди меня под дерев...]

Скальпель снова взметнулся вверх и на этот раз чуть не отрезал Ральфу кончик носа. Он увернулся, и в этот момент его колено скользнуло по нейлону. Атропос рванулся изо всех сил и все-таки откатился в сторону. В последний момент Ральф снова прижал голову лысого человечка к полу — кажется, это разрешалось правилами — и поставил колено обратно.

[Эй! Эй! Прекрати! Ты же меня устроишь!]

Не обращая внимания на вопли лысого доктора, Ральф опять повернулся к Луизе.

[Иди, Луиза! Иди наверх! Я тебя догоню, как только смогу уйти!]

[Мне кажется, я не смогу подняться наверх сама, я слишком устала.]

Атропос снова затих — на время — под коленом Ральфа. Но это было еще далеко не все. Там, наверху, шло время, и шло оно очень быстро, а время сейчас было их настоящим врагом: не Атропос и даже не Эд Дипно, а именно время.

[Мои сережки...]

[Я принесу их, Луиза, я обещаю.]

Сделав над собой невероятное усилие, Луиза выпрямилась и серьезно посмотрела на Ральфа.

[Только не причиняй ему вреда без необходимости, Ральф. Это не по-христиански.]

Абсолютно не по-христиански, согласилось маленькое злобное существо в голове Ральфа. Но если очень хочется, то можно и не по-христиански.

[Иди, Луиза. Оставь его мне.]

Она печально посмотрела на него.

[Если я попрошу тебя пообещать, что ты не причинишь ему вреда, это ведь ничего не изменит, да?]

Он подумал и покачал головой.

[Не изменит, но я могу тебе пообещать, что все, что я ему сделаю, будет соизмеримо с тем, что сделает он. Этого достаточно?]

Луиза задумалась, потом кивнула.

[Да, наверное, достаточно. И может быть, я смогу подняться сама, если буду делать это медленно и осторожно... а ты?]

[Со мной все будет в порядке. Жди меня под деревом.]

[Ладно, Ральф.]

Он смотрел, как она прошла через грязную комнату, держа в руке тапочек Элен. Она прошла через арку, соединявшую комнату и коридор, и медленно побрела наверх. Ральф подождал, пока она не исчезнет из виду, и повернулся обратно к Атропосу.

[Ну что ж, лапушка, мы тут вдвоем... два старых приятеля снова вместе. И чем бы нам таким заняться? Может быть, поиграем? Ты же любишь играть, правда?]

Атропос немедленно возобновил свои попытки освободиться, размахивая скальпелем над головой и пытаясь сбросить с себя Ральфа.

[Прекрати! Убери от меня свои руки, старый пердун!]

Атропос так бешено извивался, что Ральфу казалось, будто он стоит на большой змее. Он по-прежнему не обращал никакого внимания на вопли Атропоса, на его ерзанье и на скальпель. Теперь из юбки торчала вся голова Атропоса, что существенно облегчало Ральфу задачу. Он схватил сережки Луизы и потянул. Они остались на месте, зато Атропос опять начал орать. Ральф наклонился вперед и улыбнулся.

[Это же серьги, а не клипсы, правда, приятель?]

[Да! Да, мать твою за ногу!]

[Цитируя тебя же, жизнь — такая сука, не так ли, лапушка?]

Ральф снова схватил сережки и резко дернул. Дырки в ушах Атропоса порвались, и две маленькие капли крови появились там, где раньше были сережки. Крик лысого существа был похож на шум буровой установки. Ральф почувствовал что-то среднее между жалостью и презрением.

Этот маленький ублюдок причинял боль другим людям, а ему самому больно еще не бывало. Может быть, никогда не бывало. Ну что ж, сейчас ты узнаешь, каково было другим, приятель.

[Прекрати! Прекрати! Ты не сможешь это сделать!]

[У меня для тебя неприятная новость, приятель... я уже это делаю. Так что просто заткнись и не мешай мне.]

[Чего ты пытаешься этим добиться, краткосрочник? Оно все равно случится, знаешь ли. Все эти люди в Общественном центре все равно погибнут, и кольцо не спасет ни тебя, ни их.]

А то я не знал, подумал Ральф.

Атропос все еще дергался, но по крайней мере перестал размахивать скальпелем. Ральф счел возможным на мгновение отвести глаза и быстро осмотреть комнату. Правда, искал он скорее вдохновение, чем что-то конкретное — хватило бы даже намек на вдохновение.

[Ты только не обижайся, но я тебе кое-что скажу. Как твой новый друг и товарищ по играм. Я понимаю, тебе сейчас не до того, но тебе стоит все-таки найти время, чтобы заняться своим жилищем. Нет, конечно, евроремонт ты не сделаешь, но можно хотя бы прибраться. Бардачно тут у тебя!]

Атропос, одновременно обиженно и подозрительно: *[Ты думаешь, мне есть дело до того, что ты говоришь, кратко-срочник?]*

Ральфу в голову приходил только один путь дальнейшего развития ситуации. Ему это совершенно не нравилось, но он все равно собирался поступить именно так. Ему придется так поступить, и у него в сознании возникла очередная картинка, которая убедила его в этом лучше, чем что бы то ни было. Он увидел Эда Дипно, который летит к Дерри с побережья на легком самолете, который под завязку набит либо взрывчаткой, либо нервно-паралитическим газом.

[Что бы мне с тобой сделать, мистер Атропос... Есть какие-нибудь соображения?]

Ответ был досрочным:

[Отпусти меня. Вот ответ. Единственный ответ. Единственный. Я оставляю вас в покое, вас двоих. Оставляю вас Предопределенности. Вы проживете еще десять лет. А может быть, и все двадцать — нет ничего невозможного. Тебе и твоей прекрасной даме нужно всего лишь выйти из игры. Идите домой, а когда случится большой бум, вы все увидите по телевизору.]

Ральф постарался говорить так, как будто он действительно размышляет о подобной возможности.

[И ты оставишь нас в покое? Ты обещаешь оставить нас в покое?]

[Да!]

На лице у Атропоса промелькнула надежда, и Ральф увидел первые следы ауры, которая распространялась вокруг маленького мерзавца. Она была того же самого темно-красного цвета, как и пульсирующее мерцание, что освещало это место.

[Знаешь что, мистер Атропос?]

Атропос, с надеждой: *[Что?]*

Ральф протянул вперед руку, перехватил левое запястье Атропоса и выкрутил его. Атропос завопил. Его пальцы разжались, и тогда Ральф выдернул из них скальпель с легкостью, достойной короля воров, очищающего лопуха-прохожего.

[Я тебе верю.]

}

[Отдай! Отдай! Отдай! От...]

У Атропоса началась истерика, и он, наверное, мог бы выкрикивать это слово часами, но Ральф остановил его наиболее простым и действенным способом. Он наклонился и полоснул скальпелем по лысому затылку, что торчал из розового нейлона. И никакая невидимая рука не попыталась его остановить, и его собственная рука двигалась вполне нормально. Кровь — жутко много крови — хлынула из пореза. Аура вокруг Атропоса приобрела темный оттенок инфицированной раны. Он опять закричал.

Ральф наклонился вперед и прошептал Атропосу на ухо:

[Пусть я не могу тебя убить, но покалечить как следует точно смогу, ведь правда? И для этого мне не нужна никакая ментальная энергия, или как эта чушь называется. Мне вполне хватает вот этой маленькой штучки.]

Он провел скальпелем по черепу Атропоса поперек первого пореза, изобразив у него на затылке что-то вроде заглавной «Т». Атропос закричал и принялся бешено молотить ногами. Ральф сам ужаснулся тому, что какая-то его часть — сумасшедший гремлин — наслаждается происходящим.

[Если хочешь, чтобы я продолжал тебя резать, сопротивляйся дальше. Если хочешь, чтобы я перестал, успокойся.]

Атропос тут же замер.

[Ладно. А теперь я задам тебе несколько вопросов. И я думаю, это в твоих интересах — на них ответить.]

[Спрашивай все что угодно! Все что хочешь! Только не режь меня больше!]

[Замечательное отношение к делу, но хотелось бы убедиться. Посмотрим.]

Ральф снова провел скальпелем по черепу Атропоса, на этот раз сбоку. Лоскут кожи слез с черепа, как плохо приклеенные обои. Атропос заскулил. Ральф почувствовал, как что-то заворчалось у него в желудке, пытаясь выбраться наружу, но, когда он заговорил с Атропосом, ничто в голосе не выдавало его состояния (по крайней мере так казалось Ральфу).

[Ладно, это была лекция о мотивациях, Док. Если я буду вынужден повторить ее, тебе придется воспользоваться суперклеем для того, чтобы твой скальп не улетел с первым же порывом ветра. Тебе понятно?]

[Да! Да!]

[И ты мне веришь?]

[Да, гнилой ты, седой урод, ДА!]

[Ну вот и ладушки. Вот мой вопрос, мистер Атропос: Если ты даешь обещание, ты не можешь его нарушить?]

Атропос ответил не сразу; видимо, собирался с силами. Ральф прижал скальпель к его щеке, чтобы ускорить процесс. За это он был вознагражден еще одним воплем и мгновенным ответом:

[Да! Да! Только не режь меня больше! Пожалуйста, не режь меня больше!]

Ральф убрал скальпель, который оставил на щеке маленького существа след, похожий на родимое пятно.

[Замечательно, солнышко, слушай меня сюда. Я хочу, чтобы ты пообещал оставить меня и Луизу в покое, пока не закончится вся эта история с Общественным центром. Никаких больше преследований, никаких репрессивных мер и прочего дерьма. Пообещай мне это.]

[А не пошел бы ты на хрен! Возьми свое обещание и засунь себе его в задницу!]

Но Ральфа было сложно вывести из себя; наоборот, его улыбка стала еще лучезарнее. Потому что Атропос не сказал: «Я не буду». И что еще более важно, он не сказал: «Я не могу». Он

просто сказал: «нет». Всего лишь временная отсрочка. С этим вполне можно справиться.

Воодушевившись, Ральф провел скальпелем по позвоночнику Атропоса. Юбка разошлась, как и белый грязный халат, как и плоть, которая находилась под этим халатом. Кровь хлынула тошнотворным потоком, а Атропос принялся корчиться на полу. Его страшный крик чуть не оглушил Ральфа.

Он наклонился и пробормотал в маленькое ухо, пытаясь не запачкаться хлещущей кровью.

[Мне совершенно не хочется делать это еще раз, лапушка... на самом деле еще пара порезов, и меня стошнит... но я хочу, чтобы ты уяснил для себя следующее: я могу это сделать и я буду это делать, пока ты не дашь мне обещание или пока та сила, которая не дала мне тебя задушить, не вмешается еще раз. Но мне почему-то кажется, что если ты собираешься этого дожидаться, ждать придется еще долго, так что ты вполне успеешь превратиться в кровавое месиво. Что скажешь, дружище? Ты даешь мне обещание или я продолжаю тебя разделять на суповой набор?]

Атропос пробормотал что-то невразумительное. Он рыдал, и этот ужасный и раздражающий звук страшно действовал Ральфу на нервы.

[Ты не понимаешь! Если ты сможешь остановить то, что было начато — шансы невелики, но они все-таки есть, — меня накажет существо, которое вы называете Кровавым Царем!]

Ральф сжал зубы и снова ударил, при этом его губы были сжаты так плотно, что напоминали длинный шрам. Когда скальпель проходил через хрящ, резать стало труднее, а потом левое ухо Атропоса упало на пол. Кровь хлынула из дыры в лысой голове Доктора номер три, и на этот раз крик был таким долгим, что Ральфу показалось, будто у него лопаются барабанные перепонки.

Да, они явно не боги, подумал Ральф. Его тошнило от ужаса, омерзения и волнения. Единственная реальная разница между ними и нами заключается в том, что они живут дольше и увидеть их немного сложнее. А я, похоже, не Рэм-

бо... при одном только взгляде на эту кровь меня начинает тошнить. Вот дерьмо.

[Ладно, я обещаю! Перестань меня резать! Не надо! Пожалуйста, не надо!]

[Для начала неплохо, но мне бы хотелось побольше конкретики. Я хочу услышать, как ты скажешь, что обещаешь держаться подальше от меня и Луизы, а также от Эда до тех пор, пока не кончится мероприятие в Общественном центре.]

Он ожидал хныканья и уловок, но Атропос его удивил.

[Я обещаю! Я обещаю держаться подальше от тебя и от этой суки, с которой ты везде бегаешь...]

[Луиза. Произнеси ее имя. Луиза.]

[Да, да, и от нее, от Луизы Чесс! Я согласен держаться подальше и от нее, и от Эда Дипно. От всех вас, только не режь меня больше. Доволен? Достаточно хорошо для тебя, черт тебя подери?]

Ральф решил, что он доволен... если человек, которому глубоко противны его собственные методы воздействия, вообще может быть чем-то доволен. Он не думал, что в обещании Атропоса кроется какой-то подвох; маленький лысый человек знал, что впоследствии он очень дорого заплатит за это обещание, но ему было сложно противостоять той боли и тому ужасу, который вселил в него Ральф.

[Ладно, мистер Атропос. Я думаю, этого вполне достаточно.]

Ральф слез со своей жертвы, чувствуя, как его желудок выворачивается наизнанку, и с ощущением — ложным, наверное, — что его горло открывается и закрывается, словно раковина моллюска. Он посмотрел на испачканный кровью скальпель, потом размахнулся и зашвырнул его подальше. Скальпель пролетел сквозь арку и исчез где-то в недрах хранилища.

Чистая работа, подумал Ральф. *В смысле, что я не особенно извозюкался.* Его больше не тошнило. Теперь ему хотелось плакать.

Атропос медленно встал на колени и осмотрелся по сторонам безумным взглядом человека, пережившего страшную бурю. Он увидел свое ухо, лежавшее на полу, и подобрал его. Покрутил его в маленьких ручках и посмотрел на хрящи, что торчали из него. Потом посмотрел на Ральфа. В глазах Атропоса стояли слезы, слезы боли и унижения, но там было и что-то еще: ярость, такая свирепая и убийственная, что Ральф невольно отшатнулся. Все его предосторожности показались глупыми и наивными, когда он видел эту ярость. Он отступил на шаг и поднял дрожащий палец, указывая на Атропоса.

[Помни свое обещание!]

Атропос оскалился в страшной ухмылке. Лоскут кожи у него на голове болтался взад-вперед, как пиратский флаг, а плоть под кожей сильно кровоточила.

[Разумеется, его я помню... разве такое забудешь? Я вот хотел тебе еще одно обещание дать, в нагрузку. Два по цене одного, так сказать.]

Атропос сделал жест, который Ральф хорошо помнил с больничной крыши: сложил два пальца в виде буквы V и поднял их вверх, прочертив в воздухе красную арку. Внутри нее Ральф увидел человеческую фигуру, а за ней — тусклое, как будто в облаке крови, изображение магазина «Красное яблоко». Он хотел было спросить, кто это стоит там, на Харрисавеню... но потом неожиданно понял сам. Он посмотрел на Атропоса, и его взгляд был полон ужаса.

[Господи, нет! Нет, ты не можешь!]

Атропос ухмыльнулся своей мерзкой ухмылкой.

[Ты знаешь, я думал о тебе, краткосрочник. Но я ошибся. И ты тоже. Смотри.]

Атропос шире раздвинул пальцы. Ральф увидел мужчину в бейсбольной кепке «Бостон Ред Сокс», который выходил из «Красного яблока». Ральф уже точно знал, кто это. Этот человек окликнул того, другого, а потом начало происходить что-то ужасное. Ральф отвернулся от кровавой арки будущего между маленькими пальцами Атропоса. Его тошнило.

Он слышал, когда все произошло.

[То, что я тебе показал, находится в ведении Случая, краткосрочник. Другими словами, в моем. И вот тебе мое обещание: если ты будешь и дальше путаться у меня под ногами, то, что я показал тебе, произойдет. Ты не сможешь ничего сделать, ты не сможешь никого предупредить. Но если ты уйдешь... если ты и твоя женщина перестанете мне мешать и позволите событиям идти своим чередом... тогда я смогу это остановить.]

Вся вульгарная грубость, которая раньше была отличительной чертой манеры общения Атропоса, разом исчезла, и только теперь Ральф начал понимать, какое древнее и невообразимо мудрое существо стоит перед ним.

[Знаешь, что говорят законченные наркоманы, краткосрочник? Умирать легко, жить куда тяжелее. Это очень верно. Если кто-то и знает об этом, так это я. Ну что, есть какие-нибудь рациональные соображения?]

Ральф стоял, опустив голову и сжав кулаки. Серьги Луизы горели у него в руке, словно маленькие горячие угольки. Кольцо Эда тоже, казалось, пытается прожечь ему кожу сквозь ткань брюк, и он понял, что ничто в мире его не остановит: сейчас он вытащит кольцо из кармана и зашвырнет его вслед за скальпелем. Он вспомнил рассказ, который читал в школе, тысячу лет назад. Рассказ назывался «Девушка или тигр?», и, может быть, только теперь Ральф узнал, что такое выбор, ужасный выбор, и что такое сила, ужасная сила. На первый взгляд все было очень просто: что такое одна жизнь в сравнении с двумя тысячами жизней?

Но именно эта жизнь!..

Но ведь об этом никто никогда не узнает, неожиданно ладнокровно подумал он. Может быть, только Луиза, но Луиза одобрит мой выбор. Каролина могла бы и не одобрить, но они очень разные.

Да, но есть ли у него право?

Атропос, должно быть, прочел все это в его ауре — Ральфу стало не по себе при одной только мысли о том, как много видит это существо.

[Ну разумеется, Ральф... в этом-то все и дело, когда речь идет о жизни и смерти: у кого есть право? На этот раз оно есть у тебя. И что ты скажешь?]

[Я не знаю, что сказать. Я не знаю, что думать. Все, что я знаю, так это то, что мне бы очень хотелось, чтобы вы трое ОСТАВИЛИ МЕНЯ В ПОКОЕ, МАТЬ ВАШУ!]

Ральф Робертс поднял голову к переплетенному корнями потолку пещеры Атропоса и закричал.

Глава 27

1

ять минут спустя голова Ральфа вынырнула из густого сумрака под старым покосившимся дубом. Он сразу увидел Луизу. Она стояла на коленях под деревом и напряженно вглядывалась в его лицо сквозь переплетенные корни. Он протянул ей грязную, запачканную кровью руку, и она уверенно схватила ее и крепко держала, пока Ральф поднимался по последним ступенькам — скользким корням, которые были больше похожи на перекладыны трапа.

Ральф наконец выбрался из-под дерева и перевернулся на спину, наслаждаясь первыми глотками сладкого чистого воздуха. Он подумал, что, наверное, никогда в жизни обычный воздух не казался ему настолько приятным. Несмотря ни на что, он был невообразимо рад, что все-таки выбрался. Тому, что он наконец свободен.

[Ральф? С тобой все в порядке?]

Он повернул голову, поцеловал Луизе ладонь и положил туда сережки — в то самое место, к которому он прикасался губами.

[Да. Все нормально. Это твое.]

Она с любопытством посмотрела на серьги, как будто видела их в первый раз в жизни, и убрала их в карман.

[Ты увидела их в зеркале, да, Луиза?]

[Да, и я очень разозлилась... но, честно сказать, я не особенно удивилась.]

[Потому что ты знала.]

[Да, наверное. Может быть, сразу, как только увидела Ат-ропоса в панаме Билла. Я просто задвинула это знание... ну, знаешь... куда-то глубоко в подсознание.]

Луиза внимательно посмотрела на Ральфа, как будто что-то прикидывая в уме.

[Ладно, давай больше не будем говорить о моих сережках. Что было там, внизу? Как ты умудрился выбраться?]

Ральф боялся, что если она будет смотреть на него так пристально, она увидит слишком много. И еще ему казалось, что если в ближайшее время он не начнет двигаться, он просто упадет на месте; его усталость достигла таких размеров, что напоминала теперь какой-то огромный предмет — к примеру, затонувший океанский лайнер, — который лежит где-то внутри и тянет его вниз. А сейчас он не мог позволить себе расслабиться, не мог позволить расслабиться им обоим. Было еще не так поздно — часов шесть или около того, — но время все-таки поджимало. По всему Дерри люди, которым нет никакого дела до абортот и прочих подобных вещей (другими словами, подавляющее большинство), садились ужинать. Общественный центр уже открылся для приема посетителей. Сегодня на него будут направлены все прожекторы многочисленных съемочных групп, мини-камеры будут транслировать в прямом эфире появление борцов за выбор, которые пройдут или проедут мимо Дэна Далтона и его «Друзей жизни», митингующих с плакатами на площадке перед Общественным центром. Они, наверное, будут скандировать любимую песенку Эда Дипно: Эй, эй, Сьюзан Дей, ты сколько сегодня убила детей? Ральф еще не знал, что они с Луизой будут делать, но на все про все им отмерено шестьдесят, максимум девяносто минут.

[Вставай, Луиза. Нам пора действовать.]

[Мы поедем обратно в Общественный центр?]

[Нет, по крайней мере не сначала. Начать, наверное, надо ...]

Ральф вдруг понял, что ему чертовски интересно, что он сейчас скажет. Он понятия не имел, что им делать дальше и куда ехать. Обратно в городскую больницу? В «Красное яблоко»? К нему домой? Куда надо ехать, если хочешь найти парочку неплохих, но отнюдь не всезнающих ребят, которые вовлекли тебя и близких тебе людей в мир боли и неприятностей? Или не надо никуда ехать, а надо ждать, пока они сами тебя не найдут.

А может быть, им и вовсе не хочется находить тебя, дорогой. Вполне может статься, что они просто прячутся от тебя.

[Ральф, ты уверен, что ты...]

Он вдруг подумал о Розали и сразу все понял.

[Парк, Луиза. Струофорд-парк. Именно туда нам и надо. Но по пути мы еще кое-куда заглянем.]

Он повел ее вдоль ограды, и вскоре они услышали голоса. Ральф почуял запах горячих хот-догов, и после кошмарной вони в логове Атропоса этот запах показался ему почти божественным. Пару минут спустя они с Луизой уже стояли на краю маленькой площадки для пикников около взлетно-посадочной полосы номер три.

Там был Дорранс; он стоял окруженный своей удивительной разноцветной аурой и наблюдал за тем, как маленький самолетик заходит на посадку. У него за спиной Фэй Чапин и Дон Визи сидели за одним из столиков за шахматной доской и початой бутылкой «Уньлой монахини». Стэн и Джорджина Эберли пили пиво и поедали хот-доги, которые жарились на углях на решетке — над углями дрожало марево горячего воздуха, которое Ральф почему-то видел в образе сухого розового сияния, похожего на коралловый песок.

На пару секунд Ральф застыл на месте, пораженный красотой этих людей — эфемерной и сильной красотой, в которой, по его мнению, и заключалась жизнь краткосрочников. В голове всплыла строчка из одной старой песенки: Мы звездная

пыль, мы позолота. Аура Дорранса отличалась от всех — она была невероятно другой, — но даже самые прозаические из остальных аур блестели, словно таинственные драгоценные камни.

[Ральф, ты видишь? Ты видишь, как они прекрасны?]

[Да.]

[Как плохо, что они об этом не знают.]

А плохо ли? В свете всего, что случилось в последнее время, Ральф был совсем не уверен в этом. У него была мысль — даже не мысль, а какое-то смутное, но очень сильное интуитивное чувство, которое не выразишь словами, — что настоящая красота не должна быть осознанной, это вечно меняющаяся субстанция, которая просто есть и которую просто так не увидишь.

— Ну давай, дубинушка, ходи уже, что ли, — раздался голос. Ральф вздрогнул; поначалу ему показалось, что это обращаются к нему, но это всего лишь Фэй сказал Дону Визи: — Ты старое медлительное бревно.

— Да замолчи ты, — огрызнулся Дон. — Я думаю.

— Думай, пока ад не замерзнет. Все равно через шесть ходов тебе будет мат.

Дон нацедил себе вина в бумажный стаканчик и закатил глаза.

— Едрена кочерыжка! — воскликнул он. — А я-то, тупица, так и не понял, что играю с самим Борисом Спасским, мне-то казалось, что это всего лишь наш старый добрый Фэй Чапин! Простите великодушно и позвольте откланяться!

— Не ерничай, Дон. С такими штуками ты вполне можешь выйти на сцену, чтобы деньги себе зарабатывать. Только ты не беги выступать прямо сейчас, подожди пару минут — всего шесть ходов, начиная вот с этого.

— А ты у нас умник, — сказал Дон. — Просто не знаешь, когда...

— Тише! — сказала Джорджина Эберли напряженным голосом. — Что это было? Такой звук, как будто что-то взорвалось!

«Это» была всего лишь Луиза, которая высасывала энергию из ярко-зеленой ауры Джорджины. Сплошным потоком.

Ральф поднял правую руку, сложил из ладони трубочку, поднес ее к губам и начал вдыхать точно такой же поток ярко-синего света из ауры Стэна Эберли. Он сразу почувствовал, как его наполняют свежие силы; как будто у него в мозгу разом включились яркие флюоресцентные лампы. Но тот самый затонувший корабль, тяжесть которого он почувствовал у старого дуба и который был следствием четырех месяцев жуткой бессонницы, оставался на месте и по-прежнему ташил Ральфа куда-то на глубину.

А ведь ему еще предстояло принять решение. И придумать, что делать дальше.

Стэн тоже начал оглядываться по сторонам. Не важно, сколько энергии вытянул из него Ральф (а ему самому казалось, что очень много), источник этой энергии оставался таким же ярким. Видимо, то, что им говорили про неисчерпаемые резервуары энергии, заключенной в каждом человеке, оказалось правдой, причем в самом прямом смысле.

— Ну, — сказал Стэн. — Я что-то слышал...

— А я нет, — сказал Фэй.

— Разумеется. Это все потому, что ты глухой, как пень, — отозвался Стэн. — Ты можешь не перебивать меня хотя бы пару минут? Я начал говорить, что это была не цистерна с горячим, поскольку не видно ни огня, ни дыма. Опять же это не Дон пустил ветры, поскольку я что-то не вижу падающих с дерева белок с опаленной шерстью. Наверное, это был просто выхлоп какого-нибудь здоровенного грузовика. Не волнуйся, дорогая, я тебя защищу.

— Защищай лучше вот это, — сказала Джорджина, согнув одну руку в локте и ударив по сгибу кулаком. Однако она улыбалась.

— О Господи, — сказал Фэй. — Вы посмотрите на старину Дора.

Они все посмотрели на Дорранса, который улыбался и махал рукой, глядя в сторону Харрис-авеню.

— Что ты там увидел, приятель? — спросил Дон Визи, улыбаясь.

— Ральфа с Луизой, — сказал Дор, радостно улыбаясь. — Я вижу Ральфа и Луизу. Они только что вышли из-под старого дерева.

— Ну да, — сказал Стэн. Он прикрыл глаза и показал пальцем точно на них. Ральф сначала занервничал, но потом понял, что Стэн показывает в том направлении, куда махал Дорранс. — Да, а вот и Гленн Миллер, он идет прямо за ними! Черт возьми!

Джорджина пихнула его в бок, и Стэн отошел назад, все еще усмехаясь.

Дорранс, счастливо улыбаясь: *[Я не знаю, это дела долгосрочников, а я с этим давно завязал. Я уже скоро пойду домой и буду читать Уолта Уитмена. Будет ветреная ночь, а когда дует ветер, Уитмен — лучшее, что только можно придумать.]*

Луиза, ее голос срывается: *[Дорранс, помоги нам!]*

Улыбка Дона исчезла, он серьезно посмотрел на Луизу.

[Я не могу. Все уплывает у меня из рук. Что бы ни случилось, все должны делать вы с Ральфом. Только вы, и больше никто.]

— Гм, — сказала Джорджина. — Терпеть не могу, когда он смотрит вот так. Поневоле начинаешь верить, что он и вправду кого-то видит. — Она подобрала свою длинную вилку для барбекю и принялась жарить очередной хот-дог. — Кстати, кто-нибудь видел Ральфа с Луизой?

— Нет, — сказал Дон.

— Они сейчас наверняка сидят в каком-нибудь дешевом мотеле на побережье с ящиком пива и большой бутылкой детского масла «Джонсон и Джонсон». Я тебе сразу это сказал, еще вчера.

— Пошлаяк, — сказала Джорджина, и на этот раз удар локтем был куда сильнее и точнее.

Ральф: *[Дорранс, неужели ты нам не поможешь? Ну ладно, как знаешь. Но хотя бы скажи, на правильном мы пути или нет?]*

В какой-то момент он был уверен, что Дор ответит. Но тут сверху раздалось жужжание, как будто над ними пролетела вклю-

ченная электродрель, и старик посмотрел вверх. Его безумное прекрасное лицо просияло.

— «Желтая птица» Груммана! Красавица! — Он повернулся спиной к Ральфу с Луизой и пошел к проволочному забору, чтобы посмотреть, как приземляется маленький желтый самолетик.

Ральф взял Луизу за руку и попытался улыбнуться. Это было достаточно тяжело — никогда в жизни он не был так напуган и смущен, — но он все же решил попытаться.

[Давай, дорогая. Пойдем.]

}

Ральф помнил, как он подумал — когда они шли вдоль путей заброшенной железной дороги, которая случайно вывела их обратно к аэропорту, — что они не совсем шли, а скорее скользили. Точно так же они ушли с площадки для пикников, только теперь их скольжение было более быстрым и явно выраженным. Как будто их несла невидимая конвейерная лента.

В качестве эксперимента он решил перестать двигать ногами. Он замер на месте, но дома и магазины продолжали проплывать мимо. Он взглянул на свои ноги и убедился, что они совершенно неподвижны. Казалось, что движется улица, а не он.

Мимо прошел мистер Дуган, глава Тростового Департамента Дерри, одетый в свой неизменный костюм-тройку и со своим неизменно чопорным видом. Ральфу всегда казалось, что мистер Дуган — единственный человек на Земле, который умудрился родиться без задницы. Однажды он отказал Ральфу в ссуде, и это, само собой, вызвало у него дополнительные негативные эмоции в отношении этого человека. Теперь Ральф увидел, что аура Дугана была мерзкого серого цвета — цвета коридора в армейском госпитале, — и вовсе не удивился. Он зажал нос, как человек, которому приходится переплывать грязный вонючий канал. Но сам Дуган даже не морщился.

Это было даже забавно, но когда Ральф посмотрел на Луизу, его веселье тут же улетучилось. Он увидел у нее на лице беспокойство и все вопросы, которые она хотела ему задать. Вопросы, на которые у него нет ответов.

Впереди уже показался Строуфорд-парк. Когда Ральф вновь посмотрел вперед, на улице неожиданно зажглись фонари. Маленькая игровая площадка, где они с Макговерном — и с Луизой, чаще всего с Луизой — наблюдали за играющими детьми, сейчас была почти пустой. Два паренька из средней школы сидели на качелях, курили и разговаривали, но все мамы с колясками и маленькими детьми уже разошлись.

Ральф подумал о Макговерне — о его непрерывной патологической болтовне, о его жалости к себе, которую было сложно разглядеть при первом знакомстве и на которую было сложно не обращать внимания, если узнать его получше; но все это почему-то сглаживалось, казалось более светлым, что ли... наверное, из-за неистощимого остроумия Билла и странных, подчас даже иррациональных добрых поступков, которые он иногда совершал, — и загрустил. Краткосрочники — это всего лишь звездная пыль; и они, наверное, и вправду золотые в каком-то смысле, но они уходят, как под вечер уходят из парка мамы с детьми.

[Ральф, что мы тут делаем? Мешок смерти висит над Общественным центром, а не над Строуфорд-парком!]

Ральф повел Луизу к той самой скамейке, где он недавно — или очень давно, с какой стороны посмотреть — наткнулся на нее, когда она плакала из-за ссоры с сыном и невесткой... и из-за потерянных сережек. Внизу, у подножия холма белели два туалета.

Ральф закрыл глаза. Я схожу с ума, подумал он, я пришел сюда... зачем я пришел сюда? Что же мне выбрать: девушку... или тигра?

[Ральф, нужно что-то делать. Все эти люди... тысячи жизней...]

В темноте за закрытыми веками Ральф увидел, как человек выходит из «Красного яблока». Фигура в темных вельветовых брюках и бейсболке «Ред Сокс». И очень скоро с этим челове-

ком должно случиться что-то ужасное, и, поскольку Ральф не хотел этого видеть, он открыл глаза и посмотрел на женщину, которая была рядом с ним.

[Каждая жизнь очень важна, Луиза, ты согласна? Каждая...]

Он не знал, что она увидела в его ауре, но то, что она там увидела, привело ее в ужас.

[Что случилось там, внизу, когда я ушла? Что он сказал, что он сделал с тобой, Ральф? Скажи мне! Скажи!]

Так какой будет выбор? Одна жизнь или тысячи жизней? Девушка или тигр? Если он не решится в ближайшее время, потом он уже не сможет выбрать — просто потому, что время не стоит на месте. Так что же? Что?!

— Ничего... или и то, и другое, — сказал он хрипло, даже не сознавая, что говорит вслух, причем на нескольких уровнях сразу. — Я не хочу выбирать. И не буду. Ты слышишь?

Он поднялся со скамейки, в бешенстве глядя по сторонам.

— Ты меня слышишь? — закричал он. — Мне не нравится этот выбор! У меня другой выбор: либо ВСЕ, либо НИЧЕГО!

На соседней дорожке какой-то бродяга рылся в мусорном баке в поисках бутылок. Он мельком взглянул на Ральфа, а потом вдруг развернулся и побежал. Потому что увидел человека, как будто охваченного пламенем.

[Ральф, что такое? Кто это? Я? Ты? Потому что, если это я... если ты не решаешься из-за меня, я не хочу...]

Он судорожно вздохнул и потом пристально посмотрел ей в глаза.

[Это не ты, Луиза, и это не я. Если бы это был кто-то из нас, я смог бы выбрать. Но это не мы, и будь я проклят, если позволю им управлять собой.]

Он отпустил ее и отошел на шаг назад. Его аура светилась так ярко, что ей пришлось прикрыть ладонью глаза; казалось, что он сейчас просто взорвется светом. И когда он заговорил, его голос загредел у нее в голове, как гром.

[КЛОТО! ЛАХЕСИС! ИДИТЕ СЮДА, ЧЕРТ БЫ ВАС ПОДРАЛ. СЕЙЧАС ЖЕ!]

Он сделал еще два-три шага и застыл, глядя куда-то вниз. Два мальчика, которые сидели на качелях, с ужасом уставились на него. А когда он взглянул в их сторону, они вскочили и убежали — они бежали к ярко освещенной Витчам-стрит, как пара оленей, побросав сигареты, которые теперь дымились под качелями.

[КЛОТО! ЛАХЕСИС!]

Он горел, как электрическая радуга, и Луиза вдруг почувствовала, что вся ее сила иссякла, вытекла из нее, как вода. Она сделала шаг назад и рухнула на скамейку. У нее кружилась голова, сердце замирало от ужаса, но страшнее всего была усталость. Ральфу она казалась затонувшим кораблем, Луизе — большой ямой, вокруг которой она кружит по сужающейся спирали, ямой, в которую она неизбежно упадет.

[КЛОТО! ЛАХЕСИС! ЭТО ПОСЛЕДНЕЕ ПРЕДУПРЕЖДЕНИЕ! Я СЕРЬЕЗНО!]

Сначала ничего не происходило, но потом двери туалетов у подножия холма одновременно открылись. Клото вышел из мужского, Лахесис — из женского. Их ауры — яркие, золотисто-зеленые, как летние стрекозы — сверкали в сгущающихся сумерках. Они сходились, пока их ауры не наложились друг на друга, а потом медленно пошли к вершине холма, почти соприкасаясь белыми плечами. Сейчас они были похожи на двух испуганных детишек.

Ральф повернулся к Луизе. Его аура все так же горела и переливалась.

[Оставайся здесь.]

[Хорошо, Ральф.]

Он прошел уже полпути к подножию холма, и только тогда она собралась с силами и окликнула его.

[Но если ты не попытаешься остановить Эда, я сделаю это сама, я серьезно.]

Разумеется, она так и поступит, и у него защемило сердце от ее храбрости и решимости... но она же не знала того, что знал он. Она не видела того, что он видел.

Он посмотрел на нее и пошел туда, где стояли два маленьких доктора и таращились на него большими испуганными глазами.

4

Лахесис, нервно: *[Мы не солгали тебе... мы не солгали.]*

Клото, еще более нервно (если такое вообще возможно): *[Дипно уже начал действовать. Тебе надо остановить его, Ральф. Хотя бы попытаться... ты должен.]*

Все дело в том, что я ничего никому не должен, и ваши лица как нельзя более красноречиво об этом свидетельствуют, подумал он. Потом он повернулся к Лахесису и с удовольствием отметил, что маленький лысый человечек отшатнулся от его взгляда и опустил свои темные глаза без зрачков.

[Да неужели? А когда мы стояли на крыше больницы, вы говорили, что нам надо держаться подальше от Эда, мистер Лахесис. Вы так убедительно говорили, что я вам поверил.]

Лахесис поморщился, не зная, куда девать руки.

[Я... как бы это... мы тоже можем ошибаться... В этот раз мы ошиблись.]

Но Ральф знал: ошиблись — это немного не то слово, в данной ситуации было бы более уместно слово самообман. Он собрался было предъявить им претензии по этому поводу — хотя, если честно, ему хотелось просто поскандалить из-за того, что они вообще втянули его в это дерьмо, — но потом передумал. Потому что, если верить старине Дору, даже этот самообман служит Предопределенности; путешествие в Хай-Ридж оказалось не таким уж и бесполезным. Он не понимал, как так получилось и почему получилось, но он решил это выяснить. По возможности.

[Давайте на время забудем об этом, господа, и поговорим о том, что творится сейчас. Если вам нужна моя помощь и помощь Луизы, вам лучше нам все рассказать.]

Они испуганно переглянулись и опять повернулись к Ральфу.

Лахесис: *[Ральф, ты сомневаешься в том, что все эти люди могут погибнуть? Если так...]*

[Нет, но мне надоело, что мне каждый раз тычут ими в лицо. Если бы здесь случилось землетрясение, которое служило бы Предопределенностью, и число жертв исчислялось бы не тысячами, а десятками тысяч, вы бы и пальцем не пошевелили, правда? Так что такого особенного в конкретно этой ситуации? Я хочу знать!]

Клото: *[Ральф, не мы создаем правила, мы с тобой в равных условиях. Мы думали, ты понимаешь.]*

Ральф вздохнул.

[Вы снова пытаетесь меня заболтать, и при этом теряете время, свое время, кстати.]

Клото, мрачно: *[Ладно, может быть, та картинка, которую мы тебе показали, была не совсем понятной, но у нас было мало времени, и мы были очень напуганы. И ты должен был это понять, несмотря ни на что... Эти люди погибли, если ты не сумеешь остановить Эда Дипно!]*

[Да плевать мне на этих людей, по крайней мере на данный момент. Сейчас меня волнует только один из них — тот, который принадлежит Предопределенности и которым нельзя пожертвовать из-за какого-то психа, который летит сюда к нам с хреновой тучей взрывчатки и прочей опасной дряни. Кого вы не можете отдать Случаю? Кого? Это не Дей, случайно? Не Сьюзан Дей.]

Лахесис: *[Нет. Сьюзан Дей — она и так принадлежит Случайности. Она нас не волнует.]*

[Тогда кто?]

Клото с Лахесисом снова переглянулись. Клото еле заметно кивнул, и они оба вновь повернулись к Ральфу. Лахесис снова поднял два пальца правой руки и создал изображение. На этот раз Ральф увидел не Мактоверна, а маленького мальчика с челкой и шрамом на переносице, похожим на загнутый крючок. Ральф узнал его сразу: это был мальчик из подвала в Хай-

Ридже, тот, у которого мама вся в синяках. Тот, который называл их с Луизой ангелами.

Их поведет ребенок, подумал он, пораженный до глубины души. Боже ты мой. Он недоверчиво посмотрел на Клото с Лахесисом.

[Я все правильно понимаю? Все это вот из-за этого мальчика?]

Он ожидал, что ему снова начнут вешать лапшу на уши, но ответ Клото был простым и четким: *[Да, Ральф.]*

Лахесис: *[Сейчас он находится в Общественном центре. Его матери, чью жизнь вы с Луизой сегодня уже один раз спасли, около часа назад позвонила няня и сказала, что она сильно порезалась стеклом, поэтому сегодня вечером она не сможет сидеть с ребенком. И было уже слишком поздно искать другую няньку, а эта женщина так ждала того дня, когда она встретится со Сьюзан Дей... пожмет ей руку, может быть, даже обнимет. Сьюзан Дей — ее кумир.]*

Ральф, который прекрасно запомнил синяки на лице у той женщины, подумал, что он вполне ее понимает — что она выбрала себе такого кумира. Что-то очень хотело, чтобы этот мальчик с белобрысой челкой и дымчатыми глазами оказался сегодня вечером в Общественном центре, и ради этого это что-то могло перетрясти и ад, и рай. Мама потащила его с собой вовсе не потому, что она была плохой матерью, а потому, что она — всего лишь человек. Она не могла упустить свой единственный шанс повидаться со Сьюзан Дей, вот и все.

Нет, это не все, подумал Ральф. Она взяла его с собой еще и потому, что решила, что с ней он будет в безопасности, с учетом того, что Пикеринг и его психованные приспешники все мертвы. Она решила, что самое страшное, от чего ей придется защищать своего ребенка, — это от защитников жизни, размещающих плакатами. Молния два раза не бьет в одно и то же место... что-то вроде того.

Все это время Ральф смотрел на Витчам-стрит. Теперь он повернулся к Клото с Лахесисом.

[А вы уверены, что это он? Точно?]

Клото: *[Да. Он сидит вместе с мамой на верхнем балконе на северной стороне, и в руках раскраска из «Макдоналдса» и несколько книжек. Ты удивишься, если я тебе скажу, что одна из этих книжек называется «Пять сотен шляп Бартоломью Куббинса»?]*

Ральф покачал головой. Сейчас его вообще ничем нельзя было удивить.

Лаксис: *[Северная сторона Общественного центра; именно туда собирается врезаться Эд Дипно. Если это произойдет, маленький мальчик погибнет на месте... а этого допустить нельзя. Этот мальчик не должен умереть раньше положенного срока.]*

5

Лаксис нетерпеливо смотрел на Ральфа. Луч сине-зеленого света между его растопыренными пальцами погас.

[Мы не можем говорить бесконечно, Ральф. Он уже в воздухе, меньше чем в сотне миль отсюда. Его надо остановить, потому что еще немного — и будет уже слишком поздно.]

Ральф почувствовал, как внутри нарастает волна ярости, но подавил ее усилием воли. Ведь именно этого они и добивались: чтобы он взбесился. Чтобы они оба обезумели от ярости.

[Я повторяю: я не буду ничего делать до тех пор, пока не узнаю ставки. В этом можете не сомневаться.]

Клото: *[Тогда слушай. Раз в поколение рождается человек — мужчина или женщина, не важно, — который будет влиять не только на жизни тех, кто его окружает, и даже не только тех, кто живет в мире краткосрочников одновременно с ним, но и на многие уровни выше и ниже мира краткосрочников. Такие люди — всегда великие люди, и они всегда служат Предназначению. Если их заберут слишком рано, то все изменится. Необходимо соблюдать равновесие. Ты можешь себе представить, что было бы, если бы Гитлер в детстве захлебнулся в ванночке? На первый взгляд может показаться, что мир был бы лучше, но на самом деле, если бы такое произошло, этого мира просто не существовало бы. Предположим, что Черчилль умер от отравления еще до того, как стал премьер-*

министром. Предположим, что Цезарь родился мертвым, задушенный собственной пуповиной... А человек, которого нам надо спасти, куда важнее всех тех, кого я перечислил.]

[Черт. Мы с Луизой уже однажды спасли этого ребенка. Разве это не вернуло его Предопределенности?]

Лаксисис, терпеливо: *[Да, но это не спасает его от Эда Дипно, потому как он не принадлежит ни Случайности, ни Предопределенности. Из всех людей на Земле только Эд Дипно может причинить ему вред. Если у Дипно ничего не получится, мальчик будет в безопасности — и будет тихо существовать, пока не придет его время, и он не выйдет на сцену, чтобы сыграть свою очень короткую, но очень важную роль.]*

[Одна жизнь значит так много?]

Лаксисис: *[Да. Если этот ребенок умрет, Башня существования рухнет, а последствия этого — за границами твоего понимания. Как и нашего, впрочем.]*

Ральф уставился на свои ботинки. Голова, казалось, весит целую тонну. В этой ситуации была горькая ирония, которую он сумел разглядеть, несмотря на свою тревогу. Точно так же Атропос заставил действовать Эда, привив ему что-то вроде комплекса Мессии... побочный продукт его непонятного статуса, надо думать. Эд не понял одного — и не поверил бы в это, даже если бы ему сказали, — Атропос и его боссы на верхних уровнях используют его вовсе не для того, чтобы спасти Мессию, а для того, чтобы его убить.

Он опять посмотрел на взволнованные лица двух маленьких лысых докторов.

[Ладно, я понятия не имею, как можно остановить Эда, но я попробую.]

Клото с Лаксисисом переглянулись и одновременно улыбнулись — радостно и очень по-человечески. Ральф поднял палец, как бы предупреждая, что это еще не все.

[Подождите, вы не дослушали.]

Улыбки разом завяли.

[Мне нужно кое-что взамен. Одна жизнь. Честный обмен: жизнь вашего четырехлетнего мальчика на...]

Луиза не слышала окончания этой фразы — Ральф понизил голос почти до шепота, — но у нее заныло сердце, когда она увидела, что Клото с Лахесисом качают головой.

Лахесис: *[Я понимаю твоё состояние... но, да, Атропос имеет право исполнить свою угрозу. Тебе нужно понять, что эта жизнь не стоит и десятой части...]*

Ральф: *[А я считаю, что стоит. И вам, ребята, нужно понять, что для меня обе жизни абсолютно равны...]*

Луиза опять не расслышала, что сказал Ральф, но она прекрасно слышала Клото; он был так взволнован, что почти кричал:

[Но это другое! Жизнь этого мальчика — это совсем другое!]

Теперь она слышала, что говорил Ральф — его четкая, бесстрашная, неоспоримая логика напомнила ей ее отца.

[Все жизни — разные. Все они в равной степени важны или не важны, с какой стороны посмотреть. Это мой ограниченный взгляд краткосрочника, разумеется, но вам, ребята, придется с ним считаться, поскольку сейчас все козыри у меня. И вот что главное: я буду с вами меняться. Ваша жизнь в обмен на мою. Вам надо только пообещать, и сделка будет считаться завершённой.]

Лахесис: *[Ральф, пожалуйста! Пожалуйста, пойми, мы действительно не должны этого делать!]*

После этого воцарилось долгое молчание. Когда Ральф говорил, его голос смягчился, но все еще был различим. Однако это было последнее, что услышала Луиза.

[Да, но есть большая разница между не можем и не должны, вы же не станете этого отрицать?]

Клото что-то сказал, но Луиза услышала только

[Сделка может быть...]

Лахесис покачал головой. Ральф что-то ответил, и Лахесис изобразил пальцами маленькие ножницы.

К удивлению Луизы, Ральф рассмеялся и кивнул.

Клото положил руку на руку своего коллеги и что-то ему сказал, прежде чем снова повернулся к Ральфу.

Луиза обхватила руками колени, желая лишь одного: чтобы они пришли хоть к какому-то соглашению. Любому, лишь бы только помешать Эду Дипно убить всех этих людей.

Холм неожиданно вспыхнул ярким белым светом. Сначала Луиза подумала, что свет идет с неба, но исключительно потому, что религия научила ее, что небо — это источник всех сверхъестественных явлений. На самом деле это сияние шло отовсюду — от деревьев, от неба и от земли, и даже от нее самой, оно вырывалось из ее ауры, как клубы дыма.

А потом был голос... нет, скорее даже Голос. С большой буквы. Он сказал всего три слова, но они прозвенели в голове у Луизы, как железные колокола.

[ДА БУДЕТ ТАК.]

Она увидела, как Клото изменился в лице; теперь на его маленьком личике застыла маска ужаса и тревоги. Он полез в задний карман и достал оттуда ножницы. Потом вздрогнул и чуть не выронил их — нервы, нервы... В этот момент Луиза даже испытала к нему некие родственные чувства, настолько были схожи их ощущения. Он наклонился, поднял ножницы, держа их обеими руками, и открыл лезвия.

Снова раздался Голос:

[ДА БУДЕТ ТАК.]

На этот раз за словами последовала такая яркая вспышка света, что Луизе на миг показалось, что она ослепла. Она закрыла глаза руками, но увидела — в последний момент, пока еще видела хотя бы что-то, — что свет собрался на ножницах, которые держал Клото. Словно молния ударила в громоотвод.

От этого света не было спасения; он пробрался ей под веки, превратил ее ладони в стекло. Сияние просвечивало ее плоть, как рентгеновский луч, так что видны были кости. Откуда-то издалека она услышала женский голос, подозрительно похожий на голос Луизы Чесс — она кричала на пределе своего ментального голоса:

[Выключите этот свет! Господи, выключите его, пока он меня не убил!]

И когда ей уже начало казаться, что она больше не выдержит, свет начал меркнуть. Когда он погас — если не считать яркого синего остаточного изображения, которое мерцало в темноте под закрытыми веками, словно призрачные ножницы, — она медленно открыла глаза. Сначала она не увидела ничего, кроме этого сияющего синего креста, и испугалась, что и вправду ослепла. Потом — постепенно, как на проявляющейся фотографии — мир вновь обрел свои очертания. Она увидела Ральфа, Клото и Лахесиса, которые тоже отнимали руки от глаз и растерянно оглядывались по сторонам, как кро-ты, которым в нору засунули фонарик.

Лахесис смотрел на ножницы в руках своего коллеги так, словно видел их первый раз в жизни, и Луиза была уверена, что такими он их и вправду никогда не видел. Лезвия все еще светились, отбрасывая жутковатые отблески света на капли тумана.

Лахесис: [Ральф! Это было...]

Всего остального она не услышала, но его тон напоминал тон крестьянина, который открыл на стук дверь своей хижины и обнаружил, что рядом с его домом остановился помолиться Папа Римский.

Клото все еще смотрел на лезвия своих ножниц. Ральф тоже долго смотрел на них, но в конце концов все-таки поднял взгляд на лысых докторов.

Ральф: [...больно?]

Лахесис, голосом человека, только что пробудившегося от глубокого сна: *[Да... но недолго... боль будет невыносимой... ты еще можешь передумать, Ральф!]*

Луиза неожиданно поняла, что она боится этих сверкающих ножниц. Она захотела крикнуть Ральфу, чтобы он остановился, чтобы он отдал им то, что им нужно, их маленького мальчика. Пусть он сделает все что угодно, лишь бы эти ножницы исчезли.

Но у нее просто не было слов.

Ральф: [*...в конце концов... просто хотелось знать, чего ожидать.*]

Клото: [*...готов? ...должно быть...*]

Скажи им нет, Ральф, подумала она, стараясь передать эту мысль ему. Скажи им **НЕТ!**

Ральф: [*...готов.*]

Лаксис: [*Понимаешь... условия... и цена*]

Ральф, уже нетерпеливо: [*Да-да. Может, мы все-таки уже...*]

Клото, с чрезмерной торжественностью в голосе: [*Хорошо, Ральф. Да будет так.*]

Лаксис положил руку Ральфу на плечо, и они с Клото отвели его подальше, туда, где зимой заливали горку, чтобы дети катались на санках. Там была маленькая круглая площадка размером примерно со сцену в ночном клубе. Когда они дошли дотуда, Лаксис остановил Ральфа и развернул его так, чтобы они с Клото стояли лицом друг к другу.

Луизе вдруг захотелось закрыть глаза, но она не смогла. Она могла только смотреть и молиться о том, чтобы Ральф знал, что он делает.

Клото что-то сказал ему, Ральф кивнул и снял с себя свитер Макговерна. Когда он выпрямился, Клото взял его за правое запястье и вытянул его руку. Потом он кивнул Лаксису, который расстегнул рукав рубашки Ральфа и закатал его до локтя. Потом Клото повернул руку Ральфа ладонью вверх. Следы голубых вен на его руке были абсолютно чистыми, освещенными почти незаметными нитями ауры. Все это было до ужаса знакомо Луизе; как будто пациента в мыльной опере по телевизору готовят к операции.

Только это был не телевизор.

Лаксис подался вперед и снова заговорил. Хотя Луиза по-прежнему не различала слов, она поняла: Ральфа предупреждали, что это его последний шанс отказаться.

Ральф кивнул, и хотя его аура подсказала Луизе, что он ужасно боится того, что сейчас произойдет, он даже сумел

выдавить из себя улыбку. Когда он заговорил с Клото, казалось, что он не ищет поддержки, а, наоборот, ободряет маленького человечка. Клото попытался улыбнуться в ответ, но у него ничего не вышло.

Лаксис обхватил запястье Ральфа, скорее чтобы его успокоить (или так показалось Луизе), а не чтобы зафиксировать руку. Он напомнил ей медсестру, которая делает пациенту болезненный укол. Потом он взглянул на своего партнера испуганными глазами и кивнул головой. Клото кивнул в ответ, вздохнул, а потом провел пальцем по руке Ральфа с призрачной сеткой вен. Он на мгновение замешкался, потом медленно открыл ножницы, которыми они с Лаксисом меняли жизнь на смерть.

7

Луиза встала на ноги и теперь стояла, покачиваясь взад-вперед; ноги по ощущениям напоминали два бревна. Она пыталась как-то справиться с параличом, который заставил ее молчать, пыталась крикнуть Ральфу, чтобы он остановился, — крикнуть ему, что он сам не знает, что эти ребята собираются с ним сделать.

Но он все знал. Это читалось у него на лице, в его полужакрытых глазах, в его крепко сжатых губах. Но яснее всего это проявлялось в его ауре: в черных и красных пятнах, которые проносились по ней, как метеоры, и в самой ауре, которая почти прилипла к Ральфу, словно вторая кожа.

Ральф кивнул Клото, который медленно опустил ножницы, так что лезвия коснулись руки Ральфа на локтевом сгибе. Сначала порез только наметился, и там набухла яркая капля крови. Ножницы скользнули в порез. Когда Клото сжал пальцы, чтобы свести вместе лезвия ножниц, кожа на обоих концах пореза вдруг разошлась. Подкожный жир заблестел, словно тающий лед в ярком синем мерцании ауры Ральфа. Лаксис крепче стиснул его запястье, но Луиза видела, что Ральф не сделал даже инстинктивной попытки отдернуть руку. Он толь-

ко опустил голову и взмахнул кулаком, как человек, салютующий Темной Силе. Она увидела, что вены у него на шее напруглись, как туго натянутые тросы. Но он не издал ни звука.

Теперь, когда это ужасное дело действительно началось, Клото действовал со скоростью, которая была одновременно жестокой и милосердной. Он быстро продолжил порез от середины руки до запястья, используя ножницы так, как их используют, чтобы открыть туго завязанный пакет. Порез на руке Ральфа напоминал свежую говяжью вырезку. Кровь текла ручьями, и каждый раз, когда лезвия задевали вену или артерию, наружу выплескивался очередной фонтанчик багровой жидкости. Скоро халаты двух маленьких «докторов» украсились алыми пятнами, отчего те еще больше стали похожими на докторов.

Когда лезвия ножниц дошли до браслетов судьбы на запястье Ральфа (вся операция заняла не более двух секунд, но Луизе они показались вечностью), Клото отдал ножницы Лаксису. Теперь рука Ральфа была разрезана от локтя до запястья; глубокий порез напоминал темную канаву. Клото зажал руками начало пореза, и Луиза подумала: Сейчас тот, другой, использует свитер Ральфа в качестве жгута. Но Лаксис просто держал ножницы и чего-то ждал.

Какое-то время кровь продолжала сочиться между пальцами Клото, а потом неожиданно остановилась. Клото медленно провел руками по руке Ральфа, и плоть, которая только что была нещадно искромсана, вновь стала целой и здоровой, если не считать тонкой белой нити шрама.

[Луиза... Луи-сссса...]

Голос шел не из головы и не с холма; он шел откуда-то из-за спины. Мягкий голос, можно даже сказать — вкрадчивый. Атропос? Нет, не он. Она посмотрела вниз и увидела зеленый свет, как будто бы шедший из-под воды. Этот свет был повсюду вокруг — он проходил сквозь ее руки и сквозь ее тело, сквозь ноги и даже сквозь пальцы. Он нарисовал перед ней ее тень, тощую и какую-то ненормальную, похожую на тень повешенного. Он ласкал ее холодными пальцами цвета испанского мха.

[Обернись, Луисссс...]

Луизе меньше всего хотелось оборачиваться к источнику этого странного света.

[Обернись, Лу-иссса... посмотри на меня, Луи-ссса... приди в свет, Луисса... иди на свет... посмотри на меня и войди в свет...]

Это был не тот голос, которому можно сопротивляться, Луиза обернулась, медленно, как игрушечная балерина, у которой заржавели шестеренки, и в ее глазах заплясали огни — как огни Святого Эльма.

Луиза вступила в свет.

Глава 28

I

лото: *[Теперь у тебя есть видимый знак, Ральф, — ты доволен?]*

Ральф посмотрел на свою руку. Боль, которая поглотила его, словно кит Иова, теперь казалась далекой и смутной, как сон или мираж. Он подумал, что это похоже на то отчуждение, которое позволяет женщинам рожать еще детей после первого ребенка, когда после родов они забывают о сильной, казалось бы, невыносимой боли. Шрам был похож на длинную белую струну, которая протянулась через выпуклости его хилых мышц.

[Да. Ты хорошо держался и сделал все очень быстро. Спасибо тебе за это.]

Клото улыбнулся, но ничего не сказал.

Лахесис: *[Ральф, ты готов? Осталось совсем мало времени.]*

[Да, я...]

[Ральф! Ральф!]

Это кричала Луиза. Она стояла на вершине холма и махала ему рукой. На мгновение ему показалось, что ее аура изменила цвет, вместо обычного светло-серого цвета стала более тем-

ной, но потом он увидел, что это не так. Наверное, ему просто почудилось от усталости или шока. Он поднялся на холм, туда, где стояла Луиза.

Ее глаза были мечтательными, а взгляд — отстраненным, как будто ей только что открылась некая истина, изменившая всю ее жизнь.

[Луиза, что случилось? Что произошло? Это из-за моей руки? Если из-за нее, не волнуйся. Смотри! Почти как новая!]

Он повернул руку так, чтобы она могла посмотреть, но Луиза даже не взглянула на шрам. Она не отрываясь смотрела на Ральфа, и только сейчас до него дошло, что она просто остолбенела от потрясения.

[Ральф, приходил зеленый человек.]

Зеленый человек? Он взял ее руки в свои, ощущая в душе какую-то непонятную тревогу.

[Зеленый? Ты уверена, что это был не Атропос или...]

Он не закончил фразу. В этом не было смысла.

[Это был зеленый человек. Если каждый воюет на чьей-то стороне, я не знаю, на чьей был он... этот человек... на чьей он стороне. Мне показалось, что он на нашей, но я могла ошибиться. Я его не видела. У него была слишком яркая аура. Он мне сказал отдать это тебе.]

Она протянула руку и положила ему на ладонь два маленьких мерцающих предмета: ее серьги. На одной из них он увидел багровое пятнышко и предположил, что это кровь Атропоса. Он начал было сжимать руку, но почувствовал резкий укол.

[Ты забыла застезжки, Луиза.]

Она ответила медленно и рассеянно, словно во сне:

[Нет, не забыла — я их выкинула. Зеленый человек сказал мне их выкинуть. Будь осторожен. Он... кажется, что он теплый... но я не знаю, не знаю. Мистер Чесс всегда говорил мне, что я самая доверчивая женщина на Земле, которой всегда хочется видеть в людях хорошее. Во всех людях.]

Она медленно протянула руки и взяла его за запястья, глядя ему в глаза.

— Я не знаю, просто не знаю.

Она произнесла это вслух, и собственный голос, похоже, вывел ее из оцепенения. Она вздрогнула и застыла, растерянно моргая и глядя на Ральфа. Он подумал, что, может быть, она и вправду спала. Она спала, и ей приснился этот непонятный зеленый человек. Но все равно стоит взять сережки. Это может вообще ничего не значить, но, если он их возьмет и положит к себе в карман, ему от этого хуже не будет... если, конечно, он не будет об них колотиться.

Лахесис: *[Ральф, что случилось? Что-то не так?]*

Они с Клото шли сзади и поэтому не слышали разговор Ральфа с Луизой. Ральф покачал головой и сжал руку в кулак, чтобы спрятать от них сережки. Клото подобрал с земли свитер Макговерна и снял несколько ярких листочков, которые прилипли к нему. Он протянул свитер Ральфу. Ральф незаметно убрал сережки Луизы в карман, потом молча взял свитер и надел его.

Пора снова браться за дело, и тепло, которое ощущалось вдоль шрама на правой руке, подсказало, с чего начинать.

[Луиза!]

[Да, дорогой?]

[Мне надо будет забрать энергию из твоей ауры, мне надо будет забрать очень много энергии. Ты понимаешь?]

[Да.]

[Ты не против?]

[Разумеется, нет.]

[Тогда держись. Я постараюсь закончить как можно быстрее.]

Он обнял ее за плечи и сцепил руки у нее за спиной. Она сделала то же самое, и они обнялись, соприкасаясь лбами. Их губы были сейчас совсем близко друг к другу — меньше чем в паре дюймов. Он чувствовал запах ее духов, исходивший от темных сладких ложинок у нее за ушами.

[Готова, милая?]

То, что он услышал в ответ, показалось ему одновременно и странным, и успокаивающим.

[Да, Ральф. Увидь меня. Войди в свет. Войди в свет и возьми его.]

Ральф глубоко вдохнул. Струйка дымчатого света потянулась из ее рта и носа к нему. С каждым вдохом его аура становилась все ярче, и так продолжалось, пока вокруг Ральфа не образовался мерцающий облачный ореол. Но он все равно продолжал вдыхать, дыша чем-то таким, что не имело никакого отношения к дыханию, и чувствуя, как шрам у него на руке становится все горячее и горячее. Ощущение было такое, словно ему в руку имплантировали нить накала. Он не мог остановиться, даже если бы захотел... а он не хотел.

Луиза слегка пошатнулась. Он увидел, что ее глаза помутнели, а руки расцепились у него за спиной. Но буквально через пару секунд ее глаза — большие, яркие, полные веры — вновь прояснились, а руки опять крепко сжались. В конце концов, когда затяжной титанический вдох все-таки исчерпал себя и сошел на нет, Ральф увидел, что ее аура стала настолько бледной, что он с трудом ее различал. Ее щеки были молочно-белого цвета, и у нее в волосах опять появилась заметная седина. Ему надо остановиться — надо, иначе он может ее убить.

Он с трудом расцепил руки, и это разорвало какую-то очень важную связь; он наконец смог отойти от Луизы. Луиза опять пошатнулась и упала бы, если бы Клото с Лаксисом — в тот момент они напоминали двух лилипутов из «Путешествия Гулливера» — не подхватили ее под руки. Они осторожно усадили ее на скамейку.

Ральф опустился перед ней на одно колено. Ему было страшно и стыдно, но в то же время в нем было столько энергии, что казалось, толкни его кто посильнее, он просто взорвется, как бутылка с нитроглицерином. Сейчас он мог бы разрушить целое здание парочкой жестов а-ля карате — а может быть, даже несколько зданий.

Но все же он причинил боль Луизе. Может быть, очень сильную боль.

[Луиза! Луиза, ты меня слышишь? Прости меня!]

Она ошалело смотрела на него, женщина, которая постарела на двадцать лет за какие-то пару секунд... а потом — еще лет

на десять. Буквально на глазах. Она попыталась улыбнуться, но у нее не получилось.

[Луиза, прости меня. Я не знал, а когда понял, уже не смог остановиться...]

Лахесис: *[Тебе пора, Ральф, иначе ты можешь не успеть. Он уже почти там.]*

Луиза кивнула.

[Иди, Ральф... я просто немного ослабла. Но все будет в порядке, правда. Я просто здесь посижу — подожду, пока ко мне не вернутся силы.]

Она вдруг скосила глаза влево, и проследив за ее взглядом, Ральф увидел бродягу, которого они недавно спугнули. Он вернулся, чтобы продолжить инспекцию мусорных ящиков на вершине холма на предмет бутылок и банок, которые можно было бы сдать, и хотя его аура была не такой здоровой, как у его коллеги, которого они встретили у старого депо, Ральф подумал, что и это вполне сойдет... по крайней мере для Луизы на данный момент.

Клото: *[Мы проследим, чтобы он пошел сюда, Ральф... у нас мало власти над миром краткосрочных, но я думаю, на это нас хватит.]*

[Вы уверены?]

[Да.]

[Хорошо.]

Ральф посмотрел на двух маленьких человечков, увидел их беспокойные, испуганные глаза и кивнул. Потом он наклонился и поцеловал Луизу в щеку, которая стала теперь морщинистой и холодной. Она улыбнулась ему улыбкой старой усталой бабушки.

Я сделал с ней это, подумал он. Я.

Тогда тебе лучше побеспокоиться, чтобы это было не зря, ответил на это голос Каролины.

Ральф в последний раз посмотрел на всех троих — Клото с Лахесисом теперь сидели рядом с Луизой на скамейке, как будто защищая ее — и пошел вниз по склону холма.

Он дошел до туалетов, пару секунд постоял между ними и прижался головой к стене того, на котором была буква «Ж». Все тихо. Тогда он приложил ухо к синей пластиковой стенке мужского туалета и услышал слабый монотонный голос, который напевал:

Кто поверит, что мои дичайшие мечты,
Сумасшедшие мечты станут правдой.
Никто, дорогая, одна только ты.

Господи, да он ненормальный, как мартовский кролик.

А для тебя это новость, милый?

Да, наверное, это давно уже не новость. Он открыл дверь туалета. Теперь он различал еще и далекое жужжание самолета, но не увидел ничего странного: сломанное сиденье на толчке, рулон туалетной бумаги, который выглядел как-то необычно — волнисто, что ли, — и писсуар слева от двери, который был похож на пластиковую слезу. Стены все были исписаны. Самая большая — и самая яркая — надпись красовалась над писсуаром. Огромными красными буквами: У ТОНИ БОЙНТОНА САМАЯ УЗКАЯ ЖОПА В ДЕРРИ! Запах хвойного дезодоранта волнами плыл над запахом дерьма, застарелой мочи и немытых тел, наподобие грима на лице покойника. Голос, который он слышал, казалось, шел прямо из унитаза, а может быть, просто со всех сторон.

Когда я ложусь спать,
И когда просыпаюсь наутро,
Я мечтаю о тебе, дорогая, опять.

Где он? — подумал Ральф. И как, черт побери, мне до него добраться?

Он вдруг ощутил сильный жар в районе бедра, как будто кто-то положил ему в карман раскаленный уголек. Он озадаченно нахмурился, но потом вспомнил, что это такое. Он запустил руку в карман и достал золотое кольцо. Оно лежало у него на ладони на пересечении линий любви и жизни и как будто пульсировало. Оно снова стало холодным. Ральф понял, что он не особенно удивлен.

ЭД — ЭД 8-5-87

— Чтобы всех их связать, черной волей сковать, — пробормотал Ральф и надел кольцо на палец. Оно подошло идеально. Он продвинул его дальше, пока оно не лязгнуло об обручальное кольцо, которое Каролина надела ему на палец около сорока пяти лет тому назад. Потом Ральф поднял глаза и увидел, что задняя стенка туалета исчезла.

В обрамлении оставшихся стен он увидел закатное небо и прекрасный образчик ландшафта округа Мэн, окрашенный в сине-серый сумеречный свет. Казалось, он смотрит на мир с высоты около десяти тысяч футов. Он видел мерцающие озера и пруды и широкие полосы темно-зеленых лесов, которые проплывали в сторону унитаза и затем исчезали. Далеко впереди — где-то на уровне крыши кабинки — Ральф увидел россыпь мерцающих огней. Наверное, это был Дерри, и до него оставалось не более десяти минут. В нижнем левом углу этой картины Ральф увидел часть приборной панели. Рядом с высотомером была маленькая фотография, от вида которой у него перехватило дыхание. Это была Элен — невероятно счастливая и невозможно красивая. У нее на руках была спящая Натали, которой, судя по всему, не было еще и четырех месяцев.

Он хочет, чтобы они стали последним, что он увидит в жизни, подумал Ральф. Он превратился в чудовище, но похоже, что даже чудовища помнят, как любить.

На приборной панели что-то записало. В поле зрения Ральфа появилась рука и щелкнула каким-то переключателем. Прежде чем рука убралась, Ральф успел увидеть белую отметку на безымянном пальце; она уже почти исчезла, но все еще была заметна, там последние шесть лет Эд носил, не снимая, свое обручальное кольцо. Ральф заметил и кое-что еще: аура, окружавшая эту руку, была точно такой же, как аура того ребенка в больничном лифте — беспокойная, как бы подернутая

рябью мембрана, такая же неземная, как взвихренная атмосфера газового гиганта.

Ральф оглянулся назад и поднял руку. Клото с Лаксисом тоже подняли руки в ответ. Луиза послала ему воздушный поцелуй. Ральф сделал вид, что поймал его, потом отвернулся и вошел в кабинку.

}

Он на мгновение застыл в нерешительности, соображая, что делать с толчком, но потом вспомнил приближающийся больничный потолок, который должен был бы разможить им черепа, но все-таки не разможил, и шагнул к задней стенке кабинки. Он сжал зубы, приготовившись ушибить коленки — умом-то он понимал, что он не должен удариться, но если ты семьдесят лет подряд ударялся в подобных ситуациях, перестроиться сразу как-то не получается, — и прошел сквозь унитаз, как будто он был сделан из дыма... или как будто он сам был сделан из этого самого дыма.

Потом было пугающее ощущение невесомости и головокружения; в какой-то момент ему показалось, что его сейчас стошнит. И на все это наложилось еще и ощущение полного истощения, как будто вся сила, которую он взял у Луизы, сейчас выплескивалась обратно. Наверное, так оно и было. В конце концов это было что-то вроде телепортации, что-то из серии научной фантастики, а подобные вещи требуют очень много энергии.

Тошнота отступила, вместо нее появилось новое ощущение, которое было еще хуже, — ощущение, что у него треснула шея. Он понял, что картина мира начинает расплываться.

Господе Иисусе, что со мной происходит? Что происходит?!

Его органы чувств сообщили ему, что ничего плохого не происходит, просто он находился в такой позиции, которая по идее никак невозможна. Он был семидесяти трех дюймов ростом, а высота самолетной кабины от пола до потолка едва достигала и шестидесяти дюймов. Это означало, что любой пи-

лот, если он не был Лаксисом или Клото, должен был пригibasь, проходя по кабине до своего сиденья. Ральф, однако, не только очутился в самолете стоя, он до сих пор стоял в полный рост между двумя сиденьями в кабине чуть позади кресла пилота. И причина такого странного обзора была очень простой и одновременно кошмарной. Его голова торчала из крыши самолета.

Ральфу вдруг вспомнился его пес, Рекс, который очень любил ездить в машине, высунув голову из окна, так чтобы уши развевались на ветру. Он закрыл глаза.

А что, если я упаду? Если я могу высунуть голову через крышу, то почему я не могу провалиться сквозь пол и упасть на землю? Или, может, сквозь землю?

Но он не падал. Да и не смог бы упасть, не на этом уровне — все, что ему надо было сделать, это вспомнить, как они без проблем поднялись на крышу больницы и встали там. Если помнить об этом, с ним все будет в порядке. Ральф попытался сосредоточиться на этой мысли, и, когда ему показалось, что он может себя контролировать, он снова открыл глаза.

Прямо под ним располагался козырек кабины. Перед ним находился нос самолета с блестящим, похожим на ртуть, вращающимся пропеллером. Скопище огней, которое он видел из кабинки туалета, теперь стало ближе.

Ральф опустился на колени, и его голова легко прошла сквозь крышу кабины. Пару мгновений он чувствовал во рту привкус масла, и волоски в носу встали дыбом от электрошока, но потом он опустился на пол между креслами первого и второго пилота.

Он не знал, что должен почувствовать, увидев Эда по прошествии такого количества времени и в таких обстоятельствах, но укол сожаления — не просто жалости, а именно сожаления — очень сильно его удивил. Как и в тот день в 92-м году, когда Эд врезался в грузовичок садовников Вест-Сайда, на нем была старая выцветшая футболка вместо обычного строгого костюма, застегнутого на все пуговицы. Он очень сильно похудел — по прикидкам Ральфа, фунтов на сорок —

и поэтому сильно изменился. Сейчас он выглядел как некий романтический или готический герой, а вовсе не как истощавший ученый. Ральфу тут же представился герой любимого стихотворения Каролины «Человек с дороги» Альфреда Нойса. Кожа Эда по цвету напоминала бумагу; его зеленые глаза, одновременно и темные, и светящиеся (*как изумруды в лунном свете*, подумал Ральф), блестели за круглыми очками а-ля Джон Леннон, губы были такими красными, что можно было подумать, будто Эд их накрасил. На голове у него был повязан белый шарф с японскими иероглифами, свободные концы шарфа спадали на спину. Умное и подвижное лицо Эда внутри завихрений ауры было исполнено сожаления и одновременно решимости. Он был прекрасен — прекрасен, — и Ральф почувствовал, как на него нахлынуло deja-vu. Теперь он понял, что он увидел в тот день, когда встал между Эдом и женщиной из садовников Вест-Сайда. Теперь он увидел это снова. Смотреть на Эда, окруженного торнадоподобной аурой без веревочки над головой, было примерно то же, что смотреть на бесценную вазу эпохи Минь, которую швырнули об стену, и она разбилась вдребезги.

По крайней мере на этом уровне он меня не видит. По крайней мере мне кажется, что не видит.

И как будто в ответ на его мысли Эд повернул голову и посмотрел прямо на Ральфа. В его широко распахнутых глазах была безумная настороженность, из уголков рта сочилась слюна. Ральф инстинктивно дернулся назад, решив, что его все-таки видно, но Эд никак не отреагировал на его движение. Он подозрительно посмотрел на пустое четырехместное пассажирское сиденье, как будто если и не увидел, то уж точно услышал своего безбилетного пассажира. Потом он протянул руку, которая прошла сквозь Ральфа, и положил ее на коробку, пристегнутую ремнями к креслу второго пилота. Осторожно погладил коробку, потом поднял руку ко лбу и поправил шарф. Он продолжал напевать... но уже другую песню, от которой у Ральфа по спине побежали мурашки.

От этой таблетки ты станешь меньше,
От этой таблетки ты станешь больше.
А от тех, что дает тебе мама,
С тобой не будет вообще ничего...

Правильно, подумал Ральф. Спроси у Алисы, когда в ней десять футов роста.

Его сердце бешено колотилось в груди — когда Эд так внезапно повернулся к нему, он не на шутку перепугался. Гораздо сильнее, чем тогда, когда понял, что летит на высоте десять тысяч футов с головой, торчащей из крыши самолета. Эд его не видел, Ральф был в этом почти уверен, но тот, кто сказал, что чувства безумных обострены до предела, наверняка знал, о чем говорит, потому что Эд понял, что что-то изменилось.

Внезапно включилось радио, от чего оба — и Эд, и Ральф — подпрыгнули от неожиданности.

— Сообщение для «Чероки» над Саус-Хэйвенем. Вы находитесь на границе воздушной трассы Дерри на широте, для которой требуется разрешение от центра планирования полетов. Повторяю, вы вот-вот войдете на контролируемую воздушную трассу над муниципальной зоной. Поднимитесь на высоту 16 000 футов, «Чероки», и летите по курсу 170, один семь ноль. И еще назовите себя...

Эд сжал руку в кулак и принялся молотить по приемнику. Стекло на панели треснуло, кровь потекла из порезов. Она капала на приборную панель, на фотографию Элен и Натали и на серую футболку Эда. Он продолжал бить кулаком по приемнику, пока голос диспетчера не затих в шуме помех, а потом и вовсе исчез.

— Хорошо, — сказал Эд низким голосом человека, который часто разговаривает сам с собой. — Так намного лучше. Ненавижу эти вопросы. Они только...

Он увидел свою окровавленную руку и замолчал. Поднял ее к глазам, внимательно осмотрел и снова сжал в кулак. Большой кусок стекла торчал на тыльной стороне ладони около костяшки безымянного пальца. Эд вытащил его зуба-

ми, а потом сделал такое, от чего Ральф застыл в ужасе: провел своим окровавленным кулаком сначала по левой щеке, а потом по правой, оставляя на лице алые следы. Он открыл пластиковое отделение, встроенное в стену слева от кресла пилота, достал зеркальце и внимательно осмотрел свою боевую раскраску. Судя по всему, Эд остался довольным тем, что увидел, потому что он улыбнулся и кивнул, прежде чем вернуть зеркальце на место.

— Просто помни, что сказала соня, — сказал себе Эд все тем же низким приглушенным голосом и нажал на штурвал. Нос «Чероки» опустился, и показатели высотомера поползли вниз. Теперь Дерри был прямо перед ними. Город был похож на пригоршню опалов, разбросанных по темно-синему бархату.

В боку картонной коробки, стоявшей на сиденье второго пилота, была проделана дырка. Оттуда торчали два провода. Они вели к кнопке звонка, прикрепленной к сиденью Эда. Ральф предположил, что, когда Эд увидит Общественный центр и приступит к финальной стадии своей миссии камикадзе, он положит палец на эту самую кнопку. И перед тем как самолет врежется в здание, он нажмет на нее. Динь-динь-дон, звонит Авон.

Порви провода, Ральф! Порви их!

Замечательная идея, но есть одно «но», на этом уровне он не мог бы порвать даже паутину. Стало быть, ему надо вернуться на уровень краткосрочников, и он уже приготовился это сделать, как вдруг мягкий, знакомый голос произнес его имя откуда-то справа.

[Ральф.]

Справа?! Но это было никак невозможно. Справа не было ничего, кроме сиденья второго пилота, борта самолета и огромного неба Новой Англии.

Шрам вдоль руки снова начал пульсировать, словно нить накаливания в электрическом обогревателе.

[Ральф!]

Не смотри. Не обращай внимания. Забей.

Но он не мог не смотреть. Словно подчиняясь какой-то невидимой, но великой силе, он медленно повернул голову. Он пытался сопротивляться — попутно заметив, что угол снижения самолета стал явно круче, — но это не помогло.

[Ральф, посмотри на меня... не бойся.]

Он предпринял последнюю попытку воспротивиться этому голосу и не смог. Он обернулся на голос и понял, что смотрит на свою мать, которая умерла от рака легких двадцать пять лет тому назад.

4

Берта Робертс сидела в своем бентвудском кресле-качалке футах в пяти от борта «Чероки» и спокойно вязала, раскачиваясь взад-вперед, на высоте около мили над землей. На ногах у нее были тапочки, которые Ральф подарил ей на день рождения, на полувесковой юбилей — с отделкой из настоящей норки, как глупо. На плечи была накинута розовая шаль, скрепленная древним политическим значком: ВЫИГРЫВАЙТЕ С УИЛКИ!

Все правильно, подумал Ральф. Она носила такие значечки вместо украшений... такой у нее был безобидный бзик. А я и забыл.

Единственное, что могло бы считаться фальшивой нотой в этой симфонии (не считая того, что мама давно умерла и болталась сейчас в своем кресле на высоте шестьсот футов над землей), — это ярко-красный платок, который она вязала. Ральф ни разу не видел, чтобы его мать вязала, он даже не был уверен в том, что она вообще умеет вязать, но сейчас она вязала. Спицы сверкали у нее в руках.

[Мама? Мам? Это действительно ты?]

Спицы на мгновение остановились — она перевела взгляд с кроваво-красного платка у себя на коленях на Ральфа. Да, это была его мать — такая, какая она была во времена его молодости, — но это было не важно. Узкое лицо, высокий «умный» лоб, волосы, уже тронутые сединой, и маленький рот, кото-

рый всегда выглядел строгим и даже слегка раздраженным, до тех пор пока она не улыбалась... это была она.

[Ну-ну, Ральф Робертс! Меня удивляет, что ты вообще задал этот вопрос!]

Но это был не совсем вопрос, правильно? — подумал Ральф и открыл было рот, чтобы сказать это вслух, но потом решил, что умнее будет помолчать — по крайней мере сначала. Справа от кресла, в котором сидела мама, появился какой-то странный силуэт; он быстро оформился в журнальный стенд из вишневого дерева, который Ральф сделал для нее на уроках труда в средней школе. Стенд был забит номерами «Ридерз Дайджест» и «Лайф». Далекая земля у нее под ногами начала исчезать, вместо нее проступил узор из коричневых и темно-красных квадратов, расходившийся кругами от ее кресла-качалки. Ральф сразу узнал его — линолеум на кухне в доме на Ричмонд-стрит в Мэри-Мид, в том самом доме, где он жил ребенком. Сначала сквозь линолеум еще можно было рассмотреть землю — квадраты полей и огни Дерри, — но потом он стал плотным, непроницаемым. Еще одно призрачное облако превратилось в мамину старую ангорскую кошку, Футзи, которая умерла, еще когда Дин Мартин и Джерри Льюис перестали вместе снимать кино.

[Этот старик был прав, мальчик мой. Тебе не стоило соваться в дела долгосрочников. Послушай слов матери и не лезь в то, что тебя не касается. Слушай, что я тебе говорю.]

Послушай слов матери... слушай, что я тебе говорю. Эти слова Берта Робертс произносила всегда, когда дело касалось ее взглядов на искусство и воспитание детей. О чем бы ни шла речь — подождать час после еды перед тем, как идти плавать, или убедиться, что старый ворюга Буч Боуерс не положил в низ корзины гнилой картошки, которую она посылала тебя купить, — пролог (*Послушай слов матери*) и эпилог (*Слушай, что я тебе говорю*) оставались всегда неизменными. И если ты ее не слушал, тебе приходилось столкнуться с материнским гневом, и тогда уже, как говорится, да поможет тебе Бог.

Она опять принялась за вязание, и ее пальцы почему-то тоже казались красными. Ральф решил, что это просто такой свет. Или может быть, краска на пряже была нестойкой и испачкала его пальцы.

Его пальцы?! Что за идиотская оговорка. Ее пальцы.

Вот только...

В уголках ее рта топорщились маленькие кустики волос. Длинных волос. Достаточно мерзкое зрелище. И непривычное. У мамы не было никаких усов. Это что-то новенькое.

Новенькое? Новенькое? Ты о чем вообще думаешь? Она умерла через два дня после того, как в Лос-Анджелесе застрелили Роберта Кеннеди, так что, Бога ради, в ней может быть нового?

По обеим сторонам от кресла Берты Робертс появились две сходящиеся стены, образовав угол кухни, где она проводила так много времени. На одной стене висела картина, которую Ральф прекрасно помнил. Семья за ужином — папа, мама и двое детей. Они ели картофель и кукурузу и выглядели так, как будто они обсуждают свои благостные дела. Никто из них не замечал, что в комнате был еще пятый человек — мужчина в белом одеянии, с бородой и волосами песочного цвета. Он наблюдал за семьей. ХРИСТОС, НЕВИДИМЫЙ ГОСТЬ, гласила табличка под картиной. Только тот Христос, которого помнил Ральф, казался добрым и немного смущенным, как будто ему стыдно подсматривать. А эта версия Христа была холодно-задумчивой... оценивающей... судящей, может быть. И вид у него был такой, как будто он услышал что-то, что его взбесило. *[Мам? Ты...]*

Она вновь опустила спицы на красный платок — странный сияющий красный платок — и подняла руку, не давая ему договорить.

[Никаких мне «мам», Ральф... просто послушай меня. Не лезь в это дело! Уже поздно метаться и вмешиваться, уже поздно. Ты только все испортишь.]

Голос был правильным, но лицо было неправильным, и чем дальше, тем больше. Наверное, дело было в ее коже. Глад-

кая, без морщин, кожа была предметом законной гордости Берты Робертс. Кожа этого существа была грубой... даже больше, чем грубой. Она была как бы чешуйчатой. И по бокам шеи шли два каких-то нароста (может быть, это были жаберы?). При взгляде на них какое-то ужасное воспоминание

(убери ее от меня, Джонни, пожалуйста, УБЕРИ)

возникло где-то в глубинах сознания. И...

Кстати, ее аура. Где ее аура?!

[Не думай о моей ауре и не думай об этой старой шлюхе, с которой ты тут таскаешься... хотя, могу поспорить, Каролина уже вертится у себя в гробу, как пропеллер.]

Рот женщины

[не женщины — это тварь, а не женщина]

в кресле-качалке больше не был маленьким. Нижняя губа разрасталась буквально на глазах — раздувалась в стороны и вниз. Сам рот продолжал глумливо усмехаться. Как-то очень знакомо.

[Джонни, оно кусается, оно КУСАЕТСЯ!]

Что-то ужасно знакомое было в этих усах, что топорщились над уголками рта.

[Джонни, глаза... пожалуйста... его глаза, черные...]

[Джонни тебе не поможет, мой мальчик. Он не помог тебе тогда и не сможет помочь сейчас.]

Конечно, не сможет. Его старший брат Джонни умер шесть лет назад. Ральф нес гроб на похоронах. Джонни умер от сердечного приступа, возможно, это было дело Случайности, как и у Макговерна, и...

Ральф посмотрел налево, но кресло пилота и кабина уже исчезли, как и Эд Дипно. Ральф видел старую плиту, на которой мама готовила в те времена, когда они жили на Ричмонд-стрит (она никогда не любила готовить и потому готовила плохо), и открытую дверь в столовую. Он увидел их старый обеденный стол. Посреди стола стоял стеклянный кувшин. В кувшине — ярчайшие алые розы. У каждой, казалось, есть лицо... кроваво-красное лицо с открытым ртом...

Но это неправильно, подумал Ральф. Все это неправильно. У нее в доме никогда не было роз... У нее была аллергия почти на все, что цветет, и на розы в особенности. Если рядом были розы, она начинала чихать, как ненормальная. Единственные букеты, которые она могла держать в доме, были индейские, и в них не было никаких цветов, только осенние травы и листья. Я вижу розы, потому что...

Он опять посмотрел на существо в кресле-качалке, красные пальцы которого теперь срослись и подозрительно напоминали плавники. Он взглянул на багровую массу, которая все еще лежала на коленях у этого существа, и шрам у него на руке вновь начал пульсировать жаром.

Что, черт возьми, происходит?!

Но он знал. Он все понял, как только перевел взгляд с красного существа в кресле на картину на стене — картину, где был изображен краснолицый злобный Иисус, наблюдающий за тем, как ужинает семья. Это был не его старый дом в Мэри-Мид и точно — совершенно точно — не самолет, летящий над Дерри.

Это был двор Кровавого Царя.

Глава 29

I

Не задумываясь о том, почему он это делает, Ральф засунул руку в карман и судорожно сжал в кулаке одну из сережек Луизы. Его собственная рука казалась какой-то чужой и далекой, как будто это и в самом деле была чья-то чужая рука. Он вдруг понял одну интересную вещь: оказывается, никогда в жизни ему не было так страшно. Ни разу. Он думал, что ему страшно, и такое случалось не раз и не два, но это был не настоящий страх. Единственный раз, когда Ральф был близок

к нынешнему состоянию, — это в Публичной библиотеке Дерри, когда Чарли Пикеринг сунул нож ему под ребра и пригрозил, что выпустит ему кишки. Но по сравнению с нынешним ощущением это было всего лишь маленькое неудобство.

Приходил зеленый человек... Он казался хорошим, но я могу ошибаться.

Ральф очень надеялся, что Луиза не ошибалась; он очень-очень на это надеялся. Потому что зеленый человек — это все, на что он сейчас мог рассчитывать.

[Ральф! Не считай ворон! Смотри на маму, когда она с тобой разговаривает! Тебе уже семьдесят лет, а ты ведешь себя так, как будто тебе до сих пор шестнадцать, такой же тупица!]

Он повернулся к красноперому существу, расплывшемуся в кресле. Теперь оно было совсем не похоже на его мать.

[Ты — не моя мать, а я все еще в самолете.]

[Нет, ты уже не в самолете, мой мальчик. Не сделай ошибку, считая, что это так. Сделаешь один шаг из моей кухни — и падать будешь долго.]

[Прекращай этот балаган. Я вижу, что ты собой представляешь.]

Эта тварь говорила булькающим и хрипящим голосом, от которого Ральфа пробирал озноб.

[Нет, ничего ты не видишь. Ты, может быть, думаешь, что видишь, но ты не видишь. И это правильно. Тебе лучше не видеть. Тебе лучше не видеть меня никогда в моем настоящем обличье. Поверь мне, Ральф, тебе лучше меня не видеть, ты этого просто не выдержишь.]

С нарастающим ужасом Ральф смотрел на это кошмарное существо, которое было его матерью, а теперь превратилось в огромную рыбу-кошку, хищного обитателя дна с острыми зубами, шлепающими вывернутыми губами и усами, свисавшими теперь почти до подола платья, в которое все еще было одето это существо. Жабры на шее открывались и закрывались, словно длинные порезы, обнажая красную плоть. Глаза стали круглыми и лиловыми, и Ральф увидел, как глазницы начали

отдаляться друг от друга. Они раздвигались в стороны, пока глаза не оказались почти на боках головы.

[Не дергайся, Ральф. Стой на месте. Ты скорее всего умрешь во взрыве, не важно, на каком ты сейчас уровне — взрывные волны распространяются здесь точно так же, как и везде, — но эта смерть все равно будет лучше, чем моя смерть.]

Рыба-кошка открыла рот. В зубах она держала кроваво-красного человека, который как будто весь состоял из вывернутых наружу внутренностей и каких-то странных опухолей. Казалось, он смеется над ним.

[Кто ты? Ты Кровавый Царь?]

[Так меня называет Эд... но нам надо придумать другое имя, которым мы будем тебя называть. Только ты и я, ты согласен? Давай подумаем. Если тебе не хочется, чтобы я был мамой Роберта, может быть, назовем тебя Царской Рыбой? Ты же согласишься Царскую Рыбу, правда?]

Ну да, конечно, он помнит... но настоящая царская рыба никогда не была в «Амосе и Энди», и вообще это была никакая не царская рыба. Настоящая царская рыба — это Царь-Рыба, и она жила в Пустошах.

Однажды летом — Ральфу Робертсу было тогда семь лет — он поймал огромную рыбу-кошку, когда ходил на рыбалку со своим старшим братом Джоном — в те времена рыбу, которую ловили в Пустошах, еще можно было есть. Ральф попросил брата снять с крючка бьющуюся рыбку и положить ее в ведро со свежей водой. Джонни отказался, процитировав «Заповеди рыбака», как он это называл: хорошие рыбаки должны сами собирать свои снасти, сами копать своих червей и сами снимать с крючка свой улов. Ральф только потом понял, что Джонни скорее всего пытался скрыть свой собственный страх перед этим огромным и каким-то даже неземным существом, которое его младший брат выловил из грязной и теплой, как моча, воды Кендускега.

В конце концов Ральф сам схватил бьющееся тело рыбы, которое было одновременно скользким, чешуйчатым и колючим. А Джонни напугал его еще больше, предупредив его тихим, зловещим голосом, чтобы он не прикасался к усам. Они ядовитые. Бобби Терриолт мне говорил, что, если рыба уколёт тебя этими усами, тебя парализует. И ты проведешь весь остаток жизни в инвалидном кресле. Так что будь осторожен, Ральфи.

Ральф вертел рыбу в руках, пытаясь вытащить крючок из ее темного мокрого тела так, чтобы не дотрагиваться до усов (он не верил Джонни и в то же время безоговорочно верил), ему были противны ее огромные жабры, выпученные глаза, рыбный запах, который, казалось, с каждым вдохом все глубже и глубже проникает ему в легкие.

Наконец в глубине тела рыбы раздался звук, словно что-то порвалось, и крючок начал освобождаться. Свежие струйки крови хлынули из углов дергающегося, умирающего рта. Ральф вздохнул с облегчением... но, как оказалось, он поторопился. Рыба ударила хвостом, и крючок освободился. Рука, которой Ральф вытаскивал его, соскользнула, и в этот момент окровавленная пасть рыбы сомкнулась на его пальцах. Ральф не помнил, было ли это больно. Сильно больно или не сильно? А может, даже совсем не больно? Он совершенно не помнил. Он помнил только крик Джонни, в котором был ужас, и свою собственную уверенность, что рыба заставит его заплатить за свою смерть и откусит ему два пальца на правой руке.

Он помнил, как кричал сам, и тряс рукой, и умолял Джонни помочь ему, но Джонни пятился прочь от него, его лицо было бледным, а губы дрожали. Ральф отчаянно тряс рукой, но хватка рыбы напоминала мертвую хватку бульдога, усы

[ядовитые усы... и ты проведешь весь остаток жизни в инвалидном кресле]

били Ральфа по запястью, а черные глаза таращились на него.

В конце концов он ударил ее о ближайшее дерево, сломав ей спину. Рыба упала в траву, все еще дергаясь, и Ральф на-

ступил на нее ногой. Тогда-то он и пережил последнее в тот день потрясение. Из рта рыбы полезли внутренности, а из того места, куда наступил Ральф, вывалилась связка кровавых яиц. Именно тогда он и понял, что царская рыба — это на самом деле она, и что он убил ее за пару дней до того, как она должна была освободиться от этой икры.

Ральф перевел взгляд с отвратительной массы на свою окровавленную руку и завыл, словно призрак из страшной истории. Когда Джонни дотронулся до его руки, чтобы успокоить, Ральф вырвался и убежал. Он бежал до самого дома, а потом заперся у себя в комнате и не выходил до вечера. Он потом целый год не ел рыбу, и он никогда больше не имел дела с рыбами-кошками.

До сегодняшнего дня.

}

[Ральф!]

Это был голос Луизы... но очень далеко. Так далеко!

[Сделай хоть что-нибудь! Не давай этой твари тебе помешать!]

Только сейчас Ральф понял, что вещь, которую он принял за красный вязаный платок, на самом деле была кучей кровавых яиц на коленях у Кровавого Царя. Кровавый Царь наклонился к нему через это пульсирующее покрывало, его губы скривились в омерзительном подобии участливой улыбки.

[Что-то не так, Ральфи? У тебя что-то болит? Скажи мамочке.]

[Ты мне не мать.]

[Нет — я Царь-Рыба! И горжусь этим! Я могу ходить и могу говорить! А если честно, я могу быть всем, чем угодно. Ты можешь об этом не знать, но изменение облика — давняя традиция в Дерри.]

[Ты знаешь зеленого человека, которого видела Луиза?]

[Разумеется! Я знаю всех соседских ребят!]

Но Ральф уловил удивление, промелькнувшее на чешуйчатом лице.

Жар вдоль руки снова усилился, и Ральф неожиданно понял: даже если Луиза была где-то здесь, она все равно не смогла бы его увидеть. Царь-Рыба распространяла вокруг себя яркое пульсирующее сияние, и оно полностью окружило его. Сияние было красным, а не черным, но все равно это был мешок смерти, и теперь Ральф понял, что значит оказаться внутри такого мешка, что значит быть пойманным в сеть, сплетенную из твоих самых отвратных страхов и самых мерзких переживаний. От этого невозможно освободиться, этот мешок не разрежешь, как тот, в котором лежало кольцо Эда.

Если я собираюсь спастись, подумал Ральф, мне придется бежать очень быстро — чтобы продрать его насквозь и прорваться на ту сторону.

Он по-прежнему сжимал в кулаке сережку Луизы. Теперь он держал ее так, чтобы острый «гвоздик» торчал между пальцами — теми двумя, которые шестьдесят три года назад ему едва не оттапала рыба. Он произнес про себя короткую молитву, но обращенную не к Богу, а к зеленому человеку Луизы.

4

Царь-Рыба наклонилась вперед, злобно глядя на Ральфа. Зубы, обнажившиеся в ухмылке, теперь казались еще длиннее и еще острее. Глядя на капли бесцветной жидкости, что стекали с усов, Ральф подумал: Это яд. Проведешь весь остаток жизни в инвалидной коляске. Черт, как же мне страшно. Простое до смерти страшно, блин.

Луиза кричала издалека: *[Быстрее, Ральф! ТЕБЕ НАДО СПЕШИТЬ!]*

А маленький мальчик кричал где-то намного ближе, кричал и тряс правой рукой, пытаясь стряхнуть рыбу, которая вцепилась ему в пальцы, — беременного монстра, который не собирался его отпустить.

Царь-Рыба наклонилась еще ближе. Ее платье зашелестело. Теперь Ральф почувствовал запах маминых духов. «Святая Елена», смешанная с противным, чуть тухловатым запахом рыбы.

[Таковы вкратце мои намерения. Я хочу, чтобы Эд Дипно все-таки своего добился. Я хочу, чтобы мальчик, о котором тебе говорили друзья, умер на руках своей матери, и я хочу видеть, как это случится. Мне пришлось потрудиться здесь, в Дерри, и, как мне кажется, я прошу очень немногого за свои труды. Но сначала мне нужно закончить с тобой. Я...]

Ральф сделал еще один шаг в эту непереносимую вонь. Теперь он различал другой образ за образом матери и даже за образом Царь-Рыбы. Он видел яркого человека, красного человека с холодными глазами и безжалостным ртом. Этот человек напомнил ему Христа с той картины, которую он видел несколько мгновений назад... а не той, которая висела на кухне у мамы на самом деле.

Выражение крайнего удивления появилось в черных глазах Царь-Рыбы... и в холодных глазах человека, который проступал за ней.

[Что ты делаешь? Пытаешься сбежать от меня?! Ты что же, хочешь провести весь остаток жизни в инвалидной коляске?]

[Знаешь, дружок, я мог бы придумать кое-что и пострашнее... дни, когда мы играли на первой базе, давно позади.]

Голос становился все громче — это был голос матери, когда она сердилась.

[Послушай, что я тебе говорю, мальчик мой! Слушай меня!]

На мгновение старый приказ, произнесенный голосом, так похожим на голос матери, заставил Ральфа остановиться. Но потом он снова шагнул вперед. Царь-Рыба отшатнулась, ее хвост под платьем хлестал вверх-вниз.

[ЧТО ТЫ ДЕЛАЕШЬ?!]

Собрав все свои силы, чтобы удержаться от крика и не убежать, Ральф протянул вперед правую руку. Сережка Луизы казалась ему маленьким теплым хрусталиком, зажатым в ладони. Сама Луиза была вроде бы где-то рядом, и Ральф подумал, что это вовсе неудивительно — ведь он забрал у нее столько

энергии. Чувство ее присутствия было очень приятным; оно успокаивало и придавало сил.

[Нет, ты не посмеешь! Тебя парализует!]

[Рыбы-кошки не ядовиты... это все выдумки десятилетнего мальчишки, который, наверное, был напуган еще больше меня.]

Ральф потянулся к усам рукой, в которой была зажата сережка, и массивная чешуйчатая голова отклонилась назад. Почему-то Ральф знал, что так и будет. Рыбья голова начала меняться, по ней пошла рябь. *Если у отвращения и боли есть цвет*, подумал Ральф, *то это как раз он и есть*. И прежде чем перемена дошла до конца, прежде чем человек, которого он видел за образом рыбы — высокий и красивый; но эта была холодная, злая красота, — выступил из иллюзии, которую Ральф сам же и создал, он воткнул сережку в выпученный черный глаз.

5

Раздался жуткий звенящий звук — похоже на цикаду, подумал Ральф, — и существо попыталось отстраниться. Его судорожно бьющийся хвост издавал звук, похожий на звук вентилятора, когда в него попадает бумага. Оно сползло в кресле-качалке, которое теперь превращалось в нечто, похожее на массивный трон, вырезанный из какого-то оранжевого камня. А потом хвост исчез, Царь-Рыба исчезла, и на троне сидел сам Кровавый Царь, его прекрасное лицо исказила гримаса боли и удивления. Один его глаз мерцал красным, как глаз рыси, выхваченный из темноты светом фар, другой переливался ярким сиянием, словно бриллиант.

Ральф потянулся левой рукой к рыбьей икре, убрал ее и не увидел на том конце ничего, кроме черноты. На другой стороне мешка смерти. Выход.

[Тебя предупредили, краткосрочный ты сукин сын! Думаешь, что безнаказанно сможешь дергать меня за усы?! Ну что же, давай посмотрим, давай? Давай просто посмотри!]

Кровавый Царь наклонился вперед на своем троне, его рот разверзся, целый глаз горел красным светом. Ральф боролся с желанием отдернуть правую руку, в которой теперь не было ничего. Он резко выдвинул ее вперед, к открытому рту, который хотел схватить его руку, как тогда, в Пустошах.

Какие-то существа — бесплотные, но осязаемые — сначала принялись извиваться и биться об его руку, а потом они стали кусаться, как слепни. Ральф почувствовал, как настоящие зубы — нет, не зубы, клыки — впились ему в руку. Через пару мгновений Кровавый Царь прокусит ему руку насквозь, а то и вовсе откусит и проглотит ее целиком.

Ральф закрыл глаза и сразу понял, что те мысли и та глубинная сосредоточенность, которые помогали ему передвигаться между уровнями реальности, никуда не делись — боль и страх не смогли их уничтожить. Только на этот раз ему надо было не передвигаться, а дергать. Клото с Лахесисом вживили ему в руку ловушку, и сейчас она должна была сработать.

Ральф почувствовал в голове уже знакомую вспышку. Шрам у него на руке тут же опять раскалился. Но этот жар не причинил Ральфу боли, он выплеснулся наружу волной энергии. Ральф увидел зеленую вспышку, такую яркую, что ему показалось, будто он оказался в Изумрудном Городе в тот момент, когда Волшебник Страны Оз взорвал свой город к чертям собачьим. Кто-то кричал или что-то кричало. Этот высокий надрывный звук мог бы свести его с ума, продлился он хоть на секунду дольше, но этого не случилось. За воплем последовал глухой удар, который напомнил Ральфу его давнишнюю проделку, когда он поджег фейерверк и засунул его в водопроводную трубу.

Неожиданный поток силы пронесся мимо него в порыве ветра и тающего зеленого света. Он уловил странный перекошенный образ Кровавого Царя, который больше не был молодым и красивым; он стал древним, очень древним, куда более ненормальным и куда менее похожим на человека, чем все те существа, с которыми Ральф общался на краткосрочном уровне бытия. Потом что-то над ними открылось, освобождая темно-

ту, сквозь которую пробивались цветные лучи. Ветер подхватил Кровавого Царя и понес к этой изрезанной красками темноте, словно лист в каминной трубе. Цвета стали ярче, и Ральф отвернулся, прикрывая рукой глаза. Он понял, что между тем уровнем, на котором находится он, и какими-то невообразимыми уровнями наверху открылся канал; и еще он понял, что если долго смотреть на эти

[смертельные огни]

взвихренные цвета, тогда смерть будет отнюдь не худшим, что с ним может случиться. Ральф не просто закрыл глаза, он закрыл сознание.

Мгновение спустя все исчезло: существо, которое представилось Эду как Кровавый Царь, кухня в старом доме на Ричмонд-стрит, мамино кресло-качалка. Ральф стоял на коленях прямо в воздухе, в шести футах справа от носа «Чероки», подняв руки, как ребенок, ожидающий наказания от строгих родителей. Он глянул вниз и увидел Общественный центр и забитую парковку. Сперва он подумал, что это оптическая иллюзия, потому что стоянка, казалось, раздвигалась.

Она не раздвигается, она приближается, спокойно подумал Ральф. Он спускается. Он приступил к выполнению своего последнего задания.

6

На мгновение Ральф застыл в воздухе, зачарованный простым чудом своего положения. Он стал мифическим существом между двумя мирами, точно не богом (боги не бывают такими усталыми и испуганными), но и точно не человеком. Вот что значит летать по-настоящему, увидеть землю с высоты птичьего полета, без границ, очерченных иллюминатором. Это...

[РАЛЬФ!]

Крик Луизы был словно выстрел прямо над ухом. Ральф вздрогнул, и когда он отвел взгляд от гипнотического вида приближающейся к нему земли, он снова обрел способность двигаться. Он поднялся на ноги и пошел обратно к самолету.

ту. Прямо по воздуху. Это было легко и просто, словно идешь по коридору в собственном доме. Ветер не бил в лицо и не развевал волосы, а когда Ральф случайно зацепил плечом пропеллер «Чероки», крутящие лопасти прошли сквозь него, как сквозь дым.

В какой-то момент он увидел бледное и прекрасное лицо Эда — лицо человека с дороги, который подъехал к постоялому двору в том стихотворении, которое всегда заставляло Каролину плакать, — и на смену жалости и сожаления пришел гнев. Было сложно действительно ненавидеть Эда — в конце концов он был всего лишь еще одной пешкой, которую двигали по доске, не спросив его разрешения, — и все-таки в здании, на которое он направлял свой самолет, были люди, настоящие люди. Невинные людьми. На лице Эда читалось какое-то детское упрямство и одновременно ленивая отрешенность, и, проходя сквозь стену кабины, Ральф подумал: Мне кажется, Эд, на каком-то уровне ты знал, что в тебя вселяется дьявол. Мне кажется, что в начале ты скорее всего мог бы его прогнать... ведь мистер Клото и мистер Лахесис говорят, что выбор есть всегда. И если это действительно так, то это твой выбор, черт побери.

На мгновение голова Ральфа опять высунулась из крыши самолета, и он поспешно опустился на колени. Теперь Общественный центр занимал собой весь обзор, и Ральф понял, что уже слишком поздно пытаться остановить Эда.

Он уже отсоединил кнопку звонка от сиденья. Он держал ее в руках.

Ральф полез в карман и взял в руку оставшуюся сережку, снова зажав ее в кулаке острым «гвоздиком» вперед. Другой рукой он обхватил провода, протянувшиеся между звонком и коробкой. Потом он закрыл глаза и сосредоточился, вновь создавая в сознании это ощущение вспышки. В желудке что-то оборвалось, и у него еще было время подумать: О как! Это как в скоростном лифте!

А потом он спустился на уровень краткосрочников, где не было ни богов, ни дьяволов, не было лысых докторов с вол-

шебными ножницами и скальпелями, не было аур; где нельзя проходить сквозь стены и поэтому нельзя избежать авиакатастрофы, которая вот-вот произойдет. Вниз, на уровень краткосрочников, где его можно увидеть... и до него вдруг дошло, что Эд как раз на него и смотрит. Смотрит и видит.

— Ральф? — Это был голос человека, который только что проснулся от самого длинного сна в своей жизни. — Ральф Робертс? Что ты здесь делаешь?!

— Да вот, понимаешь ли, проходил мимо и решил заглянуть, — сказал Ральф. — С дружеским, так сказать, визитом. — Он сжал руку в кулак и выдернул провода из коробки.

7

— Нет! — закричал Эд. — Нет, ты же все испортишь!

Конечно, испорчу, уж будь уверен, подумал Ральф и потянулся через Эда, чтобы схватить штурвал. До Общественного центра оставалось еще где-то тысяча двести футов, может быть, даже меньше. Ральф не знал, что находится к коробке на сиденье, но думал, что это пластиковая взрывчатка, какую обычно используют террористы в боевиках с Чаком Норрисом и Стивеном Сигалом. Она по идее должна быть достаточно стабильной — не как нитроглицерин в «Плате за страх» Клузо, — но сейчас был не тот случай, когда можно было довериться киноиндустрии. И вообще, даже стабильная взрывчатка вполне может взорваться и без детонатора, если упадет на землю с высоты двух миль.

Ральф вывернул штурвал влево, насколько это было возможно. Общественный центр внизу принялся тошнотворно крутиться, как будто он располагался на огромном волчке.

— Нет, ты, убудодок! — А потом что-то очень похожее на маленький молоток ударило Ральфа в бок, парализуя болью и не давая возможности дышать. Его рука соскользнула со штурвала, и Эд ударил его еще раз, на этот раз — в район подмышки. Эд схватил штурвал и вывернул его обратно. Обществен-

ный центр, который начал было перемещаться вбок, вернулся в центр обзора.

Ральф схватился за штурвал. Эд положил ладонь Ральфу на лоб и оттолкнул его.

— Зачем ты в это полез?! — прорычал он. — Зачем тебе это надо?! — Он злобно оскалился. По идее появление Ральфа в кабине должно было вогнать его в состояние шока, но Эд, кажется, даже не удивился.

Конечно, не удивился, он же псих, подумал Ральф и заорал во весь внутренний голос:

[Клото! Лахесис! Бога ради, помогите мне!]

Ничего. Кажется, его никто и не слышал. А как бы они услышали? Он снова вернулся на уровень краткосрочников, а значит, он был один.

Общественный центр был уже меньше, чем в тысяче футов. Ральф уже различал каждый кирпич, каждое окно, каждого человека, который стоял внизу, — он даже почти различал, у кого из них были плакаты. Ральф пока что не видел страха у них на лицах, но еще несколько секунд...

Он снова бросился на Эда, пытаясь не обращать внимания на боль в левом боку, и ударил правой рукой, проталкивая ногтем сережку, зажатую между пальцами, как можно дальше.

Трюк с сережкой сработал в случае с Кровавым Царем, но тогда Ральф был на более высоком уровне, и там присутствовал элемент неожиданности. На этот раз он тоже целился в глаз, но в последний момент Эд успел убрать голову. Острый «гвоздик» вошел в лицо над скулой. Эд отмахнулся от сережки, как от назойливой мухи, и продолжал крепко держаться левой рукой за штурвал.

Ральф опять потянулся к штурвалу. Эд ударил его, попал кулаком в лоб над левым глазом и отшвырнул Ральфа назад. Уши Ральфа наполнились громким звоном, чистым, почти серебристым. Как будто у него в голове находился большой камертон и кто-то случайно его задел. Мир стал серым и зернистым, как на фотографии в газете.

[РАЛЬФ! БЫСТРЕЕ!]

Это Луиза, и сейчас она была в ужасе. Он знал почему: время уже почти вышло. У него было десять секунд, максимум — двадцать. Он опять потянулся вперед, но на этот раз не к Эду, а к фотографии Элен и Натали, которая висела над высотомером. Он схватил ее и зажал между пальцами, не зная, какова будет реакция Эда, но то, что получилось, превзошло его самые смелые ожидания.

— ОТДАЙ ИХ, ОТДАЙ! — закричал Эд. Он забыл про штурвал и потянулся за фотографией, и теперь Ральф увидел его таким, каким он был в тот день, когда избил Элен. Это был человек, который отчаянно несчастлив, который боится сил, сделавших его таким. Слезы текли у него по щекам в три ручья, и Ральф озадаченно подумал: Он что, все это время плакал?!

— ОТДАЙ ИХ, ОТДАЙ! — снова закричал Эд, но Ральф уже начал сомневаться, что этот крик обращен к нему. Скорее всего Эд обращался к тому, что ворвалось в его жизнь, огляделось по сторонам, чтобы убедиться, что никто ему не помешает совершить задуманное, а потом просто взяло и забрало у него эту жизнь. Сережка Луизы мерцала в щеке Эда, как варварское украшение для погребения. — ОТДАЙ ИХ МНЕ! ОНИ МОИ!

Ральф держал помятую фотографию так, чтобы Эд до нее не дотянулся. Эд дернулся вперед, ремень врезался ему в живот, и Ральф со всей силы ударил его по шее. Удар пришелся по твердой выпуклости кадыка, и Ральф почувствовал странную смесь удовольствия и отвращения. Эд отлетел назад и привалился к стене кабины, в его глазах стояла боль, обида и недоумение. Он потянулся руками к горлу. Раздался странный звук, как будто где-то внутри у Эда вышел из строя некий механизм.

Ральф перегнулся через Эда и увидел, что Общественный центр теперь поднимается к ним. Он вновь повернул штурвал до упора влево, и под ним — прямо под ним — Общественный центр опять начал вращаться вокруг «Чероки», уходя вбок... только очень уж медленно.

Ральф вдруг понял, что чувствует какой-то запах — приятный, сладкий и очень знакомый. И прежде чем он успел сообщить, что это может быть, он увидел внизу одну штуку, которая окончательно выбила его из равновесия. Это был фургон с мороженым Худси, который Ральф столько раз видел на Харрис-авеню, — он разъезжал по кварталу, звоня в свой маленький колокольчик.

Господи, подумал Ральф, скорее с трепетом, чем со страхом. Кажется, сейчас я погружусь в глубокую заморозку вместе с вафельными рожками и пластиковыми стаканчиками.

Сладкий запах становился все сильнее, и когда вдруг чьи-то руки легли ему на плечи, Ральф понял, что это был запах духов Луизы Чесс.

— Поднимайся! — кричала она. — Ральф, ты болван, тебе нужно...

Он не думал об этом, он просто сделал. Та штука у него в голове снова шелкнула с яркой вспышкой, и продолжение фразы он услышал уже на другом уровне:

[...подняться! Давай отталкивайся ногами!]

Слишком поздно, подумал он, но тем не менее сделал так, как она сказала: уперся ногами в приборную панель и оттолкнулся изо всех сил. Он чувствовал, как Луиза поднимается по шахте реальности вместе с ним, а «Чероки» уже несутся к земле, преодолевая последние сто футов, и когда они рванулись вверх, он почувствовал, как петля силы Луизы обхватила его, словно веревка при прыжках на тарзанке, и потянула назад. Ральф испытал мимолетное ощущение полета одновременно в две стороны.

Ральф поймал последний взгляд Эда Дипно, который вжался в стену кабины, только на самом деле он его не видел. Желто-серая аура Эда исчезла, и теперь вокруг Эда сомкнулся непроницаемо черный мешок смерти, темный, как полночь в аду.

А потом они с Луизой одновременно и падали, и летели.

Глава 30

1

епосредственно перед взрывом, в последние секунды своей яркой и вызывающей жизни, Сьюзан Дей стояла в белом круге света на сцене большого зала в Общественном центре и говорила:

— Я приехала в Дерри не для того, чтобы учить вас жить; не для того, чтобы вас оскорблять, провоцировать или лечить. Я приехала для того, чтобы скорбеть вместе с вами — эта ситуация давно уже не имеет никакого отношения к политике. Насилие неправомерно, как и фанатичная убежденность в собственной правоте. Я здесь, чтобы попросить вас забыть на время о своих убеждениях и своем красноречии и помочь друг другу найти способ помочь друг другу. Отвернуться от привлекательности...

И тут высокие окна на южной стороне зала озарились яркой вспышкой белого света и взорвались осколками.

2

«Чероки» не попал в фургон с мороженым, но это его не спасло. Самолет в последний раз перевернулся в воздухе и врезался в парковку у Общественного центра в двадцати пяти футах от того места, где сегодня утром остановилась Луиза, чтобы поправить нижнюю юбку. Крылья оторвались от корпуса. Кабина пилота смялась и вошла в пассажирский отсек. Фюзеляж взорвался, словно бутылка шампанского, которую положили в микроволновую печь. Стекла брызнули во все стороны. Хвост поднялся над корпусом, как жало умирающего скорпиона, и пробил крышу «доджа» с надписью на боку: ЗАЩИТИМ ПРАВО ЖЕНЩИН НА ВЫБОР! Раздался громкий клацающий звук, похожий на обвал штабеля железных листов.

— Срань госпо... — начал было один из полицейских, стоявших на посту у края парковки, но тут С-4, которая лежала в картонной коробке у Эда, взлетела в воздух подобно большой серой капле грязи и пробила остатки приборной панели, где «горячие» провода воткнулись в нее, как медицинские иглы. Пластиковая взрывчатка рванула с оглушающим грохотом, обдав жаром дорожку Бэсси-парка и превратив парковку в ураган белого света и шрапнели. Джон Лейдекер, который стоял под бетонным навесом Общественного центра и разговаривал с полицейским из полиции штата, был отброшен взрывной волной через одну из дверей и пролетел по всему вестибюлю. Он ударился о дальнюю стену и упал без сознания в кучу разбитого стекла. Но ему повезло куда больше, чем тому человеку, с которым он разговаривал; полицейский влетел в стеклянную перегородку между двух открытых дверей, и его перерезало напополам.

Ряды машин защитили Общественный центр от основного удара, приняв взрывную волну на себя, но удачей это сочли куда позже. Сначала две тысячи человек, собравшихся в этот вечер в Общественном центре, просто тупо сидели, не зная, что делать, и совершенно не понимая, что произошло: у них на глазах самая знаменитая феминистка Америки была обезглавлена острым осколком стекла. Ее голова долетела аж до шестого ряда, как мяч для боулинга, на который зачем-то надели белый парик.

Паника началась только тогда, когда погас свет.

}

Семьдесят один человек погиб в давке, когда толпа бросилась к выходам, и на следующий день «Дерри ньюз» опишет это событие под заголовком, набранным сорок восьмым кеглем, и назовет его ужасной трагедией. Ральф Робертс мог бы возразить, что, если учесть все обстоятельства, им еще повезло. Повезло просто невероятно.

В середине северного балкона женщина по имени Соня Дэнвилл — женщина с синяками на лице, оставшимися от последних в ее жизни побоев — сидела, положив руки на плечи своего сына Патрика. У него на коленях лежал плакат-раскраска из «Макдоналдса», на котором Рональд и Майор Макчиз, а также Отважный Гамбургер танцевали джигу под водой; но он почти ничего не раскрасил, просто перевернул плакат на другую сторону. Не то чтобы ему стало скучно, просто у него появилась идея для собственного рисунка, такое случалось достаточно часто, и противиться этому вдохновению не было никакой возможности. Сегодня он целый день думал о том, что случилось в подвале Хай-Риджа — дым, жар, испуганные женщины и два ангела, которые появились, чтобы спасти их всех, — но его замечательная идея прогнала эти беспокойные мысли, и он принялся за работу с молчаливым энтузиазмом. Скоро Патрику стало казаться, что он живет в этом мире, который он рисовал цветными карандашами.

У него был талант к рисованию. В свои четыре года он уже был удивительно хорошим художником («мой маленький гений» — иногда называла его Соня), и картинка на обороте была куда лучше, чем сам плакат для раскрашивания. То, что Патрик успел нарисовать до того, как погас свет, было работой одаренного ученика первого курса художественной школы, причем этот самый ученик мог бы по праву гордиться такой работой. В середине листа располагалась темная башня, каменная роза цвета сажи, пронзавшая синее небо, украшенное пухлыми облаками. Вокруг башни росли красные розы — такие яркие, что казалось, они протестуют против чего-то своим насыщенным алым цветом. С одной стороны башни стоял человек, одетый в потертые джинсы. У него на поясе висели две кобуры, по одной на каждом бедре. На самом верху черной башни стоял другой человек, одетый во все красное, он смотрел на стрелка со смешан-

ным выражением страха и ненависти. Его руки, вцепившиеся в перила, тоже казались красными.

Соня как завороченная смотрела на Сьюзан Дей, которая сидела на сцене в ожидании, когда ее представят залу. Но Соня все же взглянула на рисунок сына до того, как началось выступление. Уже два года назад она поняла, что Патрик одаренный ребенок, как это называют психологи, и ей давно пора было привыкнуть к его странным, замысловатым рисункам и лепным фигуркам, которые он называл Глиняная семья. В общем-то она привыкла, да; но от этой картинки ее пробил озноб, который нельзя было списать только на тяжелый день.

— Кто это? — спросила она, показывая на маленькую фигурку, злобно глядящую вниз с верхушки темной башни.

— Это Красный король, — сказал Патрик.

— Ага, значит, Красный король, понятно. А это кто, с пистолетами?

И когда он уже открыл рот, чтобы ответить, Роберта Харпер, женщина на сцене, подняла левую руку (с черной траурной лентой на рукаве):

— Друзья мои, мисс Сьюзан Дей! — прокричала она в микрофон, и ответ Патрика на второй мамин вопрос потонул в шквале аплодисментов:

— Его зовут Роланд, мама. Он иногда мне снится. Он тоже Король.

5

Теперь они сидели в темноте, у них звенело в ушах, и в голове Сони вертелись только две мысли, которые бежали друг за дружкой, словно крысы в колесе: *Неужели этот день никогда не закончится, я знала, не надо было брать его с собой, неужели этот день никогда не закончится, я знала, не надо было брать его с собой, неужели этот день...*

— Мама, ты порвешь мою картинку! — сказал Патрик, и Соня услышала, как хрипло он дышит. Вероятно, она слиш-

ком крепко прижала его к себе. Она немного ослабила хватку. Какофония криков, визгов и невнятных вопросов доносилась из темной ямы, в которую теперь превратился зрительный зал, где сидели люди, достаточно богатые для того, чтобы делать пятнадцатидолларовые «пожертвования». А потом среди криков прорезался истошный вой боли, от которого Соня подпрыгнула в кресле.

Звук, последовавший за взрывом, больно ударил им по ушам, и здание ощутимо затряслось. Взрывы, которые до сих пор продолжались — машины на парковке взлетали в воздух, как фейерверки, — в сравнении с первым взрывом казались просто смешными, но Соня чувствовала, как после каждого взрыва Патрик прижимался к ней.

— Спокойно, Пат, — сказала она ему. — Случилось что-то плохое, но мне кажется, это случилось снаружи. — Ее взгляд был прикован к яркой вспышке за окном, и поэтому Соня не видела, как голова ее героини слетела с плеч, но одно она знала точно: каким-то непостижимым образом молния ударила два раза в одно и то же место,

(не надо было брать его с собой, не надо было брать его с собой)

и люди внизу уже начали паниковать. Если запаникует она, у них с маленьким Рембрандтом будут большие проблемы.

Но я не буду паниковать. Я не для того выбралась из этой смертельной ловушки сегодня утром, чтобы паниковать сейчас. Черт меня подери, я не стану паниковать.

Она взяла Патрика за свободную руку — в другой руке он держал рисунок. Рука была очень холодной.

— Как ты думаешь, мама, ангелы снова появятся, чтобы спасти нас? — спросил он слегка дрожащим голосом.

— Нет, — сказала она. — Я думаю, что на этот раз нам лучше все сделать самим. Но мы сможем. То есть с нами же все в порядке, правда?

— Да, — сказал он и вдруг начал сползать на сиденье вниз. На какой-то ужасный миг ей показалось, что он упал в обмо-

рок и ей придется выносить его наружу на руках, но тут он выпрямился. — Мои книжки были на полу, — сказал он. — Я не хочу оставлять мои книжки, особенно ту, где про мальчика, который не мог снять шляпу. Мы уходим, мам?

— Да, только немножечко подождем. Чтобы нас не толкали, пока все бегает. Мы подождем, пока включится свет — у них должна быть аварийная батарея, — и когда я скажу, мы встанем и пойдем — не побежим, а пойдем! — по лестнице к выходу. Я не смогу нести тебя на руках, но я пойду за тобой и положу тебе руки на плечи. Тебе все понятно, Пат?

— Да, мам.

Никаких вопросов. Никакого нытья. Он только отдал ей книжки, чтобы они не потерялись. Рисунок он решил нести сам. Она быстро обняла его и поцеловала в щеку.

Они сидели в темноте и ждали. Соня медленно считала до трехсот. Она ничего не видела, но чувствовала, что все их соседи разбежались еще до того, как она досчитала до ста пятидесяти, однако она заставила себя сидеть на месте. Теперь она начала кое-что различать и поняла, что снаружи что-то горит, но у дальнего конца здания. Хотя бы в этом им повезло. С улицы доносились sireны приближающихся полицейских машин, машин «скорой помощи» и пожарных.

Соня поднялась на ноги.

— Пойдем. Держись прямо передо мной.

Пат Дэнвилл вышел в проход, Соня шла сразу за ним, крепко держа его за плечи. Они поднялись по ступенькам к тусклым желтым огням, которые горели в коридоре северного балкона, остановившись всего один раз, когда перед ними промелькнула тень бегущего человека. Соня еще крепче стиснула плечи сына и оттащила его в сторону.

— Борцы за жизнь, мать их за ногу! — кричал бегущий человек. — Хреновы самодовольные дерьмоеды! Так бы и поубивал их всех!

Потом он убежал, и Пат снова пошел вверх по ступенькам. Теперь Соня чувствовала, что он спокоен и совсем не боится,

и это отозвалось в ее сердце любовью и еще — почему-то — какой-то странной темнотой. Он был особенным, ее сын, не таким, как все... но мир не любит таких людей. Мир пытается их выкорчевывать, как сорняки с огорода.

Наконец они вышли в коридор. Несколько людей, находившихся, судя по всему, в глубоком шоке, слонялись туда-сюда, как зомби из фильма ужасов, с мутными глазами и открытыми ртами. Соня только мельком взглянула на них, а потом повела Пата к лестнице вниз. Уже через три минуты они вышли в ночь, освещенную сполохами пожаров, целые и невредимые, и тогда на всех уровнях бытия Случайности и Предопределенности вернулись на свои проторенные тропы. Миры, которые на мгновение пошатнулись и сдвинулись с места, теперь успокоились, и в одном из этих миров, в пустыне, бывшей апофеозом всех пустынь, человек по имени Роланд перевернулся в своем спальном мешке и снова спокойно уснул под чужими созвездиями.

6

На другом конце города, в Строуфорд-парке, открылась дверь мужского туалета. Оттуда в облаке дыма, цепляясь друг за друга, вылетели Ральф Робертс и Луиза Чесс. Из туалета донесся звук врезавшегося в землю «Чероки» и взрыв пластиковой бомбы. Вспышка белого света — и синие пластиковые стены кабинки раздалились во все стороны, как будто на них наступил великан. Секунду спустя Ральф с Луизой снова услышали взрыв, только на этот раз он донесся до них по воздуху, обычным путем. Этот второй взрыв был тише, но при этом почему-то казался более реальным.

У Луизы подкосились ноги, она упала на траву и разрыдалась, отчасти — от облегчения. Ральф упал рядом с ней, но тут же заставил себя принять сидячее положение. Он смотрел в сторону Общественного центра, где уже бушевал пожар. Багровая шишка размером с дверную ручку красовалась у него на

лбу, все-таки Эд хорошо его приложил. Левый бок все еще болел, но, наверное, это был сильный ушиб, а не перелом ребер.

[Луиза, с тобой все в порядке?]

Пару секунд она тупо смотрела на него, как будто не понимая, о чем он спрашивает, потом начала ощупывать свое лицо, шею и плечи. В этом было так много от «нашей Луизы», что Ральф невольно рассмеялся. Луиза улыбнулась ему в ответ.

[Похоже, что все в порядке. Я почти в этом уверена.]

[Что ты там делала?! Ты же могла погибнуть!]

Луиза, которая снова помолодела (Ральф решил, что не без помощи того бродяги), посмотрела ему в глаза.

[Может быть, я старомодная, Ральф, но если ты думаешь, что я собираюсь провести следующие двадцать лет трепеща и поминутно хлопаясь в обморок, как героини второго плана в тех романах, которые так обожает моя подруга Мина, то лучше тебе поискать себе другую женщину.]

Он сначала слегка обалдел от такой тирады, а потом помог ей подняться на ноги и обнял ее. Луиза тоже его обняла. Она была очень теплой, она была очень здешней. Ральф задумался было о сходстве бессонницы и одиночества — оба этих явления были коварными, они накапливались в душе и порождали разногласия с самим собой, это были друзья отчаяния и враги любви, — но тут же отбросил все измышления и поцеловал Луизу.

Клото с Лаксисом, которые стояли на вершине холма и наблюдали за ними с видом взволнованных работяг, которые поставили всю свою рождественскую премию на собачьи бои, разом сорвались с места и побежали к Ральфу с Луизой. А Ральф с Луизой стояли лицом к лицу, как два влюбленных подростка. Со стороны Пустошей доносился вой сирен — он становился все громче, как голоса в беспокойном сне. Столп огня, который стал памятником наваждению Эда Дипно, теперь был таким ярким, что на него невозможно было смотреть. Ральф слышал, как взрываются машины, и подумал о

своей машине, которая тоже была где-то там. Он подумал: и ладно, ничего страшного. Все равно он уже слишком стар, чтобы водить машину.

7

Клото: *[С вами все в порядке?]*

Ральф: *[Да. Луиза вытащила меня оттуда. Она спасла мне жизнь.]*

Лахесис: *[Да. Мы видели, как она вошла. Это был смелый поступок.]*

И непонятный, да, мистер Лахесис? — подумал Ральф. Вы это увидели и оценили... но я не думаю, чтобы вы поняли, почему она это сделала. Есть у меня подозрение, друзья мои, что идея спасения чьей-то жизни — пусть даже ценой своей собственной — для вас так же непостижима, как и любовь.

В первый раз Ральфу стало по-настоящему жалко этих маленьких лысых докторов. Он понял всю иронию их существования: они знали, что краткосрочники, жизнями которых они распоряжались, живут очень богатой внутренней жизнью, и эта жизнь была им неподвластна, они не понимали эмоций, которые управляют людьми, и поступков — иногда благородных, иногда просто глупых, — которые совершают люди под воздействием этих эмоций. Мистер Клото и мистер Лахесис изучали свой опыт общения с краткосрочниками, как богатые, но трусливые англичане Викторианской эпохи изучали карты, которые отважные путешественники и исследователи привозили из экспедиций, причем зачастую эти экспедиции спонсировались теми же самыми трусливыми богачами. Своими наманикюренными ногтями состоятельные филантропы водили по бумажным рекам, по которым они никогда не плавали, и по бумажным джунглям, где они никогда не были и не будут. Они жили в испуганном недоумении и довольствовались только воображением.

Клото и Лахесис использовали их с Луизой с жесткой уверенностью в необходимости таких действий, но они не могли

понять ни ощущений, которые появляются, когда ты рискуешь буквально всем, ни горечи потерь; самым сильным из доступных им чувств был страх, что Ральф с Луизой попытаются разобраться с Эдом Дипно — дрессированной зверушкой Кровавого Царя — напрямую, и тогда их прибьют, как мух. Маленькие лысые доктора прожили очень долгие жизни, но почему-то Ральф был уверен, что, несмотря на яркие ауры, похожие на переливчатых стрекоз, на самом деле их жизни были уныло-серыми. Он посмотрел на их гладкие, странно детские лица и вспомнил, как он испугался, когда увидел их в первый раз — на крыльце дома Мэй Лочер тем утром. Но теперь он уже их не боялся. Совсем не боялся.

Клото с Лахесисом были явно встревожены и смущены, но Ральф вовсе не собирается их успокаивать. Ему почему-то казалось правильным, что они себя чувствуют именно так.

Ральф: *[Да, она очень храбрая, и я ее очень люблю, и я думаю, что мы будем жить счастливо до тех пор, пока...]*

Тут он замолчал, и Луиза беспокойно зашевелилась у него в объятиях. Только теперь он понял, что она почти спала. Это его умилило и слегка рассмешило.

[До тех пор, пока — что, Ральф?]

[До тех пор, пока — как бы ты это ни назвала. Я думаю, что если ты краткосрочник, у тебя всегда есть какое-нибудь до тех пор, пока, и может быть, это не так уж плохо.]

Лахесис: *[Ну, я думаю, это значит, что пора прощаться.]*

Ральф невольно усмехнулся, это напомнило ему радиопередачу «Одинокый странник», где почти каждый выпуск заканчивался именно этими словами. Он протянул руку Лахесису и искренне развеселился, когда увидел, что маленький человек отшатнулся от него.

Ральф: *[Подождите минутку, ребята. Зачем так спешить?]*

Клото, явно ожидая чего-то неприятного: *[Что-то не так?]*

[Да нет, все так. Но после того, как мне саданули по голове и по боку и я еще каким-то образом умудрился выжить, мне кажется, у меня есть право удостовериться в том, что все дей-

ствительно в порядке. Правильно? Ваш мальчик теперь в безопасности?]

Клото, улыбаясь и с явным облегчением: *[Да. Разве вы сами этого не чувствуете? Через восемнадцать лет, перед смертью, этот мальчик спасет жизнь двум людям, которые иначе погибли бы... а один из этих людей не должен погибнуть, иначе равновесие между Случайностью и Предопределенностью вновь пошатнется.]*

Луиза: *[Да черт с ним, с этим вашим равновесием. Я вот что хочу знать: теперь мы сможем вернуться к своей обычной краткосрочной жизни или нет?]*

Лаксисис: *[Не просто сможете, вы должны будете это сделать. Если вы с Ральфом еще немного пробудете здесь, вы уже не сможете спуститься.]*

Ральф почувствовал, как Луиза крепче прижалась к нему.

[Мне бы этого не хотелось.]

Клото с Лаксисисом удивленно переглянулись: «Как может кому-то не нравиться здесь?!» — говорил этот взгляд — и вновь повернулись к Ральфу с Луизой.

Лаксисис: *[Нам действительно пора. Мне очень жаль, но...]*

Ральф: *[Подождите, соседюшки... пока вы еще никуда не уходите.]*

Они удивленно посмотрели на него, а Ральф медленно закатал рукав — он был запачкан какой-то жидкостью, может быть, кровью Царь-Рыбы, но об этом ему не хотелось даже думать, — открыв белый шрам на руке.

[И не надо на меня так смотреть. Я просто хотел вам напомнить, что вы дали мне слово. Чтобы вы не забыли.]

Клото, с явным облегчением: *[Можешь на нас положиться, Ральф. То, что было твоим оружием, теперь стало нашим обязательством. Мы дали слово, и мы его сдержим.]*

Только теперь Ральф поверил, что все закончилось. И пусть это звучит как безумие, но какая-то его часть сожалела об этом. Теперь его настоящая жизнь — жизнь на нижних уровнях — уже казалась ему нереальной, и он понял, почему Лаксисис сказал,

что если они пробудут тут еще немного, то не смогут вернуться к себе, к нормальной жизни.

Лахесис: *[Нам действительно пора. Прощайте, Ральф и Луиза. Мы никогда не забудем того, что вы для нас сделали.]*

Ральф: *[Можно подумать, у нас был выбор. Или все-таки был?]*

Лахесис, очень мягко: *[Мы же сказали вам, разве не так? У краткосрочников всегда есть выбор. Нас это пугает... но это, наверное, прекрасно.]*

Ральф: *[Скажите, ребята, вы вообще пожимаете руки?]*

Клото с Лахесисом испуганно переглянулись, и Ральф почувствовал, что между ними опять происходит какой-то телепатический диалог. Когда они повернулись обратно к Ральфу, у них на лицах застыли одинаковые нервные улыбки — улыбки мальчишек, которые решили, что, если они не прокатятся на высоких американских горках, они никогда не станут настоящими мужчинами.

Клото: *[Разумеется, мы много раз наблюдали этот ритуал, но нет... мы никогда никому не жимали рук.]*

Ральф взглянул на Луизу и увидел, что она улыбается... но ему показалось, что у нее в глазах стоят слезы.

Сначала он протянул руку Лахесису, поскольку мистер Лахесис был явно решительнее своего коллеги.

[Дай пять, мистер Лахесис.]

Лахесис так долго смотрел на протянутую руку Ральфа, что ему уже начало казаться, что Лахесис так и не решится, хотя было видно, что ему очень хочется. Потом, очень медленно и осторожно, он протянул Ральфу свою маленькую ручку и позволил ему ее пожать. Когда их ауры соприкоснулись и перемешались, Ральф испытал странное ощущение... а в переплетении аур он увидел причудливые серебристые узоры, похожие на иероглифы на шарфе Эда Дипно.

Он дважды встряхнул руку Лахесиса, неторопливо и важно, а потом отпустил ее. Испуганный взгляд Лахесиса сменился широкой улыбкой. Он повернулся к своему партнеру.

[Его сила почти без защиты во время этой церемонии! Я почувствовал это! И это прекрасно!]

Клото протянул Ральфу руку, и за миг до того, как их руки встретились, закрыл глаза, как человек в ожидании укола. Лахесис тем временем обменялся рукопожатиями с Луизой. При этом он широко улыбался, как танцор водевиля, выходящий на бис.

Клото как будто справился с собой. Он взял руку Ральфа и твердо пожал ее один раз. Ральф усмехнулся.

[Расслабьтесь, мистер. Помните, как в том анекдоте?]

Клото отпустил его руку. Казалось, он пытается придумать достойный ответ.

[Спасибо, Ральф. Я постараюсь не напрягаться. Правильно?]

Ральф рассмеялся. Клото, который теперь повернулся, чтобы пожать руку Луизе, удивленно улыбнулся, и Ральф похлопал его по плечу.

[Вы все правильно поняли, мистер Клото. Очень правильно.]

Ральф обнял Луизу и в последний раз посмотрел на маленьких лысых докторов.

[Мы ведь еще увидимся, правда, ребята?]

Клото: *[Да, Ральф.]*

Ральф: *[Ну ладно. Еще лет семьдесят мне вполне хватит, запишите это в свой ежедневник, ладно?]*

Они ответили ему улыбками профессиональных политиканов, что его не особенно удивило. Ральф кивнул им и обнял Луизу за плечи. Они вместе смотрели, как мистер Клото и мистер Лахесис медленно спускаются по холму. Лахесис открыл дверь слегка покосившегося мужского туалета, Клото встал на пороге открытого женского. Лахесис улыбнулся и помахал рукой. Клото отсалютовал ножницами.

Ральф с Луизой помахали в ответ.

Лысые доктора зашли внутрь и закрыли за собой двери.

Луиза вытерла мокрые глаза и повернулась к Ральфу.

[Это все? Совсем все?]

Ральф кивнул.

[И что нам теперь делать?]

Он протянул ей руку.

[Разрешите проводить вас домой, мадам?]

Улыбаясь, она взяла его под руку.

[Благодарю вас, сэр. Разрешаю.]

Они так и вышли из Строуфорд-парка, постепенно спускаясь на уровень краткосрочников, и к тому времени, когда дошли до Харрис-авеню, они уже вернулись на свое привычное место в схеме бытия — и заметили это только тогда, когда все закончилось.

Дерри захлебывался всеобщей паникой и наслаждался собственным возбуждением. Выли сирены, люди кричали с верхних этажей домов, пытались найти друзей и знакомых на улицах внизу, и на каждом углу собиралась толпа, чтобы поглазеть на пожар на другой стороне долины.

Ральф с Луизой не обращали внимания на толпы и суету. Они медленно шли по улице, и волновало их только одно — безмерная усталость, которая, казалось, упала в них, как мешки с песком, мягко, но тяжело. Пятно яркого света на парковке у «Красного яблока» казалось бесконечно далеким, хотя Ральф знал, что до магазина осталось всего три дома, причем не длинных.

В довершение ко всему на улице сильно похолодало, дул сильный ветер, а они были одеты совершенно не по погоде. Ральф решил, что это первые признаки настоящей осени и что бабье лето в Дерри закончилось.

Фэй Чапин, Дон Визи и Стэн Элбери шли им навстречу, направляясь, очевидно, к Строуфорд-парку. Полевой бинокль, который Дон Визи иногда использовал, чтобы наблюдать за тем, как взлетают и приземляются самолеты, теперь болтался на шее у Фэя. Лысеющий тяжеловесный Дон шагал в центре, и все это наводило на мысли о другом, более знаменитом трио. Три всадника Апокалипсиса, второй состав, подумал Ральф и усмехнулся.

— Ральф! — воскликнул Фэй. Он дышал тяжело, почти задыхался. Ветер задувал ему волосы в глаза, и он раздражен-

но откидывал их обратно. — Чертов Общественный центр взорвался! Кто-то разбомбил его с самолета! Мы слышали, что погибла целая тысяча человек!

— Я слышал то же самое, — серьезно ответил Ральф. — На самом деле мы с Луизой только что были в парке, как раз наблюдали. Оттуда все замечательно видно.

— Господи, а то я не знаю. Я прожил тут всю свою чертову жизнь, если ты вдруг запамятовал. Куда, по-твоему, мы идем? Давайте присоединяйтесь!

— Мы с Луизой решили пойти домой, чтобы посмотреть, что говорят по телевизору. Может быть, мы подойдем к вам попозже.

— Ладно, мы... святые угодники, Ральф, что ты сделал со своей головой?

На мгновение Ральф растерялся — что он сделал со своей головой? — а потом в памяти всплыли сумасшедшие глаза и оскаленный рот Эда Дипно. О нет, нет, кричал Эд. Ты все испортишь.

— Мы бежали, чтобы успеть посмотреть, и Ральф врзался в дерево, — сказала Луиза. — Ему еще повезло, что он не попал в больницу.

Дон рассмеялся, но у него было лицо человека, который явно рассчитывал на что-то большее. Фэй вообще не обращал на них внимания. А вот Стэн обратил, и он почему-то не смеялся. Он смотрел на них с озадаченным любопытством.

— Луиза, — сказал он.

— Что?

— Ты знаешь, что у тебя к запястью привязан тапочек?

Она посмотрела на свою руку, потом подняла глаза и ода-рила Стэна лучезарной улыбкой.

— Да! — сказала она. — Забавно выглядит, правда? Что-то вроде... браслета с подвесками в натуральную величину!

— Ну да, — сказал Стэн. — Конечно. — Но он уже не смотрел на тапочек, теперь он внимательно изучал лицо Луизы. Ральфу было очень интересно, как они станут объяснять

свой цветущий вид завтра, когда не будет тени, скрывающей их лица.

— Ладно! — нетерпеливо воскликнул Фэй. — Пойдемте уже!

Они пошли дальше своей дорогой (Стэн на ходу оглянулся и еще раз с сомнением посмотрел на них). Ральф прислушался, почти ожидая, что Дон Визи скажет какую-нибудь гадость.

— Боже мой, это звучало так тупо, — сказала Луиза. — Но надо же было хоть что-то ответить.

— Все в порядке.

— Стоит мне открыть рот, и я обязательно брякну какую-нибудь глупость, — сказала она. — Это один из моих величайших талантов. А всего у меня их два. Второй талант состоит в том, что я могу подчистую умять большую коробку шоколадных конфет за два часа, пока смотрю фильм. — Она отвязала от руки тапочек Элен. — С ней все в порядке, правда?

— Да. — Ральф протянул руку за тапочком и только тогда сообразил, что у него в руке уже что-то есть. Он так долго сжимал кулак, что пальцы совсем онемели. Когда ему наконец удалось разжать руку, он увидел следы от ногтей, впившихся в ладонь. То, чего он боялся, все-таки произошло: его обручальное кольцо было на месте, а вот кольцо Эда исчезло. Оно идеально ему подходило, но в какой-то момент все равно соскользнуло с пальца.

А может, и нет, прошептал голос, и Ральф удивился тому, что на этот раз это была не Каролина. Теперь это был голос Билла Макговерна. Может быть, оно просто исчезло. Пшик — и все.

Но он так не думал. Он был уверен, что обручальное кольцо Эда было наделено некоей силой, которая совершенно не обязательно должна была погибнуть вместе с Эдом. Кольцо, которое нашел Бильбо Бэггинс и затем отдал своему племяннику Фродо, могло исчезать и появляться... по собственной воле. Может быть, кольцо Эда было таким же волшебным.

Но прежде чем он успел развить эту мысль, Луиза всунула ему в руку тапочек Элен и забрала то, что держал в руке Ральф.

Какую-то скомканную бумажку. Она разгладила ее, чтобы посмотреть. Ее лицо стало очень серьезным.

— Я помню эту фотографию, — сказала она. — Большая висела в рамке у них в гостиной, в хорошей позолоченной рамке. Гордость дома.

Ральф кивнул.

— А эту, маленькую, он, наверное, носил в бумажнике. Она была у него на приборной панели. Пока я не взял ее, он меня бил, ничтоже сумняшеся. А когда я забрал фотографию, он забыл про Общественный центр, про все на свете забыл — бросился ее отнимать. Последнее, что он сказал, было: «Отдай их обратно, они мои».

— Он с тобой говорил, когда это сказал?

Ральф запихнул тапочек в задний карман и покачал головой:

— Нет, по-моему, нет.

— Элен была сегодня в Общественном центре, да?

— Да. — Ральф подумал о том, какой она была в Хай-Ридже: бледное лицо и слезящиеся от дыма глаза. «Если они остановят нас сейчас, значит, они победили, — сказала она. — Неужели ты не понимаешь?!»

И теперь он таки понял.

Он забрал фотографию у Луизы, снова скомкал ее и пошел к урне на углу Харрис-авеню и Коссут-лэйн.

— Мы попросим у них другую их фотографию, которую сможем держать у себя на каминной полке. Что-нибудь менее официальное. Эта... я не хочу, чтобы она была у меня.

Он бросил плотный бумажный шарик в урну — простой бросок, максимум два фута до кольца, — но именно в этот момент подул ветер, и смятое фото Элен и Натали, которое Ральф снял с приборной панели в самолете у Эда, улетело, подхваченное холодным восходящим потоком. Ральф с Луизой зачарованно наблюдали за тем, как фотография улетала в небо. Луиза первой отвела взгляд. Она посмотрела на Ральфа с легкой улыбкой.

— Ты действительно сделал мне предложение или мне померещилось из-за усталости?

Он открыл было рот, чтобы ответить, но в этот момент очередной порыв ветра заставил его зажмуриться. Когда он открыл глаза, Луиза уже шла к дому.

— Все может быть, Луиза, — сказал он. — Теперь я это знаю точно.

Минут пять спустя они уже были у дома Луизы. Она открыла входную дверь,пустила Ральфа и плотно закрыла дверь, отгородив их от ветреной вздорной ночи. Он прошел за ней в гостиную, и остановился бы там, но Луиза не колебалась. Все еще держа его за руку, но не волоча его за собой (хотя, может быть, и поволокла бы, если бы он вздумал сопротивляться), она повела его в спальню.

Он посмотрел на нее. Луиза, похоже, уже успокоилась и пришла в себя... и вдруг он снова почувствовал в голове уже ставшую привычной вспышку. Аура Луизы расцвела, словно серая роза. Она была все еще истощенной, но уже наливалась цветом, создавала себя и даже, наверное, излечивала.

[Луиза, ты уверена в том, что ты этого хочешь, и в том, что ты хочешь именно этого?]

[Конечно! Ты что, думал, что я поглажу тебя по головке и отправлю домой после всего, что мы пережили вместе?!]

Вдруг она улыбнулась — хитрой и озорной улыбкой.

[К тому же, Ральф, неужели сегодня ты еще в настроении всю ночь кувыркаться в кровати? Скажи мне правду, и не надо мне льстить.]

Он обдумал ее слова, а потом рассмеялся и обнял ее. Ее губы были сладкими и слегка влажными, как кожица спелого персика. Поцелуй, казалось, прошел по всему его телу, но сильнее всего странное ощущение было все-таки во рту; такое впечатление, что через него пропустили электрический ток. Когда поцелуй закончился, он почувствовал себя возбужденным, как никогда... но одновременно и странно опустошенным.

[А что, если я скажу «да», Луиза? Что, если я скажу, что хочу куваться в постели всю ночь, и может быть, даже дольше?]

Она отстранилась и критически смерила его взглядом, как будто пытаясь решить, правду он говорит или просто храбрится. Одновременно с этим ее руки потянулись к пуговицам на платье. Когда Ральф принялся их расстегивать, он вдруг заметил странную вещь: Луиза вновь выглядела моложе. Не на сорок, конечно, но на пятьдесят — точно, и это были такие пятьдесят... Разумеется, это все из-за их поцелуя, и самое интересное, она, похоже, даже не осознавала, что только что сделала — помогла себе им, если так можно сказать, как раньше помогла себе тем бродягой. И что в этом плохого, собственно говоря?

Она подалась вперед и поцеловала его в щеку.

[Я думаю, для ночных забав у нас еще будет достаточно времени, Ральф. А сегодня мы будем спать, просто спать.]

Он решил, что она абсолютно права. Еще пять минут назад ему очень хотелось заняться с ней любовью — ему всегда очень нравилось это занятие, и с ним давно уже этого не случалось. Однако сейчас возбуждение прошло. И Ральф совсем не жалел об этом. Он знал, куда оно делось.

Луиза пошла в ванную и включила душ. Пару минут спустя Ральф услышал, как она чистит зубы. Было приятно знать, что они у нее еще есть. Следующие минут десять он занимался нелегким процессом раздевания, в чем ему сильно мешали ноющие ребра. Он все-таки умудрился стянуть с себя свитер Макговерна и ботинки. Дальше была рубашка, а пока Ральф безуспешно боролся с ремнем, Луиза вышла из ванной с зачесанными назад влажными волосами и сияющим лицом. Ральф был заворожен ее красотой и почему-то вдруг почувствовал себя слишком массивным и глупым (не говоря уже о том, что старым) для такого везения. На ней была длинная розовая ночнушка, и он чувствовал запах молочка, которым она мазала руки. Это был очень приятный запах.

— Дай лучше я, — сказала она и быстро расстегнула ремень, прежде чем Ральф успел возразить. В этом не было ничего от эротики — просто привычные действия женщины, которой приходилось ежедневно раздевать и одевать мужа весь последний год его жизни.

— Мы снова спустились, — сказал он. — На этот раз я даже и не заметил, как это произошло.

— Я заметила, когда была в ванной. На самом деле я была рада. Мыть волосы сквозь ауру — это как-то не очень удобно.

Снаружи бесновался ветер, он сотрясал дом и глухо выл в водосточной трубе. Они посмотрели в окно, и хотя они уже спустились на уровень краткосрочников и не могли читать мысли друг друга, Ральф был уверен, что Луиза думает о том же, о чем и он: об Атропосе, который сейчас был где-то там, в ветреной ночи, без сомнения, сильно разочарованный тем, как все обернулось, подавленный, истекающий кровью, но все-таки непокоренный — он проиграл, но не вышел из игры. Теперь они могут его называть Одноухим Приятелем, подумал Ральф и невольно вздрогнул. Он представил себе, как Атропос пронесится через испуганную, взволнованную толпу, словно взбесившийся астероид, оглядываясь и прячась, крадя сувениры и обрезая веревочки... другими словами, находя утешение в любимой работе. Ральф вдруг поймал себя на том, что сам уже почти не верит в то, что он сидел на этом существе и резал его скальпелем, причем его же собственным скальпелем. И откуда только смелость взялась? — подумал он, но, разумеется, он знал откуда. Вся его смелость крылась в двух бриллиантовых серьгах, которые носил этот маленький монстр. Интересно, понял ли Атропос, что эти сережки стали его самой большой ошибкой. Скорее всего нет. Судя по всему, Док номер три разбирался в человеческих побуждениях еще хуже, чем Клото с Лаксисом.

Он повернулся к Луизе и взял ее руки в свои.

— Я опять потерял твои сережки. Но на этот раз они действительно пригодились. Извини.

— Не извиняйся. Я их уже потеряла однажды, правильно? То есть я с ними уже распрощалась. И я больше не беспокоюсь о Гарольде с Джен, потому что теперь у меня есть друг, который поможет мне и защитит, если что. Правильно?

— Да. Разумеется.

Она обняла его, легонько прижала к себе и снова поцеловала. Луиза замечательно целовалась. Она не забыла, как это делается, и умела она очень многое, как оказалось.

— Давай иди в душ.

Ральф хотел было возразить, что уснет, как только засунет голову под теплую воду, но тут Луиза сказала еще кое-что, что кардинально изменило его решение.

— И не возражай. Ты очень странно пахнешь, особенно твои руки. Так пахло от моего брата Вика, когда он целый день чистил рыбу.

Две минуты спустя Ральф уже был в душе и отчаянно тер руки мочалкой с мылом.

10

Когда он вышел из ванной, Луиза уже лежала в постели под двумя теплыми одеялами. Она укрылась почти с головой, так что было видно только лицо, да и то, если присмотреться. Ральф поспешно прошел через комнату, поскольку был в одних кальсонах и жутко стеснялся своих тощих ног и брюшка. Он откинул одеяло и быстро нырнул под него, поеживаясь, когда холодные простыни касались его тела.

Луиза пододвинулась к нему и обняла. Он зарылся лицом ей в волосы и наконец позволил себе расслабиться. Это было просто замечательно — лежать в обнимку с Луизой под теплыми одеялами, когда за окном воеет обезумевший ветер, сотрясая стекла. На самом деле это и есть настоящий рай.

— Слава Богу, что у меня в кровати мужчина, — сонно сказала Луиза.

— Слава Богу, что это я, — ответил Ральф, и она рассмеялась.

— Как твои ребра? Может, дать тебе аспирина?

— Нет. Я уверен, что утром они опять разболятся, но сейчас все прошло, наверное, из-за горячей воды. — Упоминание о том, что может случиться или не случиться утром, навело его на одну мысль — ту, которая уже очень долго ждала своей очереди у него в голове. — Луиза?

— М-м-м?

Ральфу представилось, как он просыпается посреди ночи, вокруг темно, он очень устал, но совершенно не хочет спать (и это есть, без сомнения, один из самых жестоких парадоксов в мире), а цифры на электронных часах только что поменялись с 3.47 на 3.48. Ночь души человеческой Фицджеральда, когда каждый час кажется таким долгим, что можно успеть построить Великую пирамиду Хеопса.

— Как ты думаешь, мы сегодня уснем? — спросил он.

— Да, — уверенно проговорила она. — Я думаю, что мы будем спать как убитые.

И буквально пару секунд спустя Луиза своим примером доказала свою правоту.

||

Ральф не спал еще, может быть, пять минут — просто лежал, обнимая ее, вдыхая чудесный запах ее кожи, наслаждаясь ощущением гладкого тонкого шелка у себя под руками, удивляясь скорее своему теперешнему положению, а не тем фантастическим событиям, которые привели его в этот дом, в эту постель. Его наполняло какое-то очень глубокое и одновременно очень простое чувство — то, которое можно узнать, но нельзя назвать, может быть, потому, что он уже очень давно не испытывал этого чувства.

За окном все также бушевал ветер, завывая в трубах, как сумасшедший волынщик, а Ральф думал о том, что в жизни нет ничего лучше, чем просто лежать в мягкой кровати, обнимая спящую женщину, когда за окном воет осенний ветер.

Нет, все-таки есть одна вещь, которая лучше — по крайней мере на данный конкретный момент. Ощущение, что ты засыпаешь, уплываешь в потоке неведомого, как каноэ отплывает от пристани по широкой неторопливой реке ярким летним днем.

Из всего, что составляет наши краткосрочные жизни, сон — это самое лучшее, подумал Ральф.

Ветер опять заревел снаружи (теперь казалось, что этот звук идет откуда-то издалека), и Ральф почувствовал, как течение великой реки уносит его с собой, и понял, что это за чувство, которое не покидало его с тех пор, как Луиза обняла его и уснула, быстро и доверчиво, как ребенок. У этого чувства есть много разных названий — умиротворение, спокойствие, удовольствие, — но сейчас, когда за окном дул ветер и Луиза мирно посапывала у него в объятиях, Ральфу казалось, что это одно из тех редких состояний духа, которое невозможно определить словами: текстура, аура, возможно, весь уровень существования на этом срезе бытия. Это был мягкий красновато-коричневый цвет покоя; это была тишина, которая следует за выполнением очень тяжелого, но и очень важного задания.

Когда ветер снова завыл, разнося звук сирен откуда-то издалека, Ральф этого уже не услышал. Он уснул. В ту ночь ему снилось, что он вставал, чтобы сходить в туалет, хотя это мог быть и не сон. Еще ему снилось, что они с Луизой занимались любовью, но это тоже мог быть и не сон. Если были еще какие-то сны или моменты пробуждения, то он их просто не запомнил, и самое главное: он не проснулся в три или четыре часа утра, чтобы промаяться бессонницей до рассвета. Они проспали — иногда порознь, но чаще обнявшись — до семи часов вечера в субботу, то есть около двадцати двух часов.

Луиза сделала завтрак на закате — великолепные пышные вафли, бекон, домашняя выпечка. Пока она готовила, Ральф попытался напрячь в сознании тот потаенный мускул... или что это было, что вызывало вспышку и смещение восприятия. Но у него ничего не вышло. Когда попыталась Луиза, у нее тоже

не получилось, хотя Ральф мог поклясться, что в какой-то момент она сделалась полупрозрачной.

— Может, оно и к лучшему, — сказала она, ставя тарелки на стол.

— Да, наверное, — согласился Ральф, но у него было такое чувство, как будто он потерял не то кольцо, которое забрал у Атропоса, а то, которое подарила ему Каролина, — как будто какая-то маленькая, но очень важная часть его жизни просто укатилась прочь, звеня и поблескивая золотом.

12

После двух ночей беспробудного сна ауры начали таять. В течение следующей недели они исчезли совсем, и Ральфу иной раз казалось, что, может быть, на самом деле ничего и не было, что все это было лишь сном — очень долгим и очень странным. Он знал, что это не так, но одно дело — знать, а другое — верить. А верить с каждым днем было все сложнее. Да, у него на руке по-прежнему красовался шрам, идущий от локтя к запястью, но, вполне может быть, этот шрам он заработал сто лет назад, когда у него еще не было седины в волосах и когда он искренне верил, что старость — это всего лишь миф, или сон, или что-то такое, что случается только с другими, а с тобой — никогда.

ТИБАЮТ ЧАСИКИ СМЕРТИ

Стивен Добинс. «Погоня»

Майкл МакДермотт. «Фонарь»

1

торого января 1994 года Луиза Чесс стала Луизой Робертс. Ее сын, Гарольд, был посаженным отцом. Жена Гарольда не смогла приехать, она осталась в Бангоре, сославшись на болезнь, которую Ральф назвал острым воспалением хитрости.

Он оставил свои подозрения при себе, однако нельзя было сказать, что его огорчило отсутствие Джен Чесс на свадьбе. Свидетелем со стороны жениха был детектив Джон Лейдекер, который все еще ходил в гипсе на правой руке, но, кроме этого, ничто больше не напоминало о том злополучном дне, когда он чуть не погиб. Лейдекер четыре дня провалялся в коме, но он знал, как ему повезло — в отличие от того полицейского, который стоял рядом с ним в момент взрыва. В тот день шесть полицейских погибли, из них двое были из группы Лейдекера.

Подружкой невесты была ее подруга по жизни, Симона Кастонгвай, а первый тост на свадебном обеде произнес Джо Вайзер. Триггер Вашон выдал корявую, но очень искреннюю и проникновенную речь, которая заканчивалась словами: «Шобы эти двое жили аж до ста пятидесяти и никогда не страдали от ревматизму или запору!»

Когда Ральф с Луизой вышли из банкетного зала — у них в волосах все еще было полно риса; Фэй Чапин и остальные старпе-

ры с Харрис-авеню постарались на славу, — к ним подошел старик с книгой в руке и всклокоченными белыми волосами, которые развевались на ветру. Его лицо сияло широченной улыбкой.

— Поздравляю, Ральф, — сказал он. — Поздравляю, Луиза.

— Спасибо, Дор, — сказал Ральф.

— А ты почему не пришел на банкет? — спросила Луиза. — Ты разве не получил приглашение? Фэй сказал, что он тебе все передал.

— Да, он мне передал. Но я не посещаю подобные мероприятия, если они проходят внутри помещения. Слишком это тяжело. А похороны еще хуже. Вот, это вам. Я ее не подписал — пальцы совсем от артрита не гнутся.

Ральф взял книгу. Это был сборник стихов под названием «Совпавшие звери». Имя поэта, Стивен Добинс, почему-то заставило его вздрогнуть, но он не смог понять, в чем причина.

— Спасибо, — сказал он Доррансу.

— Это не так хорошо, как его поздние работы, но все равно хорошо. Добинс — это всегда хорошо.

— Мы будем читать их друг другу во время медового месяца, — сказала Луиза.

— Очень правильное время для того, чтобы читать стихи, — сказал Дорранс. — Может быть, даже самое правильное. Я уверен, вы будете счастливы вместе.

Он развернулся, чтобы уйти, но потом обернулся к ним.

— Вы хорошо постарались. Долгосрочники очень довольны. С тем он и ушел.

Луиза озадаченно посмотрела на Ральфа.

— О чем это он? Ты что-нибудь понял?

Ральф покачал головой. Он не знал, совершенно точно не знал, но почему-то чувствовал, что должен знать. Шрам у него на руке вдруг как будто нагрелся. Такое иногда случалось — ощущение, похожее на чесотку, только где-то внутри.

— Долгосрочники, — задумчиво проговорила Луиза. — Может быть, он имел в виду нас, а, Ральф? В конце концов мы уже далеко не свежавылупившиеся цыплята, правильно?

— Может быть, именно это он и имел в виду, — согласился Ральф, но ему почему-то казалось, что Дор говорил о другом... и глаза Луизы говорили о том, что и она это знает.

В тот самый день, когда Ральф с Луизой произносили слова: «Да, я согласен/согласна», попрошайка с ярко-зеленой аурой — тот, у которого и вправду был дядя в Декстере, хотя он и не видел своего алкаша-раздолбая-племянника уже пять лет, если не больше — брел по Строуфорд-парку, жмурясь от яркого снега, ослепительно блестящего на солнце. Как обычно, он собирал пустые бутылки и банки. Главное, чтобы хватило на пинту виски — этого будет вполне достаточно, — хотя пинта вина «Ночной поезд» его бы тоже вполне устроила.

Он заметил яркий отблеск металла на снегу рядом с мужским туалетом. Может быть, это просто солнце отразилось от бутылочной пробки, но такие вещи надо проверять. Это мог быть четвертак... хотя отблеск был золотистым. Он...

— Святой Иуда, — воскликнул пьянчужка, поднимая с земли обручальное кольцо. Оно было широкое и наверняка золотое. Он рассмотрел его повнимательнее и увидел на внутренней стороне гравировку: ЭД — ЭД, 8-5-87.

Пинта. Да какая, к черту, пинта?! Эта штучка потянет на целую квартиру. Даже на несколько квартир. Может быть, этого хватит вообще на неделю.

Переходя улицу на перекрестке Витчам и Джексон — это было то самое место, где Ральф однажды чуть не упал в обморок, — бродяга не заметил приближающийся автобус. Водитель увидел его и ударил по тормозам, но из-под колес вылетел кусок льда.

Бродяга так и не узнал, что его ударило. Он раздумывал, что лучше взять — «Старую ворону» или «Старого деда», — а потом вдруг провалился в темноту, ту самую, что поджидает всех нас. Кольцо упало в канаву и исчезло в канализационной трубе, где и осталось очень надолго. Но не навсегда. В Дерри все, что исчезает в канализационных трубах, имеет неприятную привычку когда-нибудь находиться.

Ральф с Луизой жили счастливо, но, конечно, не вечно.

В мире краткосрочников вообще нету никаких «вечно» — к счастью, или к несчастью, — и Клото с Лахесисом прекрасно об этом знали. Ральф с Луизой действительно жили счастливо, но это длилось очень недолго. Никто из них не говорил друг другу, что это были самые счастливые годы в их жизни, потому что они оба помнили своих первых супругов и вспоминали о них с любовью и нежностью, но в глубине души они и вправду считали годы, прожитые вместе, самыми счастливыми. Ральф вовсе не был уверен в том, что последняя любовь — самая яркая, но он твердо верил, что она — самая добрая и спокойная.

«Наша Луиза» — частенько говаривал он. И смеялся. Луиза делала вид, что сердится, но именно делала вид; она же видела, как он на нее смотрит, когда произносит эти слова.

В первое рождественское утро их совместной жизни (они переехали в маленький домик Луизы, а дом Ральфа выставили на продажу) Луиза подарила ему щенка гончей.

— Она тебе нравится? — спросила она с беспокойством в голосе. — Я не хотела ее покупать, милая Эбби говорит, что нельзя дарить домашних животных, но она выглядела так мило в витрине зоомагазина... и она была такая грустная. Если она тебе не понравилась или ты просто не хочешь возиться с ней и вытирать за ней лужи, то так и скажи. Мы найдем, кому...

— Луиза, — перебил ее Ральф, пытаясь саркастически приподнять брови в духе Билла Макговерна, — ты захлебываешься словами.

— Да?

— Ага. Ты всегда так разговариваешь, когда нервничаешь, но сейчас я не вижу причин для нервов. Мне она очень нравится. Я ее уже обожаю. — И это была чистая правда. Он почти сразу влюбился в этого черно-коричневого щенка.

— Как мы ее назовем? — спросила Луиза. — Есть какие-нибудь идеи?

— Разумеется, — сказал Ральф. — Розали.

Следующие четыре года были хорошими и счастливыми и для Элен и Натали Дипно. Какое-то время они скромно жили в квартире в муниципальном доме в восточной части города, поскольку зарплата библиотекаря не позволяла особенно шиковать. Они продали дом на Харрис-авеню, но почти все деньги ушли на оплату счетов. А потом, в июне 1994-го, Элен неожиданно получила страховку... только у этой неожиданности было вполне определенное имя. Джон Лейдекер.

Сначала Большая Восточная страховая компания отказалась выплачивать страховку за жизнь Эда Дипно, потому что, как им казалось, это было самоубийство. Но потом — после долгих разговоров и перепирательств — они все-таки выплатили Элен солидную сумму, благодаря стараниям Говарда Хаймана, хорошего приятеля и партнера по картам Джона Лейдекера. Когда Хайман не резался в покер, он работал адвокатом и находил несказанное удовольствие в том, чтобы выигрывать дела у страховых компаний.

Лейдекер снова встретился с Элен у Ральфа с Луизой в феврале 1994-го и был просто ею очарован («Это была не совсем любовь, — говорил он потом Ральфу с Луизой. — Хотя, учитывая, как все сложилось, может быть, и совсем»). Он представил ее Хайману, потому что ему показалось, что страховая компания хочет ее надуть, мягко говоря. «Он был не просто самоубийцей, он был сумасшедшим», — сказал он тогда и еще долго придерживался этой точки зрения, даже после того, как Элен вручила ему его шляпу и указала на дверь.

После грандиозного шоу, в котором Говард Хайман грозил выставить Большую Восточную этаким злобным дяденькой, отнимающим леденцы у младенцев, Элен получила чек на семьдесят тысяч долларов. В конце осени 94-го она потратила большую часть этих денег на покупку дома на Харрис-авеню; он располагался всего в трех домах от ее предыдущего жилища — прямо напротив дома Хариет Бенниган.

— Я не была по-настоящему счастлива на восточной стороне, — сказала она однажды Луизе. Это было в ноябре, они шли из парка, и Натали сидела в своей коляске и мирно спала, ее присутствие выдавал только розовый кончик носа и морозный парок дыхания, вырывавшийся из-под большой лыжной шапки, которую Луиза связала ей самолично. — Я мечтала о Харрис-авеню. Безумство какое-то, правда?

— По-моему, мечты вообще не бывают безумными, — ответила Луиза.

Элен и Джон Лейдекер встречались почти все лето, но ни Ральф, ни Луиза особенно не удивились, когда этот роман закончился, сразу после Дня Труда, а может быть, еще раньше — когда Элен начала носить розовую треугольную булавку на своих строгих библиотечарских блузках с высоким воротником. Может быть, они не удивились потому, что были уже слишком старыми, чтобы вообще чему-либо удивляться, а может быть, на каком-то глубинном уровне они продолжали видеть ауры, которые приоткрывали им двери в потайной город скрытых намерений, затаенных мотивов и замаскированных планов.

5

Когда Элен вернулась обратно на Харрис-авеню, она стала обращаться к Ральфу с Луизой, чтобы они посидели с Натали, и им это очень нравилось. Для них Натали была тем ребенком, который мог бы появиться у них, если бы они поженились лет на тридцать раньше, и в самые холодные и самые пасмурные зимние дни им становилось теплее и светлее, когда Элен приводила к ним Натали, похожую на миниатюрную копию новогоднего дирижабля в ее ярко-розовом комбинезоне с варежками, свисавшими из рукавов. Она входила в прихожую и радостно сообщала:

— Привет, Яльф! Привет, Юиза! Я пришла к вам в гости!

В июне 1995-го Элен купила подержанный «вольво». На заднее стекло она прилепила наклейку с надписью: МУЖЧИНА НУЖЕН ЖЕНЩИНЕ, КАК РЫБЕ ЗОНТИК. Это тоже не

особенно удивило Ральфа, но всякий раз, когда он видел эту наклейку, ему становилось грустно. Иногда ему казалось, что самое неприятное из того, что осталось у Элен после Эда, как раз и было это высказывание — в сущности, горькое и совсем не смешное, — и когда Ральф его видел, он всегда вспоминал, как выглядел Эд в тот день, когда он шел бить ему морду от стоянки «Красного яблока». Как Эд сидел без рубашки под струями воды из поливалки. Как у него на очках краснели мелкие капельки крови. Как он наклонился вперед, глядя на Ральфа честными умными глазами, и сказал, что с глупостью можно мириться, но до определенных пределов.

И после этого все и началось, иногда думал Ральф. Он больше не помнил, что именно началось, хотя это, может быть, было и к лучшему. Однако провалы в памяти (если это были именно провалы в памяти) не поколебали его уверенности в том, что Элен гнусно обманули... что злая, на редкость злая, судьба привязала ей к хвосту консервную банку, а Элен даже не догадывается об этом.

6

Через месяц после того, как Элен купила себе «вольво», у Фэя Чапина случился сердечный удар — как раз в тот момент, когда он уселся составить предварительный список участников своего шахматного турнира. Его отвезли в городскую больницу, где он и умер несколько часов спустя. Ральф навестил его незадолго до смерти, и, когда он увидел номер на двери — 315, — его охватило ощущение полнейшего дежавю. Сначала он подумал, что это из-за того, что Каролина скончалась здесь же, на этом же этаже, только чуть дальше по коридору, а потом он вспомнил, что именно в этой палате умер Джимми Ви. Они с Луизой были у него перед тем, как он умер, и Ральфу казалось, что Джимми узнал их тогда, хотя он не мог быть уверен на сто процентов, его воспоминания о тех днях начинались с момента, когда он стал по-настоящему замечать Луизу, но и эти воспоминания были какими-то слишком расплывча-

тыми. Ему казалось, что тому сразу несколько причин: отчасти — любовь, отчасти — возраст, но основная причина — бессонница. После смерти Каролины он наслаждался ею в полном объеме, хотя потом она как-то сама по себе прошла, как всегда и бывает с такими вещами. И все же он был уверен, что *[здравствуйте, мужчина и женщина, мы вас ждали]*

в этой комнате происходило что-то очень необычное, и когда он взял сухую ослабшую руку Фэя и улыбнулся, глядя в его испуганные, изумленные глаза, ему в голову вдруг пришла странная мысль.

Они стоят там, в углу, и смотрят на нас.

Он огляделся по сторонам. Разумеется, в углу никого не было, но на мгновение... лишь на мгновение...

7

Жизнь в период между 1993 и 1998 годами была самой что ни на есть обычной для небольших городов типа Дерри. Свежие апрельские побеги приходили на смену октябрьским опадающим, в середине декабря в домах ставили новогодние елки и выбрасывали их на Пустоши через заднюю дверь в первую неделю января (на подсохших зеленых ветках висели остатки мишуры и серебристого дождика); новорожденные приходили в мир, старики уходили. Иногда уходили не только старики.

В Дерри прошло пять лет. Пять лет стрижек и завивок, бурь и студенческих балов, кофе и сигарет, обедов с бифштексами в Паркерс-Гроув и хот-догов на поле Маленькой Лиги. Мальчишки-девчонки влюблялись, пьяные вываливались из машин, короткие юбки вышли из моды. Люди перестилали крыши и обновляли дорожки в садах. Старые бездельники уходили на пенсию, новые устраивались на работу. Это была обыкновенная жизнь маленького городка — как правило, без особенных удовольствий, зачастую жестокая, скучная, иногда прекрасная и совсем редко веселая. Ничего, в сущности, не менялось, а время шло.

В начале осени 1996-го Ральф начал подозревать, что у него рак толстой кишки. Он все чаще и чаще замечал кровь в своем

стуле, и когда все же решился пойти к доктору Пикарду (веселому и рассеянному человеку, заменившему Литчфилда), то пошел, заранее настроившись на самое худшее. Но оказалось, что у него никакой не рак, а обычный геморрой, который, как сказал доктор Пикард, «вывалился наружу». Он выписал Ральфу рецепт на свечи, которые Ральф купил в аптеке «Первая помощь». Джо Вайзер прочел рецепт, а потом весело ухмыльнулся.

— Не самая приятственная болезнь, — сказал он, — но куда лучше, чем рак толстой кишки, тебе не кажется?

— А я и не думал, что это рак, — сухо ответил Ральф.

Однажды, зимой 1997-го, Луиза решила прокатиться с горки на пластмассовой «летающей тарелке» Натали Дипно. Она спустилась «быстрее, чем свинья по смазанному скату» (это были слова Дона Визи, который случайно проходил мимо и видел все своими глазами), и врзалась в стену женского туалета. Она потянула колено и вывихнула что-то в спине, и хотя Ральф понимал, что этого делать нельзя — это было как минимум бестактно и выставляло его жестким бесчувственным чурбаном, — но он все равно истерически хотел всю дорогу до больницы. Кстати, Луиза сама смеялась, несмотря на боль, но от этого Ральфу было не легче. Он смеялся, пока у него из глаз не брызнули слезы и ему не начало казаться, что сейчас его хватит удар. Она выглядела так по-наша-Луизовски, черт возьми, когда катилась вниз по склону холма на этой пластмассовой штучке, вертясь волчком и сложив ноги наподобие этих восточных йогов, и она едва не повалила этот злосчастный туалет, когда в него врзалась. Она полностью выздоровела к началу весны, хотя колено с тех пор всегда ныло в дождливые ночи, а сама Луиза уже готова была задушить Дона Визи, который при каждой встрече всякий раз спрашивал, сколько еще сортиров она снесла.

Жизнь шла своим чередом. Самая обыкновенная жизнь, которая часто проходит где-нибудь между строк и за полями. Именно так и бывает, когда мы начинаем строить обширные планы в соответствии с чужой мудростью, и жизнь Ральфа Робертса на протяжении всех этих лет казалась ему самому чудес-

ной — наверное, потому, что он не строил никаких планов. Он дружил с Джо Вайзером и Джоном Лейдекером, но его лучшим другом все эти годы была жена. Они почти всегда были вместе и так редко ссорились, что можно даже сказать, никогда. А еще у него были гончая Розали, кресло-качалка, которое раньше служило покойному мистеру Чессу, и почти ежедневные визиты Натали (которая теперь называла их Ральфом и Луизой, а не Яльфом и Юиссой, от чего им вообще-то было чуточку грустно). И он был здоров, что было, наверное, самой главной причиной его хорошего настроения. Это была просто жизнь, с ее краткосрочными взлетами и падениями, и Ральф жил этой жизнью, и был спокоен и почти что счастлив, до середины марта 1998 года, когда он проснулся однажды утром, посмотрел на часы у кровати и увидел на них цифры: 5.49 утра.

Он тихо лежал рядом с Луизой, не решаясь встать, чтобы не побеспокоить ее, и думал о том, что его разбудило.

Ты знаешь что, Ральф.

Нет, не знаю.

Знаешь, знаешь. Слушай.

И он прислушался. Он слушал очень внимательно. И очень скоро услышал, как будто где-то в стене: тихое, мягкое тиканье часов смерти.

9

Назавтра Ральф проснулся в 5.47, а еще через день — в 5.44. Сон вновь уходил от него, минута за минутой, пока зима в Дерри уступала место весне. К началу мая Ральф уже слышал тиканье часов смерти буквально везде, но разобрался, что исходит оно из одного места и просто проецируется ему в сознание, как чревовещатель может спроецировать свой голос во вне. Раньше это тиканье исходило от Каролины, теперь — от него самого.

Он не чувствовал страха, который сопровождал мысли о раке, не чувствовал и отчаяния, которое переживал во время

предыдущего приступа бессонницы. Он стал быстрее уставать, и ему было сложно сосредоточиваться и запоминать даже самые простые вещи, но он принял все, что с ним происходило, достаточно спокойно.

— Ты нормально спишь, Ральф? — однажды спросила его Луиза. — У тебя под глазами темные круги.

— Это все из-за той наркоты, которую я принимаю, — ответил Ральф.

— Очень смешно, старый ты весельчак.

Он обнял ее и сказал:

— Не беспокойся обо мне, милая... я сплю вполне достаточно.

Неделю спустя он проснулся в 4.02, от того, что шрам у него на руке пульсировал жаром — в унисон с тиканьем часов смерти. Только, само собой, это были не часы, а его собственное сердце. Но это новое ощущение было не связано с сердцем. Ощущение было такое, как будто ему в руку вживили нить накаливания и подвели к ней ток.

Это шрам, подумал он, а потом: Нет, это напоминание о том, что они сдержат слово. Время почти пришло.

Кто «они», Ральф? Время пришло для чего?

Он не знал.

10

Однажды, в начале июня, Элен и Натали Дипно зашли к ним в гости и рассказали о том, как они ездили в Бостон с «тетей Мелани», служащей банка, с которой Элен очень сдружилась в последнее время. Элен с тетей Мелани ходила на какие-то встречи феминисток, а Натали оставляла в дневных яслях, где за ней и еще за миллионом детей приглядывали специальные тети, а потом тетя Мелани уехала в Нью-Йорк, а потом — в Вашингтон по своим феминистским делам. А Элен с Натали задержались на пару дней в Бостоне, чтобы просто погулять, посмотреть город.

— Мы ходили в кино на мультики, — сказала Натали. — Это был мультфильм про зверей в лесу. Они разговаривали! —

Последнее слово она произнесла с прямо-таки шекспировским выражением.

— Они очень забавные, мультики, где животные разговаривают, правда? — сказала Луиза.

— Да! А еще мне купили вот это новое платье!

— Очень хорошее платье, — сказала Луиза.

Элен смотрела на Ральфа.

— С тобой все в порядке, старина? Какой-то ты бледный и все время молчишь.

— Со мной все в порядке. Лучше не бывает, — ответил он. — Я просто думаю, как вы забавно смотрите в этих двух кепках. Вы купили их в Фенвей-парке?

На Элен и Натали были одинаковые бейсболки с эмблемой «Бостон Ред Сокс». В теплое время года такие бейсболки в Новой Англии носили почти все поголовно («как в инкубаторе» — сказала бы Луиза), но когда Ральф увидел их на Элен и Натали, его охватило какое-то странное чувство... и почему-то оно было связано с одним мысленным образом, с фасадом «Красного яблока».

Элен сняла свою бейсболку и повертела ее в руках.

— Да, — сказала она. — Мы ходили на матч, но ушли после третьей подачи. Мужчины, бьющие по мячам и ловящие мячи... Наверное, сейчас у меня просто не хватает терпения на мужчин и их мячи... но вот кепочки нам очень нравятся, правда, Натали?

— Ага, — согласилась Натали.

А когда на следующее утро Ральф проснулся в 4.01, шрам на руке снова пульсировал жаром, а часы смерти обрели голос, который повторял странное, чужое имя: *Атросос... Атросос... Атросос...*

Я знаю это имя.

Правда, Ральф?

Да, это который со ржавым скальпелем... тот, кто называл меня коротким, тот, кто забрал... забрал...

Забрал что, Ральф?

Он уже привык к этим безмолвным беседам, воспринимал их как ментальные радиопередачи на пиратской волне, которая

работала только в то время, когда он лежал в постели рядом с женой, ожидая рассвета.

Так что он забрал? Ты не помнишь?

Он не ожидал, что вспомнит — вопросы, которые задавал ему этот голос, почти всегда оставались без ответа, — но на этот раз он вспомнил.

Панаму Макговерна. Атропос забрал панаму Билла, и однажды я так его разозлил, что он откусил от нее кусок.

Кто он, этот Атропос? Кто он такой?

А вот этого он не знал, точнее — не был уверен. Он знал только, что этот Атропос имеет какое-то отношение к Элен, у которой теперь была бейсболка «Бостон Ред Сокс» — бейсболка, которая, кажется, ей очень нравилась, — и еще у него был ржавый скальпель.

Скоро, подумал Ральф Робертс, лежа в темноте и слушая тихое монотонное тиканье часов смерти, доносящееся из стены. Скоро я все узнаю.

11

Где-то в середине того июня Ральф опять начал видеть ауры.

12

Когда июнь сменился июлем, Ральф стал замечать, что часто плачет, причем, как правило, без причины. Это было странно: у него не было никакой депрессии, он даже не был подавлен, но иногда, когда он видел что-то совершенно нейтральное — например, птицу, одиноко летящую в небе, — его сердце начинало ныть от тоски.

Все уже почти кончилось, сказал ему внутренний голос. Это был новый голос: не Каролины, и не Билла, и даже не его самого в молодости. Это был голос какого-то незнакомца, причем вовсе не обязательно злого. *И поэтому тебе грустно, Ральф. Это вполне естественно — грустить, когда все заканчивается.*

Ничего не закончилось! — кричал он в ответ. *С чего бы ему вдруг заканчиваться?! На последнем обследовании доктор Пикард сказал, что я совершенно здоров! Со мной все в порядке! Лучше и быть не может!*

Внутренний голос молчал. Но это было знающее молчание.

13

— Ладно, — сказал Ральф. Дело было в конце июля. Он сидел на скамейке неподалеку от того места, где до 1985 года стояла водозаборная башня, а в 1985 году она обвалилась во время бури. У подножия холма, у пруда, молодой человек (серьезный орнитолог, судя по очкам на носу и по книгам, которые лежали рядом с ним на траве) наблюдал за птицами и делал какие-то записи у себя в блокноте. — Ладно, скажи, почему все почти закончилось? Просто ответь на вопрос.

Ответа не было, но Ральф и не ожидал, что он будет. Путь сюда был неблизкий, день выдался жарким, и он подустал. Теперь Ральф просыпался в районе половины четвертого. Он возобновил свои долгие прогулки, но отнюдь не в надежде на то, что они помогут ему нормально спать; у него было чувство, что он совершает паломничество по своим любимым местам в Дерри. В последний раз. На прощание.

Потому что время почти пришло, — ответил голос, и шрам снова начал пульсировать. *Тебе кое-что пообещали, и ты кое-что пообещал в ответ. И скоро эти обещания исполнятся.*

— Что?! — спросил он раздраженно. — Черт, ну если я давал какое-то обещание, почему я его не помню?!

Серьезный орнитолог услышал его и повернулся в его сторону. Он увидел старика, который сидел на скамейке и разговаривал сам с собой. Молодой человек погрузился и подумал: *Надеюсь, что я умру до того, как состарюсь. Я правда на это надеюсь.*

В голове у Ральфа возникла вспышка — ощущение, что мир моргнул, — и хотя он не вставал со скамейки, он почувствовал, что поднимается все выше и выше... гораздо выше, чем раньше.

Вовсе нет, сказал голос. *Когда-то ты поднимался значительно выше, чем сейчас, Ральф... и Луиза тоже. Но ты добирался дотуда. Очень скоро ты будешь там.*

Молодой орнитолог, который жил, сам не зная того, в окружении яркой золотистой ауры, опасливо огляделся по сторонам, может быть, для того, чтобы убедиться, что этот малость ненормальный старик на холме не подкрадывается к нему с молотком в руках. Старика с молотком он, разумеется, не увидел, но зато увидел кое-что другое... что-то, от чего у него челюсть отвисла. Его глаза широко распахнулись от изумления. Ральф увидел короткие синие полосы, которые побежали по его ауре, и понял, что это было видимое воплощение шока.

Что с ним такое? Что он видит?

Но вопрос был задан неверно. Дело было не в том, что увидел этот парень, а в том, чего он не увидел. Он не увидел Ральфа, потому что он поднялся так высоко, что просто исчез с этого уровня.

Если бы они были тут, я бы их увидел.

Кого, Ральф? Если бы кто был тут?

Клото. Лахесис. И Атропос.

И сразу же все разрозненные кусочки заумной головоломки начали складываться у него в голове в единую картинку. И оказалось, что эта головоломка была вовсе и не такая сложная, какой казалась.

Ральф, шепотом: *[Боже мой. Боже мой. Боже мой.]*

14

Шесть дней спустя Ральф проснулся в четверть четвертого утра и понял, что время пришло. Время исполнить свое обещание. И время, когда исполнится обещанное ему.

15

— Я прогуляюсь до «Красного яблока», куплю мороженого, — сказал он Луизе. Было почти десять часов. Его сердце бешено колотилось в груди, и ему сложно было расслышать собственные мысли из-за переполнявшего его ужаса. Ему совсем не хотелось мороженого, это был просто повод пойти в «Красное яблоко».

Была первая неделя августа, и диктор по радио сказал, что днем температура поднимется выше девяноста градусов по Фаренгейту, а вечером ожидаются грозы.

Ральф подумал, что грозы его уже не волнуют.

В коридоре у двери в кухню Луиза красила книжный шкаф в темно-красный цвет, подстелив под него газеты, чтобы не заляпать пол. Она поднялась на ноги, держась руками за спину, и потянулась. Ральф слышал, как хрустят ее позвонки.

— Я тоже с тобой схожу. А то, если я не отвлекусь продышаться, у меня вечером будет болеть голова. Не знаю, чего мне вдруг стукнуло красить шкаф именно сегодня, в такой душный день.

Ральфу было совсем не нужно, чтобы Луиза сопровождала его в «Красное яблоко».

— Да нет, дорогая, не стоит. Я принесу тебе кокосовое эскимо, твоё любимое. Я даже не буду брать с собой Розали, сейчас так влажно. Может, ты просто подышишь на заднем крыльце?

— Любое эскимо, которое ты понесешь мне в такую погоду, растает еще до того, как ты доберешься до дома, — сказала она. — Пойдем пройдемся по теничке, если там вообще есть тень...

Она вдруг замолчала. До этого она улыбалась, но теперь ее улыбка исчезла, а в глазах появилось отчаяние. Ее серая аура, которая с годами слегка потемнела, замерцала красно-розовыми угольками.

— Ральф, что случилось? Что ты собираешься делать на самом деле?

— Ничего, — сказал он, но шрам у него на руке горел, и тиканье часов смерти было повсюду, громкое, почти оглушительное. Напоминание о том, что у него назначена встреча. Что он давал обещание, которое должен сдерживать.

— Нет, что-то случилось, и это тянется уже два-три месяца, если не больше. Я глупая женщина... я видела, что что-то происходит, но боялась себе в этом признаться. Я боялась. И правильно делала, да? Я была права.

— Луиза...

Она шагнула к нему, быстро, почти скользя — старая травма спины совершенно не сковывала ее движений, — и прежде чем он успел ее остановить, взяла его правую руку и внимательно на нее посмотрела.

Шрам светился ярким красным светом.

Ральф на мгновение понадеялся, что это мерцание существует только в мире аур и что Луиза его не увидит. Но когда она подняла глаза, в них был ужас. Ужас и что-то еще. Ральф подумал, что это было понимание.

— О Господи, — прошептала она. — Люди в парке. Те, с забавными именами... Клото и Лахесис, что-то такое... и один из них разрезал тебе руку. Ральф, Боже мой, что ты собираешься делать?

— Луиза, не надо...

— Не смей мне указывать, что мне надо, а что не надо! — закричала она ему в лицо. — Не смей! Не смей!

Быстрее, прошептал внутренний голос. У тебя нету времени. То, что может случиться, уже начало случаться, и часы смерти могут тикать не только для тебя.

— Мне надо идти. — Он повернулся и пошел к двери. И в спешке он не заметил того, на что обязательно обратил бы внимание Шерлок Холмс: собака, которая должна была залаять — собака, которая всегда лаяла, когда в этом доме повышали голос, — молчала. Розали не было на ее обычном месте, у двери... а сама дверь была приоткрыта.

Но сейчас Ральф не думал о Розали. Он чувствовал, как у него подкашиваются ноги, и ему начало казаться, что он не дойдет до крыльца, не говоря уже о «Красном яблоке». Сердце бешено колотилось в груди; глаза горели.

— Нет! — закричала Луиза. — Нет, Ральф, пожалуйста! Пожалуйста, не оставляй меня!

Она побежала за ним, хватая его за руки. Она все еще держала кисточку, и красные капли, которые забрызгали его рубашку, очень напоминали кровь. Теперь она плакала, и эта скорбь разбивала ему сердце. Он не хотел уходить, оставив ее вот так: он просто не мог так уйти.

Он повернулся и взял ее за руки.

— Луиза, мне надо идти.

— Ты не спишь. — Она опять начала захлебываться словами. — Я знала об этом, и я знала, что что-то не так, но это не важно... мы убежим, мы можем уехать прямо сейчас, сейчас же. Мы только возьмем Розали, зубные щетки... и уедем...

Он сжал ее руки, и она замолчала, глядя на него мокрыми от слез глазами. Ее губы тряслись.

— Луиза, послушай меня. Я должен идти.

— Я уже потеряла Пола, я не хочу потерять еще и тебя! — простонала она. — Я не выдержу этого! Ральф, я просто не выдержу!

Выдержишь, подумал он. Мы, краткосрочники, куда сильнее, чем кажемся. Нам просто приходится быть сильными.

Он почувствовал, что у него по щекам текут слезы, и подумал, что это скорее от усталости, чем от горя. Если бы он мог объяснить ей, что это ничего не изменит, просто ему будет еще тяжелее сделать то, что он должен сделать...

Он держал ее на расстоянии вытянутых рук. Шрам у него на руке горел, как в огне — так сильно он еще никогда не болел, — и ощущение времени, которое начало было пропадать, навалилось на него со всей тяжестью.

— Пойдем. Пройдешь со мной полпути, если хочешь, — сказал он. — Может быть, даже сможешь мне сделать то, что я должен. Я прожил длинную жизнь, Луиза, и это была очень хорошая жизнь. Но у нее еще не было ничего, и будь я проклят, если позволю этому сукину сыну забрать ее только потому, что у него на меня зуб.

— Какой сукин сын? Ральф, Господи, о чем ты говоришь?

— Я говорю о Натали Дипно. Она должна умереть сегодня, и только я могу этому помешать.

— Нат?! Ральф, зачем кому-то ее убивать?!

Она была ошарашена, удивлена... Сейчас она была очень похожа на «нашу Луизу»... но, может быть, за этим глупым фасадом кроется что-то еще? Что-то расчетливое и осторожное? Ральф решил, что так оно и есть. Ему казалось, что Лу-

иза вовсе не удивлена, или почти не удивлена, хотя и хотела казаться удивленной. В конце концов у нее очень здорово получалось косить под дурочку. Она столько лет пудрила мозги Биллу Макговерну — и даже ему самому. И теперь это, похоже, была вариация (хотя и сыгранная гениально) на ту же старую тему.

На самом деле она пыталась его задержать. Она очень любила Натали, но выбор между мужем и маленькой девочкой, дочкой соседки, был ясен. Ее не волновали ни возраст, ни вопросы честности, которые определяли его позицию и его решение. Ральф был ее мужчиной, а для Луизы имело значение только это.

— Ничего у тебя не получится, — сказал он без злости. Мягко освободился и снова пошел к дверям. — Я дал слово, и у меня уже почти не осталось времени.

— Тогда забери его обратно! — закричала она, и его поразила ее голос, в котором ужас смешался с яростью. — Я мало что помню про то, что было тогда, но я помню, что нас вовлекли в дела, из-за которых мы чуть не погибли, и по причинам, которые мы даже не могли понять. Ты заключил договор, ну так разорви его, Ральф! Лучше твоя честь, чем мое сердце!

— А как же ребенок? А как же Элен, раз уж на то пошло? Натали — это все, ради чего она живет. Разве Элен не заслуживает...

— Мне плевать, что она заслуживает! Что заслуживают они все! — закричала Луиза, а потом вдруг как-то разом сникла. — Нет, наверное, мне не плевать. Но как же мы, Ральф? Мы что, уже не в счет?! — Ее глаза, темные выразительные глаза умоляли его. Если смотреть в них слишком долго, можно забыть про все на свете, поэтому Ральф отвернулся.

— Я сделаю то, что должен. То, что я хочу сделать. Чтобы у Натали было то, что было и у меня, и у тебя — еще семьдесят лет жизни.

Луиза беспомощно посмотрела на Ральфа, но уже не пыталась его остановить. Вместо этого она расплакалась.

— Старый дурак! — прошептала она. — Старый упрямый дурак!

— Да, наверное, — сказал он и повернул ее лицом к себе. — Но я старый упрямый дурак, который держит свое слово. Пойдем со мной. Я очень хочу, чтобы ты пошла.

— Хорошо, Ральф. — Она с трудом слышала собственный голос, а ее кожа была холодной, как глина. — Что должно случиться с Натали?

— Ее должен сбить зеленый «форд седан». Если я не займу ее место, ее размажет по Харрис-авеню... на глазах у Элен.

16

По дороге к «Красному яблоку» (сначала Луиза отставала, потом ей пришлось догонять его, когда она поняла, что он не замедлит шаг) Ральф рассказал ей все, что помнил. Она тоже кое-что помнила о том, как они спускались под дерево, обожженное молнией, возле аэропорта — до сегодняшнего утра это воспоминание казалось ей дурным сном, — но ее не было рядом во время финальной схватки Ральфа с Атропосом. И теперь Ральф рассказал ей о случайной смерти, которой Атропос пригрозил Натали, если Ральф не перестанет ему мешать. Он рассказал ей, как заставил Клото с Лахесисом дать ему слово, что они не допустят, чтобы Атропос исполнил эту угрозу.

— Мне кажется... что решение принимали... очень близко к вершине этого сумасшедшего здания... этой Башни, о которой они говорили. Может быть... даже на самом верху. — Он буквально выдавливал из себя слова, и сердце, казалось, сейчас просто выскочит из груди, но Ральф подумал, что все это можно списать на быструю ходьбу и жаркий день. Он уже не боялся, его страх прошел. И этому очень способствовал разговор с Луизой.

Впереди уже показалось «Красное яблоко». Чуть подальше, на автобусной остановке, стояла миссис Перрин, как обычно, по стойке «смирно», словно солдат на параде. В руках она

держала авоську, с которой обычно ходила за продуктами. Под крышей остановки, наверное, был тенок, но миссис Перрин никогда не искала легких путей. Даже в ярком солнечном свете Ральф видел ее чопорную серую ауру, которая была абсолютно такой же, как и тем вечером в 1993 году. Элен и Натали пока еще не было видно.

17

— Разумеется, я знала, кто это, — говорила потом Эстер Перрин репортеру из «Дерри ньюз». — Я что, похожа на человека, который выжил из ума?! Я знала Ральфа Робертса больше двадцати лет. Хороший человек. Не такой милый, как его первая жена — Каролина была из Саттервейтов, из Бангорских Саттервейтов, — но все равно очень хороший. И я узнала водителя этого зеленого «форда». Пит Салливан. Он шесть лет приносил мне газеты — и работал на совесть. Не то что этот мальчишка Моррисонов, который работает сейчас... все время закидывает газеты то на клумбу, то на крышу крыльца. Пит ехал со своей мамой, по ученическому разрешению, я так думаю. Надеюсь, он не сильно пострадает от того, что случилось, потому что на самом деле это была не его вина. Я все видела и могу заявить об этом со всей ответственностью.

Наверное, вы думаете, что я слишком много болтаю. И не возражайте, у вас на лице все написано. Но вы не волнуйтесь, я уже почти все сказала, что нужно. Я знала, что это был Ральф, но тут есть одна деталь... наверняка вы поймете ее неправильно, даже если и вставите в вашу историю... а скорее всего вы не станете этого делать. Он появился из ниоткуда, чтобы спасти эту девочку.

Молодой репортер вежливо молчал, но Эстер Перрин все равно пригвоздила его взглядом к месту; так, наверное, юный натуралист насаживает на булавки бабочек.

— Я не имею в виду, что это выглядело, как будто он появился из ниоткуда, хотя, могу поспорить, вы так и напишете.

Она наклонилась к репортеру, пристально глядя ему в глаза, и медленно проговорила:

— Он появился из ниоткуда, чтобы спасти эту девочку. Вы меня понимаете? Из ниоткуда.

18

На следующий день вся первая полоса «Дерри ньюз» была посвящена несчастному случаю возле «Красного яблока». Эстер Перрин была весьма колоритна в своих замечаниях по поводу произошедшего, и на фотографии в газете она была очень похожа на Ма Джоад из «Гроздьев гнева». Боковая колонка, где было напечатано это интервью, вышла под заголовком: «БЫЛО ПОХОЖЕ, ЧТО ОН ПОЯВИЛСЯ ИЗ НИОТКУДА», — ГОВОРИТ СВИДЕТЕЛЬНИЦА ТРАГЕДИИ.

Когда миссис Перрин это прочла, она совершенно не удивилась.

19

— В конце концов я получил, что хотел, — сказал Ральф, — но только потому, что Клото с Лаксисом... и те ребята на верхних уровнях, на которых они работают... отчаялись остановить Эда.

— На верхних уровнях? Каких таких верхних уровнях? Какой такой башни?

— Не важно. Ты забыла, но даже если бы ты не забыла, это бы ничего не изменило. Понимаешь, Луиза, они собирались остановить Эда вовсе не потому, что если бы он врезался в Общественный центр, погибли бы тысячи людей, а потому, что им любой ценой нужно было сохранить жизнь одному человеку, ребенку, который — по их расчетам — будет там в этот вечер. Когда мне удалось заставить их понять, что я чувствую то же самое по отношению к своему ребенку, мы заключили это соглашение.

— Это когда они тебя резали, да? И тогда ты дал им это самое слово. О котором ты постоянно говорил во сне.

Он удивленно взглянул на нее.

— Наверное. — Воздух в легких напоминал металлические стружки. — Жизнь за жизнь, такова была сделка, жизнь Натали в обмен на мою. И...

[Эй! Не увливай, псина, а то я тебе надаю по заднице!]

Ральф загнулся при звуках это тонкого, визгливого, до боли знакомого голоса — голоса, которого не слышал больше никто, да и не мог услышать — и посмотрел через улицу.

— Ральф? Что...

— Тс-с-с!

Ральф прислонился к засохшей от жары живой изгороди у дома Апплбаумов. Он истекал потом, казалось, что все его тело покрыто слоем липкой испарины, словно машинным маслом; он буквально чувствовал, как каждая клеточка его тела отдаст свою жидкость в кровь. Труссы врезались в задницу. Язык был похож на кусок расплавленного металла.

Луиза проследила за его взглядом.

— Розали! — закричала она. — Розали, ты плохая собака! Что ты тут делаешь?

Черно-палевая гончая, которую она подарила Ральфу на их первое Рождество, стояла (хотя слово съежилась подошло бы больше) на тротуаре напротив дома, где раньше жили Элен и Натали — до того, как Эд окончательно съехал с катушек. Первый раз за все эти годы эта собака напомнила Луизе Розали номер один. Рядом с Розали номер два вроде бы не было никого, но почему-то это не успокоило Луизу, ее сердце сжалось от ужаса.

Что я наделала? — подумала она. Что я наделала?

— Розали! — закричала она. — Розали, иди сюда!

Собака ее услышала — Луиза поняла, что услышала, — но не сдвинулась с места.

— Ральф? Что происходит?

— Тс-с! — опять шикнул он, и тут Луиза увидела. У нее перехватило дыхание. Ее последняя, отчаянная надежда, что

ничего не происходит, что Ральфу все это мерещится, что это была только вспышка воспоминаний о том, что они пережили, исчезла, потому что теперь их собака была не одна.

Держа в правой руке скакалку, шестилетняя Натали Дипно дошла до края тротуара и посмотрела на дом через дорогу (она, конечно, не помнила, что когда-то она там жила) и на газон, где когда-то сидел ее отец среди перекрестных сияющих радуг и слушал «Джефферсон Эпплейн», и пятнышко крови подсыхало на его круглых очках а-ля Джон Леннон. Натали смотрела через дорогу и улыбалась Розали, которая, в свою очередь, жалобно скулила и смотрела на нее несчастными, испуганными глазами.

20

Атропос меня не видит, подумал Ральф. *Он занят Рози... и Натали, разумеется... и он меня не видит.*

Зрение вдруг обрело невообразимую четкость. Вот дом. Вот Розали. Вот Атропос. Вот его шляпа, в которой он был похож на репортера из гангстерских фильмов 50-х годов, например, Ида Люпино. Только на этот раз это была не панاما с надкусанными полями, а бейсболка «Бостон Ред Сокс», и она была маловата даже Атропосу, так что он ее зафиксировал на последней дырочке ремешка. Эта бейсболка могла бы быть в пору маленькой девочке... собственно, это и была бейсболка маленькой девочки.

Так, теперь нам нужен газетчик Пит, и можно начинать съемки, подумал Ральф. Финальная сцена. «Бессонница, или Жизнь краткосрочника с Харрис-авеню», трагикомедия в трех частях. Все берутся за руки и выходят на бис.

Розали номер два боялась Атропоса, так же как и Розали номер один, и причина, почему маленький доктор не видел Ральфа с Луизой, была проста: он пытался не дать ей убежать до нужного момента. А потом появилась Натали и пошла к своей любимой знакомой собачке, Рози. Ее скакала

(три, шесть, девять, сто одно, гусь с гусиной пил вино)

покачивалась у нее в руке. В матроске и синих шортах она была невыразимо милой и казалась невыразимо хрупкой. Смешные хвостики на макушке подрагивали в такт движению.

Все происходит так быстро, подумал Ральф. Слишком быстро.

[Вовсе нет, Ральф! Ты замечательно справился пять лет назад, и ты замечательно справишься и сейчас.]

Вроде бы голос Клото, но у Ральфа не было времени посмотреть. Зеленая машина медленно катилась по Харрис-авеню от аэропорта, продвигаясь вперед с той натужной осторожностью, которая обычно означает, что водитель очень стар или, наоборот, очень молод. Осторожность — не осторожность, но это была та машина, и грязная пленка висела над ней, как саван.

Жизнь — это колесо, подумал Ральф, и ему показалось, что эта мысль приходила к нему и раньше. Рано или поздно ты возвращаешься к тому, что когда-то оставил позади. Хорошо это или плохо, не знаю, но так получается.

Рози еще раз судорожно дернулась, пытаясь освободиться, и когда Атропос потащил ее назад, уронив при этом бейсболку, Натали присела перед ней на корточки и погладила ее по голове.

— Ты потерялась, собачка? Зачем ты сама пошла гулять? Ладно. Сейчас я тебя отведу домой. — Она обняла Розали. Ее маленькие ручки прошли сквозь руки Атропоса, ее милое личико оказалось всего в паре миллиметров от его уродливой ухмыляющейся рожи. Потом она встала. — Пойдем, Розали! Пойдем, хорошая!

Розали пошла по тротуару следом за Натали, повизгивая и со страхом оглядываясь на маленького ухмыляющегося человечка. Элен вышла из магазина на другой стороне Харрис-авеню, тем самым завершив картину, которую Атропос когда-то показал Ральфу. У нее на голове была бейсболка «Ред Сокс».

Ральф обнял Луизу и быстро ее поцеловал.

— Я люблю тебя, очень-очень, — сказал он. — Помни об этом, Луиза.

— Я знаю, — спокойно сказала она. — Я тоже тебя люблю. И поэтому я не могу тебя отпустить.

Она обхватила его за шею, ее руки были как железные крючья, и он почувствовал, что она прижалась к нему так тесно, что у него вышел весь воздух, который еще оставался в легких.

— Уходи, проклятый ублюдок! — закричала она. — Я тебя не вижу, но я знаю, что ты там! Уходи! Уходи и оставь нас в покое!

Натали остановилась и удивленно уставилась на Луизу. Розали тоже остановилась, наострив уши.

— Не выходи на дорогу, Нат! — крикнула ей Луиза. — Не...

И тут она поняла, что ее руки, которые она сцепила на затылке у Ральфа, держат лишь пустоту.

Ральф растаял, как дым.

21

Атропос обернулся на крик и увидел Ральфа с Луизой на другой стороне улицы. И что самое главное: он увидел, что Ральф видит его. Его глаза стали большими, как блюдца, а губы скривились в страшной гримасе. Одна рука машинально потянулась к голове, покрытой белесыми шрамами — память о глубоких порезах, которыми Ральф изукрасил его лысую черепушку его же скальпелем, — в безотчетном жесте защиты, который запоздал на пять лет.

[Да пошел ты, короткий! Эта маленькая сучка — моя!]

Ральф посмотрел на Нат, которая неуверенно и удивленно таращилась на Луизу. Он слышал, как Луиза кричит, чтобы она не выходила на дорогу. А потом он услышал голос Лахеси-са, который был где-то рядом.

[Поднимайся, Ральф! Как можно выше, насколько сможешь! Быстрее!]

Он почувствовал вспышку в голове, почувствовал, как светло живот, а потом мир вокруг расцвел невероятными красками. Он наполовину видел, наполовину чувствовал руки Луизы, которые сжимали пустоту на том месте, где секунду назад был он, а потом он отошел от нее — нет, скорее его унесло от нее. Он почувствовал, как на него что-то давит, и понял, что

Высшая Предопределенность все-таки существует, и что он теперь стал его частью, и что скоро его унесет поток этой самой Предопределенности.

Натали и Розали стояли теперь прямо перед домом, в котором раньше жил Ральф — до того, как переехал к Луизе. Натали с сомнением посмотрела на Луизу, а потом помахала ей рукой:

— С ней все в порядке, Луиза. Смотри, вот она. — Она погладила Розали по голове. — Не волнуйся, я переведу ее через дорогу. — Она шагнула на проезжую часть и крикнула маме: — Я не нашла свою кепку! Наверное, ее кто-то украл!

Розали все еще стояла на тротуаре. Натали нетерпеливо повернулась к ней.

— Пойдем, собачка!

Зеленая машина уже приближалась, но очень медленно. На первый взгляд она не представляла особой угрозы для девочки. Ральф сразу узнал водителя и не усомнился в увиденном, даже и не подумал, что у него галлюцинации. Ему почему-то казалось правильным, что за рулем этого автомобиля должен быть именно газетчик.

— Натали! — закричала Луиза. — Натали, нет!

Атропос наклонился вперед и шлепнул Розали номер два по задку.

[Вали отсюда, псина! Давай! Пока я не передумал!]

Атропос наградил Ральфа последней торжествующей ухмылкой. Розали взвизгнула и побежала по улице... прямо под колеса «форда», за рулем которого сидел шестнадцатилетний Пит Салливан.

Натали не видела машину, она смотрела на Луизу, которая стояла на тротуаре с искаженным от страха лицом. Она наконец поняла, что Луиза кричала ей не про собаку, а про что-то другое.

Пит заметил собаку, он не заметил девочку. Он резко свернул, чтобы не задавить Розали, и получилось так, что машина поехала прямо на Натали. Ральф увидел два испуганных лица

за лобовым стеклом и подумал, что миссис Салливан наверняка кричит.

Атропос радостно завопил, подпрыгивая на месте:

[Ага, короткий! Глупый седой идиот! Я же говорил, что я тебя сделаю!]

Как в замедленной съемке, Элен уронила хлеб, который несла в руках.

— Натали, **ОСТОРОЖНО!** — закричала она.

Ральф побежал. И вновь возникло ощущение, что он передвигается с помощью мыслей. И когда он приблизился к Натали, которая шла по дороге, не замечая несущейся на нее машины, он буквально нырнул вперед, шурясь на яркие блики, которые отражались от «форда» прямо ему в глаза даже через мешок смерти, и снова переключил сознание, в последний раз возвращаясь на краткосрочный уровень.

Он упал в реальность, полную оглушительных звуков: крики Элен, вопли Луизы и визг тормозов. И сквозь все это явно пробивался зубовой скрежет Атропоса. Ральф увидел большие синие глаза Натали и толкнул ее как можно сильнее, так что она отлетела назад, размахивая руками и ногами. Она приземлилась в канаву, у нее на виске красовалась царапина, но, судя по всему, она ничего себе не сломала. Ральф услышал, как кричит Атропос: он был в ярости и не верил своим глазам.

А потом «форд» наехал на Ральфа на скорости двадцать миль в час, и вся эта звуковая дорожка разом кончилась. Он очень медленно взлетел в воздух и так же медленно стал падать — по крайней мере ему показалось, что медленно, — у него на щеке отпечатался логотип «форда», похожий на странную татуировку, а сломанная нога неловко вывернулась назад. У него еще было время увидеть, что тень, скользящая за ним по тротуару, похожа на букву Х, было время увидеть красные капли в воздухе и подумать, что Луиза все-таки перестаралась со своей краской. И было время увидеть, что с Натали все в порядке. Она сидела на тротуаре и плакала, но с ней все было в порядке... и

еще было время почувствовать, как Атропопс у него за спиной потрясает кулаками и приплясывает от ярости.

Кажется, для старого пердуна я справился очень даже неплохо, подумал Ральф, а теперь мне нужно отдохнуть, очень нужно отдохнуть.

А потом он ударился об асфальт с отвратительным шмякающим звуком и покатился — его череп треснул, позвоночник сломался, легкие были пробиты маленькими кусочками костей из раздробленной грудной клетки, его желудок превратился в кровавое месиво, кишки порвались.

И это было совсем не больно.

Совсем-совсем.

22

Луиза никогда не забудет ужасный звук, с которым Ральф упал на асфальт, и кровавый след, который он за собой оставил. Она хотела закричать, но не осмелилась, потому что поняла: если она сейчас закричит, то упадет в обморок — от потрясения и ужаса, и еще из-за жары, — а когда она придет в себя, Ральфа уже не будет.

И вместо того чтобы закричать, она побежала к нему, потеряв по дороге одну туфлю. Краем глаза она заметила, что Пит Салливан уже вылезает из «форда», который остановился почти на том же самом месте, что и машина Джо Вайзера — кстати, тоже «форд», — когда Джо сбил Розали номер один, черт-те сколько лет назад. И еще она заметила, что Пит плачет.

Она добежала до Ральфа, распростертого на асфальте, и упала перед ним на колени. Он был каким-то совсем не таким; тело в знакомых штанах и запачканной краской рубашке разительно отличалось от того, которое она прижимала к себе еще меньше минуты назад. Но его глаза были открыты, и они были ясными и осмысленными.

— Ральф?

— Да? — Его голос тоже был нормальным, даже сильным, в нем не было ни страдания, ни боли.

Она начала было его поднимать, но потом передумала, вспомнив, что нельзя сдвигать с места раненых людей, потому что можно все испортить, а то и вовсе убить человека. Потом она снова посмотрела на него: на кровь, что текла по его губам, на то, как его ноги, казалось, существовали отдельно от туловища, — и решила, что сделать хуже уже невозможно. Она обняла его, окунувшись в запах катастрофы: кровь и сладкий запах ацетона смешались в его дыхании с адреналином.

— У тебя получилось, да? — спросила она, заливаясь слезами и покрывая поцелуями его лицо: в щеку, залитые кровью глаза, лоб, где кожа оторвалась от черепа. — Посмотри на себя! Рубашка порвана, штаны порваны... ты что думаешь, что одежда растет на деревьях?!

— С ним все в порядке? — спросила Элен у нее за спиной. Луиза не обернулась, но она увидела тени на асфальте: Элен, которая обнимала за плечи Натали, и Розали у правой ноги Элен. — Он спас жизнь Натали... я даже не поняла, откуда он взялся. Пожалуйста, Луиза, скажи, что с ним...

А потом тени поменяли форму. Элен встала так, чтобы как следует рассмотреть Ральфа, она притянула к себе Натали, чтобы та не смотрела, и тихо заплакала.

Луиза склонилась над Ральфом, глядя его по щекам. Она хотела сказать ему, что собиралась пойти вместе с ним — она правда хотела, но все получилось так быстро...

— Я люблю тебя, милая. — Ральф протянул руку и тоже погладил ее по щеке. Он пытался поднять и левую руку, но она не шевелилась.

Луиза взяла его за руку и поцеловала.

— Я тоже тебя люблю, Ральф. Очень-очень.

— Мне надо было так сделать. Ты понимаешь?

— Да. — Она не знала, действительно ли она понимает это, не знала, сможет ли когда-нибудь понять... но она знала, что он умирает. — Да, я понимаю.

Он вздохнул — до нее снова донесся сладкий запах ацетона — и улыбнулся.

— Миз Чесс? Миз Робертс то есть? — Это был Пит, и говорил он свистящим шепотом. — Мистер Робертс в порядке? Пожалуйста, скажите ему, что я не хотел...

— Не подходи, Пит, — сказала она, не оборачиваясь. — С Ральфом все хорошо. Он только немного порвал штаны и рубашку... правда, Ральф?

— Да, — сказал он. — А как же иначе. Тебе придется зашить...

Он замолчал и посмотрел влево. Там никого не было, но Ральф улыбнулся.

— Лахесис!

Он протянул свою трясущуюся окровавленную руку, и она дважды поднялась и опустилась в воздухе, это видели и Луиза, и Элен, и даже Пит. Ральф опять перевел взгляд; теперь он смотрел вправо. Медленно, очень медленно, он протянул руку в том направлении. На этот раз, когда он заговорил, его голос дрожал и срывался.

— Привет, Клото. А теперь запоминай: это... не... больно. Правильно?

Ральф как будто прислушался, а потом рассмеялся.

— Да, — прошептал он. — Главное — не напрягаться.

Его рука вновь поднялась и упала в воздухе. Он посмотрел на Луизу своими мутнеющими голубыми глазами.

— Слушай. — Слова давались ему с трудом, но глаза горели, не давая ей отвести взгляд. — Каждый день, когда я просыпался рядом с тобой, я себя чувствовал молодым и видел все... по-новому. — Он опять попытался провести рукой по ее щеке, но не смог. — Каждый день, Луиза.

— И я тоже, Ральф... просыпалась как будто бы молодой.

— Луиза?

— Что?

— Тиканье, — сказал он. Поперхнулся, но потом произнес это слово еще раз, с большим трудом. — Тиканье.

— Какое тиканье?

— Не важно, его больше нет, — сказал он и улыбнулся. А потом его тоже не стало.

Клото и Лахесис смотрели на Луизу — как она плачет над мертвым человеком, лежащим на улице. В одной руке Клото держал свои ножницы; другую он поднял к глазам и принялся сосредоточенно ее рассматривать.

Она мерцала аурой Ральфа.

Клото: *[Он здесь, внутри... как это красиво!]*

Лахесис поднял правую руку. Как и левая рука Клото, она была частично синей, как будто на его золотисто-зеленую ауру надели синюю варежку.

Лахесис: *[Да. Он был замечательным человеком.]*

Клото: *[Может быть, отдадим его ей?]*

Лахесис: *[А у нас получится?]*

Клото: *[Есть только один способ выяснить.]*

Они шагнули к Луизе и положили ей на лицо ту руку, которую пожал Ральф.

— Мамочка! — закричала Натали Дипно. Волнуясь, она снова начала картавить и коверкать слова. — Кто эти маленькие люди? Почему они т'огают Юису?

— Тс-с, дорогая, — сказала Элен и снова прижала голову Натали к своей груди. Рядом с Луизой Робертс не было никаких людей, ни маленьких, ни больших; она стояла на коленях, склонившись над человеком, который спас жизнь ее дочери.

Луиза вдруг подняла глаза и с удивлением огляделась. Ее печаль позабылась, когда сильное чувство

(свет, синий свет)

покоя и мира переполнило ее душу. На секунду Харрисавеню не стало. Она оказалась в каком-то темном месте, где

пахло коровами и свежим сеном; в темном месте, пронизанном тонкими лучиками золотого света. Она никогда не забудет ту радость, которая захлестнула ее в тот момент, а вместе с радостью пришла и уверенность, что она видит вселенную, которую хотел показать ей Ральф, вселенную, где за темнотой обязательно есть яркий свет... вот он, здесь, она его видит сквозь щели.

— Вы простите меня? — всхлипывал Пит. — Боже ты мой, вы когда-нибудь сможете меня простить?

— Да, мне кажется, что смогу, — спокойно сказала Луиза.

Она провела рукой по лицу Ральфа, закрывая ему глаза, а потом сложила руки на коленях и села ждать полицию. Ей казалось, что Ральф уснул. И — она это видела точно — белый шрам у него на руке исчез.

10 сентября 1990 — 10 ноября 1993 года.

Исключительные права на публикацию книги
на русском языке принадлежат издательству AST Publishers.
Любое использование материала данной книги,
полностью или частично, без разрешения
правообладателя запрещается.

Литературно-художественное издание

16+

Кинг Стивен

Бессонница

Роман

Компьютерная верстка: В.А. Смехов
Технический редактор О.В. Панкрашина

Подписано в печать 11.08.17. Формат 84х108 1/32.
Усл. печ. л. 40,32. Доп. тираж 3000 экз. Заказ № 7575.

Общероссийский классификатор продукции
ОК-005-93, том 2; 953000 — книги, брошюры

ООО «Издательство АСТ»
129085, г. Москва, Звездный бульвар, д. 21, строение 1, комната 39
Наш электронный адрес: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru
ВКонтакте: vk.com/ast_neoclassic

«Баспа Аста» деген ООО
129085, г. Москва, жұлдызды бульвар, д. 21, 1 кұрылым, 39 бөлме
Біздің электрондық мекенжайымыз: www.ast.ru
E-mail: neoclassic@ast.ru

Қазақстан Республикасында дистрибутор
және өнім бойынша ырыз-талаптарды қабылдаушының
өкілі «РДЦ-Алматы» ЖШС, Алматы қ., Добровольский көш., 3-а, литер Б, офис 1.
Тел.: 8(727) 2 51 59 89, 90, 91, 92, факс: 8 (727) 251 59 12 вн. 107;
E-mail: RDC-Almaty@ekanto.kz
Өнімнің жарамдылық мерзімі шектелмеген.

Өндiрген мемлекет: Ресей
Сертификация қарастырылмаған

Отпечатано с готовых файлов заказчика
в АО «Первая Образцовая типография»,
филиал «УЛЬЯНОВСКИЙ ДОМ ПЕЧАТИ»
432980, г. Ульяновск, ул. Гончарова, 14

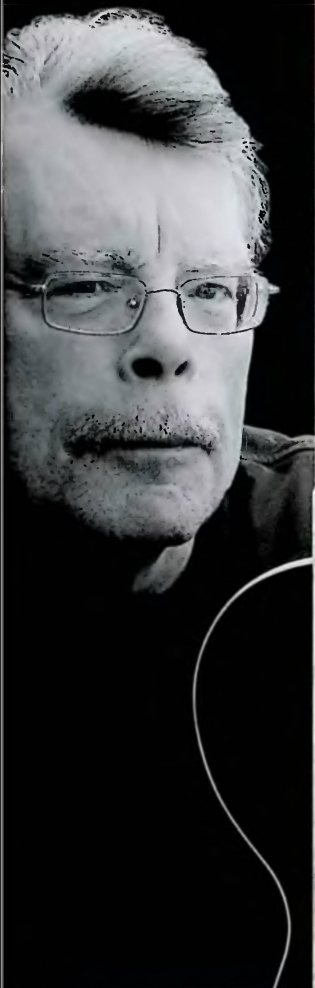
Спрашивайте во всех книжных!

**Уже в продаже
«СТРАНА РАДОСТИ» —
новая захватывающая история
от Стивена Кинга!**

Студент Девин Джонс, решивший подработать в парке развлечений «Страна радости», внезапно словно попадает в своеобразный параллельный мир.

Здесь живут по своим правилам, говорят на особом языке и очень не любят, когда кто-то задает «лишние» вопросы. Особенно – если они касаются убийства молодой девушки Линды Грей, тело которой было обнаружено в парке, в павильоне «Дом ужасов».

Пытаясь найти ответы на эти вопросы, Девин понимает: за ярким фасадом парка развлечений скрываются опасные тайны, а если разворошить прошлое обитателей «Страны радости», то его собственная жизнь может непостижимым образом измениться раз и навсегда...

Стивен Кинг — один из самых популярных писателей нашего времени.

Его читают подростки и взрослые, женщины и мужчины — все, кто стремится лучше понять себя и других, а также изменчивый и непредсказуемый мир, в котором мы живем.

Стивену Кингу подвластны все жанры: он — автор великолепных романов, потрясающих повестей и блистательных рассказов.

Среди шедевров Мастера — полное мистики и саспенса «Сияние», приоткрывающая тайны человеческого сознания «Мертвая зона», удивительно трогательная и в то же время невероятно жесткая «Зеленая миля», леденящая кровь «Кэрри», «жемчужина» фэнтези «Темная Башня» и многое-многое другое...

Бессонница рано или поздно приходит — так подсказывает житейский опыт. Но что делать, если она растягивается на многие месяцы? Если бессонные ночи наполнены кровавыми видениями, которые подозрительно напоминают реальность? Ральф Робертс не знает ответов на эти вопросы, наверняка ему известно лишь одно: еще немного — и он сойдет с ума...

www.ast.ru

ISBN 978-5-17-079700-4

9 785170 797004